ИСТОРИЯ
ПОЛИТИКА
ДЕТЕКТИВ

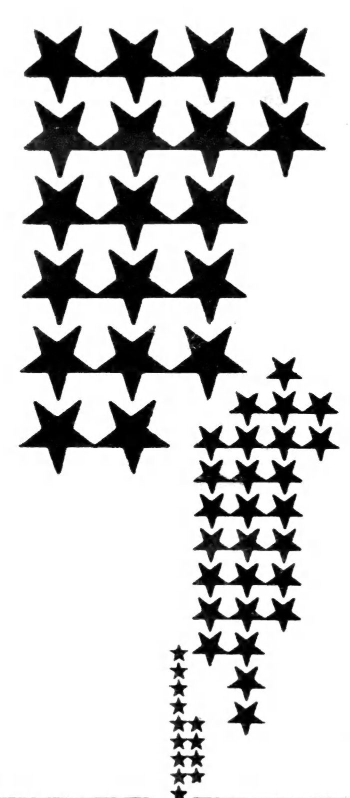
Еремей ПАРНОВ

Заговор против маршалов

Еремей ПАРНОВ

Заговор против маршалов

МОСКВА
1991

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ББК 84Р7-4
П18

Парнов Е. И.

П18 Заговор против маршалов: Роман.— М.: Политиздат, 1991.— 574 с.
ISBN 5—250—01144—6

Проза и публицистика Еремея Парнова хорошо известны читателям. Его научно-фантастические и приключенческие книги, очерки о странах Востока и повести на историко-революционные темы получили широкий отклик. Произведения Е. Парнова изданы во многих странах Европы, Азии, Северной и Южной Америки.

В Политиздате вышли снискавшие общественное признание книги Е. Парнова «Боги лотоса» и «Трон Люцифера»; художественно-документальные повести «Секретный узник» (об Э. Тельмане), «Посевы бури» (об Я. Райнисе), «Витязь чести» (о Ш. Петефи), «Под солнцем багряным» (об У. Тайлере).

Новый роман Еремея Парнова «Заговор против маршалов» повествует о драматических событиях, предшествовавших Великой Отечественной войне. Речь идет о так называемом «военно-фашистском заговоре» в РККА, о процессе над выдающимися военачальниками, уничтоженными по указанию Сталина. Большое внимание уделено и фальшивке, сфабрикованной нацистской службой безопасности, кровно заинтересованной в политической дискредитации М. Н. Тухачевского, других советских маршалов и командиров, ставших в скором времени жертвами репрессий. В романе использованы многочисленные, подчас неизвестные широкой общественности документы.

П $\frac{0503020000—006}{079(02)—91}$ 113—91 ББК 84Р7

ISBN 5—250—01144—6

Маршал Советского Союза
ТУХАЧЕВСКИЙ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ

Командарм 2-го ранга
КОРК АВГУСТ ИВАНОВИЧ

Командарм 1-го ранга
ЯКИР ИОНА ЭММАНУИЛОВИЧ

Командарм 1-го ранга
УБОРЕВИЧ ИЕРОНИМ ПЕТРОВИЧ

Комкор
ПУТНА ВИТОВТ КАЗИМИРОВИЧ

Комкор
ЭЙДЕМАН РОБЕРТ ПЕТРОВИЧ

Комкор
ПРИМАКОВ ВИТАЛИЙ МАРКОВИЧ

Комкор
ФЕЛЬДМАН БОРИС МИРОНОВИЧ

Армейский комиссар 1-го ранга
ГАМАРНИК ЯН БОРИСОВИЧ

1

Небывалое в человеческой жизни равенство мнится в чахлом свете неких хранилищ, почти надмирных в своем режимном таинстве. Стынет кровь при одном только взгляде на бесконечные полки и сейфы, на ярусы папок неисчислимых. Как плотно втиснуты они в правильный строй потустороннего воинства, как недвижимо-безмолвны до срока... И расписаны номера, и проштемпелеваны секретные грифы, и мерещится, что где-то там, далеко-далеко, охряной с волоконцами древесины картон обернулся сукном солдатских шинелей. Неисчислимая рать полегла в деревянных гробах и бронированных саркофагах задолго до первого боя.

Личное дело, досье, наблюдательное производство — названия, право, условны. Материал, согласно общему распорядку, аккуратно подшивается, размножаясь по мере надобности в машинописных копиях, и перетекает из одного ведомства в другое, из папки в точно такую же папку, как ее ни называй.

И мерещится в регламенте скрытного перетока упорное просачивание грунтовых вод. Непреклонность стихии угадывается. Неотвратимость конечного уравнения.

Артузов поднялся в лифте на третий этаж и пошел по длинному, ярко освещенному коридору, устланному красной дорожкой. Войдя в приемную наркома, он обратил внимание на незнакомого молодого человека за секретарским столом. Всесильный Буланов, видимо, куда-то отлучился.

Артур Христианович коротко кивнул и прямиком направился к дверям кабинета.

— Обождите, пожалуйста,— остановил его незнакомец с тремя шпалами на малиновых петлицах.— Товарищ нарком просил не беспокоить.

Артур Христианович опустился в глубокое кожаное кресло, положив на колени тонкую папку с документами. Ягода либо принимал кого-то очень ответственного, либо разговаривал по телефону с Кремлем. Режим на эти вещи последнее время ужесточился до крайности. Бывало, что нарком выставлял из кабинета даже своих заместителей. Артузов пришел в точно назначенный час. Непредвиденная отсрочка лишь усугубила гнетущее ощущение роковой, непоправимой ошибки, которую, сам того не ведая, он вовремя не заметил, и плывет теперь по течению, раз за разом отрезая дорогу назад.

Ближайший сотрудник Дзержинского, много лет проработавший с Вячеславом Рудольфовичем Менжинским, Артузов впервые поймал себя на том, что простонапросто неспособен или, того хуже, не решается продумать ситуацию до логического конца. Первоначальная вспышка тревоги осознавалась поразительно верно, даже провидчески. Он именно плыл по течению вместе со всеми. С товарищами по работе, с толпой на вечерней улице, где вроде бы не наблюдалось никаких существенных перемен, со всей необъятной от края до края страной. Тут-то и скрывалась очевидная абберация его внутреннего видения. Страна, ее заводы и пашни, марширующие колонны, летящие эскадрильи — все это различалось как бы отдельно от сумрачных лабиринтов, где денно и нощно кипела потаенная работа. Он не только знал о ней много больше любого из тех, кто склонялся к станку или долбил лаву, но мог охватить масштабы, предугадать замах. И странно, это тяжкое преимущество ничуть не прибавляло ему уверенности и прозорливости. Скорее напротив, оно порождало какую-то беспокойную суетность. Справиться с ней удавалось лишь ценой постоянного напряжения, жесточайшего самоконтроля. Стоило на секунду расслабиться, и он ощущал себя одиноким и беззащитным. Почти нагим в продуваемом всеми ветрами заснеженном поле. В один год ушли и Менжинский, и Киров, сразу за ними — Куйбышев...

Много лет Артур Христианович возглавлял отдел контрразведки, слишком многое видел и понимал, о еще большем догадывался, но не решался, трудно по-

верить, не решался объять мыслью ситуацию в целом. Даже наедине с собой. Несся куда-то, подхваченный стремниной, не успевая следить, с какой неправдоподобной стремительностью сближаются стены высоченного шлюза, откуда не выбраться уже никому. Горизонт закрывали стальные ворота последнего створа, за которым ревел водопад. Мозг рвался от нечеловеческого напряжения додумать все разом и до конца, да сердце отказывалось гнать кровь, как только взгляд упирался в непроглядную черноту вороненой проклепанной стали. Словно в адские врата, подозрительно напоминающие Лефортово, но только до самого неба. Злокачественная стремительность перемен отчетливее всего проступала в каменеющих лицах и еще в голосе, обретавшем вдруг несвойственные оттенки. Реакция на внутреннюю ломку у тех, кто ее, конечно, переживал, проявлялась то визгливой ноткой, то раздражением, ничем вроде бы не вызванным, но чаще — грубым ожесточением. Себя не видишь со стороны, обычно не видишь, но за других было стыдно, особенно поначалу, а после все вытеснил страх.

Артузов учился в Петербургском политехническом, где химию читал знаменитый чудак Каблуков, а физику — Скобельцын. Понимание мироустройства на самом тонком — спектральном, вероятностном уровне давало редкое преимущество. Не только в оперативном смысле, когда порядок действий просчитывался чуть ли не с математической строгостью, но в самом широком. Механизм, превращавший человека в послушного исполнителя, был понятен до мельчайших деталей, но это никак не снимало постоянно вспыхивающего, словно сигнал тревоги, вопроса: «Зачем?» И потому, наверное, ему было труднее приспособиться, чем прочим, не обремененным излишним знанием.

— Пройдите, товарищ Артузов,— пригласил временный секретарь, сообразуясь с одному ему понятным треньканьем на телефонном столике.

Нарком был один в необъятном своем кабинете. Горела настольная лампа с жестяными листьями по ободу абажура, бросая отсвет на застекленный портрет вождя. Ворсистый ковер заглушал шаги. Словом, все, как обычно. Разве что сам Ягода выглядел несколько возбужденным. Его и без того красные щеки пятнали багровые тени, и мушка усов, заметно поседевших, непривычно топорщилась, как бы придавая лицу

обиженный вид. Он поднял воспаленные, отмеченные печалью глаза и указал на стул.

— Из Германии поступила информация,— без лишних предисловий начал Артузов,— о якобы существующем в Красной Армии заговоре. Возглавляет его генерал Тургуев.— Раскрыв папку, он бережно опустил ее перед наркомом и взял стул.

— В РККА нет генеральских чинов,— буркнул Ягода и потянулся за очками.

— Всяк зовет на свой лад, Генрих Григорьевич.

— Да, конечно,— нарком надел очки, поморщился и полез в карман галифе за платком. Дохнув на стекла, небрежно протер и вновь водрузил на место.— Что-то не знаю я такого генерала... Тургуев? — он приблизил к глазам скрепленные листки.

— Мы навели справки. Под этой фамилией в 1931 году в Германию командировался Михаил Николаевич Тухачевский.

— Вот как?.. А что за источник? — Ягода пробежал глазами документ.— Мутноватый источник, вам лично не кажется?

— Так точно, Генрих Григорьевич, источник подозрительный. Видно, кому-то очень хочется...

— А вы не делайте выводов, товарищ Артузов! — нарком раздраженно вздернул подбородок.— Вернее, не очень спешите с выводами,— поправился он, не отрываясь от бумаги, и вдруг закашлялся, роняя капельки слюны на петлицы со звездами генерального комиссара.

Артузов деликатно отвернулся, но краем глаза следил за движением очков вниз по строчкам. Ягода внимательно прочитал оба листка и сразу же вернулся к началу. Но тут горящие под лампой ободки стекол замерли. Генрих Григорьевич думал.

Перечитывать информацию было ни к чему. Требовалось совершенно иное: восстановить нарушенное равновесие. С документом, каким бы он ни был, не считаться нельзя. Его наличие уже само по себе требует полной переоценки. Значит, необходимо переосмыслить взаимодействие разнонаправленных сил, подвести под них новую составляющую. Как и Артузов, Ягода не чуждался абстракций. Навыки статистика помогли ему свести информацию в некое подобие таблицы. Общий баланс подбивался чисто качественно со знаком плюс или минус. Причем без личностных нюансов и полу-

тонов. Старый большевик, подпольщик, он виртуозно ориентировался в сложных перипетиях внутрипартийной борьбы и хорошо знал очень многих людей. Военных — тем более, потому что сам прошел гражданскую на Южном и Восточном фронтах. Став в двадцатом членом Президиума ВЧК, он за четыре года достиг зампредовского поста в ОГПУ. Отсюда и кругозор, позволявший быстро найти наилучший вариант, чему немало способствовала и безотказная память.

Тухачевский, конечно, личность знаменитая — нарком подобрался, сосредоточась,— и с ним куда как непросто... Хозяин его откровенно не любит, и это, в сущности, могло бы решить все. Но, с другой стороны, «победитель и завоеватель Сибири» — кстати, отзыв хозяина — исправно продвигается на высшие посты в партии и государстве. Шутка ли — замнаркома обороны! И это несмотря на все драчки вокруг истории с походом за Вислу. Как же он был опрометчив, что пересек дорогу самому Сталину! Молод, горяч, совершенно неспособен предвидеть. Да и кто бы мог угадать тогда будущего вождя?..

Ягода метнул мгновенный взгляд на Артузова.

А ведь угадали, когда пришлось делать выбор. В двадцать втором уже многое определилось. А вот в двадцатом... И Ленин был полон энергии, и Троцкий на недосягаемой высоте. Тухачевский, кстати, не раз выступал против Троцкого и не примыкал к оппозиции. Пока это явный плюс. Смотря в чьих глазах, конечно. Если хозяин не любит, то не любит за все, даже за добродетели. Они особенно раздражают. Тем более в человеке, который вынудил тебя пойти на отчаянный шаг — дважды не выполнить категорические директивы Москвы. Сталин — Ягода даже усмехнулся про себя, поскольку знал эту пикантную историю в мельчайших подробностях с обеих сторон,— едва не потерял голову. Пока Тухачевский ждал подкреплений, Первая Конная повернула на Львов. А в результате и наступление на Варшаву сорвали, и сами с носом остались под Львовом. Можно понять Егорова, которому никак не улыбалось идти под крыло Тухачевского, но Сталин... В том-то и суть, что он гениально все рассчитал. Новый Бонапарт его никак не устраивал. Странно, что многие этого так и не поняли. А корень проблемы именно тут. Вряд ли комвойсками Юго-Западного фронта Егоров

единолично решился на саботаж важнейшего постановления ЦК, к тому же принятого по предложению Ленина. Но членом РВС у него был Сталин, и это решило дело. Вся история Европы могла бы сложиться совсем по-иному. Тысячу раз прав Ильич: от Версальского мира [1] остались бы рожки да ножки. А это значит, что бесноватый германский фюрер и вся его шайка не продвинулись бы дальше ближайшей пивной. Вот где главный урок похода за Вислу. Беда Тухачевского в том, что он все преотличненько понимает и, главное, не молчит. Разве такое можно простить? Нет, хозяин никогда не забудет. Вот и Егоров книгу свою «Львов — Варшава» в соответственном духе написал. Разбор операции в ЦДКА определенно показал, кто стоит за Егоровым и Буденным. Герой вроде бы понял, приумолк, да не тут-то было.... Не прошло и двух лет, как, нá тебе, новая дискуссия, в Академии Тухачевскому уже виселицей грозят. А такими вещами не шутят... Даже друзья отступились. Эйдемана Ворошилов проинструктировал, Ян Гамарник вообще ушел, когда запахло жареным. Не в пользу героя арифметика складывается. Ворошилов опять же, Первая Конная, старые кавалеристы вообще... Ловко отбрил тогда Михаил Николаевич, смелый человек: «Вам ведь не все и объяснить можно...» Совсем иначе мыслит. За ним новое поколение. Якир, Уборевич, наши великолепные летчики... Аэропланы, танки, моторы — все это на нем, Тухачевском. Именно такой и будет война: химия, электричество... Он, конечно, не без грешков, как и все, впрочем. Особенно по дамской линии. О его похождениях книгу написать можно. Особенно в ленинградский период. Одна комната для новобрачных в Петергофском дворце чего стоит! Великие князья себе такого не позволяли. А Свечина кто сожрал? И, главное, зачем? Чтобы через несколько лет убедиться в правильности свечинской теории стратегической обороны? Да и то благодаря Якиру. Но, как говорится, не будь счастья, так несчастье помогло. Хозяин не выносит чистеньких херувимов. Не первый материал идет на Тухачевского. Пока все оставалось без заметных последствий. Правда, находились влия-

[1] «Вопрос стоял так, что еще несколько дней победоносного наступления Красной Армии, и не только Варшава взята (это не так важно было бы), но разрушен Версальский мир» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 325).

тельные защитники, которых нынче не густо, но вряд ли хозяину нужна сейчас именно эта светлая голова. Не тем он занят, высоту набирает, совсем иная кампания. Михаила Николаевича она вряд ли коснется. Нет, ему еще предстоит хорошенько поработать на благо родины, развернуться во всем, так сказать, блеске. Пока он будет идти только вверх, иначе никак не складывается...

Ягода размышлял не дольше, чем это требовалось для второго прочтения.

— Значит, считаете, что кому-то неймется скомпрометировать видного советского военачальника? — он сложил бумаги обратно в папку и разгладил ее рукой.

— Создается такое впечатление,— осторожно подтвердил Артузов.

— Это несерьезный материал. Сдайте его в архив,— заключил нарком, возвращая папку.

Артузов испытал мгновенное облегчение. Он никак не ждал, что Генрих Григорьевич так легко и уверенно возьмет все на себя. Тем более в нынешней обстановке. Но первая реакция вскоре изгладилась, сменившись нарастающим беспокойством. Муторное ощущение совершенной ошибки вновь обдало едкой кислотой.

Опасный остался документ, хоть и не было в нем ни грана правды. Опасный для каждого, кто к нему прикоснулся.

2

Время проявляет причинную взаимосвязь событий, которые зачастую выглядят разрозненными клочками действительности, вечно текучей, изменчивой и непостижимой в целостной полноте. Все проходит, но ничто не проходит бесследно. Слово, брошенное министром с трибуны, неощутимая подвижка осадочных толщ, стрекоза, покинувшая личинку,— все оставляет свой след в четырехмерном континууме пространства — времени. Физики называют его мировой линией. И, быть может, самое изумительное свойство создавшего нас мира заключается именно в том, что в соприкосновение приходят никак не причастные друг к другу вещи. Порой через много-много лет. Дальними ответвлениями мировых линий. Так пересекаются круговые волны от двух брошенных в воду камней. Так переплетаются корни

растений. Листы и не ведают, какая борьба вершится во мгле перегноя.

Склеивая черепки критской или этрусской вазы, археолог с превеликим тщанием восстанавливает прихотливый рисунок. Но неосторожный владелец, столкнувший свой антик с каминной доски, помнит узор.

Перед рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером стояли четыре вазы, вернее, урны с прахом его людей. Проследить последовательность событий не составляло труда.

В ходе чистки, известной как «ночь длинных ножей», когда были ликвидированы главари штурмовых отрядов, показалось целесообразным убрать еще кое-каких деятелей, никак не причастных к СА, но неугодных фюреру. В их число попали генералы Шлейхер и Бредау. Германия и остальной мир в целом отнеслись к акции с пониманием. В уничтожении Рема и его банды многие увидели долгожданный знак поворота к более умеренной политике. Труды министерства пропаганды, таким образом, увенчались успехом. А вот с генералами вышло маленькое осложнение.

Руководство рейхсвера потребовало их недвусмысленной реабилитации, чуть ли не извинений. Министр обороны фон Бломберг и командующий сухопутными войсками фон Фрич лично посетили фюрера в Бертехсгадене и весьма энергично дали понять, что армии нанесено оскорбление. «Неслыханное», как позволил выразиться Бломберг, этот «Резиновый лев».

Гитлер был поставлен в трудное положение. Ссора с генералитетом менее всего входила в его планы, но и осудить СС — главное орудие партии — он никак не мог. Уж тут-то Гиммлер и Гейдрих постарались, как могли. Сошлись на компромиссном варианте. На широком совещании, где были представлены все виды вооруженных сил, фюрер и рейхсканцлер выразили подобающее сожаление по поводу «досадного недоразумения». На сем конфликт, казалось, себя исчерпал, хотя в печати, вопреки обещаниям, не появилось ни слова.

У армейской аристократии не было повода для недовольства. Возрождение военной мощи рейха шло невиданными в истории темпами. Принятый 21 мая 1935 года «Закон о вооруженных силах» еще более укрепил ее влияние. Фон Бломберг был назначен главнокомандующим, подчиненным лишь фюреру, а возглавляемое им министерство стало именоваться военным. Недвусмыс-

ленный знак! Сухопутные силы возглавил конечно же Фрич, флот — адмирал Редер, авиацию — генерал-полковник Геринг. Второй человек в государстве оказался в формальном подчинении у «Резинового льва». Впрочем, Геринг сразу же показал зубы.

— Все, что летает, принадлежит нам! — заявил он с присущим ему апломбом и отобрал у Редера морскую авиацию.

Последнее обстоятельство никак не нарушило общую атмосферу полного взаимопонимания. Честь корпуса СС тоже не пострадала. Гиммлер, согласно личному указанию фюрера, передал военному министерству документы, касающиеся всех обстоятельств дела, включая прискорбное происшествие в доме Шлейхера, где заодно с генералом застрелили и его жену. «Для ознакомления», как значилось в сопроводительной записке. Вроде бы поставлена последняя точка.

Однако досадная история получила неожиданное продолжение. Рейхсвер наотрез отказался возвратить документы, а родственники Шлейхера по наущению фон Фрича возбудили судебное дело о возмещении убытков в связи с убийством прославленного генерала.

Положение существенно осложнялось. Гиммлер готов был на любую крайность, только бы не выносить на суд, даже закрытый, секретные документы СС. Бог с ними, с подробностями чистки, опасен, недопустим был сам прецедент.

Не оставалось ничего иного, как вновь обратиться к фюреру, благо на сей раз он находился рядом, в рейхсканцелярии. Гиммлер поручил столь деликатную миссию Рейнгарду Гейдриху, шефу секретной службы, лично ответственному за события тридцатого июня, в особенности за их берлинскую часть. Верховный вердикт был краток:

— У вас теперь более чем достаточно сил и средств, группенфюрер, чтобы найти достойный выход.

Средства действительно были отпущены щедрой дланью. Аппарат СС, куда только что вошли службы тайной и уголовной полиции [1], достиг пятидесяти семи тысяч сотрудников, но это не облегчало задачу.

«Я никому не позволю встать между мною и армией»,— бросил однажды фюрер, и Гиммлер навсегда запомнил эти слова. Он не смеет связать себя личной

[1] Соответственно гестапо и крипо.

причастностью к инциденту. Пусть Гейдрих выпутывается, как может.

— Фюрер дал совершенно ясное указание, дорогой Рейнгард,— с обычной мягкостью посоветовал рейхсфюрер СС.— Я уверен, что нам следует действовать именно в этом духе.

А далее события развивались следующим образом. Четыре офицера, причем гестапо, а не СД, явились в военное министерство на Бендлерштрассе и, найдя соответствующее управление, потребовали немедленной выдачи документов СС.

Майор рейхсвера, дежуривший в отделе документации, под дулом пистолета вынужден был открыть ящик письменного стола. Но вместо того чтобы выдать требуемую папку, он надавил кнопку тревоги и стал с нарочитой медлительностью перебирать бумаги.

Вбежала вооруженная охрана и в два счета разоружила эсэсовцев. Армия действовала решительно, быстро и не без тайного удовольствия. Арестованных увели в подвал и, ничтоже сумняшеся, расстреляли из автоматов, только что принятых на вооружение. Тела кремировали за счет военного министерства, а пепел наложенным платежом отослали на Вильгельмштрассе, 102, в штаб-квартиру рейхсфюрера СС. В этом завершающем штрихе Гиммлер ощутил откровенную издевку. Ведь именно так было заведено в его собственном ведомстве, которое тем же самым манером высылало родственникам урны экзекутированных преступников и заключенных концлагерей.

Какое, казалось, могло быть сравнение? Гнусная, кощунственная антинациональная выходка!

Гиммлер позвонил на Принц Альбрехтштрассе, где в угрюмом здании школы прикладных искусств размещались основные службы, но Гейдриха в кабинете не оказалось. Он находился в одном из разбросанных по тихим уголкам столицы особняков секретной службы. Не успел Гиммлер послать за личными делами столь огорчивших его генералов, как прозвучал ответный звонок Гейдриха.

— Мне хотелось бы побеседовать с вами, дорогой Рейнгард. Если можно, то прямо сейчас.

Дожидаясь секретаря, рейхсфюрер прошел в примыкавшую к кабинету туалетную комнату. Остановился перед зеркалом, сдул пылинку с рукава черного, шитого серебром кителя, поправил алую повязку со свастикой.

Огладив бледные, выбритые до глянца щеки, специальной щеточкой тронул тщательно подстриженные виски, затем занялся усиками. Секретарь застал его уже за рабочим столом.

Ввязываться в борьбу что называется с ходу он и не собирался. Но освежить в памяти кое-какие детали было полезно. На некоторых бумагах обнаружились собственные пометки, сделанные тончайшим острием графита,— крестики или краткие «lag» [1]. Более определенных резолюций он по возможности избегал, равно как и конкретных указаний.

Материалов оказалось негусто. Но у Гейдриха есть своя, надо полагать, более подробная картотека. Коечто любопытное обязательно выскочит и у Небе, в крипо. И конечно же нужно поднять все, что только есть на этих несносных родственников.

Гейдрих прибыл через двенадцать минут, как всегда подтянутый, с холодной улыбкой на длинном, как у породистого жеребца, лице.

Никак не комментируя происшествие, рейхсфюрер показал ему бланки почтовых отправлений.

— Какой цинизм! — кратко отреагировал Гейдрих. О расстреле офицеров он уже знал, но фокус с посылкой и для него явился сюрпризом.— Счет мы, конечно, оплатим,— добавил с продуманной двусмысленностью.

— Разумеется,— Гиммлер ушел от продолжения темы.— Боюсь, что в создавшихся обстоятельствах нам придется удовлетворить и притязания родственников. Дело необходимо закрыть раз и навсегда. Но сумма выйдет большая.

— С этим я бы еще кое-как примирился, рейхсфюрер... Во всяком случае, на данный момент. Но стоит нам провести платежные документы через бухгалтерию, как это тут же будет недвусмысленно воспринято.

— Юридическое признание ответственности? — Скрывая досаду, Гиммлер мизинцем поправил пенсне.— Вручить приватно, видимо, затруднительно? — вопросительная интонация едва различалась в приглушенно-размеренном рокоте речи.— Могут встретиться непредвиденные осложнения.

— Эмоциональные всплески,— понимающе кивнул

[1] Читал *(нем.)*.

Гейдрих, уводя косящие к переносице глаза.— Прочие эксцессы.

— Как же нам быть? — уже впрямую поинтересовался рейхсфюрер, хотя прекрасно знал, что возможны обходные пути. Через Министерство внутренних дел, которому пока чисто номинально подчинялось гестапо, наконец, через партийную кассу или лучше всего личную канцелярию фюрера. Уж тут-то все быстро позакрывают рты.

— Мы уже пробовали обращаться к Шварцу...— Гейдрих намеренно не договаривал.

— Помню,— кивнул рейхсфюрер.

Пробный шар действительно был запущен, но попытка не удалась. Казначей партии Ксавер Шварц наотрез отказался выделить фонды на содержание секретной службы. Больше того, он позволил себе назвать СД «частным предприятием» рейхсфюрера.

— Очень трудно работать,— пожаловался Гейдрих.— Не успеваем штопать заплаты. Нечем платить.

— Собственно, я пригласил вас совсем по другому поводу,— Гиммлер переменил разговор.— Фюрер весьма озабочен состоянием дел с франко-советским договором от 2 мая 1935 года. Ратификация, правда, затягивается, но есть сведения, что на ближайшем заседании палата депутатов примет его к слушанию. Нейрат сомневается в исходе голосования.

— Там работает абвер. «Боевые кресты» их люди.

— Вам, я имею в виду СД, тоже следует подключиться. Войдите в контакт с бюро Риббентропа. Можно даже непосредственно с Абецем. Он разворачивает в Париже большие дела.

— Они готовы к такому сотрудничеству?

— Тут многое будет зависеть лично от вас, Рейнгард, от вашего искусства, в коем я абсолютно уверен.

— Благодарю, рейхсфюрер!

— Что же касается Риббентропа, то, как вы знаете, я имел честь поздравить его с присвоением звания штандартенфюрера СС. Вот, собственно, и все. В остальном вы с присущим вам блеском разберетесь сами... Да, чтобы окончательно развязаться с текущими делами, вернемся к этим... родственникам. Подошлите мне все, что есть. И вообще не выпускайте их из поля зрения. Я имею в виду дальнейшую перспективу. Торопиться не стоит. Пока примиримся с тем, что не мы ведем в счете.

— Один — один,— сжав тонкие губы, возразил Гейдрих.— Фон Бредау и Шлейхер все-таки попали в Вальхаллу. Посмотрим, каков будет следующий сет.

— Не шутите с Вальхаллой, Гейдрих,— брови рейхсфюрера предостерегающе дрогнули,— это святое.

— Простите, рейхсфюрер. Я просто неловко выразился.

Мимолетная ассоциация напомнила Гиммлеру Грегора Штрассера, которого в ту роковую, тридцатого июня, ночь аккуратно доставили во внутреннюю тюрьму на Принц Альбрехтштрассе. Отвели самую просторную камеру, шестнадцатую, даже принесли кофе и сигарет, стоило ему лишь заикнуться. А ведь должны были пристрелить на месте, как прочих, по списку. Но в комнату, где ночевал со своим «мальчиком» Рэм, ворвался сам фюрер, и вообще почти все шишки работали в Бад-Висзее. Штрассер же достался соплякам, которые почему-то спасовали перед «великим человеком». В сущности, покончить с ним должен был он, Гиммлер. Но не поднялась рука на бывшего шефа и благодетеля. Бедняга Грегор ведь так полагался на своего верного секретаря: «Хайни все сделает, Хайни устроит...» Дело закончили Гейдрих и Эйке. Открыли стрельбу через глазок. Бедный Штрассер попытался укрыться в углу. Но они ворвались в камеру и добили его. Теперь он тоже в Вальхалле, в обители героев. Такая вот судьба...

Расставшись с шефом, Гейдрих прошелся по кабинетам проведать друзей. Все служебные помещения на Вильгельмштрассе, за исключением тюрьмы для особо важных преступников, картотеки, хранившейся за семью запорами в броневых сейфах, и, конечно, музея со скелетами и прочей атрибутикой черной магии, были меблированы на один лад: огромный стол, на котором, будь на то надобность, можно хоть штабные игры проводить, где-нибудь у стены круглый столик с графином, два больших кресла и насупротив —диван. Двери тоже одинаковые и без табличек. Немудрено было и заблудиться. Но Гейдрих превосходно ориентировался в коридорах, где у каждого поворота застыли, как манекены, охранники, и ни разу не ошибся дверью.

Генералы никуда не денутся. Рано или поздно вылезут лбом под мушку. Нужно сосредоточиться на Па-

рижe. Разбиться в кровь, но не проиграть, если лягушатники проголосуют не так, как нам хочется. Главное — не подставляться.

3

Ранним утром в Народный комиссариат по иностранным делам зашел товарищ в габардиновом пальто. Предъявил удостоверение и прямиком проследовал в Третий западный отдел. Пробыв некоторое время за закрытой дверью, он вышел, но не один, а вместе с заместителем заведующего, и все, кто видел, как они спускались по лестнице, сразу поняли, что это значит.

Часам к четырем тусклый день без остатка истаял в купоросном растворе. Каменные вазы на безликом фронтоне наркомата едва посверкивали ворсистым инеем. Почти отвесно сыпались лохматые клочья, мотыльками мятущиеся под фонарем.

Литвинов взглянул на часы и принялся собирать бумаги для вечерних занятий. Жил он неподалеку, на Спиридоновке, в одном из крыльев представительского особняка, построенного в стиле модерн, но с неоготическими изысками: переходы, соединительные арки, остроконечные башенки. Нарком обычно обедал с семьей, а после уходил в кабинет, где застревал далеко за полночь. Поутру же, что-нибудь около десяти, вновь выезжал на Кузнецкий.

Сходный распорядок установился и в Наркомтяжпроме, и в Наркомюсте, и в Наркомпросе — везде. Аппарат гибко приспособился к биологическому ритму вождя и принял его за эталон.

Сталин, конечно, мог и не позвонить, но если звонил, то, как правило, среди ночи. Этих звонков ожидали с замиранием сердца. К глубоко затаенной опаске примешивалось лестное ощущение особой значимости именно твоей отрасли, твоего участка, непреложное свидетельство личной принадлежности к высшим этажам власти. Вместе с наркомами бодрствовали их замы, дежурили начальники управлений, отделов. Мало ли какая справка понадобится?

Литвинов вызвал по внутреннему телефону замнаркома Крестинского, старого товарища по большевистскому подполью.

— Николай Николаевич, приглашаю разделить вечерний досуг!.. Так сказать, на чашку чая.

— Ох, знаю я эти чаи... Впрочем, какая разница, где сидеть? Так оно даже лучше: спокойнее... Ты, конечно, в курсе?

— Вот и славно,— Литвинов проигнорировал вопрос.— Тогда как обычно.

— Какие-нибудь материалы понадобятся? — после долгой паузы поинтересовался Крестинский.

— Нет, я все беру с собой... Разве что по Германии? Федор, наверное, тоже будет.

Они понимали друг друга с полуслова.

Максим Максимович положил трубку и по городскому позвонил в Институт красной профессуры, где преподавал историк Ротштейн, тоже старый партиец, верный, испытанный друг.

— Я опять, как снег на голову... Не откажешь, голубчик?

Вопрос был данью вежливости, не более. С каждым днем их становилось все меньше, твердокаменных, спаянных общей памятью о царской каторге, эмиграции, тюрьмах, побегах. Отдав революции тело и душу, они уцелели чудом, словно смерти назло. Теперь она с удесятеренным рвением прибирала своих данников. И никогда еще им, презиравшим страх, не было так страшно, как в эти долгие зимние ночи. Из терпеливой сиделицы свирепой охотницей стала смерть. Словно подстегнутая нагайкой. Как заноза застряло в памяти это беспокойное слово «подстегнутая»! Ассоциативно оно как-то связано с закрытием общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Дурной знак, «подстегивающий».

Набив до отказа вместительный добротный портфель, Литвинов с торопливым испугом, словно его застали врасплох, похлопал себя по карманам, ища ключи от несгораемого шкафа. И тут же перевел дух, увидев связку в стаканчике для скрепок, рядом с бронзовым пресс-папье.

Он запер стальную дверцу, наложил пластилиновую печать. Потом застегнул карманы темно-синего кителя и вышел в приемную. Внизу заглянул к главному секретарю Гершельману:

— Спокойной ночи, счастливого вам дежурства.

Подойдя к автомобилю, Максим Максимович смахнул тающие на ресницах снежинки. Ряды бессонных

окон напротив косо подсвечивали их молчаливый исход. Низринуты с небес: все вместе и все-таки каждая в отдельности, подумал он и вдруг различил слитный шелест падения. Максим Максимович с болью припоминал тех, кому уже никто не смел, да, в сущности, и не мог, протянуть руку помощи. И еще гвоздила забота о Крестинском, который пока стоял рядом, бок о бок, хоть ощущались глубинные подвижки и настороженное ухо ловило дальний скрежет разлома.

В кинохронике о героях-полярниках почему-то особо запомнилась отколовшаяся льдина, медленно уносимая течением. Казалось бы, что тут такого? Узенькая лента открытой воды! А уже конец, уже ничего не поделаешь. В действие пришли неподвластные тебе силы. Собственная беспомощность — вот что страшнее всего. И видишь, и понимаешь, но даже пальцем не смеешь пошевелить.

Когда после убийства Кирова прошла первая волна арестов, краем затронувшая и НКИД, он пытался вступаться в чуть ли не каждого, и порой не совсем безуспешно. И за других тоже потом просил, с кем непосредственно не был связан, но кого знал и помнил как кристальных большевиков. Только это уже не действовало. Мельница раскручивалась на полный ход. И как проявление неумолимого абсолюта, утверждалось правило отколотой льдины. Кого уносило, о тех даже не спрашивали. Они уже не принадлежали к миру живых. Пустота — всепоглощающая, глухая. Страх оставался страхом. Но неведомо как родилась и новая этика, заступившая место прежней, новый хороший тон: не видеть, не говорить, даже не думать. Так «принято», так «полагалось».

Литвинов постоял, держась за приоткрытую дверцу,— все не мог продышаться. Наконец тяжело ступил на подножку, бросил впереди себя портфель и опустился на сиденье.

Шофер тут же нажал стартер. Постовой на перекрестке Кузнецкого моста и Лубянки приложил рукавицу к заснеженному капюшону.

И поплыли за мутными стеклами улицы с вечно спешащий куда-то толпой, витрины продуктовых магазинов, кумачовые транспаранты, пивные ларьки. Все как всегда: жгучий зрак светофора, янтарное полнолуние циферблата, мрак кривых переулков, разлет площадей. И сутолока возле метро, и случайный обры-

вок мелодии из уличных репродукторов, и знакомый портрет в скрещении лучей.

Обманчивая мозаика вечера, раздерганного на фрагменты. Вопреки всему не умирала надежда на высший смысл. Без нее невозможно было работать, а значит, и жить.

Кремлевский телефон зазвонил, когда Максим Максимович, переодевшись в толстовку, вдохнул аромат куриного бульона с клецками и выдернул туго накрахмаленную салфетку из мельхиорового кольца.

— Мы обсудили ваше предложение, товарищ Литвинов,— Сталин говорил неторопливо, размеренно, выделяя значение каждого слова.— На церемонию похорон английского короля Георга Пятого съедутся многие видные деятели. Такую возможность необходимо использовать, это верно... Вы меня хорошо слышите?

— Да-да, товарищ Сталин!

— Есть мнение, что Красную Армию должен представлять заместитель наркома. Как вы считаете, товарищ Литвинов?

— Мне кажется, что это произведет весьма благоприятное впечатление, причем не только на английские круги.

— Значит, не возражаете? — В глуховатом голосе вождя Литвинову почудилась скрытая усмешка.— Договор с Францией до сих пор не ратифицирован. Это нас никак не устраивает. Будет полезно, если военная делегация прямо из Лондона направится в Париж.

— Понятно, товарищ Сталин.

— В вопросах ратификации позиция французского генштаба может оказаться решающей. Стоит немножечко подхлестнуть господ депутатов.

«Партия как бы подхлестывает страну»,— вспомнил Литвинов, опуская трубку. Ему ли было не знать, как раздражают Сталина проволочки с ратификацией подписанного еще второго мая франко-советского договора. В сложной парламентской процедуре вообще не было нужды. Конституция позволяла обойти все эти бесконечные дебаты в комиссии по иностранным делам и предстоящее голосование в палате депутатов, сенате. Вполне достаточно простого утверждения президентом республики. Но Лаваль решил пустить документ по полному кругу. Якобы для придания акту большей торжественности, как он заявил пятнадцатого мая в Москве. Сталин, как мог, обласкал тогда французского минист-

ра, но ничего конкретного так и не добился. Он правда, сорвал досаду на нем, Литвинове, но хоть перестал упрекать в благодушии, и на том спасибо. Мнение НКИД полностью подтвердилось. В руках Лаваля договор был лишь средством давления на Германию. Недаром газеты писали, что Лаваль заручился согласием Гитлера на «тур вальса с СССР». Сталин заподозрил и более дальнюю цель: вывести Советский Союз лицом к лицу с Гитлером, который недвусмысленно заявил о своих притязаниях в Европе: Эльзас и Лотарингия, Данциг, литовский Мемель, Судеты. Взаимное опасение задеть потенциального противника получило отражение и в коммюнике...

Литвинов дождался конца трапезы и, пригубив стакан чая, унес его в кабинет. Все тексты были у него под рукой.

«Представители обоих государств установили, что заключение договора о взаимной помощи между СССР и Францией отнюдь не уменьшило значения безотлагательного осуществления регионального восточноевропейского пакта в составе ранее намечавшихся государств и содержащего обстоятельства ненападения, консультации и неоказания помощи агрессору. Оба правительства решили продолжать свои совместные усилия по изысканию наиболее соответствующих этой цели дипломатических путей».

Более чем осторожно.

К числу «ранее намечавшихся государств» принадлежали, естественно, и Германия и Италия. Это вытекало из общей концепции коллективной безопасности, но выхолащивало конкретную направленность договора. Тем более что понятие «агрессор» обрело вполне конкретное лицо. Германия попрала Версальский договор, вышла из Лиги Наций, ввела войска в Саарскую область, где прошел инсценированный нацистами плебисцит. Италия же вообще развязала войну, послав экспедиционный корпус в далекую Абиссинию. Но на конференции в Стрезе эта вопиющая акция не только не встретила противодействия, но вообще практически не обсуждалась.

Литвинов понимал опасения вождя, но не мог разделить его колебаний. Альтернативы не было. Приходилось делать недвусмысленный выбор между блоком фашистских государств, а он отчетливо вырисовывался, и западными демократиями. Да, последние вели двойную

игру и вообще были в глазах Сталина ничуть не лучше, если не хуже, фашизма. Однако серьезность положения не позволяла оставаться в плену умозрительных схем. Советско-французское сближение было продиктовано очевидным совпадением интересов. С советской стороны было отмечено, что «товарищ Сталин высказал полное понимание и одобрение политики государственной обороны, проводимой Францией в целях поддержания своих вооруженных сил на уровне, соответствующем нуждам ее безопасности».

Пожалуй, это вполне взвешенная позиция. Преувеличивать риск подобного аванса явно не следует, ибо задержка с ратификацией существенно ослабляет его значимость.

Если уж говорить о «подстегивании», то действительно существенным прорывом на дипломатическом фронте явился советско-чехословацкий договор от шестнадцатого мая. Текст его, по существу, воспроизводит статьи франко-советского соглашения. За исключением примечательной оговорки, внесенной во второй пункт протокола:

«Одновременно оба правительства признают, что обязательства взаимной помощи будут действовать лишь... при наличии условий, предусмотренных в настоящем договоре, помощь стороне — жертве нападения — будет оказана Францией».

С одной стороны, это фактически придавало трехсторонний характер обоим документам, а с другой — давало Советскому Союзу свободу маневра в том случае, если Франция уклонится от помощи. В Чехословакии восприняли договор с радостью и облегчением. Недаром он был немедленно ратифицирован. Обмен грамотами состоялся уже восьмого июня, во время пребывания Бенеша в Москве. Тут все прошло с блеском.

На встрече со Сталиным и Молотовым было очень верно подчеркнуто, что стороны придают исключительное значение «действительному осуществлению всеобъемлющей коллективной организации безопасности на основе неделимости мира».

Союз с Чехословакией, а за ней стояла малая Антанта, и прежде всего Румыния, означал уже недвусмысленный вызов экспансионистским планам Гитлера. Отсюда и характерные нюансы в формулировке: «действительное осуществление». В таком контексте и упоминание «неделимости мира» определенно бросало вызов

фашистской пропаганде, где расхожим выражением были как раз слова о «переделе мира». Естественно, что вокруг ратификации франко-советского договора завязалась такая борьба. Гитлер и профашистские силы в самой Франции пойдут на любую крайность.

Нельзя исключить и инциденты, вроде убийства Луи Барту. Вот уж кто ненавидел фашизм и понимал всю его подноготную! Тонкого ума был человек, высочайшей культуры... После него осталась невосполнимая брешь. Рейно, Блюм, Мандель не идут ни в какое сравнение. Лаваль вообще малограмотный: ни с того ни с сего отнес Персию к средиземноморским державам. Смех, да и только. А главное, все время оглядывается на Берлин, целиком погряз в самом низкопробном политиканстве. Отрезвить Париж способна либо хорошая встряска, но это война, либо освежающее дуновение с Уайт Холла.

Но его не так скоро дождешься...

Момент для визита в Москву лорда-хранителя печати Антони Идена, яркого представителя влиятельной группы «молодых консерваторов», был выбран с тонким расчетом. Вместе с Саймоном он участвовал в переговорах в Берлине. И вообще Иден — фигура перспективная. Не каждому дано в тридцать четыре года стать заместителем министра иностранных дел. Он явно идет в рост. Уже лорд-хранитель печати. Москва давала шанс добиться положительных результатов, и он его не упустил. Сталин и Молотов предпочли бы партнера более высокого ранга, но уж что есть. Зато итог обнадеживающий: «дружественное сотрудничество обеих стран в общем деле коллективной организации мира и безопасности представляет первостепенную важность для дальнейшей активизации международных усилий в этом направлении».

На большее у молодого лорда, к сожалению, недоставало полномочий.

Словом, задел получается крепкий. Усилия, порой непомерные, принесли кое-какие плоды.

Теперь, когда дано «добро», можно потихоньку двигаться дальше. А Тухачевский — кандидатура отличная. И языки знает блестяще. Доверительная беседа с глазу на глаз порой выводит из тупика самую запутанную проблему.

Гости приехали почти одновременно. Домработница сервировала в кабинете круглый стол с самоваром. Были поданы традиционные французские булочки, маковые баранки, чайная колбаса и тонко нарезанный лимон.

Максим Максимович разлил чай и коротко ознакомил с поручением Сталина.

Крестинский удовлетворенно кивнул, мимолетным жестом огладил залысины и принялся размешивать сахар.

— Я помню покойного короля еще молодым офицером флота,— покачав головой, Ротштейн улыбнулся давним воспоминаниям. Он много лет прожил в Англии, организовал комитет «Руки прочь от России», затем вошел в состав советской мирной делегации. После поездки в Москву правительство Ллойд Джорджа отказало ему в обратном въезде. Он был полпредом в Персии, до тридцатого года — членом коллегии НКИД.

Литвинов никогда не торопил собеседников. Отставив подстаканник, задумчиво катал хлебные шарики.

— Я хочу сказать, что похороны слишком протокольная процедура для серьезных бесед. Все расписано по минутам. И до, и после.

— Политика тонкая вещь,— Литвинов промокнул губы салфеткой.— Когда есть обоюдное желание, все так или иначе устраивается.

— И оно действительно есть, Макс? На Уайт Холле дуют разные ветры.

— Сейчас, как никогда, важно мобилизовать общественное мнение, но мы сами себе напортили, так все перекорежили, что впору черепки собирать.— Николай Николаевич Крестинский пожал плечами.— И зачем, спрашивается? Так, за здорово живешь, расколоть рабочее движение. Оскорбить преданных нам людей, оттолкнуть от себя! Кому это было нужно?

— Будем реалистами,— Литвинов успокоительно коснулся его плеча.— Линия меняется.

— И только-то? А не поздно ли, дорогие товарищи? Стыдно-то как! Социал-демократия, видите ли, левое крыло фашизма! Чего мы достигли таким, извините, вкладом в марксистскую теорию? Расчистили путь злейшему врагу рабочего класса? Отдали в руки палачей лучших борцов?.. Уверяю вас, Гитлер смеялся, круша налево, направо. И коммунистов, и социал-демократов...

— Оставим это, Николай Николаевич,— Литвинов в сердцах скомкал салфетку. Его мясистое лицо налилось кровью.— Прошу запомнить: прежняя концепция категорически отброшена,— он резко взмахнул кулаком.— Исполком Коминтерна в своей практической

деятельности руководствуется прямо противоположными принципами. Неужели вы так ничего и не поняли?

— Нет, почему? — смешался Крестинский.— Я всей душой приветствую курс на единство левых сил, но, прежде чем всерьез говорить о практических шагах, необходимо сделать самые серьезные выводы из наших просчетов. И, главное, открыто и недвусмысленно признать их.

— Боюсь, что это нас слишком далеко заведет,— словно бы вскользь заметил Литвинов. Откровенничать стало опасно. Сталин определенно стремился столкнуть его с Крестинским. Николай Николаевич достойный, порядочный человек, но многого не понимает или не желает понимать. Член ленинского Политбюро, бывший секретарь ЦК, он уязвлен и слишком замкнут на личных переживаниях.

— Прошу прощения, Максим Максимович... Такой уж день нынче выдался. Одно слово: лиха беда — начало. Никак в себя не могу прийти.

— Давайте работать, товарищи.

4

Знак движения, солнечный знак, знак мирового огня.

За окнами буйствует зимнее солнце. Пробиваясь сквозь занавеси, ласкает теплыми зайчиками бронзовый бюст фюрера, радужно расслаивается в хрустальных гранях чернильниц.

Поерзав на подушечке, Гиммлер наклонился к столу и раскрыл кожаный с металлическими уголками бювар. Поверх утренней почты лежал голубой конвертик. Адъютант оставил письмо нераспечатанным. Глянув на обратный адрес, рейхсфюрер взялся за разрезальный нож с массивной рукояткой оленьего рога, но тут же отдернул руку. Запах! Какой неприятный запах! Рот наполнила густая слюна, руки ожгло зудящим комариным ядом.

Гиммлер гадливо отбросил конверт.

Поочередно оглядев каждый палец, затем оба рукава — алая повязка с хагенкройцем, острый угол шеврона,— сдул с локтей воображаемые пылинки. Десять лет минуло с той поры, как они с Маргарет продали злосчастную птицеферму, а болезнь так и не прошла. Странная, унизительная болезнь. Она могла годами дремать, затаившись в клетках, пока ее не будил какой-

нибудь посторонний запах. А если не запах, то внезапное касание или неожиданно резкий звук. Предугадать, когда и как отзовется отравленная кровь, было никак не возможно, а значит, и уберечься от приступа. Тошнотворно-неотвязного, словно пляшущий на сквозняке пух. Идеализм артаманов [1] обернулся сплошным мучением. Загаженные клетки, битые яйца, свалявшееся перо. Пачкалась не только одежда. Под угрозой оказалась душа, взлелеянные в сердце грезы, сама идея чистоты. Мечты о духовном оздоровлении обернулись коварным недугом. Крестьянское хозяйство, труд на своей земле, естественная пища, зачатие на природе — все, что так притягательно рисовалось воображению, обернулось засасывающей трясиной.

Обратив в наличность принадлежавшую Маргарет клинику, приносившую весьма солидный доход, они меньше всего думали о меркантильных материях. Здоровый инстинкт властно звал прильнуть к живительному источнику, отмыться в кристальных струях от разлагающей скверны больших городов.

Они обманулись в своих надеждах? Нет, тысячу раз нет! Магия проявляется в символическом жесте. Зачем, спрашивается, ему, как и всем старым борцам, потребовалось порвать связи с церковью? Казалось бы, интимный акт чистого волеизъявления, но партия строго следила за тем, чтобы идеальное подкреплялось вещественным — полицейской справкой о выходе из прихода. Великая идея всегда имеет две ипостаси: небесную и земную. Вера артаманов позвала его окунуться в навозную жижу. Пусть затея с выведением чистопородной линии саксонских леггорнов не увенчалась успехом. Не о жалких несушках были помыслы, но о поколениях немецких мужчин и немецких женщин. Не в яйценоскости смысл — в действии. Мир — это воля и представление. Реальная действительность далека от философского совершенства. Вечная борьба льда и огня, материи и духа рождает великое и омерзительное. Иначе откуда это тошнотворное дуновение? Изнурительный зуд? Паленые перья, перетопленный жир, хруст скорлупы — мерзость, ставшая памятью плоти. Охранная память, трижды целительный недуг. При мысли о бетонных склепах там, внизу, где заживо разлагается истерзанное

[1] Националистическое движение в Германии, позднее слившееся с национал-социализмом.

Геринга». Почтенное учреждение с солидным штатом в три тысячи квалифицированных специалистов, не чураясь теоретических разработок в области связи, основное внимание уделяло сугубо практической деятельности. Именно здесь были разработаны детали совместной с абвером операции «Тевтонский меч», иначе говоря, убийства министра иностранных дел Франции Луи Барту и югославского короля Александра. Причем настолько тонко, что военная разведка вышла из дела в белоснежных одеждах. Непосредственных исполнителей — усташей из хорватской националистической организации Павелича — европейская печать почему-то связывала с происками гестапо. Гиммлера, отличавшегося крайней чувствительностью, подобная предвзятость глубоко огорчила. Следующий теракт — убийство австрийского канцлера Дольфуса — осуществили уже СС. Терять было нечего. Зато в Форшунгсамт с удвоенным рвением взялись за радиоперехват, телефонные и телеграфные линии.

В осведомленных кругах считалось, что контролю подлежат в первую очередь заграничные депеши, равно как и всякого рода информация, исходящая от проживающих в рейхе иностранцев. Однако вскоре сюда же были причислены и всякого рода «неблагонадежные», что напрямую затрагивало прерогативы гестапо. Но даже с таким соперничеством рейхсфюрер СС мог бы скрепя сердце смириться. Как-никак Геринг еще в бытность его министром внутренних дел Пруссии курировал тайную полицию. Наивно было бы надеяться, что он так, за здорово живешь, расстанется со знаменитой картотекой, заведенной еще при кайзере Вильгельме. Передаст ее в чужие руки, притом целиком, да не сняв предварительно копий!

Гиммлер не питал на сей счет никаких иллюзий. Стремление Геринга распространить свой контроль и на мало-мальски значительных функционеров — на кого выборочно, на кого постоянно — тоже не вызывало особых эмоций.

Со времен Наполеона, создавшего трехслойную систему сыска, где одна служба тайно следила за деятельностью другой, такое было в порядке вещей. Под имперским орлом со свастикой тоже уживались причудливые ответвления самых разнообразных ведомств: «Иностранный отдел» министерства пропаганды и «Третий отдел» МИДа, «Бюро Риббентропа», являюще-

еся по сути внешнеполитическим органом партии, и «Внешнеполитическое бюро Розенберга», «Заграничные организации НСДАП» гауляйтера Боле и «Колониальный отдел», также входящий в партийный аппарат.

Свое особое место занимало и «Фольксдойче Миттельштелле» («ФОМИ») — «Центральное бюро зарубежных немцев», находившееся под патронажем Рудольфа Гесса. Однако наиболее могущественным соперником черного корпуса оставался конечно же абвер. Объединивший под своим крылом разведки трех родов войск особняк на Тирпицуфер помимо широко разветвленной агентуры располагал дивизией специального назначения «Бранденбург». О таком Гиммлеру приходилось пока только мечтать. Эсэсовские формирования «Мертвая голова» годились на охрану концлагерей, не более. Короче говоря, партнеры подобрались солидные, и каждый претендовал на тотальный контроль.

И все же эмоции взяли верх. Чувствуя себя глубоко уязвленным, шеф СС встал в позу и даже попытался обратиться лично к Гитлеру, хотя на него никак не распространялась подобная привилегия. Гессу пришлось вмешаться и осадить не в меру прыткого коллегу. Он сам проинформировал фюрера об инциденте с подслушиванием, что практически провалило первоначальный замысел Гиммлера. Как и следовало ожидать, фюрер довольно прохладно отнесся к жалобе на чудовищное самоуправство военно-воздушных сил — прямые нападки на Геринга, само собой, исключались — и посоветовал не дразнить армию. Это был полный афронт. Мало того что не поняли, так еще и оговорили! Гиммлер заподозрил даже, что Геринг и Гесс заранее сговорились у него за спиной, а теперь просто поставили на место, как нашкодившего школяра. Тайно соперничая в большом и малом, они тут же объединились, едва замаячил очередной претендент. Обиднее всего, что такое можно было заранее предвидеть, как и реакцию фюрера, который слишком дорожил бесценной информацией Форшунгсамта и вообще предпочитал не полагаться на одну, даже самую резвую лошадь. Иначе бы он не доверил Гессу общее руководство зарубежной разведкой.

Положа руку на сердце, следовало признать, что СД пока не более чем побег могучего корневища, побочный придаток. Гейдрих совершенно прав. Стоит перекрыть питающие артерии, как все захиреет. С Гессом тягаться никак нельзя. Мало того что в кассу «ФОМИ» стекаются

деньги со всего мира. В распоряжении рейхслейтера находится еще и «Фонд Адольфа Гитлера», куда бесперебойно поступают пожертвования ведущих банкиров и столпов индустрии. Через «ФОМИ» не только осуществлялась связь с организациями немецких национальных меньшинств за границей, но и координация различных секретных служб внутри рейха. Потому-то и потерпела фиаско первая попытка прильнуть к живительному источнику, что казначей Шварц и пальцем не смел шевельнуть без кивка второго человека в партии. Гесс опирается на тайную власть и вполне реальные миллионы. В этом его сила, а не в сентиментальных воспоминаниях фюрера о годах заточения в Ландсберге, подаривших миру библию национал-социализма. Впрочем, одно практически неотделимо от другого. Одним словом, следовало без промедления погасить конфликт.

Гиммлер попросил адъютанта соединить его с квартирой рейхслейтера.

— Фрау Ильза?.. Это говорит незаслуженно обиженный, но по-прежнему преданный вам Генрих Гиммлер.

— Очень мило с вашей стороны, что вы так скоро откликнулись, господин полицай-президент! — в голосе госпожи Гесс звучала удивленная нотка.— Вы принимаете мое приглашение?

— С превеликим удовольствием, но прежде хотелось бы устранить одно маленькое недоразумение, омрачившее нашу дружбу.

— Вы считаете это недоразумением?.. Слышите треск?

— Безусловно, хотя, не скрою, ваши обвинения глубоко огорчили меня... Позвольте говорить прямо, фрау Ильза, без обиняков?

— Сделайте одолжение, дорогой полицай-президент!

— Я бы предпочел, чтобы вы называли меня просто Хайни,— проворковал Гиммлер. Своим обращением она намеренно ставила его в неловкое положение. Ох уж эта игра в простушку, не различающую чинов! — Тогда я готов забыть нанесенную мне обиду.

— Не хотите ли вы этим сказать...

— Да-да! — перебил он с наигранной горячностью.— Ни одно из наших учреждений ни в малейшей степени не причастно к тем маленьким огорчениям, на которые вы жаловались, милая фрау. Клянусь честью!.. О себе я уж и не говорю! Надеюсь, вы не подозреваете меня лично?

— Вас?.. Конечно же нет,— она казалась слегка озадаченной.— Я лишь поделилась с вами сомнениями...

— Значит, мы реабилитированы в ваших глазах?

— Будем считать инцидент исчерпанным, хоть это и не снимает основного вопроса...

— Вас интересует источник помех?

— Даже очень интересует... Вам удалось выяснить, в чем тут секрет?

— Иначе я был бы никуда не годным полицай-президентом, как вы лестно меня называете, фрау Ильза.

— Я просто сгораю от любопытства.

— Весьма сожалею, но это не тема для телефонного разговора,— Гиммлер сменил игривую интонацию на сугубо официальный тон.— Если ваш муж найдет для меня несколько минут, я буду рад доложить ему все обстоятельства дела. Они не столь просты, как это может показаться. Смею уверить, уважаемая госпожа.

— Муж? — на сей раз ее замешательство не выглядело притворным.— Но он даже не подозревает о моем письме. Ведь он так занят...

— О, мне известно, как умеет работать Рудольф Гесс! Да это все знают!.. Кстати, сам он не жаловался на неполадки?.. Или они возникают лишь в тот момент, когда речь заходит о коржиках?

— Право не знаю,— она отозвалась с явным промедлением.— Я только не помню, чтобы мы обсуждали подобные темы.

— Тогда я вдвойне благодарю вас за доверие, фрау Ильза. Целую ручки.

Проверив, как записалась беседа, Гиммлер распорядился снять номер с прослушивания. Временно.

Вечером он увиделся с Гессом в правительственной ложе кинотеатра «Уфа Паласт» на премьере широко разрекламированного фильма «Наш вермахт».

Особенно эффектно выглядели танки, на полном ходу ворвавшиеся на широкий плацдарм. Нацелив стреляющие орудия, они надвигались гремящими гусеницами прямо на зал. Выскакивали из окопов солдаты, падали, подкошенные пулеметным огнем, и рвались вперед сквозь проволоку и дым. Нескончаемые эскадрильи, падающие на крыло самолеты, серии бомб, разрывы, разрушенные дома. В самый кульминационный момент на экране появлялся фюрер и зрители встречали его дружными аплодисментами.

Сидевшие рядом генералы ограничились вежливыми хлопками. Сняв фуражки с кокардами, они остались в перчатках.

— Какая мощь! — на всякий случай заметил Гиммлер.

— Прекрасная операторская работа,— похвалил Гесс, не повернув головы.

Гиммлер не сомневался, что разговор с женой рейхслейтера не останется без последствий. Гесс конечно же все знал, и письмо было написано не без его участия. Но форсировать события явно не стоило. Молчание — тоже знак.

На следующее утро они вновь встретились на ежегодном приеме, который Гитлер давал для дипломатического корпуса. Направляясь через анфиладу комнат в зал приемов, где ему решительно нечего было делать, Гиммлер едва не столкнулся с «Пуцци», шефом партийного отдела внешнеполитической пропаганды.

— Сервус! — фамильярно, как старый бурш, приветствовал он приятеля.

«Пуцци» отличался остроумием и всегда был хорошо информирован. Поболтать с ним было намного приятнее, нежели топтаться в толпе чиновников рейхсканцелярии и МИДа.

— Привет, «Черный герцог»,— Ханфштенгль знал, что прозвище доставит удовольствие эсэсовскому главарю.

— Вы не очень торопитесь?

— Увы! — развел руками Ханфштенгль.— Семь минут до начала.— Он покосился на каминные часы.

Вышел озабоченный Гесс и, стрельнув по сторонам глубоко запавшими глазками, подозвал Гиммлера.

— Фюрер просит вас задержаться,— объявил он.

Гиммлер покорно кивнул и, скрывая тревогу, тихо отошел в сторону. Постояв у камина, он присел на диванчик. Отсюда была видна как раз та часть зала, где стояли дипломаты. Явились почти все аккредитованные в Берлине послы и посланники. Многие были в треуголках с плюмажами, бархатных камзолах или богато убранных золотым позументом мундирах. Визитки, а тем более смокинги явно остались в меньшинстве.

— Благословенный восемнадцатый век! — пошутил итальянский посол Черутти. Он казался не в меру оживленным и резво перебегал от одной группы к дру-

гой.— Можно подумать, что бог, устав от наших войн и революций, передвинул стрелки назад.

— В восемнадцатом веке хватало своих неприятностей,— заметил американский посол Уильям Додд.— Вспомните хотя бы взятие Бастилии, казнь Людовика и Марии Антуанетты, Наполеона, наконец...

— Вы, как всегда, правы, эчеленца. Что ж, история — ваш конек.— Оглянувшись по сторонам, Черутти удостоил поклона советского полпреда Сурица, стоявшего особняком.

На нем была простая черная тройка, и он не без стеснения взирал на мелькающие вокруг бутоньерки, парадные шпаги, фрачные ордена. В меру оживлялся, когда кто-нибудь останавливался возле него, но едва оставался один, вновь принимал безучастно-скучающее выражение.

Ровно в двенадцать вошел Гитлер. За ним почтительно следовали министр фон Нейрат, его заместитель фон Бюлов, статс-секретарь Мейснер.

Папский нунций в красной мантии князя церкви вышел вперед. Послы, заняв подобающие рангу место, образовали полукруг. Нунций огласил витиеватое поздравление на довольно скверном французском. Гитлер растроганно улыбнулся, хотя ничего, кроме «Христос» и «мир», не понял.

— Мне удалось существенно сократить безработицу! — поблагодарив за добрые пожелания, похвастался фюрер, сцепив пальцы внизу живота.

— За счет гонки вооружений,— шепнул французский посол, обернувшись к стоявшему за ним американцу.

Уильям Додд молча опустил веки. Он уже знал истинную цену шпилькам Франсуа Понсе, оказавшего нацистам финансовую поддержку.

Приблизившись к прелату, Гитлер неловко дернулся, высвобождая для пожатия руку, и пустился в витиеватые рассуждения на темы церковной истории, потом довольно долго рассказывал о каком-то австрийском монастыре. Легат его святейшества благожелательно поддакивал, не давая иссякнуть беседе.

Затем наступил черед живчика Франсуа Понсе, так и сиявшего жизнерадостной улыбкой.

— Я слышал, что на Сене ожидается высокий паводок, не грозит ли это славному Парижу? — поинтересовался рейхсканцлер.

— О, ваше превосходительство! Надеюсь, что наводнения не случится.

— Что ж, очень рад.— Гитлер шагнул к Уильяму Додду.

— Я слышал ваш разговор с его преосвященством,— сказал посол, пожимая протянутую руку.— Надеюсь, что исторические изыскания помогают вам скрасить досуг.

— Да! — Гитлер принял озабоченный вид.— Я даже предпочитаю историю политике, которая меня изнуряет... Когда вы намерены переехать во дворец Блюхера?

— Боюсь, что от меня это мало зависит, господин канцлер.

— Крайне досадно, что из-за метро это замечательное строение находится в угрожающем состоянии. Того и гляди, могут обрушиться стены... Но ничего, все, надеюсь, устроится,— не дослушав ответа, Гитлер тепло приветствовал английского амбассадора.

И гости, и хозяева прекрасно понимали, что обмен дежурными фразами значит не больше, чем протокольная любезность. Каждый, однако, стремился выказать себя с наиболее выгодной стороны. Общество несколько оживилось, когда фюрер надолго задержался возле русского дипломата. Судя по всему, беседа протекала непринужденно. Не в пример прочим. Это наводило на размышления.

Потом начался разъезд. Машины подавались с короткими промежутками. Отъезжающие одаривали прислугу чаевыми.

Гесс появился, когда Гиммлер, оставшись в полном одиночестве, уже начал терять терпение.

— Обстоятельства изменились,— скрестив на груди руки, небрежно уронил Гесс.— Фюрер сейчас очень занят.

— Понимаю, рейхслейтер,— Гиммлер встал, одернув мундир,— вы говорили, что у него есть вопросы ко мне?

— Вопрос.

— Я бы мог как следует подготовиться, если бы знал, в чем дело. Хотя бы приблизительно...

— Так уж и не догадываетесь! — Гесс насмешливо вздернул кустистые брови.— Хотите откровенно?

— Трудно выразить словами, как я дорожу вашим товарищеским отношением, рейхслейтер.

— Словами?.. Недурно сказано! Время требует от нас не слов, а поступков.

— Что я должен сделать, рейхслейтер? — смиренно, как проштрафившийся школяр, потупился Гиммлер.— Приказывайте.

— Приказывает фюрер, я могу лишь советовать, как товарищ по партии.— За ханжеским смирением Гесса проскользнула откровенная издевка.— Вам не кажется, что ваши парни взяли слишком резвый темп, Гиммлер? Фюреру надоели телефонные склоки. Имейте это в виду.

— Я не совсем понимаю вас, рейхслейтер? — пролепетал Гиммлер, несколько успокаиваясь.— Какие склоки?.. Почему-то стало хорошим тоном валить на нас чужие грехи.

«Неужели эта стерва так ничего и не сказала ему? — подумал он, готовясь выбросить козырную карту. Но Гесс опередил его, сразу же дав понять, что стоит выше всяких личных обид.

— Бедный вы, бедный... Я не спрашиваю, зачем вам понадобилось подключаться к телефонной сети военного министерства, мой кроткий Генрих! — Гесс презрительно хмыкнул.— Но имейте в виду, что господа с Бендлерштрассе принесли официальный протест. Они жаждут крови.

«Только этого не хватало! — внутренне обмер Гиммлер.— Не позже, не раньше».

— Боюсь, что я не совсем в курсе...

— Что ж, тем хуже для вас. Имейте в виду, что мы не намерены вмешиваться.

— Я понимаю,— удрученно кивнул Гиммлер.— А у них есть доказательства?

— Ваших засранцев,— напевно и с очевидным удовольствием протянул Гесс,— задержали на месте преступления, так сказать... Нешуточная ситуация, Гиммлер. Как бы не повторился уже известный спектакль.

— Что бы вы посоветовали, рейхслейтер?

— Проглотить пилюлю, как бы горька она ни была. Главное, не пытайтесь выгораживать своих уголовников. Их придется дезавуировать... Непосредственных начальников тоже задвиньте куда-нибудь подальше.

— Это все?

— Посмотрим, как будут развиваться события...

— Спасибо, рейхслейтер! — Гиммлер облегченно перевел дух.

Он лишний раз убедился, что Гесс говорил не только от своего имени. Но зато Гейдрих хорош! Прет напролом, как танк. Министр Фрик совершенно прав: убийца.

5

Лиловая дымка над Лондоном пахла горелым коксом. На зеленых лужайках, слезясь, оплывала ноздреватая ледяная глазурь. Знобкий западный ветер трепал приспущенный флаг над Букингемским дворцом. Крепповые ленты жалили на лету красный крест святого Георгия, синие диагонали святого Андрея. Вспугнутые колокольным звоном сорвались с квадратных зубцов Тауэра вещие вороны.

Почил Георг Пятый, король Великобритании и Ирландии, император Индии. Занавешены разделенные полуколоннами окна министерских апартаментов Уайтхолла. Улица Парламента, Трафальгарская площадь, Адмиралтейский экран — всюду черные банты, перевитые шнурами. Траурные полотнища, дубовые листья, влажная хвоя венков.

Над каминными трубами «Конной гвардии» беспокойно металась чайка, затесавшаяся в голубиную стаю. Когда на Темзе вскричали гудки, она взмыла вверх и, покружив возле «Часовой башни», скрылась за Вестминистерским мостом.

Похоронная процессия направлялась к собору. Конногвардейцы в сверкающих нагрудниках и золотых шлемах с ниспадающими хвостами слегка покачивались в седлах. Изредка всхрапывали завитые мелким шариком вороные, прядая ушами, выдыхая горячий пар.

Артиллерийский лафет осеняли знамена, расшитые гербами Соединенного Королевства и Саксен-Кобург-Готской фамилии. Вернее, Виндзорской, как она стала именоваться после семнадцатого года, перевернувшего мир. Отречение от германских корней родового древа подвело своеобразный итог эпохе, сокрушившей родственные династии Гогенцоллернов и Романовых. Врага и союзника.

Окаймленные рамкой газетные полосы напоминали о деяниях покойного короля. Не посягая на прерогативы парламента и кабинета, он достойно представлял великую империю, распростершуюся на бескрайних просто-

рах океанов и материков. Монарх и отец семейства, офицер флота и джентльмен.

Многочисленные фотографии воспроизводили достопамятные эпизоды. Король в детском приюте, под балдахином на спине слона, на палубе дредноута, ощетинившегося жерлами плутонгов. Какая эпоха, какие просторы, какая жизнь! Доки, заводы, блестящие рауты, праздничные улицы европейских столиц. Щемящая прелесть довоенного быта и военно-полевой аскетизм. Теплые встречи в Канаде, Австралии, Новой Зеландии. Охота на тигров в Хайдарабаде. Маневры в африканских песках. Парады и аудиенции. Бок о бок с монархами, диктаторами, президентами, улыбчивыми раджами в роскошных тюрбанах и вождями племен, увешанными клыкастыми ожерельями.

Не остался без внимания и трогательный жест первых лет: пятьдесят гиней в пользу семей бастующих докеров. Своевременное напоминание нации, сумевшей сохранить единство перед лицом повального безумия, шквалом пронесшегося над континентом. И хоть коснулось краем моровое поветрие, но милостью провидения не содрогнулись вековые устои. Воистину остров в бушующем море. Большевики, фашисты, анархисты — это не для старой доброй Англии. «Никогда, никогда, никогда англичанин не будет рабом!» Слава богу, переболели кровавым бунтом в далеком младенчестве. Классовые бои, стычки с доморощенными нацистами, восстания на заморских территориях остались за кадром. Не стоит вспоминать, неуместно. Да и вообще нет памяти о прежнем, как учит Екклисиаст. Все суета и томление духа.

Пред дивным порталом и непроглядным мраком отверстых дверей, куда вливается торжественно-опечаленная процессия, утихают мирские страсти. Сюда, как в вечность, вливаются реки и вытекают отсюда. Тончайшие колонны, слитые в пучки, расходящиеся звездами нервюр, в беспредельность рвущийся свод. И таинственный гул, и мрамора холодное дыхание, и вещий сумрак.

Молодые люди с парадными аксельбантами плавно опустили венки, каменея вполоборота на карауле. Министры и генералы, расправив ленты, почтительно склонили головы. Кто солидно и обстоятельно, а кто и поспешно, словно преодолевая неловкость. Безмолвная дипломатия мимолетных касаний, призванная выразить всю глубину подобающих случаю чувств. Примиряю-

щая символика взглядов, которыми обменивались даже представители соперничающих держав. И никто не заметил, что кукловод, направлявший слаженное движение фигурок во фраках, нечаянно перепутал нити. Пантомима, призванная отобразить смирение власти земной перед властью небесной, дала осечку. В гротескных пируэтах старомодного танца a la Cranach [1] явственно обозначилась иррациональная аура века. Когда средство становится целью, общественное сознание начинает двигаться вспять. Во тьму инстинкта, где теплом материнского лона дышат почва, кровь и беспамятство.

С пещерных времен смерть безотказно служила политике. Мировая бойня, открыв счет на миллионы и миллионы, содрала непрочную пленку цивилизации. Фридрих Ницше оказался пророком. Бог действительно умер. Зловещая эмблема, уместная прежде разве что на кладбище или в монашеской келье, перекочевала на солдатский мундир. Как раз к сроку подросло новое беспамятное поколение, жаждущее упиться бредом. Подточенный неизлечимым недугом мир разлагался заживо, но этого никто не видел. Пророков, как обычно, побили каменьями — кто мыкается на чужбине, кто подыхает за колючей проволокой.

Чисто внешне официальная церемония протекала без единого сбоя, в полном согласии с графиком и предписанным этикетом.

Жарко пылали свечи, отуманенные влажным дыханием цветов. Рябило в глазах от геральдической россыпи алых и белых роз. Оранжерейной духотой одурманивали сингапурские орхидеи и нежные, чуть тронутые увяданием фиалки Пармы.

Фотографы, не сумевшие обзавестись пригласительными билетами, приникли к пикам ограды. Дымно вспыхивал магний, высвечивая фасы и профили в размеренно продвигавшейся веренице высокопоставленных персон. Ордена на подушечках, вызолоченные кареты, бифитеры с алебардами — все было многократно запечатлено на пластинках и пленках. Люди на тротуарах. Кортеж лимузинов с флажками: «роллс-ройсы», «паккарды», «альфа-ромео», «бьюики». Лакированные каскетки полиции. Августейшая вдова под белой вуалью.

---

[1] В стиле Кранаха. Имеется в виду цикл гравюр Лукаса Кранаха Старшего «Пляски смерти».

Белое — траурный цвет королев. Тщательно подвитые усы и бородка Эдуарда — крупным планом.

«Король умер, да здравствует король!» Жизнь продолжается.

Вспышка за вспышкой, словно блики в потоке бытия: услужливо распахнутые дверцы, медленно распрямляющиеся фигуры в цилиндрах и треуголках, адмиральские фуражки, импозантные лысины, почтительно склоненные проборы. Азартная охота, расточительная, как сама жизнь. Разве что сотая доля отснятого материала обретет вневременность застывшего мига на цинковой пластине набора. Остальное — насмарку, а всего лучше в огонь, чтоб извлечь из пепла серебро. В огне обновляется природа, но заключенная в черепе вселенная, неповторимый микрокосм исчезают бесследно. Всеведущая наука открыла, что и в человеческом теле содержатся драгоценные элементы, правда в ничтожных количествах. Немецкие ученые даже сумели подсчитать, сколько это будет в пересчете на пфенниги. Ничтожная сумма! Волосы, идущие на парики, намного дороже находящегося в них золота.

В атмосфере разливалось растлевающее дыхание гидры, еще не готовой плюнуть огнем.

Британия правит морями, Британией — кабинет министров, король представительствует. Минули дни официального траура. Страна отпраздновала коронацию Эдуарда Восьмого. Сейсмограф дипломатической активности лихорадочными всплесками регистрировал назревавший разлом земной коры. Шифровальщики трудились в поте лица. По всему выходило, что тридцать шестой год станет переломным.

Советская делегация — правительство представлял Литвинов, армию — Тухачевский — оказалась в центре всеобщего интереса. Англия как бы заново открыла для себя романтического героя, который уже однажды стоял под стенами Варшавы и вполне способен на куда более дерзкий поход. Срочно переводилась изданная во Франции биография маршала. Оказалось, что и в эпоху сплошной механизации личное обаяние кое-чего стоит.

Особняк на Кенсингтон пэлес гарденс, 5, где размещалось советское полпредство, превратился в одно из наиболее притягательных мест британской столицы.

Полпред Иван Михайлович Майский (на пригласительных билетах, как и в верительных грамотах, ранг советского представителя полностью соответствовал титулу Венского регламента [1]) устроил прием, на который были приглашены высшие офицеры Великобритании.

Специально для них прокрутили порядком исцарапанную ленту, запечатлевшую воздушный парад. Когда на небольшом экране замелькали выпрыгивающие из люков фигуры в комбинезонах и шлемах, десятки, сотни, может быть, тысячи раскрытых куполов, послышались восхищенные возгласы. Массовость десанта и ювелирное приземление одновременно восхитили и ошеломили обычно сдержанных англичан. Как только зажегся свет, посыпались вопросы:

— Это солдаты или тренированные спортсмены?

— Сколько человек было в воздухе?

— Вы создаете отборные формирования?

— У вас есть воздушные командос?

— Кинотрюк исключен?

Тухачевский и военный атташе комкор Путна едва успевали отвечать.

— Вы все видели собственными глазами, господа,— Михаил Николаевич кивнул на экран.— Именно в таком направлении развивается военная мысль.

— Не смею сомневаться в ваших словах, господин маршал,— зажав под мышкой стек, поднялся генерал Бэль.— Но, на мой взгляд, воздушные десанты не могут иметь самостоятельного значения. Эти впечатляющие сцены из области научной фантастики. Нечто вроде «Борьбы миров» Уэллса.

— Уэллсом я зачитывался еще в гимназии. Но, если говорить серьезно, в научной фантастике немало дельного. Я, например, вполне допускаю, что еще мы с вами станем свидетелями межпланетных полетов.

— «Из пушки на Луну»? — вызвав корректный смех, спросил генерал.— Я тоже люблю поразвлечься фантазиями.

— Не хочу делать дурных пророчеств, но в грядущей войне нам придется столкнуться с боевыми ракетами. Если эта тема вас занимает, мы бы могли встретиться на этих днях и продолжить обсуждение.

---

[1] Ambassadeur Extraordinaire et Pleneporentiare — Чрезвычайный и Полномочный Посол.

В четверг Тухачевского принял начальник штаба военно-морских сил адмирал Четфилд.

— Зная, что нам предстоит увидеться, господин маршал, я не стал докучать вам расспросами, хотя до сих пор под впечатлением увиденного.

— Смею уверить, что это не кинотрюк.

— Фантазии, трюки, цирковые фокусы — боже, какая глупость. Можно подумать, что мы выращиваем своих офицеров в инкубаторе. Не стану скрывать, но мне известно, что вы уже использовали воздушный десант в ходе маневров. Жаль, что при этом не было наших наблюдателей. Остается лишь позавидовать французским коллегам. Лично меня весьма интересует возможность совместных операций авиации и флота.

— Это очень интересный аспект, господин адмирал. Исход многих операций был бы совершенно иным, если бы атаке с моря предшествовала выброска парашютистов. Я совершенно с вами согласен... Что же касается посылки наблюдателей, то, уверяю вас, мы будем только рады принять английских друзей. Считайте это официальным предложением. Подробности мы можем согласовать по обычным каналам.

Тухачевский мысленно поздравил себя с успехом. До конкретных договоренностей было еще далеко, но обнаружился интерес, и это давало надежду. За Четфилдом стоял самый могучий флот на земном шаре.

Политика Уайтхолла строилась на абсолютной уверенности в том, что агрессивные устремления Гитлера направлены прежде всего на Восток. Отсюда со всей естественностью вытекало индифферентное отношение к самой идее коллективной безопасности. Литвинов, при всей его опытности, так и не сумел стронуть англичан с этой железобетонной позиции. Даже его доверительное свидание с Иденом не привело к сколь-нибудь существенным сдвигам. Разве что стали понятнее позиции обеих сторон. И вот первая долгожданная ласточка. Она хоть и не делает весны, но, безусловно, сулит потепление.

Вечером советская делегация посетила Букингемский дворец.

В сиянии хрустальных подвесок утонченная роскошь двора произвела впечатление даже на искушенного наркома. Стол в виде широкой подковы был сервирован в лучших традициях восемнадцатого века: массивные, пунктированные алмазом бокалы работы Гринвуда,

ворчестерский фарфор с рельефным, ослепительно синим декором, знаменитое серебро королевы Анны, непревзойденное по простоте и благородству форм.

— В прошлом у нас были кое-какие трудности,— приветствовал Литвинова Эдуард Восьмой.— Но мы можем жить в добром согласии и успешно развивать торговлю.

Задушевный тон придал светской банальности должную значимость, а намек на «трудности» не стоило принимать близко к сердцу. Если подразумевался арест английских электриков, вызвавший действительно серьезное осложнение отношений, то дело давным-давно уладилось. ЦИК досрочно освободил осужденных инженеров. Словом, король сказал все, что положено королю, а министр ответил, как подобает министру.

Тем более что Эдуард сразу же переключил внимание на Тухачевского:

— Какая строгая и вместе с тем импозантная форма! — простодушно восхитился он и глазом знатока скользнул по золотым звездам на рукавах и петлицах.— Очень-очень к лицу, сэр маршал... Говорят, наши дамы без ума от вас? Поздравляю!

Михаил Николаевич сдержанно поблагодарил за сомнительный комплимент. Он давно примирился с восторженным поклонением прекрасного пола и хлесткой назойливостью газетчиков. Ничего хорошего это не принесло. Скорее, напротив, доставило множество огорчений, подчас серьезных. «Красавец маршал», «большевистский Александр», «военный гений революции»... Эти и подобные им журналистские перлы, мягко говоря, не прибавляли друзей. С легкой руки французов, которые первыми стали трубить о «красном Бонапарте», английские журналисты с удивительным единодушием навалились на исторические параллели. С кем только из наполеоновских маршалов его не сравнивали!

Эта навязчивая доминанта, пожалуй, была опаснее всего. Тухачевский превосходно понимал, какой сугубо специфический смысл обретает на родимой почве даже вскользь брошенное словечко — «бонапартизм».

И года не прошло, как была перепечатана пятнадцатилетней давности беседа со Сталиным. Зачем, спрашивается, вновь раздувать отгоревшие уголья? Значит, ничего не забыто и каждое лыко в строку.

Маршал почти осязал, как сгущается и растет аморфная липкая масса, выбрасывая то здесь, то там хищные

щупальца. Это заставляло постоянно держаться настороже, обдумывать каждое слово, контролировать каждый жест. Особенно здесь, за границей, где тоже велись свои закулисные игры, чьи ходы лишь смутно угадывались в общем контексте международной политики. Хотелось верить, что стрельба ведется по площадям не прицельно, но уж слишком открытой была позиция, чтобы не придавать значения даже пустяковым, случайным на первый взгляд попаданиям.

Когда закончилась, притом очень скоро, официальная часть и гости налегли на закуски, маршала отыскал Бэль.

— Рекомендую попробовать омара под майонезом,— посоветовал генерал и, ловко орудуя пинцетами и крючками, разделал клешни.— Должен заметить, что с оперативной стороны применение массивного десантирования встречает определенные возражения...— продолжил он вне всякой связи с гастрономическими рекомендациями. Но развить тему не пришлось, потому что рядом словно из-под земли возникла высокая дама в палантине из баргузинских соболей. Молодящаяся, эффектная, перегруженная бриллиантами: бальная княжеская коронка, ожерелье, браслет.

— Как поживаете, генерал?

— Спасибо, миледи, превосходно... Как вы поживаете?.. Маршал Тухачевский, леди Астор,— с непринужденностью старого знакомого выполнил он лаконичный обряд представления.

Видимо, именно этого и ждала дама, сразу же завладев вниманием гостя.

— Счастлива знакомству с вами, знаменитый маршал!.. Говорите по-английски?

— Немного. С французским дело обстоит несколько лучше.

— Я читала о вас в газетах. Поистине блистательная карьера! — она легко перешла на французский.— Оказывается, вы дворянин, маршал?..

— Как и Ленин, мадам.

Она рассмеялась, давая понять, что принимает ответ за шутку, и сразу зашла с другой стороны:

— Надеюсь, вы не англофоб?

— С чего бы это?.. По убеждениям, как вы могли бы, наверное, догадаться, я интернационалист.

— Полностью разделяю ваши взгляды... Однако вы говорите, как истый парижанин. Впрочем, чему я удив-

ляюсь? Столько лет французский был языком дворянства, а для благородных людей не существует национальных границ... Немецкий знаете так же хорошо, господин Тухачевский?

— Пожалуй,— с заминкой ответил он.— Но предпочитаю все же французский, как международный язык дипломатии.

— Браво, маршал! Вы действительно дипломат, и очень тонкий. Я, кажется, уже успела сказать, что наши немецкие друзья совершенно очарованы вами.

— О каких друзьях речь, мадам?

— Разве вы не останавливались в Берлине, господин Тухачевский? Прошлой осенью?

Тухачевский внутренне подобрался. Разговор приобретал подозрительную остроту.

— Я солдат, миледи,— он и не пытался заглушить металл в голосе.— Боюсь, что мы не поймем друг друга.— И уже мягче, с задумчивой улыбкой обронил: — Вряд ли у нас найдутся общие друзья. Мои — все в России.

— Я, очевидно, неловко выразилась,— леди Астор казалась смущенной.— В пересказах всегда возникает путаница... Виной всему впечатление, которое произвел ваш остроумный тост... Ах, прошу прощения, сэр Генри делает мне какие-то знаки! — изящно присев, она скользнула к старому джентльмену, угрюмо вертевшему пустой бокал.

— Генри Детердинг,— счел необходимым пояснить Бэль.— «Роял Детч Шелл». Второй в мире магнат нефти. Между нами говоря, ужасный мизантроп.

— Понятно,— кивнул Михаил Николаевич. Имя Детердинга многое говорило.— А дама?

— Леди Астор? Очаровательная женщина! Конечно, в своем роде... Лично я не одобряю пронацистских симпатий.

Ситуация прояснялась. Детердинг, щедро финансирующий движение Освальда Мосли, эта Астор... Конечно же она ввязалась в разговор с определенным намерением. Да и информирована превосходно. Одно слово «останавливались» чего стоит! Характерный акцент. Об «остановке» в Берлине знал очень узкий круг лиц. О краткой встрече с генералами вермахта и тосте в ответ на здравицу в честь Красной Армии — тем более. Утечка, притом почти наверняка преднамеренная, могла быть только с немецкой стороны.

«Останавливаясь» в Берлине, Тухачевский выполнил личное пожелание Сталина, озабоченного слишком резкой реакцией нацистской пропаганды на советско-чехословацкий договор. Изменил ли ситуацию обмен комплиментами? Едва ли. Но сейчас важно не это... На докладе в Кремле присутствовал только нарком Ворошилов. «Кто из немецких генералов встречал вас, товарищ Тухачевский?» — поинтересовался Сталин в самом конце.— «Фриш, Бломберг, Гальдер. Все старые знакомые с веймарских времен».— «Это хорошо, что знакомые. Но теперь эти знакомые — фашистские генералы. Поэтому их заверения о желании восстановить с нами добрые отношения имеют особое значение. Но мы, конечно, не можем полагаться на одни добрые заверения. Добрые заверения подкрепляются делом».

Именно так и закончил тогда Сталин, многократно варьируя по своему обыкновению одни и те же сочетания слов. Зная его манеру, легко было восстановить в памяти.

О протокольном (выпили по бокалу секта) обмене тостами Михаил Николаевич не доложил, посчитав это ничего не значащей мелочью. И вот оказалось, что это вовсе не мелочь в иных глазах...

— Нас прервали на самом интересном месте, мой маршал,— Бэль со вкусом обыгрывал характерные нюансы французского языка.— Меня действительно живо интересуют возможности воздушных десантов. Обстановка, конечно, не самая подходящая, но тем не менее...

— Совершенно с вами согласен. С картой в руках мы могли бы провести маленькую штабную игру,— Тухачевский принужденно улыбнулся. Беседа с леди Астор оставила неприятный осадок.

— Думаю, такая возможность представится... Насколько мне известно, вы встречаетесь с адмиралом Четфилдом? Он любит мысленные эксперименты. Почему бы и нам не взять для примера какую-нибудь операцию минувшей войны?

— На ваш выбор,— маршал понял, что армия не хочет отставать от флота.— Вы хозяин.

— Предположим, неудачную воздушную атаку на базы германских подводных лодок в Брюгге. Должен сказать, что она вызвала разочарование в возможностях военно-воздушного флота.

— Я знаком с точкой зрения Морриса, даже написал

предисловие к русскому переводу. Единственное преимущество массированных налетов он видит в преследовании уже разгромленного противника, причем «малокультурного». Это не выдерживает серьезной критики. Насколько я знаю, британская военная мысль развивалась в ином направлении. У вас есть замечательные достижения во всех областях авиации, включая десанты.

— Борьба мнений не утихает,— Бэль скептически улыбнулся...— Оценить возможности парашютистов на примере операции в Брюгге будет весьма поучительно.

— Можете играть за любую сторону. Выбирайте сами: Антанту или немцев?

— Предпочитаю свою команду. Какова численность парашютистов?

— Допустим, тысяча. Для начала. Перед нами ставятся следующие задачи: вывести из строя хранилища горюче-смазочных материалов, перерезать пути подвоза, создать площадки для приема подкреплений, включая тяжелую технику. В современных условиях тут нет ничего невозможного. А в будущем... Кстати, генерал, я возлагаю большие надежды на совершенствование автожиров и геликоптеров. Хотелось бы ознакомиться с вашим опытом в этой области.

— Боюсь, что вы убедили меня.— Бэль уклонился от ответа.— Я вынужден коренным образом пересмотреть мнение о Красной Армии. Признаю свое поражение.

— Поражение? В данном случае атакующие войска одержали победу. Хотелось бы надеяться, что в союзе друг с другом наши страны сумеют предотвратить войну.

Расстались с Бэлем почти сердечно. Тухачевский догадывался, что англичане занимаются боевыми ракетами, и не случайно заговорил о межпланетных перелетах. Если сегодня доступ к секретным разработкам закрыт, пусть отложится на будущее. О дальнем обнаружении самолетов посредством отражения электромагнитных волн он даже не заикнулся. С научной стороны эта проблема была решена учеными физико-технического института еще в те годы, когда Тухачевский командовал Ленинградским округом.

Утро следующего дня оказалось свободным.

— Не хочешь прокатиться по городу? — предложил Витовт Казимирович Путна.— Лондон того стоит, уверяю тебя. Когда еще доведется увидеть?

— Переодевшись в штатское, они удобно устроились на заднем сиденье «кросслея».

— Есть специальные пожелания? — Путна предупредительно протер запотевшие окна, поднял внутреннее стекло.

— Разве что музей музыкальных инструментов? Хотелось бы взглянуть на здешние «страдивари», но это не обязательно.

— Посмотрим, где оно может быть,— Путна вынул путеводитель.— Ройал колледж оф мьюзик, наверное?.. Принц Консорт роуд. Где-то совсем рядом, у Саут Кенсингтон.

— Тогда на обратном пути.

— По-прежнему увлекаешься скрипками?

— Что делать? Музыка — жизнь души. Жаль, времени катастрофически не хватает.

— Не раскрыл еще секрета лаков?

— Еще не раскрыл...

Они выехали на широкую Бейсвотер. По правую сторону проносились лужайки парков, среди темных стволов мелькала позеленевшая бронза конных статуй. Слева тянулись тесные ряды домов, удививших Тухачевского обилием дверей, разнообразием цвета и мелких архитектурных деталей.

— У каждого свой вход, свой дом, пусть хоть часть дома. Оригиналы!

— Этого у них не отнимешь. Даже движение и то левостороннее.

— Не хочется верить, что и здесь фашизм пустил свои липкие побеги. Нацизм — это болезнь, парализующая волю к сопротивлению. Чехословакия, Франция, Австрия, Польша — всюду дает знать о себе эта бацилла.

— Верно. Только в Англии все немножко не так. Британца не заставишь орать: «Хайль!» Не тот характер. Ирландское государство — разговор особый. Там действительно всякое возможно. Но здесь... У Мосли и его хулиганов нет прочной опоры в народе.

— А как насчет промышленников, высшей аристократии?

— Ты имеешь в виду эту Астор? Лорда Лотиана?.. Политические симпатии налицо, и с ними нельзя не считаться. Но у доморощенных фюреров нет шанса. Наши газеты определенно перехлестывают насчет Англии. Это никому не на пользу, кроме Гитлера.

Великобритания — могучая страна. Договор с французами, нет слов, крайне важен, но без англичан он так и останется на бумаге.

— Ты меня агитируешь? — уголками губ улыбнулся Тухачевский.— Будем надеяться, что Максим Максимович сумеет найти общий язык с Иденом.

— Иден, к сожалению, не премьер.

— Даже не министр иностранных дел. В основных позициях я согласен с тобой, но вся беда в том, что твои хваленые англичане попустительствуют Гитлеру. Думают, что останутся в стороне... Зато они весьма чувствительны к разбою чернорубашечников в Африке. Понимают, что Абиссинией не ограничится. Поддержка Франции для них тут очень важна. Вот мы и попробуем нажать на Лондон через Париж.

— Чертовски хочется повидать Иеронимуса!

— Он нас будет встречать, уверен.

— Судя по откликам, французы в восторге от маневров. Молодец Уборевич!.. Кстати, английские газеты довольно язвительно проехались на наш счет. «Фашистские наблюдатели на военных учениях большевиков» и далее в том же духе. Это к вопросу о принципиальности. Пригласив итальянцев, мы потеряли в глазах прогрессивной общественности.

— Политически это был правильный шаг. Если у меня и были какие сомнения, то здесь, в Лондоне, они окончательно отпали. Я даже рад, что англичан это задело за живое. Мы ясно дали понять, что наша система союзов преследует одну-единственную цель — коллективную безопасность. Двери открыты для всех.

— И для Гитлера?

— Гитлер никогда не откажется от своих планов, а значит, и не присоединится к европейскому сообществу. Иначе бы он не порвал с Лигой Наций. Антисоветская установка Германии очевидна для всех. Но это отнюдь не значит, что, прежде чем броситься на Восток, вермахт не ударит по Западной Европе. Мы были бы последними простофилями, если бы не пытались сыграть на противоречиях между империалистами. Принципы не всегда совпадают с реальной политикой.

— Марбл Арч,— Путна показал на монументальные трехпролетные ворота, напоминающие триумфальную арку.— Там дальше Гайд-парк.

Машина плавно свернула на Парк-лейн.

— Тот самый?

— Уголок ораторов... Хочешь взглянуть? — Путна постучал в стекло шофера.— Так уж устроен человек, что ему необходимо бывает выговориться.

Они пошли по аллее, блаженно щурясь навстречу солнечной неге. Ласковый ветерок перегонял по траве лоскутки прелых листьев. Снега почти нигде не осталось. Тянуло прижаться щекой к платану и погладить замшевую кору. Она казалась мягкой и теплой.

Ни ораторов, ни слушателей в парке не встретили. На скамейке, изредка покачивая коляску, дремала молодая мама. Тут же шуршал газетой старичок в распахнутом пальто, а чуть поодаль две благовоспитанные девицы играли в серсо.

— Тут это и происходит? — оглянувшись по сторонам, спросил Тухачевский.

— Странно, что никого нет. Обычно как войдешь, так сразу же наткнешься на очередного цицерона. Каких только призывов не услышишь! Один требует немедленно уйти из Африки и заняться Европой, другой — напротив, чуть ли не всем миром переселиться в Уганду. Кто претендует на роль пророка, кто защищает права престарелых моряков... Всего и не перечислишь. Над этим, конечно, можно потешаться, и можно и нет...

Тухачевский уловил недосказанное и ничего не ответил.

Витовта он знал чуть ли не с самого детства. Вместе служили потом в лейб-гвардии Семеновском полку. В гражданскую прошли от Волги до Камы. Кротовка, Бугуруслан, Уфа, Челябинск — это ли можно забыть? Тухачевский принял армию в самый критический момент. «Штаб отбивает атаки противника»,— доложил начштаба. Куда уж дальше... Пятая отступала, измотанная до последнего предела, обескровленная в боях. Отступала, «огрызаясь жестоко», как проникновенно заметил Витовт. До Волги белым оставалось два, от силы три перехода. Но они не сделали их. Пятая устояла и перешла в наступление. Блюхер, Вострецов, Хаханьян, Эйхе, Борчанинов, Ермолин, Гайлит, Матиясевич, Лапин — каждый в отдельности и все вместе они совершили почти невозможное. Не верить им, сомневаться — все равно что не верить себе, а Путна, комдив-27, витязь Витовт — самый близкий.

Омская стрелковая сражалась и на Западном фрон-

те. Ее командир знает, почему Тухачевскому пришлось отступить от Варшавы. И когда было приказано подавить кронштадтский мятеж, он опять оказался рядом. Доблестный всадник, как на гербе «Погоня» [1]. Это сокровенное, устоявшееся. На всю жизнь.

Но было и другое, пребывавшее в некой почти абстрактной обособленности. Подобно слоям керосина и воды, сосуществующим, но не поддающимся смешению. «В 1923 году состоял в троцкистской оппозиции». «Примкнул к объединенной оппозиции, от которой отошел в конце 1927 года». Две короткие строки в личном деле, точно крест-накрест забитые доски.

Впервые за все эти дни, впрессованные в жесткий распорядок программы, они остались с глазу на глаз. Молчание скорее соединяло, нежели разделяло. Оба думали об одном и том же, а слово могло обернуться ложью. Скупо отмеренная недреманным, имплатированным в мозг соглядатаем, ставшим частью души, речь утратила свое исконное предназначение. Есть вещи, которые не принято обсуждать. Для них существуют готовые формулы, раз и навсегда закрывающие проблему. Поэтому лучше и вовсе не говорить, даже если молчание угнетает. Или переключиться совсем на иное, принудив смириться бунтующий разум.

— Что вообще происходит? — осторожно, точно пробуя тонкий лед, спросил Путна.— Какие ветры веют?

— Сам-то как ощущаешь, Витовт Казимирович?.. Нелегкий вопрос. И все же легче спросить, чем ответить.

— Понимаю.

— Чего ж тогда спрашиваешь, ежели понимаешь? — Тухачевский снял перчатку и с нажимом обвел извилистые узоры коры. Пальцы обожгло промороженным наждаком.— Ну, скажу я тебе, старый товарищ,— суровые ветры. Успокоит такой ответ? Ненужный это разговор, Витусь, вокруг да около. Если есть что конкретное, давай напрямую. Увиливать не стану.

— Прости, Михаил Николаевич! Мы же здесь, как на необитаемом острове. Буржуазной прессе веры, конечно, нет, но тут столько наверчено, так бьет по нер-

[1] Литовский геральдический символ — рыцарь с мечом, преследующий противника.

вам... Московские газеты приходят с запозданием, радио... А что радио? Словом, тяжело.

— Терпи, казак. Трудное время нам выпало. Но мы солдаты: надо служить... С тобой лично, по-моему, все в полном порядке. Никаких вопросов.

— Пока...

— Вот и довольствуйся этим «пока». Человек не властен над собственным завтра. Нигде и никогда. Но есть народ, есть великая страна. Этим и нужно жить.

— Все так, Михаил Николаевич. В большом у меня нет и тени сомнений. Все правильно. Но как доходит до отдельно взятого человека, верного, испытанного в борьбе товарища... Вот тут — извини. Не могу понять. Хотел бы, очень хотел, но не могу.— Путна ослабил галстук, повернул вдавившуюся в кожу запонку.— Помнишь «Повесть о непогашенной луне»?

— Еще бы.

— С ним тоже «все в порядке», с Пильняком?

— Точно не знаю, но тревожных сигналов как будто нет. В свое время всыпали по первое число, потом успокоились. Тебя-то это с какого боку затрагивает?

— Меня? — Путна окинул Тухачевского пустым, отрешенным взглядом и отрицательно помотал головой.— Не обо мне речь, не только обо мне... Мы все, как Гаврилов. Прикажут лечь под нож, и мы безропотно ляжем. Потому что «так надо», потому что этого требуют «высшие интересы». Вот в чем штука.

— Может, и так... Но мы с тобой не пешки, Витовт. От нас очень многое зависит, и мы многое можем сделать. Столкновения с фашизмом не избежать. Это и есть «высшие интересы». Поэтому не лезь на рожон.— Тухачевский взмахнул зажатой в руке перчаткой.— И не поддавайся на провокации... Поедем?

Они повернули к выходу, вминая листву во влажный песок. Изредка похрустывали под ногой прошлогодние желуди, колючие орешки платана.

— В музей?

— Как-нибудь в другой раз.

Проскочив перекресток, где замерли перед светофором два встречных потока красных автобусов и черных кебов, машина вырвалась на Гросно-плейс и понеслась по Воксхолл-бридж роад. Показалась бурая Темза, суда на приколе. На набережной свернули на Майлбэнк и, миновав парламент, влились в поток, продвигавшийся к мосту Ватерлоо.

Тухачевский воспринимал великий город как разорванную партитуру. Обрывками завораживающей мелодии летели навстречу колоннады и купола. Жизнеутверждающим трагизмом звучала воздушная готика. Гениальный порядок в хаосе небытия. Шостакович! Это его музыка звучала в ушах. Милый Дим Димыч, это он стоял и стоял перед глазами.

«Правда» со статьей об опере «Леди Макбет Мценского уезда» добралась до Лондона только вчера. Глянув на заголовок — «Сумбур вместо музыки», Тухачевский ощутил резкий прилив крови к вискам. Не сразу удалось сосредоточиться, дочитать до конца. За огульными обвинениями и бранью угадывалась недвусмысленная угроза. Критике подвергался не только композитор, создавший себе на беду гениальное творение. Раздраженный выпад насчет «наиболее отрицательных черт «мейерхольдовщины» обнаруживал куда более далекий прицел. Ради того, чтобы лишний раз заклеймить левое искусство (в газете упоминалось «левацкое»), не стоило городить огород. Трудно было отделаться от мысли, что опера явилась лишь поводом для очередного нагнетания страстей. Крушение воинского эшелона, падеж скота, клеветнический роман, хозяйственное дело — не в отдельной личности суть и не в событии как таковом. Жертвой пропагандистской кампании с одинаковым успехом мог стать и прославленный музыкант, и безвестный доселе расточник коленчатых валов.

Статья была без подписи, следовательно, имела директивный характер. Молнию низверг Олимп. Оставалось гадать, куда именно направлен главный удар.

Литвинов выразил опасение по поводу Мейерхольда. «Пятая годовщина РККА,— бесстрастно и коротко напомнил Максим Максимович,— премьера спектакля «Земля дыбом». Не помните?.. «Троцкому работу свою посвящает Всеволод Мейерхольд». Тогда такое считалось в порядке вещей, но нынче... Не знаю».

Михаилу Николаевичу оставалось лишь подивиться сложным узлам, которые завязывала жизнь. Ничто не проходило бесследно. То, что даже мимолетная, а то и вовсе случайная близость к Троцкому могла обернуться крупными неприятностями, в общем было понятно. По крайней мере поддавалось объяснению. Но когда брошенная с широким замахом сеть накрывала

«и чистых, и нечистых» и все они превращались в одинаково виновных, трезвый разум отказывал.

— Через Стренд на Пиккадилли? — Путна отвлек маршала от изнурительного бега по замкнутой траектории.— Колонна Нельсона, Национальная галерея...

— Давай-ка лучше до дому, Витовт Казимирович. Могут быть телеграммы...

— Завтра Иван Михайлович дает завтрак. Военный министр Даф-Купер уже прислал визитку. И вообще день забит до отказа.

— Ну и замечательно. Я почти уверен, что англичане примут приглашение, а уж Якир не подкачает. У него есть на что посмотреть.

— Скрипочки, значит, побоку?

— Попробуем послезавтра, если ничего не случится.

— «Что день грядущий мне готовит?..» — невесело пропел Путна и расстегнул пальто.— Душновато, не находишь?.. Я почему Пильняка вспомнил... Ты читал его «Красное дерево»?..

— «Красное дерево»?.. Что-то такое припоминаю. По-моему, именно за это и прорабатывали?

— Дело знакомое. Пророков всегда побивали каменьями. А он определенно пророк. «Всех ленинцев и всех троцкистов прогонят»... Попробуй кто скажи такое... А он посмел.

«По слову его»,— пронеслось в голове Витовта Казимировича. С запоздалым сожалением он подумал о том, что у Тухачевского, который не только никогда не примыкал к оппозиции, но и не раз схлестывался с самим Троцким, тоже нет охранной грамоты.

— Не помню подобного «предсказания»... Это когда было? В двадцать девятом?

— Двадцать восьмом... Я книжку в Берлине купил.

— Не имеет значения. Судьба троцкизма решилась окончательно и бесповоротно еще в двадцать седьмом. Тебе ли не знать? — Тухачевский дал понять, что не желает продолжения разговора.

6

Самолет Люфтганзы, прибывший из Лондона, встречал в Темпельгофе майор Остер. Получив из рук пилота запечатанный конверт, он сел в «опель», поджидавший с работающим мотором прямо на летном поле,

и поехал в управление военной разведки и контрразведки.

Германское посольство и разведывательные службы тщательно собирали любую информацию о визите военной делегации СССР: газетные вырезки, радиоперехват, светские сплетни, слухи. Все материалы, включая фотографии Тухачевского и Путны, где они были запечатлены рядом с самыми разными, порой совершенно случайными людьми, спешно переправлялись в Берлин. Судя по всему, не приходилось, по крайней мере в обозримом будущем, опасаться существенных изменений британской позиции.

Стало известно, что руководитель экономического департамента Форин оффиса Эштон-Гуэткин и советник Чемберлена Лейт-Росс готовят записку, в которой высказываются в пользу таможенного союза с Германией. В руки агента абвера попал обрывок копировальной бумаги с фрагментом текста чрезвычайной важности:

«Германская экспансия в плане растущего экспорта была жизненно необходимой, естественным направлением для нее явилась Центральная и Юго-Восточная Европа, и в обмен на прежние германские колонии ей могли предоставить компенсацию в виде субсидий».

Нетрудно было прийти к успокоительному заключению, что Великобритания с пониманием относится к восточной политике рейха и, следовательно, едва ли пойдет на сближение с Москвой. Предложение субсидий означало не только согласие с программой вооружений, но и недвусмысленную ее поддержку. Но в отношениях между странами нет раз и навсегда завоеванных рубежей, а ветры над Темзой отличаются особым непостоянством. Коварство Альбиона вошло в пословицу.

Глагол «мочь», употребленный в прошедшем времени, явно не способствовал безудержному оптимизму. Мало ли какие похлебки варятся во всякого рода канцеляриях? Куда важнее, что подадут на стол.

Миссия Тухачевского определенно повлияла на настроения в высших военных кругах, что так или иначе скажется на ситуации во Франции. В будущем подобное развитие событий может привести к значительным осложнениям.

Рудольф Гесс потребовал предложений.

Получив секретный пакет из партийной канцелярии, Гейдрих позвонил Канарису. Условились встретиться с глазу на глаз. Интересы рейха превыше симпатий и антипатий. Фридрих Вильгельм Канарис, возглавивший абвер всего несколько месяцев назад, ни на йоту не сомневался в том, что Гейдрих подслушивал и его телефоны. Благо, штаб-квартира абвера находилась в непосредственной близости от военного министерства.

Случай любит выкидывать забавные коленца.

Шефа СД Канарис помнил еще лейтенантом военного флота: оба служили на одном корабле. Как старший офицер крейсера «Берлин», он даже входил в состав «суда чести», разбиравшего скандальное дело Гейдриха.

Внешнюю канву составляли похождения по женской линии: адюльтер в своем (морских офицеров) кругу. Было и еще кое-что, слегка напоминавшее брачную аферу, прикрытую скоропалительной женитьбой. Но все это так, зыбь на поверхности, каемка прибоя. Истинная причина лежала много глубже, в сфере политики. Весной 1931 года это еще считалось несовместимым со службой. Особенно на флоте, где чуть ли не каждый второй мог похвастаться дворянской приставкой «фон». Генералам-аристократам, даже отпрыскам коронованных фамилий, вовсе не возбранялось поддерживать национальное движение господина Гитлера, но формальная принадлежность к партии была несовместима с присягой. Офицер не мог позволить себе якшаться с нацистами, тем более эсэсовцами, уже успевшими снискать дурную славу. Для этого надо было выйти в отставку, как Рем или Геринг. Иное дело абвер: работа в военной разведке считалась почетной. Но такого субъекта, как Гейдрих, полковник Николаи никогда бы не взял к себе в штат.

Одним словом, оскандалившегося героя пришлось выкинуть за борт. Национальная революция помогла ему вновь выплыть на поверхность. Менее чем через два года о нем упоминали уже с опаской. Он составляет списки противников режима, обеспечивает прикрытие поджигателям рейхстага, а затем их же и убирает. Не в пример флоту черный корпус уготовил своему любимцу феноменальный взлет. В двадцать девять лет — бригаденфюрер, эсэсовский генерал. Затем ликвидация Рема и его шайки, тесные связи с Герингом, организация концлагерей.

Канарис располагал подробным досье на Гейдриха. По нынешним временам, там не было темных пятен. Пороки проклятого прошлого обернулись несомненными достоинствами. Даже неумение деликатно работать. Вернее, нежелание: Гейдрих способен по-медвежьи ополчиться даже на очень серьезного противника, но он ничего не делает по наитию, под влиянием чувств. Все заранее продумано. Канарис колебался лишь в оценке его аналитических возможностей. Для того чтобы просчитать комбинацию на много ходов вперед, требуется полная свобода воображения. Грубой силой ее не заменишь. Это все равно что лупить по клавишам молотком. Звук громкий, а мелодия не вытанцовывается. А ведь Гейдрих прилично играет на скрипке, и вообще из музыкальной семьи. Люди подобного склада обычно прибегают к более утонченным методам.

Болванов, вырядившихся в комбинезоны телефонистов, сразу же засекла контрразведка, хотя сам Канарис предусмотрительно постарался остаться в тени. За провокационной эскападой скрывалось нечто более значительное, чем простое соперничество. Гейдрих проводил волю диктатора. Возможно, прямо и не высказанную, угодливо предугаданную, но волю.

В докладе фон Бломбергу Канарис воздержался от неуместных домыслов, но постарался покрепче науськать «Резинового льва».

Заваруха вышла на славу. Фюрер, как и следовало ожидать, занял беспристрастную позицию. Пойманных на месте преступления головорезов отправили в Дахау. Скорее всего, они уже на свободе.

Канарис принял Гейдриха в салоне, отделанном темным резным деревом. С рогами оленей удачно сочетался мейсенский фарфор — вазы на камине, тарелки с пейзажным рисунком, чубук кайзера Вильгельма Первого.

— Я получил сведения, что маршал Тухачевский в середине февраля прибудет в Париж,— удобно устроившись в гобеленовом кресле, Гейдрих с хрустом размял пальцы.

— Предположительно тринадцатого,— ласково кивнул Канарис.

— Туда же направляется и генерал армии Уборевич. В Чехословакии он развил поразительную активность. Военные заводы уже начинают работать на русских.

Кажется, достигнуто соглашение о сотрудничестве разведок.

— Даже так? — равнодушно удивился Канарис.— Бенеш взял резвый темп.

По данным абвера, вопрос о миссии разведуправления Красной Армии еще не вышел из стадии обсуждения.

— Если славяне так быстро смогли договориться, то что мешает нам, немцам? — пошутил Гейдрих.— Знакомая картинка! — он показал на блюдо, запечатлевшее старый замок в лесистых горах.

— В самом деле? — Канарис обернулся, словно не помнил, где и что у него висит.— Кажется, это ваш Вевельсбург? Господин Гиммлер затеял грандиозную перестройку?

— Обычный ремонт. Строения очень запущены, и некоторая реконструкция, конечно, понадобится.

— Еще бы! Такая древность. Со времен Аттилы, можно сказать.

В глубине души Канарис потешался над этой макабрической чепухой: гунны, рыцарь-висельник Вевель и прочее. Но коль скоро кровавая романтика стала составной частью нацизма, с ней приходилось считаться. Арендовав за одну марку в год поместье, принадлежавшее когда-то падерборнскому епископату, Гиммлер намеревался основать там духовный центр СС. Словно школьник, начитавшийся готических романов, он жил грезами об орденском государстве, безбожно перемешав иезуитскую иерархию с тевтонским ритуалом. Все валил в одну кучу: рыцарей «круглого стола», катаров и нибелунгов. Кошмарное месиво! Но даже оно превосходно вписывалось в бюрократические структуры.

В штаб-квартире на Вильгельмштрассе существовало особое ведомство «Вевельсбург», возглавляемое штандартенфюрером Таубертом, который исправно подписывал умопомрачительные счета главного архитектора Бартельса.

Канарис отдавал должное деловитости нацистов. Они умели воплощать в реальность любой бред. Это даже нравилось. Пропустив мимо ушей намек на сотрудничество, он задал несколько вопросов на темы древней истории, столь своеобразно понимаемой рейхсфюрером, и, описав полный мистический круг, возвратился к началу беседы, к английским новостям.

— Не будем забывать, досточтимый коллега, что король Артур, столь почитаемый вашим патроном, был предводителем бриттов. В книге фюрера о нашем английском партнере тоже говорится вполне уважительно, как о потенциальном союзнике. В отличие от французов, этих легкомысленных представителей вырождающейся латинской расы, к тому же перемешавшихся с неграми. Я правильно излагаю? — В беседах с людьми типа Гейдриха Канарис придерживался удобной роли несколько усталого, слегка циничного шутника. В последующем пересказе интонации ускользают и доносчик предстает чуть ли не идиотом.— Итак, насколько я представляю, нам предстоит поработать во Франции. Что вы предлагаете?

— Обратиться к французам. С ними все же проще, чем с русскими,— почти в тон ответил Гейдрих, досконально изучивший повадки партнера.— Начнем с лидеров?

— Если удастся помешать ратификации, то советско-чешское соглашение потеряет практическую ценность. Это очевидно. Ключевой фигурой, безусловно, является Леон Блюм. Но я бы поостерегся от повторения заманчивого опыта с Луи Барту. Нет, вы не думайте, я не испытываю к Блюму особых симпатий. Он же из Моисеева племени... Кстати, почему господин Штрайхер упорно именует их всех Исидорами? Это так принято?

— Думаете, устранение Блюма ничего не даст?

— При нынешних настроениях французы могут еще больше качнуться влево. Но это мое мнение. Решать вам.

— Вы же знаете, что я ничего не решаю. Нужны новые идеи. А тут вся надежда на вас.

— Спасибо за доверие. Всегда рад служить.

— Значит, можно надеяться на помощь? Я имею в виду парижские связи.

— Это я должен просить вас о помощи. В Париже вы обскакали абвер на целый корпус. Но все, что в наших силах, мы сделаем.

— Если дело только за Блюмом, то я не вижу особых препятствий. Хороший посредник или даже цепь посредников... Вас волнуют следы?

— Меня уже мало что волнует в этой жизни. Перед лицом крупного общественного возмущения никто в мелочах копаться не станет. Достаточно молвы. Нетруд-

но предугадать, какие адреса будут названы. Очень уж ограничены возможности... Опять усташи? Политика мстит за шаблонный подход.

— А если сами французы?

— «Боевые кресты» полковника де ля Рока?.. Мы, конечно, не вправе удерживать французских патриотов от проявления праведного гнева. Почему бы и нет? И все же я остаюсь при своем мнении. Немножечко пугнуть, пожалуй, не вредно.— Канарис принял на колени большую персидскую кошку.— Но не больше.

— Хорошо. Тут не будет проблем.

— Гора родила мышь. Если так пойдет дальше, нас обоих просто уволят, вытолкают взашей... Выкладывайте, что у вас на уме, дорогой коллега.— Кошка заурчала и выпустила когти. Пришлось согнать.— Вы же знаете, с какой готовностью я иду вам навстречу.

— Никакой задней мысли... Просто я подумал, что всякий двусторонний договор предполагает, естественно, две сферы влияния. Пока мы обсуждали только одну.

— В России становится неимоверно трудно работать,— с полуслова понял Канарис.— НКВД имеет тысячи добровольных помощников. Все следят за всеми. Выезд и въезд под строгим контролем, обмен людьми сведен до минимума. У нас очень мало достоверной информации. Едва ли я сумею сообщить вам что-либо новое.

— Однако у вас на руках вся колода. Это я пришел на пустое место,— посетовал Гейдрих.— Судя по газетам, в Советском Союзе разворачиваются любопытнейшие процессы. Режим явно не обладает всей полнотой власти. То, чего мы достигли в считанные дни, у них растягивается на годы.

— Поверьте, что я с неослабным интересом слежу за московскими событиями. Вы совершенно правы, там еще много неясного. Однако я почти уверен, что в самом ближайшем будущем у нас появится возможность проводить более активную политику.

— Французы и особенно чехи одобрительно отзываются об их армии. Теперь к общему хору присоединились и англичане. Особенно лейбористская печать. Ваше мнение?

— Это, безусловно, серьезная, причем быстро расту-

щая сила. У нас в генштабе тоже придерживаются такой точки зрения. Вам это, конечно, известно...

— Однако в среде высших офицеров имеются существенные разногласия?

— Как и всюду, коллега, и это нормальный процесс. Я в курсе дискуссий, которые временами выплескиваются на страницы печати, но не склонен к поспешным выводам. Споры между новаторами и традиционалистами неизбежны в генеральской среде. Вы знаете, какой это замкнутый, разъедаемый завистью мирок. Тухачевский и этот Иероним Уборевич определенно принадлежат к лагерю твердых реформаторов. Крупные танковые формирования, ударная авиация, массированные десанты — это их конек. Кстати, здесь эти люди близки к воззрениям германской школы.

— Что делает их особенно опасными.

— Несомненно.

— Было бы интересно ознакомиться с имеющимися на них материалами. У нас почти ничего нет, я имею в виду существенное. Вы же знаете, что я вынужден был начинать с нуля.

— Вы знакомы с нашими традициями, старый друг.— Канарис взял бронзовый колокольчик.— Такие вопросы решают на высшем уровне... Чашечку кофе?

7

Как призраки ночи, летят со всех концов Берлина фургоны с теплой надписью «Хлеб». Разрозненной эскадрой летучих голландцев плывут навстречу фургоны с уютным названием «Мебель». По пустым улицам, погруженным в предутренний сумрак, мимо опущенных жалюзи и закрытых ставнями окон. От голых лип Унтер-ден-Линдена и обледенелых каналов, от Александерплац и Шарлоттенбурга, от Грюнвальда и Штеттинского вокзала. Темны витрины Вертгейма, заперты двери кафе-автоматов Ашингера.

Не ящики с румяными булочками потряхивает на поворотах, не штабеля полуторных матрасов для молодоженов качает на переездах трамвайных путей. Унижением, болью, бедой провоняли глухие фургоны. Кого вытащили из теплой постели, кого отвозят с ночного допроса в тюрьму. Лучше не думать, не знать, не спрашивать. Мертвенный свет фар обливает над-

менный лик Беролины, но в медных очах богини незрячая пустота, и синие искры первых трамваев просверкивают на медных ее губах.

В резиденции посла Соединенных Штатов напольные часы отбили восьмой удар.

Едва Уильям Додд вошел к себе в кабинет, как ему передали личную телеграмму Кордела Хэлла. Государственный секретарь требовал ответа, существует ли непосредственная угроза войны. Видимо, в том и заключается смысл дипломатии, что постоянно приходится подкреплять очевидные факты.

— Свяжитесь с канцелярией Нейрата на предмет аудиенции,— распорядился посол.

С *угрозой вообще* господа в Вашингтоне, очевидно, смирились. Теперь их волнует *«непосредственная»*.

Вспомнилась поездка в Прагу и конфиденциальная встреча с Бенешем. «Немцы ненавидели нас в течение многих столетий,— сказал президент.— Сейчас они преисполнены решимости аннексировать Чехию. Сначала частично, затем полностью».

Доказательств было предостаточно, но кто мог назвать тогда точные сроки? Чехословакия, Польша, Литва, Франция, Нидерланды — где, когда начнется война?

Подвинув кресло к журнальному столику, Додд взял пачку обандероленных газет и наскоро проглядел политические новости. Немецкая печать дружно обрушивалась на Рузвельта. «Бёрзен цайтунг» называла американского президента новым Вудро Вильсоном, пытающимся подавить и предать несчастный германский народ. В геббельсовской газете «Ангриф» проскальзывали особенно раздраженные, скорее даже бранчливые нотки. Замалчивая существо президентского обращения, нацистская пропаганда дружно атаковала близоруких пацифистов, плутократов и, конечно, евреев. Лишь более сдержанная в оценках «Берлинер цайтунг» своими словами пересказала президентское послание о предотвращении войн.

— Ты чем-нибудь огорчен, дорогой? — озабоченно спросила миссис Додд. Она вошла в халате, держа в руках поднос со стаканом апельсинового сока. На блюдечке были рассыпаны гомеопатические крупинки.

— Вот, Мэгги, полюбуйся! — Додд брезгливо отодвинул газеты.— Ни единый раздел речи не воспроизведен полностью. Все рассчитано на то, чтобы вызвать

возмущение немцев. Сыграть на болезненных струнах ущемленного национального достоинства. Все та же ставка на низменные инстинкты толпы.

— «Толпа, как женщина»,— миссис Додд расправила салфетку.— Вероятно, господин Гитлер знает, как надо обращаться со своим народом... Прими, пожалуйста.

Додд покорно проглотил лекарство.

— Марта уже встала?

— Наводит красоту,— улыбнулась жена.— Кронпринц с супругой пригласили ее на прогулку.

— Значит, она занята? Жаль.

— Тебе что-нибудь нужно? Луи Фердинанд обещал заехать после одиннадцати.

— Тогда сделай милость, попроси ее отвезти записку в русское посольство. Мне необходимо повидаться с Сурицем. Звонить, по понятным причинам, я бы не хотел.

Додд подошел к конторке и, набросав несколько слов на бланке, вложил его в конверт. Затем достал визитную карточку.

— Опять этот большевик! — миссис Додд была неприятно удивлена.— Ничего, кроме огорчений, это не принесет. Попомни мои слова... Ты же отдал ему ответный визит?

— Что делать: протокол. Притом это было в прошлом году.

— Подумай хорошенько, Уилл. Если не о нас, то хотя бы о президенте.

— Так надо, детка, поверь мне...

— Ну если ты уверен...— состроив выразительную гримасу, она взяла письмо.— Сказать, чтоб отдала в собственные руки?

— Если возможно, дорогая, но не обязательно. Спасибо тебе. Это действительно важно.

Марта Додд доехала до отеля «Адлон» и отпустила машину. Не стоило лишний раз привлекать внимание. Советское полпредство находилось в соседнем квартале, и спокойнее было пройтись пешком. Жизнь в Берлине многому научила.

— Полпред в настоящее время отсутствует,— рассматривая карточку чуть ли не на просвет, сказал дежурный и вызвал советника.

— Я дочь американского посла,— отрекомендовалась она, отдавая письмо.

— На словах ваш отец ничего не просил передать?

— Нет, здесь все сказано. Он не хотел звонить.

— Все ясно, мисс Додд,— понимающе улыбнулся русский дипломат.— Скажите вашему отцу, что его будут ждать к семи часам. При всех обстоятельствах. Спасибо за вашу любезность.

— И вам спасибо.

Марта прошлась по аллее маркграфов. На зимнем фоне каменные фигуры выглядели довольно-таки неказисто. Особенно смешон был толстый господин в парике, горделиво попиравший корзину, наполненную сельскохозяйственными плодами. Пришлось нагнуться, чтобы разобрать имя славного властителя Бранденбургской марки, олицетворявшего богиню изобилия.

В начале одиннадцатого приехал Липский. Додд поздравил его с присвоением посольского ранга. Когда было покончено со светскими любезностями, поляк попытался прозондировать почву.

— Опять пошли разговоры, будто бы Гитлер втихомолку готовит политический и военный договор с Советами. Вам ничего не известно?

— Я давно не виделся с господином Сурицем. В последний раз он с жаром высказывался в пользу советско-германских торговых связей, и у меня действительно возникло подозрение, что это неспроста. Но договоры с Францией и Чехословакией развеяли сомнения. В крайнем случае речь может идти о пакте в рамках коллективной безопасности, но Гитлер вряд ли на это пойдет. Мне приятно, господин Липский, что в Варшаве по достоинству оценили ваши усилия,— американский посол обдуманно намекнул на германо-польскую декларацию о «прочной дружбе».

— Это дело временное. Германия намерена аннексировать часть моей страны. Об этом ясно свидетельствуют карты, развешанные повсюду. Несколько дней назад я заявил новый протест, но так и не получил удовлетворительного ответа. Начав переговоры о торговле, русские и немцы были близки к военному союзу. Цель Гитлера — изолировать Францию. Если ратификация сорвется, возможен любой сюрприз. Нечто вроде второго Рапалло.

— Не будем гадать,— тонко улыбнулся Додд.— Надеюсь, что полковник Бек сумеет вовремя сориентироваться.

Липский принужденно пожал плечами. Конечно,

в глазах Америки позиция его страны выглядит ничуть не лучше, чем той же Франции или даже России. Все в конце концов преследуют собственные интересы. Но Соединенным Штатам с их высокомерным изоляционизмом едва ли пристало играть роль мирового блюстителя нравственности. Светский человек, тем более посол, не должен позволять себе подобных намеков. Впрочем, что взять с профессора истории? Эти замшелые интеллигенты мыслят абстрактными категориями прошедших веков.

Догадываясь, о чем примерно думает собеседник, Додд не спешил заполнить затянувшуюся паузу. Наблюдая за поведением Липского, он пришел к заключению, что поляк не слишком сочувствует диктатуре полковников, хотя и не выказывает осуждения. Карьерный дипломат, он повинуется своему правительству и сохраняет внешнее беспристрастие, когда затрагиваются даже самые щекотливые вопросы.

Липский заерзал под изучающим, до неприличия пристальным взглядом американца.

— Почему люди так слепы, мистер Додд? — с непритворной горечью молвил польский посол.— Просто-таки не умеют видеть очевидных вещей или трусливо отворачиваются. Да, у нас есть договор с Гитлером на десять лет, только я не поручусь даже за ближайшие два-три года. Мы значительно слабее Германии. Нам никогда за ней не угнаться. Они угрожают не только нам. Германия не ограничится тем, что вновь аннексирует большую часть Польши. Следом пойдут Эльзас-Лотарингия, Австрия и Чехословакия. И тогда рейх сможет контролировать Балканскую зону и всю Балтику. Если Гитлеру это удастся, вся Европа окажется в его власти. Что будет потом, знает только бог.

— По-моему, все было ясно еще в тридцать третьем году.

— У нас не оставалось другого выхода. Когда Герман Геринг охотился с моим министром в Беловежской пуще, то без обиняков предложил совместно ударить по России.

— Чистейший блеф, особенно в то время.

— Откровенная провокация. Бек так это и расценил.

— Вы читали вчерашний выпуск «Фелькишер Беобахтер», господин Липский?

— Признаться, нет, еще не успел.

— Напрасно. Это газета самого Гитлера... Мое вни-

мание привлекла корреспонденция из Будапешта. В ней говорится о притязаниях Венгрии и Польши на приграничные части Чехословакии. Что вы думаете по этому поводу? Немецкий журналист ссылается на заявления компетентных лиц.

— Мне решительно ничего не известно,— Липский удивленно пожал плечами.— С чехами мы как-нибудь договоримся, а вот Советы, рейх... Трудно выбирать, что хуже, мистер Додд: Сцилла или Харибда. У Германии нет общих границ с СССР. Путь на Москву снова пройдет по нашим костям.

— На Москву? Но только что вы выражали обеспокоенность по поводу советско-германского сближения.

— Дружба хищников опаснее вражды. В Польше не забыли разделов. Для нас одинаково чреваты оба варианта. Возьмите, к примеру, договор с чехами. Каким образом Красная Армия сможет прийти к ним на помощь? Мы никого не пропустим через свою территорию! Тухачевский уже однажды стоял под Варшавой, но господь бог и маршал Пилсудский сотворили чудо. Маршала, увы, с нами нет, а бог... Нет, мы не самоубийцы, чтоб позволить большевикам пройти через Польшу.

— Зачем заранее сжигать за собой мосты? — успокоительно заметил Додд. Он сочувствовал Липскому, но не настолько, чтобы позволить водить себя за нос.— Жаль, что вы не успеваете следить за газетами. В сегодняшней «Берлинер цайтунг» есть сообщение о визите в Варшаву русского генерала.

— Как же! Иеронимус Уборевич! Персона очень нам хорошо известная. Его армия стоит у наших границ. Вооружены до зубов.

— В чем цель визита, если не секрет?

— Какие секреты от вас, господин посол?.. Он едет к чехам, у них же теперь такая дружба. У нас только гостит. Конечно, генеральный штаб его принимает. Сосед все-таки. Как у них говорится, худой мир лучше доброй ссоры.

Часы в гостиной пробили вторую четверть. Скоро должны были приехать Гогенцоллерны. Пожалуй, не стоит им встречаться здесь с польским послом.

— Теперь я значительно лучше понимаю ситуацию,— сказал Додд на прощание.

Липский не сообщил ему ничего нового. Но было любопытно выслушать человека, который содейство-

вал заключению унизительного для Франции пакта. Додд записал разговор по свежим следам. Не столько для отчета, сколько для истории. Ведь все рано или поздно становится историей, даже собственная жизнь.

Чета Гогенцоллернов прибыла точно в назначенный час. Луи Фердинанд и его жена, приходившаяся родной сестрой королеве Дании, и, конечно, свергнутый кайзер Вильгельм тоже вызывали живейший интерес профессора-дипломата.

— Не уделите мне пять минут, ваше превосходительство? — попросил кронпринц.

— Всегда к вашим услугам,— поклонился посол.

— Все эти дни я находился под впечатлением нашего разговора. Помните, мы говорили о франко-русском союзе и перспективах объединения балканских стран?..

— В контексте внешней и внутренней политики Германии,— уточнил Додд.— Включая преследование евреев.

— Совершенно верно,— с готовностью согласился Луи Фердинанд.— Рассматривался весь комплекс. Но я не вижу пока реальной альтернативы режиму, зато окружение Германии почти наверняка приведет к новой войне.— Он казался подавленным.— Неужели у нас нет никакого выхода?

— Вообще-то наша беседа носила академический характер, но если вы хотите знать мое мнение, я готов. Разумеется, строго конфиденциально,— Додд не сомневался, что кронпринц все перескажет отцу.— Более прогрессивное правительство, свобода религии и свобода печати. Иного не дано. Немецкий народ заслуживает лучшей участи,— провожая Луи Фердинанда, он уже сожалел о вырвавшихся словах. Откровенничать было совершенно ни к чему.

Слух об особой преданности рейхсвера и лично Бломберга императорской фамилии оказался пустышкой. Военный министр даже не упомянул экс-кайзера в последней речи.

Вскоре позвонили из канцелярии, и неприятный осадок забылся. Нейрат любезно назначил время.

Додд мысленно похвалил жену, догадавшуюся сменить ставший притчей во языцех старенький «шевроле» на «бьюик».

— На Вильгельмштрассе,— сказал шоферу.

В полдень он уже сидел в кабинете Нейрата. Окна

по обыкновению были плотно зашторены. Многочисленные бра и настольные лампы дышали душным жаром театральных кулис.

— Для начала позвольте вручить, ваше превосходительство, эту книгу,— Додд передал первый том дневника, подготовленного Хантером Миллером.— Помнится, она вас заинтересовала.

— Благодарю от всего сердца, уважаемый господин профессор. Как вам живется в Берлине?

— Замечательно, господин министр. Я успел полюбить Германию, хотя, не скрою, здесь нелегко выполнять обязанности посла.

— Долг есть долг,— Нейрат выжидательно наклонился.— Я знаю только один способ покончить с трудностями.

— Какой же?

— Сделать вид, что лично нас они не касаются.

— Замечательно,— Додд вежливо улыбнулся.— К сожалению, этот превосходный рецепт не подходит для данного случая... В Соединенных Штатах убеждены в намерении Германии начать войну, а это, как вы понимаете, затрагивает каждого американца.

— Досадное недоразумение, господин профессор, смею заверить. Никаких шагов в этом направлении Германия не предпринимала. Мы, как и все, конечно, вынуждены заботиться о своей обороне. Вы только посмотрите, что делают итальянцы! За каких-нибудь три месяца Муссолини удвоил свои вооруженные силы. А как вам нравится его недавнее заявление? Он же призывает окружить нас враждебным кольцом государств! — в голосе Нейрата звучало почти непритворное возмущение.— Обвиняет Англию и Францию в том, что они медлят объединиться с Италией в антигерманском блоке.

— В самом деле? — Додд выразил слабое удивление.— Я, признаться, полагал, что увеличение итальянской армии связано с операциями в Африке. Призывы к войне в Европе исходят из другого источника.

— Я догадываюсь, на что вы намекаете, но это ошибка. Как бы там ни было, в ближайшие несколько недель будет достигнуто общее мирное соглашение.

Додд понял, что Нейрат подразумевает предстоящую конференцию Лиги Наций.

— И уже имеется проект? Хотя бы приблизительный?

— Мы стремимся к прочному миру,— ушел от прямого ответа министр.

— Но позвольте, ваше превосходительство,— решительно возразил посол.— Пока создается впечатление, что все немцы только и думают о войне. Я не говорю о парадах. Но любые публичные демонстрации проходят в полном военном снаряжении. Только и слышно, что об аннексии Австрии, Нидерландов. Вы претендуете на некоторые районы Чехословакии, Швейцарии, наконец, Польский коридор. Широкое распространение получили карты, которые недвусмысленно свидетельствуют о территориальных претензиях. Согласитесь, что это внушает серьезные опасения и никак не вяжется с мирными заверениями.

— Подобную продукцию производят совершенно безответственные лица.

— Но она распространяется по всей Германии. Такие карты можно увидеть повсюду: в гостиницах, на вокзалах, в витринах магазинов...

— Вот вам лишнее доказательство, господин профессор, что правительство не вмешивается в волеизъявление граждан. Каждый имеет право отстаивать свои взгляды. К официальной политике это не имеет отношения.

— Однако на картах значится имя господина Геринга. Разве он не входит в правительство?

— Вы, безусловно, правы,— Нейрат устало провел рукой по лицу.— И все же, поверьте, приведенные вами факты не имеют ничего общего с нашей внешней политикой.

— Не смею сомневаться в ваших добрых намерениях, господин министр. К сожалению, благие пожелания слишком часто расходятся с очевидностью. Весь цивилизованный мир убежден в том, что Германия намерена вернуться к своей старой захватнической политике. Откровенные притязания на пограничные области, где живут люди, говорящие по-немецки, красноречиво свидетельствуют об агрессивных намерениях.

— Меня самого тревожат воинственные разговоры и настроения,— озабоченно закивал Нейрат.— Лично я не состою в партии. Вам это, конечно, известно.

Очевидное смущение министра, его виновато-просительный тон словно бы взывали о пощаде. Додд счел возможным снять напряжение.

— К этому то́му,— он показал глазами на подаренную книгу,— следовало бы добавить еще двадцать, но я, признаюсь, побоялся взять с собой такой груз. Позволите прислать в вашу канцелярию?

— Вы очень любезны. Я с удовольствием прочитаю. Не зная прошлого, трудно планировать завтрашний день.

— Совершенно с вами согласен. Исторический опыт позволяет предвидеть опасности. Человеческая природа остается неизменной, господин министр.

Додд с горечью лишний раз убедился в том, что ничего, в сущности, нельзя изменить. Нейрат, как, наверное, и другие чиновники старой школы, превосходно понимает, чем чреват авантюристический курс Гитлера. Возможно, они и пытались на первых порах отстаивать более умеренную точку зрения, но в конце концов капитулировали перед маниакальной волей.

Посол откланялся, так и не получив никаких разъяснений.

Без четверти семь Додд надел шляпу и собрался спуститься вниз, чтобы тем же манером доехать до «Адлона», но вынужден был вернуться на телефонный звонок.

— Я уже на ме́сте,— сообщил Яков Суриц,— и буду рад видеть вас.

Выругавшись про себя, посол положил трубку.

— Что случилось? — осведомилась миссис Додд, увидев расстроенное лицо мужа.

— Не понимаю, зачем понадобилось звонить? Считай, что тайная полиция уже зафиксировала мой визит к коварному коммунистическому послу.

— Я же предупреждала!

— Наверняка он допустил промах без всякого умысла. Досадная беспечность.

— Плевать я хотела на гестапо! — вдруг рассердилась американка, употребив несколько энергичных слов.— Иное дело, как отнесутся в Вашингтоне... Противники Рузвельта уже причислили тебя к красным.

— Фашиствующие хулиганы! — посол гадливо поморщился.— Я выполняю свой долг. Надеюсь, что в госдепартаменте это понимают. А на всякую мразь, ты права, Мэгги, надо плевать... У меня нет иной возможности увидеться с русским... Все сторонятся его, как зачумленного, а на официальных завтраках и обедах он почти не бывает. Можно подумать, что это его вполне

устраивает. Такой утонченный, образованный господин и вдруг такой робкий... Хинчук вел себя несколько иначе.

Поскольку надобность в конспирации отпала, Додд приказал шоферу расчехлить флаг и ехать прямо на угол Унтер-ден-Линден и Вильгельмштрассе. Ворота роскошного особняка были гостеприимно распахнуты.

Минут пять ушло на обмен любезностями. Суриц одобрительно отозвался о речи Рузвельта, а Додд похвалил золоченую мебель и картины старых мастеров.

— Я потому и увлекся историей, что слишком люблю старину,— зашел он издалека.— Людьми делает нас неразрывная связь с прошлым, традиции. Вы согласны?

— Вполне, мистер Додд, но традиции традициям рознь. Не все из прошлого можно принять.

— Я бы не рискнул ставить вопрос столь декларативно. В отдельных частностях вы несомненно правы. Фашизм, например, одной рукой стремится насильственно воскресить кровавые обряды язычества, средневековую нетерпимость, а другой — разрушает драгоценное наследие европейского просвещения. Одни костры из книг чего стоят! Спору нет: опасно реанимировать мертвых чудовищ, но не менее гибельно навязывать повальное забвение. Рано или поздно цивилизация выродится в вынужденное сообщество объятых нетерпимостью питекантропов. В своем роде это тот же фашизм. Культурная, историческая беспамятность прямиком ведет к рабству и одичанию. Я не прав?

— Вы очень оригинально раскрываете мысль,— мгновенно отреагировал Суриц.

— Оригинально? — Додд понял, что русский стойко придерживается выжидательного нейтралитета. Рассчитывать на встречный шаг пока не приходилось.

— Ничто не проходит бесследно. Культ силы неизбежно выливается в милитаризм, национальная спесь — в расовую ненависть. Кризис гуманизма ощущается уже в международном масштабе. Вы не находите?

— Что вы конкретно имеете в виду? — осторожно поинтересовался Суриц.

— Многое... Капитулянтские тенденции, например, обнаружившиеся в некоторых странах. Растление духа проявляется в утрате воли к сопротивлению. Это, пожалуй, страшнее военного поражения,— с присущей

ему логической плавностью Додд перешел к текущей политике.— Абиссинский негус разбит, но он не смирился. Я верю в конечное торжество справедливости.

— Я тоже, мистер Додд,— Суриц оживился и свободнее откинулся в кресле.— Советский Союз с тревогой и сочувствием следит за самоотверженной борьбой абиссинского народа.

— Вполне естественно. У России многовековые духовные связи с Абиссинией, древнейшей христианской страной. Я смотрю на эту войну как на прелюдию к мировому конфликту. Сначала огонь перекинется на Египет, затем, возможно, на Палестину и пойдет гулять, как по бикфордову шнуру... Между нами говоря, Муссолини, подражающий Цезарю, мало чем отличается от господина Гитлера, который заимствует планы Фридриха Барбароссы. Оба они плохо осведомлены, не в меру романтичны и в высшей степени жестоки... Я рад, что вам понравилось обращение президента, господин посол. Остановить войну могут только быстрые и согласованные усилия.

— Советское правительство готово немедленно установить сотрудничество с Лигой Наций в применении санкций против Италии,— Суриц метнул настороженный взгляд из-под опущенных век.— Насколько я знаю, Румыния также преисполнена готовности к решительным действиям... Но этого мало.

— К сожалению. Слишком сложное переплетение интересов.

— У меня была беседа с господином Понсе. Он дал понять, что боится, как бы поражение Муссолини не подтолкнуло Гитлера к захвату Австрии. В этом есть известная логика, хотя возможна и прямо противоположная точка зрения. Но мы не можем не считаться с позицией Франции.

— Разумеется, особенно теперь... Итало-германские разногласия по вопросу об Австрии, конечно, налицо, но я совершенно уверен, что это не приведет к серьезным противоречиям между обеими диктатурами. Искренне уважая господина Понсе, могу заметить, однако, что мнение посла далеко не всегда определяет позицию правительства. Уж нам с вами это известно. Всегда возможны неожиданные повороты.

— Многое будет зависеть от Англии.

— Насколько можно судить, переговоры, которые вел господин Литвинов, отличались конструктив-

ностью... Не только здесь, как это видно из печати, но и в Варшаве не скрывают озабоченности.

— Совершенно напрасно. Мы твердо отстаиваем принцип коллективной безопасности.

— Лично я целиком и полностью это одобряю. Гитлер, а в его агрессивных устремлениях не приходится сомневаться, конечно же смотрит на вещи совершенно иначе.

Додд не стал развивать мысль, полагая, что такой человек, как Суриц, понимает все с полуслова. От Уайт Холла пока не приходится ждать решительных действий, а поляки дали втянуть себя в германскую мышеловку. Одно лишь имя Тухачевского действует на них, как красная тряпка на быка. Немудрено, что лондонские переговоры подлили масла в огонь.

— Спасибо за вашу откровенность, мистер Додд,— с чувством поблагодарил Суриц.

— Надеюсь, ваше правительство прекратит пропаганду в Соединенных Штатах? Смею уверить, она не приносит плодов. Давайте лучше сотрудничать в области торговли и в поддержании всеобщего мира. Мы — демократия, вы — коммунисты. Каждый народ вправе иметь ту форму правления, какая ему нравится, и не должен вмешиваться в дела других народов.

— В принципе это верно. Сделаю все от меня зависящее.

Простились почти сердечно, соединенные невеселой заботой.

— Домой, мистер Додд? — спросил шофер, предупредительно раскрыв дверцу.

Черный, сверкающий в вечерних огнях «бьюик» со звездно-полосатым флагом развернулся у Бранденбургских ворот.

По пути в резиденцию чуть было не случился инцидент. Спасло мастерство водителя. Машина проскочила в каком-нибудь сантиметре от неожиданно вылетевшего на перекресток мебельного фургона. «Сократилась безработица,— подумал посол,— у людей появились деньги на приличную обстановку. Зачем им война?»

8

Волны эфира, «молнии» телеграфа, белые стаи газет. Самолеты, поезда, пароходы. Через океаны и континенты. Ночью и днем, днем и ночью.

И день таит ночной кошмар, и ночь притворяется спящей. Озаренные площади, скользкие улочки в таинственном мерцании снега, выхлопы пара и музыки из ресторанных дверей. Льды под Каменным мостом откликаются на бой курантов дрожью огней. Фонарные ожерелья протянулись от Балчуга до Моховой и дальше — в тайну и неизвестность. Плавным изгибом — вдоль набережных Таганки и Парка культуры, прерывистыми зигзагами сквозь темень и пургу, заплутавшую в переулках Бутырского вала.

Шумят вокзалы, поспевает плавка в мартенах, метростроевцы откачивают из туннеля песчаную жижу, благоухает ванилью и шоколадом «Рот-Фронт». Жарко дышит дымящая ТЭЦ, мелькают колесики счетчиков, отдохнувшие следователи врубают свои лампы, просвечивающие насквозь.

Ночи Москвы — электрический пир пятилетки. Пунктиры света во мгле.

Выждав минуту, Поскребышев вошел в кабинет вслед за Сталиным и положил на стол запечатанный пакет от Ежова. Лысый, кругленький, он вкатился, как колобок, и так же бесшумно выкатился. Гимнастерка с пустыми, без знаков различия, петлицами придавала ему особо комичный вид. Сталин вскрыл плотный конверт, не тронув сургучных печатей. Стопка машинописных листов содержала подробный обзор иностранной печати, освещавшей визит замнаркома Тухачевского в Англию. На отдельных страницах были наклеены вырезки из «Правды» и «Красной звезды».

Обилие откликов неприятно поразило Сталина. Невольно создавалось впечатление, что вся международная политика заклинилась на одном Тухачевском. Восторги, опасения, несбыточные надежды. Немецкая пресса выражала нервическую тревогу, в Праге взахлеб превозносили возросшую мощь Красной Армии, французы и англичане спорили о будущей войне: ударные танковые корпуса, парашютный десант, штурмовая авиация.

И всюду он, Тухачевский. В эпицентре всех бурь. За этим прозревалась огромная целенаправленная работа...

Пресса и в самом деле оказалась на редкость обильной. Особенно в сравнении с нарочито скупыми строчками советских газет. Второго февраля «Правда» перепечатала короткую выдержку из либеральной «Манчестер Гардиан»:

«Из бесед между различными государственными деятелями, присутствовавшими на похоронах короля Георга V, наиболее знаменательными следует считать беседы с государственными деятелями СССР, хотя ничего нового не обсуждалось... Дружественные беседы, которые Тухачевский вел с рядом влиятельных лиц, могут, возможно, рассматриваться как знаменующие новый период в отношениях между Англией и СССР».

В последующие дни в газете появлялись лишь скупые, сугубо протокольные сообщения:

«Пражская печать о пребывании тт. Литвинова и Тухачевского в Лондоне». (Третье февраля.)

«Встреча тов. Тухачевского с начальником штаба военно-морских сил Англии». (Четвертое февраля.)

«Полпред СССР в Англии тов. Майский дал сегодня завтрак, на котором присутствовали английский военный министр Даф-Купер... Маршал Советского Союза тов. Тухачевский, советский военный атташе в Англии тов. Путна и др.». (Пятое февраля.)

И все, и более ни слова. Вплоть до заметки о возвращении наркома иностранных дел тов. Литвинова в Москву. Где Тухачевский, неясно: то ли прибыл вместе с Максимом Максимовичем, то ли продолжает оставаться в Лондоне, то ли отбыл оттуда в неведомом направлении. Кому следует, знают.

Жестко отмеренный на секретных весах рацион. Но и в капле воды отражается мир. Несколько капелек, выхваченных из нескончаемого потока вселенских новостей. Как проследить сокровенные их пути в планетарном круговороте типографской краски и канцелярских чернил? Трансмутации текучих стихий неподвластны людскому взору. Чистым невидимым паром восходят воды и плывут в облаках, бронзовеют навечно сухие чернила, и кровь, вобравшая соль океана, возвращает первозданную горечь обратно в моря.

Сообщения информационных агентств и радиоперехват были подвергнуты тщательному отбору. В окончательный обзор вошло только то, что могло так или иначе заинтересовать вождя. Общие места о перерождении советского режима и обострившейся борьбе за

власть давались в кратком пересказе. Абзацами цитировались лишь наиболее характерные материалы. Первенство на сей раз было отдано не столько конкретным фактам, сколько рассуждениям о шансах на успех «советского кандидата в Наполеоны».

На фоне досужих гаданий насчет кремлевского переворота даже вполне невинные фразы приобретали зловещий подтекст. В том числе и перепечатанные «Правдой» кондовые обороты: «Ничего нового не обсуждалось», «Сердечность и откровенность с обеих сторон знаменуют новый период в отношениях». Единой капли бывает достаточно, чтобы подозрение превратилось в уверенность. Но вызревшее решение уже не нуждалось в подпитке. К общему итогу на счетах добавлялись еще две-три костяшки — только и всего. Лишний повод задуматься — не больше. В сущности, ничего нового, как в «Правде».

«Ничего нового?.. — анатомируя мысль, спросил Сталин.— Но разве новое не есть хорошо забытое старое? Невыкорчеванные подчистую корни, например? Двурушничества, предательства? И с кем, позволительно спросить, «откровенничать»? «Сердечность» с кем? Со злейшим врагом первого в мире социалистического государства?»

Множа вопросы, Сталин методично сводил их к одному-единственному ответу. Конечный вывод неявно предшествовал взаимоувязке посылок, подстраивал ее под себя. Поэтому все сходилось. Он сосредоточенно вчитывался в обзор, подчеркивая синим карандашом отдельные фразы и фамилии. Отложив последнюю страницу, раскрыл папку с разработками крупного политического процесса, который придется провести в две фазы. На сегодня это стало первоочередной задачей. Остальное могло обождать. Всему свой срок. «Хорошо ли это?— продолжал анализировать Сталин.— Неплохо. При нынешних условиях это действительно неплохо, так как одно должно вытекать из другого».

Он заново пробежал длинный перечень бывших оппозиционеров, пометил несколько фамилий и перенес их из второго списка в третий. Словно колышек вбил для грядущей стройки. Намечая подобные перестановки, он не только отрабатывал логику очередности, когда звено цепляется за звено, но и продумывал новые разветвления, подчас неожиданные. Такие решения не могли считаться окончательными. Диалектика жизни

всегда вносила свои коррективы в умозрительную последовательность... Смирнов все еще не дал показаний, но так или иначе его фамилия должна прозвучать. И еще какая-нибудь, пусть даже третьестепенная, но с дальним прицелом на армию. Порядок имен должен именно вытекать, причем самым естественным образом, по ходу дела. Словно круги по воде от внезапно упавшего камня.

Подбор подходящих кандидатур отнимает уйму драгоценного времени. Начинать всегда трудно. Только итоговый росчерк не требует длительных размышлений.

И в самом деле, окончательные решения вождь выносил без проволочки.

Однажды — это было двенадцатого декабря тридцать третьего года, незадолго до полуночи — он вместе с Председателем Совнаркома Молотовым подписал тридцать списков приговоренных по первой категории! Просмотр 3187 фамилий, среди которых встретилось немало знакомых, занял тогда не более часа. Чтобы проветрить мозги, спустились потом в кинозал и до утра гоняли комедийные фильмы.

На протяжении последних двух лет общее количество репрессированных стремительно возрастало, и память начала давать сбои. Работая как-то над очередным списком, Сталин добавил несколько новых имен, которые так и просились в схему, но вскоре выяснилось, что они вовсе не новые, а, наоборот, безвозвратно прошли по другому делу. Кажется, Ягода так и сказал: «безвозвратно». Нет ничего ошибочнее такого вывода. Уходят люди, но остаются дела. Бумаги переживают людей.

Ягода предлагает осудить и расстрелять троцкистов, уличенных в терроре. Остальных — этапировать в дальние лагеря. Всех подчистую: отбывающих ссылку и вычищенных из партии. Ему кажется, что это радикальное предложение. Но разве принадлежность к оппозиции ограничивается формальной поддержкой платформы Троцкого?

Сталин направил письмо наркома на заключение прокурору Вышинскому. Пусть поглядит со своей колокольни.

В раздумьях о Тухачевском вождь вновь сопоставил два не получивших развития эпизода. В свете последних данных они обретали новые примечательные черты.

...Сигналы о заговорах в верхних слоях РККА поступали неоднократно. С самого начала гражданской и по сегодняшний день. Писали и на Тухачевского,

кляня его во всех смертных грехах, от пьянства до измены. При проверке подобные обвинения, как следовало ждать, не подтверждались. Но в конце двадцатых годов были арестованы два военспеца из бывших офицеров, которые дали показания, что заговор действительно имеет место и не кто иной, как Тухачевский, является его вдохновителем. Получив из ОГПУ копии протоколов, Сталин переадресовал их тогдашнему Председателю Комитета партийного контроля и народному комиссару Рабоче-крестьянской инспекции Орджоникидзе.

«Прошу ознакомиться,— значилось в резолюции.— Поскольку это не исключено, то это возможно».

Разговор с Серго состоялся тяжелый. Сталин отступил, оставшись при своем мнении: возможно все, что не исключено. Все эти тухачевские, корки, уборевичи, авксентьевские — какие они коммунисты! Для восемнадцатого брюмера они годятся, но не для Красной Армии.

Спустя два года ГПУ Украины арестовало новую группу военных, служивших в штабе и частях Киевского округа. Бывшие офицеры, они обвинялись в контрреволюционном заговоре с целью уничтожения командования. Почти все арестованные дали показания, что намеревались убить командующего войсками округа Якира, его заместителя Дубового и начальника политуправления Хаханьяна. После этого они якобы намеревались перебить армейских коммунистов, поднять восстание и отторгнуть Украину от Советского Союза.

Начальник Украинского ГПУ Балицкий ознакомил с протоколами допроса Якира и Дубового, но те вместо благодарности принялись выгораживать несостоявшихся убийц. «Это не укладывается в моем сознании,— сказал Якир.— Неужели они стали изменниками, а мы, коммунисты, оказались столь близорукими?.. Нет, нет и еще раз нет!..»

Созвонившись с Орджоникидзе, Якир и Дубовой спешно выехали в Москву. Григорий Константинович внимательно выслушал их доводы, записал факты противоречий и искажений в показаниях арестованных.

«Ничего не обещаю,— предупредил Серго,— но сделаю все, что смогу». Заняв влиятельный пост Председателя ВСНХ, он уже не занимался партийным и рабоче-крестьянским контролем. Пытаясь вступиться за самых близких товарищей, почти всякий раз натыкался на непреодолимую стену. Потом долго и трудно переживал обиду. Но переступить через себя все же не мог и вновь

требовал, убеждал, просил. Просьбы давались ему особенно тяжко.

После «шахтинского дела», «харьковского центра», «московского центра» многие руководители промышленности сидели за вредительство и шпионаж. А тут только закончился открытый процесс «Промпартии», возглавляемой директором Теплотехнического института Рамзиным, ожидалась очередная волна. Какой-то остряк — как всегда, кивали на Радека — прозвал тюрьму «домом отдыха инженеров и техников». Сотрудники ВСНХ занимали среди «отдыхающих» далеко не последнее место. И все, как на подбор, лучшие кадры — самые талантливые, самые образованные, самые порядочные.

Пережив бессонную ночь, Серго все-таки позвонил тогда Сталину.

«Я этими делами не занимаюсь,— Сталин предпочел остаться в стороне.— Поговори с Ягодой».

Ягода проявил подчеркнутое внимание и пообещал разобраться. Вскоре почти все арестованные командиры вернулись в округ. Балицкого с Украины отозвали. Поговаривали даже о закате карьеры. Но через три года на XVII съезде Балицкий вместе с другим видным чекистом Евдокимовым были избраны в члены ЦК. Тогда же в высший партийный орган вошли Ягода, Ежов, Берия, Поскребышев и Мехлис. Полным членом стал и командарм Якир. Тухачевского и Уборевича избрали кандидатами.

Зато Голощекин, Квиринг, Колотилов, Ломинадзе, Ломов, Орахелашвили, Румянцев, Картвелишвили и другие подозрительные вождю старые большевики вообще не вошли в новый состав Центрального Комитета. Распространился слух о том, что против кандидатуры Сталина было подано 270 голосов. Затонский якобы доложил о результатах голосования Кагановичу, который распорядился изъять 267 бюллетений и заменить их чистыми. Как бы там ни было, но на заключительном заседании объявили, что против товарища Сталина проголосовали только трое. Таким образом он набрал столько же голосов, сколько Киров — «трибун партии».

«Я считаю, что совершенно неважно, кто и как будет в партии голосовать; но вот что чрезвычайно важно, это — кто и как будет считать голоса»,— сказал Сталин еще в двадцать третьем году, объединившись с Зиновьевым и Каменевым против Троцкого.

Это высказывание придавало определенный вес опасной, распространяемой шепотом молве. Знающие люди уверяли, что крамольные бланки были переданы на предмет возможной идентификации в ОГПУ, вскоре преобразованное в Комиссариат внутренних дел. Как-никак образцы почерка под рукой: делегаты съездов заполняли соответствующие анкеты. Сравнить их с вписанными, на место вычеркнутых, фамилиями в избирательных бюллетенях не составляло затруднений. Говорили, что именно это голосование, которое в иных обстоятельствах могло стать роковым, заставило Сталина резко расширить масштаб превентивных мер, принявших после убийства Кирова лавинообразный характер. Получалось, что новый состав ЦК и весь голосовавший за него съезд как-бы поставлены на очередность. В глазах Сталина заговорщики сами разоблачили себя. Если каждый пятый делегат оказался врагом, то не могло быть веры и остальным. Ведь все, что не исключено, безусловно, возможно.

Непосредственные свидетели событий, особенно те из них, кого избрали в руководящие органы, не принимали всерьез умозаключения подобного толка. Никогда прежде партия не проявляла такой единодушной готовности, такого неподдельного энтузиазма следовать гениальным предначертаниям вождя, как в те незабываемые дни. Это был съезд победителей. «За» проголосовали все (кроме троих), и каждый мерил других по себе: «Я-то был «за»!» Об истинных намерениях Сталина знал только сам Сталин.

...Сопоставляя теперь те давние сигналы — в обоих случаях значились бывшие офицеры,— он объединял Тухачевского не только с Якиром (ближайшие друзья, общий защитник), но и с Уборевичем. Всегда и повсюду эта троица держалась вместе. Попытки расколоть новоявленных мушкетеров, возвысив кого-нибудь одного, не увенчались успехом. Уборевич первым не оправдал надежд, когда его в тридцатом году назначили заместителем наркома. Он не только не отказался от внеслужебных связей с Тухачевским, но еще сильнее подпал под его влияние. Пришлось перебросить в округ. И Якир, несмотря на оказанное на съезде доверие, не понял, к чему обязывает высокое звание члена ЦК. По-прежнему глядит в рот самозваному «наполеончику».

«Случайно такое поведение? — Сталин сделал философское обобщение.— Видимо, не случайно. Простая

диалектика учит различать за каждой случайностью непознанную закономерность».

Поступивший из Англии материал определенно заслуживал самого пристального внимания. Товарищ Ягода почему-то не пожелал докопаться до конечной сути в делах с бывшими царскими офицерами. А вот Ежов верно разобрался в обстановке и оперативно отреагировал.

Сталин лишний раз убедился в том, что генеральное обновление следовало осуществить еще тогда, в начале первой пятилетки. По всем линиям сразу, включая армию.

Слишком много подозрительных совпадений. Тухачевский и этот... троцкист Путна тоже ведь вышли из старой армии? Из гвардейского Семеновского полка? Теперь все складывалось, как в домино: прошлое и настоящее. Балицкий правильно сориентировался, решив вначале избавиться от старого балласта, но немного поторопился, переборщил. Не следовало сразу поднимать вопрос об отторжении Украины. Слишком мелкие фигуры и слишком крупный вопрос. Не только крупный, но и несвоевременный. Ради кого могли стараться столь ничтожные люди? Ради панской Польши? Даже тогда это звучало неубедительно. Тем более теперь, когда на карте Европы возникла новая политическая реальность — германский фашизм. Не убаюкивать надо партию, а развивать в ней бдительность, не усыплять ее, а держать в состоянии боевой готовности, не разоружать, а вооружать, не демобилизовывать, а держать ее в состоянии мобилизации.

ОГПУ определенно оказалось не на высоте задач, поставленных самим ходом истории. Многое из того, что еще предстоит выполнить, можно было решить еще тогда, в самом начале тридцатых годов. Статья Горького «Если враг не сдается — его уничтожают», которую в один и тот же день опубликовали в «Правде» и «Известиях», предназначалась для куда более крупной дичи, чем какие-то там спецы.

Заряженные жаканом патроны Ягода израсходовал на жалких куропаток, фактически дезориентируя партию.

Соединив животрепещущие связи времен, Сталин устремил взор в грядущее. Вырисовывалась стартовая площадка, одинаково годная как для очередного мероприятия, так и для более отдаленных планов.

Получалось грозно и убедительно: «Все трое посещали Германию? Определенно посещали. И Тухачевский, и Уборевич, и Якир. Особенно Тухачевский. Он не только находился в немецком плену, но и неоднократно ездил в Германию, много чаще, чем остальные».

Сталин вновь обратился к спискам. Продуманный порядок обещал максимально широкий охват.

В первую очередь следует дожать до конца Зиновьева и Каменева. Они обязаны прямо, а не косвенно взять на себя вину за убийство Кирова. То же самое надо сказать и о сотрудничестве с фашистскими разведками. Без всяких уверток... Этот вопрос должен быть исчерпан под личную ответственность Ягоды.

Он позвонил Ежову.

— Слушаю, товарищ Сталин! — тот без промедления поднял трубку.

— Посмотрите, сколько раз был в Германии Путна и когда он был там в последний раз?

9

Григорий Дорошенко перешел границу ночью, дождавшись туманов, которые наползли вместе с оттепелью. Без проводников он бы наверняка заблудился в чащобе слуцких лесов или сгинул без покаяния, провалившись в заметенную снегом трясину. Зима стояла теплая, и болотные ямины лишь сверху схватило тонким ледком. Хлопцы подобрались опытные. Выложиться, конечно, пришлось сполна: и по кочкам попрыгать, и в сугробах належаться. Крюк тоже получился порядочный, но тут уж ничего не поделаешь. «Окно» под Острогом после очередного провала следовало забыть навсегда. НКВД и польская стража плотно обложили район. Украинский центр в Ровно находился под неусыпным наблюдением многих служб, и у каждой были свои расчеты.

Пистолет Григорий оставил на первой ночевке — в заброшенной землянке полещука-смолокура. С оружием лучше не связываться. Чистое самоубийство. Времена лихих набегов минули навсегда. Дорошенко больше полагался на документы и петлицы железнодорожника. Паспорт, в меру засаленный профсоюзный билет и потрепанное удостоверение «Ворошиловского стрелка» выглядели надежно. Подмена фотокарточки могла обнаружиться лишь при серьезной экспертизе.

Словом, пистолет ни к чему. Надо быть последним дурнем, чтоб самому нарываться на неприятность. Три запечатанных пачки — купюрами по десять червонцев — были зашиты в подкладку ватника, а шифров, инструкций и прочей шпионской ерунды Григорию, слава богу, не дали. Только грóши для агентуры в Проскурове. Сперва все шло как по писаному. Дорошенко без приключений добрался до станции, приобрел бесплацкартный билет и занял место в переполненном общем вагоне. Ехали, как в гражданскую, друг на друге. Бабы с корзинами, дядьки с мешками, кормящие матери. И почти каждый что-нибудь жевал: кто — чесночную колбасу, кто — просто краюху с солью. В дальнем конце наигрывала гармошка. Осовев от спертого воздуха, сонно всхлипывал на верхней полке белоголовый пацан. Что здесь, что в Румынии, что в Польше — одна убогая маета. Совсем некстати вспомнился залитый солнцем Крещатик. Золотые купола на Владимирской горке. Кремовые, как сливочная помадка, соцветия каштана. Какая жизнь была! Какая дивная жизнь... И все как сгинуло разом. Ни родины, ни семьи. Отец умер от разрыва сердца, мать убило шальной пулей на улице, сестричек разметало по белу свету. Туська, надо думать, в Париже, Оксана — в проклятом Галлиполи. Ни кола ни двора.

Вагон качало из стороны в сторону. Поезд то еле тащился, то вдруг, гремя всеми суставами, прибавлял ход, и запотевшее окошко заволакивало рваными клубами пара. В мутных просветах мелькали березовые стволы, заброшенные погосты, редкие полустанки. Такая же, как и всюду, но смутно припоминаемая, единственная на свете земля. Чем дальше, тем явственнее проступали приметы: сглаженные белым покровом очертания яра, колокольня с пробитым прямым попаданием куполом, щербатый кирпич станционной стены. Мало что изменилось тут за пятнадцать невесть куда провалившихся лет. Здесь, здесь по этим раскисшим в ту пору дорогам, прошел Дорошенко до самого Проскурова. Скорее прополз, чем проехал и прошагал. Вязли лошади по колено; опрокидывая тачанку, валились на бок. В разъезженных колеях засасывало колеса орудий. Выпрягали под грохот разрывов, вминаясь в холодную грязь, потом тащили волоком, подпирая плечами лафет. Развеянная в полях конница, задранные в дымное небо стволы — ледяной ноябрь двадцатого, трижды

проклятого года... Разве такое забудешь? Особенно то, последнее, утро в Шаргороде.

Гетман Петлюра планировал наступление на одиннадцатое, но красные ударили на день раньше. Обрушившись двумя ударными колоннами, они прорвали фронт на участке Шаргород — Черновцы. Генерал-хорунжий Удовиченко, отступив к Могилеву-Подольскому, попробовал организовать оборону, но не сумел удержать город. Собственно, все было потеряно уже тогда. Уборевич, командовавший четырнадцатой армией большевиков, повернул на север и во встречном бою разбил донские и гайдамакские сотни. Маневр стоил ему потери Литина. Как окрылила тогда маленькая победа! Юный подхорунжий Дорошенко воспринял ее как знак небес. Смяв растянувшийся фланг четырнадцатой, армия Украинской народной республики, казалось, получала шанс хоть ненадолго закрепиться, но Уборевич бросил в бой Червоноказачий полк и стрелковую дивизию. Пришлось оставить Литин и отступить к Проскурову. Потом началось повальное бегство. Очнулись уже в Румынии, когда все было кончено. Киев оккупировали москали, Правобережную Украину — польские паны. Все муки и жертвы оказались напрасными.

Подхорунжий Дорошенко вынужден был зарабатывать себе на жизнь работой на скотобойне. Там его и нашел приятель покойного отца Роман Смал-Штокий, бывший посланник и полномочный министр Украинской народной республики в Берлине.

Убаюканный мирным балаканьем соседей, которые без продыха лупили крутые яйца, Дорошенко незаметно уснул. Снились ему пылающие поля неубранного подсолнуха. Он порывался бежать, но, скованный какой-то могильной тяжестью, едва разгибал суставы, силился позвать на помощь, а голоса не было — только грудь разрывалась в немом крике.

Из бредового омута выхватил резкий толчок сердца, отозвавшийся пульсирующей болью по всему телу. Дорошенко испуганно встрепенулся. Боком к нему в соседнем отсеке стоял военный, судя по кубикам — лейтенант, и проверял документы. То же болезненное оцепенение, словно сон еще длился, приковало Григория к скамье. Внутренне он бежал, перепрыгивая через чьито валенки и узлы, не успев осознать, что пути перекрыты, и с другой стороны наверняка продвигается еще один проверяющий с таким же наганом на правом бед-

ре. Как завороженный, вперился Дорошенко в эту рукоятку с кожаным ремешком на кольце, выглядывавшую из выреза кобуры. Безнадежное чувство захлопнутого капкана расслабило сжатые, готовые к прыжку мышцы.

Послушно, когда подошла его очередь, Григорий протянул паспорт. Пока лейтенант теребил замусоленные листки, сидел, полуобернувшись к окну, с непритворным почти безразличием.

— Куда следуете?

— В Проскуров, товарищ командир.

Зорко прищурясь, лейтенант оглядел круглое улыбчивое лицо, задержался на глазах, голубых, как у младенца, и снова уткнулся в паспорт.

— По какой надобности?

— В отпуск, к родным,— без запинки ответил Дорошенко. Он был готов к такого рода расспросам.

— Пройдемте со мной,— сказал наконец лейтенант и, захлопнув паспорт, спрятал его в свою командирскую сумку.

Дорошенко приподнялся и, пригнув голову, вылез в проход. Как он и думал, там уже стоял наготове другой чекист. Сидевшие с обеих сторон граждане безучастно посторонились, как будто ничего не видели, не понимали и вообще грезили о чем-то потустороннем.

— Возьмите вещи.

Они вышли в грохочущий тамбур, все трое, и молча канули в долгое ожидание. Лейтенант, замкнувший ключом обе двери, вынул пачку «Бокса», и протянул напарнику. Папиросы-гвоздики пахнули едким дымом.

— Будете? — поколебавшись, предложил он задержанному.

Дорошенко непонимающе уставился на гильзы в измятой пачке, опустив голову, взглянул на свой путейский чемоданчик в судорожно сжатой руке:

— Можно поставить?

— Поставь.

Непослушные пальцы с трудом выцарапали папиросу. Второй поднес горящую спичку. Так простояли они час или, может быть, два, пока лязгающий состав не пронзило замирающей дрожью.

«Шепетовка»,— успел прочитать Дорошенко.

Его провели мимо очереди, осаждавшей кран с кипятком, и посадили в пролетку. Извозчик лениво под-

хлестнул каурую клячу, не спросив, куда ехать. Видимо, и так было ясно.

— За что, товарищи командиры? — наконец догадался спросить Григорий.

— Разберемся,— сказал лейтенант.

Подъехав к неказистому двухэтажному дому с железным крыльцом, извозчик натянул поводья и фыркнул: «Тпрру!»

Сначала, как и следовало ждать, был обыск, но какой-то небрежный, поверхностный: поворошили жалкий скарб в сундучке, вывернули карманы, а подкладку почему-то не тронули и не прощупали швы. Сапоги и те не пришлось стягивать! Зная толк в подобных делах, Дорошенко затаил робкую надежду. Мало ли как бывает? Вдруг взяли по случайному подозрению? Выяснят и отпустят на все четыре без особой проверки...

С допросом, однако, не торопились. В камере, куда поместили Дорошенко, было забеленное окно с двойной решеткой и привинченная к полу железная кровать, лишь отдаленно напоминавшая тюремную койку. На полосатом матрасе лежали сложенная вчетверо простыня и байковое одеяло. Перед отбоем дали миску пшенной каши, кружку кипятка и два куска сахара на четвертушке черного хлеба.

Григорий съел все до последней крошки, затем расстелил постель, аккуратно сложил полосатые брюки и железнодорожную куртку. Стеганку с зашитыми в ней червонцами отобрали при обыске.

Помолившись на ночь с особым усердием, он заставил себя заснуть. Пробудился до света, отравленный смертной тоской. Вновь привиделся трещащий в огне подсолнух.

Допрос вел высокий чин с двумя шпалами на васильковых петлицах. Начал, как водится, с выяснения личности. Дорошенко отвечал обстоятельно, без ненужной суеты, ни на йоту не уклоняясь от легенды.

Майор, а может, и старший майор — Григорий путался в званиях — спокойно записывал.

— С какой целью вы направлялись в Проскуров? — спросил он, покончив с формальностями.

— В отпуск.

— Почему зимой? Или дома не сиделось, гражданин... э... Вовченко?

— Премирован за стахановский труд.— Дорошенко гордо выпрямился.— Хотелось отметить с родичами.

— Пьете? — неожиданно, но все так же, не повышая голоса, поинтересовался следователь.

— Как сказать? — смутился Григорий.— По случаю... Отчего и не выпить с радости?

— А на какие деньги?

— На свои, заработанные.

— Родственников тоже намеревались угостить?

— Уж как водится, товарищ начальник.

— Правильно,— майор одобрительно, как показалось Григорию, кивнул.— Согласно описи, при вас обнаружено семнадцать рублей сорок восемь копеек... Не слабовато ли для таких наполеоновских планов? А, гражданин Вовченко?

Дорошенко смущенно передернул плечами.

— Или вы заранее перевели соответствующую сумму туда, в Проскуров,— майор выжидательно прищурился,— чтоб не сперли в дороге?..

«Издевается, гад,— у Григория похолодело в груди.— Вот сейчас все и начнется...»

Он затравленно огляделся, ища выпотрошенные из злополучного ватника пачки.

— С чего это вы так заерзали? Задело, небось, за живое?

— А с чего? — готовясь отступить на подготовленные позиции (выигрыш по облигации, азартные игры), Дорошенко фамильярно осклабился.— Просто выпить вдруг захотелось, товарищ начальник. Зря растравили душу.

— Так, значит? — майор поежился лицом, скрывая зевоту.— Сидит человек в НКВД и мечтает... О чем, спрашивается? О стакане водки. Хорош ударничек.

— А что? Товарищ Стаханов тоже, говорят, зашибает.

— Ваша настоящая фамилия? — перегнувшись через стол, требовательно спросил следователь.

— Вовченко,— Григорий виновато втянул голову в плечи.— Я ж говорил...

— Меня интересует настоящая! — майор пристукнул пальцами по краю стола.— Хватит ломать комедию.

— Вовченко и есть, Влас Захарович Вовченко.

— С какой целью ездили в Минск?

— Никогда не бывал в Минске.

— А в Киеве?

— В Киеве?.. — протянул Дорошенко, как бы припоминая.— Был прошлым летом на слете.

— Бесполезно запираться, так называемый Вовченко. Нам известен каждый ваш шаг. Только чистосердечное признание сможет облегчить вашу участь.

— Ей-богу, товарищ начальник, не пойму, чего вам от меня надо! — взмолился Григорий. Определенно его принимали за кого-то другого.

— Я вам уже сказал: чистосердечное признание. Кто, где и когда вовлек вас в контрреволюционный заговор?

— Какой еще заговор? — почти непритворно возмутился Дорошенко.— Да я всей душой за Советскую власть!

— Ложь! — брезгливо бросил следователь.— Конечно, я допускаю, что ваши хозяева могли и не посвящать вас в свои преступные планы, но это не меняет сути дела.

Дорошенко только руками развел.

— Не знаю ни про какие планы.

— Тем более в ваших интересах оказать содействие в разоблачении подлых наймитов иностранных разведок,— в голосе майора появилась нотка сочувствия.— Это, несомненно, зачтется... Вы действительно Вовченко?

— Святой, истинный крест!

— Ладно, это мы установим.

— Вот спасибо, товарищ начальник! — со слезами на глазах поблагодарил Дорошенко. Допрос вновь возвращался к исходной точке.

— Служили в РККА?

— Не довелось.

— Однако в Смоленске вас видели в форме старшего лейтенанта,— продолжал настаивать следователь.— Прибегнуть к маскараду потребовало задание?

— Какое задание?! — Дорошенко находился на грани срыва. Или он действительно разоблачен, и НКВД играет с ним, как кот с мышью, или произошла какая-то досадная путаница, которой не будет конца.

— Какое задание, спрашиваете? — следователь отложил ручку.— Вам виднее... Все зависит от роли. Вам что больше нравится: агент иностранных разведок или добровольный курьер? — предложил он, словно на выбор.

— Ничего такого не было! — ожесточенно отрезал Дорошенко.— Я честный советский рабочий.

— Вы знаете кого-нибудь из этих людей? — майор вытряс из черного конверта несколько фотографий и разложил их на столе.

Григорий перебрал одну за другой, внимательно вглядываясь в лица. Никого из этих военных с двумя и даже тремя ромбами он, понятно, не знал.

— Первый раз вижу.

— Странно... Давно живете на Украине?

— С самого детства.

— И ни разу не видели наших знаменитых командиров? А еще на железной дороге служите... Вы что, газет не читаете? В кино не ходите?

— Почему не читаю?

— А я не знаю... Так у вас получается,— вновь перегнувшись через стол, майор отделил одну карточку.— Вот, например, комдив Дмитрий Шмидт, дважды орденоносец. Знаете такого?

— Откуда?

— Его в киножурнале чуть не целый месяц показывали, перед каждым сеансом.

— Не обратил внимания. Я другого Шмидта знаю, бородатого, который на полюсе...

— Бывали в Арктике? В Ленинграде?

— Какое там... Только в кино.

— О больших киевских маневрах целый фильм отсняли. Не приходилось видеть?

— Не припомню,— Дорошенко понимал, что идет проверка, и малейшая ошибка будет стоить ему головы.— Наверное, не смотрел.

— И зря. Мировой фильм. Лучше любого художественного. Сам Бубрик снимал! И вообще очень опытный коллектив: Нечеса, Малахов, Анци-Половский... Слыхали про них?

Григорий виновато вздохнул.

— Что ж, бывает... Комкор Илья Иванович Гарькавый тоже вам незнаком? — майор вынул из ящика журнал «СССР на стройке» с портретом на полстраницы.— Коренной украинец, герой... Сейчас на Урале войсками командует.

— Вроде видал где-то, а читать мне недосуг, товарищ начальник.

— И вы по-прежнему утверждаете, что ваша фамилия Вовченко?

— Куда ж мне деваться от самого себя? Не пойму, хоть убейте! — Дорошенко закачался, обхватив расто-

пыренными пальцами голову. Напряженно искал, как обойти ловко подстроенную ловушку.— Ну, пью я, начальник, пью... Начхать мне на ваши журнальчики.

— Совсем, выходит, не интересуетесь жизнью Советской страны? Прямо-таки анахорет... При всем при том стахановский труд, слеты. Концы с концами не сходятся, гражданин ударник.

— У меня сходятся, будьте уверены. Кого надо, тех знаем: Чубаря Власа Яковлевича, Григория Ивановича Петровского, товарища Любченко.

— А этих? — майор выдвинул ящик стола и вынул газету, сложив ее так, что оказались видны только два помещенных на первой странице портрета.

— Товарищ Уборевич, товарищ Якир,— не скрывая торжества, просиял Дорошенко. Ему ли было не знать.

— Не совсем, значит, оторвались от действительности? — казалось, и майор остался доволен удачным ответом.— Угадали: Иероним Петрович и Иона Эммануилович,— протянул он с загадочной интонацией и неожиданно заключил: — Сейчас вы будете подвергнуты очной ставке.

Дорошенко испуганно отшатнулся, но быстро взял себя в руки. Охочий на сюрпризы следователь нажал кнопку. В кабинет ввели высокого, чуточку сутуловатого мужчину с изможденным лицом. Опустив голову, он остановился на пороге.

— Надеюсь, знакомы? — майор ободряюще кивнул Григорию.— Приглядитесь как следует.

Дорошенко слегка развернулся и исподлобья покорно взглянул на нежданного напарника. Нет, он никогда не встречал этого человека. Следователь опять брал на пушку. Вид незнакомца говорил сам за себя. Желтые, как выцветший йод, тени кровоподтеков, темный кружок от ордена на груди, следы сорванных знаков различия.

— Первый раз вижу,— твердо сказал Григорий. «Комбриг»,— определил он по отпечатку одинокого ромба.

— Так и запишем,— со скрытой угрозой заметил майор и, выйдя из-за стола, вразвалочку приблизился к разжалованному командиру.— А вы узнаете своего связника?

— Никогда не встречались,— ответил тот, не поднимая лица.— И никакого связника у меня нет.

— Так ли, бывший комбриг Лазарев?.. Кого вы

ждали тридцать первого декабря у дома комдива Саблина?

— Деда Мороза,— угрюмо процедил комбриг.

— Шутить вздумали? — следователь прошелся от стены до стены. — Как бы опять не пришлось каяться...

— Какие уж тут шутки... Новый год собирался встретить...

— У комдива Саблина? Вместе с начштаба авиабригады Кузьмичевым?

— Не вижу в том никакого криминала.

— Не вам судить.

Наблюдая за работой следователя как бы со стороны, Дорошенко с замиранием ощутил свою полную обреченность. Все тут давно решено и расставлено по полочкам. Допытываясь и уточняя, майор не столько интересовался ответами, сколько пытался внушать, как какой-нибудь гипнотизер.

— Еще раз спрашиваю, Лазарев, кому вы назначили встречу в указанный день?

— Барышне, я уже говорил.

— Ах, барышне! И барышня, конечно, опаздывала?

— Уж так получилось.

— Между прочим, барышни тоже могут быть завербованы фашистской разведкой... Последний раз спрашиваю: где и когда вы встречались со связником? — майор остановился за табуретом Дорошенко.— Или с кем видели этого гражданина?

— Категорически отметаю все обвинения в измене! — комбриг Лазарев до крови прикусил губу.— Гражданина не знаю, никогда его раньше не видел.

Следователь вернулся к столу и записал показания.

— Подпишите,— он поманил Лазарева.

— Ничего не буду подписывать.

— Будете, еще как будете! — майор вызвал конвоира.— Уведите арестованного... Выкручивается, сволочь,— как бы про себя пробормотал он.— Ну, ничего, мы выкорчуем шпионское гнездо до самой верхушки...

Раздраженно обмакнув перо, он занялся какой-то писаниной, не обращая внимания на окончательно сникшего Дорошенко.

Исписав целый лист, майор удовлетворенно накрыл его заляпанной розовой промокашкой и устало потянулся.

— Встать! — вдруг скомандовал он, упруго приподнявшись, и мастерским «крюком» обрушил Дорошенко

на пол. Затем несколько раз расчетливо ударил по ребрам носком сапога. Корчась от боли, Григорий едва успевал прикрывать голову. Избиение прекратилось так же внезапно, как и началось.

— Утречком увидимся снова,— заверил следователь.— Советую хорошенько подумать.

Но назначенная встреча — Дорошенко ждал, страдая от неизвестности,— так и не состоялась. Два долгих, отравленных безысходностью дня и две изнурительных ночи прошли в одиночестве. Кости болели, но не смертельно.

Промучившись в неведении, Григорий почти обрадовался, когда заскрежетали отворяемые засовы и его выкликнули на новый допрос. Скрывая колотивший озноб, переступил он порог знакомого кабинета.

На месте майора сидел другой человек, в котором Дорошенко не сразу признал снявшего его с поезда лейтенанта.

— Пройдите, Вовченко,— пригласил он, указав на табуретку.

Григорий робко присел, стараясь не глядеть на широкий подоконник, где рядом с горшком бальзамина лежала ватная телогрейка. Сундучок, тоже не без значения, притулился на видном месте, возле следовательского стола. Разговор предстоял серьезный, может быть, окончательный.

С первых слов лейтенант дал понять, что не намерен играть в прятки.

— Мы проверили ваши показания, Влас Захарович,— объявил он, потянувшись за ватником.— Действительно, вышла ошибка. Получите вещички по описи.

От неожиданности Дорошенко едва не слетел на пол. Буззвучно шевеля запекшимися губами, выпрямился на непослушных ногах и тут же вцепился в угол стола.

— Распишитесь,— лейтенант передал ему ручку, закончив перечисление.

С нажимом, как пропись в приготовительном классе, он вывел букву за буквой. Кожей живота осязая зашитые пачки, вышел из калитки в железных воротах на незнакомую улицу.

«Непостижимо уму!..»

10

После трагической смерти Надежды Сергеевны Аллилуевой Сталин предложил Бухарину обменяться квартирами. Он не мог, вернее, не желал оставаться в доме, сами стены которого напоминали о том, что надлежало забыть раз и навсегда. Было и прошло. Кончено. Так же бесповоротно расстался он и с Зубаловской дачей.

Сидя на кровати в той самой комнатке, где раньше спал Сталин, Николай Иванович явственно ощущал гнетущее действие невидимых излучений. Камень, штукатурка, паркет — все было насыщено чуждой волей, угрюмой, безжалостной.

Зубная сверлящая мука не позволяла забыться. Целую ночь Бухарин не сомкнул глаз. Он вставал, метался из угла в угол, глотал какие-то таблетки, прикладывал согревающие компрессы, ненадолго ложился и вновь вскакивал, вымеряя спальню шагами. Ничего не помогало. Загнанный мозг рисовал самые мрачные виды.

Боль и бессонница до крайности обострили вызревавшее ощущение безысходности. Зримые приметы ее и знаки, скорее угадываемые, нежели отчетливо различимые, обложили со всех сторон. Предчувствие беды отравляло сны, не приносившие отдыха, било по нервам трелью телефонных звонков.

Не спасала даже работа. Она требовала полной отдачи, почти самозабвения, когда невозмутимая мысль льется естественно и свободно. Академия наук, «Известия», лекции, книги, брошюры — дел хватало по горло. Недоставало сосредоточенности, что оттесняет все постороннее за невидимую черту. Чутко пульсирующие сторожки́ не позволяли увлечься, понуждали к действиям, которые тут же отвергались рассудком. Раздвоенность сознания, неплодотворная сама по себе, изнуряла до крайности. Участились резкие перепады настроений. Всплески нездоровой восторженности часто заканчивались слезами. Из кризиса выводил выработанный десятилетиями автоматизм. Редакционная карусель, чтение, прогулки, живопись... Вовлеченность в процесс возвращала, пусть ненадолго, забытое чувство умиротворения. Тянулись, тянулись бледные вымученные ростки к неясному проблеску среди мятущихся клочьев отчаяния. Перебирая в часы бессонницы край-

ние варианты, готовя себя к самому худшему, Николай Иванович все чаще останавливался на ссылке. Пусть так, лишь бы поскорее вырваться из невыносимых тисков. Молодая жена ожидала ребенка. Поздняя любовь, вдвойне драгоценная, нечаянная — ради этого стоило бороться и жить. А работать можно везде. Идиллические воспоминания об Онеге, куда его выслали в одиннадцатом году, обволакивали видимостью успокоения. Размеренные занятия, охота, пленэр, коллекции — Бухарин как бы заранее предвкушал тихие досуги ссыльного поселенца. Только бы не разлучили с семьей, а остальное как-то устроится. Что, в сущности, надобно человеку? Внутреннее согласие — не больше. Без него тускнеют любые краски, ничто не радует и не хочется ничего. Сплошной серый фон, точно смотришь сквозь траурную вуаль.

Уговаривая, почти заклиная себя, Николай Иванович понимал, что лукавит. Если и в самом деле дойдет до ссылки, то он воспримет это не менее болезненно, чем вывод из Политбюро или вынужденный уход из «Правды». От себя никуда не деться. Его неуклонно тащило вниз по крутому склону, и боль потерь слилась с маетой ожидания.

За окнами занимался мутный, как молочная сыворотка, рассвет. Десну раздуло. Малейшее касание языком сотрясало ударом тока. Но стало как будто легче.

— Ты ужасно выглядишь! — испугалась Анна Михайловна.— Нужно немедленно вызвать врача.

— Не беспокойся. Лучше я сам схожу,— он принялся торопливо одеваться. Судя по ознобу, поднималась температура. Эмоциональная подавленность сгущала мерзейшее ощущение полного нездоровья. Не терпелось скорее выйти на свежий воздух, окунуться в уличную суматоху, отвлечься, забыть. Идти, впрочем, было всего ничего — через дорогу, мимо Манежа.

Нетерпеливо переступая с ноги на ногу, Николай Иванович покорно дал перевязать себе щеку: «Не дай бог, продует». В прихожей он демонстративно отвернулся от зеркала. И без того ясно, что вид жалкий. Воспаленные глаза отрезвляюще обдало холодным дуновением. Мучительная, казавшаяся нескончаемой ночь не вызвала никаких видимых перемен. Дворцовые мостовые отливали синей сталью. Часовой в тулупе привычно приложил рукавицу к островерхой буденовке.

Выйдя из ворот, Бухарин переждал, пока проедет троллейбус, и перешел на другую сторону. Возле керамической звездочки с серпом и молотом над подъездом Кремлевской поликлиники еще светился желтый плафон. Едва Николай Иванович потянулся к латунной ручке, как из застекленных дверей с плиссированными занавесочками выскочил Григорий Сокольников. По-прежнему красивый, самоуверенный, в модном, купленном за границей пальто.

— Здравствуй, Николай,— он сдержанно, без улыбки кивнул.— Не самое веселое место для встречи?

— Есть и похуже,— Бухарин хотел ответить шуткой, но неодолимая жажда хоть какой-то разрядки хлынула откровением.— Не пройдет и двух лет, и Коба нас перестреляет.— Вздрогнув от собственных слов, Николай Иванович испуганно обернулся. Его заряженный пророческой энергией голос упал, полублаженный блуждающий взгляд ушел внутрь.— Так-то, Григорий,— он истощенно сник.— Прощай, Григорий.

Породистое матово-смуглое лицо Сокольникова осталось невозмутимым. Неприятная встреча, ненужная. И вообще, к чему этот плач на реках вавилонских? Слишком поздно.

Он открыто выступил против Сталина еще в двадцать пятом году, на четырнадцатом съезде. Бухарчик был среди тех, кто с ревом и топотом забросали его каменьями. А ведь тогда, в самый расцвет нэпа, все могло сложиться совершенно иначе. Рыков — Предсовнаркома, Томский — вожак профсоюзов, Бухарин, помимо остального,— член коллегии ОГПУ. Словом, крепко сидели в седле. К ним и Дзержинский прислушивался. И вообще была совершенно иная обстановка в стране. Но они предпочли поддержать генсека, Чингисхана, как всего три года спустя изволил выразиться Бухарчик. Грош цена запоздалым прозрениям. Ничего, кроме крупных неприятностей, они не приносят. О том разговоре (третьим был Каменев) кто-то донес Сталину. За что ни возьмись, либо предательство, либо гнусный фарс. Текст беседы, разумеется в искаженном виде, был напечатан в Париже, в меньшевистском «Социалистическом вестнике». Кто передал? Какими путями? Сплошной мрак.

Постояв с минуту у закругленного угла поликлиники, выстроенной в подчеркнуто утилитарном конструктивистском стиле, Сокольников медленно натянул

кожаные перчатки. Без всякой на то надобности он перешел на другую сторону улицы Коминтерна и зашагал к воротам Кремля. «Не пройдет и двух лет...» — отдавалось в ушах неотвязным рефреном.

— Ты чем-то расстроен, Гаря? — встретила его жена и, не дождавшись ответа, заговорила о собственных неурядицах: кто-то из собратьев-писателей опять лягнул ее на собрании.— Хоть совсем уходи из литературы, не то мещане с партбилетом вгонят в гроб,— пожаловалась она.— Абсолютно невозможно работать.

— Ох уж эти телефонные доброжелатели! В их передаче самые невинные слова превращаются чуть ли не в политическое обвинение. Не обращай внимания. Литературные царапины скоро заживут. Вспомни, как ты убивалась, когда узнала о злой шутке Карлуши, а в результате? Пшик! Рассосалось, как детский синяк.

— И ты называешь это шуткой? — вспыхнула Галина Иосифовна.— Подлость — вот единственное слово!

Нет, ничего-то она не забыла. Радек знал, что творил. Придумал-таки, как побольнее ударить: «Хорошая книжка Серебряковой, написанная Сокольниковым».

— Успокойся,— Сокольников подосадовал на свое явно неуместное напоминание. («Для женщин нет мелочей».) — Путь к звездам тернист. Ты же хорошо пишешь. Не по-женски, по-мужски, в хорошем смысле слова,— быстро поправился он.— Сейчас тебе приходится воевать со всякими ермиловыми, а выйдя из Союза писателей, будешь отбивать атаки соседки по лестничной площадке. Изменятся только масштабы. Выбирай, что лучше...

— Ты, как всегда, прав, Гаря. Прости.

— Знаешь, кого я сейчас встретил? — Сокольников не хотел волновать жену, но бухаринское пророчество невольно сорвалось с языка.— Я сразу подумал о предсказании Казота, помнишь? — закончил он, не испытав облегчения.

— Якобинский террор? У нас?

— Разве что в случае войны,— словно бы размышляя вслух, почти вынужденно признал он.— И это будет куда страшнее. Французы гильотинировали тогда что-то около четырнадцати тысяч, а у нас, как ты понимаешь, масштаб иной. Сотни тысяч, миллионы невинных жертв... И, как всегда, это будут лучшие люди. Остается надеяться, что нам удастся избежать войны.

— Какое трудное время, Гаря! Мы и сами себе бо-

имся признаться, что живем под гнетом невыносимых тяжких предчувствий. Таинственные смерти, глухое отчуждение друг от друга... Я говорю не о нас с тобой, но о близких нам людях, товарищах. Все мы словно бежим от мысли о беде, легко обманываем себя, страшимся вглядеться в завтрашний день. Почему так, Гаря? Неужели это все от него? — Галина Иосифовна сознательно не назвала имени. Так уж было у них заведено. Когда она впрямую спрашивала мужа о Сталине, он либо отмалчивался, либо уходил от ответа. «Твое дело — литература,— следовала обычная отповедь.— Политическое ремесло всегда связано с грязью. Оно не для тебя. Трудная это штука, политика. Пиши книги, объективно, правдиво пиши и, главное, не будь бабой».— От него? — повторила с настойчивостью.

— Если так будет продолжаться, он соорудит столбовую дорогу капитализму,— мрачно кивнул Сокольников и тут же внутренне покоробился: «При чем тут капитализм?»

Галя права. Страх заливает немотой горло, подсказывает неверные слова, толкает на ложь. Что говорить о других, если он, член ленинского ЦК, не решается назвать вещи их подлинными именами? Кажется, все видел достаточно ясно, все понимал.

Предложив отменить пайки, закрытые санатории, ателье мод и прочие унизительные подачки, сознавал, что борьба с партийной номенклатурой заранее обречена. Достало, однако, донкихотского безумства нацелить копье на главную опору — генсека?

«Смотри, пожалеешь, Григорий!» — Сталин позвонил ему по вертушке в ночь перед съездом, но он все-таки выступил, не побоялся дать бой. Ни в личных беседах, ни в ЦК, ни в Политбюро — нигде не кривил душой. Протестовал против диких жестокостей коллективизации. Не скрывал своего отношения к полицейскому процессу «Промпартии». «Спрос рождает предложение,— еще при Дзержинском предупреждал.— Чем больше средств получат ваши работники, тем больше будет дутых дел. Такова специфика вашего весьма важного и опасного учреждения».

Что же случилось теперь? С ним, Григорием Сокольниковым, с ними со всеми? И главное, на что надеяться? Финал предрешен всей жизнью. «Бедный Ниночка,— подумал он о Бухарине.— Ему так же трудно и тошно. Все, все одинаково виноваты».

— Да что с тобой, наконец! — чуть ли не с отчаянием воскликнула Галина Иосифовна.— Говорю, говорю, а он молчит!

— Извини, я забыл позвонить Серго,— он потянулся к телефону.— Срочный вопрос.

Вопроса не было, тем более срочного. Всего лишь минутный порыв излить наболевшее.

Договорились на десять вечера. К двенадцати Орджоникидзе возвращался к себе в наркомат.

Верно сказано: в здоровом теле здоровый дух. Десну излечили. Бухарин окреп. Регулярная физзарядка вернула ему ощущение внутреннего благополучия. Мрачные предчувствия, если и не развеялись вовсе, то явно ослабили мертвящую хватку. Словом, ушли с поверхности в те глубинные слои, где отстаивается, густея со временем, общая — и своя для каждого — истина о неизбежном конце всего сущего. И темные вестники, что повергали прежде в уныние, утратили, словно размытые зыбями, четкие очертания. Выявилась возможность альтернативы.

Увидев в вагоне «Стрелы» примелькавшуюся спутницу, Николай Иванович премило раскланялся с ней и даже вступил в беседу. Всякий раз, отправляясь в Ленинград на заседание президиума Академии наук, он встречал эту прелестную незнакомку, никакого касательства к академическим делам не имевшую. О случайном совпадении не могло быть и речи. Но и предполагать нечто прямо противоположное, непосредственно угрожающее показалось необязательно. Общий, как говорится, порядок, примитивный стандарт — не более. Стоит ли из-за этого портить кровь? Жить стало если не легче, то проще.

Из неустойчивого равновесия выбил телефонный звонок Сталина.

— Давненько мы не виделись с тобой, Николай. Почему не заходишь?

Превозмогая подступившее к горлу удушье, Бухарин вошел в кабинет. Раньше Коба нуждался в нем, льстил: «Мы с тобой Гималаи, остальные — ничтожества». Все обернулось коварством и ложью.

Против ожидания Сталин встретил его почти подружески. Вышел из-за стола, усадил, выколотив трубку, сел рядом.

— Мы решили командировать тебя за границу для покупки архива Маркса и Энгельса. Австрийские социал-демократы хотят продать архив именно нам. Это вынужденный, но очень важный для нас шаг. Они опасаются за сохранность архива в случае возможной войны и, не в последнюю очередь, нуждаются в деньгах. В нашу задачу не входит финансовая поддержка социал-предателей, но и допустить, чтобы архив Маркса и Энгельса попал в недостойные руки, мы тоже не можем. Поэтому придется крепко поторговаться. Крайнюю цену мы тебе указали.

О согласии Сталин не спрашивал. Просто ставил задачу.

— Понятно, Коба,— кивнул Бухарин. Неожиданное предложение всколыхнуло в нем самые противоречивые чувства, но преобладало все-таки облегчение. Обдав благодарной высвобождающей теплотой, оно ободряюще заструилось по жилам. Сталин набил трубку, прошелся по кабинету и, став спиной к выложенному кафельной плиткой калориферу, так же размеренно и обстоятельно продолжил инструктаж:

— В состав комиссии мы включили директора ИМЭЛ Адоратского и председателя ВОКСа Аросева. Аросев, несомненно, торговаться сможет, но в знаниях Адоратского я сомневаюсь, ему могут подсунуть что угодно вместо Маркса. Проверить рукописи сможешь только ты.

Неторопливо раскурив трубку, Сталин взял со стола сколотые бумаги.

— Вот тебе постановление Политбюро и инструкции. Ознакомься.

Скрывая дрожь, Бухарин стиснул переплетенные пальцы. Невероятность происходящего застилала глаза. Подумать только: Коба выпускает его за границу!

Однако все так: цель командировки, состав комиссии, Адоратский во главе. Он, Бухарин, на втором месте.

В отдельной памятке были поименованы лица, с которыми надлежало вести переговоры: главари Второго Интернационала и австрийской социал-демократии Отто Бауэр и Фридрих Адлер, а также меньшевики-эмигранты Дан и Николаевский. Все, кроме последнего, фигуры известные, заклятые друзья.

— Но, Коба,— попытался возразить Бухарин,— я же резко полемизировал и с Бауэром, и с Даном. Осо-

бенно в брошюре «Международная буржуазия и Карл Каутский, ее апостол». И вообще постоянно подчеркивал неизмеримую подлость и банкротство Второго Интернационала... Не знаю, насколько удобно в такой ситуации...

— Большевик ведет открытую полемику в печати по принципиальным вопросам марксизма. Значит ли это, что он не может продолжить ее лицом к лицу с оппонентом? Нет, не значит.

Бухарин послушно поддакнул. Его нисколько не смущала возможная дискуссия с лидерами австромарксизма. Зато перспектива встречи с меньшевиком Даном определенно наводила на размышления. Это в его «Социалистическом вестнике» появилась запись злополучной беседы с Каменевым, вызвавшая настоящий скандал в Политбюро. С эмиграцией опасно вести какие-либо дела. Тем более что по сей день неизвестно, кто мог предать огласке доверительный разговор с глазу на глаз. (Сокольников не в счет: он практически не участвовал и вообще скоро ушел.) Но как скажешь об этом Кобе? Заикнуться, и то немыслимо. Все равно что подставиться под топор. Тогда, в двадцать девятом, он очень ловко использовал ситуацию и конечно же все превосходно помнит.

— Я назвал Феликса Дана гувернанткой, прогуливающей старца Каутского,— Бухарин все же попытался прояснить обстановку.— И вообще эти «Либерданы»...

— Костюм у тебя, Николай, поношенный, так ехать неудобно. Срочно сшей новый, теперь времена у нас другие, надо быть хорошо одетым.— Сталин не пожелал вникнуть в нюансы. Вопрос для него был решен.

Возникшие было опасения вскоре развеялись. Коба завистлив, мстителен, но не настолько же... Вот и на прошлогоднем банкете он предложил тост: «Выпьем, товарищи, за Николая Ивановича Бухарина! Все мы его знаем и любим, а кто старое помянет, тому глаз вон!» Никто, так сказать, за язык не тянул, а доказательство налицо. Значит, едем!

В квартиру Николай Иванович вбежал, подпрыгивая, как мальчишка.

— Анюта! — радостно обнял жену.— Нипочем не угадаешь, что сейчас приключилось! Ну, Коба выкинул номер! Анекдотический случай: я — и Дан! — захлебываясь смехом, пересказал разговор.

А через час позвонили из спецмастерской Наркоминдела.

— Товарищ Бухарин,— мастер говорил с ярко выраженным местечковым акцентом.— Мне надо срочно снять с вас мерку, чтобы успеть пошить вам хороший костюм.

— Извините, товарищ! — Николай Иванович и думать не желал о таких пустяках.— Но я очень занят. Никак не смогу выбраться. Нельзя ли без мерки?

— Без мерки нельзя, если вы не хотите, чтобы с вас смеялась вся заграница. Лично я не знаю такого случая, чтобы шили без мерки. На глаз — бывало, делали, но в прежнее время. Так что прошу прощения. Я вас задержу всего на момент.

— Боюсь, не успею. В три часа редакционная «летучка».

— Я могу подождать вас до вечера.

— А если снять мерку по старому костюму? — Бухарину казалось, что он нашел выход из положения.— Я вам его подошлю.

— По старому? Это, конечно, можно, но предупреждаю вас, выйдет плохо. Молодой человек растет вверх, пожилой человек растет вниз. Люди худеют и люди полнеют. Такова жизнь. И вообще сделайте мне удовольствие, товарищ Бухарин! Я всегда мечтал хоть одним глазком увидеть живого Бухарина — не на портрете. Ведь это такой случай, такой исключительный случай! Я думаю, вам не каждый день приходится шить себе новый костюм.

Делая выразительные знаки жене, Бухарин сдавал позицию за позицией.

— Если я не смог отказать Кобе, то почему я должен обидеть портного? — сказал он, надевая пальто.

— Тем более что твой единственный костюм на тебе,— улыбнулась Анна Михайловна.— Ты бы просто не смог поехать в редакцию.

11

Ледяная крупа катится по каменным плитам. Жесткий ветер перегоняет ее из конца в конец. В наклонных лучах пунцового солнца отчетливо прорисовывается каждый припорошенный стык. Линии швов, подбеленных снегом, смыкались у ступеней генерального штаба,

поперечные параллели уводили к «Бристолю» и «Европейской». И эта площадь, расчерченная на клетки, как карта, и лютая синева, в которой таяло одинокое облачко, навевали тоскливое ощущение позабытого сна. Как ни мучься, не вспомнить мелодию, не связать обрывки сумеречных струн. Вытянутый в длину фасад отгораживал площадь от Саксонского парка с его петляющими дорожками и прихотливым узором оград. Наверное, там затевали возню мальчишки и чинно прогуливались одинокие старики, а здесь отрешенно зияла закованная в прямоугольный камень пустыня. Странный все-таки обман чувств, минутное помрачение, навеянное переменой погоды. Людская суета заполняет даже четырехмерное пространство пана Минковского. Мир застывших форм и остановленных движений существует лишь на полотнах Кирико или Дельво.

Площадь Пилсудского не то место, чтобы предаваться долгим мечтаниям, а Варшава не тот город.

Печатая шаг, сменяется караул у могилы Неизвестного солдата, подъезжают штабные машины. Золотоволосая красавица, стуча каблучками, перебегает дорогу перед самым радиатором с красно-белым флажком.

Бойко идет торговля булочками с горячей грибной начинкой у решеток парка на Граничной, перетаскивают чемоданы гостиничные мальчики. Под гром барабанов марширует отряд харцеров.

Иероним Петрович Уборевич сел в новенький «берлие» заместителя начальника генерального штаба. Военный атташе на мгновение заколебался, но быстро нашелся и пригласил в свой «рено» багроволицего военного, отмеченного звездой высокого ордена «Белого Орла». Разделяться, пусть и на считанные минуты, было не слишком желательно, но приходилось считаться с протоколом и субординацией. В Польше таким вещам придавалось подчеркнутое значение. Особенно ныне, когда страной фактически управляло военное командование. Визит Уборевича выходил, таким образом, за рамки армейских контактов.

К площади подъехали со стороны Каровой. Встречавший кортеж подполковник распахнул дверцу и вскинул два пальца под окантованный козырек.

— Проше, пан генерал!

— Похоже, зима перешла в контратаку? — заметил Уборевич и с наслаждением втянул морозную свежесть.— Превосходное утро!

Поляки охотно пустились в рассуждения о причудах погоды, туманно намекая на капризы политики.

Озябшие репортеры в темпе схватили несколько общих кадров и, раздавшись в стороны, пропустили молодцевато взбежавших по лестнице военных. Каждому хотелось обязательно заснять Уборевича, но его постоянно заслоняла чья-нибудь украшенная позументом конфедератка. Больше всех повезло Тодеку Зегальскому из «Курьера Варшавского», догадавшемуся расставить деревянный треножник справа от входа. Он сделал портрет в полный рост: развевающиеся полы шинели, сабля на боку, портупея. Немного подпортило солнце, колюче вспыхнувшее на стеклах пенсне. На счастье, в самый последний момент хозяева вежливо приотстали, посторонился и адъютант с серебряным аксельбантом, потянув на себя дубовую дверь. Вот и удалось запечатлеть большевистского генерала.

— Ца-ца-ца! Какой субтильный пан,— поцокал языком Тодек.— И какой моложавый! — он покосился на топтавшегося рядом круглолицего здоровяка в клетчатой кепке с наушниками.

Тот, однако, никак не отреагировал. Молча, словно не к нему обращался коллега, спрятал в карман «минокс» — камеру-лилипут латвийского производства, и заковылял вниз по ступеням.

Не иначе, из «двуйки», определил наметанным глазом Тодек, знавший всех журналистов Варшавы. Господа из второго бюро тоже порядочно ему примелькались. Например, подполковник Броневский, который вошел последним. Но этого, в кепке, Зегальский определенно видел впервые. Такие лица запоминаются, особенно глаза: голубенькие, как у младенца, но словно бы тронутые сладковатой гнильцой. И вообще кто из приличных людей захочет работать с «миноксом»? Даже «двуйка» не станет мелочиться на финтифлюшках.

Тодек собрал штатив и прямиком направился на Маршалковскую, к трамваю.

На другой день типчик в клетчатой кепке снова попался ему на Уяздовских аллеях, возле многоэтажного здания генеральной инспекции. Как последний идиот, он сидел на обледенелой скамейке, закусив погасшую папиросу. Зегальский прошел мимо, отвернув на всякий случай лицо. Если пан Уборевич находится в инспекции, рассудил он, то все становится на свои мес-

та: шпик. «Жди, голубчик, пока не примерзнет зад»,— позлорадствовал Тодек. Лично его российский генерал уже не заботил. Дело сделано: «Курьер Варшавский» поместил портрет на первой странице. Жаль, что обрезали по пояс — пропала сабля. Зато превосходно смотрелись диковинные петлицы с четырьмя ромбами и звездой. И пенсне нисколько не бликовало.

Тодек не знал, что так поразивший его своей моложавостью военачальник в двадцать два уже командовал армией. Он вообще мало интересовался историческими подробностями. Его пределом был фоторепортаж.

Заскочив пообедать в «Бристоль», он опять наткнулся на кругломордого с глазами, похожими на подгнившие сливы. Третий раз за неполных два дня!

На возвышении в вестибюле, где в дневные часы накрывали столики, отыскалось свободное место, откуда можно было понаблюдать за странным субъектом, которого так настойчиво подсовывала судьба. Из чистого суеверия Тодек решил поплыть по течению. Авось что-нибудь и перепадет!

Напротив голубоглазого филера сидел, небрежно прикрыв салфеткой белый фуляровый галстук, седой вальяжный мужчина. Ковыряя вилкой недоеденный бризоль, он время от времени поднимал рюмку, но, едва пригубив, отставлял в сторону. Голубоглазый же и пил, и ел с надлежащим усердием, то и дело наливая себе до самого краешка. Вилку он, конечно, держал в правой руке, а левой неустанно запихивал в рот куски хлеба. Лохмы тушеной капусты то и дело слетали на лацканы кургузого пиджачка. Седой всякий раз морщился и отстранялся. На пирующих закадычных друзей это нисколько не походило. В общем, странная пара: барин и хам. О чем они вели разговор, Тодеку оставалось только догадываться. Сколько ни вслушивался в слитный рокот, ни единого слова не уловил. Кто-то поминутно входил и выходил в вертящуюся дверь, звякала посуда, раздавались восклицания, смех. Тут и рядом ничего не услышишь, а Тодек устроился в дальнем углу. Видеть, как жрет, постепенно наливаясь кровью, неопрятный бурбон, стало совсем невтерпеж: того и гляди аппетит испортишь.

— Как всегда, пан Зегальский? — над ним склонился знакомый официант.

— Принесите шницель и рюмку рябиновой,— попросил Тодек. Капустный узор на лацканах напротив

отбивал охоту до прежде любимого бигоса.— Вы случайно не знаете, кто эти двое? — он деликатно повел бровью.

— Как не знать! Пан Смал-Штокий, он у нас часто бывает. А вот кто с ним, прошу прощения, понятия не имею. Тоже из украинцев, надо полагать.

Тодек равнодушно кивнул. Где-то он слыхал это имя, но оно почти ничего не говорило ему. Впрочем, отчего не спросить? Журналисту простительно.

— Это какой же Смал-Штокий?..

— Тот самый, пан может не сомневаться.— Официант склонился еще ниже и зашептал в самое ухо: — Посланник Центральной рады в Берлине. В Киев он так и не вернулся, прямиком переехал в Варшаву. Имеет особняк и приличные деньги. Откуда? Положительно сказать не могу.

Тодек заказал еще рюмочку и пирожное с кремом к черному кофе. Он пока не решил, как поведет себя, однако кое-какие мыслишки уже наклевывались. Директория, Украинская народная республика, Центральная рада были для него понятиями довольно абстрактного свойства. Зато о конспиративной деятельности националистов газеты писали регулярно. Каждый поляк знал, что «двуйка» не спускает с них глаз. Поговаривали и об особом интересе гестапо. Горячие споры на подобные темы постоянно затевались в журналистском клубе. Таинственные похищения, неразгаданные убийства, даже какие-то взрывы во Львове — все это как-то связывалось с деятельностью жовто-блакитных боевиков-экстремистов. В погребках, где Зегальский был своим человеком, украинцев, мягко говоря, недолюбливали. Не меньше, чем евреев и немцев. Впрочем, о немецком вопросе толковалось под сурдинку, особенно на трезвую голову. Военная цензура вымарывала любое упоминание о гестаповской агентуре. Осведомленные люди полагали, что неспроста. Слежка неверняка ведется, и бдительная, но остальное покрыто мраком. Никто не смел сказать наверняка об аресте хоть одного германского шпиона. И дураку ясно, что правительство боится раздразнить опасных соседей.

И эта постыдная нерешительность росла прямо пропорционально наглости их фюрера. Тодек верил в мощь польского войска, но критически относился к политике умиротворения. Сопоставив свои приблизительные догадки с поведением «Голубоглазого», он заподозрил

немецкий шпионаж, если не хуже — покушение. В кармане с «миноксом» вполне мог оказаться револьвер или, допустим, граната. Акция возле генеральной инспекции, очевидно, не удалась, и вот незадачливый агент вынужден держать ответ перед начальником.

Тодек не спросил себя, зачем понадобилось обставлять малоприятное, надо полагать, объяснение явно неподобающими аксессуарами, вроде графина житной. Да еще на виду всей Варшавы, в отеле «Бристоль». Готовое клише пришлось точно по месту: «Хлопы и пьяницы». И все, и других объяснений не требуется. Недорого стоит патриотизм, взращенный на лозунгах и бульварных романах. Подогретый третьей порцией рябиновки, он толкал к действию. В голове уже рисовался сенсационный заголовок. «Репортер разоблачает» или нечто подобное...

Заметив, что пасынкам Речи Посполитой принесли счет, Зегальский поспешил расплатиться и кинулся в гардероб. Надев пальто, вышел на улицу. Не спуская глаз со стеклянной вертушки, закурил папиросу.

Первым показался экс-посланник. Прищурясь на багровый закат, сунул под локоть трость с серебряным набалдашником и поплотней запахнул шалевый воротник из отборных бобров. Тодек отметил, что и шапка была оторочена тем же искристым мехом.

Вскоре и второй выскочил, нахлобучивая на бритый затылок затрапезную кепку.

Они о чем-то посовещались, но не на мове, как ожидалось, а на добром польском, и зашагали по Краковскому предместью.

Зегальский, не долго думая, двинулся следом. Держась на некотором отдалении, ловил лишь обрывки речи: «Не торопись...» — «...А это правда?..» — «Гриць...» — «И что он?..» — «Дать телеграмму...».

Не так мало, если как следует вдуматься. Sapienti sat [1]. Недаром Зегальский окончил классическую гимназию. Он уже видел, как шпионы суют в окошко зашифрованный бланк, и в блаженной горячке дорисовывал подробности. Доверительную беседу с Люцианом Бронецким, например, или — кто знает, как оно обернется? — с самим министром! Дело нешуточное: орденом пахнет.

---

[1] Для понимающего достаточно (*лат.*).

Воображение вело по нарастающей, пока заманчивые мечтания не потерпели неожиданный крах. Так бывает, когда, задумавшись на ходу о чем-то необыкновенно приятном, прямиком врубаешься в фонарный столб.

У табачного киоска на углу Краковского предместья Тодека ждало нечто похожее. Оказалось, что Смал-Штокий и Гриць (кто же этот Гриць, если не «Голубоглазый»?) ничуть не торопились на Главный почтамт. Мало того, каждый новый шаг отдалял их от заветной площади Наполеона, между Светокшиской и Варецкой.

Увлекшийся репортер окончательно забыл осторожность, непозволительно сократил дистанцию и был мгновенно наказан.

Гриць — или как там его? — обернулся, как от укола, и уставился на преследователя младенческими очами убийцы.

Тодек чуть не споткнулся на ходу и тоже замер. Тут и Смал-Штокий продемонстрировал импозантный фас. Не оставалось ничего иного, как приподнять котелок и шмыгнуть мимо.

Свернув в первый попавшийся переулок, пан Зегальский бессильно привалился к стене. Губы его дрожали, кривясь в совершенно жалкой улыбке. Ничего себе герой...

А ведь перед ним определенно приоткрылся крохотный кусочек потаенной мозаики, но он не сумел прочитать узор. И это вновь напомнило мучительную и всегда безуспешную попытку понять сон, который однажды тебе уже снился.

Тодек никогда не читал Зигмунда Фрейда и потому не знал, что случается ложная память. И все же близок он был к интуитивному прозрению, очень близок.

Но все развеялось.

На следующее утро командарм первого ранга Иероним Петрович Уборевич отбыл в Прагу. На перроне к нему прорвалась очаровательная, но безбожно надушенная блондинка в шиншилловой шубке. Шестилучевые снежинки невесомо и нежно переливались в завитых локонах.

— Автограф для моего мальчика, пан генерал! — воскликнула она, почти задыхаясь от счастья, и обеими

руками протянула газету фотографией вверх.— Он так мечтает надеть мундир!

Уборевич снял перчатку и потянулся за «вечным» пером, но что-то удержало его, и он заложил ладонь за отворот шинели.

— Автографы — привилегия спортсменов и кинозвезд, мадам,— он постарался смягчить отказ.— Передайте мой самый горячий привет будущему солдату. Пусть ему никогда не придется идти на войну.

Провожавшие офицеры растроганно заулыбались.

— Умоляю! — она картинно заломила руки.

— Сколько лет вашему сыну?

— Скоро пять, пан генерал.

— Пусть хорошо учится в школе,— Уборевич закончил приостановленное движение и вынул авторучку.— Ему на память.

Паровоз с шипением исторг горячее облако, по стыкам пролязгала судорога.

Командарм отдал честь.

12

С переездом управления заграничной разведки в просторное помещение на Беркаерштрассе извечно немецкая проблема «жизненного пространства» к общему удовлетворению разрешилась. По крайней мере для бригаденфюрера Гейнца Иоста, получившего великолепную штаб-квартиру в тихом районе Берлина. «Жилищный кризис» явился прямым следствием притока ассигнований из партийной кассы, что, в свою очередь, позволило существенно увеличить аппарат. Все, как известно, имеет свои теневые стороны.

На Вильгельмштрассе, где образовался целый квартал зданий, принадлежавших СС, уже не осталось ни одного свободного дома. Гейдриху это оказалось весьма на руку. Он предпочитал держаться подальше от Кайзера Генриха. Слишком частые встречи могут испортить самые добрые отношения. И вообще секретной службе не стоит маячить перед окнами посольских особняков.

Созданный по приказу Гесса орган «политической и секретной защиты партии» постепенно обособлялся не только от канцелярии НСДАП, но и от отцовской опеки рейхсфюрера СС. Укрепляя переживавшие период становления службы идеологии и зарубежной разведки,

Гейдрих по-прежнему опирался на отборные кадры внутреннего управления.

В сущности, любая иерархическая система, достигнув определенной стадии роста, начинает работать сама на себя, тем более тайная. Поэтому Гейдрих не торопил события, крайне осторожно подправляя сепаратистские процессы в нужном направлении.

Особые надежды он возлагал на реформу структуры имперской полиции, уже завизированную Гиммлером и переданную в рейхсканцелярию. Согласно проекту, под его начало переходили гестапо и криминальная полиция. Лишь полицию порядка — ОРПО — рейхсфюрер оставлял под началом старого борца Далюге. По сути, вся карательная машина империи сосредоточивалась в одних руках. Разумеется, если не подгадит министр внутренних дел Фрик. «Если я и соглашусь допустить Гиммлера в свое министерство, то этому убийце Гейдриху вход заказан»,— заявил он имперскому министру юстиции.

Разговор, естественно, был записан. Картотеку, в которой скрупулезно фиксировались тайные пороки партийных вождей, Гейдрих вел еще со времени Веймара. Она составляла как бы частное достояние, помимо обширнейшего банка информации, который пополнялся по долгу службы. Первое время он хранил свое сокровище в ящичках из-под сигар. Нужную для заполнения карточек пишущую машинку начальник штаба СД Гильдиш привозил на трамвае, а затем увозил обратно. Несмотря на столь наивную конспирацию, кроме него и фрау Гейдрих, никто не был посвящен в опасную тайну. О существовании картотеки, надо думать, догадывались. По крайней мере, ходили слухи, что шеф СД завел подробные досье на всех руководителей рейха, включая рейхсфюрера СС и самого Гитлера. Но о ком нынче не сплетничают? Мюллер-гестапо? Собирает материал! Кайзер Генрих? Ему-то сам бог велел. И так далее... Как будто и без того не ясно, кто чем занимается.

Не стоило обращать внимания на болтовню. Иное дело молва, будто Гейдрих, зная тайные слабости людей, способен любого — от прислуги до министра — поставить в зависимое положение. Такое реноме не только льстило самолюбию, но и помогало в работе.

Как-то, в хорошую минуту, он обменялся мнениями по этому поводу с шефом.

«И пусть думают. Очень хорошо,— одобрил Гиммлер.— Я и Мюллеру говорил, что не стоит слишком рьяно опровергать слухи об ужасах гестапо. Страх, суеверный всепоглощающий страх — самый надежный помощник. Где бы ни находился человек, что бы ни делал, пусть помнит: с него не спускают глаз. Любой поступок, любое слово тут же станут известны».

Гейдрих полностью согласился. Уж он-то не щадил сил, чтобы поставить под свой контроль всю империю. Местные организации СД стремились внедрить «почетных агентов» во все звенья партийного и государственного аппарата. На заводах и фабриках, в полках рейхсвера и на боевых кораблях, в университетах и школах, на фольварках и рудниках, в газетах и киностудиях, театрах и госпиталях — везде сидели осведомители, чьи имена знало только непосредственное руководство. «Почетными агентами», как правило, становились лучшие, наиболее компетентные специалисты того или иного учреждения. Этот тайный, глубоко внедрившийся в общественную жизнь институт, построенный по принципу иезуитского ордена, был задуман Гиммлером в середине двадцатых годов. Впоследствии, когда Кайзер Генрих стал полицай-президентом Мюнхена, голая идея начала обрастать мясом. Гитлеру она настолько пришлась по душе, что он приказал осуществить ее в кратчайшие сроки. Рудольф Гесс только выполнил поручение.

Привлеченный в качестве непосредственного исполнителя, Рейнгард Гейдрих вскоре стал одним из наиболее влиятельных представителй национал-социалистской элиты. Его имя почти ничего не говорило широкой публике. Радио о нем не упоминало, газеты не печатали его портретов, операторы кинохроники никогда не сопровождали его в поездках.

Высокий и всегда приглушенный голос Гейдриха, его манера проглатывать гласные запоминались надолго, а содержание беседы как-то сразу улетучивалось из головы.

Однако внешне бессистемно разбросанные построения объединяли удивительный по точности и экономии материала логический каркас. Но понять это было дано далеко не каждому, тем более в момент разговора.

Гитлер научился доводить наэлектризованную толпу до неистовства, Геббельс сам пьянел от своих речей, Геринг, хватая все, что только было под рукой — долж-

ности, ордена, еврейские дома, заводы, картины,— взахлеб упивался собственной личностью. Но никто из них не понимал технологии власти с такой отстраненной четкостью, как Гейдрих. В сущности, он хотел одного: всегда знать обо всем больше, чем кто бы то ни было. Именно этим и занималась СД. Особое внимание уделялось партийно-правительственному аппарату, армии, полиции, разумеется, дипломатическим кругам. Секретная служба не дублировала гестапо. Поэтому «почетные агенты» не являлись полицейскими осведомителями в обычном понимании. Пришлось затратить массу усилий, чтобы втолковать это ближайшим сотрудникам. Гейдрих не нуждался в мелких доносчиках и тем более провокаторах. Таких, когда возникала необходимость, поставлял Мюллер-гестапо. СД работала на ином системном уровне. В основу всего была положена точная квалифицированная информация. Моментальные снимки, из которых эксперты монтировали живую ленту событий. На первой ступени агенты собирали сведения о реакции различных слоев населения на мероприятия режима и международные события, о популярности того или иного руководящего деятеля. Затем наступала очередь штатных сотрудников. Зная общий абрис задачи и располагая более обширной информацией, они выделяли наиболее существенное, если требовалось, уточняли детали в непринужденной беседе. Полная картина воссоздавалась уже в Центральном управлении, где готовился материал еженедельных и ежемесячных докладов для Гиммлера и Гитлера. В этих секретных, государственной важности, сводках не приукрашивали, не искажали действительности в угоду высшему руководству. Напротив, сложные явления жизни исследовались со скрупулезной объективностью, причем основное внимание уделялось враждебным национал-социализму тенденциям.

Что бы ни говорил Гитлер в публичных выступлениях или даже в узком кругу, реальное положение он знал. Коверкая до неузнаваемости факты, выдумывая, импровизируя, не заблуждался насчет истинного течения дел. По крайней мере, имел возможность не заблуждаться, ибо доклады Гейдриха поступали с точностью курьерского поезда.

Работа секретной службы была оценена по достоинству. СД получила право вести расследование на всех этажах власти, допрашивать любых, даже очень высо-

копоставленных лиц. Имперские министры и гаулейтеры в этот круг не входили, равно как и генералитет. Тут Гейдрих должен был действовать на свой страх и риск. И через два года после триумфа движения фюрер опасался рейхсвера. Старческое брюзжание господ с лампасами могло повергнуть его в истерику.

Шеф СД старался использовать это в собственных целях.

Некоторые сведения особо деликатного свойства, оседая в персональной картотеке, никогда не попадали в докладные.

Без десяти одиннадцать адъютант положил на стол стопку без единой помарки переписанных на машинке листов. На каждом значилось: «Отпечатано в 1 экземпляре».

Гейдрих вскользь проглядел сообщения о светских раутах в «Эспланаде», «Бельвю», «Адлоне», «Клубе господ», дрезденском «Эдене» и мюнхенском «Кайзергофе».

Далее следовала информация об охоте Германа Геринга (бревенчатый дом, старинный костюм хозяина, который он вскоре сменил сначала на розово-зеленую униформу главного лесничего, затем — на белый парадный мундир генерала «люфтваффе»). Это интереса не представляло, равно как и черный, шведского мрамора склеп, в котором покоилась жена рейхсминистра. Куда большего внимания заслуживала появившаяся на горизонте монументальная Брунгильда — невеста Геринга, но на нее уже имелось исчерпывающее досье.

Остальное было примерно в том же стиле. Ни самого Гейдриха, ни тех, кому предназначался отчет, ничуть не волновали восторги Шахта, дважды посетившего концерт знаменитого скрипача Крейслера. Иное дело, что министр просвещения Руст не знает ни слова по-английски, хотя всюду значится прямо противоположное. И неважно, что СД это уже известно. «Почетный агент» в министерстве — человек явно сообразительный, он понимает, в чем суть работы. Такого стоит поощрить, может быть, даже продвинуть по службе.

— Узнайте, на какой должности работает информатор,— сказал адъютанту Гейдрих, пометив абзац, где говорилось о ситуации в министерстве просвещения.— А ответственному за финансы укажите, что они плохо ориентируют людей.— Он поставил вопросительный

знак.— Нужно узнать, о чем Шахт беседовал с Уильямом Доддом.

— Будет исполнено, группенфюрер.

— Далее. Я не вижу сообщений о руководителе бюро иностранной печати Эрнсте Ханфштенгле. На прошлой неделе их тоже не было. Проверьте.

— Слушаюсь,— адъютант записал в блокнот.

— В прошлых сводках два раза отмечалось, что его называют «франтом». Я это уже усвоил. Не надо ничего лишнего. Теперь о свидании Сурица с Доддом. Политические симпатии американца давно известны. Не надо повторяться. Тем более что никакой положительной информации нет. Только сам факт, длительность встречи и запись телефонного разговора.

— Ясно, группенфюрер. Материалы три-а, группенфюрер,— адъютант взял новую стопку, намереваясь положить ее, как обычно, справа от Гейдриха.

— Посмотрю позже. Кстати, давно пора изменить рубрики. «Подрывная деятельность, включая агитацию и саботаж». «Эмиграция — коммунисты и социал-демократы». «Эмиграция — интеллигенция». «Общественное мнение в стране вокруг всех этих вопросов». Итого — четыре рубрики... Теперь сообщения из-за рубежа. Только самое срочное: Москва, Лондон, Париж, Прага... Остальное верните Йосту. Я не буду смотреть.

— Важное донесение из Женевы, группенфюрер,— перебирая страницы, адъютант задержался на одной, помеченной красным грифом.— Проходит по четырем параграфам.

— Давайте,— по обыкновению безучастно и глухо сказал Гейдрих.

Сразу уловив суть, он перечитал каждую строчку. Загадочное происшествие в Шепетовке заслуживало специального анализа. Вопросов возникало множество, а однозначных ответов не находилось. Информатор, внедренный в бюро полковника Коновальца, сопроводил телеграмму Смал-Штокого биографическими данными бывшего посланника Центральной рады. Вступать в контакт с абвером, пожалуй, не стоило. Ведомство Нейрата располагает обширной документацией по Украине. Гейдрих вызвал по внутреннему телефону уполномоченного по связи с министерством иностранных дел штурмбанфюрера Карстенса.

— Зайдите ко мне, Фриц.

Завизировав доклад, он раскрыл личное дело Валь-

тера Шелленберга. Вооружившись лупой, тщательно изучил фотографию: удлиненный овал лица, большие светлые глаза, зачесанные на пробор волосы. Вполне ординарная, но не лишенная благообразия внешность. Правильной формы нос, выпуклый лоб, небольшие уши, твердый подбородок, умеренно выраженные надбровные дуги — все находилось в пределах нормы и полном согласии с антропометрическими измерениями.

Следуя примеру рейхсфюрера, Гейдрих придавал большое значение такому обследованию. Для зачисления в СС оно было совершенно обязательно, но нередко повторялось и при кадровых перемещениях. Шелленбергу покровительствовал сам Гиммлер. Именно он посоветовал Гейдриху взять подающего надежды агента в свой аппарат. Высокая рекомендация, безусловно, обязывала, что требовало удвоенной бдительности. Немотивированный отказ исключался.

Поводов для придирок, однако, не нашлось.

Анкета, характеристика, справка о расовой чистоте — ничто не внушало подозрений. Седьмой сын фабриканта роялей, достойная немецкая семья, хорошее воспитание. Закончил юридический факультет университета, усиленно занимался спортом, отличные успехи в науках, особенно в языках, студенческая корпорация «Боруссия». Участвовал в движении. Зарекомендовал себя способным осведомителем. Непосредственный начальник специально отмечает литературный стиль. Казалось бы, чего лучше?

Гейдрих примерно догадывался, через кого двадцатипятилетний пройдоха — такое складывалось пока впечатление — добрался до Гиммлера. Папаша-фабрикант наверняка имел ходы к фрау Бехштейн, поддержавшей фюрера в самое трудное для партии время. Отсюда и высокие знакомства: обеды с Герингом в Каринхале, верховые прогулки с племянницей Круппа. Музыка слишком чиста и возвышенна для карьеристских устремлений. Впрочем, между артистом и торговцем музыкальными инструментами есть известная разница. Не стоит судить слишком строго.

Все еще раздумывая, Гейдрих отвинтил колпачок авторучки и, слегка промедлив, наложил резолюцию.

Для начала он решил испробовать этого Шелленберга на картотеке. Оберштурмфюрер Мельхорн предложил оригинальную конструкцию — нечто вроде карусели. Нужная карточка выскакивает сама, стоит нажать

кнопку. Идея перспективная. Пусть парень поможет доктору Мельхорну по юридической части: рубрики, параграфы и все такое. Посмотрим, каков он в работе.

Гейдрих прошел в заднюю комнату и взял скрипку. Прикрыв глаза, прижал ее костлявым подбородком к плечу. Красиво зажав смычок, провел по струнам и заиграл, покачиваясь в самозабвенном экстазе. Когда штурмбанфюрер Карстенс появился в приемной, из приоткрытой двери уже в полную силу лилась рыдающая мелодия. Виртуоз с серебряными генеральскими листьями на черных петлицах разнообразил ее игрой флажолетами и переборами пиццикато.

Карстенс вопросительно взглянул на привставшего адъютанта. Тот с улыбкой кивнул и гостеприимно распахнул дверь. Осторожно ступая по ковру, штурмбанфюрер приблизился к креслу.

Не раскрывая глаз, Гейдрих благосклонно кивнул. Скрипка стонала и пела в его искусных пальцах. Выдав заключительный аккорд, он положил инструмент и неузнавающим взором кольнул посетителя. Казалось, что возвращение из потусторонних далей потребовало от него неимоверных усилий.

Карстенс, давно изучивший уловки шефа, откликнулся восхищенной улыбкой.

— Божественно, группенфюрер! Что... Что это было?

— Соната для скрипок и фортепиано Сезара Франка... Садитесь, Фриц. Вас, видимо, удивляет, что мой излюбленный композитор — француз? Но заметьте себе: его вещи навеяны событиями франко-прусской войны. Подумайте, Фриц, этот французик, сластолюбец и плутократ, захвачен без остатка нашей силой и величием. Он не в силах сдержать восторга.

— У меня нет слов! — умилился Карстенс.— И я рад, что мне так повезло. Бесподобная музыка.

Величия Пруссии он, правда, не ощутил, а о существовании Франка знал со слов того же Гейдриха, любившего, когда его «заставали» за скрипкой. Шеф СД, знавший всю подноготную подчиненных, ничуть не заблуждался на сей счет.

— Приятно, что вы так утонченно чувствуете музыку, Фриц,— сказал он, усаживаясь напротив.— Следует заметить, что Сезар Франк — не совсем француз. Он родом из Льежа, а у бельгийцев, как вы знаете, есть сильная примесь немецкой крови. Его симфонические поэмы — «Эолиды», «Проклятый охотник» —

проникнуты истинно нордическим духом... Кстати, Фриц, я звонил вам в тринадцать десять. Где вы были все это время?

— Прошу прощения, группенфюрер, но у меня сидел граф Траутмансдорф. Не хотелось его выпроваживать. Он прямо из МИДа. Привез важные новости о советской военной делегации в Праге. Создается впечатление, что чехи готовы далеко пойти в сотрудничестве с Красной Армией.

— Впечатление? — Гейдрих едва акцентировал вопрос.

— Есть серьезные данные.

— Между нами говоря, фюрер не придает слишком большого значения двусторонним договорам. У чехов нет общей границы с Россией. Что же касается Франции, то там никто не хочет войны. До сих пор не могут очухаться после четырнадцатого года... В парламенте складывается внушительная оппозиция. Английский кабинет против изоляции Германии. Лорд Лондондерри дал нам такие заверения в самых категорических тонах.

— Во французском правительстве тоже далеко не все в восторге от договора.

— Но это не значит, что мы должны сидеть, сложа руки. Напротив, необходимо любой ценой ослабить связи с Советами, особенно военного характера.

— На днях в Берлине ожидается посол Буллит, проездом в Москву. По нашим сведениям, он окончательно отговорил французов от займа русским. Боюсь, что Литвинов с Крестинским будут сильно разочарованы.

— Превосходная новость! Оказывается, и среди американцев есть приличные люди. Но я пригласил вас совсем по другому поводу.— Гейдрих потянулся за листом с красным грифом.— Распишитесь в правом углу, Фриц, и ознакомьтесь в моем присутствии. Потом скажете свое мнение.

13

Божий мир, накрытый дымчатой полусферой тверди, цепенел в морозном тумане. Дорога вилась по горному склону, укрепленному каменной кладкой. Внизу клокотал незамерзающий белый поток. Сквозь опушен-

ные инеем буки грозно темнели слоистые нагромождения скал.

Дальний градек[1] смутно прорисовывался на сизой кайме завороженного леса, словно на ломкой промасленной бумаге старого волшебного фонаря.

«Хорьх» с брезентовым верхом и вместительным багажным ящиком, сбавив ход у накренившегося распятия, свернул на узкую дорогу, плотно обсаженную неказистыми черными ветлами. Прибитая к стволу жестяная табличка указывала направление на Ротенхауз.

Хозяин поместья Макс-Эгон Мария Эрвин Пауль фон Гогенлоэ созвал на охоту друзей. Князь Роган и оба брата д'Эсте уже разместились в замке, остальных ожидали с часу на час.

В машине с комфортом расположились журналист Карл Виттиг, аккредитованный при министерстве иностранных дел Чехословакии, и его давний знакомый Генрих Родац, бывший пилот. Он только что прибыл из Испании, где представлял концерн «Юнкерс», и щедро делился местными новостями.

— Все будет зависеть от выборов в кортесы. Если красные соберут большинство, фаланга нанесет сокрушительный удар. Это очень серьезные люди, можешь мне верить. Я бы на твоем месте срочно перебрался в Мадрид.

— Возможно, я так и сделаю,— согласился Виттиг, дабы лишний раз поддержать репутацию независимого журналиста.

Мысленно он уже прикидывал, как откликнутся на испанские события в Восточной Европе.

— Кто еще ожидается? — исчерпав тему, осведомился Родац.— Советник Траутмансдорф не обещал?

— Честно говоря, не в курсе,— внутренне вздрогнув, Виттиг отрицательно помотал головой.

Старина Генрих никак не должен был знать о его связях с советником министерства иностранных дел рейха.

— Прошлой осенью мы вместе с ним охотились в Беловежской пуще.

— Говорят, он классный стрелок? — словно бы нехотя осведомился Виттиг.

---

[1] Замок (*чешск.*).

— Недурной,— Родац покосился на новенький, с фирменной этикеткой, ружейный чехол журналиста.— Самозарядное?

— Браунинг,— небрежно кивнул Виттиг. Он впервые собирался принять участие в охоте титулованной знати и ощущал себя не слишком уверенно.

— Давно знаешь Макса? — Генрих явно прощупывал однокашника, с которым не виделся много лет.

— Встречались несколько раз,— Виттиг неопределенно пошевелил пальцами.— В Праге, в Берлине... А что?

— Просто спросил... Ты что, увлекся охотой?

— Какое там! Так, изредка пробавляюсь.

— Хочешь совет? Если Макс предложит тебе другое ружье, не вздумай отказываться. Охота на оленя — это обряд, ритуал.

Дорога вывела на горбатый каменный мостик, откуда открылся вид на замок и деревеньку внизу.

— Чудесная панорама,— восхитился Виттиг.— В стиле немецких романтиков. Максу этому здорово повезло.

— Да, старый товарищ, ему можно лишь позавидовать... Ты уже бывал здесь?

— Как-то не приходилось.

— Получишь громадное удовольствие,— заверил Родац и принялся перемывать косточки высокородным друзьям Макса фон Гогенлоэ.

Как и прочие родовые гнезда австро-венгерской знати, Ротенхауз находился в частном владении. Рухнула лоскутная империя, в Австрии и Чехословакии установился республиканский строй, но право собственности оставалось неприкосновенным. Сыновья застреленного в Сараеве эрцгерцога Франца Фердинанда продолжали безбедно жить в Конопиште. Потомки герцога Рогана, счастливо избежавшего гильотины, тоже не собирались расставаться с дворцом в Сыхрове, где были собраны бесценные полотна и редкие исторические реликвии. Как и во времена Габсбургов, закупались по всему миру экзотические саженцы для регулярных парков и оранжерей, приобретались августейшие манускрипты, с особым тщанием реставрировались мемориальные покои.

В Конопиште, где последний германский кайзер вместе с наследником австрийской короны подготовили

убийственную для обеих династий войну, заново отделали спальню Вильгельма.

Во дворце Роганов, куда наезжал не только беглый Людовик Восемнадцатый, но и композитор Сметана, поступили более демократично, отдав предпочтение чешскому гению. Его мраморный бюст украсил музыкальный салон. Все-таки он славно потрудился под гостеприимным кровом пана Рогана, чье галльское имя уже звучало совсем по-чешски. Дыхание почвы и ветры веков не проходят бесследно. Ротенхауз, как и рогановский Сыхров, местные жители тоже давно именовали на свой лад: «Червоный Градек». Однако князья Гогенлоэ во всем придерживались немецкой топонимики: Карлсбад вместо Карловых Вар, Мариенбад вместо Марианских Лазней. Про наследственный феод и говорить не приходится. Словом, республика никому не мешала жить в полном согласии со своими убеждениями. Д'Эсте открыто поносили Адольфа Гитлера, вольнодумец Роган высмеивал и фашистов, и коммунистов. Жуир Макс-Эгон тайно субсидировал судетонемецкую партию Генлейна. Симпатизируя национал-социализму, он тем не менее оставил для себя запасную лазейку — паспорт княжества Лихтенштейн. И это была единственная дань роялистским традициям. Шестой отпрыск знатного рода, он имел право на титул принца с предикатом «эрлаухт» — сиятельство.

Генеалогическое древо светлейших («дурхлаухт») князей Гогенлоэ вело свой корень с 1170 года, от воинственных баронов Франконии, верой и правдой служивших кайзерам Священной Римской империи. В табели рангов императорско-королевского двора Франца-Иосифа значились три родственных дома: Гогенлоэ — Вальденбург — Бартенштейны; Гогенлоэ — Вальденбург — Бартенштейн — Якстберги; Гогенлоэ — Вальденбург — Шиллингсфюрсты старой и новой линии. Княжеские дипломы их были отнесены к единой, но не самой древней дате — 21 мая 1744 года. Поэтому удостоенные первого разряда медитизированных князей, Гогенлоэ заняли место в категории «В». Много выше оказались Лобковицы, Ауэрсперги и Шварценберги. Как и великогерманские родственники из Лангенбургской линии властителей Гогенлоэланда, они стояли на самой верхней ступени. Но какое это имело значение сейчас, когда старый мир лежал в руинах?

Заядлый путешественник и вообще человек современных воззрений, Макс-Эгон не интересовался геральдическими побрякушками. Демонстрируя гостям гербы, развешанные в оружейном зале, лишь бегло перечислял родственные фамилии: «Романовы — цари, а затем императоры Великороссии; Кобурги — английские короли и ныне царствующий монарх Греции; принц Баден-Баден... граф Фобер-Кастель... граф Приттвиц-Гафрон...» Затем следовали уточнения: «Вторая ветвь первой линии», «Первое ответвление второй ветви...»

В длинной череде коронованных родичей попадались и не совсем благородные имена, вроде московских купцов Шишиных. Но Макс-Эгон не стыдился случайных «дичков», привитых к ветвям княжеского древа. Малая толика мезальянсов не портила голубой крови. Напротив, золотая инъекция живительна для любого организма. Родословная любимой жены принца доньи Марии де ла Пиедад Итурбе и Шольц маркизы де лас Навас тоже не избежала бюргерского привоя. Затесавшийся средь испанских грандов немецкий виноторговец Шольц оставил потомкам недурное наследство. К тому же он еще при жизни начал писаться фон Шольц, а это ничуть не хуже, чем фон Сименс. Кстати, именно этот породнившийся с Гогенлоэ магнат индустрии познакомил Макса с графом Траутмансдорфом. С этого момента большая политика незаметно вплелась в патриархальный быт Ротенхауза. В перерывах между тостами и выстрелами охотничьих штуцеров, за лаун-теннисом и партией в бильярд здесь творилась история.

Короче говоря, у молодого принца (тридцать девять — не возраст) были все основания для оптимизма. Поместье находилось в превосходном состоянии, погреба славились редкостной коллекцией вин, а лес — лучшей охотой в Богемии.

В отличие от бережливых д'Эсте — в Конопиште дичь подавалась лишь в особо торжественных случаях — владелец Ротенхауза охотно потчевал гостя мясом оленей и вепрей. Про зайцев с краснокочанной капустой или там седло серны даже говорить нечего. И фазаны бывали, и форель в кипрском вине, и жареные вальдшнепы, и белые лебеди с начинкой из раковых шеек. Птица, само собой, подавалась к столу в оперении и на литых серебряных блюдах. Оленя зажаривали, как правило, целиком.

Вблизи замок выглядел мрачновато. К нему вела прямая, словно по линейке проложенная, аллея.

Гостей встретил дворецкий — сухонький тонкогубый старичок с повадками иезуита.

— Добро пожаловать в Ротенхауз, господа! — не без торжественной нотки провозгласил он, шепнув слуге, куда отнести чемоданы.— Ужин в семь часов, а пока предлагаю немного передохнуть.

Виттиг и Родац проследовали за ним в отделанную темным дубом гостиную, сплошь увешанную рогами оленей, лосей, серн и косуль. Под каждым трофеем белела аккуратная, готическим шрифтом выполненная этикетка с точным указанием даты и места. Пули Макса настигли несчастных животных не только в здешних хомутовских угодьях, но и в лесах Германии, Австрии, Испании, Польши, бог знает где еще.

Дворецкий приблизился к ампирному столику, трепетно раскрыл переплетенную в шагрень гостевую книгу с гербом и предложил расписаться.

Ступая по устилавшим наборный паркет медвежьим шкурам, гости совершили почетный обряд.

— Где его сиятельство, Курт? — спросил Родац, довольно потирая руки.

— Принц просил извинить, что не встречает вас лично,— старик отдал поклон.— С рассветом он отбыл на место. Позвольте показать комнаты?

— Какие могут быть извинения, Курт? — довольно засмеялся Родац.— Все в полном порядке... Охота, надо полагать, состоится?

— Как обычно, господин капитан... Вот ваша комната. Завтрак будет подан в постель. Ровно в пять. Вам чай или кофе?

— Кофе, Курт, вы очень любезны.

— Прошу за мной, доктор Виттиг,— старый мажордом величественным жестом указал на мраморную лестницу.— Ваши покои в бельэтаже.

После скромного ужина все разошлись по своим комнатам, чтобы как следует выспаться. Виттигу удалось лишь коротко перемолвиться с Траутмансдорфом.

— Зачем понадобилась вся эта канитель, граф? — спросил он, когда они остались наедине.— Не лучше ли было увидеться в Праге? Или в Берлине?

— Учитесь сочетать приятное с полезным,— отшутился советник.— Благо представилась такая возможность... Или вас что-то не устраивает?

— Напротив, все очень мило... Между прочим, мой старый приятель Родац уже спрашивал про вас. Мне показалось, что неспроста.

— Не будьте таким мнительным,— Траутмансдорф беспечно рассмеялся.— Генрих знает меня, а я давно знаю Генриха. Нам нечего делить.

— Полагаете?

— Уверен, милый Карл. Наш испанский друг ангажирован абвером. Неужели вы не догадывались?.. Ну, не беда. Я думаю, у нас будет возможность все как следует обсудить. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, граф.

Ранний подъем дался Виттигу с неимоверным трудом. Уже сидя в санях, под теплой медвежьей полостью, подбитой зеленым сукном, он впал в сонное забытье. Убаюкивающе поскрипывали полозья. Звездными иголочками переливались синие сугробы. Холодные струйки приятно освежали лицо.

Макс-Эгон сам расставил охотников по номерам. Как наименее опытного, Виттига выдвинули вперед на левом фланге. В ста шагах от него расположился Роган, далее следовали Траутмансдорф, оба д'Эсте и Родац. Хозяин затаился в еловом распадке, куда скорее всего могли выгнать зверя. Все участники были в традиционном охотничьем наряде: зеленая куртка с коричневыми отворотами, гольфы и шляпа с петушиным пером.

Принц выпустил ракету, высоко взметнувшуюся над кромешной грядой букового леса, и протрубил в рожок. Не успел растаять дымный извилистый след, как донесся лай спущенной своры.

Загонщики, загодя обложившие дичь, шли прямиком на засаду.

Спасти оленя могло разве что чудо. Макс-Эгон, Родац и Траутмансдорф не знали промаха.

Красавца быка удалось завалить с третьего выстрела.

— Восьмилеток,— довольно улыбнулся принц Гогенлоэ, сосчитав ответвления тяжелых рогов.

Поджаренную в муке печень попробовали прямо «на крови», согласно неписаным традициям благородной забавы. По кругу пошли фляги с боровичкой и коньяком.

Повар не успевал подбрасывать хворост. Костер трещал, взвиваясь искристым роем к верхушкам елей.

Ветер постоянно менялся, и пахнущий можжевельником дым слегка пощипывал глаза. В закопченном котле тяжело побулькивало гороховое варево. Борзые растаскивали дымящуюся требуху по окровавленному снегу.

— В самый раз успели,— граф Траутмансдорф смахнул снежинки с бровей.— Того и гляди, закрутит метель. Может, поедем?

Переложив флягу в левую руку, Гогенлоэ зачерпнул черпаком и, выждав, пока остынет, попробовал густой суп.

— Добавь копченой грудинки,— приказал он повару и, сделав капитальный глоток, передал флягу Траутмансдорфу.

Граф покорно приложился.

Виттиг в свой черед молча проглотил порцию и откромсал ломтик печенки. Есть хотелось до умопомрачения.

Пока вырезали пули да рядили, какая из них оказалась смертельной, окончательно рассвело. Резко усилился ветер.

Наконец принц нашел, что горох разварился в самую меру. Хмурый толстяк в переднике, надетом поверх егерьской куртки, роздал сухие хлебцы. Обжигаясь и торопясь, хлебали алюминиевыми ложками из солдатских мисок.

Чтобы не озябнуть, журналист налег на коньяк. Хмель не брал на холоду. Только давило в затылке и поламывало в висках. Не принимая участия в азартном споре — лично ему даже выстрелить не довелось,— он залез под полость и закрыл глаза.

Почетный приз — голова с рогами — достался Родацу, и в честь героя дня прокричали троекратное: «Хох!» Чаши с объятым синим пламенем пуншем увенчали рыцарский праздник.

Только к вечеру следующего дня Виттиг и Траутмансдорф смогли заняться делами. Благо их комнаты находились рядом, о чем своевременно позаботился принц.

— Группенфюрер Гейдрих просил передать вам самый теплый привет,— советник включил «Телефункен» и настроился на Берлин.— Он очень к вам расположен, Карл.

— Благодарю, граф. Я чрезвычайно польщен вниманием группенфюрера.

— От нас ждут конструктивных идей. Как по-вашему, что бы могло катапультировать чехов из договора?

— Катапультировать? — переспросил журналист, словно прислушиваясь к звучанию слова.— Оригинально... Не знаю, что и сказать. Прага пребывает в эйфории. Особенно теперь, когда русские набирают темп. Я уже докладывал вам, что визит Уборевича проходит на волне сплошного восторга. Генерал Фиала во всем идет ему навстречу. Они посетили заводы «Шкода», побывали на артполигоне. Мои друзья из разведслужбы МИДа считают, что заказы последуют без промедления. Вы же понимаете, что это значит: двухсотпятимиллиметровые орудия, трехсотдесятимиллиметровые гаубицы, зенитки, минометы. Про лучшие в мире авиамоторы я уже не говорю.

— С трудом верится, что маленькая страна способна насытить такого гиганта, как сталинская Россия.

— И совершенно напрасно, граф. Чехословакия — крупнейший экспортер оружия. Удвоить, даже утроить мощности — вопрос времени. Были бы ассигнования. Это тот случай, когда коммерция подкрепляет политику. Боюсь, что нарушить подобный альянс — непростая задача.

— Иначе бы ее поручили не нам с вами, коллега. Рекомендую обратить пристальное внимание на таких господ, как Опоченский и Смутный; нажать на Зенкла, на Берана... Впрочем, все это паллиативы.

— Очень многое будет зависеть от Парижа. Если бы удалось предотвратить ратификацию... Бенеш сразу окажется на мели, и климат в Праге существенно переменится.

— Легко изрекать самоочевидные истины. Смею уверить, что в рейхе пристально следят за перипетиями французской политики, хотя далеко не все понимают значение вопроса.

— Чехи ничуть не заблуждаются насчет наших конечных целей. Люди Гейнлейна прямо-таки толкают их в объятия Москвы. Только ослабив давление, временно конечно, мы получим хоть какую-то свободу маневра.

— Вы сами знаете, что это невозможно,— повысив голос, отчеканил Траутмансдорф.— Воля фюрера диктует политику, а не наоборот.

— Что же тогда остается? Тонкая игра?.. Пока чехи уверены, что я работаю на них, дезинформация может

пройти. Но надолго ли? Рано или поздно последует разоблачение, и мы утратим контроль.— Виттиг прижался спиной к нагретому калориферу и, не глядя на собеседника, продолжал размышлять вслух: — Выгода сомнительна, а потери очевидны... Необходим какой-то длительный, постепенно затягивающий процесс. Нечто вроде дипломатической инсценировки?

— Конкретно?

— Пока не знаю. Но пьеса должна быть разыграна по всем правилам.

— Это вопрос техники. Важна идея.

— Идея проста, ибо не имеет альтернативы. Не ослабляя нажима, мы бы могли дать понять, что готовы, при известных условиях, разрешить спор мирным путем.

— И Бенеш поверит?

— А вот это нас не должно волновать. Главное, вовлечь в отвлекающий процесс.

— Дельная мысль, Карл, поздравляю,— Траутмансдорф покрутил верньер приемника: передавали последние новости.— Когда речь идет о жизни или смерти, выбирать не приходится. Хватаются за любую соломинку. Но что мы получим в итоге? Договор с Москвой — козырь в любых переговорах. Бенеш не выпустит его из своих лап. Мы ровно ничего не выигрываем.

— А время? Оно всегда несет в себе новое качество. События могут повернуться так, что нам действительно удастся катапультировать Чехословакию из договора.

— Или Россию из Европы, что намного лучше.

— Или Россию,— с чувством подхватил Виттиг.— Во всяком случае мы ничего не теряем.

— Тихо! — Траутмансдорф предостерегающе поднял палец.

«...спровоцированные коммунистами беспорядки на улицах Мадрида и Барселоны...» — берлинский диктор перешел к обстановке в Испании.

14

В настороженную темень притихшего города шарахнулись пронзительные лучи фар. Черный «Линкольн» комкора Фриновского прошелестел, взметая снег, мимо Политехнического и, не сбавив скорости, свернул на

улицу Куйбышева, где в доме № 14 ночь напролет тускло светились занавешенные окна.

Командующий пограничными войсками страны всласть поспал до полудня, но поздний ужин с водкой и коньяком вновь выбил его из режима. Звонок Ежова окончательно развеял надежду на нормальный отдых.

В отличие от Фриновского, Ежов нисколько не тяготился переходом на ночную смену. Перераспределение жизненных ритмов далось ему с незаметной естественностью, стало неотъемлемой частью той воодушевляющей нови, что олицетворяла все советское: энтузиазм, самопожертвование, бескомпромиссная борьба за светлые идеалы.

Он благоговел перед вождем в большом и малом, бесследно растворялся в сиянии его лучезарного облика. Даже присутствуя на ночных допросах, когда сменяющие друг друга бригады следователей держали на «конвейере» обезумевших от многодневной бессонницы арестантов, Николай Иванович ощущал вдохновенный прилив бодрости. Вся страна жила по новым часам: пограничники, сталевары, колхозники. Непрерывная плавка, круглосуточная уборка, постоянная бдительность. Сама природа преклонилась перед сталинской волей, взломавшей проклятое прошлое, развеявшей по ветру прах его привычек и предрассудков. Понадобилось — и мы поставили на дежурство ночь. Захотим — и нам покорятся полярные льды.

Свет мудрости, всепобеждающая ясность гениальных идей. Не останется ни единого темного угла, ни единой укромной дыры. Отовсюду будет выметен железной метлой коварный, притаившийся враг. Он многолик, и имя его — легион. Нет такой мерзости, на какую бы он не пошел в оскале звериной злобы. Порожденный мглой во мгле и таится, вспоенный ядом лжи источает смертельный яд. Видеть сплошь и рядом, знать, ежесекундно помнить, что под маской человека скрывается опасная гадина. Правде чужды колебания, ибо безграничная вера в правоту великого дела и есть правда. И она беспощадна по сути своей. Конспекты сталинских выступлений давали исчерпывающие ответы на все вопросы жизни, втиснутой в ранжир номенклатурной субординации. Кумачовые ширмы лозунгов наглухо отсекали любую память о прошлом, а вместе с ней — и сомнения.

Ежов работал с лихорадочной поспешностью, тол-

кавшей на новое ускорение. Постоянная готовность, как живительный кислород, подстегивала сердечный мотор. Ощущение победного роста требовало полной самоотдачи, абсолютного слияния с символом веры. Самолеты рвались в стратосферу, ширилось стахановское движение, убыстрялась ротация кадров. Москва рукоплескала новым и новым, вчера еще никому не известным героям. Личный успех умножался набиравшим крутой размах победным валом.

Впервые Николай Иванович встретился со Сталиным в Сибири в двадцать восьмом году. Вождь заметил скромного партийного функционера из Казахстана и прозорливо угадал раболепную преданность, переполнявшую все его неказистое существо. Маленький рост, увлажненные счастливым волнением взоры, жалко обозначенные широковатой гимнастеркой костистые плечи — даже внешность оказалась на пользу. В глазах Сталина она удачно дополнила скромную чистоту под стать биографии: выходец из бедной рабочей семьи, комсомольский активист, партийный работник. Ежов с его простецки зачесанными назад волосами и восторженной улыбкой был виден до донышка. И судьба его определилась.

Через несколько месяцев последовал неожиданный перевод в Москву на должность заместителя наркома земледелия, а год спустя он уже заведует Распредотделом и Отделом кадров ЦК. Столь же стремительно следует продвижение и по выборной линии: от делегата с совещательным голосом на Шестнадцатом до члена Центрального Комитета на Семнадцатом съезде. Головокружительный взлет идет по нарастающей: член Оргбюро ЦК, заведующий Промышленным отделом ЦК и заместитель Председателя КПК, плюс к тому член Исполкома Коминтерна. Влияние Ежова ощущается на всех этажах партийного и государственного аппарата. Особенно в кадровых вопросах, где он удивительно преуспел в изощренном искусстве тайной осведомленности. Любое попадавшее на стол вождя личное дело Николай Иванович мог дополнить своими данными.

В тридцать пятом году он становится одним из секретарей ЦК и Председателем КПК. Уже поговаривали, что на ближайшем пленуме его введут в Политбюро, но у Сталина были свои резоны. Он поручил Ежову контроль за деятельностью НКВД. Опытный кадровик быстро разобрался в новой обстановке и приобрел необхо-

димые навыки. Теперь, когда полным ходом шла подготовка открытого процесса, рассчитанного на широкий захват, он уже активно вмешивался в ход следствия, держа под постоянным прицелом его витки.

Основное внимание, как и прежде, уделялось аппаратной работе. Здесь опыт Николая Ивановича оказался поистине бесценным. Понаблюдав за людьми, он выделил узкий круг доверенных лиц. Чаще других в его кабинеты — на улице Куйбышева и на Лубянке — вызывались Заковский, Люшков, Реденс и Ушаков, о чем Ягода иногда узнавал окольными путями. Наркому оставалось одно: терпеливо ненавидеть, тая гнетущие мысли.

Проведав, что секретарь ЦК начал приближать к себе командующего пограничными войсками Фриновского, [illegible]да лишний раз убедился, что почва уходит из-под [illegible]. Она сделалась ненадежной и скользкой, словно пронизанный пустотами лед, который уже трещит под неудержимым натиском ледокола. Ожидание неминуемого удара разъедало душу, как кислота цинковую батарейку. Последнее время Сталин принимал Ягоду только в присутствии улыбчивого карлика.

Хладом небытия веяло от этой тихой улыбки.

Напрасно поднаторевший в жесткой борьбе Генрих Григорьевич винил во всех своих бедах выскочившего из грязи в князи соперника. Ощущая могучую поддержку, Ежов не испытывал к нему личной вражды. Догадываясь по ряду признаков, что грозный нарком постепенно выходит в тираж, он шел своим курсом, проложенным провидческим гением вождя. Пока идет следствие, замены в команде, очевидно, не предвидится, а после процесса обозначится иная реальность. Какой ей быть? Делиться намерениями не в привычке хозяина. Он один прозревал грядущее, и завтра каждого принадлежало только ему. Неотторжимое от постов, казенных дач, спецпайков и квартир со всей обстановкой, оно могло однажды не наступить.

Все ходили под богом, и каждый, пока не грянет срок, мог полагать себя любимцем судьбы. Абсолютная зависимость от животворного источника предполагала полную разъединенность.

Фриновского Ежов встретил с обычным радушием. Выйдя из-за стола, протянул для приветствия обе руки и сам проводил на диван.

— Поди, совсем заработались? Ишь, осунулся... Нехорошо, нехорошо,— ласково попенял он,— нужно уметь отдыхать. А не испить ли нам по стаканчику чая? Крепкого-крепкого и с лимончиком?

Вместе со стаканами в мельхиоровых подстаканниках подали птифуры и гору бутербродов с колбасой, осетриной и семгой.

Есть Фриновскому ничуть не хотелось. Приходилось, однако, делать вид, что действительно заработался, до чертиков устал и проголодался.

— Может, водочки? — догадливо прищурился Николай Иванович.

После стакана зубровки пошло живее.

— Я чего хотел спросить? — Ежов доверительно тронул Фриновского за колено.— Что там у вас в Шепетовке произошло?

— У нас? — встрепенулся комкор.— Не у нас, Николай Иванович. Мы тут сбоку припеку. Пропустили по договоренности с иностранным отделом, а там уж они сами прошляпили. Вроде несогласованность получилась... Вместо наблюдения взяли, как говорится, за шкирку. Правда, сразу же спохватились, но сами понимаете...— он досадливо махнул рукой.— Сплошная кустарщина.

— У меня немножко другие сведения.

— Ну? — Фриновский закашлялся и побагровел.— Я сейчас же свяжусь по ВЧ с округом, Николай Иванович, и уточню.

— Не стоит... Нет надобности,— как бы утратив интерес, протянул Ежов и без всякого перехода переключился на другое.— Я, собственно, вот о чем хотел побеседовать,— лукаво прищурившись, он огладил висок.— Любит наш народ пограничников? Как вы считаете?

— Любит, Николай Иванович, даже очень,— встревоженный Фриновский силился понять, куда клонит секретарь ЦК.— Без поддержки населения мы как без рук. Каждый пацаненок в приграничном районе ведет себя, будто настоящий дозорный. Мы поощряем такую установку. Наша пионерия чуть что — сломя голову летит на заставу,— он вновь закашлялся и полез за платком. От водки и напряжения его круглое, несколько одутловатое лицо стало совсем влажным.

— Верная точка зрения. Но никогда не надо почивать на лаврах. Мы будем еще выше поднимать авто-

ритет защитников наших границ. Летчики, красноармейцы, танкисты — это все хорошо, правильно, но доблестных часовых родины надлежит окружить особым вниманием. Как вы считаете?

— Совершенно с вами согласен,— Фриновский промокнул пот.— Мало еще пишут о нашей работе.

— Ну, не то чтобы мало но, согласен, недостаточно... Кстати, а почему бы вам самому не выступить в «Правде»?.. Завтра же поговорю с Мехлисом. Не ударите в грязь лицом?

— Спасибо, товарищ Ежов. Я постараюсь. До мая вон сколько времени... Владимир Ильич подписал декрет об учреждении пограничной охраны двадцать восьмого мая,— на всякий случай напомнил Фриновский, думая не столько о почете, сколько о связанных с публикацией хлопотах и всяческих подводных камнях.

— Факт бесспорно примечательный,— Ежов задумчиво запрокинул голову.

— Как своего рода начальная веха,— догадливо подхватил Фриновский.— Ведь сперва погранвойска находились в подчинении наркомфина, а не ОГПУ,— торопливо добавил он.— Нынешним могуществом и расцветом мы целиком и полностью обязаны отеческой заботе товарища Сталина.

— Основные тезисы, как вижу, у вас на руках,— удовлетворенно кивнул Ежов.— Остается добавить несколько ярких эпизодов и упомянуть наиболее отличившихся пограничников. Не боги горшки обжигают?..— он встал с дивана и, подойдя к окнам, слегка раздвинул занавеску.— Вы очень своевременно упомянули о помощи населения,— сказал, прислушиваясь к глухому рокоту ночи.— Каждый советский человек должен стать добровольным помощником пограничников, чекистов вообще. Чем безнадежнее положение врагов, тем охотнее они будут хвататься за крайние средства. Надо помнить это и быть бдительными.

— Непременно, Николай Иванович,— Фриновский счел своим долгом подняться.— Я постараюсь особо выделить именно эту мысль,— пообещал он, скрипнув новенькими подошвами.

— А знатные у вас сапожки! — неожиданно восхитился Ежов.— Прямо-таки генеральские. Сразу видно, что по особому заказу.

— Уж вы скажете, Николай Иванович... Генералов мы в гражданскую порубали.

— Не всех,— порывисто обернулся Ежов.— Многие ушли за кордон и стали там оголтелыми прислужниками фашизма. Но это враги, так сказать, явные, а есть немало тайных — перекрестившихся, что со всей очевидностью выявилось в процессе чисток. Вы согласны?

— Целиком и полностью,— Фриновский почувствовал, как сжалось сердце.— Целиком и полностью...

— Со статьей, пожалуй, тянуть не стоит,— Ежов мимолетно коснулся лба, словно ловя промелькнувшую мысль.— Она окажет мобилизующее влияние... И не забудьте упомянуть наркома. Он немало сделал для укрепления наших рубежей.

— Непременно,— Фриновскому удалось скрыть испуг. По его сведениям, отношения между Ягодой и Ежовым были совсем непростыми. Лавировать час от часу становилось труднее. Неожиданное предложение подозрительно попахивало откровенным подвохом.

— Вы, надеюсь, не обиделись, что я назвал ваши сапоги генеральскими? Они мне действительно нравятся. Такие и должны быть у красного командира. Носите, как говорится, на страх врагам.— Ежов хлопнул себя по кургузому голенищу.— Кому что нравится, словом. И вовсе я не о сапогах, а снова и снова о бдительности. Взрывы на шахтах, крушения воинских эшелонов, злодейские заговоры — о чем все это свидетельствует? Прежде всего, об усилении классовой борьбы. Но не только. О притуплении бдительности — тоже. Не в последнюю очередь о притуплении. Особо пристальное внимание должно быть обращено на всякого рода примазавшихся и перерожденцев. Они есть повсюду: среди партийцев, хозяйственников, командиров Красной Армии. Вы это знаете.

— Знаю, Николай Иванович,— Фриновского бросало то в жар, то в холод.— И со своей стороны...

— Конечно,— не дал договорить ему Ежов.— Иначе и быть не должно. Партия ценит ваши усилия. Но это отнюдь не означает, что в пограничных войсках, да и в органах НКВД в целом покончено с оппортунистическим благодушием. Оно исходит из ошибочного предположения о том, что по мере роста наших сил враг становится будто бы все более ручным и безобидным.

— Для чекиста подобные предположения не только ошибочны, но и преступны.

— Я никогда не сомневался в вашем понимании требований момента,— прощаясь, Ежов вновь протянул обе

руки.— Правильная расстановка кадров и проверка исполнения — залог успеха. Словом, держите порох сухим, а моя поддержка вам обеспечена.

— Есть держать порох сухим! — Фриновский выплыл из кабинета на непослушных ногах. Перед тем как залезть в автомобиль, несколько раз жадно вдохнул обжигающий воздух.

15

Гирлянды лампочек, повторяя извивы голых ветвей, облили Елисейские поля праздничным золотом. Огни лимузинов, фиакров, спазматические всхлипы клаксонов — вечно волнующий вечерний прилив. Мокрые площади, клочья газет у сливных решеток, дурман отработанного бензина с наркотической струйкой духов. Холодок несбывшихся ожиданий.

На улице Сен-Онорэ перед воротами дворца президента переминались, разбившись на кучки, ловцы новостей. Лебрен все не отпускал приглашенных для консультации депутатов. Вперемешку с руганью назывались имена вероятных премьеров.

«Триколёр» [1] над палатой депутатов трепали ветры, задувавшие с разных сторон. Кабинеты вице-президентов в старом Бурбонском дворце гудели от страстных призывов, но разболтанная колымага внешней политики безнадежно увязла в песке словопрений.

Пламенным вожаком противников «кощунственного альянса с большевиками» заявил себя, как это обычно бывает, исключенный из компартии Жак Дорио. Вторя ему, профашистские «Жур» и «Гренгуар» из номера в номер публиковали сенсационные вести о «кремлевской грызне» и безнадежной слабости Красной Армии. Вновь замелькали на страницах газет разоблачения бывшего чекиста Думбадзе, чья книжка «На службе ЧК и Коминтерна» стала библиографической редкостью.

Премьер Лаваль, любитель хлестких фраз и белых галстуков, искал подходящего повода, чтобы окончательно похерить им же подписанный документ. В канун широко разрекламированного визита в красную столицу он не удержался от хвастовства:

---

[1] Трехцветный флаг.

— На свете существует пять или шесть человек, от которых зависит дело мира. В их число судьба включила и меня.

Теперь уже ничего не зависело от обанкротившегося политика. Он стремился к сближению с Гитлером и Муссолини, которых тоже зачислил в избранники судьбы, но трогательного согласия достигли лишь оба диктатора, оставив Францию за бортом. Отношения с Лондоном после подписания англо-германского морского соглашения не внушали ни малейшего оптимизма. Малая Антанта дышала на ладан. Идею коллективной безопасности вовсю эксплуатировали карикатуристы.

Все мыслимые и немыслимые комбинации, кроме откровенного альянса с фашизмом, исчерпали себя до донышка.

Гитлеровская агентура во главе с Отто Абецем открыто агитировала за полный разрыв с СССР. Эмиссары Муссолини роздали французским газетам и различным фашистским организациям свыше ста тридцати пяти миллионов франков.

Местный нацист Филипп Анрио не вылезал из дома № 21 по улице Гомбон, где обосновался председатель итальянской фашистской организации Сулиоти.

В центре Парижа кагуляры напали на лидера социалистов Леона Блюма. Город заполнили подстрекательские антисемитские листовки.

— Похоже на Мюнхен тридцать второго года,— высказался по этому поводу журналист Пертинакс.

На улице Рокпен завершались последние приготовления к торжественному открытию «Коричневого дома».

«Никогда еще, со времени окончания франко-прусской войны, Европа не имела так мало доверия к способности Франции отстоять себя»,— телеграфировал за океан корреспондент «Нью-Йорк таймс».

Как и прочие международные акции, договор с Москвой был тесно увязан с внутриполитическими маневрами премьера.

Левый альянс набирал широкий размах, и с этим нельзя было не считаться. В противовес фашистской экспансии коммунисты, социалисты и радикалы настойчиво требовали ускорить ратификацию.

Французский генеральный штаб тоже высказывался за пакт, что не могло не отразиться на позиции некоторых депутатов от правой. Лаваль оказался в патовом положении.

Отправляясь в Москву, он рассчитывал выбить у коммунистов почву из-под ног и разгромить их на муниципальных выборах. Прежде всего в собственном округе Обервиллье.

В тот достопамятный день, когда сопровождаемый бригадой журналистов он повез подготовленный совместно с полпредом Потемкиным проект договора, Франсуа Понсе добивался приема в имперской канцелярии. Он лично заверил фюрера, что двери для франко-германского сближения остались открытыми. Те же слова сказал германскому послу в Париже и сам Лаваль.

На обратном пути из Москвы он остановился в Варшаве, чтобы принять участие в похоронах Пилсудского. За гробом «железного маршала» Лаваль шел рядом с «упрямым маршалом» Франции Петэном и будущим маршалом рейха Герингом. Петэн и Геринг уже встречались на похоронах югославского короля Александра, застреленного не без помощи наци номер два, и сохранили чувство взаимной симпатии. Это помогло обоим ветеранам мировой войны быстро найти общий язык. Затем Геринг на два часа заперся с Лавалем в апартаментах отеля «Варшава».

Петэн вернулся на родину с убеждением, что франко-советский договор был и останется беспредметным. Лаваль дал обещание похоронить его в самом зародыше.

Но сложная политическая комбинация премьера слишком скоро потерпела фиаско. Муниципальные выборы в Париже стали триумфом Народного фронта. Особого успеха добились коммунисты, завоевавшие большинство в «красном поясе» столицы. Даже в Обервиллье, где Лаваль был мэром, его сторонники потеряли мандаты.

Трюк провалился. Теперь ничто, кроме подписи, не связывало Лаваля с договором. Пуская его на новые замкнутые круги, он изобретал всевозможные придирки и увертки. Переговоры между генеральными штабами, назначенные на основании подписанного в Москве соглашения на июнь 1935 года, были отложены на неопределенный срок. Уходя со сцены — навсегда, как полагали его оппоненты,— Лаваль оставлял после себя обгоревшие головешки политики и нератифицированный договор, который не успел провалить.

Президент Лебрен поручил формирование правительства радикал-социалисту Альберу Сарро. «Старый боевой конь», как прозвали его в парламентских кругах,

представил список министров, в котором не было ни одной яркой фигуры. «Кабинет нулей», по меткому определению парламентских острословов. Новый министр иностранных дел Пьер-Этьен Фланден первым делом заявил о своей полной солидарности с Лавалем в абиссинском вопросе. Он либо так и не понял, что именно фашистская агрессия в Африке расколола страну на два непримиримых лагеря, либо решил твердо придерживаться капитулянтских позиций. Скорее, последнее.

«Неосоциалист» Марсель Деа, покинувший ради министерского кресла соцпартию, провозгласил извечный лозунг твердолобых шовинистов: «Порядок, власть, нация».

«Рейнская область не стоит крови ни одного французского солдата,— заявил он.— Тем более что фактически она и так принадлежит немцам».

Гитлер мог ввести войска в демилитаризованную зону, не опасаясь противодействия. По тактическим соображениям он решил дождаться развязки затянувшейся парламентской процедуры. Не хотел испортить игру кагулярам и тому же Деа, который резко выступил против робкой попытки нового премьера сдвинуть с мертвой точки заколдованный договор.

В этой гнилой обстановке полпред Потемкин возлагал на визит Тухачевского особенные надежды. Он понимал, что бесконечные оттягивания опасно накалили обстановку в Москве и нетерпение вождя так или иначе должно получить выход. Отпущенный срок истекает. Придется, как ни жаль, рубить гордиев узел. Последствия нетрудно предугадать. Слишком связана с договором его, Потемкина, личная репутация, чтобы не зацепило хотя бы краем. Долгожданный просвет обозначился в самую критическую минуту. Личность, конечно, не играет определяющей роли в истории, но без авторитета и обаяния дипломатия не стоит и гроша. На текущий момент блестящие данные Михаила Николаевича как нельзя более кстати. Притом Сарро все-таки лучше Лаваля. Сумеет Тухачевский стронуть замерший маховик, честь ему и хвала. Не жаль отдать лавры. Но ведь с той же степенью ясности можно предвидеть, по какому каналу будет направлено державное неудовольствие в случае неудачи.

«Свет — сердце тьмы» — учат китайцы. Расчет укрыться за чужой спиной определенно присутствовал.

Мозг, как известно, стыда не ведает. Постыдны обстоятельства, загоняющие человека в тупик.

Тонкий дипломат и страстный поклонник искусства, к тому же склонный к рефлексии, полпред хорошо знал, где кончается мысль и начинается действие. Суть не в том, способен ты на бесчестный поступок или же нет. События сами могут принять такой оборот, когда и вполне объективное невмешательство приобретает недостойный оттенок.

Участник гражданской войны и член партии с девятнадцатого года, Владимир Петрович пятнадцать лет находился на дипломатической работе и не совсем ясно представлял себе масштабы происходивших в стране перемен.

Ночь на десятое февраля Тухачевский и Путна провели в дороге. В полуобморочное оцепенение сна — сказывалось напряжение предельно загруженных дней — бархатными толчками впутывались прослойки глухой тишины, когда внезапно смолкал перестук колес и скрипы идущего поезда.

Так бывало лишь на войне, где настороженный мозг смятенно отзывался на ночное безмолвие. Именно оно, всегда опасное, подозрительное не давало как следует выспаться. Не вой снарядов, не грохот разрывов, не треск пулеметов, а эта беспросветная глушь, от которой отвыкло ухо. Позабытое ощущение неожиданно возвратилось под чужим благополучным небом. Через столько лет. Почему?

Рано утром вагон погрузили на железнодорожный паром и вокруг никелированного вентилятора на потолке замелькали бледные отсветы. Михаил Николаевич раздвинул легкие шторки. За окном простиралась туманная гладь Ла-Манша.

Тухачевский постоял под душем, неторопливо взбивая мыльную пену в стаканчике, выбрил лицо, обрызгал порозовевшую кожу английским одеколоном. Гимнастика вернула ощущение бодрости. Он оделся, тщательно застегнув ремни, медленно выпил стакан пузырящейся минеральной воды и развернул плотную кипу газет, доставленных из Москвы с последней почтой.

Просматривая в обратном порядке чисел, отобрал самые свежие номера «Правды». Прежде всего хотелось узнать последние новости.

Двойной подвал Б. Резникова с крупным заголовком «Трофим Лысенко» не привлек внимания маршала. Проблемы мичуринской биологии, урожайность, селекция — все это, конечно, интересно, но как-нибудь в другой раз. Иное дело — успехи и нужды Осоавиахима.

Михаил Николаевич порадовался за Роберта Эйдемана, опубликовавшего большую статью «Оборона страны Советов — дело всего народа». Роберт Петрович очень верно и своевременно поставил вопросы: массовый парашютный спорт, мотоциклеты, химия. Жаль, не сказал, насколько скверно обстоит дело с противогазами.

На той же полосе было напечатано сообщение о встрече лорда Лондондерри с Гитлером. Бывший министр авиации давал немцам зеленый свет на размещение воинских частей в Рейнской области. И это несмотря на резко отрицательную позицию Идена!

Англичане, как обычно, двурушничают. И нашим, и вашим. Вот и писатель-историк Хайле-Беллок обивает пороги рейхсканцелярии. Ждет своей очереди...

А у немцев, между прочим, с противогазами полный порядок: и для людей, и для лошадей. Даже для служебных собак.

Развернув номер от пятого февраля, Тухачевский сразу наткнулся на крупно набранный заголовок: «Постановление ЦИК. Об амнистии осужденных по делу «Промпартии» Рамзина, Ларичева и др.»

Глаза с жадной торопливостью выхватывали отдельные строчки. Случилось небывалое: восстановлены во всех политических и гражданских правах!

Он сорвался с места и, откинув звякнувший клинкет, выскочил в коридор. Пробежав мимо салона, забарабанил в дверь Путны.

Витовт Казимирович встретил его в пижаме и шлепанцах.

— Разбудил?

— Доброе утро. Я уже час как не сплю,— Путна кивнул на постель, где переплетом вверх лежала раскрытая книга с английским заглавием.

— Взгляни-ка сюда,— Тухачевский сунул ему газету.— Как тебе нравится?

— Крепко,— не поднимая глаз, покачал головой Путна.— Хотелось бы знать, зачем это ему понадобилось.

— Нелегкий вопрос. Неужели все-таки и до него дошло, что так больше нельзя? Невозможно!.. Сама логи-

ка жизни требует. Страна только-только начала выбираться на твердую почву. Наращивает обороты промышленность, укрепляется оборона, растет международный авторитет...

— Ты себя хочешь уговорить или меня? Если меня, то не стоит... Сам по себе факт, безусловно, отрадный, но не в том смысле, как тебе хочется. Очередной тактический ход — не более.

— Цель? — Тухачевский прильнул разгоряченным лбом к холодному стеклу, за которым колыхалась облитая антрацитовым глянцем вода. Радостное возбуждение угасло, уступив место привычной тоске ожидания, загнанной куда-то на самое дно. Витовт прав: наивно было бы обольщаться.— Мне накрепко въелась в извилины одна реплика Рамзина: «Я хочу, чтобы в результате теперешнего процесса «Промпартии» на темном и позорном прошлом всей интеллигенции можно было поставить раз и навсегда крест»... Всей интеллигенции! Не больше, не меньше. До чего же нужно довести человека, чтобы вырвать такие слова.

— Хочешь откровенно? — выдержав долгую паузу, спросил Путна.

— Давай.

— В какой-то мере ты прав. Наука, промышленность, оборона — все эти соображения, очевидно, имели место. Профессоров, инженеров, изобретателей чуть было под корень не извели. Заодно с кадровыми военспецами, между прочим. Вспомни, какие чудовищные статьи писал Горький!.. Слово «интеллигент» звучит бранью: шляпа, очки, портфель и все такое... Но главное в ином. В иезуитской логике и азиатском коварстве. Ленинградский процесс не дал полной ясности. Так?.. Хотя бы в отношении убийства Сергея Мироновича. Больше того, он породил множество довольно-таки скептических вопросов. Особенно здесь, за границей.

— Каких именно?

— Кому это выгодно, например.

— И кому же?

— Сам решай. В Гайд-парке мы, кажется, коснулись этой темы?.. Я не хочу навязывать своего мнения.

— С убийством Кирова все непросто,— пересилив себя, признал Тухачевский. Он не хотел этого разговора и не должен был его начинать, но уклониться с полдороги, трусливо смазать посчитал унизительным.— При-

быв в Ленинград, Сталин прямо на перроне влепил Медведю затрещину.

— За то, что случайно проморгал Николаева? — Путна поцокал языком.— Бедный чекист... И потом эти досадные аварии, гибель свидетелей... Не ОГПУ, а ликбез. А тебе известно, что за несколько месяцев до выстрела в Смольном Киров дважды попадал в автомобильную катастрофу? Куйбышев, между прочим, тоже. А Михаил Васильевич Фрунзе? Кстати, Куйбышев умер сразу после того, как поставил под сомнение методы расследования убийства Сергея Мироновича. Уж это ты знаешь! Три смерти при таинственных, как принято писать, обстоятельствах. Кому они на руку?

— Оставим прошлое,— Тухачевский потянулся за газетой.— Что было, того не переделаешь.

— Не переделаешь? — с ожесточенной радостью отозвался Витовт Казимирович. Но на прошлом завязано наше славное настоящее и лучезарное будущее, куда ты взираешь с таким оптимизмом. Вся штука в том, что ответы предельно просты. Лично для нас вполне достаточно одного. После Михаила Васильевича наркомвоенмором поставили Ворошилова. Сталин все, как всегда, рассчитал. И тогда, и теперь. Слыхал, поди, что готовится новое представление? Почище прочих. Самое время прикинуться невинной овцой. Явить граду и миру частичную справедливость.

— Частичную? Да ты вчитайся как следует! Полное восстановление во всех политических и гражданских правах!

— Такое же полное, как после чисток,— горько усмехнулся Путна.— Сначала посадили абсолютно невинных людей, а потом вдруг опомнились. Веселое дело! С первого дня было известно, что процесс дутый. Взять хотя бы капиталиста Рябушинского, которого «Промпартия» якобы прочила в министры. Едва эта выдумка появилась в печати, как сразу же нашлись люди, которые напомнили, что Рябушинский благополучно скончался за два года до начала суда. Топорная работа, бред сумасшедшего... Чтобы под боком у НКВД и правительства могла существовать законспирированная, разбитая на пятерки многотысячная организация инженеров и прочих спецов!

Путна умолчал о том, что услышал однажды от одного весьма осведомленного человека. Приговоренный к расстрелу, а затем помилованный Рамзин и месяца не отсидел из назначенного ему срока.

— Но ведь они же признались,— Тухачевский, казалось, уловил недосказанное.

— А ты слышал эти признания?

— По-твоему, выходит, что все, о чем писали в газетах,— сплошная ложь?

— Что ты! Святая истина. Спасибо товарищу Ягоде и его бдительным органам, сумевшим раскрыть и обезвредить подпольную шпионскую контрреволюционную банду вредителей.— Путна устало махнул рукой.— Протри наконец глаза, Миша!.. Пять лет подпольной работы на заводах, стройках, в научных учреждениях. Ты хоть понимаешь, что это такое? И главное, конечная цель — свержение Советской власти, реставрация капитализма в России при помощи иностранной военной интервенции. Мыслимо такое? Когда в каждом коллективе, в каждой ячейке сексот?.. Притом все телефоны прослушиваются. Это началось еще с «вертушек» во время болезни Ленина. В кабинете хозяина поставили соответствующую аппаратуру. На первых порах он сам занимался этим делом.

— Ты-то откуда знаешь?

— Бориса Бажанова помнишь?

— Это который сбежал?

— Он самый. Когда начали печататься его мемуары, Сталин посылал самолет за каждым выпуском. Так-то, браток. Все предельно просто. Это не отступление,— он потряс зашелестевшей газетой,— это раскручивается спираль, загребая новый виток.

— А может, и тут спустят на тормозах?

— Надеешься?.. Ну-ну...

— Пытаюсь понять, уяснить.

— Я уже сказал. Более чем достаточно... «Шахтинское дело», «харьковский центр», «московский центр», «Трудовая крестьянская партия», «Союзное бюро» — все, все вылеплено из воздуха. Понимаешь?.. Нет у нас контрреволюционного подполья и оппозиции, в сущности, тоже нет. Развеяна по городам и весям, по тюрьмам и лагерям. Но зато есть всеобщий страх перед бесконтрольным террором органов. И жуткое слово «вредитель», которым может быть заклеймен кто угодно. Это же надо придумать! Я специально справлялся в энциклопедиях. В «Британике», в «Ляруссе», у Брокгауза и Ефрона — всюду идет речь только о насекомых. И нигде — о людях. Не странно ли?... Кстати, ты знаком с новейшими методами истребления сельскохозяйственных

вредителей? Вредителей леса? Впору задуматься. Опасный синоним!

— Дай бог, чтобы ты ошибался.

— Дай бог! Но бога нет, и ошибка едва ли возможна. На пути к единоличной диктатуре он не остановится ни перед чем, а тактических уловок ему не занимать. Сперва с Зиновьевым и Каменевым против Троцкого, потом с Бухариным и Рыковым против Зиновьева — Каменева. Помяни мое слово: скоро он окончательно добьет зиновьевцев, затем уничтожит правых, а после... Я думаю — всех.

— Так уж и всех.

— Всех, кто делал революцию и помнит кое-какие подробности, можешь не сомневаться.

— Ты имеешь в виду завещание Ленина?

— Не только... Кстати, ты знаешь, что именно меньшевик Вышинский отдал приказ арестовать Ильича?

— Наслышан.

— Я сам видел документы. Или не веришь разоружившемуся троцкисту?

— Я верю тебе, Витовт, хоть и не похоже, что ты действительно разоружился,— мягко заметил Тухачевский.

— Разоружился — не разоружился, конец один. Сталин никому ничего не прощает. Когда решался вопрос с завещанием, он выкрутился только благодаря Зиновьеву. «Знает ли товарищ Сталин, что такое благодарность?» — опомнился Гриша, когда его турнули вниз.— «Ну, как же, знаю, это такая собачья болезнь».

— Звучит анекдотически.

— Есть материалы почище, касающиеся лично его,— Путна оставил замечание без внимания.— Но я их не видел и потому пока воздержусь. Страшные вещи, Миша, страшнее не может быть.

— Иногда мне кажется, что лучше вообще ничего не знать. Иначе невозможно ни жить, ни работать.

— Себя ведь не переделаешь. И жизнь — тоже. Мы, правда, попытались, но вышло не совсем так, как мечталось. Сами виноваты... Я ненавижу Троцкого! Говорю тебе как старому другу, с полной искренностью. Он один мог задавить чудовище. Еще в двадцать третьем году... Но ничего не сделал.

— Не было у нас этого разговора,— твердо сказал Тухачевский.

16

Под яростным солнцем прорвавшегося на континент антициклона нестерпимо сверкали зевы геликонов, расшитые золотой нитью генеральские кепи, надраенные пуговицы жандармов.

Колыбель свободы, столица коммуны и революций встречала посланцев большевистской Москвы. Отгрохотали барабаны военного оркестра, отзвенела вдохновенная медь. Мятежные звуки Интернационала и Марсельезы поглотила безбрежная синева. В протяжном отливе звуковой напряженной волны прорезался гомон толпы на перроне, треск рвущихся по ветру трехцветных и красных полотнищ, стрекот кинокамер, торопливое клацание затворов фотографических аппаратов. Здесь, в непокорном и вечном Париже, родилась и эта будоражащая кровь музыка, и сама охватившая земной шар всепобеждающая идея решительного последнего боя, которому не видно конца. Слитность порыва вспоминалась в отголосках мелодий, неразрывность времен и сердец. Прошлое и будущее словно бы сомкнулись в увитых алыми лентами лавровых венках героев и мучеников. Кипящий праведным возмущением разум предчувствовал близость нового часа славы. Заклейменный проклятием раб протягивал руку сынам отечества, и вновь разверзлись сияющие дали нового мира. Но страшно было туда заглянуть, и не о том пели трубы, чье эхо долго звучало в ушах. Вся жизнь промелькнула в едином миге, в последнем аккорде, последнем звуке.

Витовт Путна преодолел прихлынувший к горлу горячий накат. Вслед за Тухачевским он отдал честь и пожал руку помощнику начальника генерального штаба Жеродиа, поздоровался с авиатором Келлером, заместителем шефа Второго бюро полковником Гошэ. Потом вместе с работниками полпредства к ним подошли военный атташе Венцов и Васильченков, представлявший авиацию. Из толпы, сдерживаемой цепью жандармов, летели приветственные выклики, церемониал был нарушен, всеми владело нервное оживление.

Путна и сам не понимал, отчего вдруг так по-юношески разволновался. За девять лет военно-дипломатической службы в Берлине, Токио, Лондоне, казалось бы, всякое было, а тут, в Париже, дал слабину. И вовсе не потому, что по воле судьбы и в соответствии с международным протоколом Марсельеза слилась с Интернацио-

налом. Внешний повод, не более. Все реже и глуше откликались на это потайные струны. И вот, поди же, как память тревожно взметнулась, угнетенная стойкой горечью разочарований, как, разворошив догорающие уголья, пахнула опасливым чадом в глаза.

Привычным усилием Путна заставил себя отключиться от личных переживаний. Процедура взаимных представлений закончилась. Теперь каждое слово имело значение. Недаром газетчики и кинохроникеры замкнули военных в плотное кольцо. Поминутно вспыхивал магний.

Втянутый, почти помимо воли, в непринужденно завязавшуюся беседу, комкор позавидовал безмятежному спокойствию Тухачевского.

Равно приемля темпераментную жестикуляцию начальника штаба воздушных сил Келлера и чопорную сдержанность военного разведчика Дювернуа, Михаил Николаевич непринужденно завладел инициативой.

— Судя по вашим словам, господа,— сказал он, одобрив намеченную программу,— мы уже приступили к работе?.. Лично я нисколько не возражаю. Если Компьенское перемирие могло быть подписано в железнодорожном вагоне, то чем плох этот замечательный вокзал для нас, солдат, да еще и союзников?

Приправленный шуткой комплимент был встречен одобрительными улыбками. Красный полководец определенно оправдывал ожидания.

«Великолепное понимание духа истории...» — репортеры торопливо заполняли блокноты стенографическими завитушками.— «Аристократические манеры потомка прославленных генералов...» «Безупречная речь воспитанника Дидро и Монтеня...»

С разных сторон посыпались вопросы.

— Потом, дамы и господа,— генерал Жеродиа повелительным жестом разомкнул окружение.— Прошу,— он предупредительно указал дорогу зажатой в руке перчаткой.

Сцепив локти, жандармы образовали проход.

— Вы уже знаете, что ваш визит вызвал заметную нервозность в Берлине? — спросил Жеродиа по пути к машинам.

— «Владыка Журнализм, ведущий свистопляску, глупец, кому дано при помощи столбцов дурачить по утрам три тысячи глупцов»,— процитировал маршал.— Это из Альфреда Мюссе, мой генерал... Политику

в наш век все-таки определяют самолеты, а не красивые слова.

— Совершенно с вами согласен! — обрадовался генерал Келлер.— Буду рад продемонстрировать высоким гостям искусство наших пилотов в небе Шартра.

— Почему именно самолеты? — осторожно поинтересовался полковник Гоше.— Не танки, не газы?

— В непосредственной связи с вопросом о нервозности,— мгновенно отреагировал Тухачевский.— На конец прошлого года в Германии было произведено четыре тысячи пятьсот единиц. Есть о чем призадуматься.

— Этот вопрос наверняка будет поднят на встрече с нашим министром. Генерал Венцов, надеюсь, располагает программой? — Жеродиа обернулся к военному атташе.

— Так точно, господин генерал. Спасибо за любезность.

— Тогда все в порядке. До скорой встречи, господа. Увидимся в военном министерстве.

Тухачевский уже стоял возле открытой дверцы автомобиля, когда на стоянку, прорвав оцепление, влетела молодая энергичная дама.

— Два слова для агентства «Гавас»! — выпалила она на одном дыхании.— В виде исключения, маршал!

— Сожалею, сударыня,— Михаил Николаевич предупредительно обернулся.— Как человек военный, я лишен возможности дать интервью.

— А если вопрос не политического характера? — запахнув коверкотовое пальто, помятое в легкой потасовке с полицией, она оборвала висевшую на нитке пуговицу и обезоруживающе улыбнулась.— И не военного?

— Тогда ничего не поделаешь, придется подчиниться. Слушаю вас, мадам.

— Я читала, что маршал обожает женщин. Это правда?

Стоявшие рядом французы встретили вопрос жизнерадостным смехом. Сотрудники советского полпредства, растерянно переглянувшись, полезли в машины.

— Боюсь, что так, прекрасная парижанка,— скрывая улыбку, Тухачевский слегка поклонился.— Но не судите слишком строго грешников вроде меня.

— Никогда в жизни! — просияла она, сразу похорошев.— На таких грешниках держится наш жалкий мир.

Репортаж (вместе со снимком маршала и интервьюерши) появился в вечернем выпуске «Фигаро». Пространное описание церемонии встречи заключали следующие слова:

«Каюсь, ибо грешен,— с чарующей улыбкой признался мне синеглазый красавец маршал.— Но кто способен устоять перед шармом «парижанки»?

За утренним чаем в полпредстве на рю Гренель Потемкин подсунул газету Михаилу Николаевичу, отчеркнул ноготком нужный абзац и, сладострастно прищурясь, молвил:

— Гривуазно.

— Любопытная, однако, интерпретация,— хмыкнул Тухачевский, отставляя золоченую тарелку с гербом.— Благодарю за угощение, Владимир Петрович. И почему «Фигаро»? Она назвалась из «Гаваса»?

— В «Гавас» пошло одно, сюда продала другое, если, конечно, не наврала. Тут это, знаете, водится... Но вы, дорогой мой, не огорчайтесь. Ничего страшного. Можно сказать, даже на пользу дела. Французов хлебом не корми, но дай изюминку. Сейчас популярность важна, как никогда. Главное — произвести впечатление на простых людей. Они здорово давят на правительство. Я очень рад, что послали именно вас.

— Егоров, смею уверить, был бы не хуже, но французы фактически сорвали договоренность о встрече генеральных штабов.

— Разъелись на мирных хлебах, не желают и думать о войне.

— Хочешь мира...

— Вот именно! — с чувством подхватил Потемкин.— А об этом они и думать не желают. Но на страусиной тактике долго не проживешь... Я определенно надеюсь на решительный перелом. Ранг делегации все-таки играет первостепенную роль. Как-никак вы замнаркома. Правительственный уровень! Пятнадцатого утром нас примет Фланден.

— Не успеваешь следить за их министрами. Настоящая чехарда.

— Разрешите? — в гостиную вошел Венцов.— Только что говорил с министерством. Они подтвердили аудиенцию.

— Скоро поедем,— Тухачевский взглянул на часы.

— Чайку? — предложил Потемкин.— Самовар еще не остыл.

— Спасибо, Владимир Петрович, не откажусь,— военный атташе выдвинул тяжелый стул с витыми ножками и узорной решетчатой спинкой.— Позволите рядом с вами, товарищ маршал?

— Сделайте одолжение.

— Небось такого у Морена не подадут,— полпред тоненькой струйкой налил заварки.— Грузинский!

— Что он собой представляет? — спросил Тухачевский.— Как генерал Морен у нас мало известен.

— Определенно промежуточная фигура,— кивнул Потемкин.— Плод межпартийного компромисса. Но человек с головой. Впрочем, сами увидите... Гамелен куда более тонкая штучка.

— Теоретик! — подтвердил Тухачевский.— Всего год как сменил Вейгана, а уже много чего сумел понаписать. Я слежу.

— У него целый штат вылощенных подпевал,— подал реплику Венцов.— Вейган хоть и ушел с политической сцены, но продолжает дергать за ниточки из-за кулис. Есть тут такой лейтенант — полковник Дидло, его клеврет, так он в «Ревю Эбдомодер» чуть ли не новую доктрину развил... Я посылал вам, товарищ маршал.

— Помню, помню,— оживился Михаил Николаевич.— По-моему, жалкий лепет? Неуклюжая попытка опровергнуть де Голля. Вы читали его книгу? — он вопросительно посмотрел на Венцова.

— Прошу прощения, видимо, упустил.

— И совершенно напрасно... Значит, Дидло креатура Вейгана? Скажи пожалуйста... Случайно не потомок знаменитого балетмейстера?.. Максима Вейгана я куда как хорошо знаю. Старый знакомец!

— Еще бы! — дрогнул плечами Потемкин.— Если бы он не помог Пилсудскому... Фактически именно он спас поляков от полного разгрома. Мне говорили...— бегло взглянув на Тухачевского, полпред озабоченно наклонился над самоваром, не закончив фразы.

— Помог,— спокойно согласился Тухачевский. «И если бы он один!» — Но и Пилсудский тоже не лыком шит... Пора бы нам перестать шпынять покойника по всякому поводу. Для поляков он национальный герой, революционер. Кстати, именно Пилсудский еще в тридцать третьем году предложил французам начать превентивную войну против Гитлера. Прозорливый был политик. Жаль, что не вышло. Могли задавить германский фашизм в самом зародыше.

— Да, история,— глубокомысленно протянул Потемкин.— Пока седоусый маршал бряцал сабелькой в Бельведере, полковник Бек подписал с фюрером договор о мире. Своеобразно все складывается, своеобразно...

— Михаил Николаевич очень уместно ввернул французам про вагон в Компьенском лесу,— ощутив скрытую напряженность, Венцов поспешил перейти на нейтральную тему.— Ведь это Вейган стоял тогда рядом с Фошем.

— Ну конечно! — Потемкин озарился благодарной улыбкой.— «Что же, собственно, вам угодно, господа?» Кажется, именно так выразился старик Фош, когда немецкая делегация явилась просить перемирия. Историческая фраза,— уходя от опасных подводных камней, подчеркнул Владимир Петрович.

К жгучим коллизиям польского похода больше не возвращались. Венцов не преминул затронуть крайне правую ориентацию Вейгана, близость к фашистским кругам его предшественника Петэна. Потемкин помянул террористов-кагуляров, организацию Патриотической молодежи и, конечно, полковника де ля Рока и его «Боевые кресты».

Все это было не внове для Тухачевского.

Прошлись и насчет Вейгана, причисленного к сонму «бессмертных» членов академии.

— Генералитет и почти весь офицерский состав настроены довольно реакционно,— подвел итог Венцов.— Здесь с ними полностью солидарны крупнейшие акулы индустрии и банкиры.

— Пресловутые «Двести семейств»,— уточнил полпред.— Их влияние ощущается повсеместно. Коммунизма они боятся больше, чем Гитлера.

— Иное дело — солдатская масса,— Венцов с наслаждением высосал оставшийся на дне лимонный кружочек.— Подавляющее большинство следует за левыми. В некоторых частях имели место мощные антифашистские выступления.

— По крайней мере, так было после демонстрации кагуляров на площади Конкорд,— полпред незаметно подложил гостям еще по кусочку бисквита.— Но нападение на Блюма, как ни странно, сошло с рук... Да и чему удивляться? За фашистскими организациями стоит «Французский банк». Железный король Эжен Шнейдер — один из главных его регентов. Он же возглавляет

и «Объединенный европейский банк», который, в частности, контролирует военные заводы Шкода. Поэтому не слишком обольщайтесь успехами Иеронима Петровича в Праге. Когда дойдет дело до конкретных заказов... В общем, все достаточно сложно. Настоящий змеиный клубок. Суть в том, что солидный пакет акций находится в немецких руках. Связь с «Фарбениндустри» осуществляется непосредственно через «Металл-Гезельшафт». И главное — это двусторонний процесс. До семидесяти пяти процентов французских капиталовложений приходится на германские заводы взрывчатых веществ.

— Тот же концерн «ИГ Фарбениндустри»? — спросил Тухачевский.

— В основном. Одним капиталом, конечно, не ограничивается. Наблюдаются и более деликатные нюансы. Взять, к примеру, сенатора де Ванделя, металлургического магната. Он возглавляет «Комитэ де Форж» — всемогущее объединение тяжелой промышленности. Принадлежащие ему заводы и рудники расположены в основном в приграничных с Германией районах, некоторые вообще находятся в Саарской области. Как вы думаете, заинтересован подобный господин во франко-советском союзе?.. Увы! Есть сведения, что Вандель имеет карточку номер тринадцать в «Боевых крестах», а владелец электротехнического концерна Мерсье — номер семнадцать. Гитлер для них — крестоносец, новоявленный Шарлемань, спасающий Европу от большевизма.

— Что же нам тогда остается? — еще раз взглянув на часы, Михаил Николаевич встал.— Опустить руки? Или все-таки попробовать побороться? За ратификацию, за военный союз...

— Не может быть двух мнений! — взволновался Потемкин.— Но бороться надо с открытыми глазами, зная противника... Тем более что есть и другая сторона медали: рабочая Франция, Народный фронт и вообще... Информация вполне объективная, Михаил Николаевич, и если я малость сгустил краски...

— Ничуть, Владимир Петрович, все верно. Спасибо за интересный обзор. Однако нам пора.— Тухачевский поправил портупею.

«Все, что ему нужно, он и без меня знает,— с запоздалым сожалением подумал полпред.— Самостоятелен, резок — высоко парит».

Предупредительно забежав перед маршалом, Венцов распахнул дверную створку.

Васильченков уже сидел в машине, колдуя над списком приглашенных на завтрак в честь Гамелена. Он отвечал за авиацию и боялся пропустить какую-нибудь мало-мальски влиятельную персону.

17

В Шартре, отстоящем в восьмидесяти восьми километрах к юго-западу от Парижа, жадно расхватывали специальные выпуски ведущих газет с фотографией Тухачевского перед зданием военного министерства. (Слева от маршала стоял Венцов, по правую сторону — военно-воздушный атташе Васильченков.) На другой день она появилась в четырнадцатом номере «Правды» со ссылкой на «Франс Пресс».

О содержании беседы с господином Мореном не было сказано ни полслова.

Кортеж машин с флажками обеих стран проехал через мост на реке Эр и, попетляв по узким улочкам вокруг древнего готического собора, вырвался на современную автостраду, ведущую к военному аэродрому. На каждом километре стояла охрана.

Летное поле, покрытое жалкими кустиками перезимовавшей травы, блестело лужами. Приземлившийся биплан с трехцветными кругами на выгнутых крыльях, протянуло по скольжине до самых ангаров. Он едва успел развернуться, вздыбив колесами желтую воду.

— Недаром Иероним Петрович так ратует за твердые покрытия,— шепнул Тухачевский Васильченкову.— Скоростная авиация требует совершенно новых аэродромов.

— Командарм первого ранга Уборевич будет вместе с нами на оборонных заводах в Гавре, товарищ маршал. Получается слишком плотный день. Утром посещение министра иностранных дел Фландена, затем маршал Петэн и поездка в Гавр, а вечером Владимир Петрович дает обед.

— Вы предлагаете внести изменения в программу? Отказаться от Гавра?

— Никак не возможно, товарищ маршал.

— Тогда о чем разговор? — Тухачевский достал из чехла бинокль.

На взлет вырулили истребители.

Звено за звеном они вонзались в зенит, виртуозно

вырисовывая фигуры высшего пилотажа: замедленные и восходящие бочки, иммельманы, повороты и перевороты на горке, пикирование.

— Великолепное мастерство,— похвалил Тухачевский полет сомкнутым строем. Словно связанная невидимой нитью, эскадрилья кружила по восходящим и нисходящим спиралям и падала в пике под сорок пять градусов.

— Не хуже, чем у нас в Щелково,— шепнул Васильченков.

«Не хватает только, чтобы истребители «Моран» выстроили в небе имя вождя»,— подумал Михаил Николаевич.

— Поздравляю, генерал,— сказал он, приблизясь к Пикару, замещавшему начальника воздушного штаба.— Образцовая техника пилотажа.

Летчики и впрямь работали превосходно. Но машины едва ли могли выдержать соревнование с истребителем Мессершмитта. Еще слабее оказались бомбардировщики. Старые «Амио» годились разве что для ночного полета, а новым — со стрелком-радистом в хвосте — все-таки недоставало скорости.

Настоящей бомбардировочной авиацией Франция фактически не обладала. Англичане и немцы ушли вперед минимум на три года.

Страна, зажатая между двумя фашистскими хищниками, проявляла поразительную беспечность. Оружие и боеприпасы устаревших типов. Новейшие образцы будут поставлены на поток только к сороковому году. До сих пор ведутся ожесточенные споры о снарядах. Никто не знает, сколько их может понадобиться: три, четыре или же пять миллионов в месяц. Одни стоят за сталь — эффективнее, другие с пеной у рта ратуют за чугун — дешевле. Идут бесконечные дебаты по поводу новых типов взрывателей и мин, а производство стоит. Лучше бы уж просто скопировали у немцев. Печальнее всего то, что обстановка с вооружением до тошноты напоминает родные картины. Единственное, в чем французы сумели продвинуться, так это стопятимиллиметровое орудие. Его уже поставили на конвейер вместо прежнего — семьдесят пять.

По дороге в Париж Васильченков вновь выразил беспокойство:

— Я чего опасаюсь, товарищ маршал? На беседу с Петэном у нас остается от силы полтора часа. Кто его

знает, как он себя поведет. Старикан хоть и в отставке, но с ним здесь очень считаются. Министры и те на поклон едут.

— Мы в лучшем положении. Не мы к нему, а он к нам. Улавливаете различие? И вообще позвольте спросить: вы предлагаете решение или сами являетесь частью проблемы?

К общему удовлетворению все благополучно уладилось: и с заводами, и с Петэном, и с торжественным завтраком.

Старый маршал явился в полпредство с многочисленной свитой.

Советскую сторону представляли Тухачевский, Уборевич и Венцов. Запись вел помощник военного атташе полковник Кирилов.

После обмена дежурными любезностями необычайно подвижный восьмидесятилетний старец ринулся в атаку:

— Слушайте, господа! — он сердито фыркнул, продув седую щеточку усов.— Неужели вы не можете воздействовать на коммунистов, чтобы они не разлагали нашу армию и нашу страну? Мы же разумные люди, профессиональные военные! Давайте выработаем общую позицию. Прямо здесь. Торезу и Кашену останется лишь подчиниться. Надеюсь, вы возьмете это на себя.

Тухачевский и Уборевич изумленно переглянулись. Михаил Николаевич никак не ожидал подобной наивности от человека, просидевшего брюки на высоких постах. «Выжил из ума? — невольно возник вопрос.— Или дурак от природы?»

Досье Анри-Филиппа Петэна рисовало несколько иной образ.

Он родился в той благословенной части Франции, где люди отличаются несокрушимым упрямством и отменным здоровьем. Образование получил в знаменитом Сен-Сире, кузнице кадров высшего офицерского состава. Не блистая ни талантами, ни даже пороками, могущими привлечь внимание начальства, медленно рос в чинах. К началу войны четырнадцатого года дослужился до полковника и в пятьдесят лет получил пехотную бригаду. До вершины карьеры оставался последний шаг, ибо в личной карточке значилось: «Не продвигать выше бригадного генерала».

Как и Гинденбурга в довоенной Германии, Петэна считали ординарным штаб-офицером. Но волей случая предание связало его имя с героической защитой Вердена. Суровый упрямец с ясными голубыми глазами неожиданно оказался любимцем нации и, минуя промежуточные стадии, выскочил прямо на Олимп. В семнадцатом году он уже на посту главнокомандующего.

Еще в «Эколь де Герр»[1] Петэн проповедовал идею непрерывного наступления, «проводимого без всяких колебаний». Война предоставила возможность на практике и в гигантских масштабах проверить теорию. Результаты оказались плачевными. Петэн положил множество пехотинцев, бросив их, без необходимой артподготовки, на пулеметы кайзера.

Эти эскапады, дорого стоившие армии, заодно с прочими просчетами высшего командования довели солдат до отчаяния. Вспыхнули бунты. Петэн подавил их со всей решительностью. По его приказу в восставших полках, как во времена римских цезарей, был расстрелян каждый десятый.

После подписания мира он вышел в отставку. Но когда в двадцать пятом году понадобилось усмирить восставших риффов в Марокко, республика вспомнила героя. В эту кампанию одним из офицеров его штаба был полковник де ла Рокк.

Маршал вновь встретил старого товарища уже в Париже, где тот основал фашистского толка организацию бывших фронтовиков. Имя Петэна немало способствовало укреплению авторитета «Боевых крестов». Он стал их кумиром. После неудачного февральского путча 1934 года Думерг предложил ему пост военного министра в своем кабинете. Вкус власти оказался весьма притягательным. Пламенный католик, чье мышление ограничивалось рамками служебного устава, сделался на старости лет заядлым политиком. Лидеры правых партий частенько предпочитали дом маршала кабинету премьера в особняке Матиньон и палате депутатов в Бурбонском дворце. Вот почему для поддержки договора столь важен был хотя бы нейтралитет «теневого президента».

Петэн начал почти с ультиматума, чего, надо признаться, вряд ли кто ожидал.

---

[1] Высшее учебное заведение, соответствующее Академии Генерального штаба.

Тухачевский вновь бросил выразительный взгляд на Иеронима Петровича. Уборевич терпеливо разъяснил позицию Советского правительства. Ссылаясь на краеугольные положения марксизма и высказывания товарища Сталина, попытался внести некоторое успокоение. Но его доводы явно не достигали цели. Пришлось рубануть сплеча:

— Скажу вам так же прямо, господин маршал, по-солдатски. Если вы сами крепко сидите в седле, вам нечего опасаться. Мы не собираемся экспортировать революцию.

— Смею уверить, что будь у нас желание разложить чью-либо армию, то в первую очередь мы бы обратили внимание на германскую,— добавил Тухачевский.

Петэн сердито засопел, но не стал возражать и поинтересовался состоянием Красной Армии: резервы, авиация, строительство аэродромов и укреплений.

— Я удовлетворен полученными ответами, господа,— сказал он, записав приведенные цифры.— Генерал Луазо, посетивший прошлой осенью ваши маневры, докладывал, что вы первые в мире по танковым войскам. Видимо, он был недалек от истины. Мне близка ваша точка зрения, маршал Тухачевский. Появление нового вооружения может придать войне совершенно иной оборот. В настоящее время необходимо считаться с внезапной атакой на первый эшелон военных сил противника. Массированные удары дезорганизуют мобилизацию и парализуют жизненные центры обороны.

— Я читал вашу статью в «Revue de deux Mondes», господин маршал.— Тухачевский поспешил закрепить наметившееся взаимопонимание, если не в политике, то хотя бы в стратегии.— У нас нет расхождений по поводу характера грядущей войны.

— Орудия такой войны уже существуют, и мы не можем позволить, чтобы нас застали врасплох.

— Совершенно согласен, ваше превосходительство. Германия формирует громадные вооруженные силы, и в первую очередь армию вторжения. Я имел честь беседовать с господином Мореном, и мы, сопоставив данные, пришли к выводу, что немецкие авиационные заводы производят пятнадцать машин в день. В Германии много говорят о планах Геринга довести авиацию до шестнадцати тысяч самолетов. При современных темпах этого можно достичь уже к тридцать девятому году.

— Отнюдь не значит, что война не начнется раньше,— подсказал Уборевич.

— Безусловно. К лету прошлого года общее число германских вооруженных сил превысило девятьсот тысяч человек. На сорок процентов больше, чем у Франции, и примерно так же, как у нас.

— Какова точная численность ваших войск? — живо отреагировал старый маршал.

— Девятьсот сорок тысяч, считая все рода войск,— спокойно назвал Тухачевский.

— Вместе с НКВД?

— Включая пограничные войска НКВД, господин маршал. Но вернемся к рейхсверу. Помимо регулярной армии Германия располагает вооруженными частями, могущими служить делу мобилизации и новых формирований. Сюда входят штурмовые и охранные отряды, трудовая повинность, пограничные войска и полиция — всего около миллиона. Завершения организационной военной программы следует ожидать уже в текущем году. Нам действительно нельзя терять времени. Вы один из немногих, кто умеет смотреть далеко вперед. Как вы считаете, обеспечивает ли принятая у вас военная система должный ответ агрессору?

— Не обеспечивает,— брюзгливо поморщился Петэн.— Она целиком основывалась на гипотезе, что наш возможный противник неспособен в короткий срок выставить мощную армию. Едва ли это соответствует нынешним обстоятельствам.

Тухачевский помнил все печатные выступления Петэна и не ждал иного ответа. В его задачу входило максимально расширить поле согласия.

— Действительно, большие сроки мобилизационного развертывания надолго сковывают активные действия.

— Только сроки?.. А бомбовые удары противника? Саботаж?.. У вас на Дальнем Востоке недавно была обезврежена группа диверсантов, пускавших под откос поезда с войсками. В условиях войны опасность диверсий возрастает многократно. Они могут совершенно парализовать пути подвоза... Но вы, кажется, спрашивали о нашей системе мобилизации? Разве у вас не те же болезни? — Петэн продемонстрировал завидную осведомленность и цепкую, не по годам, память. Бил наотмашь.— Читая последнюю речь маршала Ворошилова, я поражался его оптимизму. Колоссальная притяжен-

ность и скверное состояние коммуникаций едва ли позволят вам организовать скорый отпор.

Тухачевский неопределенно пожал плечами. Положение не позволяло оспаривать очевидные вещи. Но если отставной маршал мог честить почем зря и военного министра, и самого премьера, то для него, замнаркома, публичная критика Ворошилова исключалась напрочь. Одно дело — спорить в Военном совете, другое — здесь, на виду у всей Европы, да еще со стенографистами за спиной.

Выручил Уборевич.

— Пока мы, солдаты, не договоримся между собой, порядка не будет,— пошутил он, поправляя пенсне.— Авиация в будущей войне предстанет настолько грозной силой, что в военном отношении такой город, как Минск и даже Смоленск, защитить не удастся. Следует отдать себе полный отчет. Где взять такое количество истребителей или зенитных орудий, чтобы на всем горизонте не пробился отряд быстроходов, бомбометчиков? Поэтому оборонять большие города и пункты сосредоточения будет неимоверно трудно. Наша задача — как можно скорее создать могучий воздушный флот. В этом году мы постараемся удвоить количество летчиков в спортивных аэроклубах.

— Удвоить от какого числа?

— К сожалению, я не располагаю точными цифрами, но у нас в стране летчики окружены всеобщей любовью.

— Как вам нравятся наши пилоты?

— Они выше всяких похвал,— твердо сказал Уборевич.— И самолеты хорошие. Нам есть чему поучиться друг у друга.

— А вам не кажется, что, подписав договор, наши министры невольно подтолкнули Германию на путь безудержных вооружений? Немцы — не сумасшедшие. Они не могут хотеть войны. Господин Гитлер не раз заявлял, что Германия не имеет никаких агрессивных притязаний к Франции и западным соседям.

— Из Берлина долетают разные голоса,— осторожно возразил Тухачевский.— Но любому здравомыслящему человеку должно быть ясно, что военные планы Германии направлены не только против СССР. В этом вопросе у нас не было разногласий с вашими коллегами, господин маршал. Насколько я понял, и господин Фланден серьезно озабочен безопасностью многих европейс-

ких границ. Антисоветское острие является удобной ширмой для прикрытия реваншистских намерений и на западе, и на юге. Я имею в виду Польшу, Чехословакию, Австрию. Помимо всего прочего, нельзя отрицать, что Германии нужна французская руда. Ей необходимо и расширение морской базы. Опыт прошлой войны со всей очевидностью показал, что без прочного обладания бельгийскими портами и северными портами Франции невозможно построить морское могущество Германии.

— В бельгийском генштабе придерживаются сходной позиции,— как бы вскользь уронил Уборевич.

— Вопрос в том, насколько достижимы в современных условиях цели возможного противника. В прошлую войну ни одна из стран не располагала такой системой долговременных укреплений, как «Линия Мажино»... Однако мы рискуем увязнуть в политических спорах. Армии должны стоять вне политики. Мы могли бы сотрудничать ради европейского мира лишь при условии, что агенты Коминтерна перестанут разлагать нашу армию. Пусть перенесут свою деятельность в соседнюю страну, как остроумно предложил маршал Тухачевский.

Прояснив интересующие его вопросы, Петэн вновь вернулся к навязчивой и, по сути, тупиковой идее. Но если в начале встречи она выставлялась в качестве предварительного условия, то под занавес акценты явно сместились.

— Все-таки вы сдвинули его! — оценил переговоры Потемкин.— Героический ореол, окружающий этого матерого и тупого реакционера, превратился в серьезный политический фактор. Стыд и позор.

— Вспомните Гришку Распутина,— улыбнулся Михаил Николаевич.

— Пожалуй, вы правы, есть определенное сходство. В общей, так сказать, атмосфере. Ничтожества у государственного руля, раскол общества, ощущение надвигающегося апокалипсиса...

Вечером радио сообщило о победе депутатов от Народного фронта в Испании.

На другой день, во время официального завтрака, Тухачевский уловил некоторые перемены в поведении французских гостей. Внутренняя зажатость ощущалась не столько в речах, по обыкновению любезных и гладких, сколько в коротких репликах, которыми обменива-

лись соседи по столу. Испанские новости практически не обсуждались.

Когда Уборевич спросил начальника кабинета военного министра генерала Менара о возможных последствиях выборов, тот отделался старинной пословицей: «Мир дрожит, когда шевелится Испания».

Ответом было настороженное молчание.

— Можно не сомневаться в лояльности армии конституционному правительству,— авторитетным тоном заявил полковник Гоше, помощник начальника Второго бюро. Он уже знал, что лидер тайной хунты генерал Санхурхо вновь вылетел на военном самолете в Берлин.

А вообще, как отметила светская хроника, завтрак прошел в атмосфере сердечности.

Поблагодарив за прием, Морис Гюстав Гамелен выразил надежду на скорейшее разрешение парламентских прений.

Полковник Кирилов постарался дословно перевести краткое высказывание начальника генерального штаба, замещавшего по традиции председателя Верховного совета обороны Французской республики.

18

Приказ по СС А № 65
Рейхсфюрер СС

1. СС — это избранный с определенной точки зрения союз нордически запрограммированных мужчин.

2. Согласно национал-социалистическому мировоззрению и в сознании того, что будущее нашего народа зависит от отбора и от сохранения расово- и наследственно-здоровой чистой крови, я ввожу... для всех неженатых членов СС разрешение на брак.

3. Цель, к которой мы все стремимся,— это создание наследственно-здоровых, ценных родов немецки запрограммированного типа.

4. Разрешение на брак будет или не будет даваться, только исходя из принципа наследственного здоровья.

5. Каждый эсэсовец, намеревающийся жениться, должен отныне получить разрешение на брак от рейхсфюрера СС.

6. Эсэсовцы, которые, несмотря на неполучение разрешения на брак, все же женятся, вычеркиваются из списков СС, они могут и сами выйти из рядов СС.

7. Соответствующая обработка заявлений с просьбами разрешения на брак является прерогативой ведомств по расовым вопросам СС.

8. Ведомство по расовым вопросам СС ведет «родословную книгу СС», в которую вносятся семьи родственников эсэсовцев после выдачи разрешения на брак или положительного ответа на заявление с просьбой жениться.

9. Рейхсфюрер СС, руководитель расового ведомства и референты этого ведомства клятвенно обещают не разглашать секретов, связанных с вышеизложенным.

10. СС ясно, что благодаря этому приказу они сделали шаг, имеющий огромное значение. Всякие насмешки, издевки и превратные толкования нас не трогают, будущее принадлежит нам.

Рейхсфюрер СС
Г. Гиммлер

Аппарат «черного ордена» трясло в лихорадке чисток. Приказ, подписанный «Кайзером Генрихом» на закате «Веймарской плутократии», обрастал добавлениями, ужесточавшими отбор. К концу минувшего года из охранных отрядов было исключено шестьдесят тысяч членов.

Отныне каждый эсэсман обязывался представить справку об арийской принадлежности предков, начиная с 1800 года. Для командиров степень чистоты повышалась на два поколения — с 1750 года. Новая элита ни в чем не желала уступать титулованному дворянству.

Фюреры с офицерскими «квадратиками» и генеральскими «листиками» уподобились прилежным архивариусам. Вздымая вековую пыль, часами листали пергаметные страницы древних актов, рылись в церковноприходских книгах, мусолили гербовые свитки. Каждому понадобилось генеалогическое древо. Поиски корней нередко приводили на кладбище. Запись о похоронном обряде позволяла сделать кое-какие выводы, невзирая на несовместность понятий раса и религия. Дух, свобода воли и прочие неуловимые вещи принадлежали скорее к области метафизики. И только кровь была священной и одновременно вещностно-осязаемой субстанцией. Мистическая кровь предков! Сквозь повален-

ные доски она давно ушла в землю, соединилась с почвенной стихией. Для справки годились разве что пожелтевшие кости. Форма черепа считалась надежнейшим расовым признаком. Головы вымеряли по всей стране. Песня, которую тонким дискантом затягивали под барабанный бой умытые мальчики с кинжалом «гитлерюгенда» на бедре, наполнилась обновленным содержанием.

Дрожат одряхлевшие кости
Земли перед боем святым...

Мраморный Гамлет, склоненный над черепом бедного Йорика, нередко украшал немецкие склепы, но не всякий решался на шутки с потусторонним миром. Могилы разрывали только в случае крайней нужды. Тем более что расовое ведомство принимало к рассмотрению нотариально заверенные снимки кладбищенских плит в порядке косвенных доказательств. Изнурительная, а зачастую и вовсе бесплодная процедура исторических изысканий не обошла стороной даже ветеранов уличных потасовок и пивных путчей. Старые борцы, личные друзья самого Гиммлера были поставлены перед беспощадным выбором: либо найти арийских прабабушек, либо распроститься с черным мундиром и его гробовыми эмблемами.

Никто не возмущался, не протестовал и тем более не допускал «издевок» и «насмешек», как о том специально предупреждалось. Приказ есть приказ. Да и родился он не на заброшенном пустыре, подобно чертополоху.

Когда роковым образом сцеплявшиеся события неудержимо влекли Европу к августу четырнадцатого, ее помраченный разум взрастил и другие сорные травы — белену и дурман. В Германии и в Австрии, в Англии и в России — повсюду, игнорируя противостояние коалиций, расползалась оккультная экзоплазма. Окончательно оформились теософские общества, в двенадцатом году немец Теодор Рейсс и англичанин Алистер Кроули основали «Орден восточного храма». Усвоив основные идеи и по-своему истолковав принцип элитарного «внутреннего круга», Теодор Фрич и Герман Поль сформировали секретный «Германский орден». Скорее политическую партию, чем тихое братство мистиков-духовидцев. В основу доктрины легли зажигательные идеи Гвидо фон Листа (магическое истолкова-

ние северных рун) и Йорга Ланца фон Либенфельса (сакрализация немецкой крови). Герои «хельдинги» белокурой расы господ противостояли «аффлингам» — обезьяноподобным недочеловекам. Пуще всякой скверны Либенфельс заклинал героев от кровосмешения. Связь белокурой женщины с недочеловеком была объявлена преступлением, «расовым позором».

Идеолог партии Альфред Розенберг придал отрывочным наметкам обличье системы. Его «Миф XX века» стал самой популярной книгой в Германии, своего рода кратким курсом нацистской философии.

«Моя борьба», разумеется, оставалась на недосягаемой высоте, вне всякой конкуренции. Она вмещала в себя все: прошлое, настоящее, будущее: откровение свыше и квинтэссенцию всех наук. Фюрер дал новую библию, а его идеолог — комментарии к ней.

Каждому полагалось знать, к какой расовой группе он принадлежит: чисто нордической, преобладающе нордической или смешанной с добавкой альпинской, динарской и средиземноморской крови. Восточным гибридам и метисам неевропейского происхождения путь в СС был заказан. Досадная пестрота в трех первых группах тоже рассматривалась как явление временное. В будущем путем направленной селекции предполагалось довести чисто нордический показатель до абсолюта. Программа была рассчитана лет на сто, если не дальше, пока же приходилось довольствоваться тем, что есть.

Среди вождей народа и партии один Бальдур фон Ширах отвечал арийскому идеалу: светлые волосы, голубые глаза, соответствующее строение тела. Фигура — для эсэсовца особенно важен был высокий рост — оценивалась по девятибалльной шкале. В зачет опять-таки шли первых три балла.

Гиммлер не слишком доверял представленным справкам. Фальшивые свидетельства и подкуп ответственных лиц сделались широко распространенным явлением. Вооружившись лупой, рейхсфюрер сам изучал стати своих паладинов и их невест. Для пущей объективности фотографироваться надлежало в купальных костюмах.

Заочный экзамен подозрительно напоминал разглядывание фривольных открыток, хотя намерения рейхсфюрера не имели ничего общего с вульгарным любопытством. Работая с циркулем и линейкой, он замерял пропорции, справлялся с таблицей и уж потом, на ос-

нове холодных чисел, выносил окончательный вердикт. Вынув очередную фотографию из личного дела, попутно знакомился с агентурными данными. В жестких рамках тотальной системы любые интимные тайны превращались в смешной пережиток.

Массовый принцип предполагал полную обезличку, не оставляя места эмоциям и прочим нюансам вырожденчества. «Я заглянул в глаза человеку будущего,— предрек Ницше,— и увидел в них смерть».

И он пришел, одержимый волей власти человек будущего.

— В моих орденских замках подрастает молодежь, которая ужаснет мир,— сказал фюрер.— Мне нужна молодежь, жаждущая насилия, власти, никого не боящаяся, страшная... Свободный, прекрасный хищный зверь должен сверкать из ее глаз... Мне не нужен интеллект. Знания погубили бы мою молодежь.

Молодые сверхчеловеки проходили подготовку в «орденсбургах» Фогельзанг, Зонтхофен и Кресинзее. В приютах «Лебенсборна» выкармливали младенцев, зачатых от расово безупречных производителей. Принятие нюрнбергских законов, в свою очередь, отразилось на всех сферах государственной деятельности. В проект структуры тайной полиции были заложены такие новинки, как «церковь, секты, эмигранты, масоны, евреи» (Второй отдел) и «гомосексуалисты» (Одиннадцатый).

Идея преображала действительность. Оживали фантомы. Молодые люди в черных мундирах называли себя романтиками и идеалистами. Они готовились взять в свои руки весь мир.

Мы идем, чеканя шаг.
Пыль Европы у нас под ногами.
Ветер битвы свистит в ушах:
Кровь и ненависть, кровь и пламя.

Учил Заратустра: «Я — предвестник грозы и тяжелая капля из тучи; а имя той молнии — сверхчеловек».

И еще говорил он: «Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно превозмочь».

Они поверили, они сумели превозмочь. Впереди ждала их невиданная работа.

«Но некогда спросил я и едва не подавился своим вопросом: как? жизни нужна и сволочь людская?» — так говорил Заратустра.

В извечном противоборстве огня и льда источник существования Вселенной.

Выстроить новый мир чистоты, безжалостно испепелив старый,— сверхчеловеческое предназначение государства СС.

Головы, руки, ноги — сколько прошло их под увеличительным стеклом «Черного герцога»! Носы, глаза, подбородки...

Возносясь духом к заснеженным пикам Гималаев, излучением третьего глаза проницая чертоги Вальхалы, он терял ощущение реальности. Где «орден» и где «государство»? Где Генрих Гиммлер и где Генрих Второй?

Из состояния самогипноза, обычно кончавшегося упадком сил и приступами слезливости, его, как всегда, вывел Кестнер.

Пока длился сеанс лечебного массажа, Гейдрих дожидался в приемной.

— Арестован мелкий шантажист Отто Шмидт,— избегая благостно-просветленных глаз шефа, он с места в карьер перешел к делу. Холодно, лично незаинтересованно, буднично.— Здесь собственноручно подписанный им протокол допроса. Дело ведет Иозеф Мейзингер.

— Помню,— Гиммлера клонило ко сну, и он не сразу ухватил суть.— У него волчья хватка.

— Мейзингер дело знает,— подтвердил Гейдрих.— Речь идет о генерал-полковнике Фриче,— на всякий случай напомнил он.— И других весьма влиятельных лицах.

Гиммлер сменил пенсне на очки для чтения. Показания Шмидта уличали Фрича в пристрастии к гомосексуальным забавам. Кроме него назывались имена статс-секретаря Функа, полицай-президента Потсдама, штандартенфюрера фон Веделя, графа фон Гольтца и прочих высокопоставленных персон.

— Это бомба, Гейдрих! — рейхсфюрер отложил протокол.— Прежде чем что-то предпринимать, следует хорошенько подумать.

— Понимаю. Именно поэтому я и решился обратиться к вам за советом.

— Кто этот Шмидт?

— Личность известная. Специализировался на деликатном шантаже, дважды судим. Действует, как правило, в одиночку, терпелив. Может годами вести слежку, пока не наберет достаточно материала. Само собой,

выбирает жирных котов, с кого можно содрать побольше.

— Его что, подкупили? Или, может быть, силой заставили дать показания?

— Не думаю, рейхсфюрер,— Гейдрих оставил себе путь для отступления.— Задержание связано совсем с другим делом, но поскольку парень значится в картотеке, Мейзингер попутно размотал остальное. Впрочем я специально не интересовался.

— И совершенно напрасно. На очной ставке он может от всего отпереться, и вы,— Гиммлер выделил обращение,— окажетесь в пиковом положении.

— До очной ставки еще далеко.

— Нужна стопроцентная гарантия. Работа, согласитесь, грубая. Случайное знакомство, ночью... С педерастами, конечно, бывает и не такое, но... Как, например, Шмидт узнал, что человек на вокзале в Ванзее генерал? Приметы — темное пальто с бобровым воротником и белый шарф — указывают на штатского. Не так ли?.. Откуда тогда столь подозрительная осведомленность — генерал, и именно Фрич?.. Тут, правда, говорится об удостоверении, но, положа руку на сердце, это шито белыми нитками. Вы и сами прекрасно видите. С какой целью станет генерал-полковник барон фон Фрич показывать служебное удостоверение какому-то сомнительному типу? И где? На темном перроне. Или он специально подошел к фонарю? Не рассказывайте сказки, любезный Гейдрих. С этим Шмидтом нужно еще работать и работать.

— Понимаю, рейхсфюрер. Делом занимается гестапо, где я не имею права приказывать.

— Пока,— насмешливо бросил Гиммлер.— Не прибедняйтесь. Когда вам нужно, вы делаете все, что хотите.

— Лишнее доказательство, что не я был инициатором. Слабости следствия налицо, и я бы никогда не рискнул прийти к вам с сырым материалом. Но есть одно обстоятельство,— Гейдрих помолчал, изображая внутреннее борение, и, словно решившись на крайнюю меру, полез в портфель.— Я знаю, что это покажется не совсем убедительным, но ничего не поделаешь... От нашего источника получены сведения о конфиденциальном разговоре между Фричем, Боком и Нейратом. Они намерены представить фюреру резкий меморандум в связи с намеченным вступлением в Рейнскую

зону. Фрич назвал это опасным блефом. Доводы все те же, рейхсфюрер: военное противодействие противника, к которому мы еще недостаточно подготовлены. Последнее отчасти верно,— как бы нехотя признал он.

— Войны не будет. Мы действуем наверняка.

— Я бы рад был втолковать это нашим господам. Они определенно наделали в штаны... В общем, такое вышло стечение обстоятельств.

— Звукозаписи, как я понимаю, у вас нет?

— В том-то и дело.

— Тогда подождем меморандума, иначе нас просто не поймут.— Гиммлер возвратил документы.

— Шмидта можно пока попридержать,— понимающе кивнул Гейдрих.

— На ваше усмотрение.— Гиммлеру попалась на глаза фотография стройной шатенки.— Поздравьте от моего имени хауптштурмфюрера Хагена. Я одобрил его выбор.

19

ВСЕМ НАЧАЛЬНИКАМ УНКВД

Основной задачей наших органов на сегодня является немедленное выявление и полнейший разгром до конца всех троцкистских сил, их организационных центров и связей, выявление, разоблачение и репрессирование всех троцкистов-двурушников.

Оперативная директива наркома Г. Г. Ягоды

Приехав в наркомат, Ежов быстренько проглядел выписку из материала на Голубенко: 1898 года рождения, член партии с 1918 года, член РВС Третьей Украинской армии, в декабре 1918-го — председатель повстанческого комитета в Одессе, политкомиссар 45-й стрелковой дивизии, примыкал к троцкистской оппозиции, заявил об отходе, парткомиссия по чистке постановила «считать проверенным». Далее следовал послужной список по партийно-советской линии.

Фигура не из крупных. Ничего из ряда вон выходящего. Письмо из Киева за подписью «кадровый рабочий» тоже не давало оснований, чтобы Голубенко занимался центральный аппарат.

Николай Иванович вызвал Балицкого.

— Ты чего прискакал? Не сидится на ридной батьковщине?

Балицкий присел, положив левую руку на правый рукав. Его короткие волосатые пальцы, как по клавишам, пробежались по комиссарским звездам.

«С утра, а уже дерганый»,— отметил Ежов.

— Тут такое дело, товарищ секретарь ЦК,— Балицкий очистил горло.— За Николая Голубенко сразу же вступится командарм первого ранга Якир.

— Ну и что?

— У нас уже была сшибка.

— Знаю. Ну и что? — вновь с нажимом спросил Ежов.— Какое он имеет к нему отношение?.. По старой памяти, что ли?

— И по старой памяти — Сорок пятая дивизия, и вообще... дружок.

— Обжегшись на молоке, дуешь на воду?.. Чего тебя так уж заело?

Сперва как бы нехотя, но постепенно распаляясь, Балицкий поведал о былых огорчениях, столь круто, но счастливо изменивших его судьбу. Застарелая обида все же прорвалась. Излагая обстоятельства дела начальника оперативного округа Владимира Васильевича Попова, он не удержался от жалобы:

— Белая кость, капитан царской армии, вышел из Академии Генерального штаба... Может, мы и перегнули тогда, не знаю, но устраивать из-за этого хай, беспокоить Григория Константиновича...

— Тоже участвовал в Южном походе? — прервал его излияния Ежов.

— В самую точку! Своими людьми окружил себя Иона Эммануилович.

— Эка невидаль! Один он, что ли?.. Ты лучше не трожь гражданскую. Та дружба кровью спаяна. Замаскированного врага так просто не различишь.— Ежов надолго задумался. Балицкий кипятился не зря. За Якиром стояла большая сила. В армии, обкомах, украинском правительстве. С Орджоникидзе дружили домами.

На нынешнем этапе такие, как Голубенко или этот Попов, не представляли столь уж великого интереса. Если копать прошлое, то значительно глубже. Якир, Гамарник, Затонский, Картвелишвили... От бывшего Реввоенсовета Южной группы нити тянутся далеко и в разные стороны, по всем военным округам. А что с того? Мало

ли кто с кем когда-то дружил? Эдак всю Красную Армию придется перетряхивать. Ковырнешь в одном месте, а откликнется, где и вовсе не ждешь. Командующий Особой Краснознаменной товарищ Блюхер тоже под Якиром ходил, а вон куда залетел: маршал! Нюх у Балицкого есть, да не по Сеньке шапка. В разные стороны прыгать готов. Не хватает терпения. Вопрос о героическом Южном походе с повестки снят, но это еще не сигнал, а выпрямление истории. Кому что положено. С дальней дистанции Варшава и Львов тоже выглядят несколько по-иному. Однако с этой стороны к маршалу Тухачевскому претензий нет. Именно с этой! История рассудит, кому остаться героем революции.

— Ты лучше скажи, сколько там у них в Киевском округе бывших троцкистов окопалось? — Ежов молодцевато выпрямился и вскинул голову, инстинктивно пытаясь возвыситься над столом. В свете указаний товарища Сталина перед ним вдруг распахнулась захватывающая дух перспектива. Все стало на удивление просто и ясно, словно с глаз спали шоры. Поинтересовавшись германскими контактами Путны, хозяин и направление задал, и концы с концами связал. Вот где настоящая диалектика! Сразу и в корень.

Во-первых, Путна — троцкист, во-вторых, с двадцать девятого года работал в Берлине военным атташе. Мог и с Седовым встречаться, и с самим Троцким. О том, как мог оказаться в Берлине Троцкий, томившийся на острове Принкипо под обзором всего Истанбула, Николай Иванович нимало не задумался. Детали подберутся, важна магистральная идея. И она определенно выстраивалась. Сейчас Путна в Париже вместе с Тухачевским и Уборевичем. Обратно поедут опять-таки через Берлин. Вон он, главный-то узел! При чем тут Николай Голубенко? Не потянет он рядом с комкором, мелковат. Чует, чует Балицкий зверя, но не знает, с какой стороны ухватиться. Оттого и осторожничает, ходит кругами.

От такого внезапного прояснения приятно захолонуло внутри. Словно после освежающей мятной лепешки.

— Ну, чего мнешься? — почти ласково подбодрил Ежов.

— Оторвался немного, Николай Иванович, за эти годы, не знаю, кто, где... Самых главных, конечно, помню: Дмитрий Шмидт, Юрий Саблин, пожалуй...

— Чего ты их все по именам кличешь, будто артистов каких или писателей? — Ежов записал фамилии. Шмидта он взял на заметку еще в КПК, и Люшков, который с двадцать седьмого года сидел на троцкистах, поминал его тихим словом.

— Да как-то так,— смешался Балицкий.— По привычке. Как-никак революционеры.

— А ты отвыкай «как-никак». Они люди военные, у них звания есть.

— Командир Восьмой отдельной танковой бригады комдив Шмидт и комендант укрепрайона комдив Саблин,— поправился Балицкий.

— Командир бригады ходит в комдивах? Шикарно!

— Как же! — встрепенулся Балицкий.— Учли боевые заслуги. Член партии с пятнадцатого года, два ордена Красного Знамени, первый орден за номером тридцать пять.

— Запомнил, однако.

— Еще бы не запомнить! Все командиры танковых бригад и даже стрелковых дивизий — комбриги, а этот... Грудью за Троцкого встал на Пятнадцатом съезде. Вот и оценили по достоинству. Криворучко опять же комкора присвоили, тогда как другие командиры корпусов по два ромба имеют.

— Тоже примыкал?

— Говорили, сочувствовал... Иона Эммануилович в нем души не чает.

— Говорили?

— Не помню, Николай Иванович, право слово, оторвался и вообще голова закручена. Делов невпроворот.

— Дубовой теперь где, в Харькове?

— Так точно, командует округом. Он тогда вместе с Якиром в Москву нагрянул,— подсказал Балицкий.— На его место прибыл комкор Тимошенко.

— Иди работай. Я подумаю насчет Голубенко,— сказал Ежов, поставив мысленно точку: хорошенько приглядеться и брать.

Ситуация со Шмидтом тоже не вызывала сомнений. Он не только голосовал за Троцкого, но посмел поднять хвост на самого товарища Сталина. Более чем достаточно. Короче, Шмидт кругло вписывался в процесс. Остальное — дело техники. На Саблина и Криворучко у Балицкого ничего нет. Обозлен за тот случай, и только. Сводит личные счеты. Ничего, пока достаточно Шмидта и Голубенко. Пусть сперва дадут показания, а там потянется.

Якир скорее всего встанет на дыбы, но тем хуже для Якира. Он уже успел достаточно накуролесить. Стычка с Балицким — Николай Иванович знал это почти наверняка — не вызвала сильной реакции, но обращения к Орджоникидзе хозяин не простил. И ведь Иону Эммануиловича предостерегали, отговаривали, но не послушал, полез.

А его выступление на Военном совете после прошлогодних маневров? Маневры прошли превосходно, казалось бы, живи и радуйся, но он опять ухитрился напортить. Видимо, чувствовал себя героем дня, которому все дозволено, и прямо-таки паясничал на трибуне...

Разговор с Балицким вызвал сложное ощущение. Не выпуская Шмидта из памяти, Ежов почему-то не сопоставлял его лично с Якиром, но звенья замкнулись, тяжким грузом упав на внутренние, напряженно подрагивающие весы, и стрелка качнулась.

Неблагополучно в округе — это факт. Тимошенко не случайно послали. Его и Ворошилов поддерживает. Чисто по-человечески Ежов совсем неплохо относился к командующему КВО, но сейчас, когда пересеклось и закруглилось столько разнородных орбит, он почувствовал раздражение. Словно Якир намеренно подвел его в чем-то очень важном и глубоко личном, не оправдал доверия.

Член ЦК, член Политбюро КП(б)У, член Военного совета, трижды орденоносец! Особняк на Кирова в Киеве, шикарная квартира в доме Военведа на Арбате, и здесь, и там дачи — чего ему не хватало? Захотел поехать на лечение в Австрию — пожалуйста, всюду почет и уважение. И ведь не дворянин, вроде иных, сын провизора.

Не за себя обидно, за Иосифа Виссарионовича.

Ежов словно взглянул на все его проникающими до самого донышка зрачками, и перед ним обнажилась потаенная суть вещей. Слова, скрывающие поступки, и тайные устремления, проскальзывающие в словах, обрели внутреннюю сопричастность, органичную соединенность. Так возникает в зеленой рамке рентгеновского аппарата оконтуренная дымкой плоти грудная клетка и корни дрожащих легких за ней.

«Молодой командир — ключевая фигура в армии,— говорил Якир на Военном совете.— Слово «лейтенант» должно звучать гордо. Поднять это звание надо на та-

кую высоту, чтобы каждая советская девушка стремилась стать женой лейтенанта. Путь к маршальской звезде начинается с двух кубиков. Не всякий лейтенант становится маршалом, но всякий маршал начинает с лейтенанта».

Военный совет не цирк, а командарм не коверный, жаждущий сорвать аплодисменты и смех. До сих пор в Советской стране гордо звучало слово человек, а не лейтенант. От грубой лести по адресу неоперившейся молодежи попахивает рецидивом троцкизма. Если не хуже. Впав в раж, Якир договорился до того, что начал хвалить царские порядки:

«Раньше судьбу полковника мог решить один царь, а чем плох наш советский полковник?» — спросил на радость скрытым врагам и не постеснялся внести дикое предложение, чтобы без санкции наркома никто не мог ни арестовать высшего командира, ни переместить.

Чего он хотел достичь такой демагогией? Поднять авторитет наркома, ублажить, так сказать? Климент Ефремович обласкал его за маневры, объявил благодарность... А если цель совершенно иная? Далеко идущая цель?

Вот и думай теперь, кого он стремился *заранее* уберечь? Какие кадры спасал наперед?

Прояснились тайные корешки, и совсем иная нарисовалась картина.

Работу — мысль, казалось, обрела второе дыхание — нарушил порученец. Фельдъегерь из «Правды» доставил корректуру со статьей Фриновского.

Ежов внимательно прочитал свежие, пахнущие краской столбцы. Последний абзац содержал здравицу в честь славного сталинского наркома внутренних дел СССР и генерального комиссара государственной безопасности Г. Г. Ягоды.

— Отнесите Фриновскому,— сказал он, собрав со стола бумаги.— Я поехал в ЦК.

Начальник погрануправления поразился оперативности редакции. Обещанная «болванка», в которой ему не принадлежало ни строчки, на поверку оказалась вполне законченным материалом. Написано было гладко и, наверное, правильно с агитационно-пропагандистских позиций. Душевный подъем приглушил мутнова-

тое чувство опаски. Да и выбора не было. Не найдя, к чему придраться, Фриновский подписал, ничего не вычеркнув и ничего не добавив.

20

Новое издание книги тов. Л. П. Берия

...Книга сделана с большой любовью и тщательностью, отпечатана прекрасным шрифтом на хорошей бумаге производства Красногорской бумажной фабрики и снабжена большим количеством иллюстраций... Нельзя без волнения смотреть на снимок — «Товарищ Сталин в группе арестованных в Кутаисской тюрьме»... В каждой мелочи полиграфического оформления книги тов. Берия видна подлинная забота Партиздата о читателях.

«Правда», 25 февраля 1936 г.

Военно-фашистский заговор в Токио

...Убиты японский премьер-министр Окада, министр финансов Такахаси, бывший премьер Саито и другие.

«Правда», 27 февраля 1936 г.

Французская палата депутатов одобрила ратификацию франко-советского договора 353 голосами против 164.

«Правда», 28 февраля 1936 г.

Колоссальное темно-серое здание, выстроенное на Берсеневской набережной Москвы-реки в 1931 году, замышлялось, наверное, как образец коммунистического быта. Тут находились свои магазины, кинотеатр и клуб; в просторном дворе было где разгуляться подрастающей детворе. В домовой кухне готовили вкусные обеды, и многие жильцы с превеликой охотой забирали их в скрепленных длинной ручкой судках. Перед лифтом сидели вежливые дежурные, дворники в белых фартуках с раннего утра и до позднего вечера посыпали песком скольжину, чистили крыши, а с наступлением весны мели и поливали из черного шланга асфальт. Малышей водили строгие воспитательницы. Велосипедисты и няни с

колясками могли без опаски разминуться с въезжавшими под высокие арки машинами.

Казалось бы, пустяк, но и его предусмотрели заботливые архитекторы. Черные «фордики» и шикарные «линкольны» с застывшей в полете никелированной гончей подкатывали к подъездам и днем и ночью. Дом — первая ласточка голубых городов будущего — был предназначен для большого начальства. Сюда из разных концов Москвы, и не только Москвы, перебрались наркомы, ответственные работники Центрального Комитета, военачальники, дипломаты. Кое-кто выехал из кремлевских квартир. Во дворцах за зубчатой стеной остались жить только самые избранные, вожди и такие знаменитые люди, как товарищ Бухарин или товарищ Радек, все еще занимавшие достаточно высокие посты. Вся Москва с полным на то основанием называла внушительную громаду «домом правительства». В сущности, только мост отделял его от Кремля.

Окна квартиры Тухачевских — маршал жил с мамой, женой Ниной Евгеньевной и дочкой Светланой — смотрели на Троицкую башню. Света гордилась таким замечательным видом: красавица река, каменный мост, купола соборов и будка охраны по правую сторону от ворот.

О результатах голосования Тухачевский узнал ночью от Максима Максимовича.

— Поздравляю,— голос в потрескивающей мембране звучал удаленно, словно с другого конца земли.— Здесь есть и ваша заслуга. Я только что говорил с товарищем Сталиным.

— Ну и как?! — тесно прижавшись к трубке, спросил Тухачевский.

— Бесспорно, это крупное достижение, но главная борьба впереди.— Литвинов, казалось, не понял вопроса.— Понадобятся значительные усилия, чтобы каждая статья договора нашла конкретное воплощение. Обстановка сложная. Сто шестьдесят четыре депутата проголосовали против. Вместе с сотней воздержавшихся это составляет почти половину. Вы же понимаете, какие бои нам предстоят?

Михаил Николаевич вышел в коридор, невольно прислушиваясь к дыханию спящего дома. Нудно, как осенняя муха, гудел электрический счетчик. Осторожно, чтоб не скрипнул паркет, прокрался в кладовку. Нащупав фарфоровый выключатель, зажег тусклую лампоч-

ку, скупо высветившую полки, заставленные, как в аптеке, всевозможными склянками. Свидетели провалов, плоды бессонных ночей... В коричневых бутылках с выпуклыми мерными рисками вызревали таинственные, боящиеся дневного света эссенции. Хрупкие огнестойкие колбы хранили растворы, приготовленные по старинным рецептам, выписанным из пожелтевших журналов и книг. В замутненных соклетах всеми цветами радуги переливались липучие лаки.

Отыскав наполненную желеобразной массой бюксу, Тухачевский бережно поднял ее, пытаясь разглядеть донышко, но оно было черным-черно. Растворившись в обезвоженной муравьиной кислоте, хитиновые надкрылья жуков образовали похожий на деготь осадок. Сквозь пришлифованную крышку просачивался едкий запашок.

«Опять не получилось! Видно, напрасно Света ловила на даче бронзовок. Не удалось сварганить из них итальянское зелье. То ли в Кремоне жуки покладистее, то ли рецепты врут — всяко бывает. А что, если передержал?»

За день до отъезда в Европу Михаил Николаевич проверил, как подвигается опыт: осадка не было. Почти полгода коллоидная взвесь сохраняла относительную прозрачность, но стоило ненадолго уехать, и все пошло насмарку.

Алхимия да и только!

Тухачевский не задумывался о том, какая сила привела его, точно какого-нибудь лунатика, в душный чулан. Восемь дней как он дома, но почему-то именно сейчас, среди ночи, вспомнил про свой злополучный эксперимент. Жизни не хватит, чтобы хоть на вершок приблизиться к цели. Сколько их было, увлеченных искателей, понапрасну сгоревших на этом костре. Смешно надеяться, будто можно чего-то достичь, работая вот так, урывками, от случая к случаю.

Даже для скрипки, и то не нашлось свободной минуты.

Иными заботами перегружена голова, совершенно иными. Клейменов вывез на полигон реактивный снаряд, заварилась очередная склока вокруг автоматического оружия, срывались сроки поставки танковой брони.

Тухачевский унес бюксу в кухню, погрел ее над газовой камфоркой и попробовал размешать осадок стеклян-

ной палочкой. Густые хлопья размазались по стенкам. Пришлось вылить протухшую жидкость в раковину. Неудача не слишком огорчила. Не до игры, не до кудесников италийских. Дни и ночи сгорают бездымным порохом. Светит, пробивается иногда сквозь беспрерывную круговерть мигающий огонек, как ни петляет дорога и ни кружит метель. И на том спасибо. «Я весь вышел из детства» — вроде бы так сказал Лев Толстой. Этим и жива душа человека. Нет ни детства, ни старости, пока не иссякнет поток, в котором, как струи ручья, переплетаются звуки и мысли. Великий старец верхом на «Делире», а рядом ты, маленький гимназист: яснополянское тихое утро, опустевшие поля, облетающие аллеи — это было и есть. И бабушка, и ее дом во Вражском, и лермонтовские Тарханы в девятнадцати верстах, и Андрей Болконский на поле Аустерлица. Мелодия ведет картины.

Она явилась прежде, чем стала понятна речь. Руки потянулись к медному изогнутому рожку до первых игрушек. Сначала была скрипка, а потом уже сабелька и деревянный конь.

Память — это ты сам, и все, что было и не было до тебя, и что будет или не будет после. Она безропотно отворит зачарованные чертоги, где вечно звучит грустная песня сверчка и свеча дышит горячим воском.

Так явственно, с таким щемящим очарованием выплывают мельчайшие подробности и, будто стеклышки в калейдоскопе, встают на свои места.

В тот вечер, вернее, в один из тех вечеров, нет — в те вечера, слитые музыкой воедино, отец и бабушка в четыре руки играли Шопена. За другим роялем сидел Шурик, а маленький Игорь листал для него клавир. В черном зеркале застекленного портрета, что висел над полкой нотных альбомов, дрожали язычки свечей. Он казался окошком в неведомый мир. Вдохновенный лик Антона Рубинштейна — бабка уверяла, что он играл на ее рояле,— скрадывала сумрачная глубина.

Внезапным порывом распахнуло форточку, и морозный ветер, задув канделябр, пронзил насквозь. И ничто не исчезло: ни ледяное дуновение, ни грохот крышки, ни отзвук дрогнувших струн. Их протяжно угасающий звук постоянно тревожит память. Прокрадываясь в неспокойные сны, томит провидческим ожиданием беды.

Игорек, обещавший стать выдающимся пианистом, не дожил до пятнадцати лет, умерла Надя, скоропостижно скончался отец.

Из всей семьи один Шура избрал карьеру профессионального музыканта. Поступив в консерваторию по классу профессора Гольденвейзера, неожиданно сменил фортепьяно на виолончель.

Как-то на концерте камерной музыки — играли «Прощальную симфонию» Гайдна — он признался, что дважды видел один и тот же сон: огни в черном лаке рояля, задутые ветром.

«В пятнадцатом году, когда от тебя долго не было писем,— брат запомнил дни.— А наутро Коля принес «Русское слово», и мы прочли, что подпоручик Тухачевский и поручик Веселаго взорвали мост в тылу у неприятеля. Никогда не забуду жуткие слова: «Судьба героев неизвестна». А герой сидел в немецком плену...»

На концерте они познакомились с Евгением Францевичем Витачеком, знаменитым скрипичным мастером, знатоком и ценителем старинных инструментов. Он и приобщил Тухачевского к загадке кремонских скрипок. Литература оказалась обширная, в пору шею свернуть, но знание языков помогло вычленить основное. Как отец, как братья, Тухачевский беззаветно верил в силу науки. Почему бы и не разгрызть орешек, на котором обломало зубы не одно поколение мудрецов? Из кадетского корпуса и юнкерского училища он вынес изрядные познания в химии, физике и математике, еще в детстве постиг столярное дело, свободно управлялся с токарным станком. Подобно царю-плотнику, начинать решил с самых азов. Терпеливо и тщательно подбирал подходящее дерево, резал, сушил, затем выпиливал заготовки, грунтовал их и склеивал, покрывал лаком. Сработанные им альты и виолончели медленно, но верно приближались к лучшим образцам.

Евгений Францевич ревниво следил за успехами ученика, и прошел не один год, прежде чем педантичный чех признал в нем мастера, почти равного себе.

«Изрядная вещь,— изрек он однажды, придирчиво опробовав новенькую виолончель.— Но до кремонской ей так же далеко, как и прочим».

Шура без лишних слов забрал инструмент себе...

Невеселые мысли лезут, однако, в голову.

Ночное, когтящее мозг сознание должно выливаться в сны. Не дело разгуливать по квартире в потемках, путаясь в воспоминаниях. Где быль, где небыль — не разберешь. Откуда эти задутые ветром огни? Свечи были

дороги, зажигали их редко, вечера коротали при керосиновой лампе.

Спать, и никаких гвоздей, спать.

Заснуть удалось перед самым рассветом. Разбудили глухие удары лома и мерзкий скрежет обитой железом лопаты. Ни свет ни заря дворник надумал скалывать лед.

Едва успел закипеть чайник, как позвонил Коля Жиляев: не терпелось поделиться открытием.

— Приезжай,— сказал Тухачевский.— Но только скоренько. Без четверти двенадцать я должен отбыть.

Немного некстати, но разве откажешь старым друзьям? Коля отличался особой душевной тонкостью, как все наивные люди, был глубоко раним. Одаренный музыкант и бескорыстный фантазер, он влюблялся не то что с первого взгляда, но даже понаслышке и картинно страдал на глазах театральной Москвы. У него ходили в приятелях тотошники и бильярдисты, официанты в «Астории» или, скажем, «Савое» почитали за честь красиво обслужить Николая Сергеевича. Жил он неустроенно, трудно, но артистическая безалаберность не замутила его восторженного преклонения перед идеалами революции.

Портрет молодого военачальника в краснозвездном шлеме висел у него в комнате на самом видном месте. Для Коли это была и память о восемнадцатом годе, и верность юношеским порывам. Он никогда не напоминал о своей причастности к легендарной судьбе. Именно в восемнадцатом Тухачевский вступил в партию. С будущим поручителем — революционером Кулябко — его познакомил не кто иной, как он, Николай Сергеевич Жиляев.

Тайная гордость выливалась в благоговейное обожание «демона революции». Неисправимый романтик посвоему понимал давнее, почти позабытое нынче сталинское высказывание.

Пока Михаил Николаевич находился в зарубежной поездке, Жиляев увлеченно копался в книгах. В «Истории скрипок» Мозера и в «Кремоне» у Нидерхейтмана ему попалось на глаза упоминание о сделке дома Гварнери с одним венецианским негоциантом, поставлявшим альпийскую сосну.

Гипотеза ослепила, как театральный софит. Для пущей уверенности Николай Сергеевич разыскал крупного специалиста по лесосплаву. Через знакомого замнарко-

ма добился приема и заставил себя выслушать. Специалист долго не мог понять, что от него требуется и какое вообще он имеет касательство к производству смычковых инструментов. Бурный темперамент Жиляева определенно вызывал в нем скрытое противодействие. Одна только мысль, что на лесоповале, где полно заключенных, будут ставиться какие-то опыты, могла лишить душевного равновесия. Когда же в конце концов выяснилось, что не требуется ни ответственных решений по отрасли, ни официальных заключений, ответработник позволил себе немного отмякнуть. Как человек просвещенный и не чуждый искусств, он с полным одобрением отнесся к новаторской идее по части вымачивания древесины в соленой воде. И подтвердил, что она, древесина, действительно способна обрести совершенно иные качества. Какие именно? Товарищу музыканту, конечно, виднее, он же лично не считает себя компетентным в вопросах акустики. Но сама мысль ему очень даже понравилась. Оперативная обработка сплавного леса — самое узкое место. Топляк и все такое... Из-за этого много претензий. О том же, что свойства материала могут улучшиться — мореный дуб, например,— никто и слушать не желает. Короче говоря, ценная инициатива. Стоит работать в таком направлении.

Жиляев ушел окрыленным. В магазине на Кузнецком мосту он приобрел контурную карту Апеннинского полуострова, по которой школьники упражняются в географии, и нанес на нее предполагаемый маршрут от итальянских Альп до Кремоны.

Николай Сергеевич церемонно поцеловал руку Нине Евгеньевне, скинул галоши, повесил пальто и, предвкушая торжество, направился прямо в кабинет.

— Вот! — он благоговейно опустил на стол свернутую в рулон карту.— Можешь забыть о грунтовке и лаках, Миша. Это был тупиковый путь.

— Возможно,— Тухачевский понял суть из телефонного разговора и не торопился с возражениями. Пусть Николай сперва изложит подробности.

— На этой схеме ты найдешь все, что нужно,— Жиляев развернул и разгладил свой свиток.— Тут были леса, где произрастали альпийские сосны,— он обвел мизинцем заштрихованный чернильным карандашом овал.— Может, они и теперь там растут, но это неважно... Отсюда бревна сплавлялись по горным речкам в низину. Видишь стрелочки?

— Почему ты уверен, что именно сплавлялись?

— А как иначе можно вывезти лес? По железной дороге, что ли?

— По льду, например, зимой.

— Ты это читал или нарочно так говоришь, чтобы сбить?

— Извини, Коля. Просто реплика по ходу. Пожалуйста, продолжай.

Жиляев умел рассказывать, фантазируя на лету. Взволнованно, ярко, с увлекательными подробностями. В университете города Падуя преподавал Галилей, морская вода излечивает дерево от грибка — не отличишь правду от вымысла. Скользя по извилистым контурам рек, он мотал головой, показывая, как вертятся в пенном потоке смолистые стволы и летят в вихре брызг в штормящее море.

— Черт знает сколько месяцев их будет болтать на гребнях Венецианской лагуны! — Коля поднимал завороженные глаза к потолочной лепнине и продолжал плести словесную ткань.— Рано или поздно отяжелевшие, пропитанные морской солью бревна выволакивают баграми на берег; рано или поздно они попадут в Падую. Ах, какой это город! Капелла дель Арена, фрески Джотто... Там их разделают, распилят на доски и благополучно отправят на баржах в Кремону.

— Против течения?

— Разве?.. Пожалуй, ты прав! Значит, дождутся зимы, когда на реке По установится санный путь. Подробности не имеют значения. Венецианская лагуна — все дело в ней! Когда пустоты между волокнами заполняются рассолом, сосна приобретает чудесную особенность. Вот где разгадка тайны!

Он никогда не был в Италии и вообще за границей. Но с каким упоением произносил магические названия: «Венецианская лагуна», «Падуя», «река По»! Словно воочию видел торжественный ход груженых парусников мимо дивных аркад и переплеск зеленых волн на мраморных плитах. Покачиваются черно-золотые гондолы, красавицы в масках перебегают по горбатому мостику через сонный канал. И все это не во времена оны — теперь.

Слушать было легко и грустно.

В прихожей затренькал звонок: Ваня Кудрявцев, шофер.

— Спасибо, Коля, необыкновенно интересно! Твою

гипотезу обязательно нужно проверить,— Михаил Николаевич незаметно взглянул на часы: Ваня прибыл минута в минуту.

— Опять опыты? Скучно и долго.

— А как же иначе?.. Впрочем, знаешь что? Отправлю-ка я тебя, братец, в Щелково, на наш химический полигон! Они там собаку съели на всем, что касается дерева. Поговори, посоветуйся...

— Думаешь, получится? — Жиляев машинально записал адрес полигона на обратной стороне карты.

— Должно получиться. Я им позвоню,— хлопнув себя по коленям, маршал встал, поправил портупейную пряжку.— Тебе куда?

— В филармонию.

— Тогда по коням. Я подвезу.

— Что там в Японии? — спросил Николай, громыхнув железной дверью лифта.— Это очень опасно для нас?

— Ты же читаешь газеты: военно-фашистский заговор. Вот и делай выводы. Конечно, опасно.

— Но мы начеку?

— Мы всегда начеку.

Сквозь стальную сетку шахты мелькали лестничные пролеты и окна: сумрак и свет.

21

Крупномасштабную карту демилитаризованной зоны первым вывесил у себя в ателье личный фотограф фюрера Гофман. На другой день она появилась в витринах дорогих магазинов Лейпцигерштрассе и Курфюрстендама. С часа на час ожидали официального заявления.

В клубе для иностранных журналистов было не протолкнуться. Особенно в баре, где вперемешку с корреспондентами толпились разговорчивые чиновники из министерства пропаганды и примелькавшиеся девицы. Прямо за столиками, уставленными пивными кружками, набрасывались строки корреспонденций. Слухи сходились на том, что в Рейнскую область будет направлено не менее тридцати тысяч солдат, и каждому хотелось передать новости первым, благо телефоны и телетайпы работали до глубокой ночи. Рейхсминистр Геббельс, в чьем ведении находился клуб, позаботился, кажется, обо

всем: рабочие комнаты с машинистками, газеты и журналы со всего мира, уютный ресторан с более чем умеренными ценами. Дежурные блюда: картофельный салат, свиные ножки, татарский бифштекс с желтком и мелко нарезанным луком — готовили ничуть не хуже, чем в «Адлоне».

Но сегодня ресторанная кухня не пользовалась особым спросом. Свирепо прокуренный бар притягивал истомившихся ловцов новостей, словно оазис в пустыне. Голод забивали галетами и подсоленной редькой, по-баварски. Ожидание невольно сближало людей. Позабыв про разумную осторожность, случайные соседи делились самыми смелыми предположениями. Сенсационные догадки рождались на пустом месте и тут же лопались, подобно пузырькам оседающей пены. Как всегда, кто-то не выдерживал и, торопливо исчеркав фирменную картонку, пропадал в дыму. Его провожали настороженные взгляды: «Неужели что-то пронюхал?» Слабонервные бросались к телефонам. Полностью подготовить корреспонденцию хватило выдержки у одного Ширера. Ему осталось только вписать в пустые места общее количество и названия вводимых частей и еще две-три официальных цитаты. Американец предлагал пари — пять против одного,— что уже завтра немецкие бронемашины пересекут демаркационную линию.

— Остановить Адольфа сможет лишь хороший щелчок по носу. Однако пока подобного храбреца не нашлось,— сказал он Брайну Остину из лондонского «Обсервер».— Поэтому все будет, как у него в «Mein Kampf», точно по писанию. Странная ситуация: гангстер честно предупреждает, чей банк и когда он собирается брать, но публика почему-то принимает его за шутника. Нет, лично я верю этому парню. Для шуток у него есть мистер Геббельс. Впрочем, и он рубит правду, когда захочет.

Остин согласился поставить десять марок, когда стало ясно, что сегодня уже ничего не произойдет.

Первый секретарь полпредства Евгений Гнедин проторчал в клубе почти до четырех часов. В сущности, безрезультатно хотя и не вовсе зазря. Осведомленный сотрудник МИДа проговорился (трудно судить — случайно или намеренно), что в верхах всю неделю шли напряженные совещания, но сейчас как будто достигнуто полное единогласие — фюрер завтра выступает в рейхстаге.

Гнедин исполнял обязанности пресс-атташе. Сведения, почерпнутые за кружкой, порой оказывались весьма кстати, а газеты «Правда», «Известия» и «Красная звезда» поступали в местный киоск прежде полпредства. Так что жаловаться не приходилось.

Докладывая полпреду, Гнедин подытожил свои ощущения:

— Нет дыма без огня, Яков Захарович, нервозность жуткая, определенно что-то готовится.

— Что именно, мы примерно догадываемся,— Суриц согласно кивнул.— Но насчет выступления Гитлера — любопытно. Это не блеф? По моим сведениям, рейхстаг соберется только на следующей неделе.

— Все возможно... Я специально проехал мимо, но не обнаружил особой активности. Здание не оцеплено.

— На сегодня, видимо, все,— полпред взглянул на часы.— Но будем готовы. По части сюрпризов они мастаки.

— Оповестят, надо думать, заблаговременно.

— Едва ли нацисты пойдут на попятную. Речь конечно же будет выдержана в резко антисоветских тонах. Как же иначе? Мне, полагаю, присутствовать не обязательно, а вы поезжайте. Личные впечатления тоже важны, Евгений Александрович.

— Но если он обрушится на нас с очередной порцией клеветнических обвинений, то...

— Действуйте по обстоятельствам,— на полуслове прервал полпред и сразу же заговорил о другом.— На днях ожидается прибытие делегации во главе с товарищем Бухариным проездом в Париж. Если понадобится ваше участие, я дам знать.

Сообщение в тот день так и не поступило. Заседание кабинета в рейхсканцелярии продолжалось до позднего вечера. Мнения насчет денонсации Локарнских соглашений разделились.

— Со всей ответственностью должен предупредить, что армия не готова оказать серьезное сопротивление французам,— Бломберг повторил прежние доводы.— Мы окажемся перед лицом превосходящих сил противника, что будет иметь самые пагубные последствия.

— Франция не выступит! — с уверенностью провидца заявил Гитлер.— Франсуа Понсе подтвердил это еще раз.

— Международная ситуация переменчива,— деликатно, но недвусмысленно Нейрат поддержал военного министра.— Вступление в Рейнскую зону вызовет непредвидимые осложнения дипломатического характера.

— А также финансового, — подсказал Ялмар Шахт.— Французские банки вкупе с англичанами могут перекрыть нам кислород.

— Я иду на осознанный риск! — Гитлер отмел возражения министров, поочередно окинув каждого напряженным взглядом.— Они проглотят эту пилюлю, можете не сомневаться. Меня не только не волнует, но даже радует франко-советский пакт! Голосование в палате продемонстрировало подлинную расстановку сил. Половина французов отказывается от союза с Россией и Чехословакией, вместе взятыми. Старая система союзов, таким образом, ничего не стоит. Мы предложим им новую! Мы пообещаем им двадцать пять лет мира и спокойствия! И, будьте уверены, они ухватятся за это!

— На днях должно состояться голосование в сенате,— Нейрат сделал последнюю попытку отсрочить решение.— Возможно, результаты окажутся более благоприятными.

— Бессмысленная потеря времени,— коротко прокомментировал Гесс.

— Мы и так слишком долго терпели,— поморщился Геббельс.— Ваши опасения унизительны, господа!

— Войны не будет,— Геринг одарил Бломберга кроткой улыбкой. Он был готов на все, лишь бы свалить упрямого осла. Он, второй после фюрера человек, вынужден терпеть указания такого ничтожества?! Не как президент рейхстага и рейхсминистр, разумеется, а всего лишь в качестве командующего «люфтваффе». Но суть от этого не меняется. Пердунов с Бендлерштрассе пора утихомирить. Гейдрих прав. Иначе не мы им, а они нам начнут диктовать политику. От одной только мысли об этом появлялась горечь во рту.— Сарро с Фланденом дали нашим друзьям торжественное обещание избегать конфликта,— объяснил он елейно.

— Вы полагаете, генерал, что я принимаю решения, не согласуясь с данными военной разведки? — обдуманно вспылил Бломберг. Полемизировать с Гитлером, обращаясь к Герингу, было несколько легче.— В стратегическом отношении мы не подготовлены к конфликту.

— Но и отступать никак нельзя,— сдерживая ярость, Геббельс пригладил хохолок на макушке.—

Дать отбой в такую минуту? Немыслимо! История не прощает трусости.

— По-моему, не стоит драматизировать ситуацию,— Нейрат сделал примирительный шаг.— Об отступлении не может быть и речи, тем более что нас не связывает точная дата. Господин министр пропаганды не должен ослаблять усилий, напротив, действия противника заслуживают самого решительного осуждения. Воля фюрера и судьба обязывают немецкий народ выступить на защиту своих неотъемлемых прав. И мы ответим на брошенный вызов, но в должный час... Когда окончательно будем готовы.

— Этот час пробил,— положив руки на полированный стол, Гитлер откинулся на высокую прямую спинку канцлерского кресла. Его свинцовые с желтизной глаза тронула влажная поволока.— Мы войдем в Рейнскую зону,— он всем туловищем повернулся к военному министру.— В случае малейшего осложнения войска будут тут же отведены назад. Но я уверен, что бог избавит нас от этого испытания.

— Судьбоносное решение! — проникновенно выдохнул тучный Геринг.

— Риск без риска,— благодарно отреагировал Геббельс, вновь оглаживая безмерно далекий от нордической олихоцефалии череп.— Уловка Зигфрида.

— Ну что скажете, *генерал?* — мстительно усмехнулся Геринг.

Бломберг беспомощно оглянулся на Шахта и Нейрата, но не получил поддержки. Коллеги сидели, опустив глаза. Ход фюрера можно было расценить как угодно: дерзкий, рискованный, беспринципный, но он разом кончал всю партию.

«Шулер, который ловко выбросил кости»,— нашел наконец подобающее определение военный министр. Он просто не знал, что ответить. Фюрер мыслил в четвертом измерении, вне привычных понятий. Соглашаться с ним было столь же унизительно, как и спорить. Но молчание опасно затягивалось. Пришлось согласиться.

— Если есть на земле человек, выражающий интересы всего народа, то этот человек — я,— сказал Гитлер.— Меч всегда решал в конечном счете.

Члены кабинета, отдав прощальный поклон фюреру, покинули длинный с прямоугольными колоннами зал. Герингу удалось пересидеть всех, даже Гесса, который никак не мог оторваться от своих бумажек. Министр без

портфеля для пущего сосредоточения обычно чертил человечков. На сидении его обитого огненной кожей стула с тисненным золотом имперским орлом остался забытый листок с каракулями. Геринг так и не решился его подобрать.

— Я удивлен поведением генерал-полковника Бломберга, мой фюрер. Мне еле удавалось себя сдерживать.

— Будем терпеливы к слабостям ближних,— Гитлер был явно не расположен к беседе.

— У слабостей тоже имеются границы,— Геринг все же решил воспользоваться моментом.— Генерал-полковника Фрича, к примеру, полиция засекла на очень некрасивых вещах. Прямо-таки омерзительных для германского воина. Теперь, когда...

— Вот именно — теперь! — сцепив руки внизу, Гитлер переступил с ноги на ногу и, поскрипывая нерасхоженными подметками, направился во внутренний покой.— Не создавайте нам лишних трудностей,— сказал вполоборота.— Уймите вашу полицию.

Снова на карту поставлено все — судьба Германии и его собственная судьба. На краю ночи. Воля и представление — в единый порыв. И будет так!

Утром в канцелярию Нейрата были приглашены послы Англии, Франции, Бельгии и Италии. Вручая правительственный меморандум, министр иностранных дел был предельно краток:

— В силу вышеизложенного имперское правительство заявляет об отказе от Локарнских соглашений и о незамедлительном занятии Рейнской зоны германской армией.

По сути это была вербальная вариация официального текста:

«В интересах естественного права народа защищать свои границы и сохранять свои средства обороны германское правительство восстановило с сегодняшнего дня полную и неограниченную суверенность империи в демилитаризованной зоне Рейнской области».

Подняв на каски очки, мотоциклисты в кожаных куртках уже неслись по мокрому шоссе мимо колышков, к которым были подвязаны черные перезимовавшие лозы. Толпа на раскисших обочинах с визгом и хохотом шарахалась от холодных брызг. На площадях возле ратуш стояли бочки с рейнским вином. В кипящих чанах

поспевали сосиски. Девы в вязаных шапочках и пестрых передничках забрасывали солдат подснежниками. Местные штурмовики обеспечивали порядок. Выбросив руки, кричали: «Хайль!» Бургомистры в последний раз пробегали глазами торжественные речи. Но моторизованные колонны продвигались без остановок.

За полчаса до начала операции поступил приказ: в случае появления французских войск боя не принимать и немедленно отступить на свою территорию.

Пока кругом были только свои. В небе кружили эскадрильи «юнкерсов» и «мессершмиттов». Офицеры в закрытых «хорьхах» и «опелях» облегченно перевели дух. Пехотные полки, зенитчики и авиационные части беспрепятственно вступили в Кельн, бронетанковые части — в Майнц и Франкфурт-на-Майне.

В журналистском клубе раздавали долгожданный меморандум.

— Не волнуйтесь, господа,— успокаивал уполномоченный по печати Дитрих.— Хватит на всех.

Основная вина возлагалась на Францию, которая первой нарушила локарнские обязательства, подписав договор с Советским Союзом. Тем не менее германское правительство заявляло о своей готовности заключить с Францией и Бельгией пакт о ненападении сроком на двадцать пять лет. Мирные заверения занимали добрую половину текста: предложение воздушного пакта, даже возвращение в Лигу Наций, «если вопросы о колониальном равенстве и об отделении пакта Лиги Наций от Версальского договора станут предметом дружественных переговоров».

— Только начал в Европе и уже лезет в Африку,— ухватил самую суть Уолтер Ширер.— Не с Абиссинии началась мировая война. С поджога рейхстага. Нас ждут веселенькие деньки.

Забрав свои десять марок, он поехал в оперу Кролля, дабы загодя занять место в ложе прессы. Пригласительный билет, полученный в министерстве пропаганды, лежал у него в кармане.

— Речь фюрера будет транслироваться по радио на весь мир! — оповестил Дитрих.

Для тех, кому отказали в билете, это было слабое утешение. Каждый мечтал быть причисленным к избранным. Суетное стремление, обостренное тайным воз-

действием чужой и враждебной среды. Опасный газ ее проникал даже сквозь фильтры неприятия, незаметно смещая акценты. Не у всех, но у многих. Молотом по наковальне била в виски звенящая мысль, что именно здесь, в столице «тысячелетнего рейха», выковывается завтрашний день мира; сверкающий сталью и ужасом, в дыме и пламени. Минуя критические барьеры рассудка, тотальная пропаганда вползала в глаза и уши. Неподконтрольно претерпевала метаморфозы податливая глина инстинкта. За партиями стоят определенные группировки, за движением — аморфная масса. Логика и рассудок — выкрутасы мирового еврейства. Толпой управляет священный инстинкт. Четко организованные пространства цвета: красное, белое, черное. Броскость плаката, сведенного к примитиву. Хлесткая доходчивость лозунга, вбиваемого в голову повсеместно и ежечасно. Газеты, радио, транспаранты, афиши, спичечные коробки и картонки в пивной — всюду одни и те же комбинации ненароком заученных слов. Просочившись внутрь, они и возникали изнутри при случайном взгляде, при беглой ассоциации. Словно непроизвольный отклик души, сдавленной твердеющей коркой. Первозданную глину ожгло огнем. Огненный знак — знак движения. Факельцуги, парады, армейский строй.

«Один рейх, один народ, один вождь!»

И ясен прямой путь, и проста конечная цель, сведенная к тотальной единице: Европа, Мир, Вселенная!

Нет цели светлей и желаннее:
В осколки весь мир разобьем!
Сегодня мы правим Германией,
А завтра всю землю возьмем.

Ангельские личики умытых, прилизанных мальчуганов в коротких штанишках, с кинжалами на бедре. Высокий, солирующий в солнечное небо дискант: «Герма-а-а-ни-и-е-е-е-й»...

И слезы умиления на глазах.

И уже берут, берут. Под бой барабанов на трехцветной перевязи. Под грохот оркестров. Под украденную мелодию:

Когда граната рвется,
От счастья сердце бьется!..

Шаг, шаг, шаг. Равнение голов. Согласованный взлет барабанных палочек.

Медсестры в форменных пелеринах — строем. Горняки в черных мундирах — шеренгами. Девушки в одинаковых блузах — в ногу.

Флюиды экзальтации атмосферным электричеством растекались по воздуху.

Цепи «трехслойной» охраны: полиция, штурмовые отряды, СС — взяли в кольцо оперный театр. Обезображенный пожаром старый парламент — отсюда до него было метров триста — сиротливо просвечивал арматурой прогоревшего купола. В ту достопамятную ночь Геринг пошутил, что опера важнее рейхстага, и сбылось по слову его. К ремонту так и не приступили. Поговаривали, что гауляйтер столицы Геббельс собирается перенести на новое место памятник Бисмарку вместе с сопровождающими фигурами: дородной Германией, Атласом и Зигфридом, что тяжким млатом ковал неустанно государственный меч.

Охрана стояла по всему маршруту, которым должен был проследовать сопровождаемый мотоциклистами открытый кабриолет вождя. Это была его счастливая выдумка, по сей день вызывавшая восторженный трепет. На тротуарах негде было повернуться. За спинами рослых эсэсовцев стояли сбитые в плотные отряды бойцы трудового фронта, трамвайные кондукторы, немецкие девушки и прочие представители корпораций. Неорганизованная публика, заполнив промежутки, была отжата к стенам домов. Прорваться на Вильгельмштрассе, Унтер ден Линден или ведущую к опере аллею за Бранденбургскими воротами почитали за счастье. Только бы увидеть *его*, хоть одним глазком! Бросить букет, выкрикнуть здравицу. Находились и простаки, чаявшие вручить прошение. Бывали случаи, когда какой-нибудь истеричке с цветочками удавалось пролезть через оцепление. Один старик даже выскочил на дорогу и сунул-таки письмо бдительному адъютанту. Эпизод попал в кинохронику. Весь рейх пришел в умиление, хотя коекому крепко надавали по шее. Словом, незапланированные инциденты были нежелательны. Агенты в штатском нервно поглядывали по сторонам.

«Каждому свое». Старый девиз прусского ордена Черного Орла незримо витал и над бывшим Королевским театром. Проверка документов следовала на каждом шагу. Режимный порядок включал в себя неукоснительную регламентацию.

За полчаса до начала действа театральный зал за-

полнили депутаты и гости. Видные промышленники, чиновники министерств и партийные функционеры заняли кресла в партере. Правое крыло первого яруса заполнили генералы и адмиралы. Все явились в парадной форме и при полных регалиях. Депутаты в подавляющем большинстве тоже были в мундирах различных ведомств. Преобладали коричневые рубашки штурмовиков и черные с серебром френчи эсэсовцев. С выборами было покончено. Нынешние законодатели империи назначались приказом фюрера и получали жалованье из партийной кассы.

Дипломатический корпус расположился в ложах бельэтажа. В верхние ярусы пропускали по гостевым билетам. Там же находилась и иностранная пресса. Почти все места, отведенные дипломатам, были заняты. Отсутствие послов Франции, Англии, Советского Союза и Польши сразу бросалось в глаза. Чехословацкий посланник Войтех Мастный, однако, на обструкцию не решился.

На сцене, где распластала длинные крылья птица с крючковатым крестом, возвышались правительственные скамьи.

Предгрозовое затишье пронзил визгливый возглас: «Фюрер!» Из оркестровой ямы грянул марш. Грохот откидных сидений и стук каблуков слились с барабанным боем. Рейхстаг приветствовал Гитлера громом Вотана. Под рев троекратного «хайль!» сопровождаемый Гессом и Герингом, он пересек сцену; повернувшись к залу, вскинул руку к плечу. На нем были сапоги, подпоясанную солдатским ремнем блузу штурмовика скромно украшал «Железный крест».

Когда зал несколько приутих, фюрер, раскланиваясь и пожимая руки, деликатно опустился на крайнее место в первом ряду.

Тучный Геринг молодцевато взбежал на самый верх и плюхнулся в тронное кресло.

Справа от фюрера сидел президент национал-социалистской ассоциации правоведов Франк, за ним — Нейрат, министр юстиции Гюртнер и Геббельс. Стиснув виски, министр пропаганды вчитывался в речь фюрера. Шахт и прочие члены кабинета расположились в следующем ряду, а у подножья трибуны изготовились к записи стенографистки и референты во главе с Дитрихом. Перед ним тоже лежала машинописная копия речи. В его задачу входило следить за возможными изменения-

ми. Ни одно слово, ни единая пауза не должны были пропасть втуне.

Из зала жадно следили за малейшими перипетиями пантомимы. Взгляды, кивки, движения губ — все вызывало жгучий интерес. Словно приоткрывались таинственные покровы, и можно было что-то угадать, вычислить, прочитать по лицу. Завораживало ощущение приобщенности к непостижимой магии власти.

Угадав момент кульминации, Геринг спустился с Олимпа и открыл внеочередное заседание рейхстага.

— Мой фюрер! Я приветствую вас в этих священных стенах от имени германского народа! — провозгласил он, вызвав новый прилив восторга.

Речь началась сравнительно спокойно. Поправив галстук, заколотый партийным значком, Гитлер скучающим тоном повторил уже известный всем меморандум. Несмотря на хорошую акустику, его скрежещущий голос то возвышался, то падал до едва различимого шепота. Все развивалось по отработанному сценарию. Гортанный скрежет постепенно усилился, окреп, движения обрели порывистость. Бурно жестикулируя правой рукой, оратор принялся загибать пальцы. Их явно не хватало для подсчета чужих прегрешений и собственных обид. Пришлось пустить в дело другую руку. Теперь он хватался за голову, горестно раскачиваясь на трибуне, словно на палубе тонущего корабля. Судорожно сжав кулаки, метал угрозы, пока неопределенные.

Первые упоминания западных демократий, еврейства и международного коммунизма высекли искры праведного негодования. Срываясь на крик и впадая в неистовство, фюрер буквально гипнотизировал замерших слушателей. Казалось, между ним и аудиторией натянуты токопроводные жилы. Посылая будирующий сигнал, он как бы заранее предугадывал отклик. Резкие переходы вызывали внезапный хаос, приостановку дыхания, когда обескровленный мозг, не понимая слов, дрожит от заряда ненависти. В нужный момент, как на арене с хищниками, изготовившимися к прыжку, следовал громкий хлопок бича. Враг назван по имени, эпохальные задачи определены. Лозунг, ставший неотъемлемой субстанцией естества, воспринимался как откровение. Перекрывая шквал оваций, оратор давал полный выход эмоциям. Он гримасничал, буйствовал, топал, сотрясая микрофоны, и брызгал слюной. Словно шаман или медиум, которым завладели злобные духи. Казалось, вот-вот

начнется припадок падучей с пеной и закатыванием глаз.

Артистически дирижируя настроением публики, Гитлер пускал в ход тщательно отработанные приемы. Даже импровизируя, не терял над собой контроля. Он увлекался, упоенно фантазировал, искренне наслаждаясь вдохновенной игрой, но не отступал от партитуры. Выдав незапланированный пассаж, он наклонялся к референтскому столику и давал указания насчет стенограммы. Справившись по тексту, Дитрих тут же вносил соответствующую поправку. Иностранные корреспонденты понимающе ухмылялись, дипломаты сидели с каменными лицами.

Маскируя вынужденные перерывы глотком воды, фюрер отбрасывал упавшую на лоб косую челку. Иногда он улыбался, приводя курьезное, по его мнению, высказывание зарубежной печати. Оскал разгоряченного, издерганного гримасой лица выглядел жутковато.

Угрозы в адрес Москвы прозвучали в один из таких моментов «просветления». Выбрасывая обвинение за обвинением, рейхсканцлер долго не мог остановиться, наверное, и сам не знал, как закончить длинный период, где концы никак не вязались с началом. Возможно, поэтому его обличения приобретали все более грубый характер.

Артобстрел франко-советского договора — Гнедин засек время — продолжался пятнадцать минут. Заметив, что на него поглядывают, Евгений Александрович поднялся и с обдуманной медлительностью покинул ложу.

Примерно в это самое время возвращались на базу самолеты, демонстрировавшие над Кельном.

Оратор между тем, не затрудняя себя риторическими согласованиями, с места в карьер обрушился на Чехословакию. На сакраментальных словах о «жертвах, приносимых немецким народом на алтарь отечества», он прослезился и впал в меланхолию. Полуторачасовую речь увенчал маловразумительный мистический бред. С трибуны сошел обессиленной сомнамбулой, кусая посеревшие губы.

— Как вам представление, сэр? — остановил своего посла Ширер на выходе из зала.— Я так понял, что следующая на очереди Прага?

— Больно было смотреть на Мастного. Всякому ясно, что маленькая страна, которая насчитывает всего четырнадцать миллионов населения, не нападет на Герма-

нию... Абсурд! А это неуемное восхваление нацистской культуры? Неужели канцлер настолько фанатичен, чтобы считать культурой нацизм?

Когда они вышли наружу, Гитлер уже уехал. Солдаты весело разбегались по своим грузовикам.

— Вот это охрана! — покачал головой Ширер.— Всего хорошего, сэр.

К Додду подошел голландский посланник Лимбур-Стирул.

— Господин Понсе, кажется, выедет сегодня для доклада в Париж, а русскому и чехословацкому представителям, возможно, придется просить отставки.— Голландский аристократ все еще мыслил категориями старой Европы.

— Нападки Гитлера, несомненно, отличались крайней воинственностью,— согласился американец. «Но до отставки не дойдет,— решил он.— Не те времена».

22

Вдоль и поперек Витезлав Незвал исходил древний мистический город, где каждая улочка, каждый помеченный терезианским знаком фасад читались как главы зашифрованной книги.

Дом «У Солнца», дом «У Луны», дом «У Звезды», дом «У Трех Скрипок» — астрологическая симфония, музыка сфер, запечатленная в стенах. Дремотные грезы былой имперской столицы, заброшенной в непонятный двадцатый век.

В саду Кинского на Малой Стране проклюнулись крокусы. Согретая весенним солнцем, зацветала герань на террасах. Будет славно посидеть там за чашечкой кофе. В «Финале» его варят по-особенному, добавляя в помол маслянистые ядра грецкого ореха. И подняться потом к Лоретанской площади, где желтые арки опутаны старой лозой. Под колокольный звон недурно идет «Пльзенское» в тенистом садике у костела. А пообедать можно в «Наполеоне» или лучше «У Голубов», без затей: свинина с кислой капустой и кнедлики в грибном соусе с изюмом. Потом зайти в пропахшее гипосульфитом ателье Владимира Мотычки и поболтать о «проклятых поэтах», об оккультизме, а после заглянуть в лавку Чопича и всласть порыться в стопках старинных гравюр.

Хладом и сыростью тянет из сумрачных подворотен. Лязгают подковы по мостовой. Колбасники выгружают дымящийся зельц. Пекари таскают плетеные корзины с подсоленными рогаликами. Катятся бочки по наклонной доске. Грохочет, нещадно пыля, брикет в железных бункерах.

Нет, этого ничто не объяснит!
Ни красота, ни стиль своеобразный,
Ни Пражна Брана, ни площадь Староместская,
ни Карлов мост,
Ни древняя, ни молодая Прага —
Ничто — что можно осязать, что можно строить
или разрушать руками.
Нет, этого не объяснят преданья старины и красота
неповторимой Праги.
Такой на свете не было и нет, разрушив даже, ты ее
не уничтожишь.
Поэзия ее сложна, но при стараньи ее всегда
угадываю я,
Так мы угадываем мысли женщин, которых любим.
Нарисовать иль описать тебя никто не сможет,
И зеркала к тебе не поднесешь,
Я не узнал бы в зеркале тебя, и ты б сама себя
в нем не узнала.

В многоголосом верлибре проступает прерывистый центростремительный ритм. Дребезжат голубые трамваи, спускаясь с Виноград к музею, тяжелые фургоны ползут по Нерудовой и Лобковицкой, трещат моторы, изрыгая сизую гарь, на подъездах к Чернинскому дворцу.

Глядя на чешую двушпильных башен, на кресты колоколен и купола, видя их и не видя, поэт ощущает город в целом от Петршина до Градчан.

В автомате «У Короны», близ остановки автобуса, холодный «Праздрой» и нарезанная тончайшими ломтиками ветчина. Свиные ножки с влашским салатом в кафе «У Гусыни». В Кобылисах, где конечная остановка трамвая, горячие сосиски вкусно припахивают дымком. Обособленные миры. Не сливаясь друг с другом, они сосуществуют под одним небом, где весело кувыркается одинокий биплан. И у каждого своя тайна, свой особый язык, своя мелодия, свой неповторимый размер.

Незвал давно сбился с излюбленного маршрута от площади Короля Иржи до Фохова проспекта (через

Жижков и Карлову улицу, мимо суровой Прашна Браны, к Вацлавской площади). Поигрывая тростью, заглядывал в каждый укромный уголок, присаживался на скамейки, прижимаясь щекой к шершавой известке, вслушивался в смутный лепет заплутавших столетий.

По зову чужой памяти, по капризу нетерпеливого сердца, стремившегося разом объять все, он сворачивал в темные переулки, узкими лазами забредал во внутренние дворы и кружил в лабиринте брандмауэров и подворотен, пока не подворачивалась спасительная пивная, где можно было перевести дух, набросав на картонной подставке примерещившийся шаманский бред.

Часть представляла целое. В полете над временем и пространством перемещались века и кварталы. Старо-Новая синагога придвигалась к ограде костела Святого Штефана, Злата улочка непостижимо втекала в Кампу, и белый восьмиконечный крест на брусчатке у Клементинума, как роза ветров, осенял любые пути. И размыкались стены, и наплывали башни, словно под каждым камнем, как у Голема под языком, таился чудодейственный шем рабби Лёва. Вот и хрустальный магический шар на черном блюде в витрине книжного магазина. С мечтательной улыбкой на круглом лице, сохранившем удивление детства, поэт долго вглядывался в глубины литого стекла и, шевеля губами, беззвучно беседовал с толпой обступивших его теней.

Репетиция в театрике «На Слуни», где они с Ярмилой Гораковой готовили «Депешу на колесах», назначена на четыре. Значит, вся Прага и все время вселенной принадлежит ему одному.

Прыснув, проскочила мимо чудаковатого толстяка тройка либеньских модисточек, седоусый пан в котелке, узнав знаменитость, почтительно обогнул тротуар. И только художник Йозеф Чапек не преминул остановиться рядом, отсалютовав точно такой же тростью.

— Сервус!

— Над чем работаете? — вежливо поинтересовался Незвал, возвращаясь на землю.

— Все валится из рук,— вздохнул Йозеф.— Карел считает, что через год-другой Гитлер начнет войну. Быть может, это последняя наша весна.

— Не все так мрачно. Мы не одни в этом волчьем мире. С нами Советский Союз.

— Саламандры беспощаднее волков,— художник отрицательно покачал головой.— Они уже кромсают

сушу и мечут, мечут свою поганую икру,— и пошел своей дорогой, глянув мельком на кружащий над крышами самолет.

Роман брата «Война с саламандрами» он прочитал еще в рукописи и твердо знал, что все будет именно так: недомыслие и беспечность одних, трусость других и предательство третьих.

На подходе к Народному дому Незвал купил свежий выпуск «Право лиду». На первой полосе красовался Конрад Гейнлейн в открытом автомобиле, окруженный беснующейся толпой: оскаленные физиономии, вздернутые в нацистском приветствии руки. Рядом выразительные заголовки: «Итальянские бомбардировщики над Эритреей», «Военный парад в Кельне», «Нападение эсэсовцев на полицейский участок в Вене» — одно к одному. Что и говорить, новости неутешительные. Фашистская мразь обосновалась в собственном доме. Республика в смертельном капкане.

Но есть на земле Москва! Есть Сталин. Рабочий Париж и рабочий Мадрид. Международная пролетарская солидарность.

Часы на площади у ратуши отчетливо и протяжно пробили двенадцать. И показались апостолы в окошках, осеняя Солнце, Луну и зверей зодиака, и смерть трясла колокольчиком над завороженной толпой зевак.

На излюбленной Платнержской улице, где раз в сто лет просыпается спящий рыцарь и молит прощения у загубленной им девицы, Незвал постоял перед железной фигурой безутешного латника и, следуя закруглению мостовой, сам того не желая, очутился возле «Зеленой Лягушки». В тесном просвете домов приоткрывалась усеченная перспектива Майзловой и виднелась утопающая в тени Капрова улица. Красная лавка старьевщика, дом времен Марии-Терезии и, замкнув заколдованное кольцо, угрюмая Новая ратуша. И не видно трамваев, и редкая машина вспугнет задавленным всхлипом клаксона шелестящую тишину. Она отстаивается в замкнутом пространстве, как вино, набирая терпкость и аромат. Покрытая изумрудной глазурью лягушка висит головой вниз на шершавой стене.

После того как обезглавили чешских панов на Белой горе, трактир перешел в собственность Яна Мыдларжа — палача, и кончились бесшабашные ночные пирушки. А прежде, говорят, тут было куда как весело. И король Вацлав Четвертый засиживался за кубком мальвазии до первых петухов.

Пройдя вдоль еще ненакрытых столиков к стойке, поэт почувствовал на себе взгляд солидного господина, расположившегося возле забранного решеткой окна.

— Не узнаете? — тот привстал, сделав приглашающий жест.— Карел Новак.

— Добрый день, пан доктор,— Незвал не без труда вспомнил соседа по столу на прошлогоднем обеде в президентском дворце.— Я-то вас сразу узнал, но когда имеешь дело с политической полицией, то не знаешь, что лучше: раскланяться или сделать вид, что не заметил.

— Ценю вашу деликатность, метр.— Новак благодушно фыркнул в усы.— Но, право, она совершенно лишняя. Все-таки я министриальдиректор и в ресторанах, так сказать, не работаю... Окажете честь присесть? Вина, рома?

— Рюмочку «Бехеровки» с вашего позволения.

— Читаете социал-демократические газеты?

— Все, что под руку попадет.

— А как же партийная дисциплина?

— У вас превратное мнение о коммунистах.

— Простите, я просто пошутил, и видимо неудачно... А скажите, пан Незвал, сюрреализм укладывается в рамки партийной программы? Я так слышал, что в Москве в ходу только социалистический реализм... Кстати, не растолкуете, что это такое? Сюр — это я еще понимаю. Аполлинера так даже люблю. «Сосцы Тиресия» не без интереса смотрел, а вашу «С богом и платочек» чуть ли не наизусть помню. Как это?.. «Некто выражает всю правду тем, что ловко ее замалчивает». Здорово сказано. В Москве за такое по головке бы не погладили.

— Эх, пан доктор! Вместо того чтобы как следует прижать доморощенных фашистов, вы только и делаете, что клепаете на Москву. А Советский Союз, между прочим, главная наша опора.

— Хотелось бы верить,— Новак вздохнул с непритворной печалью.— Вы и в самом деле думаете, что Советы смогут защитить нас от Гитлера?..

— Не я один, пан доктор. Иначе бы президент республики не подписал тот договор. Это, если желаете, реализм эпохи. Не их социалистический, не ваш буржуазный, не мой революционный сюрреализм. Просто реализм, одинаково понятный всем здравомыслящим людям. Иного не дано.

— Тогда да здравствует Москва!.. Кстати, Клемент Готвальд недавно оттуда. Он, я знаю, очень вас ценит. Вероятно, вам больше, чем мне известно, как там нынче обстановка, в Москве?..

— Не совсем понимаю вас, доктор Новак,— настороженно нахмурился Незвал.— О чем вы?

— Скажите мне только одно, как чех чеху: в Кремле не ожидается резких... как бы это точнее выразиться... перемен? Вроде того, что случилось в Смольном?

— Извините, но ваш вопрос я считаю провокационным! — Незвал побагровел и, бросив на блюдечко крону, встал, чуть было не опрокинув стул.

— Я вовсе не хотел обидеть вас, метр! — Поморщившись, как от боли, Новак сделал попытку удержать его, но лишь бессильно уронил руки.— Да я свечку готов поставить за здравие Иосифа Сталина! Лишь бы... Словом, простите, я вел себя, как последний идиот. И это единственное доказательство моей искренности.

— Прошу извинения, но у меня дела,— поэт рванулся к лестнице, негодующе взмахнув тростью.

Доктор Новак остался сидеть над тарелкой остывающего гуляша. Нехотя ковырнув вилкой размокший в красной подливке кнедлик, спросил еще одну рюмку ямайского рома.

Вечером он нанес визит Хуберту Рипке — доверенному лицу президента.

— У меня сегодня выдался прелюбопытный день,— взяв предложенную сигару, Новак поудобнее расположился в глубоком кожаном кресле.— Из кругов русской эмиграции стало известно, что в Москве намечается нешуточная заварушка. Как бы нам не пролететь с этим договором.

— Что ты имеешь в виду? — насторожился Рипка.

— Есть серьезные указания на подготовку государственного переворота. Во главе заговора стоят, надо полагать, крупные военачальники. Возможно, маршал Тухачевский или даже сам Ворошилов. Их основной целью является военная диктатура и последующий союз с Германией. Это, как ты понимаешь, предполагает устранение Сталина, Литвинова и других деятелей нерусской национальности.

— Звучит фантастически, не находишь?

— Отнюдь. Положение в СССР крайне нестабильно.

Не случайно же они до крайности ужесточили наказания за террор, саботаж и прочие прелести! Смертные приговоры выносятся пачками и тут же приводятся в исполнение. Не от хорошей жизни, я полагаю... Ты ведь получаешь обзоры прессы? Сообщения о раскрытии очередного широкомасштабного заговора следуют чуть ли не год за годом. Политические убийства, диверсии, разоблачение шпионов — все это неотъемлемые черты коммунистической яви. К сожалению, должен добавить, ибо, положа руку на сердце, на Францию надежда плоха... Одним словом, я не нахожу ничего фантастического в том, что на сей раз мы действительно можем столкнуться с фактом смертельной борьбы за власть.

— Допустим, ты прав,— Рипка швырнул недокуренную сигару в камин и прошелся по кабинету.— Но при чем тут национальное происхождение? Насколько я знаю, это никак не совместимо с принципами Коминтерна. У них этот вопрос вообще не стоит.

— Все переменчиво под луной, старина... Впрочем, я не настаиваю на подобной интерпретации. Это всего лишь версия, притом не моя.

— В том-то и дело, что почерк слишком явно выдает автора. Об умонастроении белой эмиграции ты знаешь лучше меня. Не кажется ли тебе, Карел, что твои источники выдают желаемое за действительное?.. Если, конечно, не хуже.

— Ты имеешь в виду...

— Именно,— Рипка гадливо поежился,— грубую политическую провокацию, причем инспирированную Берлином. Мне трудно поверить в возможность сближения между нацизмом и большевизмом.

— Национал-большевизм! Существенное уточнение, между прочим... Национал-большевизм, с одной стороны, и национал-социализм — с другой. Здесь могут обнаружиться самые неожиданные точки соприкосновения. История любит крутые повороты. Вспомни хотя бы Рапалло... Для всех это было, как снег на голову. А почему, спрашивается?.. Потому что идиоты. Никогда не надо считать других глупее себя. И немцы, и русские чувствовали себя изгоями, париями, что и толкнуло их в объятия друг другу. К полной взаимовыгоде, заметь. Генштабы обеих армий научились превосходно сотрудничать. Русские предоставили рейхсверу прекрасные полигоны внутри страны и помогли Веймарской республике воссоздать военную мощь в обход Версаль-

ского договора. С другой стороны, красные командиры получили должную подготовку в немецких военных школах. Так что почва для флирта есть, и достаточно прочная. До конца тридцать второго года в Россию шли через Польшу составы с военным снаряжением, включая боеприпасы для стрелкового оружия. Учти, что люди остались на своих местах как в Москве, так и в Берлине, разве что получили очередное повышение. Лично я не удивился бы, узнав, что они возобновили контакты.

— Ты хочешь сказать, что переворот в кремлевских верхах может быть поддержан из Берлина?

— Мой информатор выдвинул именно такую версию. Более того, не исключена и ответная любезность: содействие военной разведки Красной Армии в устранении Адольфа Гитлера. Иначе говоря, речь идет об установлении режимов военной диктатуры, которые незамедлительно вступят в тесный союз. Если хищники объединятся, то европейские демократии окажутся в еще более трудном положении... Говоря объективно, своим пактом с Москвой мы подталкиваем события именно в таком направлении.

— У тебя слишком пылкая фантазия, Карел... Признавайся честно, зачем ты пришел ко мне?

— Посоветоваться, если хочешь, просто облегчить душу... Мне страшно, Хуба. Понимаешь?.. Страшно за нас с тобой, за наших детей, за республику. Поступили сигналы, причем достаточно серьезные, но я не могу, не имея достаточных фактов, обратиться к нему.

— А я могу? Президент размажет меня по стенке и будет прав... Если хочешь знать мое мнение, то я не верю фантасмагориям. Они хороши для бульварных романов, но не для серьезной политики. Политика так не делается.

— Может, скажешь тогда, как делается политика?.. В одну прекрасную ночь поджигают рейхстаг, в другую, не менее романтическую,— вырезают политических оппонентов. Это не для бульварного романа?.. В Москве тоже кое-что наводит на размышления. Взять хотя бы полную смену караула в Коминтерне. Троцкий кочует в поисках пристанища по Европе, Зиновьев и Каменев сидят за решеткой. Не слишком ли много для одного выстрела в Смольном?

— Ты валишь все в одну кучу. Троцкого выслали значительно раньше. Идеологические разногласия в чистом виде.

— Пусть так, хоть я и плохо разбираюсь в тонкостях большевистской идеологии. Однако уверяю тебя, перемены и здесь не за горами. Раз меняются люди, значит, меняется курс. Идея построения социализма в отдельно взятой стране уже знаменует определенный отход от вселенской церкви, поворот в национальное русло. Почему бы не повернуть штурвал еще более резко? В подобной обстановке всегда находится некто, готовый подтолкнуть процесс в желаемом для себя направлении... Кстати, возвращаясь из Парижа, Тухачевский пытался во время кратковременной остановки в Берлине связаться с высшим немецким руководством.

— Сведения из того же источника?

— Нет, по другим каналам. Геринг в доверительной форме сообщил это заместителю министра иностранных дел Польши.

— Ах, Геринг! — почти весело воскликнул Рипка, ударив себя по колену.— Тогда все ясно! Гестапо ведет игру против России, причем топорную, коль скоро тут замешан этот господин. Мой тебе добрый совет, Карел, выкинь это из головы, если не хочешь попасть в глупое положение.

— Без всякой проверки? Нигде ничего не фиксируя?

— Насколько я тебя знаю, так вопрос не стоит. Выкладывай, что там у тебя еще есть.

— Пока только след, ведущий опять-таки в Варшаву, к бывшему посланнику Украины в Веймарской республике. Если бы можно было, минуя промежуточные инстанции, поручить нашим послам в Москве и Берлине немножечко прояснить обстановку, я был бы крайне признателен.

— Интересно, как ты себе это представляешь: прояснить обстановку? — сцепив на затылке пальцы, Рипка задумчиво уставился в потолок.— Непростая задача. Причем без малейшей надежды на успех. Но я все же подумаю.

— Эх, если бы удалось вот так же, по душам, как чех с чехом, поговорить с Готвальдом! Чертовски важно знать, что там у них в Коминтерне, в Кремле, насколько крепко держится Сталин... Президент не мог бы его спросить?

— Готвальда? Клемент —тяжелый, но прямой человек, только едва ли он настолько осведомлен... А если и знает, то не скажет.

— Коммунисты трудный народ,— согласно кивнул

Новак.— Москва для них — все, что твоя Мекка для мусульманина... «Весь мир насилья мы разрушим»... Все их помыслы направлены только на это. Толстовская идея в интерпретации НКВД... Я тут разговорился с одним,— ухмыльнулся министриальдиректор,— так он брякнул, что сюрреализм тоже революционное искусство... На все готовы, лишь бы разнести нас в пух и прах. Вот увидишь, они договорятся-таки с нацистами!

— Крепко засела в тебе эта заноза.

— Не веришь?

— Веришь — не веришь... Не для нас эта детская песенка. Не вижу оснований. Меня ты не убедил, скорее напротив.

— Тем хуже, Хуба, тем хуже... Дай бог, чтобы я ошибся. Без русских нам против немца не устоять.

— Наконец-то я слышу разумные речи.

23

Бухарин загорел под весенним солнцем, физически и духовно окреп, надышавшись ветрами Европы.

Всюду продуктовые лавки были забиты деликатесами первозданной свежести и невиданной красоты. В парках и на площадях звучала музыка. За выставленными прямо на тротуар мраморными столиками бесчисленных кафе блаженствовала вполне довольная жизнью публика. Опрятная одежда, приветливые улыбки, ощущение достоинства. Возможно, на задымленных рабочих окраинах все выглядело немножко иначе, но на венском Пратере или копенгагенской Остергаде барометр классовых бурь показывал явный штиль. О войне, впрочем, говорили повсеместно, но больше с беспечной надеждой, что как-нибудь образуется, утрясется.

За разбором текстов, посещением картинных галерей и музеев чужая благополучная жизнь мелькала, словно кадры в кино. В том же ускоренном неправдоподобном темпе летело время. Менялись разноязыкие вывески и заголовки газет, но шумные, дышащие теплом устоявшегося веками быта города с их аляповато-пестрыми оркестрионами сливались в одну праздничную, бесконечно длинную улицу. Ослепляя на миг щемящей радостью, она уводила все дальше и дальше, летя мимо и мимо, исчезая навсегда за спиной. Как

пролетавшие за окнами спальных вагонов крыши, телеграфные столбы, вылизанные садики и любовно ухоженные нивы. И некогда обернуться, и даже помыслить об остановке нельзя. Обилие впечатлений заволакивало уязвленную память туманным обманчивым флером.

После короткого пребывания в Берлине делегация выехала в Вену, затем в Копенгаген, где хранилась большая часть предложенного к продаже архива, потом — в изрезанный каналами Амстердам, поразивший Николая Ивановича, страстного собирателя, беспримерной коллекцией бабочек, и наконец, для окончательного завершения сделки — в Париж.

Бухарин полагал, что им, по крайней мере ему лично, ибо выехал с зеленым диппаспортом, предложат, как это было в Берлине, остановиться в полпредстве. Однако встречавший на вокзале советник сообщил, что для делегации заказаны номера в отеле «Лютеция».

— Так вам будет удобнее,— объяснил он, сославшись на указание полпреда,— потому что переговоры состоятся там же, так сказать, по месту жительства. Иначе бы пришлось допустить всю эту меньшевистскую свору к нам в полпредство, а это, как вы понимаете, не совсем желательно.

Жить в совколонии было бы, конечно, куда предпочтительнее. Хотя бы из-за связи с Москвой. И вообще, что мешает приезжать в гостиницу, раз уж она избрана для деловых встреч, на автомобиле? Мог же Суриц приставить к нему обходительного Диму Бухарцева, собкора «Известий», с которым они объездили чуть ли не весь Берлин? Очевидно, у Потемкина были свои резоны. Поэтому Бухарин воздержался от замечаний, хотя и счел уместным проявить молчаливое недовольство. Не поблагодарил, как водится, за хлопоты.

Почувствовав его настроение, а скорее всего зная нечто, для Николая Ивановича вовсе не предназначенное, советник поспешил упредить возможные вопросы.

— Владимир Петрович просил передать самый теплый привет. Он собирался встретить вас лично, но вы даже представить себе не можете, сколько у нас сейчас работы! Больно горячая пора. Думали, проводим наших военных и малость переведем дух, но не тут-то было. Самая запарка и началась. Мы не жалуемся. Наоборот. Такую махину с места сдвинули. Трудно переоценить с политической точки зрения. Уж вы-то понимаете!

Бухарин, разумеется, понимал всю значимость вошедшего в законную силу франко-советского договора. Посольство и сам Потемкин конечно же сыграли тут определенную роль. Но за несколько чрезмерной многословностью дипломата проскальзывал и затаенный намек на некое различие между уровнем этой, почему-то во главе с Адоратским, делегации и той, военной, возглавляемой заместителем наркома. Вернее, не уровнем — как редактор «Известий», кандидат в члены ЦК и член ЦИК он ничем не уступал Тухачевскому — политической значимостью. С одной стороны, жизненно важный для страны договор, с другой — архивы, пусть даже самого Карла Маркса.

Укорив себя за мнительность, Николай Иванович поспешил прогнать неприятные мысли. Коба поручил ему приобрести для партии исторические документы, которые могут попасть в лапы гитлеровцев, и он знает, насколько важна эта миссия для международного коммунистического движения. А Потемкин может думать, что хочет. Действительно ли он так безумно занят или же увиливает по каким-то неизвестным причинам — не столь уж и важно. Глупо портить из-за этого себе кровь.

Приспустив боковое стекло, Николай Иванович жадно втянул тугую благоухающую глицинией струю.

Бульвары Сен-Жермен и Распай пестрели нарядными маркизами. Художники, склонясь к мольбертам, ловили чарующие оттенки просквоженной солнцем листвы. Со дня на день могли зацвести каштаны. Нежно, как у Синьяка, по лазоревой сизой россыпи вспыхивали точки медвяной зелени. Хоть сейчас садись за этюд.

— А вон и ваша гостиница виднеется,— указал советник.— Напротив сквера Бусико. В самом центре и, главное, комнаты рядом. Вам будет здесь очень уютно.

— В семнадцатом дрались за Советскую власть в Москве,— Бухарин повернулся к сидевшему рядом Аросеву.— Теперь повоюем в Лютеции за наследие Маркса?.. Это римляне, что ли, так называли Париж?

— Паризии,— мимолетно улыбнулся Аросев.— Они жили где-то около нынешнего Ситэ. С третьего века город уже назывался Паризией... Какая прелесть! — просиял он, увидев на окнах золотые геральдические кораблики.— Вот мы и прибыли.

Прислуга в голубых форменных курточках занялась багажом. Адоратский по обыкновению поспешно поднялся в номер.

— И чего он вечно торопится?

Заметив, что Бухарин первым делом схватился за свертки с книгами, Аросев вызвался помочь. В самый последний момент, уже в комнатах, шпагат лопнул, и тяжелые тома в лакированных скользких суперобложках рассыпались по полу.

— Веревка и та протестует против мракобесия,— пошутил Бухарин.

— Рихтхофен, Ратцель,— ползая на коленях, Аросев не без труда разбирал порядком забытый готический шрифт.— Sibirien als Zukunftsland der Industrie[1]. Зачем вам эта фашистская отрава, Николай Иванович?

— Что, недурная добыча?.. Мы с Димой всю Фридрихштрассе обшарили. Вернусь домой, непременно засяду за книгу. Давно пора дать бой нацистской геополитике.

— Лично я тут не особо силен,— признался Аросев.

— Непростая материя, должен сказать. Но на ней, вкупе с расистским бредом и социальной демагогией, держится вся гитлеровская идеология. Явление, впрочем, намного шире, чем полагают иные горе-теоретики.

— Даже так? — заинтересовался Аросев.

Вместо того чтобы переодеться к обеду и немного перевести дух, Николай Иванович с присущим ему ораторским мастерством обрушился на Хаусхофера и всю его школу.

— Людям, как мы знаем, иногда случалось говорить прозой, не имея ни малейшего понятия о том, что это такое. Сие относится не только к персонажам Мольера, но и к профессиональным политикам. Нынче в капиталистической прессе разразилась настоящая эпидемия дискуссий в поисках объяснения внутреннего механизма агрессии. При этом называют естественные факторы — территории, источники сырья, рост населения. Причем в полном отрыве от общественно-исторической формации и политической надстройки.

— Ну, этим грешат не только немцы,— как человек увлекающийся и широко образованный, Аросев быстро ухватил суть и обнаружил свою, оригинальную точку зрения на предмет. Еще в эмиграции, учась в Льеже,

[1] Сибирь, как будущее промышленности (*нем.*).

он немного соприкоснулся с новейшей философией. В памяти всплывали, казалось бы, напрочь забытые сведения.— Англичане, помнится, тоже склонны порассуждать насчет «имущих и неимущих». Это с их-то колониями.

— Международный язык империалистов. Германию, Италию и Японию называют «нациями без земли». Естественный рост населения в этих государствах якобы неизбежно приводит к погоне за новыми территориями и дополнительными источниками сырья. Именно в этом, считают сторонники такой точки зрения, корни будущей войны. Раз так, войны неизбежны, как рок, исторически предопределены. Единственное спасение — в очередном переделе.

— Во Франции фашиствующие сторонники сближения с Германией особенно громко негодуют по поводу обширности наших территорий. Подленькая надежда умиротворить агрессора за наш счет. Думают, что Гитлер удовольствуется Украиной и откажется от реваншистских планов на Западе. Как бы не так! Они плохо читали «Мою борьбу».

— В Германии принцип «Volk ohne Raum» [1] возведен в абсолютный принцип. Как священное право арийцев, задыхающихся от недостатка земли.

— Вы считаете, столкновение с Гитлером неизбежно?

— Сам факт передела предполагает перманентную войну, ибо никакой передел не может считаться окончательным. Рано или поздно международный рынок обязательно подхлестнет. Это своего рода вечный двигатель. Наконец, имеется еще один немаловажный аргумент. Его неизменно выдвигает Гитлер и его идеологические агенты. Национал-социализм основан-де на «национальности» — volkstum, volksgemeinschaft, следовательно, имеет отношение к внутренним сугубо немецким делам и не затрагивает дела других народов.

— Старо предание...

— Зато советизм, большевизм, с их точки зрения, выступает как наднациональная, международная сила, мечтающая о мировом господстве.

— На воре шапка горит. Перепевы белогвардейских бредней насчет «иудео-большевизма».

---

[1] Народ без пространства (*нем.*).

— Совершенно согласен! Но давайте все-таки разберемся. Германские фашисты действительно являются идолопоклонниками так называемой «расовой чистоты». Они даже кастрируют тех, кто не принадлежит к чистым арийцам, и бросают в тюрьмы людей, уличенных в преступных связях с арийскими мужчинами и женщинами. Они проповедуют экономико-национальную автаркию, считая ее своего рода сосудом, содержащим священную кровь нордической расы. Но было бы по-детски глупо считать, что это ведет к политике изоляции. Совсем наоборот, фашизм действует крайне активно во всех странах. И это вполне объяснимо, поскольку сама национальная узость — это не что иное, как сжимание военно-экономического и идеологического кулака. Фашизм претендует на мировую гегемонию, а это влечет за собой уничтожение и порабощение всех других народов. Нет, можно с уверенностью сказать, что они не интернационалисты. Послушать иных, так вся заграница — сплошной фашизм. Сколь не отвратителен английский империализм, но есть колоссальная разница между нацистами и самыми твердолобыми консерваторами.

— Знаете, Николай Иванович, это был самый глубокий анализ, с которым мне приходилось сталкиваться. Я имею в виду саму сущность фашизма. У нас его трактуют больно уж расширительно. Но рабство и террор, которые они уготовили миру, по-своему интернациональны. По мере закабаления одних «низших» народов определятся и другие. Стоит только начать.

— Настоящий анализ еще предстоит. Это только попытка введения... Но я, пожалуй, разовью кое-какие мысли в своем выступлении.

— В Сорбонне?

— Нужно будет только посоветоваться с Андре Мальро. А насчет недооценки фашизма вы правы. Но понемногу линия выправляется.

— Недаром они так вас не любят.

— Кто?

— Нацисты, разумеется... Я не хотел вас расстраивать, но когда мы были в Берлине, в «Ангрифе» проехались на ваш счет.

— В самом деле? — взволновался Бухарин.— А что конкретно?

— Довольно неуклюже, не хочется повторять.— Аросев уже жалел, что проболтался.

— Все же!

— Пишут, что Бухарин похож на перевернутый вверх дном аптекарский пузырек... Но тут же признают, что вы один из самых образованных людей в мире.

— Э, для них, чтоб прослыть образованным, много не надо,— Николай Иванович облегченно перевел дух.— «Пузырек!» — он довольно рассмеялся.— Даже смешно: «пузырек»... Лишь бы не хвалили, дорогой мой. Пусть уж лучше бранят... Каковы наши планы?

— Может, отдохнете сегодня, Николай Иванович?

— Отдыхать? В Париже?! Да за кого вы меня принимаете? Наскоро перекусим и на улицу! Первым делом в Лувр.

Камнем преткновения, как и ожидалось, стал болезненный вопрос о цене. Она значительно превышала указанный Сталиным верхний предел. Торговаться же, как то было предписано, оказалось до крайности трудно. Сумму назначили немецкие социал-демократы, которым принадлежал архив. Но сами они в переговорах не участвовали. Австрийцы тоже отстранились от практической стороны. Предоставив комиссии возможность ознакомиться со всеми материалами, Фридрих Адлер и Отто Бауэр сочли свою миссию законченной.

— Судя по обстановке в Австрии, война не за горами,— еще там, в Копенгагене, предупреждал Адлер.— Я не знаю в Европе такого места, где бы архиву Маркса не угрожала опасность. Даже если в ближайшем будущем не случится серьезных осложнений. Рекомендую поторопиться. Гитлеровская агентура действует исключительно активно.

Единственным посредником оказались, таким образом, бывшие соотечественники, меньшевики.

На первой встрече Дан держался сухо и отчужденно. С видимой неохотой поздоровавшись с Бухариным и словно не заметив прочих участников, опустился в глубокое кресло и принялся крутить пальцами. Член Исполкома Петроградского Совета, член ВЦИК, он был выдворен за границу еще при жизни Ленина. Встреча с большевистскими эмиссарами — один по крайней мере из НКВД — неожиданно больно ударила по нервам.

Начинать пришлось Николаю Ивановичу.

— Как вы похудели! — преодолевая неловкость, посочувствовал он.— Да и то сказать, почти двадцать лет...

На Дана сомнительный комплимент впечатления не произвел, но фальшь он определенно почувствовал.

— Большевики высосали мою кровь,— отозвался вполне бесстрастно.— Зато вы заметно округлились.

— Вы тоже похлебали моей кровушки, Федор Ильич! И в семнадцатом, и в двадцать девятом,— парировал Бухарин, намекая на злосчастную публикацию в «Социалистическом вестнике».

Адоратский угрюмо молчал. Аросев, пряча глаза, не без интереса следил за пикировкой. В ней ощущалось что-то ненатуральное, провинциально-сценическое, никак не отвечавшее истребительной скорости века. Обмен любезностями грозил завести дело в тупик. Пришедший с Даном Николаевский презрительно кривил губы.

— Может быть, все же обговорим условия? — предложил он, воспользовавшись кратковременной паузой.

— Больно уж цена несусветная,— Аросев, казалось, дожидался своего выхода.— Давайте все же не отрываться от грешной земли.

— Назовите свою,— все так же спокойно отреагировал Николаевский.— И мы снесемся с немецкими товарищами. Должен сказать, что многие из них рискуют жизнью. Про жалкое существование политических эмигрантов и говорить не приходится. Словом, германская социал-демократия крайне стеснена в средствах. Деньги нужны на самое необходимое, в том числе и для продолжения борьбы с фашизмом. Вряд ли они смогут пойти на значительные уступки.

— Коммунисты получили еще более жестокий удар,— словно бы для протокола, хотя никто ничего не записывал, счел нужным высказаться Адоратский.— И тоже нуждаются в помощи. Тельман и многие другие товарищи томятся в застенках. Там, в Германии, льется кровь, но не утихает борьба...

— Вот и помогайте,— процедил, дальнозорко прищурясь, Федор Ильич.— В данном же случае речь идет не о благотворительности... На сем, полагаю, моя посредническая роль исчерпывается. Борис Иванович,— кивнул он на Николаевского,— располагает всеми необходимыми полномочиями.

— Подумайте, посоветуйтесь и позвоните, когда сочтете возможным,— сказал Николаевский...

— Как вам это нравится? — нетерпеливо спросил Бухарин, едва бесшумно захлопнулась снабженная латунными балансирами дверь.

— Бешеные деньги,— покачал головой Аросев.

— Не может быть двух мнений,— выдавил Адоратский чуть ли не с яростью. Если бы кто знал, как не хотел, как опасался он этой поездки! Боялся Бухарина (ничего себе «эксперт»!) и своего формально главенствующего, но смехотворного положения, невольной ошибки и страшной ответственности — словом, всего, что прямо или косвенно могло быть кем-то когда-то поставлено ему в вину.— Надо звонить в Москву,— выдохнул, тяжело отдуваясь.

— Я думаю, они сами рассчитывают подзаработать на посредничестве,— через силу выдавил Аросев и почувствовал неожиданное облегчение.— Право слово.

— Так и сделаем,— словно бы не расслышав Аросева, Бухарин наклонился к председателю комиссии.— Пожалуй, сейчас и поеду в полпредство, Владимир Викторович.

Тайный стыд и общая неловкость положения выталкивали его на линию огня. Адоратский определенно дал понять, что звонить придется кому-то другому. Кому, спрашивается? Аросеву?

— Таких денег у нас нет,— Сталин сразу поставил точку.— Торговаться надо уметь. Пускай Аросев нажмет как следует.— И повторил уже сказанное однажды: — Аросев умеет торговаться, а ты, Николай, не умеешь.

Выступление в Сорбонне вылилось в подлинный триумф. Бухарину аплодировали стоя. В Латинском квартале до поздней ночи не затихали яростные антифашистские митинги.

В советское полпредство поступило предупреждение, что «ультра», как деликатно выражались на Ке д'Орсе, готовят ответную акцию. Префектура усилила охрану «Лютеции».

Прогуливаясь с Андре Мальро по Пляс-дель-Одеон, Бухарин, еще не остыв от того головокружительного подъема, который сопутствует полному самовыражению, уточнил основополагающие формулировки.

— Пожалуй, самую существенную черту фашистских режимов всех марок и всех оттенков составляет сложная сеть махрового обмана,— бросил он вскользь, жадно впитывая тревожную меланхолию вечернего неба. Невероятные сумерки Парижа! Он знал, что видит все это в последний раз.— Я безмерно благодарен вам, любезный друг, что вы взяли на себя труд прочитать мое выступление. Все-таки я несколько опасался за свой французский.

— И совершенно напрасно,— Мальро, далекий от эзоповых намеков, кои, вспоив поколения подцензурной печати, сформировали в России целую теневую культуру, уловил тем не менее расширительный смысл кристальной по ясности фразы.— Вы говорили просто великолепно, и думаю, что многие вас совершенно правильно поняли. Зверский мордобой, как вы очень верно отметили, угнетение, насилие, войны — это внешние, очевидные для всех проявления. А вот тезис о политической фикции, обманной идеологической декорации оказался для нас новым. Вы нашли поразительные метафоры, достойные галльского красноречия. Над этим еще будут думать и думать... В Советском Союзе никто так не писал о фашизме,— добавил он после деликатной паузы.— Кстати, в «Правде» обличают Геббельса, Гесса, но очень редко Гитлера, и никогда — в карикатуре. Почему?

— Если хотят сохранить мало-мальски добрые отношения, то избегают личных нападок на главу государства.

— Вчера вы сами с едким сарказмом высмеяли жалкую тщету подобных надежд.

Бухарин лишний раз убедился, что автор «Годов презрения» все видел и все понимал. Созвучны были не только мысли, но и затаенные опасения. Но дикая реальность не оставляла альтернативы ни для кого. Раскол некогда мощного немецкого рабочего движения умостил дорогу нацизму, гибельность политики Сталина в Коминтерне очевидна, а иного все-таки не дано. Со Сталиным против Гитлера.

— У нас по сей день господствуют представления о фашизме, как о крайней форме диктатуры капитала. Это оставляет место для множества толкований,— сказал Бухарин, продолжая вести свой внутренний монолог. «Дело здесь не в фашизме,— опять и опять возвращался он к скандальной речи Сталина...—

Фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной».

— И толкования впрямую формируют политику?

— Если смотреть на гитлеризм, как на всего-навсего иную разновидность капиталистического режима, то разница между Германией и, допустим, Англией становится крайне зыбкой. Лично я стою за всемерное сотрудничество с той же Англией, с любым нефашистским правительством. Гитлеровский режим стабилен, и нечего надеяться, что он рухнет сам собой, не успев ввергнуть мир в катастрофу. Гитлеризм отбрасывает на все черную кровавую тень. Открытый разбой, открытая скотская философия, окровавленный кинжал, открытая поножовщина — это уже не теория, практика. Вот кто стоит перед нами, и вот с кем нам предстоит столкнуться лицом к лицу.

— С одной стороны, вы проводите непримиримую черту между добром и средневековым злом фашизма, с другой — обнажаете его всеохватное, тотальное существо. Это имеет непосредственное отношение к тому, что вы называете «толкованиями»?

— Судите сами,— Бухарин ощущал в Мальро родственную душу, и гибельная радость раскрыться до конца толкала все дальше и дальше.— Фашизм создал всесильное тотальное государство, которое обезличивает все и вся, кроме начальства, высшего начальства. Обезличивание масс прямо пропорционально восхвалению диктатора. Так подавляющее большинство народа превращается в функционеров государства, скованных вторгающейся во все области жизни дисциплиной. Над всем доминирует роковая триада: преданность нации или государству, верность вождю и казарменный дух... Не стану скрывать, но меня очень тревожит возможность вырождения большевистской революции в систему постоянного насилия. Пока это только возможность.

— И каковы ваши прогнозы? Что ожидает вас лично?

— Я безгранично верю в силу социалистических идеалов. Я боролся и жил ради их торжества, а теперь он меня убьет.

Мальро вздрогнул. Удивительно спокойный, отрешенный голос Бухарина молнией пронзил мозг.

Двумя часами позже Николай Иванович звонил Ежову. Доклад собирались отпечатать отдельной бро-

шюрой, и был обещан неожиданно крупный гонорар. Аня вполне могла бы погостить на эти деньги в Париже. Почему нет? Погуляет, не спеша походит по музеям, а заодно и с врачами посоветуется. Да и отдых в каком-нибудь санатории никак ей не повредит. Когда еще выдастся подобный случай? Лувр, Версаль — это же на всю жизнь.

На сей раз почему-то долго не соединяли. Наконец двойной тезка взял трубку. Внимательно выслушал, помолчал и спросил с добродушным смешком:

— Уже соскучились, Николай Иванович?.. Быстро.

Бухарин еще раз объяснил, что дополнительных валютных затрат не понадобится.

— Постараемся как-нибудь устроить,— пообещал секретарь ЦК.

Проявив завидное терпение и немалую выдержку, Николаевский сумел сблизить позиции, хотя и с этой, и с другой стороной переговоры шли с большим скрипом. Возобладало, по сути, чугунное упорство большевиков: немецкие товарищи были вынуждены идти на все большие уступки. В итоге расхождение в цене свелось до ничтожного минимума. С деловой точки зрения дальнейшие препирательства выглядели бы просто несолидно, неприлично — со всякой иной. Государство, тем более называющее себя социалистическим, все же должно хоть как-то заботиться о престиже.

Борис Иванович надеялся, что посланцы Кремля сделают последний, можно сказать, уже чисто символический шаг к общему согласию.

По выходе на рю де Лувр из Центрального почтамта, куда поступала корреспонденция до востребования, его неожиданно окликнул Вадим Кондратьев. Они были знакомы еще по Петрограду, не слишком коротко, но вполне достаточно, чтобы сойтись потом на чужбине. Когда же поползли зловещие слухи о темной изнанке «Союза возвращения на родину», где вроде бы подвизался Кондратьев, Николаевский отношения прекратил. Без объяснений, в обычной для него уклончиво-твердой манере.

— Здравствуй, Борис,— Кондратьев заговорил быстро, напористо, не давая опомниться.— Я знаю, что ты меня почему-то избегаешь, да и не ты один... Догадываюсь почему, но не желаю оправдываться. Ничего

бесчестного я в жизни не совершил и, надеюсь, не совершу. А путь у каждого свой и свой выбор... Не беспокойся, я тебя долго не задержу,— он приблизился почти вплотную, предупреждая отказ: — Мне необходимо поговорить с тобой. Можно?

— Слушаю тебя, Вадим,— почти не разжимая губ, произнес Николаевский. Ему претили любые сцены, а уличные пуще всего.

— Ни для кого не секрет, что вы ведете переговоры с Бухариным. Верно?

Николаевский ничего не ответил. Неосведомленность Вадима — воистину не секрет, но очевидная заинтересованность подтверждала самые дурные подозрения. Притом эта, никак не случайная встреча. Выходит, следил?..

— Николай Иванович — светлый, порядочный человек,— жарко зашептал Кондратьев, не дождавшись ни малейшей ответной реакции.— Но он опутан по рукам и ногам. От него почти ничего не зависит. В конечном счете все решает лично Сталин. Как он скажет, так и будет... Я бы посоветовал тебе поговорить с Бухариным с глазу на глаз. Они же всего на свете боятся, даже друг друга.

— И с такими настроениями ты собираешься возвратиться в Союз?

— Можешь иронизировать, сколько душе угодно. Возможно, я делаю глупость, хотя окончательно еще ничего не решено... Но не обо мне речь.

— Собственно, чего ты хочешь? — Николаевский сосредоточил взгляд на коричневой пуговице — Вадим был в распахнутом легком пальто,— что висела на одной нитке, нервно вздрагивая в такт переступавшим ногам.

— Всего лишь помочь. Разве непонятно?.. Помочь советом.

— Кому именно? Мне?

— Всем, Боря. Николаю Ивановичу, которого до безумия жалко, немецким изгнанникам и не в последнюю очередь тебе. Извини, конечно, но это искренне... Бухарину очень непросто живется. Да ты и сам знаешь, что он не в фаворе. Как говорится, не до жиру... Весьма вероятно, что это его последняя поездка, последняя возможность, так сказать... выразить себя. Понимаешь?

— Какое это может иметь значение, если, как ты говоришь, он ничего не решает? — раз уж разговор

все равно завязался, Николаевский решил прояснить обстановку.

Он и сам начал догадываться, что члены так называемой комиссии всего-навсего марионетки в руках усатого кукловода. В ситуации, сложившейся вокруг Бухарина, его «школки», как привыкли изъясняться кремлевские функционеры, «правых» вообще не возникало особых неясностей. В редакции «Социалистического вестника» пристально следили за положением в СССР и разбирались в его перипетиях получше иных наркомов, сгоравших, как мотыльки, в лихорадке ночных бдений. Короче, слова и прозрачные намеки Кондратьева, чем бы он ни руководствовался, содержали немало верного.

— Наверное, никакого, ты прав,— промедлил с ответом Кондратьев.— Но чем ты рискуешь? Попробуй поговори... Вдруг и о Володе что-нибудь узнаешь.

Если это был заранее спланированный удар, то лицо Вадима вырисовывалось с полной определенностью. Брат Бориса Ивановича жил в Москве и приходился свояком Алексею Ивановичу Рыкову.

— Спасибо за совет, я подумаю,— Николаевский повернулся на каблуках, ощущая сосущее жжение где-то под ложечкой.

Подумать определенно имело смысл. Хотя бы для полноты картины. Правда, один раз Николай Иванович уже отказался вести беседу в отсутствие коллег, но сейчас, кажется, особый случай: близок финал.

Улучить подходящий момент оказалось не так просто. То отсутствовал сам Бухарин, то мешали его спутники. Особенно Адоратский, который, казалось, безвылазно окопался у себя в номере. Портье, наверное, устал от бесконечных звонков.

Но рано или поздно терпение вознаграждается. Приехав в «Лютецию» на такси, Николаевский нутром почувствовал, что в поведении Бухарина произошли отрадные перемены. Николай Иванович хоть и попробовал уклониться, но без достаточной твердости, не то что в тот раз.

— Досадно, что не предупредили заранее,— попенял он, томясь неудобством.— Без председателя комиссии я не уполномочен обсуждать условия.

— И не нужно. Цена, надеюсь, согласована с Иосифом Виссарионовичем?.. Если мы окончательно догово-

римся, то за оформлением дело не станет. Подпишем, когда все будут на месте.

— Как можно договориться, если пока все на той же точке? Я тут бессилен, поверьте.

— Значит, он стоит на своем,— губы Николаевского дрогнули в уничижительной улыбке.— Дешево же вы цените марксово наследство.

— Дешево? — Бухарин преодолел минутную неловкость.— Кто продает архив: мы или вы? Будь моя воля, я бы не отдал его ни за какие миллионы.

— Вам хорошо известно, чем вызвана эта печальная необходимость.

— Разве нельзя надежно спрятать? — вовсе того не желая, Бухарин все глубже втягивался в бессмысленную полемику.

— Не подскажете, где, Николай Иванович?

— Хотя бы в Америке! Гитлер туда не дотянется.

— Как вы легко все решаете! За Америку, за наших немецких товарищей, даже за Гитлера... Вы проехались по Унтер ден Линден в посольской машине, а я там был нелегально. И не единожды, потому что перевезти через границу такой груз за один присест не под силу даже контрабандистам.

Бухарин отвел глаза. Он не знал, что Николаевский непосредственно участвовал в операции. А с виду не скажешь: типичный кабинетный историк... И все Коба с его феноменальным упрямством! Лишь бы настоять на своем, согнуть, раздавить в прах. Из-за чего ломать копья? Срам да и только.

— Уступить бы надо, Борис Иванович,— сказал почти просительно.— И кончим этот постыдный торг. А то бьемся за каждый грош.

— За вами великое государство... Что для него этот «грош»? Для вас это не вопрос жизни, тогда как... Легко произносить пламенные речи. Впрочем, вы замечательно говорили. Я полностью разделяю ваши позиции. В этом великом противостоянии не приходится выбирать союзников.

— О чем тогда спор? Военного конфликта с Германией не избежать. Это будет стоить нам неисчислимых жертв, но я не сомневаюсь в победе. Где еще место марксову архиву, как не в Советском Союзе? При наших просторах мы сумеем оградить его от всяких превратностей. Ответственно мыслящий человек почел бы за счастье отдать документы в надежные руки без всякого вознаграждения.

— Даже так? — Николаевский вновь затаил усмешку.

— Эх, Борис Иванович! Да я бы вдвое заплатил, честное слово!

— Охотно верю, Николай Иванович, но разговор становится беспредметным. Мы не уступим ни франка. Так и передайте ему... Как там сейчас, в Москве?

Сначала нехотя, но постепенно увлекаясь, Бухарин втянулся в разговор на общие темы, позволяя себе все большую откровенность. Издали многое рисовалось иначе. Резче и в уменьшенной пропорции, как через перевернутый бинокль. Не исключая темного зеркала, отразившего собственный облик в неимоверной надмирной дали. И дивная неожиданность: испарился липкий страх, закабаливший рассудок. Поразительная осведомленность Николаевского позволяла легко обходить наиболее острые углы. Он все понимал с полуслова.

— Как не вернуться? — ответил Бухарин и на прямой вопрос.— Стать эмигрантом? Нет, так жить я бы не смог. Будь что будет...

Когда-то, еще в довоенной эмиграции, знаменитая гадалка предсказала ему судьбу: «Вас казнят в собственной стране. Притом дважды».— «Как это возможно?» — «Не знаю, но я вижу рану на шее и веревочную петлю».

Вечером Николай Иванович чуть ли не со скандалом заставил Адоратского позвонить Сталину. За завтраком Владимир Викторович клялся, что звонил несколько раз, и все неудачно. Потом они оба поочередно пытались связаться с Кремлем, но к телефону никто не подходил. Наконец трубку взял Поскребышев:

— Товарищ Сталин предлагает придерживаться первоначальной суммы.

«Чингисхан, Гений дозировки, Маленький злобный человек, Дьявол»,— бремя лет множило тайные прозвища. Как накипь. А он... Он был вездесущ.

24

Графиня Хейла фон Вестарп с ностальгической грустью вспоминала стародавние времена. В качестве непременного секретаря «Общества Туле» она близко сошлась со многими его членами. Ее мюнхенский

дом посещали председатель «Пангерманского союза» Леман, генерал Людендорф, Гуго Стиннес, его светлость принц фон Турн и Таксис, барон фон Зайдлиц.

За учеными занятиями и политическими спорами лучшие люди Германии ни на миг не забывали о будущем: заботились о подрастающей смене, просвещали юные умы. Редактор Дитрих Эккарт, выпускавший замечательную газету «На добром немецком языке», привел с собой молодого остзейского эмигранта Розенберга, профессор Хаусхофер представил собранию своего ассистента Гесса.

Ныне оба они — рейхслейтеры, члены кабинета. Прекрасную карьеру сделал и студент юридического факультета Ганс Франк. Без преувеличения можно сказать, что все основополагающие пункты партийной программы были впервые сформулированы на заседаниях «ложи». По иронии судьбы «Общество Туле» получило при регистрации именно такой статус, хотя вся деятельность тайного ордена борьбы за немецкий образ жизни была направлена против иудео-масонства. Общество отпочковалось от эзотерического «Немецкого ордена» по предложению барона Рудольфа фон Зеботтендорфа унд фон дер Роза в целях конспирации. Сделавшись «мастером», барон первым делом создал «Боевой союз», организовав в подвалах гостиницы «Четыре времени года» оружейные склады. Он вызвался лично убрать красного правителя Курта Эйснера, но покушение почему-то не удалось. Зато граф Арко де Валлей не промахнулся. Словом, практический вклад «ложи» в победу национальной революции несомненен. Об идейном и говорить не приходится. Партия еще и не родилась, когда свастика позади обнаженного меча была принята в качестве символа.

И еще одна знаменательная веха. Первым приобретением общества стала полубульварная газетенка «Мюнхенер беобахтер». Всего за год ее удалось превратить в общегерманское издание, прогремевшее на весь мир. Поныне «Фёлькишер беобахтер» — боевой орган движения.

В одном из первых номеров Розенберг высказал пророческую мысль: «Идея национал-социализма под тем или иным названием распространяется во всем мире. Придет время, когда у нас будет французская национал-социалистическая рабочая партия, английская, русская и итальянская».

Она пришла, эта заветная пора всемирного возрождения. «Фёлькишская» национальная идея, огненный знак движения и тевтонский меч стали ее предвестниками. Многие члены общества заслуженно получили высокие государственные посты. Многие, но не все... Лично себя графиня Хейла определенно считала обойденной. Тематику растащили по различным ведомствам, международные связи взяли под неусыпный контроль, а ее лично, «Брунгильду златовласую», как выразился поэт Зельхоф, просто-таки забыли. Пришлось напомнить о себе сильным мира сего пригласительным билетом со свастикой на фоне перекрещенных копий.

Это был личный орденский знак, придуманный все тем же искрометным Зеботтендорфом. На первых порах его штамповали из латунных гильз.

Традиционный день приема, когда в замке Вестарп давался концерт, пришелся на двадцатое апреля, день рождения фюрера. Все сливки будут, конечно, в Бергофе! Графиня решила пожертвовать традицией и перенести вечер на ближайший понедельник, хоть он и находился под покровительством Луны, семитской планеты. Хозяйка рассчитывала, что на сей раз уже ничто не помешает высокопоставленным особам украсить ее салон своим присутствием. Программа намечалась обширная: сын Ганса Хербигера обещал выступить с лекцией о новом подтверждении знаменитой теории «Мирового льда», подающий надежды специалист по еврейству Карл-Адольф Эйхман приготовил очередной реферат, а в заключение, как обычно, состоится концерт камерной музыки. Пригласительные билеты, отпечатанные золотом на бристольском картоне, графиня заранее разослала по адресам.

За исключением двух-трех новичков — молодых способных идеалистов, состав гостей отличался завидным постоянством. Все старые, испытанные друзья, спаянные высокой целью и беззаветной верой.

Победа движения и последовавший за ней повсеместный расцвет немецкой науки привели к неизбежному расширению круга посвященных. Возникли всевозможные общества, исследовательские центры и прочие учреждения, растащившие по кускам сокровища духа, накопленные в герметическом уединении. Мастерам, к сожалению, все чаще наследовали профаны. Такова, увы, изнанка просвещения и прогресса. Толпа опошляет любые светлые начинания. Чем сокровеннее

мудрость, тем банальнее предстает она в массовом преломлении. Вот почему так важно сохранить в неприкосновенности внутренний круг с его элитарной секретностью.

Есть вещи, которые не терпят яркого света. Они вызревают в безмолвии мрака, подобно алхимическому яйцу, дабы в урочный час явить себя потрясенному человечеству. Это прежде всего относится к таинственной субстанции, одухотворяющей космос. Рейхсфюрер правильно поступил, забрав исследования по врилю к себе в Аненэрбе, хотя не стоило явно отлучать ветеранов. Общество все-таки заслужило право на благодарность... Но бог с ней, с благодарностью. Нельзя вверять высшие тайны в руки людей, пусть способных и честных, но недостаточно подготовленных. Подобное легкомыслие чревато неисчислимыми бедствиями. Может быть, мировой катастрофой. «Помни о дуализме» — вот первое правило посвященных. Для нормального функционирования государства существует один рецепт — магия власти. Его нынешние правители рейха усвоили крепко. Но есть еще и власть магии, беспредельная и невообразимая, пред которой бледнеет сияние самых великих владык. Профессор Вириг совершенно прав. Атланты проникли в святая святых природы, но не сумели совладать с титанической силой, которую, сами того не ведая, высвободили, и она уничтожила их.

«Сны Атлантиды» — так назвал свою новую симфоническую поэму знаменитый Фриц Хорнер. Это и был тот «сюрприз», которым надеялась покорить гостей все еще обаятельная наследница герба Вестарпов. Не столько даже покорить, сколько тактично, но недвусмысленно напомнить о золотом правиле герметизма и не в последнюю очередь о собственной персоне. Должность и почести ее не волнуют. Важно внимание.

К великому разочарованию Хейлы, Гиммлер на приглашение не ответил вообще, а Гесс, сославшись на крайнюю загруженность, прислал подобающую записку. Из членов кабинета обещался присутствовать один Альфред Розенберг. Тот самый ревельский уроженец, знаток России, Прибалтики и мирового еврейства, которого приметил и подобрал Эккарт. Его рефераты в ложе всегда имели бурный успех. Графиня распорядилась добавить к обычно скудному угощению бутерброды с яйцом и килькой и водку. Как-никак главный идеолог.

Рейхслейтер и имперский министр согласился почтить своим посещением подругу молодости не только из сентиментальных побуждений. Наслышанный о секретных музеях, которые новоявленный эксперт по еврейскому вопросу Эйхман создавал под крылом СС, Розенберг надумал глянуть на этого протеже рейхсфюрера Гиммлера. Идеолог партии испытывал растущую ревность к ближайшим коллегам. Они вели себя нелояльно.

Геббельс, создав мощнейший пропагандистский аппарат, активно вмешивался в теоретические сферы, Гесс вносил несусветный сумбур в идеологию, Фрик, в сущности ни в чем толком не разбираясь, совал свой крысиный нос в расовую политику. Тут вообще кто как хотел, так и резвился. Самую жирную пенку с законов об охране расы сорвал, конечно, Геринг. Раздавая направо-налево заграничные паспорта (плюс тысячу долларов на дорогу), он под видом ариизации прикарманивал миллионные состояния. Концерн «Герман Геринг верке» рос как на дрожжах, внушая тревогу даже таким капитанам промышленности, как Тиссен и Крупп.

В итоге в руках творца «Мифа XX века» остался, по существу, миф без ощутимых прерогатив реальной власти. Его внешнеполитические инициативы с присущими им передержками подло высмеяла закупленная плутократами пресса. Продажные писаки не остановились даже перед прямым оскорблением. «В обмен за Польский коридор продавец воздуха обещает Украину». Зачем так убого примитизировать? И, главное, без малейшей исторической перспективы. Навозные жуки, жиреющие на ротшильдовских подачках! Обиднее всего то, что МИД поспешил отмежеваться от запущенных в Лондоне и Варшаве пробных шаров. Константин фон Нейрат даже подсунул фюреру меморандум по этому поводу, мерзкий донос. Что же остается в итоге? «Восточная политика»? Но Эрнст Боле вкупе с Гиммлером беззастенчиво прибирают к рукам его, Розенберга, заграничную агентуру. Геббельс организует у себя в министерстве сектор стран Востока во главе с Маурахом, бывшим белогвардейцем, берет на дотацию «Новое слово» крымского грека Владимира Деспотули. Вся сеть таким образом оказывается в чужих руках. А это не только Париж или Хельсинки, но прежде всего Китай, Соединенные Штаты Америки. Не менее беззастенчиво действует Гейдрих. Самовольно вмешивается в раз-

работку операций в Палестине, вносит неразбериху в славянский вопрос, создает невыносимую обстановку в остзейских лимитрофах, где у него, Розенберга, отлаженные, можно сказать, исконные связи. И аппетиты растут. Как грибы после дождя, на поверхность выскакивают невежественные проходимцы. Директором «Русского института» назначен сотрудник СД Ахметели, иудейскую экспозицию развертывает какой-то там Эйхман, хауптштурмфюрер СС — всего-навсего капитан. Словом, сплошная профанация. Все гребут под себя. Интересы дела в расчет не принимаются.

Гиммлер намеренно распустил слух, будто Эйхман родился в Палестине, в семье немецкого колониста, и лишь недавно переселился в рейх. Наверняка хочет создать своему выдвиженцу подходящее реноме непревзойденного специалиста. Пришлось навести соответствующие справки. Доктор Райхерт, корреспондент ДНБ [1] в Иерусалиме, ни о каком Эйхмане и не слыхивал.

На поверку все оказалось весьма обыденно. Родился в Золлингене, но во время войны родители переехали в Австрию. Никакой тебе Палестины. Дальнейшее тоже ординарно. Посещал начальную школу, лицей, затем поступил в школу машиностроения и электротехники в Линце, но диплома не получил. В 1925 году зачислен коммерческим агентом «Австрийского акционерного общества по строительству электростанций». Прослужив два года, перешел в американскую «Вакуум ойл компани» в Верхней Австрии, Зальцбурге и Тироле. Карьеры в сфере коммерции, невзирая на заманчивые перспективы, так и не сделал: увлекся политикой. Первого апреля 1932 года вступил в запрещенную в Австрии НСДАП (билет 889 845) и в тот же день подал рапорт о зачислении в СС. Присягу принял во время смотра соединений штурмовиков Верхней Австрии, на котором присутствовал сам фюрер. По рекомендации Кальтенбруннера и Глобоцника прикомандирован к главному штабу СС в Пассау. В начале 1934 года зачислен в дивизию «Мертвая голова» и направлен в отряд охраны концентрационного лагеря Дахау. Всего через восемь месяцев переведен во Второй департамент управления СД (секция 112 — «Вопросы религии, масонства и еврейства»). Таким образом, для того чтобы приобрести «наивысшую компетенцию» в еврейском вопросе, «изучить» древнееврейский и идиш, «проштуди-

---

[1] Германское информационное бюро.

ровать» горы исторической и политической литературы, гениальному Эйхману понадобился год с небольшим! Репутация оказалась дутой. Все решила протекция земляков — крупных эсэсовских генералов, таких же недоучек и амбициозных невежд.

Розенберг решил не упускать случая, дабы лишний раз убедиться в собственной правоте. Столкновения с коллегами неизбежны, значит, придется апеллировать к фюреру. Для этого нужны факты.

Неистощимая на всяческие превратности судьба, как водится, распорядилась по-своему. Аккуратно в назначенный день в Мюнхен нежданно-негаданно нагрянул Рейнгард Гейдрих и спутал все планы. Разумеется, он предварительно позвонил и, как положено, испросил приема, сославшись на дело государственной важности. «В связи с известными новациями в Белокаменной»,— пояснил довольно туманно. Прилетел на боевом самолете, лишний раз подчеркнув срочность визита. В партийный дом явился в летной форме, прямо с аэродрома. Позер...

— Рейхслейтер! — начал уже с порога.— Обстоятельства вынуждают меня просить вашего содействия.

— По-моему, еще не было случая, чтобы я в чем-то отказал вам, группенфюрер,— Розенберг постарался продемонстрировать чисто товарищескую любезность.— Надеюсь, вы не впутаете меня в какую-нибудь сомнительную авантюру?

— Мне нужны кое-какие связи,— Гейдрих проигнорировал дежурную шутку рейхслейтера.— Только не спешите сказать «нет». Я вам все объясню.

— Вы же знаете, что я непосредственно не занимаюсь оперативными вопросами.

— У меня и в мыслях не было посягать на вашу агентуру,— намеренно затронув болезненную струну, Гейдрих неторопливо сужал круги.— Просто кое-кого требуется немного попридержать. Это единственное, о чем я прошу. До прояснения обстановки.

— Вы говорите загадками.

— Разве? — шеф СД сделал недоуменное лицо.— Мне казалось, что вы догадываетесь, о чем идет речь. Видимо, я ошибся. Привычка, знаете ли, не особенно доверять телефону. Вот и приходится изъясняться намеками... Вырисовывается занятная перспектива, рейхслейтер. Мы располагаем кое-какими указаниями

на некоторую, скажем так, напряженность в высшем эшелоне Красной Армии. Не исключено, что это всего лишь проявления вполне естественной борьбы за место под солнцем. Личное и групповое соперничество... Примерно, как у нас в Цоссене или на Бендлерштрассе.— Сравнение вырвалось как бы случайно, в порыве сдержанного азарта.— Однако возможен и иной вариант. Серьезные расхождения между армией и партией, армией и НКВД.

— Даже так?

— Точной картины пока нет. И это обязывает нас действовать чрезвычайно осторожно. Говоря военным языком, как на минном поле... Прощупывая каждую пядь земли. Когда я пытался осмыслить происходящее, то задал себе вопрос... Боюсь, что вам он покажется странным.

— Все конструктивные идеи сперва кажутся странными,— милостиво кивнул Розенберг.

— Итак, я спросил себя: все ли средства дозволены в тайной борьбе? И не нашел удовлетворительного ответа. Вы досконально знаете Россию и куда лучше поймете психологию большевиков. Как бы вы ответили, рейхслейтер, на мой действительно несколько странный вопрос? — Гейдрих заранее продумал каждое слово. Его безусловно интересовало мнение Розенберга, но еще больше — первая непосредственная реакция.

Путь будущего теоретика национал-социализма был далеко не столь прям и однозначен, как это пишется. Розенберг не просто жил и учился в России. На первых порах он даже пытался предложить свои услуги новой власти, но не вызвал доверия. Столь же неуспешной оказалась и его попытка сотрудничества с командованием немецких оккупационных войск. Короче говоря, прежде чем обрести в девятнадцатом году прибежище в Мюнхене, ему пришлось проделать известную эволюцию. Что ж, именно такие, свободные от догм люди и делают блистательную карьеру.

— В позорные дни лондонского ультиматума я говорил о нашем потенциальном союзнике на Востоке,— Розенберг каким-то шестым чувством уловил вкрадчивый намек, но истолковал его по-своему, с мрачной агрессивностью фанатика.— «Только не подписывайте капитуляции, как в девятнадцатом году,— говорил я,— на пять минут раньше времени. Вся Россия как раз восстает против еврейского большевизма»...

Вы спрашивали о средствах, группенфюрер? Да, отвечаю, в такой борьбе нет никаких запретов.

— Но если это еще *не такая* борьба? Не прозорливо предугаданное вами восстание?

— Умейте за внешним обличьем различать основу. Лозунги и цвет знамен не имеют определяющего значения... Какие есть у вас точные указания на обострение противоречий между генералитетом и комиссарами? Между армией и НКВД?

— Пока ничего конкретного,— уклонился Гейдрих.— Но может создасться впечатление, что кто-то весьма заинтересован в устранении ряда крупных фигур. Причем любой ценой и даже не без помощи извне. Последнее как раз и наводит на размышления... В монархистских кругах и среди украинцев ходят всякие слухи. У кое-кого уже чешутся руки ввязаться в драчку. Только неизвестно, на чьей стороне.

— Не зная броду, не суйся в воду! Вы это хотите сказать?.. Есть у русских такая пословица.

— Я счастлив, рейхслейтер, что вы разделяете мои мысли. Поостерегите свою клиентуру. В Праге, Варшаве и Харбине — прежде всего. Если армия хочет свалить правительство Сталина — Молотова, то прежде всего следует решить, насколько это отвечает нашим стратегическим планам. Вы согласны со мной?.. Фюрер не раз отзывался о нынешнем руководстве в положительном смысле.

— Не стоит преувеличивать. Наши жизненные интересы лежат на Востоке, и битвы не избежать, но, разумеется, национальная Россия намного предпочтительнее, чем Коминтерн. В ограниченных рамках вассального государства она бы могла наряду с Украиной занять подобающее место в обновленной Европе.

— Тогда тем более не стоит проявлять спешки. Ваши люди соревнуются друг с другом в подбрасывании всевозможных компрометирующих документов. У меня нет предрассудков, и в принципе я вполне готов помочь даже контрагентам из НКВД. Раздор в стране противника всегда на пользу. Но действовать надлежит с открытыми глазами. Я решительно против слепой дилетантщины. Наконец, необходимы консультации с Нейратом. На действительных или мнимых — не суть важно — болячках Москвы мы строим перспективную политическую игру.

— Пока без ощутимых успехов, не так ли?

— И здесь требуется вдумчивый анализ. Я за гиппократов принцип: «Не навреди!» Не пора ли напомнить нашим русским друзьям, что они могут чего-то добиться, лишь неукоснительно выполняя наши указания? Никакой инициативы! Те времена прошли.

— Пожалуй,— без особого энтузиазма признал Розенберг.— Что конкретно мы должны, по вашему мнению, предпринять? — Велеречивые разглагольствования Гейдриха он воспринял как дымовую завесу. Налицо была неумная попытка окончательно вытеснить его, Розенберга, бюро из сферы восточной политики. Что ж, пусть выскажется яснее.

— Категорически воздержаться от всякой импровизации и по возможности прояснить обстановку.

— Для этого у вас больше возможностей.

— Мы не сидим сложа руки, смею уверить.

— И готовы поделиться информацией?

— На основе полной взаимности, рейхслейтер, только так... С Гессом и Герингом вопрос согласован,— выбросил напоследок свой главный козырь Рейнгард Гейдрих, надевая кожаный шлем.— Благодарю за содействие.

Розенберг позвонил графине фон Вестарп, принеся подобающие случаю извинения, и спешно отбыл в Берлин.

25

Люшков понял свою задачу едва ли не лучше, чем ее поставил Ежов. Самое главное — уловил недосказанное, схватил перспективу и наметил возможные направления дальнейшего развития. Материалы на Примакова, Путну и Шмидта, как на бывших троцкистов, и без того уже находились в работе. Пожалуй, он бы успел закончить еще сегодня, если б не помешал Гай. Приперся зачем-то и пустился, присев на угол стола, в неуместные разглагольствования.

— Со скрипом двигается машина,— жаловался на соседей, поводя папироской и осыпая пеплом колени.— Недопонимают некоторые товарищи, что идет по восходящей. Третьего Ленинграда не будет. Если уж спросят, то сразу со всех.

Люшков не ответил, лишь неопределенно покачал головой: как хочешь, так и понимай. Гай, конечно, в растрепанных чувствах. Паникует, ищет, где бы подстраховаться. Но чутье у него звериное. Зрит в самый корень. Ведь это же мрачный юмор, когда при Зиновьеве пришлось размножать материалы съезда чуть ли не в подпольных типографиях, как при царе. Словно бы и самого съезда не было, и оппозицию не высекли там по первое число. Центральные газеты арестовали на почте, а в городских — ни гугу. А все почему? Все кадры — зиновьевские: обком и, главное, органы. Не в том задача, чтоб окончательно раздавить оппозицию — ее песенка спета давно. Раз и навсегда искоренить саму возможность любого ее возрождения, в какой бы то ни было форме — вот главное направление. Маховик раскручен, и его не остановишь. К прежнему возврата не будет. Кто этого не понял, тот, почитай, погиб. Если уж сам Гай, начальник Особого отдела, запсиховал, то что, спрашивается, остальным делать? Зажаться и продолжать жить.

Люшков шмыгал носом, вздыхал, пока не выжил докучливого посетителя.

Как не мозгуй, а по всему видно, что в наркомате назревают крупные перемены. В кабинете Ежова Люшкову приходилось бывать много чаще, чем в наркомовском. Не зря же он столько лет сидел на партоппозиции. Направление ветра угадывалось без слов. Держи глаза и уши открытыми, примечай и делай свои выводы. Царствование Ягоды, по-видимому, подходит к концу. Его стиль и ориентация уже не отвечают требованиям момента. Личные связи, например с правыми, позволившие слегка полавировать в начале тридцатых, теперь определенно потянут ко дну. Генрих Григорьевич слишком поздно осознал то, что сразу усвоили в аппарате ЦК. Он позволял себе поиграть в политику, тогда как требовал совсем иное. В результате ничего не довел до логического конца — ни «московский центр», ни «кремлевское дело». А с Рютиным в тридцать первом вообще непростительно оскандалился. Вместо того чтобы укатать туда, куда Макар телят не гонял, провел освобождение решением Коллегии ОГПУ. Дикий смех да и только!

Люшков вел в тридцать пятом году дела Зиновьева и Евдокимова и, как на ладони, видел типично интеллигентские промахи начальства. Куда ни шло, если бы

для дела или хотя бы из принципа, а то так, ради кривлянья перед зеркалом. Когда накрывает волна, надо подныривать и лететь с нею вместе. Другого не дано. Уж коли служить, то беззаветно, не выстраивая хитроумных комбинаций, которым цена копейка. Если с кого и брать пример, так с Ежова. Николай Иванович только с виду прост. Он все правильно понимает. Даром что до последнего часа ходил в люстриновом пиджачке да сатиновой косовороточке. Каждый мог убедиться: знает свое место человек. Не лезет в вожди. Со всеми ровен, приветлив и вообще без претензий. На одного бога молится. Бывало, дневал и ночевал у бывшего начальника, а почуял перемену — и сразу как отрезало. И неважно уже, кто выстилал дорожку. В таких делах памяти нет. Память — это погибель, потому что вокруг тысячи глаз.

Люшков продумывал каждое свое слово и не делал ничего, что могло быть истолковано хоть в малейшей мере превратно. Не совался к начальству, вообще не проявлял инициативы, но порученное выполнял с пунктуальной точностью. Зная, что внутри НКВД существует специальная, пожалуй даже наркому не подконтрольная, служба наблюдения, не оставлял посторонних предметов ни в ящиках, ни в несгораемом шкафу.

Не то что записная книжка, но бутылка вина, коробка шоколадного набора и то могла оказаться некстати. Объясняйся потом, что взял в спецраспреде. Крайность, конечно, никому и в голову не придет спросить, но, как говорится, лучше не надо. Лишний предмет для разговора, а разговоры до добра не доводят. Только по делу, ну разве что про футбол: «Динамо» было на высоте!»

Кабинет Ежова находился в опасной близости от приемной наркома. Идя по коридору, Люшков всякий раз ощущал неприятное сердцебиение. Каждый встречный на красной, заглушающей шаги ковровой дорожке казался чуть ли не врагом. Хоть и знали все, что к Николаю Ивановичу не заходят без вызова, но наверняка кем-то сопоставлялось, кто именно и как часто. Небось и умозаключения возводились на этой основе. Иди гадай, как оно все потом обернется. Заранее ничего нельзя знать. Станешь копаться в себе, неизбежно подставишься. Работать надо.

Подготовленная Люшковым справка пришлась как нельзя более к месту. Все было отражено в лучшем виде: Шмидт и Примаков, оказывается, даже женаты на сестрах!

Ежов сразу же занялся наведением прочих, как он называл, «параллелей»: кто с кем, по какой линии и когда. Схему предстояло увязать с материалом, поступавшим от начальника Секретного политического отдела Молчанова. В самом первом приближении. Окончательные коррективы внесет хозяин. На случай, если возникнут вопросы по спискам, была разработана специальная форма — «альбом», где содержались все нужные сведения: от личных данных до статей обвинения и категории возможного приговора. Трудился Николай Иванович увлеченно, с азартом вычерчивая замысловатые схемы со множеством разнонаправленных стрелок.

«Возможно, следовательно, не исключено»,— гвоздило в мозгу. Поэтому увязка плодов «чистого разума» (кажется, что-то из философии) с реальной действительностью заботила меньше всего: на это есть следователи. Не люди, как таковые, подлежали обезвреживанию, но сама Возможность. В том и коренился великий профилактический смысл. Имена же могли взаимозаменяться, как болты и гайки, не нарушая общего вида и прочности конструкции.

Сличая возвращенные от Сталина списки со своей копией, Ежов переносил в нее все, без исключения, пометки: крестики, галочки и утверждавшие категорию цифирки. Почти всякий раз хозяин добавлял новые фамилии или, руководствуясь ему одному ведомыми соображениями, кого-то вычеркивал напрочь. До поры до времени, а может, и навсегда (никаких объяснений не давалось) эти лица были неприкосновенны, фигурируя лишь в показаниях подследственных.

Николай Иванович устремлял свои стрелки не только в указанном вождем направлении, но и в том самом порядке, что составился из беседы. Коли был записан в блокноте под номером один Тухачевский, то с этого и начинал, переходя далее к пункту второму — командировкам в Германию. При такой методе неизбежно приходилось вновь возвращаться к Тухачевскому (с двадцать пятого по тридцать второй год был несколько раз), но это лишь проясняло общую картину.

«Параллели» устанавливались как бы сами собой, заполняя все пространство листа.

Жены командарма первого ранга Якира и комкора Ильи Ивановича Гарькавого тоже сестрички, а дочери командарма первого ранга Уборевича и начальника ПУРа Гамарника — сестры молочные — обеих выкормила Нина Владимировна Уборевич, вторая жена.

Любые совпадения брались Ежовым на заметку: Путна и Примаков вместе учились и закончили в двадцать третьем году академические курсы комсостава РККА, Тухачевский и комкор Фельдман вместе сидели в тюрьме во время мятежа Муравьева. Не в совпадениях интерес, но в дружеских связях, которые идут исстари. Дружба предполагает единомыслие, а возможно, и укрывательство, если к тому есть причина.

Тухачевский дружит с Путной с самого детства. Вместе учились (александровцы), служили в старой армии (семеновцы), воевали на гражданской, подавляли Кронштадтский мятеж — всегда рядом, плечом к плечу.

Уборевич тоже из подпоручиков — константиновец, а Примаков, кстати, полный георгиевский кавалер, был у него комбригом в Четырнадцатой армии — опять далеко идущая «параллель». И у маршала Буденного — четыре Егория. Да и в связи с Германией имеется какая-то шероховатость... Тут, где ни копни, обнаруживаются знакомые лица. Смирнов, например, Иван Никитич — заядлый троцкист, которого готовят к процессу,— был членом РВС в Пятой армии Тухачевского. Кто только не прошел через эту Пятую! Всю РККА можно — и нужно, наверное — перешерстить. И с Кавказского фронта тянутся нити, в органы в том числе. Тухачевский, Гусев, Трифонов — все это еще предстоит прояснить. И товарищ Орджоникидзе Григорий Константинович выплывает то здесь, то там, хоть и вычеркнул его Сталин из первого же протокола. Когда одна и та же фамилия возникает все в той же связи повторно, а то и трижды, есть над чем поломать голову. Ленинградский округ, к примеру, при Тухачевском: член РВС Славин, помощник командующего Федько, начштаба Фельдман. Опять, значит, Фельдман!

Люшков, молодчага, указал всех родственников Путны, Примакова и Шмидта, всех друзей и даже друзей детей. На каком-то этапе, возможно, понадобится.

Если дружат отцы, то дружат и сыновья — это нормально, это в порядке вещей. Света Тухачевская, Владимир Уборевич, Виктория Гамарник, Слава Фельдман, Петя Якир, Володя Апанасенко — одна, как говорится, шайка-лейка. Интересно, о чем говорят между собой, какие книжки читают...

Помимо наблюдательного досье материалы на Тухачевского были и в парткомиссии КПК. Ежов не первый раз брал в руки этот грубого, занозистого картона скоросшиватель с четырехзначным номером, выведенным фиолетовыми чернилами с золотистым налетом времен. В самом начале оборотной стороной, содержащей пункты порядка хранения секретных постановлений ЦКК РКП(б), была подшита следующая записка:

Зампред. РВС т. *Склянскому*
лично, секретно

Парткомиссия ЦКК просит Вас срочно прислать ей все имеющиеся у вас материалы на тов. Тухачевского.

Помзавбюро.

«Склянский»,— дополнил свою схему Ежов.

Далее следовал вызов, адресованный уже самому Тухачевскому:

Совершенно секретно,
лично, срочно.

ЦКК просит вас прибыть к члену ЦКК тов. Сахаровой 24 октября к 12 часам дня по адресу: Ильинка, 21, 3-й этаж, комната 31.

И тут же резолюция: «По распоряжению т. Сахаровой дело сдать в архив по заслушанию личных объяснений Тухачевского».

«Сахарова»,— добавилась новая пометка.

А вот и сам материал:

Служебная записка заместителя полномочного представителя ГПУ по Западному краю. 2 сентября 1923 г.

Ежов хорошо помнил это безграмотное письмо, адресованное лично Ягоде:

«Глубокоуважаемый Генрих Григорьевич!..»

Безграмотное не только по форме (это еще полбеды), но и по существу, потому что серьезные политические обвинения были так густо перемешаны с бытовыми, что прямо-таки тонули в гуще никому не интересных подробностей. Те еще кадры выпестовал Генрих Григорьевич!

«Ходит масса анекдотов о его подвигах на пьяном и женском фронтах,— писал замполномочного представителя.— Его помимо воли могут склонить к шпионажу. У нас есть сведения, что в Польше интересуются его романами...»

Кто именно интересуется, какие сведения — об этом ни слова. Зато пахучий букет красивой жизни: «систематическое пьянство», «связь с разного рода женщинами не нашего класса», «секретные документы в комнате стенографистки-полюбовницы» и остальное в том же духе. Зависть к красавцу командующему так и брызжет: «каждый месяц возит семью в броневом вагоне спецназначения», «прилетал на аэроплане к себе в имение».

И концовка вполне характерная:

«Мне т. Касаткин предложил дать все имеющиеся материалы и установить наблюдение. Но мы не имеем права наблюдать за коммунистами без разрешения Центра, тем более за такой крупной фигурой, как Тухачевский».

Центр, то есть товарищ Ягода, разрешения, как видно, не дал. Такие были тогда своеобразные порядки. Можно лишь удивляться, как вообще устояла Советская власть. И ведь по сей день отрыгается. Балицкий вон перед Якиром ни с того ни с сего оробел. Каждая историческая эпоха предъявляет к кадрам свои требования, а кадры решают все, как учит товарищ Сталин. Не все могут соответствовать.

Чем дальше углублялся Ежов в знакомое дело, тем больше обнаруживал в нем нового, подчас поучительного, ускользавшего прежде. Что там ни говори, а личное дело действительно его конек. Здесь ему нет равных. Хотя подрастает способная молодежь — Маленков, например, набирается опыта...

Бережно, чуть ли не трепетно, легким касанием ногтя перелистывая бумаги, Николай Иванович добрался до объяснения, собственноручно написанного Тухачевским (желтоватая с глянцем бумага, красные чернила, тонкое перо):

Члену ЦКК т. *Сахаровой*

По поводу заявления сообщаю следующее:

1. Провозки семьи действительно имели место...

3. На аэроплане никогда не прилетал.

4. Усадьба, где живет моя мать, действительно принадлежала моему отцу с 1908 г., потом он ее продал. Поселилась мать с сестрами во время революции.

Почерк был легкий, летящий, но в общем ясный, хоть и не все Николай Иванович смог разобрать. Особенно по пункту 2, где опровергалось обвинение в ежемесячных поездках. Не стоило, да и неинтересно было в этом копаться. Тухачевский простодушно признал отдельные факты, в частности выпивку, но указал, что не находил в том ничего дурного, очевидно по неопытности, так как он еще молодой член партии, притом все представлено в искаженном свете и сильно преувеличено.

«Свободно бы мог вообще от всего откреститься, лох! — даже пожалел Ежов на какой-то миг. С такими правдолюбцами, кто не может переступить, даже ради собственного спасения, через эти вечно качающиеся чаши: было — не было, справедливо — несправедливо, бывает трудно, но чаще — легко. Их и ловят на объективности. Неосмотрительно поступил Михаил Николаевич, оставляя обвинению малюсенький кончик».

Несмотря на заключение Сахаровой, делу дали ход. Признал факт пьянки — отвечай.

Заседание Партколлегии ЦКК № 79

29.X—23

Командующий Западным фронтом т. Тухачевский М. Н.

Обвинения: попойки, кутежи, разлагающее влияние на подчиненных.

(Доклад т. Петерса)

Строгий выговор за некоммунистические поступки.

Взыскание по партийной линии — это не просто пятнышко в биографии. Выговоры снимаются по истечении уставного срока, но оставленные ими следы часто выводят на новый круг. При чистке, например, или в иных обстоятельствах, когда уместно взвихрить отцеженную муть.

Выписка из протокола № 160

Заседание ЦКК 29—1, 25.

Тухачевский М. Н.— командующий Западным фронтом.

Обвинение: имеет имение и не платит налогов (слух).

Установить факт не удалось, т. к. невыгодно поднимать шум.

Секретарь ЦКК *Шкирятов*

Дело сдать в архив, как неподтвержденное сведениями.

Матвея Федоровича Шкирятова Ежов знал по совместной работе и к схеме не приобщил. Положа руку на сердце, внимания заслуживал только один-единственный документ:

20 сентября 1923

Протокол № 34 заседания Политбюро ЦК от 20.9.23

Предложение тов. Троцкого о передаче материалов о т. Тухачевском в ЦКК и немедленном назначении авторитетного члена РВС Западного фронта.

(тов. Троцкий)

Принять, поручив Оргбюро наметить срочно состав РВС Западного фронта, и внести на утверждение Политбюро.

Секретарь ЦК *И. Сталин*

Знакомая, родная, вызывающая легкое обмирание в груди подпись.

И наконец, последняя бумажка, странноватого стиля и содержания, но наводящая на размышления:

Заключение
по делу т. Тухачевского

Один из командиров корпуса, т. Павлов, уже исключен из партии, а тов. Дыбенко тоже пьянствует и переносится на низший командный состав.

Что конкретно «переносится»: моральное разложение, или пьянки командира стрелкового корпуса Дыбенко, легендарного председателя Центробалта и наркома по морским делам в восемнадцатом году?

Вокруг Павла Ефимовича Дыбенко (командующий войсками Приволжского округа, командарм второго ранга, трижды награжден орденом Красного Знамени) и без того стрелок хватало: Тухачевский, Путна, Федько (командарм второго ранга, четырежды орденоносец, в октябре 1928 г.— помощник командующего войсками Ленинградского округа Тухачевского, ныне командующий приморской группой войск).

Ежов послал порученца в архив за дополнительными материалами.

В первом списке командированных в Германию значилось: Якир, Уборевич, Аронштам, Эйдеман, Корк, Тимошенко, Мерецков.

Развертывалось по-крупному.

— Работайте,— сказал Сталин, исключив комкора Тимошенко и комдива Мерецкова.— Кто будет давать показания о существовании в армии военно-троцкистской организации? Кого наметили?

— Сперва предполагалось подключить Толмачева, Смирнова и Эйсмонта — арестованы в тридцать третьем году, но в свете новых данных возник другой вариант.— Ежов развернул заранее отмеченные закладками страницы альбома.— Замдиректора Челябинского завода «Магнезит» Дрейцер, начальник строительства железной дороги Караганда — Балхаш Мрачковский и начальник хлопкового управления Южного Казахстана Рейнгольд.

В перечислении должностей не было надобности. Всех троих усиленно готовили к процессу «объединенного центра», и Сталин пристально следил за ходом следствия.

— Не могут сломать Смирнова? Это самый приближенный к Троцкому человек,— как всегда, он попал в точку.— Что у них там, санаторий?.. Нам очень нужен Смирнов. Он со многими связан. Его хорошо знают в армии. Его и Мрачковского, но его все-таки больше.

— С ним работают.

— Плохо работают. Возьмите под особый контроль. За Мрачковским, Рейнгольдом и Дрейцером должен стоять Смирнов... На следующей неделе жду вас вместе с Ягодой и остальными товарищами.

— Ясно, товарищ Сталин.

— А это что? — помахав над абажуром настольной лампы какой-то бумажкой, Сталин вернул Ежова.

— Это? — по «шапке», отпечатанной на четырех языках, Николай Иванович узнал бланк ЦИК Белоруссии.— Письмо товарища Червякова Семену Михайловичу Буденному. В польском журнале напечатана статья о Красной Армии, в которой товарищ Буденный назван «Красным Мюратом». Автор статьи немецкий генерал Гоффман, член делегации в Брест-Литовске,— доложил со всей обстоятельностью, но закончил неуверенно, с вопросительной ноткой.— Заладили, понимаешь, «Красный Наполеон», «Красный Мюрат»...

— Мюрат был маршалом у Наполеона,— Сталин превосходно знал историю, вернее — ее отдельные фрагменты. Такие фигуры, как Наполеон, Талейран и Фуше особенно привлекали его.— Мюрат верно служил Наполеону. Следует различать Наполеона-генерала, могильщика революции, от Наполеона-императора, создавшего могущественное государство. Так учит нас диалектика,— потеплев голосом, объяснил он.— Наполеон породнился с Мюратом и сделал его Неаполитанским королем, может быть, Наполеону и не следовало так высоко возносить Мюрата, но он сам это сделал.

Ежов понял и забрал письмо.

По дороге в ЦК он зачем-то подумал о Реденсе, новом начальнике столичного НКВД. Реденс был женат на родной сестре покойной Надежды Сергеевны Аллилуевой. Пост видный, но до королевской короны еще далеко. И продвигался не гладко. После того как Берия, спровоцировав скандальную пьянку, вытеснил Реденса из Закавказья, хозяин посадил его на Белоруссию.

26

Фридрих фон Швее фон Лагенфельд, иезуитский священник, чей печальный долг состоял в том, чтобы сопровождать на казнь осужденных ведьм, был любимым поэтом Папена. Напоминая о неизбежном конце всего сущего в часы радости и утешая в печалях, он уводил воображение к недоступным пределам. Крепость его наивной веры укрепляла дух.

Кто страшится в ураганах
Все невзгоды претерпеть,
Пусть не тщится в дальних странах
В добром деле преуспеть.
Кто в волнах, вдали от суши,
В силах все перенести,—
Только тот способен души
Обездоленных спасти!

Неисповедимы пути господни. Не думал Франц фон Папен, достигнув зенита государственной службы, что в один не очень прекрасный день рок отбросит его к подножию горы и придется опять, под крышей посольства, начинать почти с начала усыпанный терниями путь.

Что ж, по крайней мере есть на что оглянуться...

До прямого вступления Америки в мировую войну на стороне Антанты Папен ухитрился нанести будущему противнику урон, исчислявшийся фантастической по тем временам суммой в сто пятьдесят миллионов долларов. Именно так оценили деятельность «прекрасного Франци» далекие от сантиментов джентльмены из ФБР. Диверсионно-шпионские группы, созданные кайзеровским военным атташе, действовали чуть ли не во всех портах западного побережья. Предназначенные к отправке в Европу суда взрывались прямо на рейде. Выведенные на точный курс субмарины «Хох зеефлотте» топили транспорты с военным снаряжением и цивильные пароходы. Горели склады и эллинги. Нарушались линии связи. Отключался электрический ток.

И кто мог гадать, что воля фюрера вновь возвратит «марбургского оратора» на дипломатическую стезю. После убийства Дольфуса и провалившегося путча австрийских эсэсовцев отношения между обоими германоязычными государствами оказались на точке замерзания. Чтобы возобновить прерванные процессы постепенного всасывания восточных марок в великий рейх, требовался истинный виртуоз. Именно по этой причине и получил бывший канцлер Веймарской республики и вице-канцлер первого кабинета Адольфа Гитлера ранг чрезвычайного посланника и полномочного министра по особым поручениям.

Пожалуй, это был наилучший, если не единственно возможный выбор. Обворожительный светский лев,

располагавший широкими связями в кругах высшей бюрократии и делового мира, Папен явился в Вену в облике истого католика, пострадавшего в благородной борьбе против крайних эксцессов «раннего» национал-социализма. Разве не он в самых решительных выражениях призвал Гитлера покончить с разгулом коричневых? И чуть было не стал жертвой той самой исторической чистки, в которой погибли горлопаны-штурмовики? Весь мир знает, что от верной смерти его спасло лишь заступничество престарелого Гинденбурга. Юнга, его ближайшего референта, буквально изрешетили пулями.

Вручив верительные грамоты в Хофбурге, Папен принялся наводить разрушенные мосты. Первым делом вошел в тесный контакт с прелатами римско-католической церкви. В соборе святого Штефана он проводил едва ли не больше времени, чем у себя в посольстве.

Трудно было усомниться в доброй воле столь замечательного во всех отношениях человека. Вспомнили даже, что именно при нем, Папене, была сделана последняя попытка преградить нацистам путь к власти.

Нет, это не посол новоявленного антихриста, скорее посредник, а может быть, и вовсе тайный антипод с оливковой ветвью в руке.

— Пришло время восстановить мир и доверие между странами-сестрами,— заявил он на первой встрече с Куртом фон Шушнигом, превозмогая подступившие слезы.— Пора забыть обиды и споры. Взаимное доверие и товарищеское сотрудничество — вот та основа, которую нам предстоит возродить, господин канцлер. Не будет ли действительно достойной целью достижение полной гармонии? Обеспеченной доброй волей и честным партнерством?

— Независимость Австрии является основным условием любого сближения,— Шушниг угрюмо противостоял сладкоречивым призывам.

— Самой собой разумеется, дорогой канцлер! — не стыдясь слез, воскликнул посланник.— Я прибыл с миром в сердце и не пощажу своих сил, чтобы восстановить былую гармонию,— он так любил это слово! — Речь может идти только о взаимных мирных заверениях, о мирном пакте между нашими странами. Что-то ведь надо делать?.. Мы наложили запрет на наши газеты, на наших артистов и лекторов. Германские туристы не могут посещать Австрию, торговые

сделки чрезвычайно затруднены. Разве это нормально? Я уверен, что мы можем найти выход из тупика.

Против такой интерпретации Шушниг ничего не мог возразить. Опасный сосед стремился загладить вину, и было бы неразумно не поддержать его в столь благотворных намерениях.

Папен имел полномочия идти на любые уступки по части суверенитета, лишь бы добиться официального признания Австрии немецким государством. Независимым, нейтральным — каким угодно, но только немецким. В надлежащий момент это зароненное в почву зерно обернется зубом дракона.

Обосновавшись в Вене, Папен восстановил отношения с абвером, располагавшим в Австрии мощной разведывательной сетью. В отличие от прочих спецслужб рейха, слегка потрепанных в ходе минувших событий, она практически не претерпела урона. Видимо, это обстоятельство и, не в последнюю очередь, высокое искусство посланника вынудило Гитлера доверить ему выполнение операции крайне деликатного свойства. В полном смысле слова «особое поручение».

Любой ценой, не считаясь ни с чем, даже с новым кризисом в отношениях, требовалось добыть досье, которое австрийская полиция завела на будущего фюрера и рейхсканцлера еще в довоенные времена.

Там было чем поживиться и по части политики, и, чего Гитлер более всего опасался, в сфере без четко обозначенных границ, которую относят к психопатологии, а если уж говорить до конца, к психосексопатологии.

Франц фон Папен и сам был не прочь заглянуть в заветную папку, тем более что скандальная волна уже выплеснулась на страницы газет. Скорее всего это и заставило фюрера действовать с лихорадочной поспешностью.

Когда поступила посланная на его имя шифровка, Папен сладострастно потянулся. Каких-нибудь три месяца назад, раскрыв за кофе — мер вайс — со сливками парижскую «La Journal» и обнаружив там сенсационную статью «Секретная жизнь канцлера Гитлера», он уже испытал нечто подобное. Сразу обозначились еще не вполне ясные перспективы, да и чисто по-человечески было приятно. Вождь рейха и партии предстал жалким импотентом и трусом со всеми вытекающими из этого комплексами. Теперь ощущение удовольствия было намного острее: личная причастность и, как неиз-

бежное следствие, риск. Предчувствие все-таки не обмануло! Случай вновь подбрасывал дьявольски соблазнительный шанс.

Случилось то, что должно было неизбежно случиться. Недаром же сама судьба привела его сюда, в Вену, где укрылась некая Роза Эдельштейн, мечтательная девушка восемнадцати лет, с глазами скорбящего ангела, которую фюрер удостоил своим вниманием! Когда бедняжку постигло это несчастье, началась неизбежная в таких случаях проверка. Отца, мелкого коммерсанта, в одночасье убрали, как только выяснилось полное неблагополучие по части крови, а сама она едва успела вскочить в отходящий поезд. От каких-либо показаний Роза благоразумно воздержалась, но Папен на всякий случай держал ее под прицелом. После скандальной публикации в «Журналь» она совсем затаилась, хоть и не была упомянута, и вообще пыль поднялась вокруг иного предмета — совершенно ничтожной особы по имени Женни Хауг. Шоферу и телохранителю фюрера Эрнсту эта дрянь приходилась родной сестрой. Надо же такому случиться, чтобы у Гитлера именно с ней впервые в жизни, кажется, что-то начало получаться. Своими впечатлениями, не слишком лестными, она поделилась с подругой Гертой Мюллер, а та рассказала обо всем парижскому журналисту Тено. Разразилась буря. На Францию давили как извне, так и изнутри — постарался Абец. Тено арестовали, на газету наложили запрет. Напрасно издатель бил себя кулаком в грудь: «В чем вы нас обвиняете? Мы показали канцлера всего лишь обычным человеком. Где, наконец, наши свободы?! Свобода печати!»

Республика не желала осложнять отношения с Германией ради грязных простынь ее вождя.

Прежде чем начать действовать — досье хранилось в сейфе самого Шушнига,— Папен собрал воедино все, что было известно по слухам. Наблюдение за домом канцлера и без того велось круглые сутки. Удалось организовать и бесперебойное подслушивание: микрофоны были встроены в панели служебного кабинета.

Когда Шушниг позвонил домой и попросил жену подвезти «тот самый портфель», Папен сразу понял, о чем речь, и дал сигнал к началу. Дипломатические сотрудники Каганек и Кеттлер действовали строго по сценарию, и, если бы фрау Шушниг не вздумала сде-

лать непредусмотренный крюк, инцидент мог бы закончиться бескровно. Но ей зачем-то понадобилось завернуть на Ротенштурмштрассе. Пришлось прибегнуть к запасному варианту.

Возле ресторана «Штефанскеллер», известного главным образом сумасшедшими ценами, в машину канцлера врезался внезапно вылетевший из подворотни продуктовый фургон. Женщина и шофер скончались, не приходя в сознание, а портфель через пятнадцать минут оказался в кабинете полномочного министра.

— Как ни берегись, но всего не предусмотришь,— философски заметил Папен, поблагодарив обоих дипломатов за службу.— Предоставим героев дня их судьбе, но вы должны немедленно покинуть страну, прежде чем на след выйдет полиция. Приводите в порядок дела и собирайтесь в дорогу. Жду вас ровно через два часа. Этого как раз хватит, чтобы организовать швейцарские визы.

Запершись в кабинете, Папен, не долго думая, взломал секретные замки и наскоро проглядел документы. Материалец подобрался заглядение: фотографии, письма, заверенные показания свидетелей, копии полицейских протоколов.

Младенец — был даже такой снимок! — появившийся на свет в субботу апреля двадцатого дня 1889 от рождества господа Иисуса Христа года, как и ожидалось, оказался тем еще фруктом! Мало того что осведомитель и провокатор, еще и психопат с садо-мазохистскими проявлениями. В бытность германским канцлером Папен имел случай прикоснуться к подобного рода документации, но о начальных ступенях восхождения грядущего фюрера тысячелетнего рейха австрияки знали куда больше. Неудивительно, впрочем. Здесь — Браунау на Инне (Гастхоф цум Поммер) — он родился, здесь же, в Линце, будучи еще гимназистом, впервые столкнулся с полицией. Заключения тамошних медиков превосходно дополняли диагноз, поставленный первого сентября тридцать третьего года ведущим психиатром Эдмундом Форстером. (Уже как вице-канцлер Папен знал, кого привозили к фюреру в эсэсовском мерседесе в то дождливое утро.) Ему стоило немалых трудов выцарапать у Форстера необходимые подробности.

Профессор оказался скуп на слова, однако нашел достойное объяснение тяжелому анамнезу пациента:

— Психоматические особенности напрямую связаны с событиями на Западном фронте, где наши войска были вынуждены применить боевые отравляющие вещества. В частности, «Желтый крест», или «В-дихлорэтилсульфит». Противогаз оставлял желать лучшего, и произошло частичное отравление, имевшее отдаленные последствия. На интеллектуальных способностях это никак не отразилось, напротив, скорее обострило их, пробудив волю к сопротивлению печальным обстоятельствам. Характер, как вы понимаете, закалился в борьбе.

Форстер четко понимал, что от него требовалось. Поэтому Папен пропустил ученые объяснения мимо ушей. Важны факты, а не их истолкование.

Теперь наконец все складывалось один к одному, как в добротной постройке: душераздирающие сцены в мюнхенском доме на Принцрегентштрассе — Мими Райтер дважды пыталась выброситься из окна, загадочное убийство Ангелики Раубаль, которое не так просто оказалось замять, и трогательная дружба с Хелен Бехштейн. Неимоверно трогательная. Фюрера неоднократно заставали перед ней на коленях. Уткнувшись в ее белые, благоухающие руки, он выкрикивал страстные признания, а растроганная фабрикантша шептала в ответ: «Мой Волчонок, Волчонок»,— и успокаивающе гладила по волосам.

Теперь стало понятно, зачем понадобились эти и подобные им, заранее рассчитанные на огласку объяснения.

Фюрер потому одинок, что женат на великой Германии, но он мужчина, в нем играет здоровая сила, которую пришлось целиком сублимировать в исполнении долга. Это жертва рыцаря-монаха. Документы напрочь разбивали эту расхожую, в сущности официальную, версию. Да, как и надеялся Папен, в портфеле была спрятана бомба, способная доставить фюреру немало неприятных минут.

Передать *такой* материал из рук в руки за здорово живешь было бы недостойно политика. К тому же небезопасно. За причастность к таким тайнам расплачиваются головой. Зато обладание ими может служить известной гарантией безопасности, если, конечно, по-умному распорядиться.

Франц фон Папен заранее продумал и предусмотрел все. Фотограф с нужными принадлежностями в пол-

ной готовности дожидался в бронированном помещении. В присутствии посланника он, страница за страницей, переснял все дело, проявил, а затем высушил пленки.

— Спасибо, Гейнц,— милостиво улыбнулся Папен.— Можете быть свободны до завтрашнего вечера,— и, тщательно разглаживая банкноты, отсчитал триста шиллингов.

Так же неторопливо и методично он просмотрел пленки, уложил их в потайные карманчики пуленепробиваемого, выложенного асбестом жилета и поднялся к себе в кабинет.

Готовые в дорогу дипломаты уже поджидали его в приемной.

— Возьмите ваши паспорта, господа,— по-отечески напутствовал посланник.— И да хранит вас господь!.. А это, дорогой Кеттлер, вы наденете под пиджак,— добавил вполне будничнo.— Адрес в Берне вам, конечно, известен. Поедете в сопровождении охраны, как с диппочтой. Звоните в любое время.

По пути к границе Каганек обнаружил хвост. Неизвестный «хорьх» с венским номером сопровождал их до самого шлагбаума, но тем и ограничилось.

Агенты СД, тайно контролировавшие весь ход операции, не решились напасть на посольский автомобиль, в котором помимо шофера и дипломатов сидели трое охранников.

Уже через час после пересечения границы Гейдриху было доложено о беспрецедентной двойной игре посланника Папена. Выбранив незадачливых агентов, которые фактически провалили задание, он попробовал напрямую связаться с фюрером, но адъютант вежливо переадресовал его к Гессу.

Оставалось, холодея от бешенства, поджидать удобного случая.

Папен между тем преспокойно занялся текущей работой, затем поужинал в приятной компании в кафе «Централь», где собирался не чуждый музам венский бомонд, и поспел ко второму акту в Карл-театр на оперетку.

Каганек позвонил только на следующее утро. Посланник закончил завтрак, за неизменной чашкой мер вайс пролистал газеты и только потом вызвал Берлин. С Гитлером его связали без промедления.

— Счастлив доложить, мой фюрер, что пришлось

завести новую книгу поздравлений по случаю вашего дня рождения. Прежнюю исписали снизу доверху. Позвольте выслать ее вам в качестве маленького презента, хотя и запоздалого?.. Курьер вылетает на моем самолете.

Гитлер рассыпался в благодарностях. Даже голос дрожал от волнения.

Новый день посланник начинал в явно приподнятом состоянии духа. Своими руками пристегнул к запястью курьера стальной чемоданчик. В жизни, как в игре: если повалит карта, то жми до упора, пока не исчерпается полоса. Это простое и мудрое правило вскоре подтвердил военный атташе фрегаттен-капитан фон Ревенцлов.

— Удалось подсечь жену русского дипломата,— он передал бумаги, лучась улыбкой.— Либо он будет сотрудничать, либо это уйдет в Москву.

— На чем, интересно, взяли?

— Даже стыдно говорить, экселенц,— резидент абвера презрительно скривил губы.— Попытка кражи в модном магазине... Мы давно наблюдали за ней: любит красивые вещи, дрянь. В особенности меховые шубки. Но вкуса, должен сказать, никакого.

— Поздравляю, коллега, и от всего сердца благодарю. Только не пережмите с ней, ладно? Максимум такта. Может завязаться интересная комбинация.

— Я начал с того, что ликвидировал инцидент, расплатившись наличными... И пообещал за хорошее поведение норковое манто.

27

К Первомайскому празднику на заводе имени Сталина в авральном порядке собрали первый «ЗИС-101». Директор завода Лихачев сам пригнал сияющую черным лаком красавицу в Кремль. Конструкторы учли, хоть и с некоторым отставанием — потом придется наверстывать, лучшие достижения мирового автомобилестроения: обтекаемые формы, девяносто лошадиных сил, восемь цилиндров. Запасное колесо — не на заду, а сбоку — плавно вписывается в изгиб крыла. Легковушка — класс: семиместная, для высших ответработников и комсостава.

Сталин вышел в белом френче и белой фуражке. Критически оглядел машину со всех сторон, встал на подножку и не то чтобы попрыгал, но сделал несколько приседаний, не отрывая подошв от резиновых рубчиков. Затем пнул сапогом туго надутую шину.

— Трясти не будет? Нужно сделать так, чтобы пассажир не ощущал неровностей дороги. У нас еще не всюду проложен асфальт.

Лихачев записал замечание в блокнот.

— Это что у вас? — встав перед радиатором, Сталин потрогал крылатую хромированную фигурку.

— Птица, товарищ Сталин.

— Не сразу можно догадаться, что это за птица. И для чего вам птица? Все загранице подражаете? На «линкольне» — собака, у вас — птица? Собаки, орлы — чуждые нам символы. Почему бы вам не сделать красный флажок с маленькой звездочкой? Пусть все видят, что это именно советский автомобиль. Как по-вашему, товарищ Лихачев?

— Совершенно верно, товарищ Сталин. Спасибо вам за эту замечательную идею. Флажок можно изготовить из красного небьющегося стекла и расположить таким образом,— директор накрыл широкой ладонью злополучную птаху,— чтоб не нарушать обтекаемость... Прошу,— уловив движение Сталина, он поспешно распахнул переднюю дверцу и сразу же заднюю.

Вождь без видимой охоты опустился на сиденье, поерзал, ковырнул пальцем грубоватую кожу. Для себя лично он бы не пожелал такого автомобиля: в «паккарде» значительно удобнее и мягче. В «линкольне» — тоже, невзирая на распростертую в беге собаку. Но в общем и целом новая модель отвечала задаче. Давно пора пересадить кадры на советскую машину, а то ездят на чем попало. Первым делом надо усилить кузов и поставить пуленепробиваемые стекла... Внутри тоже не все благополучно.

Отсутствие стекла, отделяющего пассажирский салон от шофера, Сталин заметил в первую же секунду. Существенная недоработка. Шоферу совершенно необязательно слушать, о чем будут говорить между собой пассажиры. Странно, что Лихачев сам не сообразил.

— Мы возлагаем большие надежды на новый автомобиль. Если вы думаете, что на нем будут ездить одни начальники, то вы ошибаетесь, товарищ Лихачев.

Народ будет ездить, не только начальники. Нам нужны новые такси, кареты скорой помощи. Надо и о больных людях подумать. Вот вы пепельницу тут сделали...

— На скорые пепельниц не поставим! — торопливо заверил директор.

— Правильно сделали,— Сталин продолжал свою мысль.— Не на пол же окурки кидать? Но разве у нас все обязательно курят? Вы курите, я курю, только это не значит, что все курят. Нужно сделать так, чтобы никто никому не мешал: ни пассажиры шоферу, ни шофер пассажирам. Не все курят, и не всем врачи разрешают курить... Вам разрешают?

— Я не спрашивал, товарищ Сталин.

— Врачи любят понапрасну пугать, поэтому их не всегда слушают. Но это не значит, что мы не должны заботиться о здоровье народа. Представьте себе, что больному вдруг стало плохо и он должен глотнуть свежего воздуха.

— Можно опустить стекло,— Лихачев потянулся к ручке.

— А если на улице ветер? Пурга?.. Шоферу начнет дуть в спину, и он может нечаянно простудиться. Тут надо поставить такую ручку,— Сталин оттопырил большой палец, желтый от никотина, и постучал о спинку передней скамьи.— И такое стекло.

— Непременно учтем.

— Как думаете назвать первенца?

— Очень просто: «ЗИС-101». Наш коллектив гордится именем родного завода. Красиво звучит!

Сталин выбил давно прогоревший табак в жестяную пепельницу.

— Газетчики донимают,— неловко улыбнулся Лихачев, уловив молчаливое согласие.— «Какой, мол, подарок приготовил к Первомаю?» Будем рапортовать.

— Сперва устраните недостатки, а газеты никуда не уйдут.

— Уж это обязательно, товарищ Сталин! Устраним.

— Крупное достижение следует отметить таким образом, чтобы было заметно. Почему бы вам не написать статью, товарищ Лихачев?

— Мне?! Какой из меня писатель,— махнув рукой, директор снял темно-синюю, но такого же, как у Сталина, покроя фуражку и рукавом отер вспотевший лоб.— И не поспеть к празднику.

— Боитесь, что Мехлис ругаться начнет? Места

нет в праздничном номере... А мы не будем спешить. Зачем нервировать человека?

— Не наберется на статью материала. Не описывать же технические подробности?

— Напишите, как мы тут с вами спорили, осматривая первый автомобиль. Думаю, получится интересно.

Развернутые на все четыре стороны черные соцветия рупоров разнесли по Москве ликующее пение фанфар. Приняв рапорт командующего, нарком Ворошилов слез с танцующей, белой в яблоках, лошади, бросил поводья адъютанту и, придерживая бьющую по сапогу саблю, взбежал на трибуну Мавзолея.

Сталин по обыкновению стоял отдельно от прочих, на левом крыле. Между ним и остальными вождями, сбитыми в плотную кучку, оставался незаполненный промежуток. Сталин был первым, кого видели, вступая на Красную площадь, и единственным, кого жадно искали тысячи радостно взволнованных глаз. Узнавали с первого взгляда, хоть было немыслимо далеко. Но зато все, как на портретах и фотографиях, как на экране: усы, фуражка и неизменная трубка в руке. Приветствуя проходящих легким помахиванием, он неторопливо прохаживался, изредка узнавая кого-то на нижних трибунах.

Печатая шаг, проходили в строгом строю войска. Молодые красноармейцы украдкой косились на одиноко стоящую фигуру, по грудь обрезанную розовым мрамором. Высокий ли, низкий — не разберешь: не с кем сравнивать, а уж великий, так это точно.

Безмерная недосягаемость абсолюта и добрая, тебе одному предназначенная улыбка — они воспринимались в неразрывном сверхчеловеческом единении, олицетворяя высший смысл бытия. Он знает все, все видит, все понимает. Причастность к нему — делом, словом, взглядом — оправдывала существование на земле, сводила на нет неурядицы, обещала сияющий взлет. Увидеть — значит воистину причаститься, включить себя как личность в необозримый круг его неусыпных забот. И если ты, один из многих миллионов, можешь сегодня видеть его, то он конечно же видит тебя, и это уже не разорвать, не изгладить.

— Сталина видели?

— Ну все равно как вас!

В безвоздушном пространстве и заторможенном времени — минута? вечность? — громыхали шеренги. Прошествовав мимо и с особым рвением выпятив грудь, оглядывались уже на соратников. Узнавали немногих. Орджоникидзе — усы и шапка волос, Калинин — седая бородка и в шляпе. Первый красный офицер с огромными звездами на петлицах, понятно, не в счет. Перед началом парада он обскакал сосредоточенные на подходах к площади войсковые порядки.

На трибунах же знали каждого, кто стоял там, на озаренной зеркалами из порфира, мрамора, лабродора, гранита вершине: Чубаря и Андреева, Кагановича в железнодорожной тужурке, Молотова, неулыбчиво посверкивающего стеклышками пенсне, и приветливого Никиту Хрущева в кепке-малокозырочке. А чуть подалее — могучий, с развевающейся шевелюрой Димитров, из-за которого едва выглядывает Ежов, потом Косарев, Межлаук и Литвинов в толстовке. На правом крыле военные, нарком и генеральный комиссар госбезопасности Ягода, начальник Политуправления Ян Гамарник, Тухачевский, Егоров, Буденный — легендарные маршалы.

Нарядно одетые люди с детьми, женами, переминавшиеся в отведенных для них секторах, тесно общались с небожителями в служебной, а то и семейной обстановке. Члены ЦК и кандидаты, комкоры и комдивы, крупные хозяйственники и дипломаты, они куда более трезво смотрели и на Сталина, тем не менее поддаваясь, подчас против воли, общей экзальтации, и на ближайшее его окружение.

Интересовались не столько стоящими на Мавзолее, сколько отсутствующими и делали свои выводы. Сколько их, кто красовался там, во вторых рядах, на прошлогоднем параде, возвысясь над площадью, топталось сегодня рядом. Об иных же и думать не стоило, тем более спрашивать.

Охрана в белой парадной форме, словно мелом вычертила линию, отделяющую парад от трибун, пунктиром обозначила и сами трибуны, и ступени, ведущие на самый сияющий верх. На площадках каменных лестниц, смутно отражаясь в полированных плоскостях, одни над другими попарно, замерли перекрещенные ремнями командиры в ромбах и шпалах.

«Фараон,— подумал Карл Радек, вздернув умненькую, с пушистыми бакенбардами, обезьянью головку.—

Опричнина и земщина»,— внес тонкое уточнение и сразу понял: не то.

Разбитая на строгие прямоугольники пестрая «земщина» у подножий ступенчатой пирамиды не противостояла «опричнине», являя скорее иную ее ипостась.

Прославленные на всю страну директора индустриальных гигантов и герои-стахановцы, стеснительные доярки из вологодских, полтавских, сибирских колхозов и авиаторы в немыслимо элегантных кителях (крахмальная сорочка, галстук!) несли на себе, сами того не ведая, печать избранничества, были призваны *представлять*. И акын в косматой шапке, коему так не хватало неразлучной домбры, и метростроевец с новеньким орденом на лацкане пиджачка — все, *представляя* единое целое, казались немножечко ряжеными. Не то чтобы фальшью, но молчаливым каким-то сговором веяло от счастливо взволнованных лиц. Каждый сам по себе был и своеобычен, и, наверное, замечателен, а в общем ансамбле проступали ржавые пятна подмены.

Здесь не было зрителей. Все, от мала до велика, участвовали в действе. Не только коминтерновцы, но даже иностранные дипломаты, заполнив положенные квадраты живой мозаики, оказались вовлеченными в грандиозный размах представления. Их мундиры и экстравагантные туалеты, символизируя обреченный мир, словно подчеркивали мощь и величие единственной в мире страны. Они довершали законченность вселенской иерархии, подобно посланцам варваров перед престолом богдыхана.

Катили, задрав стволы, пушки на конной тяге. Заглушая звон подков, гремели марши. Поочередно сменявшиеся дикторы то мужским, то женским, но одинаково выспренным голосом комментировали подробности. Прогарцевала конница, лихо промчались тачанки с пулеметчиками, что прильнули к зеленым щиткам «максимов», проехали самокатчики.

Стоя рядом с Анной Михайловной, Бухарин по-детски радовался празднику. Солнечный жар и бодрящий холодок, набегавший с облачной тенью, были равно приятны. И музыка, и ликующая разноголосица, и надувавший алые полотнища шальной ветерок.

Какой-то малыш выпустил синий воздушный шар, и его понесло в восходящих потоках над площадью, где уже лязгали гусеницы тягачей моторизованной артиллерии.

Родился Юрочка, жить хотелось долго и счастливо (сорок семь — вовсе не старость) и подмывала здоровая жажда увидеть, осмыслить, выразить. Вспыхивали и угасали идеи, возникали планы, один другого заманчивее: и на Памир съездить хотелось, и книгу о фашизме начать. Он даже набросал вводные тезисы и, наверное бы, втянулся в работу, если б не гвоздила неотвязная мысль о дальнейшей судьбе архива. Они оказались в прямой нерасторжимой связи: эта его работа и Марксовы письма, которым угрожали надругательство и ритуальный огонь. Пожар рейхстага и площадные костры, на которых сжигали книги философов и поэтов, соединяла та же причинная обусловленность. Трудно и больно было думать об этом, постоянно искать и не находить ответа.

Вернувшись в Москву, Бухарин сразу позвонил Сталину и чуть не со слезами просил его, пока не поздно, забрать архив. Расходы на новую командировку фактически покрывали мизерную разницу в ценах.

— Чего ты так волнуешься, Николай? Не надо волноваться и торопиться не надо. Вот увидишь, они пойдут на уступки.— Сталин не только не выразил неудовольствия, что сделка осталась незавершенной, но, напротив, был на удивление мягок и терпелив и даже как будто доволен.

О чем бы ни размышлял Николай Иванович, глаза его невольно устремлялись туда, на левое крыло одетой розовым камнем гробницы.

В какой-то момент — на размеченную линиями брусчатку как раз вступали автоплатформы с прожекторами, звукоулавливателями и длинноствольными зенитками — ему показалось, что Сталин, будто почувствовав взгляд, смотрит теперь в его, Бухарина, сторону.

Дальнейшее происходило, как под стеклянным колпаком, откуда выкачали воздух. Поле зрения сошлось в неимоверной узости конуса, и настала полная глухота.

Сталин отвернулся, пройдясь вдоль стенки, глянул куда-то, и к нему тут же подскочила фигура в малиновой фуражке. По охране сверху вниз пробежало легчайшее шевеление, и вот уже кто-то в белом с голубыми, как небо, петлицами пробирается через толпу.

«Сейчас меня возьмут»,— с мертвым спокойствием подумал, а может, и сказал Бухарин. Наверное, все же сказал, потому что Аня то ли вскрикнула, то ли тоже подумала: «Нет!»

— Николай Иванович! — охранник отдал честь.— Товарищ Сталин просит вас подняться на трибуну. Ваше место там.

Многоголосица и яростные краски дня проступали как бы из потустороннего далека, когда Бухарин уже стоял над задымленной площадью, затерявшись во втором или третьем ряду. Низринутый и вновь возвращенный капризом тирана, он не чувствовал ни облегчения, ни благодарности. Унижен, выжат до последней капли, вдавлен в землю тяжелым катком — такое примерно было его ощущение.

— Здравствуйте, Николай Иванович,— заметил Бухарина Тухачевский,— рад видеть вас в добром здравии.

С грохотом проползала стальная лавина: малые плавающие танкетки, легкие БТ, средние Т-26, тяжелые Т-35. Люки круглых, огороженных сзади башен были откинуты. Командиры экипажей — ладонь возле шлема — проплывали в сизой пелене. Слитые с машиной, суровые и непонятные, как бронированные кентавры.

— Какая все-таки силища! — Егоров наклонился к самому уху Тухачевского.— С каждым годом все заметнее рост.

Михаил Николаевич одобрительно кивнул. Начальник генштаба давно и прочно связал себя с высокими покровителями, но отношения, невзирая на частые столкновения, сохранялись добрые, почти товарищеские. Стоявшие рядом Буденный и первый замнаркома Гамарник с такой же растроганной, почти отеческой улыбкой наблюдали за прохождением танков. По-своему понимая роль отдельных родов войск в современной войне и чуть ли не с боем отстаивая свою точку зрения, каждый откровенно гордился и выправкой бойцов, и могучей техникой. Даже танкам порадовались. Снисходительно и не без задней мысли, наверное, но порадовались. Что ж, и на том спасибо.

Тухачевского коробило от восторженных восклицаний в честь красной конницы и ее знаменитых «ростовчанок». Ему так и не удалось пересадить лихих рубак на бронеавтомобиль. Почти четыре года пропали зазря, и то, что Красная Армия все-таки стала такой, как она есть, достигнуто в неимоверной борьбе. Не благодаря новоявленному «создателю», а вопреки ему. Пойдя со скрипом на перевооружение, после того как дважды отверг предложенный план, Сталин по-прежнему бла-

говолит к «стакавам», старым кавалеристам. Самоубийственный тезис об особой маневренности конницы кошмарным призраком витает и в генштабе, и в наркомате. Якира и Уборевича чуть не силком принудили выставить на маневры кавалерийские части. Неужели все еще не ясно, что танки и штурмовая авиация за несколько минут превратят орду ошалевших всадников в кровавое месиво? С кем они будут рубиться своими допотопными шашками? С танкистами, защищенными толстой броней? Лошади против стосильных моторов, пушек и пулеметов, объединенных в скоростную крепость,— абсурд.

Трудно поверить, что тут можно добросовестно заблуждаться. Ворошилов и тот понимает, хоть и маневрирует, как паяц, держа нос по ветру. И невинность соблюсти, и капитал приобрести. Но ведь так не бывает...

Еще не развеялась гарь и не отгремели гусеницы, когда различилось нарастающее гудение моторов. Вырвавшись из-за башенок Исторического музея и враз заполнив собою небо, пронеслись самолеты. Сверху их накрывала вторая волна, вознося над столицей имя вождя. На трибунах зааплодировали. Принято было считать, что Сталин, помимо прочих обязанностей, особо шефствует над военно-воздушным флотом.

За регулярными частями промаршировали отряды вооруженных рабочих. В шлемах, поротно, держа на плече древко с красным флажком, бодро протопали пионеры. Физкультурники с голой грудью прошли, выжимая пудовые гири. Их сменили крепенькие девчата в коротких трусиках и, наконец, хлынуло половодье демонстрации. От Ленинского музея до Лобного места возле Василия Блаженного и далее, двумя рукавами к реке, древняя площадь расцвела кумачом. Закачались над морем голов неисчислимые портреты и всяческие диковины на высоких платформах и длинных шестах.

В колонне автозаводцев катили сделанный в натуральную величину макет новорожденного автомобиля.

«Лазаря пел: не успеть, мол, к Первомаю,— подумал Сталин.— Небось, загодя позаботился,— и с улыбкой кивнул Орджоникидзе: — Молодцы, хорошо».

Народному шествию — с детишками на плечах, с «Да здравствует!» и «Ура!» — не видно было конца. Все повторялось, умноженное в тысячах копий: портреты, лозунги, возгласы, младенцы на головах. Колон-

ны напоминали параллельные ленты конвейера, с которого сходили одинаковые изделия. В едином взмахе взлетали, подобно шатунам, упитанные ляжки заводских спортсменок и, как рычаги, выскакивали вверх руки с флажками и ветками бумажных цветов.

Сталин снисходительно улыбался и чуть помахивал расслабленной ладонью, не донося ее до плеча. Не хотел утомляться. Демонстрации затягивались надолго, но это был день, когда следовало показаться, чтобы видели все, и запомнили, и сохранили в себе. А скупость жеста подчеркивает глубину отточенного немногословия.

Трудно сказать, кто сильнее устал и проголодался: члены правительства или же демонстранты, что встали затемно и черепашьим ходом проползли сюда через всю Москву. Но праздничный обед светил каждому.

На квартире Ворошилова, одной из самых просторных в Москве, дожидался накрытый стол. Приглашенных оповестили заранее.

— Ты случайно не помнишь, Клим, на какой машине ездит Якир? — спросил Сталин.

— Голубой «бьюик». Его весь Киев знает.

— Это плохо, если весь город знает машину командующего. Значит, враг тоже знает?.. Надо беречь командные кадры. Скажи Лихачеву, пусть покажет тебе новый автомобиль. Если понравится, подари товарищу Якиру.

15 мая. «Правда»: «О награждении работников Наркомата обороны и НКВД СССР, обеспечивших образцовый порядок при проведении парада и демонстрации».

Орденами «Красной звезды» награждены:
командарм второго ранга Алкснис
комиссар госбезопасности второго ранга Паукер
майор госбезопасности Власик.

Паукер командовал охраной Кремля, Власик — Ближней дачи. Оба находились в прямом подчинении Сталина, минуя ГУГБ.

28

Неверно, что мужья обо всем узнают в последнюю очередь. Прежде чем до Гейдриха дошли слухи, что его жену слишком часто видят с Шелленбергом,

шеф СД принял надлежащие меры. Он совершенно точно знал, что между Линой и Вальтером ничего нет. По крайней мере, в сфере предосудительных действий. Что же касается менее уловимой области чувств, то тут обстояло сложнее.

Госпоже Гейдрих определенно нравился молодой, подающий большие надежды сотрудник вечно занятого делами мужа. Она мечтала о блестящей жизни, воображала себя хозяйкой маленького двора, окруженной рыцарским поклонением находчивых и отважных вассалов. Разумеется, красивых и тайно влюбленных в свою прекрасную даму, но почтительных, трогательно смущенных, скрывающих чувства под маской светской любезности.

Где и как она намеревалась воплотить свои грезы, можно было только догадываться. Друзья Рейнгарда менее всего походили на юных оруженосцев. В подавляющем большинстве они и отдаленно не понимали, что означает хороший тон. Много и жадно ели, совершенно не разбираясь в еде, порой до омерзения накачивались, мешая пиво с вином. Доходило до того, что храпели на скрипичном концерте. Если только не играл сам Рейнгард, когда приходилось, крепясь изо всех сил, изображать внимание. Их не интересовали искусства: живопись, поэзия, театр, не трогали красивые вещи. Они не только не отличали «Копенгагена» от «старой Вены», но даже об отечественном «мейсене» судили только по фабричному знаку «голубые мечи». Патриоты, называется! Фрау Гейдрих, знавшую толк в настоящем фарфоре, это особенно раздражало. Не на ком было взгляда остановить.

Оллендорф, Глобоцник, Йост — просто животные. А благообразный Крюгер с глазами убийцы? Стыдно перед приличными гостями. Недалеко ушли и молодые: науйоксы, хаксы — одни фамилии чего стоят.

Не произвел впечатления и новичок, которого Гейдрих привел однажды к ним в дом. Эйхман, кажется... Сам он еще куда ни шло, хоть и зануда, но жена совершенно невозможна, настоящая скотница с какого-нибудь фольварка. Получалось, что, кроме Беренса и Хеттля, и поговорить было не с кем. Но Беренс всецело находился под влиянием шефа, молясь на него, как на икону, а Хеттля — слишком молод и тих — приглашали в дом от случая к случаю.

Появление Шелленберга стало подлинной находкой.

К тому же он быстро поднимался по служебной лестнице, и Рейнгард, казалось, уже не мог без него обойтись.

Словом, фрау Гейдрих приобрела не только приятного и остроумного собеседника, но и изящного кавалера, с которым не стыдно было показаться в свете. Одеваться и то он умел в тон ее туалетам, выгодно подчеркивая линию и цвет. Заказывая новое платье, она прежде всего спрашивала его мнение. Зачем вообще нужны роскошные наряды и драгоценные побрякушки, если их некому оценить? И, главное, как это было до сих пор, негде толком продемонстрировать?

Шелленберг распахнул для нее совершенно новые горизонты. Срочно понадобились кардиган для яхт-клуба, костюм для скачек и прочее.

Устраивая для него приглашения на званые обеды и вечера, эти очаровательные «нечаянные» встречи, она проявляла бездну изобретательности и, пожалуй, готова была пойти немножечко дальше. Ведь у Рейнгарда для нее никогда не находится времени: то загружен по службе, то просто устал. И вообще ему по-настоящему не хватает культуры — скрипка не в счет. Отсюда нежелание посещать оперу, собачьи выставки и аукционы. Надоели бесконечные отговорки!

Фрау Гейдрих не догадывалась о закулисной стороне жизни мужа, который щедро транжирил часы и деньги, преследуя какую-нибудь прекрасную незнакомку. Не знала, насколько потребна для его внутреннего самоутверждения еще одна маленькая победа. А ведь ради этого Гейдрих часто шел на немалый риск, но, добившись своего торопливо и грубо, тут же охладевал. Важно было вновь убедиться в собственной силе. Налететь, как вихрь, сломить волю к сопротивлению, подчинить себе без остатка — это было главное для него, не сам процесс. И уж тем более не могла заподозрить романтическая матрона, что ее верный паладин, широкомыслящий и утонченный господин Шелленберг, сделался непременным соучастником подобных игрищ. И недели не проходило, чтобы шеф СД не вызвал на одну из множества конспиративных квартир своего любимчика. Выбрав что-нибудь более-менее подходящее из обширного гардероба, они переодевались и шли ужинать в ночной клуб или артистическое кафе. Если попадались достойные объекты, тут же пускались во все

тяжкие. А то просто отправлялись искать уличных приключений.

Это называлось «разрядкой».

Шелленберг был достаточно проницателен, чтобы не видеть, что даже в эти интимные минуты шеф продолжает присматриваться к нему, изучать.

— Где вы собираетесь провести следующее воскресенье, Вальтер? — поинтересовался Гейдрих, когда они сидели вдвоем в кабаре «Неистовый заяц», в недалеком прошлом известном своими дерзкими антигитлеровскими скетчами, ныне же полностью подконтрольном СД.

— Признаться, еще не думал,— Шелленберг с наслаждением потягивал охлажденный «киршвассер»: было душно и жарко.

— Может быть, погостите у нас?.. Совещание закончится в пятницу, и в нашем распоряжении практически будут два дня. Сыграем в бридж, поболтаем о живописи и прочих пустяках... А то госпожа Гейдрих жалуется, что я ее совсем забыл.

— Охотно, Рейнгард,— Шелленберг спокойно допил бокал. Он и сам подумывал, куда бы податься после конференции руководящего состава СД, которую шеф надумал собрать в своей летней резиденции на острове Фемарн. Даже возникла идея посетить тетю Матильду, у которой был дом на Балтийском побережье.

— Как ваши успехи на русском фронте?

— Понемногу осваиваюсь. Кстати, бросается в глаза поразительное сходство военных доктрин. Их теория глубоких операций с применением мехкорпусов и массированных десантов напомнила мне что-то очень и очень знакомое. Я ничуть не удивился, когда обнаружил аналогичные идеи у генерал-лейтенанта Гальдера... Вы читали запись его последней лекции в Цоссене?

— Разве я не говорил вам, что они прошли у нас превосходную школу? Наши стратеги слегка переусердствовали в роли учителей. Вы согласны?

— С той незначительной разницей, что Советы опережают нас на два-три года. Гальдер добросовестно повторяет Триандафиллова.

— Кто это?

— Какой-то их генерал. Судя по всему, крупный теоретик. Более подробными сведениями, к сожалению, не располагаю.

— Работайте, Вальтер, я постараюсь вам помочь. Возможно, мне все же удастся дожать Канариса... Вырисовывается оригинальная перспектива,— Гейдрих на всякий случай огляделся, и что-то ему, видимо, не понравилось.— Может, пойдем?

— Я готов, Рейнгард. У вас на Фемарне изумительные закаты.

— Вот и чудесно,— Гейдрих казался обрадованным.— Вы знаете, какую штуку выкинул Папен? — поинтересовался он, словно бы мимоходом, сбегая по лестнице.

— Любопытно,— в тон ему откликнулся Шелленберг.

Обычно они никогда не обсуждали деловые вопросы в подобной обстановке. Но приняв предложенные условия: «Здесь мы только товарищи, и значит, никакой субординации и никаких тайн», Шелленберг не обольщался и не впадал в эйфорию. Инициатива принадлежала группенфюреру, и если ему угодно внести перемены, то это его право. На то он и шеф. В СД, кстати, недолюбливают это словечко, хоть оно и в ходу. Гитлера тоже так называли, пока Штрассеру не пришла его гениальная находка. «Вождь» — это было как раз то, что требовалось. «Шефа» Германия вряд ли бы переварила. Чужое и несолидное. Все равно, если бы Гитлер принял фамилию матери. Значение слова трудно переоценить, слово — мистично.

Они недурно встряхнулись в тот вечер и на рассвете вернулись к себе в логово. Заезжать домой уже не было смысла.

Демонстрируя полную откровенность, Гейдрих возобновил разговор и поведал пикантные подробности венской операции.

— Он думает, что обеспечил себе неприкосновенность,— сказал в заключение.— Весь навар в конечном счете достанется Канарису.

— Вас это как будто радует?

— Когда сдвигается что-то неповоротливое, заматеревшее, я испытываю душевный подъем, хотя понимаю, что перемены могут быть и во вред.

— Вы говорили о каких-то перспективах.

— Похоже, вы запоминаете каждое слово.

— Без всякой задней мысли,— с нарочитым смирением потупился Шелленберг.— Так уж я устроен.

— Неплохо устроены, если, конечно, не наделаете

непоправимых глупостей,— Гейдрих сделал вид, что силится вспомнить.— Да, я действительно говорил... Похоже, Вальтер, что кто-то в НКВД не прочь завязать с нами диалог. Вот какая штука.

— И это как-то связано с венскими шалостями?

— Не знаю, не уверен, но из любой ситуации можно извлечь нечто полезное. По крайней мере, фюрер не будет столь снисходителен к прохвостам с Бендлерштрассе.

— Почему вы так думаете?

— Элементарная психология. Прежде чем выкурить лису, следует отогнать волка. Не так ли? Обеспечить на всякий случай тылы,— импровизируя на ходу, Гейдрих менее всего думал о последствиях рискованной интриги фон Папена. В данную минуту его интересовал один Шелленберг. Группенфюреру СС импонировали спокойствие молодого коллеги, выдержка, умение естественно держаться при любых обстоятельствах. Не о талантах речь. Таланты оценены давно. Парень далеко пойдет, если будет чувствовать за собой направляющую длань. Вся загвоздка в том, как накинуть аркан. В личном деле Шелленберга, а Гейдрих прошелся, что называется, частым гребнем, не нашлось ни единой зацепки. Редкий случай, но подловить, привязав тем самым к себе, было не на чем. Это одновременно и раздражало, и радовало. Привлекал не только азарт борьбы. Пожалуй, и сам по себе Шелленберг нравился Гейдриху все больше и больше. Тем сильнее хотелось понадежней прибрать его к рукам. Встречаясь на людях с госпожой Гейдрих, очаровательный наглец не выказывал и тени страха. Притом был достаточно умен, чтобы не пытаться замести след. И все с ясной улыбкой. И нем как рыба, хоть и понимает, что танцует на острие ножа. Не может не понимать.

Балтика встретила затяжной непогодой. Задувало с северо-востока порывами, то и дело хлестал ледяной дождь. Ручные белочки сидели по дуплам и жрали запасы. Чайки и те куда-то попрятались. Лепестки жасмина усеяли траву. Сбитая хвоя облепила гранитные валуны, шишки надоедливо барабанили по водостокам.

Но перед разъездом, как по заказу, проглянуло солнце.

— Крайне сожалею, Вальтер, но обстоятельства изменились,— сказал Гейдрих, когда последний катер

с офицерами, зарываясь носом в желтую от грунта волну, отвалил от дощатого пирса.— Очевидно, нашему Генриху доставляет особое удовольствие отнимать у меня отдых. Надеюсь, вы не оставите госпожу Гейдрих тосковать в одиночестве?

Пока из ангара выводили его личный — 8244 — «дорнье», группенфюрер натянул кожаный реглан и проверил парашют.

— Желаю удачи,— Шелленберг помог убрать трап.

— Счастливо развеяться, встретимся в понедельник.

Шелленберг и Лина остались одни в вилле, похожей на сказочный замок, среди замшелых мачтовых сосен, на суровом балтийском острове.

А через несколько дней за бокалом «мартеля» в баре «Урания», где прослушивались все столики, кроме одного, Гейдрих поинтересовался, что же они там делали. Но прежде он своими руками разлил коньяк и предложил выпить за успех. Шелленберг попробовал, со вкусом причмокнул и, смакуя, тонкой струйкой вытянул все до конца. Тут Гейдрих, демонстративно отставив свой бокал, и огорошил его вопросом. Ситуация была острая и забавная. Грея в руках коньяк, он искоса наблюдал за холеным лицом Шелленберга: не удержался, голубчик, сглотнул слюну, и веки дрогнули. Долго пришлось дожидаться этой минуты, но тем приятнее был финал.

— Почему вы молчите?

— Не знаю, что и сказать,— Шелленберг шумно выдохнул воздух.— Надеюсь, вы пошутили?

— Ничуть, Вальтер. Все более чем серьезно: вы только что выпили яд.

— Что? — Шелленберг поперхнулся и закашлялся.

— Я дал вам яд, Вальтер. Если вы скажете правду, всю правду, какая бы она ни была, получите противоядие. Нет — дело ваше, готовьтесь держать ответ перед господом.

— Но это же немыслимо! — пунцовое от напряжения лицо Шелленберга пошло белыми пятнами.

— Вы уяснили свое положение?.. Я хочу знать, что у вас было с Линой. Но только правду, Вальтер! Ложь будет стоить вам жизни. И поторопитесь. Яд начинает действовать через полчаса.

— Что вы хотите знать? — уже спокойнее спросил Шелленберг.

— Как вы провели время с моей женой? Учтите,

я заранее принял меры и знаю все. Каждое ваше слово записано.

— Тогда нечего спрашивать, раз вы и так все знаете.

Гейдрих подосадовал, что несколько пережал. Шелленберг, надо отдать должное, держался достойно. Но игра шла наверняка, и можно было не стесняться.

— Мне нужно проверить вашу искренность. Это единственное, что меня интересует. Поэтому говорите, и не дай бог вам солгать!

— Оригинальная манера проверять людей,— Шелленберг покачал головой.

— Не теряйте драгоценное время,— Гейдрих демонстративно взглянул на часы.— Мне бы не хотелось, чтобы противоядие опоздало.

— Итак, вам нужна правда... Какая именно?

— Какая бы она ни была,— повторил группенфюрер, следя за секундной стрелкой.— В любом случае я обещаю вам жизнь.

— Хорошо,— Шелленберг поправил угол платочка в кармашке двубортного пиджака, налил в стакан воды из сифона, но пить не стал. Собираясь с мыслями, вынул пачку «Кэмел» и зубами вытащил сигарету.— Дайте огня.

Гейдрих с улыбкой поднес зажигалку.

— В тот день, когда вы улетели, мы допоздна гуляли вдоль берега,— он жадно затянулся.— Говорили о скачках, Новалисе, поэзии романтиков... Потом ужинали у камина. При свете огня, если вас это интересует.

— И все?

— А чего вы ждали?.. Где-то во втором часу мы разошлись по своим комнатам. На следующее утро позавтракали на открытой террасе. Опять гуляли, проехались немного верхом... А после обеда я отбыл в Берлин.

— Почему не остались до вечера?

— Вы же сами сказали, что я понадоблюсь вам в понедельник утром.

— Я действительно так говорил?

— Ну, если вы и в этом сомневаетесь...— Шелленберг погасил сигарету и, наклонив красиво подстриженную, с идеальным пробором голову, глухо бросил: — Давайте ваше противоядие. Я все сказал.

— Все ли, Вальтер?

— Вы ведь приняли меры! — он было забарабанил пальцами, но сразу же убрал руку.— Или это блеф?..

Послушайте, Рейнгард, вы узнали все, что хотели, и давайте кончим на этом.

— Давайте кончим! — Гейдрих со смехом плеснул в оба бокала, наполнив свой до золоченого ободка.— Это и есть противоядие. Я действительно пошутил, милый Вальтер,— дурачась, как бурш, он запрокинул голову и перелил коньяк в глотку.— С сегодняшнего дня ваши фотографии нигде не должны появляться,— сказал, выдохнув.

Шелленберг понял, что это может означать, и сдержанно поблагодарил.

29

Медики, сойдясь на последний консилиум у «круглого стола» в кабинете, ограничились многозначительными кивками. Ни диагноз — гемаррагическая пневмония на фоне бронхоэктазы, склероза и эмфиземы, ни ближайший прогноз разногласий не вызывали. Экзотус ожидался в любой момент.

— Может быть, все-таки поддержать сердце? — предложил Сперанский. Не было и тени надежды, но та самозабвенная вера, которой в ожидании скорых чудес жил институт экспериментальной медицины, приводила к постоянному двоемыслию. Он тут же пожалел о вырвавшихся словах. Стало стыдно перед коллегами.

— На нем и так живого места нет,— сурово бросил Плетнев.— Зачем?

— Маска Гиппократа,— уронил профессор Ланг.

Сперанский распахнул застекленные створки и предложил близким проститься с Алексеем Максимовичем.

Белостоцкий отстегнул и тут же защелкнул никелированные замочки своего саквояжа. Плетнев прав: впрыскивания бесполезны. Ни камфора, ни глюкоза, ни новейший строфантин из Германии не оказывают уже никакого действия. Только лишние муки.

Замыкая вместе с художником Ракицким — Соловьем, как его тут называли, печальное шествие, Сперанский и Белостоцкий проследовали на второй этаж. Остальные врачи задержались в кабинете. Затем и доктор Кончаловский поднялся по лестнице, машинально пересчитывая деревянные балясины.

Горький спал, и сон уводил его в странствие, которое

не знает конца. Исколотое иглами тело, утратив всякую память о боли, обрело непривычную легкость, почти невесомость. Какое-то могучее, но некасаемое течение несло его по темному коридору, огибая бесчисленные углы, но впереди, как белая звезда, уже светил выход.

— А я бы дала камфору,— как бы про себя молвила медсестра Липа, но Сперанский только устало махнул рукой.

Кончаловский обошел кресло, в котором умирающий еще боролся с неотпускавшей его землей, и замерил пульс. Он был плох, но не хуже, чем в тот день, когда отменили инъекции глюкозы.

— Сопротивляется сердце...

Изменения нарастали в угрожающей последовательности. Нос заострился, кончики пальцев и раковины ушей облекло свинцовой синью. Потом началась икота, руки задвигались по пледу, левая задралась вверх и бессильно отпала.

— Прощается,— прошептала Надежда Алексеевна, Тимоша, как прозвали домашние.

Свесив голову вправо и бессильно уронив уже гипертрофированно набрякшие руки, Горький испускал короткие всхлипы. Ему виделся бог, но не в сиянии заоблачной славы, а в простой обстановке, похожей на кабинеты Кремля. И он спорил с богом, гневно и доказательно, ничего не боясь, не приспосабливаясь ни к каким обстоятельствам.

Все, кто был в комнате, придвинулись к столу, где бесполезным уродливым хламом громоздились пустые кислородные подушки, стерилизаторы со шприцами, битые ампулы, пузырьки, клочья ваты.

Липа умоляюще взглянула на Кончаловского. На Капри, когда — почти как сейчас — не осталось ни малейшей надежды, она на свой страх и риск ввела Алексею Максимовичу целых двадцать кубиков камфоры, и он ожил.

— Не поможет,— покачал головой Кончаловский.— Не нужно напрасных страданий.

Все же он спустился в кабинет, где еще оставались Левин и Ланг, жившие по соседству.

— Не надо мешать, коллега,— Левин устало опустил веки.— Пусть поступают, как хотят... Будем и родных щадить. Если им станет хоть на капельку легче... Пойдемте к нему.

Они вошли, когда Горький переменил позу, склонив подбородок к другому плечу.

— Не нужно ли тебе чего, Алексей? — умоляюще позвала Катерина Петровна, прикорнувшая было на скамеечке возле кресла.

Одетая в черное Мария Игнатьевна Будберг нервно вздрогнула и обернулась к Тимоше, ища понимания. Торжественно-примиряющее молчание было нарушено, и это показалось кощунственным. Зачем он только вернулся? Непонятная смерть Максима, запутанные отношения, эта жуткая, давящая атмосфера вокруг. Ах, если бы он остался на Капри...

Горький открыл глаза, еще замутненные пеленой нездешних странствий.

— Как тяжело возвращаться,— пробормотал измененным голосом, едва раздвигая занемевшие губы.— Меня унесло так далеко... Всю жизнь готовился к этой минуте... Как славно, что рядом свои.

— Надо сделать впрыскивание,— Сперанский нетерпеливо махнул доктору Белостоцкому.

— Я сама! — вскочила Липа, торопливо расправляя складки халата.

— Ну вот, столько милых и разумных людей, а предлагаете...— Алексей Максимович вновь закрыл глаза и сказал после продолжительного молчания.— Хватит,— голос его заметно окреп.— Пора уходить.— Сумеречные коридоры, несущий к свету поток обещали свободу.

Запах — Липа подступила с наполненным шприцем и смоченным спиртом тампоном — задержал его, вынуждая разлепить вобравшие чуть ли не всю телесную тяжесть веки. Обведя внимательно-сосредоточенным взглядом устремленные к нему лица, он уловил выражение тревожных тоскующих глаз и послушно кивнул.

— Может, проголосуем для верности,— порадовал последней шуткой.— Кто за?

Сделав девять впрыскиваний, Липа ввела двадцать пять кубиков. Иглу выбрала самую тонкую. Но он уже не чувствовал боли.

Катерина Петровна собралась было что-то сказать, но тут с выпученными глазами вбежала домработница и кричащим шепотом оповестила о звонке из Кремля: товарищ Сталин и Молотов желают проведать Алексея Максимовича.

— Если успеют...

Горький слабо улыбнулся. Его лицо посветлело: камфора оказала живительное воздействие. Под влиянием нечаянной отсрочки произошла и невольная психологическая перестройка. С тайной надеждой ожидали приезда вождей, отодвинув на край сознания тяжкое ожидание неизбежного.

Со своей ближней дачи сюда, в Горки-10, на дачу четырнадцатую, Сталин привез не только Молотова, но и Ворошилова, который пребывал в расстроенных чувствах. Узнав о безнадежном состоянии Горького — Сталину доложили, едва закончился консилиум,— Климент Ефремович разрыдался. Тут была и жалость, и страх, и бессильная злоба на медицину, которая только обещает, но не может, в сущности, ничего. Разве не сулили эти сперанские, федоровы, получив институт, оборудованный по последнему слову науки, золотые горы? «Управление человеческим организмом», «власть над слепыми силами природы» — где оно, управление? Власть — где?

Ожидая увидеть «Буревестника революции» на смертном одре, он был ошеломлен его безмятежным видом. Горький улыбался! Горький сидел!

Поймав торжествующий взгляд Сперанского, Климент Ефремович едва удержался, чтобы не заключить в объятия кудесника. Значит, чудо возможно?!

— Почему столько народу? — неприязненно озираясь, спросил Сталин, удивленный по-своему.— Кто тут отвечает за все?

— Я,— Крючков, секретарь Алексея Максимовича, осторожно выступил вперед.

— Кто эти люди? Зачем? Вы знаете, что мы можем с вами сделать? — не взглянув на понурившегося Крючкова, Сталин вошел в комнату.— Почему такое похоронное настроение, от такого настроения здоровый может умереть... В этом доме найдется вино? — закончил с оттенком шутки.

Прислуга внесла ведерко с шампанским.

— Выпьем за здоровье нашего дорогого Максима Горького! — провозгласил он, поднимая бокал.— А вам не следует пить,— улыбнулся Алексею Максимовичу.— Скажите, как вы себя чувствуете?

Горький перевел разговор на литературные темы: «Цари, бояре, церковники и крестьянство» Шторма, «История гражданской войны» в дешевом издании.

— Делами займемся, когда вы совсем поправитесь,— Сталин допил вино.— Не будем долго засиживаться,— кивнул Молотову,— беспокоить Алексея Максимовича.

Остановившись в дверях кабинета, подозвал Крючкова.

— Та, что вся в черном, кто? Монашка?

— Мария Игнатьевна, секретарь Алексея Максимовича. Она была с ним на Капри.

— Свечки только недостает... А в белом халате кто?

— Черткова, медсестра, тоже была в Италии.

— Всех — отсюда вон! Кроме той, в белом, что ухаживает... А этот чего тут болтается? — проходя мимо столовой, Сталин увидел стоявшего возде окна Ягоду.— Чтоб и духу его не было! — ожег взглядом Крючкова.— Ты ответишь за все.

Горький прожил еще десять дней.

Восемнадцатого июня профессор Давыдовский, руководивший бригадой прозекторов, опустил мозг, объявший и выси и бездны, в оцинкованное ведро.

Диагноз полностью подтвердился: зарастание плевральных полостей, каверны в верхушках...

Отмытые от крови полушария доставили в институт мозга.

Газеты вышли в черных рамках. Хоронили по самому высокому рангу, положенному вождям революции. На траурной вахте стояли члены Политбюро. Тухачевскому — он был частым гостем в особняке Алексея Максимовича — выпало нести караул в одной команде с Ягодой. Поразило землистое лицо Генриха, отсутствующий, заторможенный взгляд. Он как-то весь опустился и постарел за последние дни. Гимнастерка сидела мешком. Звездочка в просвете петлицы налезла, отогнувшись золотым кончиком, на вишневую эмаль ромба.

«Переживает»,— решил Тухачевский. Припухшие глаза Ворошилова тоже покраснели от слез.

Было такое ощущение, словно эта смерть, ожидаемая еще восьмого, но промедлившая с последним взмахом косы — точь-в-точь как в балладе, которую Сталин вознес превыше «Фауста»,— обозначила бесповоротный рубеж. «*Любов* — так у вождя! — побеждает смерть»?

Прежнее, доброе или дурное, безжалостно сметено, и на опустевшие подмостки выползает таившаяся во мраке кулис неизвестность. Та самая, отвергаемая рассудком и давно угаданная обреченно тоскующим сердцем.

Что-то похожее подступало, когда умер отец, и еще на войне, в минуты острейшей опасности. Но там решения принимались мгновенно. Действие требовало предельной собранности, концентрации мысли. Здесь же незащищенная, открытая с флангов и тыла позиция, и не знаешь, за что ухватиться...

Совершенно спокойный Сталин, каменный Молотов, увитые крепом знамена, удушливые испарения от цветов.

С Горьким отходила целая эпоха. Ее символы, дух.

Вспомнился Достоевский: «Все дозволено...»

И Ницше: «Бог умер».

Ушел слабый исстрадавшийся человек, так мечтавший о крыльях и так по-земному грешный.

30

Год, проходивший под знаком «жить стало лучше, жить стало веселее», перевалил макушку лета, сухого и жаркого. Все, что завязалось под зимними звездами, понемногу проясняли незаметно идущие на убыль дни, с их грозами и отсветами зарниц.

27 января Сталин принимал делегацию трудящихся Бурят-Монгольской АССР. Ардан Маркизов привел в Кремль крепенькую прелестную девчушку в синей матроске. Едва справляясь с двумя охапками роскошных пионов, она уверенно протопала прямо в президиум. Один букет предназначался любимому Сталину, другой — Ворошилову, которого Геля любила на полмизинчика меньше.

— К тебе пришли,— хитро подмигнув Геле, шепнул Сталину Андрей Андреевич Андреев.

— Твоя? — повернулся к Маркизову вождь.— Как зовут?

— Ангельсина, товарищ Сталин, Геля.

— Ну, здравствуй, Геля,— Сталин поднял девочку, поставил на стул и забрал оба букета.

Геля было раскрыла розовый ротик и даже умоляюще посмотрела на маршала Ворошилова, но непонятная сила заставила ее промолчать.

— Она хочет сказать речь,— догадался, что-то такое почувствовав, Ворошилов.

— Это от ребят Бурят-Монголии товарищу Сталину! — звонко, как ее учили, отрапортовала Геля.

— Поцелуй! — закричали из зала.
Под восторженные выкрики и аплодисменты Сталин взял девочку на руки, а она крепко-крепко его обняла.

Так и сфотографировали их корреспонденты «Правды» и ТАСС.

— А что ты мне подаришь? — спросила Геля, сидя на коленях самого доброго и самого мудрого человека на свете.

— Она хочет подарок? — наклонился он к Молотову.

Когда закончилась торжественная часть, Молотов принес маленькую красную коробочку и уже собрался вручить, но Сталин перехватил и сам поднял крышечку с золотыми буквами «ЗИФ».

— Тебе нравится, девочка?

В коробочке лежали замечательные блестящие часики. На крышке — это она прочитала потом — было выгравировано: «От вождя партии Геле Маркизовой».

А вечером в гостиницу «Москва» два командира принесли потрясающий патефон с набором иголок.

Прошло шесть месяцев, для кого-то радостных и мимолетных, а для кого-то тяжких и долгих, ибо протяженность времени зависит от впечатлений, от состояния души. Геля была счастлива совершенно. И вот в одно прекрасное утро о ее счастье узнала вся советская детвора. Сначала «Правда», потом «Известия» и все другие, включая любимую «Пионерку», газеты напечатали карточку, где круглолицая девочка (черные глазки, как щелочки) прижимается пухлой щечкой к щеке дорогого вождя. Замечательная фотография. Даже цветы и те вышли, как живые!

Вскоре ее размножили на плакатах и открытках.

Одну такую открытку командарм первого ранга Якир купил в газетном киоске в подарок сыну Петру.

Петя повесил ее на стенке, рядом с портретом знаменитого летчика.

— Папочка! — сказал он очень серьезно.— Мне иногда становится страшно, что я мог бы родиться не в Советском Союзе...

Перед отъездом в Одессу Якир собрал начальников родов войск. Перебазировка с зимних квартир в лагеря

прошла без сучка и задоринки. В палаточных городках вовсю разворачивалась подготовка к техническим учениям. Командиры и комиссары корпусов, дивизий и бригад, разбросанных по всему театру Днестра, Збруча, Буга, Случи, Тетерева, Горыни, Десны, а также Черноморского побережья, получили своевременное оповещение.

— Задача у нас одна,— подвел итоги командующий,— провести учения с демонстрацией всех видов техники на самом высоком уровне.

— Как заведено в округе,— добавил начальник Политуправления армкомиссар второго ранга Амелин.— По-стахановски!

— Обеспечить стопроцентную явку начсостава поручаю вам,— Якир передал списки комдиву Бутырскому, новому начштаба.— Вопросы есть?.. Тогда все свободны. Товарищей Фесенко и Тимошенко прошу задержаться,— он оставил обоих заместителей, чтобы еще раз четко разграничить обязанности. Тем более что ладить с Тимошенко было непросто. Слишком долго засиделся на кавалерийском корпусе и с трудом постигал значение технических средств. Не помогли ни высшие курсы, ни учеба в Германии. Оборону решительно не признавал. Шашки наголо и «ура» Любимчик наркома.

Засовывая карты в планшеты, командиры поднялись из-за стола.

— Желаю всласть искупаться в черноморской воде и покушать бычков,— неудачно пошутил комдив Шмидт, подойдя попрощаться. Из Дмитрия вырос превосходный танкист, но и для него время в каком-то смысле остановилось на гражданской. Что хотел, то и болтал, не считаясь ни с положением, ни с обстоятельствами.

Якир сделал вид, что не расслышал, и молча подал руку. Зажег новую папиросу, позвонил домой.

— Я еще малость подзадержусь, Саечка,— успокоил жену.— Как, уже сама собрала?.. Ну спасибо, спасибо... Тогда я пошлю машину... Поцелуй за меня Петра.

Пока шофер ездил на Кирова, а потом отвозил заботливо уложенный чемоданчик на вокзал, где в тупике стоял личный вагон, Иона Эммануилович благополучно разрешил тонкую процедуру раздела власти и малость побалагурил с замами.

Уехал в приподнятом настроении. С Одессой и ее портом было связано столько воспоминаний.

«Считаю, что тов. Ягода в записке от 25 марта 1936 г. правильно и своевременно поставил вопрос о решительном разгроме троцкистских кадров,— оперативно отреагировал Вышинский на посланный ему материал.— ...С моей стороны нет также возражений против передачи дел о троцкистах, уличенных в причастности к террору, то есть в подготовке террористических актов, в военную коллегию Верховного суда Союза, с применением к ним закона от 1 декабря 1934 г. и высшей меры наказания — расстрела...»

20 мая опросным голосованием Политбюро приняло соответствующее постановление.

Санкцию на арест Муралова Сталин дал заранее, не дожидаясь формального утверждения намеченных мероприятий. Список «параллельного центра» находился в работе.

Николай Иванович Муралов был активным участником первой революции и одним из руководителей Московского восстания в 1917 году. Исключенный в 1927 году из партии, он только теперь решил отмежеваться от троцкистской платформы, о чем и сообщал в заявлении, поступившем в самом начале года в ЦК. Сталин предусмотрительно распорядился оставить его без рассмотрения: слишком поздно очухался. Упорствующий оппозиционер подпадал таким образом под постановление. Его арест открывал интересные перспективы сразу по нескольким линиям. Прежде всего — по военной. В годы гражданской войны Муралов был членом РВС Третьей и Двенадцатой армий, затем — всего Восточного фронта, в последующий период командовал Московским и Северо-Кавказским военными округами.

По звонку из Москвы его взяли работники управления по Западно-Сибирскому краю.

Семь месяцев и семнадцать дней он отказывался от признаний вины.

Командира Восьмой отдельной танковой бригады Шмидта забрали на киевской квартире за неделю до начала учений. Обыск длился всю ночь, а на рассвете

героя гражданской затолкали в товарный вагон с грубо сколоченными нарами и вместе с другими арестованными повезли в Москву. Впрочем, об этом он узнал лишь по приезде, когда пришла пора пересесть в подогнанный к перрону «воронок». О том, что везут на Восток, догадался по солнцу, бившему сквозь щели, а куда именно — не знал.

Очутившись в деревянном боксе внутренней тюрьмы на Лубянке, он еще на что-то надеялся, готовился что-то там доказать, но когда, стоя, в чем мать родила, увидел, как сноровисто свинтили с гимнастерки ромбы и ордена, понял: конец.

Мерзкая, унизительная процедура телесного осмотра подкосила напрочь. Стиснув зубы, чтобы не разрыдаться, не врезать сплеча холуям в белых халатах, так и сяк вертевшим его, он думал только об одном: как бы не лишиться сознания. Не доставить такого удовольствия паразитам.

— Вы часом не из деникинцев? — процедил на последнем пределе.

В камере, где каждые три минуты открывался глазок, он провел, потеряв счет времени, двое суток. Не более. Установил это, погладив обросшее лицо. Почти обрадовался, когда вызвали на допрос: затеплилась какая-никакая надежда.

С ним посменно работали Гай и Ушаков. Сначала держали на «конвейере», потом, заходясь остервенелой матерщиной, взялись за обработку. Свалив с табуретки, пинали сапогами по ребрам, резиновым шлангом полосовали спину. Метили все больше по почкам: на третьи сутки пошла окрашенная кровью моча.

— Вот тебе, падла, вот,— домогался признательных показаний Ушаков.— Нашли у тебя при обыске? Все расскажешь как миленький, польско-немецкий шпион! И не таких раскалывали, не чета тебе, говно.

Шмидт не сразу понял, чего добивается следователь, какую бумагу сует под нос. Постепенно дошло, что он, Дмитрий Шмидт, обвиняется в подготовке покушения на Ворошилова. Только и всего. Причем во время маневров и по заданию иностранных разведок, чтоб расчистить путь к власти командарму Якиру. Найденный при аресте график передвижения наркома служил уликой, вещественным доказательством.

— Но это ж какой-то кошмар! — едва ворочая распухшим языком, хрипел комдив, и кровавые пузыри

выдувались на изуродованных губах.— Бред сумасшедшего. Да такие графики раздавали всем командирам соединений! Это же легко проверить! Этапы учения...

— Попой-попой, сволочь,— прерывал Ушаков, сгибая и разгибая упругую резиновую трубу.— Сейчас опять юшкой умоешься. Да нам совершенно точно известно, что твой вонючий Якир дал директиву готовить бригаду к восстанию. Когда уезжал в Вену, якобы на лечение.

— Чего ж мы не восстали, паскуда? — силясь приподняться с приколоченного к полу табурета, дернулся было Шмидт, но второй следователь оглушил его ударом по темени.

— Зачем горячиться? — попенял Ушаков.— Он уже на пределе. Завтра, вот увидишь, будет писать роман.

По сценарию в «романе» Шмидта предполагалось полностью раскрыть предательскую роль верхушки Киевского военного округа во главе с Якиром и протянуть связи в соседний Харьковский округ, где командовал Дубовой. На Тухачевского требовались отдельные показания. Собственноручно написанные, вернее, переписанные с подготовленного варианта, поступившего лично от товарища Ежова. Остальное — по ситуации, как выйдет.

— Кузьмичева уже доставили? — спросил напарника Ушаков.— Не знаешь? — и вызвал звонком конвоира.— В камеру!

Начштаба авиабригады Кузьмичева арестовали чуть позже и тоже определили во внутреннюю тюрьму. Его «прикрепили» к «хорошему» следователю, «вежливому». Вместо того чтобы сразу сломать подследственного, ввергнув его в самое пекло, такой вариант предусматривал постепенную тактику наводящих вопросов, обстоятельное разматывание, когда неизбежно выскакивают характерные подробности и, никуда не денешься, имена. Какие угодно сначала. Глядишь, где-нибудь пригодится. Следователь предполагал развернуть дело как можно шире, начав с партизанских баз, которые Якир вместе с секретарем ЦК КП(б) Косиором начали создавать еще в тридцатом году. Тысячи людей прошли тогда через учебные сборы. На них формировались лесные отряды и целые соединения. Якир не только утверждал, но зачастую

и разрабатывал программу, добиваясь максимального приближения к реальным условиям партизанской войны. В том, что воевать придется, и именно так — отступая в начальной стадии под напором противника, он не сомневался. С этой целью в приграничной полосе была развернута сеть тайников, где хранилось оружие, продовольствие, портативные радиопередатчики.

В отряды подбирались специалисты широкого профиля. Подпольщик должен уметь все: изготовлять мины-самоделки, закладывать взрывчатку на железных дорогах, в опоры мостов. Практикум по радиосвязи проводили кадровые инструкторы. Курсанты, обнаружившие способность к работе на ключе, зачислялись в особую группу. Будущих партизан тренировали в прыжках с парашютом, обучали скрытно разводить костры, ориентироваться на местности, прятать боеприпасы на запасных базах.

По личному указанию Якира опытный подрывник Старинов организовал мастерскую-лабораторию для разработки новых образцов мин. За несколько лет удалось создать автоматическую мину «колесный замыкатель», управляемую по проводам мину «удочку» и многообещающую новинку — «угольную», которая взрывалась в топке паровоза.

— Отрезать врага от источников снабжения — значит выиграть войну,— не переставал повторять Иона Эммануилович.— Поезда с живой силой, техникой, горючим и продовольствием — под откос.

— Невидимый фронт зачастую становится главным,— вторил Косиор.

Однако с тридцать третьего года в оценке столь широкомасштабной деятельности Украинского (тогда) военного округа обозначился перелом.

— Какие-то пораженческие настроения,— отреагировал Сталин на доклад комиссии.— Мы не намерены уступить врагу ни пяди своей территории.

На учебных сборах поставили крест, базы и тайники помаленечку растащили, а отряды расформировали.

На текущий момент похеренная инициатива Украинского Политбюро и лично Ионы Эммануиловича расценивалась много серьезнее, чем просто «пораженчество», и следователь знал, как и куда разворачивать. Его не смущало, что авиатор Кузьмичев, хотя бы по роду своей деятельности, отстоял от лесных тайников и па-

ровозных бункеров дальше, чем кто другой. Когда в заговор вовлечено чуть ли не все командование, подобные мелочи не принимают в расчет. «Не имел касательства? Превосходно. А кто имел?»

Но хитроумным логическим построениям, рассчитанным на психологию и прочие тонкости, не суждено было воплотиться в строки протокола. Кто-то на самом верху внес некие коррективы, под которые срочно пришлось подгонять и уготованную Кузьмичеву роль.

Для начала комдива отправили в бокс, где постоянно горела, выжигая мозг, трехсотсвечовая лампа, а следователя перебросили на другой участок, чтобы не простаивал зря. Коль скоро указания поступили от Ежова, в наркомате полагали, что это неспроста и скорее всего непосредственно связано с процессом. Недаром же следователи, ведущие Рейнгольда, Мрачковского и Дрейцера, получили добавочные инструкции. Как бы не повторилась закрутка с Иваном Никитичем, когда в пожарном порядке брали его первую жену и дочь. Ее пришлось показать Смирнову уже готовенькую, в разодранном платье, иначе бы он еще год дозревал. Кто знает, как обернется теперь? Эти вояки — крепенькие орешки.

Первотолчок исходил, однако, не от Ежова.

Знакомясь с новым «Полевым уставом», Сталин заглянул в прежние редакции и вообще порылся в уставах РККА. Один параграф, предписывавший беспрекословное выполнение всех приказов командования, кроме «явно контрреволюционных», ему не понравился.

— Кому решать, какой приказ считать контрреволюционным, а какой революционным? — в присутствии Молотова и Жданова он излил раздражение на Ворошилова.— Тебе или партии это решать? Может, маршалы будут решать? Любой красноармеец начнет теперь думать, выполнять ему приказ командира или не выполнять. Чем вы думали, головой?

— Партию представляют в армии комиссары, Коба,— Ворошилов обиделся. Он не спорил по существу. Не о чем было спорить. Он защищался от оскорбительных личных нападок.

— По-твоему, комиссар ни при каких обстоятельствах не способен на измену? Не знали мы таких комиссаров... Как, по-твоему, существуют в Красной Ар-

мии замаскированные враги, помышляющие о контрреволюции?

Ворошилов покрылся холодной испариной.

— Нельзя исключить,— в том же раздраженно-уничижительном тоне продолжал Сталин,— что отдельные белогвардейские козявки и ничтожные лакеи фашистов еще сидят в укромных норах, пользуясь благодушием и ротозейством отдельных руководителей. Они забыли, что стоит советскому народу шевельнуть пальцем, чтобы и следа от них не осталось. Советский человек должен без всяких уставов знать, как реагировать на поползновения классового врага. Надо, наконец, понять, что самым решающим капиталом являются люди. Будут у нас хорошие и многочисленные кадры в армии — наша страна будет непобедимой.

Ворошилов так и не понял, в каком именно уставе допущена враждебная вылазка и как ее надлежит устранить. На всякий случай назвал авторов основных разделов последней редакции: Тухачевского, Туровского и Мерецкова — все члены Военного совета.

— От случайной ошибки никто не застрахован, члены Военного совета неверно выразились. Но мы не будем поднимать шума,— уже спокойно, но обращаясь почему-то к Молотову, заметил Сталин.— Народ любит и доверяет армии. Он ничего не жалеет для армии. Она плоть от плоти народа. Зачем кого-то преждевременно оскорблять огульными подозрениями?

Ворошилов кисло улыбнулся: гроза прошла стороной.

А через несколько дней в газетах появился указ о награждении пятисот лучших летчиков орденами.

Получив откорректированные списки, Ежов обнаружил вписанное крупными буквами имя Семена Туровского, старого партийца-политкаторжанина, и дал сигнал к разработке.

Комкор Туровский был начштаба в Харькове у Дубового, что сразу множило количество «параллелей». На киевских маневрах он командовал танковым корпусом. Николай Иванович существенно расширил перечень примечательных совпадений. Иные наводили на тяжелые, даже опасные мысли.

Как в свое время Уборевичу, Якиру тоже вскоре после маневров было сделано предложение возглавить Генштаб или Военно-Воздушные Силы. То есть и того, и другого хозяин хотел — хотел ли? — перебросить на

авиацию. Тут следовало скомандовать себе «стоп!» и заняться тем, что положено. Кузьмичевым, к примеру, где определенно попали в масть. Его следовало попридержать, Кузьмичева. Он попадал в самый центр пересечений. Когда пойдут показания на Якира, можно определиться точнее. Уборевич («Какой из меня авиатор?») отказался сам, заручившись поддержкой Орджоникидзе. Якир вроде бы не отнекивался, но тем не менее остался на Украине. По просьбе Постышева и Косиора. Он им там нужен, Якир? Его начштаба комдива Кучинского все-таки перевели в Москву. Начальником Академии Генерального штаба! С какого боку он Якиру, Дмитрий Александрович, бывший офицер? С Примаковым вопрос ясен — бойцы вспоминают минувшие дни. А товарищ Кучинский?

Ежов поднаторел в увлекательном (страшно и весело, как на качелях) исчислении от заданного результата к вероятным деталям, с последующей подгонкой под заданный результат. Переживая ни с чем не сравнимое ощущение постепенного приближения к направляющей воле, с ее безжалостной сверхарифметикой, он испытывал легкое головокружение. Вело, как от хорошего вина.

Да, Кузьмичева полезно поберечь. Что общего у него с «партизанами»? За «партизан» пусть отвечает Баар и кто там еще у них? Шинкаренко? Захаров? Слива?

Из бокса Кузьмичева вывели под руки — ослеп. Беспрерывно текли слезы.

— Плачьте, плачьте,— успокоил опытный сокамерник.— Скоро начнете видеть. Обычное дело.

По новому сценарию от него требовались показания на Тухачевского, Уборевича и, понятно, Якира. Выбор Сталина вновь оказался гениален и прост: на Туровском (офицер старой армии, член РСДРП(б) с 1911 года, революционную работу начал в Чернигове гимназистом, арестован и выслан в Вятку, с 1918 года — бессменный начальник штаба соединений червонного казачества, начальник штаба Харьковского ВО, арминспектор Киевского ВО) все стягивалось в узел. Не схема — броня! Примаков — Туровский — Якир — Дубовой — Тухачевский (первое направление) и Уборевич — Эйдеман — Примаков — Туровский (второе).

Пока ослепший Кузьмичев маялся в ожидании допроса, его передали другому следователю.

31

На площади Сибилис, где Кибела — матерь богов выезжает на колеснице, запряженной львами, чадили свечи, задыхаясь в безветренной духоте.

— Viva la Libertad! [1]

— Viva la Anarquia! [2]

Ликовали, размахивая красными и черными флагами, под палящим солнцем, а воск оплывал в спертом сумраке бокового придела, где, увитый цветами, печально улыбался богомольцам воитель Сант Яго.

— Adiutorium nostrum in nomine Domini [3].

Вскипала в радужных блестках хмельная пена свободы, лиясь через край, и кружили невидимые под куполом призраки на крыльях нетопыря, и вздыхала унылая тишина в медных решеточках исповедален. Пряча лицо под надвинутым капюшоном, рослые монахи спускали в крипту тяжеленные ящики и волокли их по узким проходам в какие-то ниши, где был замурован прах.

Дергаясь в пророческой лихорадке, Сальвадор Дали писал «Предчувствие гражданской войны»: каменная рука монстра-титана-гермафродита стиснула материнскую грудь, и набух кровоподтеком ее истерзанный сосок, как светило пунцовое над пепелищем.

В сиесту, когда Мадрид вымирает, в тавернах сонное забытье. Слышно, как мухи жужжат. От июльского зноя не спасает ни ледяная анисовка, щедро разбавленная водой, ни веер красотки в кромешной тьме. Разве что истерзанные солнцем глаза отдохнут немного в ленивой одури. Сон — не сон, а видения наплывают, и жилка пульсирует на потном виске, отсчитывая секунды.

С приходом френте популар [4] все словно перебесились. Демонстрации, забастовки, митинги. И слухи, слухи... Головы пошли кругом, перепутались ночи и дни.

В потемках, хоть и не спадает жара, лучше дышится. И работать, если перепала работа, полегче.

Дон Мигель, объявившийся в ресторане «Эль Агиля»

---

[1] Да здравствует свобода! (*исп.*)

[2] Да здравствует анархия! (*исп.*)

[3] Помощь наша в господнем имени (*лат.*).

[4] Народный фронт (*исп.*).

негоциант, не чинится из-за пары песет. Будет что в дом принести детишкам на молоко и на олью подриду, и на бутылку вина останется.

Грузовики из Барселоны прибывали аккурат после захода солнца, заворачивая в узкий, пропахший рыбой переулок за рестораном. Разгрузка шла при свете керосиновых ламп и в темпе, в темпе — дон Мигель подгонял. Перетаскивая туго набитые джутовые мешки, рабочие ворчали: «Не картошка, а гири». То ли жара выжгла силу, то ли клубни потяжелели.

Потом товар развозили по тавернам на пикапах и тележках, запряженных осликом. Видно, кабатчики тоже рехнулись. Кому нужно столько картофеля? Да еще в разгар лета!

Недоуменные вопросы отпали сами собой, когда по чистой случайности обнаружилось, что дон Мигель состоит на действительной воинской службе в чине лейтенанта, а его барселонский компаньон Хуан Гунц представляет немецкую фирму «Теуберта», строящую по всей Испании ветряные мельницы. В недалеком прошлом он тоже служил в войсках. Казалось бы, ничего из ряда вон выходящего — офицер не устоял перед соблазном сорвать хорошенький куш. С кем не бывает? Но одна маленькая подробность взорвала и эту легенду благородного дона: в мешках с картошкой оказались гранаты и разобранные на части «шмайсеры».

Прижатый к стене тененте [1] признался в связях с секретной службой Германии. Вместе с другими агентами он работал на Хуана Гунца. Отставной пилот «люфтваффе» Генрих Родац, имевший доступ на все аэродромы страны, тоже входил в эту сеть, но едва запахло паленым, перебрался в Танжер.

Через его руки прошли десятки новеньких «юнкерсов», благополучно переправленных в марокканские владения.

На складах «Теуберты» обнаружили ящики с карабинами и лимонками, несколько ручных пулеметов и добрую сотню оцинкованных коробок с патронами.

Своеобычные довольно «ветряные мельницы» — краса и гордость испанского пейзажа. Крылья их не для донкихотских копий, и помол не для хлебной печи.

---

[1] Лейтенант (*исп.*).

Куда ушла «картошка» и сколько ее успели «продать», дознаться не удалось.

Друг принца Макса-Эгона и генерала Санхурхо спокойно дожидался своего часа, слоняясь по злачным местам особой зоны. Наслаждался морскими прогулками, танцем живота и смаковал жирный «кус-кус» — денежные переводы поступали исправно.

И вдруг как обухом по темени — Санхурхо погиб!

— Hay que tomar la muerte comos fuera aspirina,— успокоил его генерал Франко и перевел на немецкий: — Смерть надо принимать, как таблетку аспирина.

Встрепенувшись от звонка будильника, Гейдрих включил «телефункен», со вчерашнего дня настроенный на волну Сеуты.

Последняя фраза прогноза «Над всей Испанией безоблачное небо» прозвучала, когда молчаливый камердинер в белых перчатках подал кофе в постель. По ошибке ее сочли сигналом, но парни Франциско Франко уже покачивались на волнах, держа курс на Кадикс. Заменив погибшего в воздушной аварии Санхурхо, начальник генерального штаба претендовал на роль вождя.

Несмотря на вопиюще ненордическую внешность, он понравился Гейдриху. Сильный человек. Определенно умнее Годеда.

Группенфюрер посмотрел на часы: если агентурные данные верны, генерал Мола должен начать действия на Севере — в Наварре и Старой Кастилии. Чуть позже ожидались выступления в Барселоне, Севилье и Сарагосе. Восстание в Мадриде планировалось на следующие сутки.

СД внесла известную лепту в успех предприятия, но контрольный пакет акций оставался в кармане Канариса. Старые апробированные связи: солидно, крепко и никакой кустарщины. Истинно по-немецки. Ничего не поделаешь: хочешь кушать, крутись. Розенберг тоже претендует на свой кусок пирога. Курсы, организованные для офицеров фаланги на острове Майорка, изрядно подбавили жару. Все равно как керосином плеснули на раскаленные угли. Испанцы — взрывчатый материал.

Совещание резидентов, работающих на Средиземноморском театре, Гейдрих назначил в Шафгаузене на

ближайшую пятницу, но поступила шифровка из Парижа, от Скоблина, и, поразмыслив, он решил выехать сегодня, вечерним поездом. Вынул из сейфа стопку паспортов и выбрал наиболее подходящий.

— Рейхсфюрер! — позвонил Гиммлеру по прямому.— Позвольте поздравить вас с замечательным днем.

— Спасибо, милый Рейнгард, я уже знаю. Благодарю от имени фюрера и, конечно, от себя лично.

— Вы не станете возражать, если я уеду сегодня?.. В связи с последними новостями кое-что пришлось передвинуть.

— Счастливого пути, Рейнгард, и, главное, берегите себя.

Гейдрих раздвинул зеркальные стенки и, войдя в просторный гардероб, небрежно пробежался рукой по вешалкам. Остановился на коричневом в искорку двубортном костюме. Чуточку старомодном, потому мало приметном. Впереди был длинный день, и его следовало целиком посвятить делу.

Поезд по линии Берлин — Штутгарт — Шварцвальд — Зинген отходил в 20.03. Можно всласть отдохнуть в спальном вагоне, кое о чем поразмыслить. Зинген — последняя немецкая станция, следующая остановка — Шафгаузен — на территории Швейцарской конфедерации. Служба безопасности через подставных лиц сняла на окраине города уединенный дом с бассейном и садом.

Гейдриху говорили, что именно там, в Шафгаузене, в окрестностях старого замка Муно, возвышается та самая колокольня, чьи долгие звоны вдохновили Фридриха Шиллера написать знаменитую балладу. Кажется, она так и называется «Песнь о колоколе». Наверное, читал гимназистом. Трагично, что исконно немецкие земли все еще разделены пограничными шлагбаумами.

Гейдрих бросил в портфель дорожный несессер и поехал в управление СД-заграница. Переключив телефоны на адъютанта, раскрыл досье Николая Владимировича Скоблина, полковника императорской и генерала русской добровольческой армии.

Биография Скоблина напоминала легенду, не в шиллеровском, конечно, духе, но в сугубо агентурном, с привкусом вдобавок бульварщины. Впрочем, только на первый взгляд.

Сквозь дешевку проглядывал жестокий лик матерого разведчика-двойника, далеко не первого на запу-

танных тропах международного шпионажа, но в своем роде уникума.

Служба в драгунском полку, деникинская контрразведка, дерзкие операции в тылу красных, арест и побег из-под расстрела, отступление в Крым, бегство на последнем пароходе с остатками разбитого войска. Затем Галлиполи, конфликт с полицией Мустафы Кемаля, служба в Белграде у Врангеля и, наконец, благословенный Париж.

Достоверные штрихи с трудом вычленялись в мешанине вымыслов и всевозможных слухов. Но именно на этом и строился образ. Нарочито броская театральщина отвлекала внимание от значительно более серьезных вещей.

По подозрению в связи с ЧК была арестована певица Надежда Плевицкая — кумир офицерства, женщина-мечта. За несколько часов до этого Скоблин пил шампанское из ее башмачка под восторженные рукоплескания офицерского собрания. Реакция Скоблина столь же непредсказуема, как и молниеносна. Осадив во главе эскадрона тюрьму, лихой гусар освобождает прелестную пленницу и увозит в неизвестном направлении. Побег продуман до мелочей. Влюбленную парочку поджидает в какой-то сельской часовенке пьяненький попик, свидетели, гости — все в золотых погонах, с саблями, под которыми и прошли молодые от аналоя к пиршественному столу. Все в лучших традициях русской старины.

Понятия смещаются, поступки обретают зыбкий, раздвоенный контур. Побег из тюрьмы превращается в романтическое бегство к венцу. Дружки растроганы до слез. А поутру, явившись пред светлые очи самого главнокомандующего, парочка кидается на колени, умоляя простить.

Перипетии пьески как бы навязывают главкому характерную роль «отца невесты». Суровый и непреклонный, он обязан смириться перед свершившимся фактом и благословить молодых. И что же Деникин? Покорно входит в образ? По легенде, записанной со слов самого Скоблина, Антон Иванович выслушал, покряхтел и махнул рукой: «Шпионаж — это дело мирское, а любовь — она от бога». Короче, отпустил грех, даже платочком к глазам прикоснулся. Точь-в-точь как «папочка» из какого-нибудь бродячего театра.

Можно поверить в такое? В характере это главноко-

мандующего? Образованный, умный, гуманный, но ведь вешал, и как вешал! Причем за куда меньшие прегрешения. Или опять загадка славянской души? Как бы там ни было, но Скоблин не только не пострадал, но и сумел отхватить генеральские погоны.

Гейдрих так и не разрешил для себя основную загадку: кто кого в конечном счете завербовал? Певичка Скоблина или Скоблин певичку. Во всяком случае, он знал, на что шел, умыкнув ее из контрразведки, действовал не в запале. Если бы сбежал, все бы стало на свои места, но нет же — вернулся. На поверхности романтическая горячка, рыцарская верность даме и долгу, а в глубине — холодный расчет. Восхитительная наглость!

В Париже Плевицкая продолжала пользоваться бешеной популярностью. По-прежнему обольстительная, она буквально завораживала слушателей глубоким и нежным голосом, в котором страстно рыдала их собственная тоска. Великолепно декламировала стихи, отдавая явное предпочтение утонченному Георгию Иванову:

Как вы когда-то разборчивы были,
О, дорогие мои!
Водки не пили — ее не любили —
Предпочитали Нюи...
Стал нашим хлебом цианистый калий,
Нашей водой — сулема.
Что ж — притерпелись и попривыкали,
Не посходили с ума.
Даже напротив — в бессмысленно-злобном
Мире — противимся злу:
Ласково кружимся в вальсе загробном,
На эмигрантском балу.

Гейдрих хорошо представлял себе подобные мелодекламации в полутьме. Под синий пламень жженки, надрывные всхлипы и восторженный вой — в апофеозе. В берлинских кабаках, где собирались русские, было то же самое.

А ведь не утихала молва, что с парочкой, чей дом открыт для каждого, не все чисто. Ничего не действовало — обожал эмигрантский Париж.

С особой силой былые подозрения возобновились в тридцатом году, когда при таинственных обстоятельствах — похищение? убийство? — исчез глава «Рус-

ского общевоинского союза» Кутепов (Александр Павлович, полковник императорской, генерал добровольческой армии). Концов сюрте женераль не обнаружила, но как свидетеля Скоблина допросили. Общее мнение склонялось к тому, что это Плевицкая уже здесь, в Париже, вовлекла мужа в операции ОГПУ. Однако примечательно, что преемник Кутепова генерал Евгений (Людвиг) Карлович Миллер не только не лишил Николая Владимировича доверия, а еще теснее приблизил к себе.

Факт, требующий оценки. Такие люди, как Миллер, как генерал Краснов, пронесли лютую ненависть к еврейским комиссарам через все превратности судьбы и абсолютно лишены сантиментов. С ними приятно сотрудничать, несмотря на то что иррациональность порой превалирует над точным расчетом. Почти как у рейхслейтера Розенберга, в котором тоже иногда проявляется неупорядоченная стихия Востока. Миллер, пожалуй, более нордичен.

На него имеются полные данные: был генерал-губернатором Архангельска, главнокомандующий войсками Северного района, военным министром и управляющим иностранными делами в правительстве Северной области. На счету несколько карательных операций и островная тюрьма Иоханга, где ликвидировали немало большевиков. Бежал за рубеж на ледоколе «Минин», бросив на произвол судьбы войска. Чужд эмоций, принимает взвешенные решения, сообразуясь с реальностью. Едва ли его не поставили в известность по поводу циркулирующих слухов: РОВС сохранил спецслужбы. Значит, в курсе, но не придает значения. Очевидно, есть серьезные основания.

В контакт с СД Скоблин вошел в середине прошлого года, когда маршал Тухачевский сделал короткую остановку в Берлине. Гейдрих заинтересовался предложенным планом и пожелал лично взглянуть на автора. Внешность, манера держать себя лишь подтвердили первоначальные ожидания. Скоблин обладал незаурядным даром отыскивать кратчайший путь к цели и следовать по нему, не отягощаясь сомнениями. На первый взгляд, это могло показаться элементарным, почти животным чутьем, обостренным природной или благоприобретенной наглостью.

Но ощущение прямолинейности, даже примитивизма было, пожалуй, обманчивым. Выбор следовал совер-

шенно осознанно. За ним стоял кропотливый перебор фактов. Что же до наглости, то наглость скорее добродетель, нежели порок, тем более если ее питает полнейшее презрение к роду человеческому. Скоблин не ведал внутренних запретов, пережитков моральных табу, заведомо обрекающих на поражение в схватке с интеллектом ледяной стерильности. Доверять подобным субъектам опасно, даже держа их на верном крючке, но сотрудничество может стать исключительно перспективным, по меньшей мере интересным с эстетической стороны.

Сформулировав генеральную идею обезглавить Красную Армию руками НКВД, Скоблин привел в подкрепление такую подробную информацию, что Гейдрих заподозрил ход с очень дальним прицелом. Но агентурная проверка, затянувшаяся, к сожалению, на несколько месяцев, полностью подтвердила почти все сведения. «Почти», ибо не все оказалось возможным проверить. Двойник так двойник — на том стоит разведка, но по-прежнему смущали пестрые пятна биографии. Даже соотнося всю «романтическую» сторону исключительно к легенде, оставались психологические несоответствия, нюансы, которые хотелось бы прояснить.

Но к главной задаче это непосредственно не относилось.

Гейдрих начал осторожно ее прокручивать на разных уровнях, и, чем дальше, тем привлекательнее она выглядела. Даже в том экстренно жгучем случае, если за Скоблиным стояла не только советская разведка, а силы, обладающие большим могуществом, Гейдрих ничего не терял. Более того, сохранялся шанс выиграть при любом варианте.

Поезд прибыл в Шафгаузен в 11.47. Смешавшись с толпой пассажиров, группенфюрер сел в автобус, возивший туристов к знаменитому Рейнскому водопаду. В проспекте значилось, что в июле он производит совершенно незабываемое впечатление. Под высоким солнцем, в спектральном трепете радуг. В меру полюбовавшись грохочущими струями, мокрыми камнями и мокрой листвой — водяная пыль несла тяжелую грозовую свежесть,— Гейдрих направился к замку Ляуфен. Дом стоял у подножья холма, где сохранились остатки предзамковых укреплений.

— Предположим, я соглашусь немножко помочь дядюшке Джо,— в разговоре со Скоблиным он решил

сыграть напрямую.— Но чтобы попусту не трудиться, я должен знать, на ком конкретно сосредоточиться. В разное время и по разным поводам у нас перебывало слишком большое количество людей. Маловероятно, чтобы все они вдруг оказались заговорщиками. Вам не кажется, что в это трудно будет поверить?

— Поверить? — по лицу Скоблина пробежала вымученная, словно бы неживая ухмылка.— Я так представляю, что это уже не наша забота.

— И все же, господин генерал, хотелось бы больше определенности. Предпочитаю действовать наверняка.

— Круг лиц не столь уж широк, чтобы долго ломать голову. Окончательный выбор облегчит имеющаяся у вас информация, если, конечно, ее удастся нужным образом подать.

— Иными словами, вы не располагаете точным списком?

— Ни точным, ни каким-либо иным. Как вы понимаете, его просто не может быть в природе. В том-то и состоит существо плана, что мы берем на себя смелость поразмышлять за противника. Полагаю, что не слишком ошибемся.

— Хорошо,— Гейдрих встал, дав понять, что беседа окончена.— В самое ближайшее время вас проинформируют о моем решении.

Пожалуй, он не был так уж разочарован. Скоблин сказал именно то, что мог или должен был сказать в сложившейся ситуации.

Радио передавало, что на улицах Мадрида завязались бои между повстанцами и рабочей милицией. Часть войск осталась верной правительству. Астурийские горняки сформировали вооруженные отряды в поддержку республики. Фалангисты вместе с марокканскими формированиями вступили в Севилью.

— Наша борьба представляет собой не только испанскую, но и международную проблему. Я убежден, что Германия и Италия сочувствуют нашим целям,— сделал заявление для иностранных газет генерал Франко.

Гейдрих позвал домоправителя (он состоял в чине унтерштурмфюрера) и распорядился договориться о встрече с адъютантом полковника Коновальца.

32

Театр начинается с вешалки? Похоже, что виселицы начнутся с театра.

Фантом материализовался. И в том, что лик оборотня ни единой черточкой не напоминал о волчьем оскале, была гениальная находка создателя. Художественное провидение, уловившее музыкальную гамму эпохи. Позывные ее.

У кинотеатров, где демонстрировался «Партийный билет», выстраивались длиннющие очереди. Перекупщики брали вдвое и втрое.

Вот, оказывается, какой он, враг народа... Мерзкий пес, ядовитая гадина, а как выглядит? Влюбиться можно! Разве такого раскусишь? Тем опаснее. Тем зорче следует всматриваться в лица. Никому нельзя доверять — ни жене, ни мужу. «Тип умного, смелого и этим еще более опасного врага»,— выразила общее мнение «Правда», откликнувшись на новаторскую ленту Ивана Пырьева похвальной рецензией. Шпион и предатель Советского государства, убийца Павел (артист Абрикосов) разоблачен женой Анной. Теперь зритель видит подонка глазами прозревшей советской женщины. Оборотень предстает в его истинном облике. Он жалок и мерзок, его хочется поскорее раздавить, как вредное насекомое.

Впечатление оказалось настолько сильным, что в органы стали поступать заявления, разоблачавшие инженеров и местных партийных работников, чем-то похожих на мужественного красавца Абрикосова. Усердно писали брошенные жены. Об этом со смехом рассказывал замнаркомвнудел Берман. Наверное, были сигналы и посерьезней.

За разносами театральных постановок, выставок живописи, творений зодчества зловеще проглядывало стремление подогреть истерию. Определенно что-то готовилось.

Призраки, коих гонят прочь, обретают свободу во сне. Поэтому театр — этот праздничный сон наяву — превратился в зону особого назначения. Подобно газетам, в которых — старая российская привычка — наловчились вычитывать между строк порой вовсе и несуществующее, освещенная сцена давала выход задавленным чувствам. В слове мудрецов и поэтов, в интонациях и манере актерской игры искали ответ

на вопросы, которые лучше не задавать. И как восторженно, как созвучно бились сердца, когда казалось, что приоткрывается некая общая истина, где, как в волшебной чаше, можно увидеть свое тайное отражение.

Благосклонное внимание высочайшего мецената еще более распаляло страсти, кипевшие вокруг театральных подмостков. Тут скрещиваются не только видимые всеми прожектора с их разноцветными светофильтрами, но и лучи невидимые, подобно рентгеновским, просвечивающие насквозь грудные клетки и черепа. И часто в мертвенном свете неведомо где установленного экрана те, кому это положено, видели совсем не то, что в натуре. В замкнутом кругу самообольщения и начальство, и рядовая публика, всяк со своей колокольни, выискивали намеки.

Не проходило и недели без очередного разноса. И всякий раз звучал трагическим шепотом вопрос: «За что?» Редакционная статья «Сумбур вместо музыки», с которой начался театральный год (буквально на следующий день после триумфа маленькой Гели), была у всех на памяти. От нее отталкивались, как от эталона.

Но тут по крайней мере были ясны истоки: Сталин, разгневанный и музыкой, и сюжетом,— томление духа выливается в преступный бунт,— покинул ложу. Сложнее оказалось разобраться с набиравшими градусы обличениями «мейерхольдовщины». «Клоп», «Баня», «Мистерия-буфф» — это же наше, революционное. Это же Маяковский! «Лучший, талантливейший»... Но не перевелись памятливые умники на Москве.

Завзятые театралы вспоминали «Землю дыбом». Кое-кто сохранил и афишу той давней, двадцать третьего года, премьеры: «Красной Армии и Первому Красноармейцу РСФСР Льву Троцкому работу свою посвящает Всеволод Мейерхольд».

Вот и достукался. Негоже художнику заискивать перед властью? А как быть, если все вокруг государственное? И власть требует прославления, даже классику переиначивая в угоду себе?

— Театр, чуждый народу, обществоведению, истории,— изрекает Молотов, посетив премьеру в Камерном. Его дочурка Светлана, наморщив лобик, дает оценки почтительно склоненному режиссеру Таирову. Климент Ефремович, покровитель искусств, тоже поучает. На сей раз — автора пьесы.

На что уж Всеволод Вишневский — гроза гнилой интеллигенции и тот репреманда не избежал. Правда, дружеского, в форме совета: «Как это может получиться, чтоб погибала армия?» — «Даю слово большевика в три дня исправить концовку. Армия не погибнет, погибнет только комиссар». Так прямо и отрапортовал, в бравом военморовском стиле, с каким громил Булгакова, Пильняка, Колбасьева. Приказ дан, приказ выполнен. Злые языки говорили, что Вишневский приходил на читку с маузером, который, как пресс-папье, прижимал листы рукописи. Легко тому, кто так может, а кто не может? И причем, позвольте спросить, здесь святое искусство? Если Таирова с блистательной Коонен и тех начинают понемножку поклевывать, то с чем, извините, останемся? С театром зеков? Из зоны в лагклуб труппа шагает строем. Стрельников, сменив бушлат с номером на фрак, лезет в оркестровую яму. Начальник крепостного театра великой эпохи тоже дает премьеру — «Холопку».

Булгакова «Правда» ударила с особым коварством: «Внешний блеск и фальшивое содержание». Казалось бы, какую фальшивку можно усмотреть в постановке филиала МХАТа «Мольер»? Историческую? Но исторический фон достоверен. Идейную? Но без натяжки трудно перекинуть мосты от эпохи Людовика-Солнце к историческому материализму. Намек на абсолютизм? Хорошо-с, предположим на минуточку, что Людовик — это Он. Кто же тогда Мольер? Сам Булгаков?..

То-то и оно, что все не так просто.

Рецензент высмотрел главное — общечеловеческую трагедию и, в чем, собственно, весь ужас, не постеснялся записать это в вину. Не в прямую, понятно, более тонко, через реплику Мольера (артист М. Курейко из Чимкента): «Ваше величество... ведь это же бедствие, хуже плахи... За что?!»

Вот именно: «За что?»

Чего и говорить: звучит убийственно современно. Отсюда и тон, и грозный оргвывод: «Яншин (Бутон) своей игрой лишь усугубляет порочность пьесы».

Бедолага Яншин просто подвернулся под руку. Играл талантливо, весело, не усугубляя. Требовалось за что-нибудь уцепиться, дабы сформулировать обвинение против драматурга и труппы, вот и хлопнули по Яншину (Бутон). Любой актер (персонаж) мог бы оказаться на его месте.

Тухачевский очень жалел, что не посмотрел «Мольера», прежде чем пьесу сняли с репертуара. Пожалуй, в этом году он вообще по-настоящему не бывал в театре. Только в Большом на закрытых спектаклях, когда полагалось быть.

А сейчас и пойти некуда: лето.

Разве сюда?

Московские труппы гастролировали по Союзу, и в помещении МХАТа играли украинские актеры. Давали «Много шума из ничего».

Тухачевский соблазнился и взял билет в ложу; только-только начался второй акт. Семья отдыхала на даче в Покровском-Стрешневе, возвращаться в пустую квартиру не хотелось, а ехать, хоть и недалеко, показалось поздновато.

После залитого светом фойе Михаил Николаевич не сразу разглядел в сумрачном бархатистом уединении единственного соседа, а узнав Радека, даже обрадовался:

— Карл Бернгардович?

— Что? — он встрепенулся.— Ах, это вы... Вот мы и встретились снова. Да вы, батенька, неисправимый театрал!

— Теория вероятностей, Карл Бернгардович.

Тухачевский вспомнил, что последний раз сидел рядом с Радеком на премьере в ГОСЕТе. Михоэлс играл Лира. И как играл! Об этом долго шумела театральная Москва. В антракте зашли за кулисы, поздравить. Масса букетов, корзин, полно народу. Кажется, были Качалов, Завадский, Иван Козловский, Андроников, Алексей Толстой... Словом, весь цвет. Потом у кого-то в гостях, когда Тухачевский оказался вдвоем с Михоэлсом, артист сделал неожиданное признание, надолго запавшее в душу:

— Я мог бы и хотел поставить «Гамлета» или «Ричарда Третьего», но отложил на будущее. Само время плачет слезами Лира. Это трагедия обанкротившейся ложной идеологии.

— А неблагодарность, предательство?

— Есть и это, но тема неблагодарности стара, как Ветхий завет. Она второстепенная у Шекспира.

— Что же тогда основное, Соломон Михайлович?.. Банкротство?

— Мы постигаем это через позднее прозрение Лира, когда, согбенный под ударами судьбы, он жаждет смер-

ти. Помните?.. «Бездомные, нагие горемыки! Где вы сейчас? Чем отразите вы удары этой лютой непогоды в лохмотьях, с непокрытой головой и тощим брюхом?..» Как я мало думал об этом прежде...

«Много шума из ничего» шла своим чередом, а Тухачевский, почти непричастно к сцене, думал о том, как все тесно, почти роковым образом связано: жизнь, судьба, искусство, политика — разные лики единой реальности. И в центре — трагедия, смерть.

Шостакович и Пастернак это чувствуют. Пильняк — тоже... Загадочная кончина Фрунзе, непонятное убийство Котовского. Получала развитие именно та ноющая, как задетый нерв, мысль, что мимолетно коснулась сознания еще там, возле обсыпанного цветами гроба.

Горький умер вовремя. Новая эпоха требовала совсем иного искусства.

Шепот Радека отвлек Тухачевского от невеселых раздумий.

— Я тут затеял одну статейку,— Карлуша жарко дохнул в самое ухо.— Нельзя ли разжиться в этой связи последними данными о росте вооружений в капстранах? Англия меня особенно интересует.

— Думаю, это возможно. Здесь как раз Путна — позвоните ему. В случае чего, можете сослаться на меня.

— Вот спасибо!

В зале зажегся свет. Вяло похлопав, Тухачевский и Радек встали.

— Не хотите в буфет? Я бы выпил стаканчик сельтерской — умираю от жары.

— Не поможет. Лучше совсем не пить. Пожалуй, удеру,— Михаил Николаевич подал на прощание руку.— Уйма дел. Я ведь случайно заскочил.

Отпирая замок, Тухачевский слышал звонки телефона. Звонил Иона Якир:

— К тебе можно нагрянуть? — деловито спросил он.

— Жду,— так же коротко ответил Михаил Николаевич.

Якир приехал минут через десять.

— Я только что видел Шмидта... Ты знаешь, что он в тюрьме?

— Как тебе удалось! — поразился Тухачевский и покачал головой.— Когда ты приехал?

— Я здесь уже четвертый день... Меня отговаривали, но, пойми, я не мог иначе. Кузьмичев, Коля Голубенко... Что творится, Михаил Николаевич? — Якир гово-

рил отрывисто, короткими затяжками хватая воздух после каждой фразы.— Ничего, если я закурю?

— Ты неважно выглядишь... Хочешь нарзану?

— Нет, а впрочем, давай.

— Присядем? — Тухачевский откупорил бутылку.— Льда нет, извини,— наполнил хрустальный фужер, подвинул пепельницу — тяжелую тропическую раковину.

— Чего там,— Якир жадно, большими глотками выпил и так же торопливо принялся глотать дым.

— Я знаю об арестах,— дав ему немного прийти в себя, сказал Тухачевский.— Ты поступил благородно, хотя, наверное, следовало семь раз подумать.

— При чем тут это? Умные головы отговаривали, но это выше меня. Какие мы коммунисты, если будем молчать в тряпочку? Что делается с людьми? Амелина как подменили. Разве что на колени не падал — не пускал в Москву. Не понимает, дурак, что если у нас под носом действительно орудовали шпионы и террористы, то наше место рядом с ними — в камере. Я был бы последним идиотом, если бы промолчал.

— Не горячись, все не так просто, как тебе кажется.

— По-твоему, Дмитрий — шпион, заговорщик?.. То-то и оно! Наших боевых товарищей обвиняют в диких, совершенно абсурдных вещах, а мы трясемся, как бы чего не вышло... В общем, я позвонил самому.

— Он тебя принял? — не проявив удивления и как бы заранее зная ответ, спросил Тухачевский.

— Сказал, что такими делами не занимается и посоветовал обратиться к Климу.

— Почему к Климу?.. Это уже совсем интересно.

— Разговор был неплохой, ты не думай. Правда, короткий.

— Ты хорошо помнишь, что он тебе сказал? Дословно.

— Дословно? «Не волнуйтесь, товарищ Якир, если они ни в чем не виноваты, их обязательно освободят...» Примерно в этом роде. Что еще в таких случаях говорят? Потом он завел речь о командировке во Францию, и стало как-то неудобно возвращаться к вопросу. Честно говоря, я думал, что он направит меня к Ежову.

— Понятно,— Тухачевский задумчиво размял пальцы. Включил настольную лампу: показалось темновато.— И что Ворошилов?

— Когда мы увиделись, я понял, что он уже в курсе.

Слушал очень внимательно. С моими доводами вроде бы согласился, но объяснил, что обвинения крайне серьезные. Я продолжал настаивать, и он позвонил тут же, при мне, туда.

— Кому, интересно?

— Я так понял, что не Ягоде — выше.

— Ты, конечно, рубанул свое любимое: «Ручаюсь головой»?

— Поговорили спокойно. И вообще, сначала он отнесся довольно сочувственно... Это было утром, около десяти, а в шестнадцать часов меня вызвали. Тон был уже совершенно иной. Ознакомил с показаниями и сразу же закатил истерику. Потом немного остыл и, покрыв меня матом, стал изъясняться в любви. По-свойски, по-простому. Ты же знаешь его. А я сидел, словно в воду опущенный. Не из-за мата, конечно... В другой обстановке я бы ему показал, как орать, но тогда у меня язык отнялся. Ситуация просто дичайшая,— Якир раздавил окурок и тут же зажал в зубах новую папиросу,— Дмитрий признался, что хотел застрелить Ворошилова у меня в кабинете. Представляешь? Я не могу даже перечислить все, что там было: подготовка восстания, продажа Украины — бред сумасшедшего! Я так и сказал: «Ему место на Сабурке, а не на Лубянке».

— Сабурка — это что?

— Так, выскочило случайно, по старой памяти... Харьковская психиатричка. Как-то мне пришлось проведать там нашего парня-танкиста... Ворошилов, наверное, ничего не понял. Какая еще Сабурка? Меня, понимаешь, всего колотило, и потому спуталась последовательность, но существо от этого не страдает. Короче, я потребовал встречи с Дмитрием. И тут он испугался. Даже голову в плечи втянул. «Опомнись, Иона, не делай глупостей, ты восстановишь против себя всех, будет только хуже...» Известная песня. Он струсил, Миша! Ты понимаешь? Член Политбюро, нарком!

— Странно, что тебя это удивляет.

— Нет, таким я его еще не видел. Это была картина. И тут я вдруг успокоился. На душе мерзко, словами не передать, а в голове абсолютная ясность. Диспозиция, как говорится, определилась... «Климент Ефремович,— говорю,— я не раз имел удовольствие видеть вас в Киеве. Для КВО каждый ваш приезд был как праздник. Мой кабинет вы знаете. Как, по-вашему,

можно там выстрелить — не важно в кого — и при этом остаться целым? Если Шмидт действительно замышлял нечто подобное, значит, он не в своем уме. Пусть его покажут врачам».

— Так и сказал? — впервые за все время оживился Тухачевский.— А он?

— Жалкое зрелище. Завел все ту же пластинку: «тяжелые обвинения», «признательные показания», «заговор». И что меня больше всего насторожило — приплел зачем-то Туровского, мутно, расплывчато, дескать, и Семен чего-то такое «прошляпил». Значит, не у нас одних, а и в ХВО не все ладно. Тут я и напомнил ему приказ номер сто восемьдесят два. «В мешке,— говорю,— шила не утаишь. Если был заговор, то почему никто ничего не заметил? Почему заговорщики никак не проявили себя? И сколько их вообще, заговорщиков? Шмидт с Кузьмичевым? Маловато что-то для такого предприятия. С чем они собирались выступить? С танковым корпусом и авиабригадой? Абсурд получается, Климент Ефремович». И ты знаешь, он вдруг что-то такое понял. «А при чем здесь приказ?» — спрашивает. «Как же, товарищ нарком, объявили вы нам благодарность? Кучинскому, Дубовому, Амелину, Туровскому, мне?.. А за какие заслуги? За маневры, которые, как теперь выясняется, должны были увенчаться таким,— говорю,— фейерверком? Мы, выходит, «прошляпили», а вы нас за это по головке погладили? Сказавши «А», говори «Б»: пусть и нас тогда допросят в НКВД. Дубовой командовал «синими», Туровский — «красными», но маневрами руководил я. С меня и начинайте».

— «Безумству храбрых поем мы славу»,— через силу улыбнулся Михаил Николаевич. Смерть Горького не выходила из головы. Предчувствие, интуиция — называй, как хочешь, но оно подступало, неотвратимое. Разнородные признаки множились, складывались в еще фрагментарный, но давно предугаданный контур. Иона, забубенная головушка, так и не понял, в какую ввязался борьбу.— Выходит, ты на испуг взял?

— Не надо иметь семь пядей во лбу, чтоб сообразить. Когда касается собственной шкуры, он очень даже чувствительный. Сам вызвался переговорить с кем надо. Назавтра в десять тридцать мне устроили встречу,— не докурив папиросу и до половины, Якир потянулся за новой.— Я с трудом узнал Дмитрия, это был совсем другой человек. Лунатик, марсианин... Если бы ты видел его глаза!

— Где это было?

— В тюрьме, Миша, в тюрьме, в крохотной комнатушке без окон... «Правильно ли записаны ваши показания?» — спросил я. «Нет, неправильно,— отвечает,— никакого покушения против товарища Ворошилова я никогда не замышлял». Как тебе нравится? Он хотел что-то добавить, но они не разрешили: «Никаких подробностей». Ничего не поделаешь, раз не положено. Дмитрий спросил, могу ли я передать его письмо Ворошилову. Я сказал, что могу.

— И что он пишет?

— Я вручил, не читая. Полагаю, что так будет правильнее. Есть, понимаешь, нюансы... Пусть разбираются сами.— Якир сосредоточенно замолк, заново переживая тягостную сцену.— Вынужденно принимая письмо, Ворошилов повел себя странно и непоследовательно. Сначала поддакивал, почти лепетал, потом вдруг вскипел и разразился бранью. «Опять ты высовываешься! — бросил в сердцах.— Не умеешь ценить доброе отношение. Смотри, Иона Эммануилович, не обожгись...»

— Будешь ожидать тут или вернешься к себе? — Тухачевский принес кухонное ведерко и вытряхнул пепельницу.

— Пока не знаю.

— Ты все сделал, как надо, даже больше, чем мог. Дальнейшее от тебя не зависит... Каков бы ни был результат. Мой тебе совет: отправляйся в Киев, пока твои орлы со страха не наделали глупостей.

— Пожалуй, ты прав. Тем более, послезавтра у нас Политбюро.

33

Выполняя обещание, данное Франко, фюрер распорядился поддержать его «национальную революцию» всеми имеющимися средствами. Штаб «W» военного министерства получил задание направить в Испанию, под видом добровольцев, кадровых офицеров и ускорить поставки оружия. Геринг сразу же взял в свои руки формирование легиона «Кондор».

30 июля на военном аэродроме Тетуана в Испанском Марокко приземлились двадцать транспортных самолетов «Юнкерс-52» и столько же итальянских

«Капрони», предназначенных для переброски марокканских частей. На следующий день из Гамбурга курсом на Кадикс отчалил транспорт «Усарамо», имея на борту немецких военнослужащих и шесть истребителей «Хейнкель-51». В трюмах находились запчасти для трехмоторных бомбардировщиков, прибывших ранее. Они уже показали себя в деле, потопив линейный корабль республики. Ящики со снарядами, фугасными, осколочными и зажигательными бомбами были доставлены через Италию, вместе с легионерами дуче.

Отношения между обоими диктаторами, охладившиеся было из-за германского нажима на Австрию, переживали пору медового месяца. Сферы влияния были разграничены к обоюдному удовольствию.

Над Аддис-Абебой развевался фашистский штандарт с ликторскими фациями и двойной секирой, дни маленькой Албании были сочтены. В качестве следующего шага к воссозданию Римской империи Муссолини предполагал закрепиться в стратегическом треугольнике: Балеарские острова — Картахена — Сеута. Для начала итальянский военно-морской флот оккупировал остров Майорку.

Это вызвало сильнейшее беспокойство в Париже: над путями сообщения с Французским Марокко нависла непосредственная угроза. От правительства народного фронта ждали энергичного противодействия. Многое, если не все, зависело от владычицы морей Великобритании. В Лондоне не преуменьшали серьезности положения. В случае конфликта противник попытается перерезать коммуникации между африканскими колониями и метрополией. Но слишком велик был перевес объединенного англо-французского флота, чтобы сразу бить в колокола громкого боя. Следовало проявлять достойную выдержку.

Не способствовали принятию скороспелых решений и слухи, тщательно скрываемые пока от постороннего мира. Они просачивались из святая святых — королевской опочивальни в Букингемском дворце, где еще так недавно праздновали коронацию; назревал неслыханный скандал, грозивший поколебать устои благополучнейшей из монархий.

Молодой король недвусмысленно заявил семье, что хочет жениться на некой миссис Симпсон — американской миллионерше. Мало сказать, что это произвело форменный шок. Короли женятся на принцес-

сах крови, а не на сомнительных авантюристках. Мало того что она американка, вдобавок дважды разведенная, так еще и католичка! Если бы могли слышать великие венценосцы, упокоившиеся под сводами Вестминстера, то тут же перевернулись в гробах.

Оставался единственный выход — отречение. К этому, похоже, и шло.

Ощущая кончиками нервов тревожную неустойчивость параллелограмма разнонаправленных сил, фюрер решил во что бы то ни стало наладить взаимопонимание с англосаксами. К союзу с арийской Англией его неустанно подталкивали Геринг и Гесс. Этого же требовала и логика событий. На пиренейском плацдарме в любой момент могла появиться Россия.

Через своего агента в советском посольстве Папен получил сведения, что при определенных условиях Москва будет готова прийти на помощь республиканскому правительству.

Агентура Канариса сообщала, что генерал Якир, командующий украинской группой войск, совершил на днях инспекционную поездку в Одессу, где начато переоборудование причалов под большие грузы. На близлежащем военном аэродроме замечено скопление скоростных двухмоторных бомбардировщиков СБ-2 конструкции Туполева. О месте их передислокации сведений не поступало.

Традиционный распорядок внешнеполитических ведомств уже не поспевал за стремительностью мирового процесса. Космические масштабы борьбы требовали новых зигфридов, новых посланцев Вотана. Константин фон Нейрат, Леопольд фон Хаш и прочие дипломаты старой кайзеровской школы безнадежно отстали. Нейрат к тому же слишком тесно сошелся с аристократами из армии. Гиммлер выражал по этому поводу справедливые опасения.

Риббентроп много лучше ориентируется в новых условиях. Морское соглашение с Англией — его заслуга. Определенно пришла пора произвести перемены.

Решение назначить Иоахима фон Риббентропа статс-секретарем было навеяно могучим порывом «Гибели богов».

На фестиваль в Байрейт, где прошли лучшие годы любимого фюрером композитора, съезжалось все имперское руководство. Вагнеровский музыкальный театр, основанный в 1876 году, напоминал в такие дни оперу

Кролля. С той лишь разницей, что в опере звучали речи, а здесь гремела музыка нибелунгов: «Золото Рейна», «Валькирии», «Парсифаль»...

В тот вечер, когда исполняли «Тангейзера», фюрер и Ева Браун, его подруга, пригласили в свою ложу чету Риббентропов.

— Я принял решение назначить вас статс-секретарем в министерстве иностранных дел,— объявил Гитлер в антракте.

— Вы сделали меня счастливейшим из людей, мой фюрер! Я не пощажу сил, чтобы оправдать ваше доверие.

Фрау Риббентроп все слышала, но, обмирая от восторга, не показала и вида. Пост был вакантный, и супруги не без основания рассчитывали, что на сей раз их не обойдут. Так и случилось, как предрекали друзья.

— Кого бы направить в Англию? — спросил Гитлер новоиспеченного шефа дипломатии (министры приходят и уходят, а статс-секретари олицетворяют незыблемую преемственность).

Риббентроп сделал озабоченное лицо:

— На сегодня это самое важное наше посольство.

— И вообще, каковы шансы договориться с Лондоном?

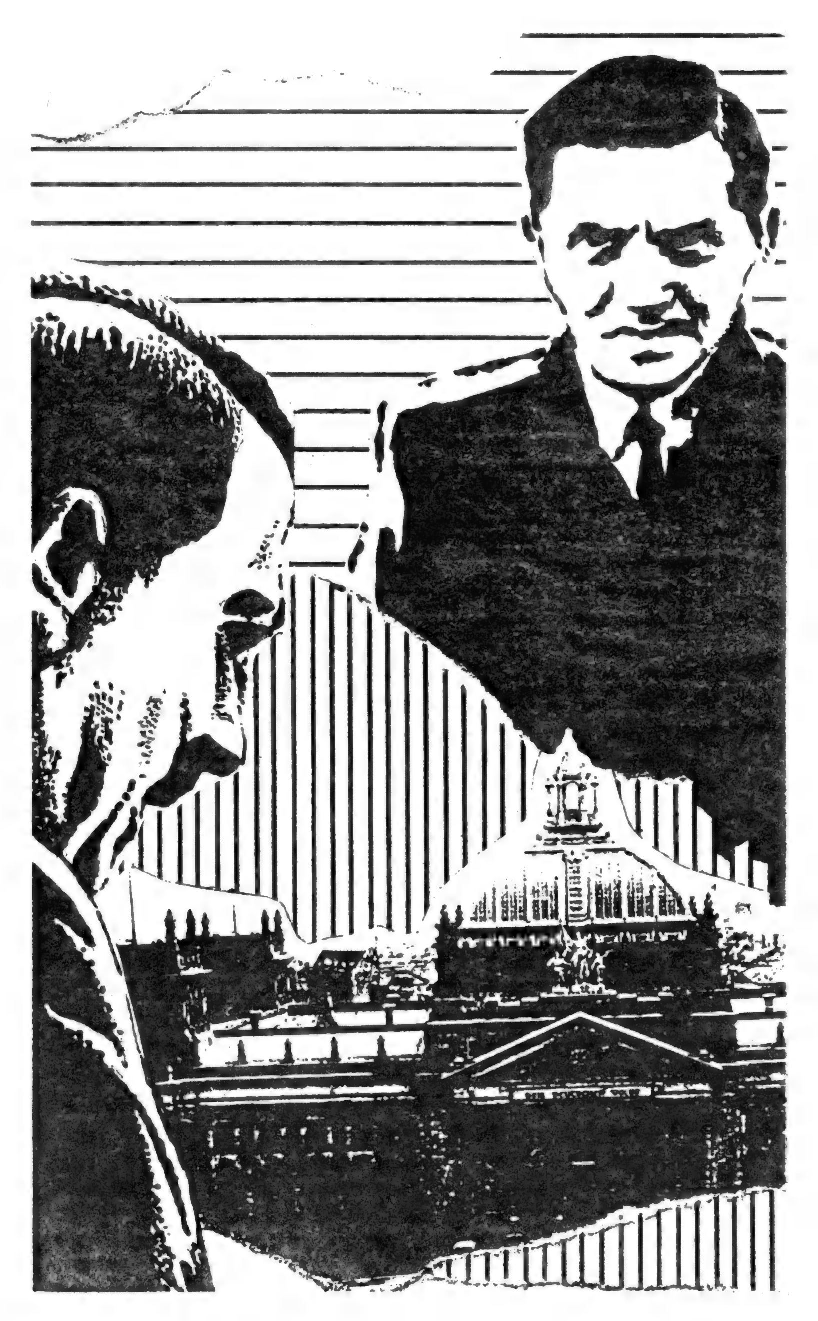
— Шансы невелики,— осторожно заметил Риббентроп.— Но тем не менее они существуют.— Он вдруг почувствовал, что его пронзила молния, открыв совершенно новое — третий глаз? — видение.— Пошлите меня, мой фюрер,— смиренно попросил он.

Да, это было озарение, вдохновение свыше. В статс-секретарях можно проторчать всю жизнь, а Лондон, в случае успеха, предоставлял возможность сразу скакнуть на верхнюю ступеньку.

Гитлер не без удивления взглянул на давнего своего приверженца. Отказаться от высокого поста способен не каждый. Для этого нужно иметь либо провидческий ум, либо бескорыстное сердце. Ни тем, ни другим Риббентроп не выделялся.

— Спасибо за интересную мысль. Я подумаю.

Мадам Риббентроп едва не потеряла сознание. Пренебречь министерской должностью ради посольства, хотя бы и лондонского! На это способен один Иоахим. Неисправимый фанатик! О, только бы фюрер не согласился...

Фюрер согласился. Уже на следующий день германский временный поверенный нанес визит в Форин офис и запросил агреман.

Риббентроп появился на приеме, устроенном Герингом в честь руководителей олимпийских делегаций. Торжество проходило на лужайке королевского дворца. Прожекторы, установленные на соседних крышах, заливали парк резким дымящимся светом. Влажная листва казалась фиолетовой, а лица людей — голубыми. Дул пронизывающий ветер. Дамы кутались в меха. Левальд, руководитель Олимпийского комитета, надел шляпу. Имперские министры и генералы стояли вперемежку с дипломатами. Весть о назначении Риббентропа перестала быть новостью. Здороваясь с послами, он холодно благодарил за поздравления.

— Скорее похоже на опалу,— сказал американскому послу посланник Южно-Африканского Союза Джи.— Повторяется история с Папеном.

— А что с Папеном?

— Разве вы не знаете, что он в Вене.

— Ах, да... Простите, забыл.

Возвратившись из Вашингтона, Додд обнаружил в Берлине множество перемен. Влияние умеренных, к которым принадлежал Шахт, явно шло на убыль. Тон задавали фанатичные экстремисты. В сущности, необратимо менялся весь мир. Шансы на переизбрание Рузвельта довольно сомнительны. Общественное мнение в Штатах кренится на правый борт, грозя опрокинуть лодку. Фриц Кун, доморощенный фюрер, раньше он работал на заводе Форда в Детройте, возит по всей Германии группы американских туристов немецкого происхождения. «Национал-социализм — это спасение для народов»,— заявил он на митинге в Нюрнберге. Все его действия направляет Боле из иностранного отдела НСДАП.

Коричневая плесень завелась и под крышей посольства. Новый советник Мейер вовсю заигрывает с Герингом, готовя за спиной Додда почву для двусторонних переговоров. Судя по всему, наци ожидают крупных уступок с американской стороны.

— Чертовски холодно! — поежился, подойдя, Эрик Фиппс.

— Почему англичане любой разговор обязательно

начинают с погоды? — пошутил Додд.— Но вы правы, продирает насквозь. Терпеть не могу эти ужины на лужайке. Вы останетесь?

— Едва ли... Мне вообще начинает казаться, что пора собираться в дорогу.

— Вы это серьезно, сэр Эрик?

— Вполне. С моим складом ума все труднее становится приспосабливаться к климатическим перепадам. Откровенно говоря, после назначения Риббентропа я и сам готов рекомендовать моему правительству сделать ответный жест. Здесь нужен более покладистый человек.

— Могу лишь сожалеть,— Додд беспомощно похлопал себя по карманам, ища очки: на эстраде появились актеры в камзолах и робах восемнадцатого века.— Мне будет вас очень недоставать, сэр Эрик... Если, конечно, я задержусь долее вас,— ответил он откровенностью на откровенность.

— Даже так? — Фиппс деликатно отвел глаза.— Пока вы отсутствовали, тут возникли кое-какие домыслы...

— Я в курсе,— кивнул Додд. Слухи о скорой его отставке распространял, с подачи Мейера, Геринг.— В принципе не исключено, хотя ни президент, ни госсекретарь ничего мне об этом не говорили. Нацисты меня едва терпят, что не может не отражаться на настроениях американцев.

— Демократия постоянно пасует перед диктатурой. Мы ведем себя, как кролики, загипнотизированные удавом. Куда нас вынесет, мистер Додд, на какой берег?.. Я очень доверяю вашему историческому чутью.

— Откровенно говоря, я ощущаю себя такой же щепкой, влекомой течением. Понимание истории — это одно, а чутье... Чутье — субстанция тонкая, неуловимая. Признаюсь, что я не предвидел столь бурного развития испанских событий, хотя и предсказывал возможность установления германо-итальянского контроля над Европой. В конечном счете отказ от согласованных англо-французских действий против агрессии в Абиссинии обрек европейские демократии на гибель.

— Целиком и полностью с вами согласен. Испанская трагедия — прямое следствие совершенной ошибки. Гитлер и Муссолини, не опасаясь санкций, снабжают оружием военную хунту. За это, надо думать, они получат испанские колониальные владения. В недале-

ком будущем нам будет противостоять коалиция уже из трех диктаторов.

— Простите, сэр Эрик, но это не более чем констатация свершившегося факта. Истинная перспектива рисуется в более мрачных тонах. Я далек от критики вашего правительства, но, рассуждая как историк, смею сказать: Англия проявила поразительное бессилие, за которое вынуждена будет заплатить непомерную цену. Недаром говорят, что скупой платит дважды. Баланс сил постоянно сдвигается в пользу тоталитарных режимов. Во Франции сейчас такие раздоры, что установление диктатуры представляется неизбежным. Мы со своим изоляционизмом совершили непростительную ошибку. Штаты неизбежно окажутся втянутыми в новую войну, но на условиях куда более худших, чем сейчас, а завтра — тем более. Группа неразумного меньшинства в сенате нисколько не поумнела. Как видите, уроки истории никому не идут впрок... С кем это так любезничает Геббельс?

— Юнгер... Воин-эстет, бард, проложивший бряцанием лиры путь стальным колоннам... Фашизм и розы! Чем это хуже, чем фашизм и меч? Фашизм и спорт?

— Что ж, это их время. Габриэле Д'Аннунцио, Монферлан... В России, мне рассказывали, чуть не каждый второй писатель в гимнастерке и галифе... Никогда еще сама идея демократии не выглядела столь беспомощно-жалко... Похоже, близится конец света, сэр Эрик?

— Мир либо переболеет злокачественным поветрием, либо погибнет. Хуже всего то, что клиническое течение черно-красной лихорадки протекает двояко. Отвращение к нацизму толкает наших интеллектуалов в объятия Сталина, страх перед большевизмом — в фашистскую паутину.

— Идея Интернационала все же ближе европейскому идеалу, чем почва и кровь?

— Погодите и вы увидите, во что выльется этот эксперимент. Слишком много общих черт у величайшего вождя всех времен и гения всех времен и народов. Тотальная организация неизбежно приведет Сталина к национальной автаркии. Национализм динамичен. Он переливает миф в энергию.

— Созидания или разрушения?.. В том-то и суть, что национализм и интеллект — это два антипода. С одной стороны, сила и рост, с другой — иссушаю-

щий скепсис, но именно он создал все то, чем гордится человечество.

— Мысли о будущем угнетают меня. Ощущая полнейшее бессилие хоть что-нибудь изменить, чувствуешь себя таким жалким.— Фиппс простился и незаметно покинул прием.

Дамы и кавалеры в париках оттанцевали свое. Лучи прожекторов осветили затянутое облачной пеленой небо. Знаменитый летчик Удет принялся выписывать фигуры высшего пилотажа.

— Боюсь, что ко мне вернется прошлогодняя простуда,— пожаловался жене посол Додд.

— Сходи за пальто и шляпой,— посоветовала Мэтти.— Или совсем уедем?

— Четверть одиннадцатого,— он защелкнул крышку карманных часов.— Из Олимпийских игр Гитлер делает себе грандиозную рекламу. Сэр Эрик прав: фашизм и пулемет, фашизм и футбол, фашизм и цветы... Ты обратила внимание, дорогая, на того господина, что стоял с Геббельсом?.. Это знаменитый романист Юнгер. Пишет ритмизованной прозой, вроде Аннунцио... Даже названия у них схожи: «Мраморные скалы», «Девы скал». Красивенькая дешевка. Я только сейчас обратил внимание... И этот сексуальный культ родины: невеста, жена... С рыцарским идеалом его роднит разве что фразеология, набор заезженных метафор. На деле же — звериная похоть и пьяный садизм.

34

Троцкистско-зиновьевский центр ставил главной своей задачей убийство руководителей ВКП(б) и в первую очередь убийство Сталина и Кирова. Через членов центра И. Н. Смирнова и Мрачковского центр был связан с Троцким...

Протокол допроса Г. Зиновьева от 23—25 июля 1936 г.

...Единственным средством, с помощью которого мы можем надеяться на приход к власти, является организация совершения террористических актов против руководителей ВКП(б), в первую очередь против Сталина.

Протокол допроса Л. Каменева от 23—24 июля 1936 г.

С целью ведения в Советском Союзе троцкистской контрреволюционной работы и организации террористических актов над Сталиным я нелегально приехал в СССР.

Я не решился без специальных указаний Седова идти на это и сообщил условным письмом Седову в Париж, что есть возможность наладить связь с крупной немецкой организацией крайне правого направления (речь идет о ГЕСТАПО...).

Протоколы допросов В. Ольберга
от 13 февраля и 9 мая 1936 г.

В середине 1934 года Дрейцер Е. мне докладывал, что им подготовлялось одновременно убийство Ворошилова, для чего должен был быть подготовлен Шмидт Дмитрий, бывший в армии на должности командира и не бывший на подозрении в партии.

Протокол допроса С. Мрачковского
от 19—20 июля 1936 г.

Следователь А. П. Радзивиловский —
секретарю ЦК ВКП(б) Н. И. Ежову:

«Исключительно тяжелая работа в течение трех недель над Дрейцером и Пикелем привела к тому, что они начали давать показания».

Содержание письма Троцкого было коротко... «Дорогой друг! Передайте, что на сегодняшний день перед нами стоят следующие задачи:

первая — убрать Сталина и Ворошилова,

вторая — развернуть работу по организации ячеек в армии,

третья — в случае войны использовать всякие неудачи и замешательства для захвата руководства».

Протокол допроса Е. Дрейцера
от 23 июля 1936 г.

Валентин Павлович Ольберг — следователю:

«После Вашего последнего допроса... меня охватил отчего-то ужасный, мучительный страх смерти. Сегодня я уже несколько спокойнее. Я, кажется, могу оговорить себя и сделать все, чтобы положить конец мукам. Но я не в силах возвести на самого себя поклеп и сказать заведомую ложь, т. е. что я троцкист, эмиссар Троцкого и т. д. Я приехал в Союз по собственной

инициативе, теперь — в тюрьме уже — я понял, что это было сумасшествие, преступление. Горько раскаиваюсь в нем. Я сделал несчастными не только себя, но и жену мою, брата».

Н. И. Ежов — И. В. Сталину:

«Посылаю проект Закрытого письма ЦК ВКП(б) ко всем организациям партии о террористической деятельности троцкистско-зиновьевско-каменевской контрреволюционной группы.

Для перепроверки изложенных в письме фактов я их зачитал т.т. Агранову и Молчанову».

Сталин вычеркнул определение «каменевской» и исправил «группу» на «блок».

«Равным образом считается установленным,— вписал он для усиления,— что зиновьевцы проводили свою террористическую практику в прямом блоке с Троцким и троцкистами».

Дойдя до четвертого раздела, где в качестве «главной задачи» блока называлось «убийство товарища Сталина», сделал длинные «вожжи», присовокупив к себе Ворошилова, Кагановича, Кирова, Орджоникидзе, Жданова, Косиора и Постышева. Вячеслав Михайлович Молотов оказался обойденным, недостойным пули фашистских наймитов.

Сов. секретно
Экз. №

ЗАКРЫТОЕ ПИСЬМО ЦК ВКП(б)

О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока.

Обкомам, крайкомам, ЦК нацкомпартий, горкомам, райкомам ВКП(б).

18 января 1935 года ЦК ВКП(б) направил закрытое письмо ко всем организациям партии об уроках событий, связанных с злодейским убийством товарища Кирова.

В этом письме сообщалось, что злодейское убийство Сергея Мироновича Кирова, как это было установлено судом и следствием, совершено ленинградской группой

зиновьевцев, именовавшей себя «ленинградским центром». В письме говорилось также о том, что «идейным и политическим руководителем ленинградского центра был московский центр зиновьевцев, который не знал, по-видимому, о подготовлявшемся убийстве тов. Кирова, но наверное знал о террористических настроениях «ленинградского центра» и разжигал эти настроения».

Как известно, тогда Зиновьев и Каменев признали свою вину только в разжигании террористических настроений, заявив, что они несут за убийство С. М. Кирова лишь моральную и политическую ответственность...

На основании новых материалов НКВД, полученных в 1936 году, можно считать установленным, что Зиновьев и Каменев были не только вдохновителями террористической деятельности против вождей нашей партии и правительства, но и авторами прямых указаний как об убийстве С. М. Кирова, так и готовившихся покушениях на других руководителей нашей партии и в первую очередь на т. Сталина...

Начальник экономического отдела НКВД Миронов поехал показаться Казакову в Институт экспериментальной медицины.

Чудодей-доктор однажды посодействовал ему своими органопрепаратами по мужской части. Курс лизатов вроде бы подействовал на какое-то время. Теперь же требовалась помощь иного рода: от расстройства сна. Ночные бдения вызвали полное истощение нервной системы.

Из трехсот оппозиционеров, вот уже более года сидевших во внутренней тюрьме, на процесс «объединенного центра» предполагалось вывести двенадцать человек, но Сталин вписал еще четырех.

Вчерне работа была закончена. Оставалось лишь подогнать стыки, устранив разночтения в показаниях. Сталин безжалостно правил протоколы, вставлял целые абзацы, вычеркивал одни имена, добавлял другие. Усиление военного акцента потребовало корректировки всей схемы, что чрезвычайно нервировало следственный аппарат. Назначенная в первом приближении дата катастрофически надвигалась.

С главными участниками осложнений не предви-

делось. Психологическое и иное давление научило их по-доброму ладить со своими «опекунами». Тем более что в обмен за сотрудничество были обещаны высокие гарантии. Зиновьева и Каменева возили в Кремль, где в присутствии Ежова с ними беседовали Сталин и Ворошилов. Иван Никитич Смирнов выговорил свободу для дочери и бывшей жены у Ягоды. Рейнгольда и Мрачковского дважды вызвал к себе Ежов. Словом, комплексное воздействие принесло ожидаемые результаты.

Мрачковский, не исправив ни единой запятой, подписал все шесть «парадных», заранее отпечатанных протоколов. Лишь на вопрос о связях с заграничным троцкистским центром потребовал предъявить доказательства.

— Я и самого Маркса заставлю сознаться в работе на Бисмарка,— наставляя новичков, хвастал Заковский, перекованный уголовник.

Но одно дело — выбить признание, другое — выставить обвиняемых перед судом. Тут всегда есть элемент риска. Особенно с таким народом, как военные.

Командир первой и пока единственной в СССР бригады тяжелых танков Дмитрий Шмидт не годился не то что на процесс, но даже на очную ставку. На каждом новом допросе он наотрез отказывался от прежних показаний. Работать с таким все равно что бегать по замкнутому кругу. Сколько времени и нервов погублено зря. А тут еще постоянное подхлестывание сверху, и что ни день, то требовательнее, нетерпеливее. Миронов сочувствовал товарищам, которые вели Шмидта и Кузьмичева. Они тоже находились на последнем пределе. По-видимому, и у Сталина нет полной уверенности, что открытое слушание пройдет столь же гладко, как процесс «Промпартии» или «шахтинское дело». Оно и понятно: высылать раскулаченных и чистить техническую интеллигенцию психологически легче, чем вчерашних единомышленников, товарищей по борьбе.

Домысливая за вождя, Миронов не брал в расчет самый простой вариант. Ненавидеть можно только того, кого знаешь лично, а ненависть устраняет внутренние преграды, если имеется такая предрасположенность. Сталина не устраивали проволочки, ненужная канитель, в сущности, стиль давно изжившей себя машины. Она нуждалась в капитальном ремонте.

Миронов надломился на пустяке. И все потому, что не смог избавиться от вредной привычки осмысливать каждый новый сигнал. От него требовалось одно: четкое исполнение. Он же анализировал, сопоставлял, ибо, как всякая мыслящая единица, инстинктивно стремился к пониманию.

До вчерашнего дня ему казалось, что он-то знает, по каким рельсам несется «локомотив истории». Куда ведет его «машинист», как назвал вождя нарком путей сообщения Каганович.

Недавно ЦК партии принял по предложению Сталина постановление о предоставлении органам НКВД чрезвычайных полномочий сроком на один год. Затем, опять-таки по требованию Сталина, спустили секретную инструкцию о допустимости в следственной практике любых форм физического воздействия в отношении «шпионов, контрреволюционеров, белогвардейцев, троцкистов и зиновьевцев».

— Известно, что все буржуазные разведки используют такие методы против представителей социалистического пролетариата, притом в самой отвратительной форме,— на инструктаже Ежов почти дословно воспроизвел стилистику вождя.— Возникает вопрос: почему социалистические органы государственной безопасности должны быть более гуманны по отношению к бешеным агентам буржуазии и заклятым врагам рабочего класса и колхозников? ЦК ВКП(б) считает, что методы физического воздействия должны, как исключение, применяться по отношению к известным и отъявленным врагам народа и рассматриваются в этом случае как допустимый и правильный метод.

Инструкция, по существу лишь узаконившая существующую практику, была воспринята правильно, как поощрение. Смутил неожиданный поворот в ходе следствия, прямого отношения к ней не имеющий. На нем и споткнулся начальник ЭКО, ибо вдруг перестал понимать, куда все идет.

«Что вверху, то и внизу»,— записано в «Изумрудной скрижали» Гермеса Трисмегиста. Большое отражается в малом, мир живых — в мире мертвых, внешний поток — в потоке внутреннем, подземном.

Последовательность имен в официальных публикациях, равно как и расположение вождей на трибуне, проливала луч света на порядок кремлевской иерар-

хии. Позволяла судить о близости того или иного вождя к вождю вождей.

Перемещения истолковывались однозначно. Полное выпадение — тем паче.

Внося свою правку в протоколы допросов, Сталин из показаний Рейнгольда вычеркнул фамилию товарища Молотова. Точнее — вычеркнул из перечня, где она стояла второй в канонизированном на данный момент ряду: Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович...

Это должно было означать, что враги народа, замышлявшие злодейское покушение на членов правительства, почему-то сделали исключение для Председателя Совнаркома.

Вывод напрашивался единственный, ибо как внешнее отражалось во внутреннем, так и внутреннее — подземное — столь же определяюще изменяло подлунный мир.

Миронов на сигнал, понятно, отреагировал и, перепечатав протокол заново, показал подопечному. Рейнгольд, естественно, подписал, ничуть не заботясь о том, останется Молотов в числе грядущих жертв военно-троцкистских терактов или угодит в списки другого рода. Это его не волновало. А вот Миронова оставленная знакомым синим карандашом черта повергла в подобие гипнотического ступора. Примерно как в опыте с курицей, которая замирает перед меловой линией.

Даже тот, хлестнувший бичом, окрик Сталина: «Без признаний Зиновьева не приходите» — и то пережить оказалось легче. По крайней мере полная ясность. А тут? Агранов ничего не знал, Ягода, если и знал, принял с похоронным молчанием, обращаться с вопросом к Ежову не рекомендовалось. Тем более что уже поступило указание впредь руководствоваться отредактированным списком. Молотов из протоколов исчез и в Закрытом письме упомянут не был. Вскоре стало известно, что Вячеслав Михайлович отбыл в Сочи, на отдых.

Член партии с 1906 года, Молотов еще при жизни Ленина вошел кандидатом в Политбюро, занял пост Ответственного секретаря ЦК. С приходом Сталина остался в секретариате и проявил себя незаменимым аппаратным работником. От подчиненных требовал неукоснительной точности, усидчивости и послушания. Сталину служил ревностно, даже самозабвенно, но без

угодливости и показной суеты. Основные этапы обновления партии на новой основе и формирования аппарата проходили при его деятельном, порой и руководящем участии. Лестные слова «ближайший соратник товарища Сталина» подходили к нему более, чем к кому бы то ни было. Предан по убеждению и верен из принципа, ибо Сталин олицетворял систему, полностью отвечающую его, Молотова, идеалу. Извращение ленинского наследия, если оно не затрагивало внешних черт, воспринималось им как необходимое творческое развитие. Канонизированные символы революции, являясь декором власти, способствовали ее прочности и динамизму. И прежде всего — ленинская гвардия, старые большевики. Он и сам по праву принадлежал к их когорте. Широковещательный судебный процесс мог подорвать один из краеугольных камней, что грозило потерей устойчивости. По крайней мере так ему виделось. Уголовные клейма «шпион», «террорист», «убийца» пятнают знамена. И дело тут не в конкретных личностях. Никого из них не жаль, они заслужили свое. Но от балласта можно избавиться и не прибегая к огласке. Опыт последних съездов позволял усовершенствовать и без того отлаженный механизм кадрового обновления.

Ознакомившись с более-менее окончательным проектом процесса, включая речи защитников и последнее слово обвиняемых, Молотов попытался отговорить Сталина. Те, кого следовало посадить, уже благополучно сидели, и он не видел необходимости в рискованном спектакле.

Момент был горячий. Нежданное противодействие вызвало вспышку, усиленную застарелой неприязнью к Полине Жемчужиной, жене Молотова. И хотя разговор был с глазу на глаз, сведущие люди считали, что из отпуска Вячеслав Михайлович уже не вернется. Во всяком случае, не в предсовнаркомовский кабинет.

Ворошилов автоматически переместился на вторую позицию, и ночи его расточились в кошмаре бессонницы. Первый среди соратников — это замечательно, а первый на очереди... Опасная честь. Списки, поступавшие из НКВД, он подписывал с лета: сначала подписывал, а уж потом читал, цепенея от ужаса.

Встречаясь с Ежовым, хватал его полудетскую ручку и долго тряс ее, умильно заглядывал в глаза, называл себя старым чекистом. И на Военном совете

предавался, часто не к месту, воспоминаниям: председатель комитета по охране Петрограда, член ВЧК, нарком внутренних дел Украины.

Письмо, в котором Шмидт обращался к своему наркому и боевому товарищу незабываемых дней обороны Царицына, он немедленно переправил в НКВД. Ответ не заставил себя ждать: Шмидт «вернулся» к прежним показаниям.

Климент Ефремович позвонил по ВЧ Якиру.

— А ты не верил, еще и заступался за эту блядь! Они ведь и тебя намеревались убить, и Амелина твоего, и Дубового... Не вышло! Скажи спасибо нашим доблестным чекистам. Арестованы Туровский и Гарькавый. Ты с ним, кажется, в родстве?.. Видишь, как опутывают со всех сторон, собаки, фашистские сволочи! Ничего, всех за жабры возьмем.

Якир медленно опустил трубку и рухнул в кресло.

— Илью,— ответил на испуганный взгляд жены.

Густая кровь ударила в мозг, разрывая сосуды. Он не услышал звона подставки для столовых приборов, стукнувшей по краю тарелки. Уши заложило, как в пикирующем полете.

— Дядя Илья? — Петя прижался к матери, ища защиты от темной безжалостной силы, проявлявшей себя то телефонным звонком, то случайно подслушанным словом, но чаще молчанием: обрывался разговор, неразличимые шепоты за стеной маминой спальни не давали уснуть.— Мама? — позвал он беззвучно.

Она покачала головой и легонько оттолкнула его:

— Иди поиграй,— шепнула, словно маленькому.— Не надо, Маруся, я сама,— отослала домработницу, приняв блюдо с соленым арбузом.

Якир стиснул виски и заелозил, откинувшись, по парусине чехла, но пульсирующая боль продолжала взрываться черными искрами. Горящий абажур, белая скатерть и лица, немного расплывчатые,— все подернулось слабой рябью, как вода от легкого дуновения.

— Илья,— что-то хлопнуло, как откупоренная бутылка, он услышал гудок машины на улице и повторил машинально, срывая с папиросной коробки заклейку: — Арестован Илья.

— Не кури,— сказала больше по привычке жена.— Лучше поешь, хоть капельку.— Первая мысль была

о сестре: «Что с ними будет со всеми?» — Бедный Илья Иванович. За что?

— За что? — он закашлялся дымом.— Яша Лившиц вот так же спросил... Заика Яша.

Об аресте замнаркома путей сообщения Лившица, в прошлом чекиста, узнали давно и как-то успели свыкнуться, не найдя объяснений. Всякий раз, когда случалось такое, приходилось повторять заново и мучить себя бесплодными догадками, что-то выстраивать, и вновь с концами не сходились концы.

Иона Эммануилович затворился в кабинете и ходил там от окна до дверей, хрипло покашливая, пока не искурил всю коробку.

Илья! Начдив-45 Илья Гарькавый! Товарищ, брат... Его-то за что? Ни в каких оппозициях не замешан. Служил в старой армии? Если можно так, ни с того ни с сего, уничтожить такого человека, командующего войсками округа... Тогда все можно. Кому это надо?

Поздно спрашивать, поздно.

Пришла пора отвечать. Не живым — тут другие пойдут разговоры — мертвым. Без них ничего не понять. А они звали, когда еще были живыми. Теперь не зовут.

Тогда, в начале тридцатых, красноармейцы приносили в штаб жуткие письма с родины. Буквы кровью наливались, как в «Страшной мести» у Гоголя. Костями стучали в окно.

«Дядьки, а дядьки, не закапывайте, бо мы ще живые!» — «Так мы сами пухнем, другий раз уж не воротимся, шоб вас закопать».

Голод выкашивал деревни, целые районы, и некому было хоронить высохшие тела. Отходили в обнимку с мертвецами. Что ни хата, то братская могила. Хоть бы семенной фонд не трогали, дали как-нибудь перебиться, так нет же, гребли подчистую: хлебозаготовки, план, чуть что — расстрел.

Якир с Дубовым бомбардировали Харьков звонками, депешами — бесполезно. И сами ничего не решают, и в Москву звонить не хотят. Станислав Косиор жестко проводил линию.

— В центре знают. Все оттуда и идет, из центра.

— И Сталин знает? Да такого просто не может быть! От Сталина скрывают.

Вместе с Якиром и Дубовым письмо подписали: секретарь Киевского обкома Демченко, Днепропетровского — Хатаевич, Одесского — Вегер.

Из Москвы пришла телеграмма: «Дальнейшие поставки хлеба приостановить, наиболее пострадавшим районам оказать помощь».

Пусть с запозданием, но справедливость восторжествовала. Мертвых не вернешь, а каждая спасенная душа — подарок. Пока живем, надеемся, радуемся.

Радость, однако, была отравлена вестью, поступившей окольным путем.

— Чем у тебя военные занимаются? — указал Ворошилову Сталин.— Они не в кооперации работают. Военные должны своим делом заниматься, а не рассуждать о том, что их не касается.

При первом удобном случае Климент Ефремович не преминул выговорить:

— Зачем было лезть вам с Дубовым? Вас это никак не касается. Еще и меня подвели. В следующий раз хорошенько подумай, прежде чем высунуться.

Вот и сейчас, обрывая разговор, он повторил свой давний совет: «Сиди тихо и не высовывайся».

И некого попросить за Илью. Все дороги отрезаны.

Среди ночи Петя проснулся с криком: «Папа! Папочка!» Насилу удалось успокоить.

— Что тебе приснилось, сын?

— Не помню,— глотая слезы, через силу выдавил он. Знал, что нельзя говорить. Крик еще бился в горле, и руки были, как не свои, словно остались в той сумеречной комнате, откуда уводили отца. «Папа, папочка, куда ты? За что?..»

Утром — светило солнышко и безмерная тяжесть ушла вместе с ночью — Петя все же не удержался и рассказал.

— Не говори глупостей,— шикнула мать.

35

Отгремели ночные июльские грозы. В лесах сплошной россыпью вызрела земляника. На рынке бойко торговали грибами. Особенно уродились лисички — крупные, как-то по-особому хитро заверченные.

— Хоть косой коси, аж страшно,— судачили бабы, выкладывая на газету рыхлые горки.— Неужто к войне?

— Ты тут агитацию не разводи!.. Почем кучка?

Брали целыми кошелками.

«Фашизм — это война! Социализм — это мир!» — чернели припорошенные землицей и мохом литеры заголовка.

Значит война?

Фашисты бомбили Мадрид. Самураи прощупывали нашу оборону на всем протяжении дальневосточной границы. Не в деревенских приметах и уж конечно не в гороскопах, чем пробавлялся кровавый гитлеризм (новогодний фельетон Кольцова впечатался в память), искали сигналы грядущего. Для тех немногих, кто не умел жить сегодняшним днем, выискивая во всем особенный корневой смысл, постоянное ожидание стало неизбежным бременем. Нельзя знать, откуда, с какой стороны обрушится беда, но это не будет внезапно. Заранее подготовят, оповестят.

Прислушиваясь к каждому слову диктора, пристально вчитывались в каждую газетную строчку. Нарочитая скупость была продиктована понятной секретностью. Мелочей в такой обстановке быть не могло. Все слишком серьезно.

В номере от 5 августа «Правда» поместила объемистый двухколонник «Об академике Н. Н. Лузине. Заключение по делу академика Лузина». Грозный смысл, таившийся в словах «дело» и «заключение» — многие решили, что Лузин уже арестован,— не очень подкреплялся, однако, легковесным характером обвинений, выдвинутых против знаменитого математика. Создавалось впечатление, что маститые академики и профессора более всего уязвлены авторитетом, которым пользовался их коллега за рубежом. В заключении, скрепленном таким количеством авторитетных подписей, о самом предмете — математике — вообще не упоминалось. А ведь это наука точная: дважды два везде и всюду четыре. И если даже сюда, в эту абстрактную сферу, от которой впрямую зависит инженерный расчет, а значит, индустрия, оборона, могли просочиться вредители, то их зловещие козни воистину не знают пределов.

Привычное представление об осажденной крепости превращалось в психическую доминанту, с характерными признаками мании. Утверждение, кстати, не подкрепленное никакими примерами, что Лузин в основном печатал свои работы только за границей, а в СССР — второстепенные, преломлялось в массовом сознании крайне своеобразно: разоблаченный вредитель

вооружал классового врага, маскируя предательство никчемными формулами и уравнениями, в которых черт ногу сломит. Назови газета вещи своими именами с привычной для читателя прямотой, сомнений бы не возникло. Но недоговоренность и хромающая на обе ноги логика порождали всевозможные кривотолки. Почему этого Лузина (авторитет-то дутый, значение работ преувеличенное) печатают за границей? Что-то тут не вяжется одно с другим. Уже само определение — «второстепенные» — разрушало основу претензий ученых мужей. Они-то, мягкотелая интеллигенция, тщатся доказать, что возомнивший о себе Лузин чуть ли не бездарь, а на поверку выходит совсем иное — талант. Продавшийся за буржуйское золото, но талант. Там ведь тоже не дураки, знают, чего брать. Тем омерзительнее представал академик в глазах оскорбленной общественности. У них торгует научными секретами, а тут барахлом пробавляется для отвода глаз? Раз математика, думал, никто не поймет. Ничего, нашлись, которые разобрались...

Никто не знал, что Петр Леонидович Капица, не математик — физик, был единственным, кто написал в защиту ученого аргументированное письмо на имя Предсовнаркома Молотова. В разнузданной травле гения, составлявшего славу и гордость отечества, он прозорливо усматривал возобновление кампании против науки в целом, как международного института, принципиально несовместимого с изоляционизмом. Любимый ученик великого Резерфорда, много лет проработавший в Кембридже, Капица не утратил естественной, как дыхание, привычки прямо и независимо формулировать мысль.

Молотову письмо показалось вызывающе непонятным, чуть ли не враждебным. «Англичанином» следовало бы серьезно заняться, но помешал вынужденный отпуск. Пришлось ограничиться резолюцией: «Вернуть гражданину Капице за ненадобностью».

Но и Капице было невдомек, что Лузина просто использовали для общего фона, как Яншина (Бутона), ничуть не заботясь, как это отразится на старике, на его школе, на науке вообще. Он тоже всего лишь подвернулся, попал в случай.

Уже через день, когда «Правда» вышла с передовицей «Уметь распознавать врага», начали распространяться слухи о широкой чистке. Изъяснялись, правда,

намеками, междометиями. Умному, как говорится, достаточно. Правдинский призыв прозвучал как сигнал к бою.

«После убийства Кирова не были до конца вскрыты все факты белогвардейской террористической деятельности троцкистско-зиновьевского блока и его руководителей, трижды презренных Троцкого, Зиновьева и Каменева».

Имена, тон, эпитеты — все говорило за то, что грядет грандиозный судебный процесс. Второй для Зиновьева и третий для Каменева. Окончательный приговор сомнений не вызывал.

«Для коммуниста не должно быть большего стремления, чем стремление быть таким же бдительным, таким же непримиримым борцом за дело пролетариата, каким является наш вождь товарищ Сталин»,— призывала статья.

В том же номере нашлось место и для заметки А. Лаврецкого, посвященной пятнадцатой годовщине со дня смерти Блока: «Автор «Двенадцати» все же не увидел реальных движущих сил нового мира».

Едва ли тут содержался запланированный намек. Для Мехлиса это было бы слишком изысканно, да и ненужно. Вьюга, напевшая слова «Ничего не жаль», сама напомнила о себе. Сколь не случайны случайные совпадения, но в них различается трубный зов роковой неизбежности.

Как ни крути — «белогвардейские террористы», «трижды презренные», но вместе с ними будет сидеть на скамье подсудимых сама революция. Пусть и невидима, как тот, за вьюгой, в белом венчике из роз...

В гаданиях («Кто еще?») потянулись хмурые дни. «Больше бдительности на любом участке»,— требовала 9 августа очередная передовица. Казалось, это случится завтра, но на другой день все волшебно преобразилось. Москва приветствовала героев. Запруженные, как в самый большой праздник, улицы, кружащиеся в небе листовки, конная милиция, флаги. В открытых машинах с ног до головы усыпанные цветами Чкалов, Байдуков, Беляков. Их жены и дети. Знаменитости. Члены правительства. Стихи и песни, гремевшая в репродукторах музыка вызывали радостное чувство подъема и облегчения.

Что значит какая-то горстка отщепенцев перед мощью великой страны? Счастливая, героическая, могу-

чая, она сметет с пути, не омрачая взора, устремленного в будущее, любые преграды. Выше всех, дальше всех, быстрее всех.

Среди победных рапортов прошло почти незамеченным сообщение о решении днепропетровского общегородского партактива, озаглавленное «Презренные двурушники». Речи ораторов, клеймивших «небезызвестных оруженосцев Троцкого, Ленцера и Красного», обильно пересыпались здравицами в честь героев-летчиков. Большое и малое, будь то добро или зло, отражалось в Едином. Наши достижения! Чкалов! Что перед этой сияющей явью козни врага, будь то сам Троцкий или его ничтожные прислужники? Придорожный прах.

Но замах уже угадывался — сверху донизу, повсеместный. Областным масштабом не ограничится и до районов дойдет. Предупреждалось же: «Больше бдительности на любом участке». Значит, захватит и первичное звено.

10 августа из Киева сообщили по телеграфу (Ежову и Ягоде) о том, что арестованный Голубенко дал показания на Пятакова.

На другой день Ежов уже докладывал Сталину о своей беседе с Юрием Леонидовичем, первым заместителем наркома тяжелой промышленности:

«Он понимает, что доверие ЦК к нему подорвано. Противопоставить показаниям Рейнгольда и Голубенко, кроме голых опровержений на словах, ничего не может. Заявил, что троцкисты из ненависти к нему клевещут. Рейнгольд и Голубенко врут... Виновным себя считает в том, что не обратил внимания на контрреволюционную работу своей бывшей жены... Поэтому решение ЦК о снятии с поста замнаркома и назначении начальником Чирчикстроя считает абсолютно правильным».

Процесс «параллельного центра» действительно развивался *параллельно* с процессом «объединенного», слегка отставая по фазе. Каменева, Евдокимова, Рейнгольда и Дрейцера вынудили подписать показания.

На пересечении волн, что усиливали друг друга, зарождались и центры «троцкистского заговора в РККА».

«Локомотив истории» спешил наверстать четырехлетнее опоздание. Так вычислил машинист.

И вот грянуло, разразилось.

ВРАГИ НАРОДА ПОЙМАНЫ С ПОЛИЧНЫМИ

Мы публикуем сообщение Прокуратуры СССР о передаче на рассмотрение Военной коллегии Верховного Суда СССР дела Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Смирнова И. Н., Бакаева, Мрачковского, Тер-Ваганяна, Гольцмана, Рейнгольда, Пикеля и других по обвинению в организации ряда террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского государства.

«Правда», 15 августа 1936 года

В ПРОКУРАТУРЕ СССР

Следствием установлено, что троцкистско-зиновьевский блок организовался в 1932 году по указанию Л. Троцкого и Зиновьева в составе: Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева, Смирнова И. Н., Мрачковского, Тер-Ваганяна и других и что совершенное 1 декабря 1934 года злодейское убийство т. С. М. Кирова было подготовлено и осуществлено также по непосредственному указанию Л. Троцкого и Зиновьева и этого объединенного центра.

Этот день заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа комкор Примаков встретил в Лефортовской тюрьме. Его взяли накануне, 14 августа, и без задержки препроводили в Москву.

Лефортово успело снискать дурную известность, но он еще ничего не знал об особом изоляторе НКВД. Если на Лубянке, по крайней мере на первых порах, избиение и пытки получили сравнительно ограниченное распространение, то здесь это стало обыкновением.

У каждой тюрьмы свое лицо и свои специфические традиции. В одной конвоир звякает ключами, предупреждая, что ведет на допрос заключенного, в другой — постукивает по пряжке ремня. Разница не существенная, а результат один. Заслышав такую музыку, встречный надзиратель запихивает своего подопечного в ближайший бокс. Чтоб не знали, не видели, не общались ни взглядом, ни жестом.

Все некрополи земли в сущности неразличимы, как люки для сточных вод. Внешний поток продолжается

подспудным течением. Склепы да мавзолеи, один другого богаче,— это живым, а мертвому — безвременье нижнего мира. И переход к потустороннему несуществованию всюду достигается одинаково: через смерть.

Зримыми приметами ее стала гнусная процедура домашнего обыска, тоска и ужас в глазах родных. Оплакав живого без слез и стонов, они проводили в дорогу безропотную тень.

И круги, что ей суждено пройти — тюремные коридоры, как нарочно, смыкались ярусами — были неисчислимы. В Лефортове и при старом режиме было несладко. Ныне ж его мрачную славу составили многодневный конвейер и пытка бессонницей. Прежде чем попасть на тюремные нары, предстояло пройти через несколько последовательных этапов, каждый из которых безжалостно отрезал дороги назад.

Спороли пуговицы, отняли ремни, даже резинку из трусов вытянули, забрали очки. И, как венец всего, холодное надругательство над неостывшим телом:

— Раскройте рот, раздвиньте ягодицы и прочее.

— Думаешь, ты человек? — скажет на первом допросе следователь.— Ты — дерьмо. Так и запомни на будущее: дерьмо.

И будет по-своему прав.

Примакову на первом этапе повезло, если это можно назвать везением. Ему достался обходительный следователь. Точнее — он достался такому следователю. Комкора допрашивал сам Слуцкий, начальник иностранного отдела. Возможно, тут сыграли свою роль подробности биографии (Примаков был военным советником в Китае, военным атташе в Японии и Афганистане), но скорее всего сработали иные причины. Прежде всего процесс, на который денно и нощно работал весь наркомат.

— В чем меня обвиняют? — спросил Примаков после того, как Слуцкий занес в протокол обязательные ответы: фамилия, звание, последняя должность и прочее.

— Куда вы так спешите, Виталий Маркович? — будто сочувственно улыбнулся Слуцкий.— Впрочем, я вас понимаю, хотя, к сожалению, не могу ничем обрадовать... Вам, Виталий Маркович, инкриминируется участие в боевой группе троцкистско-зиновьевской контрреволюционной организации... Вас это устраивает?

Арест и все, что за ним последовало, многому научили Примакова. Он не возмущался, не спорил, хотя голос так и срывался на крик, но как можно спокойнее — даже сам удивлялся себе, точно наблюдал за кем-то посторонним извне,— отвел обвинение.

— Значит, не признаете? — Слуцкий дал ему выговориться.— Отрицаете?

— Целиком и полностью.

— Что ж, дело ваше, так и отразим в протоколе... О существовании военной троцкистской организации тоже не знали?

— Впервые слышу от вас.

— А с этим как быть? — Слуцкий, словно в совете нуждался, ознакомил с показаниями Рейнгольда и Мрачковского.— Помогите нам разобраться, Виталий Маркович.

Примаков с готовностью соглашался, но многословная эквилибристика постоянно сбивала с толку, и он терял стержневую нить. Слуцкий тут же задавал два-три уточняющих, внешне невинных вопроса и давал прочитать протокол.

— Правильно записано? Правильно? — скрупулезно беспокоился он.— Если что не так, вы скажите...

В записи как будто отражено было верно, но на следующем допросе обнаруживался какой-то упущенный нюанс, который нежданно обретал самостоятельную значимость, затемняя вчера еще совершенно прозрачную картину.

Это вызывало ненужные оправдания и, как следствие, чувство вины, хоть на то и не было оснований. Примаков впадал в тихое отчаяние, ощущая грудную слабость и жжение, отдававшее тупой болью в спине, чуть пониже лопатки.

— Какие у вас отношения с Путной? — спрашивал следователь.— Вы передавали инструкции Шмидту?

Так продолжалось из ночи в ночь две долгих недели.

Ласковый, обходительный следователь приглашал к совместному размышлению, рекомендовал полностью разоружиться и помочь партии. Выпадали дни, когда Виталий Маркович чувствовал себя настолько плохо, что готов был согласиться на все, только бы кончилось это тихое истязание. Но даже на грани беспамятства он продолжал сопротивляться с ожесточением обреченного.

— Отрицаю! — упрямо твердил, не вдумываясь в существо, или просил вызвать врача.

Врач щупал пульс, давал успокоительные капли. Слуцкий, не теряя терпения, повторял вопрос.

— Да, состоял в оппозиции, но полностью отмежевался. К деятельности контрреволюционной организации никакого отношения не имею,— стоял на своем Виталий Маркович, не желая вдаваться в подробности, которые засасывали, как болотная жижа.

29 августа он заявил, что хочет написать заявление на имя Ягоды.

— Лучше обратитесь к замнаркома товарищу Агранову,— порекомендовал Слуцкий и выдал чистый лист.

«Очень прошу Вас лично вызвать меня на допрос по делу троцкистской организации.— Сжимая трясущееся перо, Примаков выводил букву за буквой. Слово отделилось от смысла. Он едва улавливал взаимосвязь непослушных и как бы выхолощенных фраз. Поэтому повторялся, не сознавая, что его вертит по кругу.— Меня все больше запутывают, и я некоторых вещей вообще не могу понять сам и разъяснить следователю. Очень прошу вызвать меня, так как я совершенно в этих обвинениях не виновен. У меня ежедневно бывают сердечные приступы...»

— Товарищ Агранов сейчас очень занят,— сказал Слуцкий на следующей ночной встрече.— Так что уж придется потерпеть, Виталий Маркович. Будем разбираться дальше.

— В чем разбираться? В чем?.. Вся моя жизнь перед вами. Она отдана революции. Зачем вы меня запутываете? Я честный большевик, вы понимаете это?

— Не совсем так, гражданин Примаков,— Слуцкий заговорил с официальной сухостью.— Постановлением Парткомиссии КПК от 27 августа вы исключены из партии, как контрреволюционер-троцкист... Вот как в действительности обстоят ваши дела, Виталий Маркович,— голос его слегка потеплел.— Мне искренне жаль вас, но вы сами во всем виноваты.

— Думаете, это конец? — превозмогая удушье, прохрипел Примаков.— Нет, это еще не конец! Я буду бороться.

— С кем бороться, Виталий Маркович? — Слуцкий изумленно втянул голову в плечи.— С партией? С КПК — совестью партии?

— Я подам апелляцию.

— И вы всерьез надеетесь, что это может что-нибудь дать? — следователь с интересом вгляделся в сумрачно-собранное лицо комкора. Неужели он и впрямь рассчитывает чего-то добиться? Небывалый случай! Не желает смириться? Не может понять, что машина, которая втянула его, не имеет обратного хода? Начальник секретного Политического отдела Молчанов крест-накрест перечеркнул его партийный билет, когда пришла выписка из решения Партколлегии. Таков порядок, и никто не протестует. Снявши голову, как говорится, по волосам не плачут. Тоже мне Дон Кихот!

— Будь по-вашему,— поколебавшись, решил Слуцкий.— Пишите.

Совершенно
секретно
тов. Шкирятову

Направляю Вам справки на арестованных участников контрреволюционной троцкистско-зиновьевской антисоветской организации в СССР

1. *Серебрякова Л. П.*
2. ***Примакова В. М.***
3. *Зюк М. О.*
4. *Путна В. К.*
5. *Жаренова В. А.*
6. *Тивель-Левит А. Ю.*

Начальник секретного Политического отдела ГУГБ.
Комиссар государственной безопасности 2-го ранга
Г. Молчанов

от 21.8.36
№ 110281

СПРАВКА

Примаков Виталий Маркович, 1897 г. рождения. Член ВКП(б) с 1914, партбилет № 0471519. До ареста зам. командующего войсками Ленинградского Военного Округа. Является участником военной контрреволюционной троцкистской организации, входящей в качестве составной части Всесоюзной террористической контрреволюционной организации[1].

[1] Так в подлиннике.

Принимал непосредственное участие в подготовке террористического акта против тов. Ворошилова.

Зам. начальника 1-го отделения СПО ГУГБ,
капитан государственной безопасности

26 августа 36 *Григорьев*

Строго секретно

Комиссия Партийного контроля при ЦК ВКП(б)[1]
Москва, Центр, ул. Куйбышева, 14
СПО НКВД т. Молчанову (для ознакомления Примакова В. М.)
ЦК ВКП(б) т. Власову, в дело (3)

27.8.36

Заседание Партколлегии КПК № 146/2

Слушали: дело Примакова В. М.

Примаков Виталий Маркович, г. р. 97, член ВКП(б) с 1914 (партбилет изъят НКВД), последнее время комкор, заместитель командующего войсками Ленинградского Военного Округа.

Обвиняется в контрреволюционной троцкистской деятельности.

(Доклад т. Семенова, заочно)

Постановили: исключить Примакова В. М. из рядов ВКП(б) как контрреволюционера.

Секретарь Парткомиссии Шкирятов

Совершенно секретно

Комиссия Партийного контроля при ЦК ВКП(б)
тов. Шкирятову

Направляю Вам заявление Виталия Примакова.

Зам. Народного комиссара
Внутренних дел Союза ССР
Агранов
3 сент. 1936
№ 57554

---

[1] На обороте инструкция:

«Порядок пользования секретными документами КПК при ЦК. Товарищ, получающий конспиративные документы, не может ни передавать их, ни знакомить с ними кого бы то ни было, если нет на то специальной оговорки КПК.

Копировка указанных документов и делание выписок из них категорически воспрещаются».

ЗАЯВЛЕНИЕ

Постановлением Партколлегии КПК от 27.VIII 1936 я исключен из партии как контрреволюционер-троцкист. Постановление это объявлено мне через Следователя НКВД т. Слуцкого.

Я не контрреволюционер и не троцкист, я большевик.

В 1928 году я признал свои троцкистские ошибки и порвал с троцкистами, причем для того, чтобы троцкистское прошлое не тянуло меня назад, порвал не только принципиально, но перестал встречаться с троцкистами, даже с теми из них, с кем был наиболее близок (Пятаков, Радек)...

...Уверен, что моя невиновность будет доказана и следствием НКВД.

Прошу о пересмотре по моему делу и восстановлении меня в партии.

Виталий Примаков
31.VIII 36 года
Москва

Секретно

Комиссия Партийного контроля при ЦК ВКП(б)
СПО НКВД т. Молчанову (для ознакомления Примакова В. М.),
ЦК ВКП(б) т. Власову, в дело (3)

Выписка из протокола Партколлегии КПК № 155 пункт 8 от 5.X 1936

Слушали:

8. Дело Примакова В. М.

Примаков Виталий Маркович, г. р. 1897, член ВКП(б) с 1914 (партбилет № 0471519 — изъят НКВД), последняя работа — Зам. командующего войсками Ленинградского Военного Округа — обвиняется в контрреволюционной троцкистской деятельности.

Партколлегия КПК при ЦК ВКП(б) 27 августа 1936 г. постановила исключить Примакова В. М. из рядов ВКП(б) как контрреволюционера.

В настоящее время арестован НКВД.

Просит о пересмотре дела.

(докладчик т. Анискин, заочно)

Постановили:

В пересмотре дела Примакову В. М. отказать.

Секретарь Партколлегии Шкирятов

18 августа на Щелковском аэродроме состоялся традиционный воздушный парад. Великая авиационная держава рукоплескала героям-соколам.

«...Стальные руки-крылья,— гремело над летным полем, заглушая рев проносившихся эскадрилий,— а вместо сердца пламенный мотор...»

Фигурный строй самолетов серебристыми крестиками по синему шелку вышивал дорогое имя. На трибуне рядом с вождем стоял Валерий Чкалов. Снимок напечатали во всех газетах.

Льющийся с неба поток тепла и света, окрыляющая музыка, победная песня могучих пропеллеров.

Но глубоко под пластами земли свивались черные струи подземных течений.

Обрушиваясь в смрадную мглу коллекторов, сточные воды не уносят с собой даже искорку света.

— Никаких просьб, никаких заявлений,— пояснил Ежов секретарю Партколлегии Матвею Федоровичу Шкирятову, возглавлявшему ранее союз швейников.— Эти люди и думать не смеют о партии. Исключили — все. Органам дано соответствующее указание.

Суд над участниками троцкистского объединенного центра проходил под председательством армвоенюриста Ульриха в Октябрьском зале Дома Союзов. Обвинение поддерживал Андрей Януарьевич Вышинский.

Прокурор и судья не только знали, как и положено прокурорам и судьям, обстоятельства дела, но знали и то, как оно будет развиваться, вплоть до вопросов к подсудимым и ответов на эти вопросы, и то, чем закончится. Роли были разучены, в чем лишний раз убедились следователи. Позволить себе отступление от текста, импровизацию мог один прокурор, обогативший юридическую науку фундаментальным принципом афористического характера: «Признание обвиняемого — царица доказательств». Процесс и строился на одних признаниях, а отсутствие доказательств с лихвой компенсировалось экзальтацией страха и ненависти, раздуваемых по всей стране пропагандистской махиной.

Требуемую тональность задавали редакционные статьи и передовицы «Правды», которые перепечатывались остальными газетами на всех языках народов СССР, передавались по радио. За ежедневной сменой

заголовков-лозунгов следили с напряженным вниманием.

19 августа. «Великий гнев великого народа».

20 августа. «Раздавить гадину».

21 августа. «Германские фашисты выгораживают Троцкого».

22 августа. «Троцкий — Зиновьев — Каменев — гестапо».

Динамичная хроника напоминала теорему, которой положено заканчиваться сакраментальной фразой: «Что и требовалось доказать».

Оппозиция предстала в омерзительном облике отростка мирового фашизма. Только закоренелые бесчувственные преступники могли так спокойно, даже с охотой рассказывать о том, как готовили и совершали убийства. Причем с такими подробностями, от которых леденела кровь. И в самом деле: люди ли это? Убили Кирова, готовили покушение на товарища Сталина. Зиновьев признал, что злодеяние было приурочено к открытию Седьмого конгресса Коминтерна. Безграничный цинизм.

«Взбесившихся собак надо расстрелять!» — прозвучало категорическое требование к суду, которому оставались — с перерывами на воскресенье — сутки работы.

В зал допускались по специальным билетам, которые охрана тщательно сверяла с удостоверениями личности. За исключением нескольких руководителей различных ведомств и членов ЦК, места для публики заполнили сотрудники НКВД, не очень занятые текущими делами. Якир, например, сидел рядом с хорошенькой машинисткой, которая то и дело принимала томные позы, строила командарму глазки.

— О чем он с тобой говорил? — спросил ее в перерыве замначальника отделения.

— Ни о чем! Молчал, как в воду опущенный.

— Ну и дура!

Сюрпризы начались в первый же день. На вечернем заседании Рейнгольд показал на Григория Сокольникова. Затем в соучастии с «преступной контрреволюционной группой» были обвинены Пятаков и Угланов, Раковский и Радек. Наконец, Томский, Бухарин, Рыков.

Государственный обвинитель сделал заявление для печати:

«На предыдущих заседаниях некоторые обвиняемые (Каменев, Зиновьев и Рейнгольд) в своих показаниях

указывали на Томского, Бухарина, Рыкова, Угланова, Радека, Пятакова, Серебрякова и Сокольникова, как на лиц, причастных в той или иной степени к их преступной контрреволюционной деятельности, за которую обвиняемые по настоящему делу и привлечены сейчас к ответственности. Я считаю необходимым доложить суду, что мною вчера сделано распоряжение о начале расследования этих заявлений обвиняемых в отношении Томского, Рыкова, Бухарина, Угланова, Радека и Пятакова, и в зависимости от результата этого расследования будет Прокуратурой дан законный ход этому делу. Что касается Серебрякова и Сокольникова, то уже сейчас имеющиеся в распоряжении следственных органов данные свидетельствуют о том, что эти лица изобличаются в контрреволюционных преступлениях, в связи с чем Сокольников и Серебряков привлекаются к уголовной ответственности».

С Сокольниковым и Серебряковым (справка на него пошла в КПК в одной сопроводиловке с Примаковым и Путной) особых затруднений не предвиделось. За исключением личного момента, весьма волновавшего прокурора, чья лексика, засоренная канцелярскими штампами, оставляла желать лучшего. Но дело не в ней, тем более что громоподобные обличения воспринимались как верх красноречия. Просто Андрею Януарьевичу давно нравилась соседняя дача на Николиной Горе, а владельцем ее был не кто иной, как Леонид Серебряков. Обрисовалась двойная задача: серебряковский дом взять себе, а свой продать государству. Вторая часть представлялась особенно проблематичной. Словом, у Вышинского появился особый интерес поскорее спровадить Серебрякова на скамью подсудимых.

«Расследовать связи Томского — Бухарина — Рыкова и Пятакова — Радека»,— призвали от лица рабочего класса участники митинга на заводе «Динамо» имени Кирова.

«По-особому прозвучал гудок,— спешно, прямо в номер, передавал репортер.— Это сбор. Никто не ушел за ворота. Пять тысяч лучших рабочих столпились тесной семьей. Лица суровы, брови нахмурены...»

Кировцы, как это и было предусмотрено, потребовали к ответу убийц трибуна революции.

В пожарном порядке, но опять-таки в соответствии с планом выскочили в «Правде» статьи Раковского («Не

должно быть никакой пощады») и Пятакова («Беспощадно уничтожить презренных убийц и предателей»). «Троцкистско-зиновьевская фашистская банда и ее гетман — Троцкий» — называлось выступление Радека в газете «Известия». Казалось, что все три материала написаны одним пером, в одних и тех же узаконенных на злобу дня выражениях. Но яростные проклятия звучали предсмертным затравленным воплем. И, как ни странно, это дошло, подобно древнему завету: «Помни о смерти». Сам факт публикации как бы намекал на то, что разоблаченные преступники намеренно оклеветали честных людей. Дыма без огня, правда, не бывает, но бдительные органы и беспристрастный советский суд разберутся. Раковский, Радек и Пятаков возмущаются, а Бухарин почему-то отмалчивается. И Рыков, и Томский.

Субботнее утро 22 августа, когда шофер привез газету с заявлением прокурора, Михаил Павлович Томский встретил на даче в Болшево. Еще в мае двадцать девятого он был освобожден от должности председателя ВЦСПС, а год спустя выведен из Политбюро, но оставался кандидатом в составе ЦК, занимая не слишком заметную должность заведующего объединения госиздательств — ОГИЗ.

На службу, куда собирался, он уже не поехал. Под заявлением, где его имя шло первым, была подверстана большая статья. Строчки о «предательском поведении Томского» сразу бросились в глаза. Черными мушками заплясали буковки: «банда», «и сейчас скрывает свои связи»...

Последняя встреча со Сталиным окончательно определила отношения.

— А на меня кому будешь жаловаться? — Сталин, едва зашла речь о постоянных нападках в печати, с нескрываемым удовольствием взял сторону клеветников.— Слыхал басню о лягушке, которую скорпион упросил переправить его на другой берег?.. Ты что, хочешь, чтобы я поступил, как эта глупая лягушка?

Михаил Павлович отпустил машину и позвал сына.

— Я ни в чем не виноват, Юра,— он протянул сложенную газету.— Без партии жить не смогу...

Не он первый, не он последний. Тысячи, сотни тысяч повторят эти слова.

«Нас упрекают за границей, что у нас режим одной партии,— говорил Томский в двадцать втором году на Одиннадцатом партийном съезде.— Это неверно. У нас много партий. Но в отличие от заграницы, у нас одна партия у власти, а остальные в тюрьме».

Свобода, любовь, честь, наконец, сама жизнь — это как бы второстепенно. Главное — партия. Потому и шли на любые унижения бывшие оппозиционеры и уклонисты, что не мыслили жизни вне партии. И давали нужные показания во имя высших интересов ее, как уверяли следователи. И умирали с ее именем на устах. Томский избрал наиболее достойный выход.

«Я обращаюсь к тебе,— писал он последние в жизни строки,— не только как к руководителю партии, но и как к старому боевому товарищу, и вот моя последняя просьба — не верь наглой клевете Зиновьева, никогда ни в какие блоки я с ним не входил, никогда заговоров против партии я не делал...»

«Тов. Сталину»,— крупно начертал на конверте.

Вскоре за дверью оглушительно хлопнул выстрел.

Ночью приехал Ежов. Разбирая, на предмет изъятия, документы, нашел паспарту с фотографией улыбающегося вождя. «Моему дружку Мишке»,— легко читалась размашистая подпись и год: 1926-й.

Смерть Томского, «запутавшегося в своих связях», как сообщили на другой день, ничем не осложнила мероприятие. Скорее напротив — подбавила непредусмотренного разнообразия, коим живая жизнь так умудренно отличается от запрограммированных инсценировок. Эти признались, те тщатся оправдаться, а Томский... Всяко бывает. Но разве подобная трусость лишний раз не доказывает вину?

Версия была высочайше утверждена, а захороненное на дачном участке тело эксгумировано работниками органов. Жену Томского, старую большевичку Ефремову, и сына Юрия отправили в лагерь. Обоих старших сыновей расстреляли. Важно было подкрепить впечатление, что главные разоблачения еще впереди, хотя процесс и приближается к логическому финалу. Собственно, это и отвечало долговременным планам, изменявшимся в отдельных деталях сообразно обстоятельствам. Вышинский видел все слабости, хотя в целом спектакль удался. За исключением Смирнова, роли были отыграны. Досадно, конечно, «военная организа-

ция», за недостатком подготовки, прозвучала слабовато, можно сказать, под сурдинку, но тут не вина, а беда. Кого дали, с теми и работали. Ни одного имени. Смирнов, Мрачковский — это тени, далекое прошлое. К тому же известно, что в начале тридцатых они были практически изолированы.

Кстати, это не помешало им доставить обвинению немало неприятных моментов.

Когда Вышинский потребовал от Смирнова подтвердить свое участие в объединенном центре, тот грубо бросил:

— Какой там центр!

Да, к Ивану Никитичу прокурор испытывал особую неприязнь. Чуть не испортил всю обедню. Кстати, он был единственным, кого, дабы не спутать с другими Смирновыми, постоянно давали с инициалами. Победитель Колчака!

Мрачковский тоже хорош, даром что бывший комиссар. Позер, краснобай... Судьи и те недоуменно переглянулись, когда он брякнул ни с того ни с сего:

— И вот стою я перед вами как контрреволюционер!

Ничего себе?! Да еще и с ухмылкой.

А чего стоит досадный казус с Гольцманом? Сегодня он заявляет, что получил инструкции от сына Троцкого в Копенгагене, в отеле «Бристоль», а назавтра датские газеты с издевательским восторгом сообщают, что «Бристоль» снесли еще в том самом семнадцатом, когда по Зимнему якобы выстрелила «Аврора». Да еще требуют выложить доказательства на стол. Головы надо рубить за такую работу! Ягода еще ответит за такое следствие...

Забрасывая мостик на будущее, Вышинский позволил себе как бы случайно проговориться:

— Не бывший до этого на подозрении в партии комдив Шмидт должен был во время киевских маневров убить Ворошилова...

«Не бывший до этого...» — что было написано рукой хозяина, то и становилось законом.

Сурово-озабоченное лицо прокурора, многозначительность его умолчаний, подавленное усилием воли благородное негодование — все должно было подсказать, что приоткрылась лишь верхушка гигантского айсберга, грозящего опрокинуть корабль социализма.

Наконец заключительный день. Смирнов практически отвергает главные обвинения и, вновь единственный среди всех, не просит о снисхождении. Но это уже не изменит общего впечатления.

Появляются судьи: Председатель Военной коллегии Верховного суда Ульрих, зам. Председателя корвоенюрист Матулевич, диввоенюрист Никитченко. Недолго они просидели в совещательной комнате.

Все стоят, пока Ульрих зачитывает приговор.

Так и есть — высшая мера.

По указу тридцать четвертого года исполняется немедленно.

Сталин желал знать, как встретят свой смертный час бывшие соратники. Ему доложили.

Каменев вел себя мужественно. Зиновьев бился в истерике. Когда тащили по коридору, так кричал, что пришлось впихнуть в первый попавшийся бокс. Лейтенант исполнительской команды кончил его из нагана, прямо там — нервы не выдержали.

Пока Сталин в раздумье прохаживался по кабинету. Ежов заметил на столе книгу в неприглядной бумажной обложке номерного специздания.

Странное совпадение. Это была «Моя борьба» Гитлера, выпущенная для служебного пользования в 1927 году по указанию Зиновьева.

— Нервы? — переспросил вождь. В проклюнувшемся зерне он угадывал грядущий колос. За жатвой следует посев, затем новая жатва. Смена поколений — это всегда значительно.— Некоторые товарищи любят ссылаться на нервы... Думаю, мы не ошибемся, если скажем, что молодой лейтенант проявил находчивость, и дадим ему орден «Красной звезды».

Перед отъездом в Сочи Сталин вызвал Хрущева. Отчитавшись о положении дел в столице, Никита Сергеевич упомянул о ЧП в одном из комсомольских райкомов: во время ночного дежурства новоназначенный секретарь пытался изнасиловать стенографистку.

— Что собираетесь предпринять? — спросил Сталин.

— Снять, конечно, исключить из партии.

— Молодому человеку понравилась молодая девушка, наверное, красивая,— Сталин добродушно усмехнулся в усы.— Разве мы сами не были молодыми?.. Девушка отвергла молодого, не в меру горячего человека. По-моему, он достаточно наказан.

Путну арестовали двадцатого. Он уже успел прочесть о начале процесса и сделал для себя определенные выводы. К дому подъехали на новеньком «ЗИСе». Трое поднялись в квартиру, один остался дежурить возле подъезда.

Ожидаешь, внутренне готовишь себя, но такое всегда застает врасплох. Здоровое тело не верит рассудку, сопротивляется, гонит прочь дурные предчувствия.

В первое мгновение Витовт Казимирович ощутил нечто близкое к полуобморочной растерянности, но переборол себя, заставил собраться в комок.

Главный чекист в майорских петлицах собственноручно простукал стены, распорядился отодрать скрипевшие при ходьбе половицы. Заглянули в духовку, полезли, грохнув чугунной крышкой, в сливной бачок. Вывалив на пол книги из этажерок, стали брать по одной и просматривать.

Обыск затянулся до позднего вечера. Изъяли все документы, все книги с пометками и дарственными надписями, письма жены. Наталья Павловна хранила их в лаковой, инкрустированной перламутром шкатулке вместе с драгоценностями.

— Японская? — спросил майор, забирая все скопом.

Особый интерес вызвала не до конца заполненная анкета устаревшего образца, случайно оказавшаяся в столе.

ГЕРМАНИЯ
гор. БЕРЛИН

Должность:	военный атташе, оклад: 280 американских долларов.
Фамилия:	Путна
Имя:	Витовт
Отчество:	Казимирович
Год рождения:	1893
Национальность:	по происхождению литовец, по убеждению интернационалист.

Знание языков и каких (пишет, читает, говорит): русский, литовский, латышский, польский, немецкий и отчасти английский.

Продолжительность пребывания за границей

страна	название учреждения	в качестве кого
	полпредство	военный атташе
Япония	27 авг. — 28 авг.	12 мес.
Финляндия	28 окт. 29 июнь	8
Германия	21 июнь по настоящее время	

Кем направлен за границу из СССР
или принят как эмигрант:
Рев. военсовет СССР

Листок долго рассматривали, передавая из рук в руки.

— Где находились после Германии? — хмуро спросил майор.— После Берлина?

Допрос не входил в его обязанности, но ведь время какое! И, главное, все, как на ладони: разъезжает по заграницам, загребает доллары — троцкист...

— В Лондоне,— безучастно ответил Путна. Волнение окончательно схлынуло, но еще покруживалась голова и затылок пульсировал болью.

— Почему не написано?

— Старая же анкета, разве не видите?

— Вопросы здесь задаю я... Почему не сдали по назначению? Зачем храните?

— А пошел ты знаешь куда? — Путна вырвал венский стул из-под сапога смазливого лейтенанта, разглядывавшего, согнув колено, альбом с видами Берлина и Потсдама, и отвернулся к окну.

В ту самую ночь, с 24 по 25 августа, когда расстреляли Зиновьева, Каменева и всех, проходивших по «объединенному центру», Путну допрашивал Леплевский.

— Следствию известно, что вы являетесь активным участником военной контрреволюционной троцкистской организации... Имеете что заявить по этому поводу?

— Я за собой такого не знаю.

— Так ли? Вы же заядлый троцкист! Когда последний раз виделись с Троцким? Конк-кретно?

— В двадцать шестом — двадцать седьмом годах я действительно участвовал в оппозиции, но полностью

от нее отошел и никакой контрреволюционной деятельностью не занимался.

— Сладко поешь! Мы вас не про оппозицию спрашиваем. Прошлогодним снегом после займемся. Вы о своих шпионских связях расскажите. Где встречались с Троцким? С Седовым?.. В Германии? В Финляндии? В Англии? — самодовольно жмурясь, следователь при каждом вопросе подергивал пальцами, словно карты раскладывал, предлагая на выбор. Ему и в самом деле было все равно где.— А нелегальную поездку в Норвегию когда совершили? Конк-кретно.

«Далось ему это «конкретно»! — промелькнуло на грани сознания.— Выговорить и то не может как следует...»

— Вы же сами понимаете, что это невозможно для военного атташе.— Путна стиснул зубы и опустил голову. Доказывать, что, пока он работал на континенте, Троцкий несколько лет безвылазно просидел на острове Принкипо? А теперь норвежское правительство не дает ему и пальцем пошевелить? И каждый шаг советского дипломата известен?.. Напрасная трата слов. Они и сами все знают.

Ничего не добившись, Леплевский пригрозил, что в следующий раз будет разговаривать по-другому, и вызвал надзирателя.

Путну вернули в узкую, выложенную возле унитаза белым кафелем камеру внутренней тюрьмы.

В КПК справка на него поступила вместе с документом на Примакова. Они и названы были в единой сопроводиловке. И вообще, кроме упоминания о связях с Троцким, бумаги ничем между собой не различались. Те же подписи, то же число, и дело слушалось на одной коллегии.

СПРАВКА

Путна Витовт Казимирович является участником военной контрреволюционной организации, входящей в качестве составной части Всесоюзной троцкистской террористической контрреволюционной организации.

За границей был связан с Троцким, от которого получал директивные указания о терроре.

Зам. начальника 1-го отделения СПО ГУГБ.
Капитан Государственной безопасности
Григорьев
26 авг. 36

КПК

Москва, Центр, улица Куйбышева, 14
СПО НКВД т. Молчанову (для ознакомления Путна),
ЦК ВКП(б) т. Власову, в дело (3)
27. 8. 36

Заседание Партколлегии КПК
№ 146 / 2 пункт 11 от 27. 8. 36

Слушали: дело Путна В. К.

Путна Витовт Казимирович, г. р. 93, член ВКП(б) с 1917 (партбилет изъят НКВД), последнее время комкор, военный атташе при Полпредстве СССР в Великобритании обвиняется в контрреволюционной троцкистской деятельности.

(Доклад т. Семенова, заочно)

Постановили: исключить Путна В. К. из рядов ВКП(б) как контрреволюционера.

Секретарь Партколлегии Шкирятов

Одно на первый взгляд незаметное различие все же имело место. В справке капитана Григорьева и, следовательно, в выписке из протокола, подписанной Шкирятовым, не был указан номер партбилета. То ли Григорьев случайно опустил, а может, недоглядела торопливая машинистка, но ни в НКВД, ни в КПК никто не обратил на это внимания. Недочеты — прямое следствие поточного производства.

Второй допрос состоялся через неделю.

Угрозу Леплевского Путна воспринял серьезно. В отличие от товарищей по несчастью — сокамерник, которого взяли незадолго до процесса, пребывал в уверенности, что в стране произошел контрреволюционный переворот,— Витовт Казимирович не терзался догадками. Находясь за границей, он пристально и с понятной тревогой следил за сенсационными разоблачениями, которые время от времени выплескивала печать. Погоду они не делали. Общественное мнение относилось к свидетельствам перебежчиков с невозмутимым безразличием, окрашенным дозой скепсиса. На первых порах это вызывало возмущенное удивление. Детская уверенность в том, что слово правды способно перевернуть мир, сменилась холодным презрением к сытому эгоизму. Мартин Андерсен-Нексе, Ромен Роллан, Герберт Уэллс, Бернард Шоу — светочи гуманизма —

и те отказались поставить свое имя под предисловием к книге Дон Исаака, в которой были собраны свидетельства о Соловецких лагерях. Чего же требовать от прочих? Политики выстраивали головоломные трюки, а простой обыватель был слишком занят собой.

Путна примерно догадывался, чего ждет от него следователь. Сначала Троцкий, потом гестапо, а после пуля в затылок. Сколько ни ломай голову, от этого не уйдешь. «Легкой жизни просил я у бога, легкой смерти бы надо просить»... Видно, не зря Миша Тухачевский так любит эти стихи. Легкую смерть не вымолишь, вырвать придется. Конечно, они попытаются привязать к Смирнову, Мрачковскому, может быть, к Шмидту. Но ведь этим не ограничатся. Потребуют имена. Иван Никитичу уже ничем не навредишь, а вот дальше... О том и помыслить страшно. А надо, надо... Нужна своя незаметная линия, которая их же заманит в тупик.

На столе у Леплевского поверх папок лежал отрезок шланга.

— Не желаете ознакомиться? — следователь передал газетную вырезку с приговором, все имена в которой были тщательно заклеены полосочками черной бумаги. Едва ли он забыл, что комкора взяли двадцатого. Наверное, так полагалось.

Путна, заставляя выдавливать слово за словом, признал, что на первом допросе вел себя неправильно. Да, он знал о существовании всесоюзного центра троцкистско-зиновьевского блока. И параллельного — тоже. «Что еще за параллельный?» И московского.

— Расскажите теперь о своем, совместно с Примаковым, участии в военной организации троцкистов,— не отрываясь от записи, сказал Леплевский.

— Могу только о своем. Тем более что ни я, ни Примаков не играли сколько-нибудь видной роли. Строго говоря, мы не были даже участниками, скорее так... случайными свидетелями.

— Случайными свидетелями? — Леплевский понимающе закивал.— Почему же не поступили тогда, как положено честным большевикам? Или прошлое тянуло назад? Троцкистская заквасочка?

— И это,— одолевая удушье, пробормотал Путна.— Но больше другое. Слишком крупная фигура стояла над всем.

— Троцкий? — обрадованно уточнил следователь.

— Нет,— Витовт Казимирович локтем отер разгоряченное лицо. Его внутренняя борьба была непритворной. Наступал действительно переломный момент.

— Кто же?

— Ворошилов.

— Кто-кто?! — Леплевский от неожиданности выронил ручку.

— Климент Ефремович Ворошилов.

— Вы отдаете себе отчет в том, что говорите?

— Ну, если этого нельзя... лучше буду молчать.

— Нет-нет, продолжайте! — спохватился Леплевский, принимаясь записывать.

Протокол незамедлительно переслали Ежову.

Войдя в приемную Сталина, он услышал за дверью взвинченный гневным окриком его голос:

— Кого вы защищаете — убийц защищаете!

Через минуту из кабинета вывели, если не вынесли. Надежду Константиновну Крупскую и Марию Ильиничну Ульянову. Даже Ежов не выдержал — отвернулся.

Двое незнакомых мужчин в одинаковых черных тужурках сидели, вдавившись в стулья. Один, более молодой, был бледен, другой, постарше, налился кровью. Казалось, его вот-вот хватит удар.

— Кто эти люди? — тихо спросил Поскребышева.

— С Путиловского завода, то есть с Кировского. Директор Отс и главный конструктор — Маханов, артиллерист.

— Пожалуй, мне не стоит сегодня?..

— Как считаете, Николай Иванович... Доложить?

— Нет, лучше в другой раз.

Фамилию Маханова Ежов где-то слышал. Кажется, это связано со спорами о какой-то пушке для танка. С Тухачевским связано. Заводчанам сегодня не позавидуешь...

Бухарин, путешествуя по Памиру — исполнилась-таки давняя мечта,— о процессе узнал с опозданием. Возвращаясь самолетом в Москву, он приготовился к тому, что его возьмут прямо на аэродроме. Накануне отъезда пришла тревожная весть, что забрали Гришу Сокольникова. Миша Томский... ушел... Остальные все, кого перечислил Вышинский, почти наверняка арестованы.

Из Фрунзе Бухарин послал Сталину телеграмму, умоляя задержать исполнение приговора. Он просил очной ставки с Зиновьевым и Каменевым. В самолете нашелся свежий номер «Известий». Редактор Н. Бухарин по-прежнему значился в хвосте полосы.

Сходя с трапа, Николай Иванович увидел бледное от переживаний лицо жены и мрачного, как туча, шофера Клыкова.

Не помня себя — спрашивал и отвечал, как во сне, и поездка казалась мучительно долгой — влетел в кабинет и бросился к вертушке.

— Товарищ Сталин в Сочи,— холодно и отчужденно ответил кто-то неизвестный.

— Такое творится, а он... отдыхает... Где Алексей Рыков?

— Вчера был дома,— вздохнула Анна Михайловна.

Предсовнаркома Молотов после затянувшегося на полтора месяца отпуска благополучно вернулся к своим обязанностям. Последние дни он провел в Сочи, вместе со Сталиным и Ждановым, секретарем ЦК, возглавившим после Кирова Ленинградскую парторганизацию.

Вскоре к ним, правда совсем ненадолго, присоединился Ежов. Говорили о прошедшем процессе. В целом Сталин оценивал его положительно, несмотря на значительные издержки. Больше всего беспокоили отклики. Злопыхательные нападки социал-фашистской печати грозили осложнить отношения с прогрессивной общественностью.

— Они хотят, чтобы на суде были защитники? Мы дадим им таких защитников,— сказал Сталин, когда от итогов перешли к планам.— Требуют от нас документов? Надо дать им такие документы. Хотят направить корреспондентов? Мы и этого не боимся.

Вечером собрались за вином и фруктами на полукруглой веранде с беломраморной балюстрадой. Сталин снова завел речь о ближайших перспективах:

— Скоро мы дадим советскому народу самую демократическую конституцию в мире. Не кажется ли вам странным, товарищ Ежов, что по меньшей мере два члена конституционной комиссии заподозрены в пособничестве врагу? Мне так не кажется. Напротив, это закономерно. Осуществив поголовную коллективиза-

цию, мы могли бы достичь значительно больших успехов в социалистическом строительстве, если бы не миндальничали со всякими отщепенцами. Упущено, как минимум, четыре года.

Ежов выжидательно заулыбался и закивал. Бухарин и Радек, а именно они имелись в виду, были в том же пакете, что и Сокольников, но санкция последовала лишь на него одного. Дает показания...

Но Сталин опять не сказал ни да, ни нет.

25 сентября в Политбюро поступила телеграмма-молния:

...Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост Наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздало в этом деле на 4 года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей Наркомвнудела. Замом Ежова в Наркомвнуделе можно оставить Агранова.

Сталин, Жданов

36

В мертвой пустоте, раздираемой вечной борьбой между льдом и огнем, солнце смыкало годичный круг. Войдя в созвездие Весов, на которых раскачивались в опасном размахе судьба мира и пересилившая ее воля войны.

Год, назначенный фюрером поворотным, оправдал, а в чем-то и превзошел предначертания рока.

Четырехлетний план вступил в действие. Четыре конца хакенкрейца знаменуют движение. Четыре конца креста — распутье дорог. Четыре — число мировой гармонии. Перекресток пройден. Начато движение к абсолюту.

Гитлер направил имперским руководителям памятную записку, в которой излагался поэтапный план овладения миром. «Die Welt» — подчеркнул он своей рукой, вобрав все ипостаси бесконечного ряда, весь универсум, где в протуберанцах пожара рвутся ледяные гранаты планет: Weltall — Вселенная. Она была неотделима от его, вождя и избранника, неповторимой судьбы: Weltalter — век, Weltanschauung — мировоззрение, Weltereignis — событие мирового значения,

Weltgeschichte — всемирная история, Weltkarte — карта мира, Weltkrieg — мировая война. Прошлое и будущее слились воедино, через его Weltkenntnis — жизненный опыт, Его Борьбу. Ибо нет трех времен для посвященного, но лишь вечное теперь, в котором зародыши перемешаны с мертвецами.

Земной шар — Weltkugel[1], запущенный в Weltraum — мировое пространство. В пламени взрыва пройдет Сверхчеловек по трупам обезьяноподобных.

Вот откровение weltfern — не от мира сего.

«Мы перенаселены и на собственной базе не можем обеспечить себе пропитание,— напомнил лишний раз исходные принципы Гитлер...— окончательное решение может быть достигнуто лишь путем расширения жизненного пространства, т. е. сырьевой и продовольственной базы нашего народа. Цель политического руководства — обеспечить выполнение этой задачи в надлежащее время».

Отсюда следовал чисто практический вывод, незамутненный мнимофилософской и геополитической премудростью:

«Превратить германские вооруженные силы в сильнейшую армию мира по всем статьям — и по обученности, и по мобильности, и по оснащенности, и в первую очередь по идеологическому воспитанию... Перед лицом этой задачи все остальные потребности безусловно отодвигаются на задний план».

Назначая Геринга уполномоченным по четырехлетнему плану, фюрер коротко повторил перечисленные в меморандуме пункты:

— Самыми ускоренными темпами решить проблемы синтетического бензина, наладить поточное производство искусственного каучука. Отговорки, что новый способ еще недостаточно исследован, решительно пресекать. Выпуск стали также следует неуклонно наращивать... Немцам придется подтянуть животы. Любые попытки экономического саботажа должны караться самым жестоким образом.

— Если не хватит гильотин, мы построим новые,— пообещал министр-президент.

— Итак, я ставлю следующие задачи: первое — германская армия через четыре года должна быть приведена в боевую готовность; второе — германская

---

[1] Kugel — шар, пуля, ядро (*нем.*).

экономика через четыре года должна быть готова к войне.

— Мой фюрер! — Геринг благодарно склонил голову.— Клянусь вам, что через четыре года вся наша экономика будет готова!

«Пушки вместо масла»,— вспыхнул в мозгу заманчивый лозунг.

Геббельс запустил его в обиход.

Рейхсфюрер СС Гиммлер, действительный член германской академии права, поделился с коллегами-академиками опытом «Лебенсборна»:

— Если бы нам, например, удалось увеличить рождаемость на сто тысяч детей в год, то, с солдатской точки зрения, это означало бы: из ста тысяч около сорока тысяч будут детьми мужского пола и лет через восемнадцать у нас прибавлялось бы сорок тысяч потенциальных пехотинцев ежегодно.

Со всех сторон в рейхсканцелярию поступали ободряющие вести: инженер Тодд рапортовал, что пройден тысячный километр на строительстве автобанов, в Москве шла резня, Франсиско Франко развивал наступление.

Особенно обрадовало послание Муссолини. Дуче обещал в самое ближайшее время направить в Берлин графа Чиано.

Поезд министра иностранных дел дружественной Италии прибыл на Потсдамский вокзал. На перроне встречали Нейрат и Риббентроп. Но как только закончилась церемония взаимных приветствий, Нейрат откланялся, приподняв цилиндр, и уехал к себе в министерство. Высокая честь сопровождать зятя самого дуче выпала Риббентропу. После официального завтрака состоялась аудиенция в рейхсканцелярии.

Переговоры охватывали широкий круг проблем: двусторонние отношения, Абиссиния, австрийский вопрос и, конечно, Испания.

Фюрер начал с Австрии.

— Позвольте еще раз заверить вас, дорогой министр, что германский народ свято чтит неприкосновенность границ братского государства. Мы вполне удовлетворены соглашением с господином канцлером Шушнигом. Важен сам принцип национальной общности, что никак не связано с государственным сувере-

нитетом. В том, что между Германской империей и Новой Римской империей пролегает буферная территория, я вижу не разъединяющий, а соединяющий фактор. Он способствует геополитической стабилизации во всей Европе.

Главный камень преткновения удалось обойти, хотя голословные заверения не слишком убедили Чиано. Но Шушниг сам вырыл себе могилу. В свете вновь открывшихся перспектив Австрией, на худой конец, можно и пожертвовать.

Подписанный Риббентропом и Чиано протокол состоял из пяти пунктов. Рейх формально признавал аннексию Абиссинии. Устанавливалась общая линия поведения в лондонском Комитете по невмешательству в испанские события. Закреплялось разграничение сфер экономической деятельности на Балканах и в Дунайском бассейне. Венцом всего явилось соглашение о признании правительства генерала Франко и дальнейшей военной помощи испанским националистам.

«Ось Берлин — Рим!» — принялась обыгрывать очередную сенсацию пресса.

Знаменитый астролог предсказал, что Мадрид падет ровно через четырнадцать дней.

В кафедральном соборе Сан Хуан де Лос Рейес, построенном еще католическими величествами Фердинандом и Изабеллой, генерал Франко принес торжественную клятву провести свои отряды по улицам Мадрида к празднику Кристобаля Коломба. И хотя первооткрыватель Америки не был причислен к лику святых и праздник носил чисто светский характер, архиепископ Толедский благословил обет. Когда подошла к концу пышная литургия, Франко, припав на колено, облобызал архипастырский перстень. Седой, но статный, с офицерской выправкой кардинал сотворил крестное знамение и прочитал молитву. Так провожали крестоносцев, отправлявшихся отвоевывать гроб господень.

Выйдя из-под многоярусной арки портала, генерал надел пилотку, впрыгнул в открытый «альфа-ромео» и стоя проехал по узким розовым, как апельсины, улочкам Толедо к Альказару, где сосредоточивались для похода войска.

Мадрид был практически отрезан. Только по дорогам, связывающим с Валенсией и Албасете, еще осуществлялся подвоз продовольствия.

Мятежники наступали с четырех сторон четырьмя далеко растянутыми колоннами. В самом городе, особенно по ночам, активно действовало вооруженное подполье. Понятие «пятая колонна» вскоре стало международным.

Военная техника поступала через Португалию. В Лиссабоне, в отеле «Авис», разместился центр вербовки волонтеров. Германские и итальянские транспорты были освобождены от таможенных и фрахтовых сборов. Предназначенные для Франко самолеты обслуживались на местных аэродромах в первую очередь.

Правительство Народного фронта с Ларго Кабальеро во главе направило демократическим странам призыв о помощи. Национальное правительство, сформированное в Бургосе, со своей стороны требовало полного невмешательства во внутрииспанские дела. Германия и Италия, не прерывая поставок бургосским мятежникам, дали заверения, что присоединяются к соглашению о запрещении ввоза оружия.

Их представители в Международном комитете по вопросам невмешательства Отто фон Бисмарк и посол Гранди даже не попытались опровергнуть факты несоблюдения нейтралитета, но сообщили об аналогичных нарушениях со стороны СССР. Оперативная съемка зафиксировала суда с тяжелым вооружением на черноморских причалах. Те же пароходы, только под другими названиями, были замечены в испанских портах. Под видом добровольцев Москва направляла кадровых офицеров. Большинство из них проникало в Испанию из Франции. Естественно, в штатском и под чужими фамилиями. Абвер и СД с первых же дней установили наблюдение за транзитными пассажирами. «Пятая колонна» получила указание фотографировать каждого, кто появляется вблизи правительственных учреждений, парадных и митинговых трибун, аэродромов и любых военных объектов. Особое внимание обращалось на летчиков и танкистов. По фотографиям, сделанным в Берлине, пытались опознать советских военных советников, разведчиков и командиров РККА. Но доказательств, которые нельзя было бы оспорить, собрали не слишком много.

Лорд Плимут, председатель Комитета по невмешательству, уподобился рефери на состязании соперничающих команд. Считал штрафные очки, воздерживаясь от сурового осуждения и конкретных действий.

Его возможности оказать давление на Португалию, с одной стороны, и на Францию, с другой, по существу, были весьма ограниченны, хотя премьер Леон Блюм и министр иностранных дел Ивон Дельбос, в прошлом журналист и профессор литературы, действовали с большой оглядкой на Англию. Да и какое значение могут иметь отдельные эпизоды, если все разговоры о невмешательстве служат лишь дымовой завесой? Сомневаться в том, что на полях Испании схлестнулись две беспощадные силы: коммунизм и фашизм — мог только явный слепец. Так стоило ли разнимать хищников? В Лондоне считали, что ситуация для этого еще не созрела. Пусть сначала хорошенько намнут друг другу бока. Исконный принцип «разделяй и властвуй» лежит в основе всякой политики. Антони Иден, однако, сомневался в его непогрешимости, справедливо считая, что беспринципное маневрирование лишь усиливает от этапа к этапу позиции как Германии, так и СССР на международной арене и нужно объединить усилия против большего из двух зол, но к нему не прислушались.

Полпред Майский направил в Форин офис ноту с предложением признать и восстановить право испанского правительства на закупку оружия. В противном случае, следовало недвусмысленное предупреждение, советское правительство не будет считать себя связанным соглашением о невмешательстве в большей мере, чем другие участники.

В ответ последовал подробный перечень нарушений, допущенных СССР и Италией. «Счет» штрафных очков, как мог бы выразиться лорд Плимут, был три — один не в пользу Союза. Германия и Португалия вообще не упоминались. Обмен мнениями в какой-то степени легализовал существующий порядок вещей.

На другой день после праздника Кристобаля Коломба — обещанный Франко парад так и не состоялся — транспорт «Большевик» выгрузил в порту Картахены ящики, в которых находилось восемнадцать истребителей И-15, а вскоре в аэропорт к югу от Аликанте прибыли сто пятьдесят советских авиаторов, в том числе пятьдесят пилотов. И-15, прозванные испанцами «чатос» [1], в первом же бою подожгли два итальянских «Фиата». Эскадрилья истребителей И-16,

---

[1] «Курносые».

которые у республиканцев получили прозвище «москас» и «рата»[1] — у националистов, были выгружены в Бильбао и уже через месяц брошены против немецких «хейнкелей».

Легионеры из «Кондора» были неприятно поражены явным превосходством советской техники. Двухмоторные бомбардировщики СБ-2 — «Катюша» (три пулемета 7,62 мм, бомбовая нагрузка 500 кг, скорость 420, дальность 1000) в течение долгих месяцев почти беспрепятственно совершали налеты на тылы. Лишь набрав большую высоту и спикировав на предельной скорости откуда-нибудь из-за облаков, итальянские и немецкие истребители получали хоть какой-то шанс перехватить их над линией фронта.

«Катюш» боялись, о русских заговорили с уважением. Сбитый в воздушном бою пилот не вымолвил на допросе ни слова. Перед расстрелом капитан националистов налил ему кружку вина. Он молча выпил и молча умер.

Абверу удалось установить, что советскими летчиками командует некий генерал Дуглас. Гейдрих поручил Юсту любой ценой раскрыть псевдоним. Но дальше фотографии, которую добыли с превеликим трудом, дело не продвинулось. Подняли архивы, пересмотрели все советские газеты за несколько лет, а идентифицировать так и не сумели.

Фюрер сделал Гиммлеру замечание.

— Не прошло и года, как мы начали заниматься РККА,— попытался оправдаться Гейдрих.— Не с чем работать. Канарис ревниво охраняет свое логово.

— У вас теперь достаточно возможностей, чтобы создать собственную разведку,— Гиммлер холодно отклонил возражение.— Кажется, вы получили все, что хотели. Подбирайте нужных людей; если требуется произвести замену — меняйте. Нужны результаты, Рейнгард!

Последнее время Гейдрих только тем и занимался, что подбирал и менял. Получив наконец под свое крыло основные подразделения гестапо, он видоизменил структуру имперской безопасности. Политическая полиция в неявной форме ускользала из-под контроля

---

[1] «Мошки» и «крысы» (*исп.*).

министра внутренних дел. На горизонте маячило Отдельное главное управление, подчиненное рейхсфюреру СС лично и более никому. Но на пути к вожделенной цели оставалось преодолеть внушительные препятствия. Фрик уже не мог ни под каким видом вмешиваться в деятельность гестапо, хотя, согласно указу Гитлера от 17 июня, руководитель германской полиции формально подчинялся министру в качестве статс-секретаря. Эту двойственность предстояло преодолеть по существу и одновременно сохранить в какой-то иной форме, дабы остаться в стороне от любого учреждения.

Глаза и уши вождя.

Перестройка центрального аппарата вызвала повышенную суету: помещения, штаты. Неудивительно, что разведка слегка сбавила обороты. Но мотивы никого не волнуют. Волнует навар.

— Зайдите ко мне, Вальтер,— позвонил он Шелленбергу из штаба на Вильгельмштрассе.

— Все, что от нас зависело, мы сделали,— Шелленберг предъявил подробную разработку.— Остается «пустячок»,— он с улыбкой развел руками,— наполнить форму содержанием, но, увы, все по-прежнему упирается в военные архивы... Неужели нельзя договориться на паритетных началах?

— Нет,— отрезал Гейдрих.— Ничего нового вы мне так и не сказали. Между тем атмосфера в России требует нестандартных инициатив.

— Конъюнктура создалась многообещающая! — радостно оживился Шелленберг.— Они просто-таки пожирают друг друга, Рейнгард. И это только начало...

— Ошибаетесь, мой дорогой. Это закономерное продолжение. Нам не простят, если мы не сумеем воспользоваться моментом. Я, конечно, изучу ваши предложения, но одних идей мало. Есть у вас что выложить прямо на стол?

— У Папена появился серьезный источник.

— В русском посольстве? Знаю. Но не надейтесь присоседиться. Наш Франци преуспел не только тут,— ни голосом, ни гримасой Гейдрих не проявил досады.— Он сумел оказаться полезным еще в одном деликатном деле, хотя и на свой лад. Поэтому его лучше оставить в покое. Пока... Пусть абвер стрижет купоны. Мы попробуем себя на ином поприще. Вы верно чувствуете направление, Вальтер. В Мадрид зачастили наши кон-

трагенты из НКВД. Будет весело... Мы еще вернемся к нашему разговору.

Астролога, что пророчил скорый конец Мадрида, группенфюрер решил отправить в Дахау. Пусть проветрит мозги. Не за несбывшееся предсказание, разумеется. Шарлатан имел наглость нагадать ему, Гейдриху, насильственную смерть. Обнаружил, идиот, близость с гороскопом Чезаре Борджиа. Кто его просил лезть со своими звездами? Кому это могло понадобиться? Кстати, неплохо бы узнать, кем он был, этот Борджиа.

37

Уголок Спасо-Песковской площадки, облетающие тополя и черные шины по желто-зеленому лиственному ковру. Черные шины и черный автомобиль. То ли катафалк, то ли «воронок».

«За мной»,— решила Галина Серебрякова.

Изо всех сил она рванула оконную раму, но шпингалеты не пустили. Это было последнее, что сохранила память, и первое, что через много недель выплыло из беспросветных глубин. Остальное пролетело вне сознания: треск расколотого стекла, залитое кровью лицо, крик Зори, санитары, смирительная рубашка — все мимо.

Больничная карета доставила ее на Канатчикову дачу, в отделение для буйных. Сотрудник НКВД объяснил врачу, что больная пыталась выброситься из окна.

Был ли на самом деле тот черный автомобиль-катафалк? Прошлое, отрезанное осколками выбитого окна, и без того сквозило черными дырами.

Труднее всего оказалось восстановить календарную последовательность. До процесса, после процесса — те, прежние, рамки стали тесны. Для нее все началось поздним вечером двадцать шестого июля, а остальное лишь нанизывалось на нитку, подобно бусинам, пока она не лопнула под непомерностью груза.

Приходилось собирать раскатившиеся по полу шарики. Что-то перепуталось, что-то совсем пропало.

Окно до половины закрашено белым, за окном решетка — больница? тюрьма? — в верхней части серое небо и голая ветка.

А глаза выжигает июльское солнце...

...И лето томило иссушающим зноем, и душные ночи доводили до исступления. Но так жили все, по

крайней мере соседи по даче в Баковке. Научились скрывать страх под напускной беззаботностью. Гнать от себя. Прятать от посторонних и близких. Если на что и жаловались, так на жару и молочниц. От сухих гроз молоко скисало уже к вечеру, а лето и впрямь выдалось такое, что не упомнят старики. Так писалось в газетах, и говорили теми же словами — «не упомнят», собираясь на террасе за преферансом.

Но когда зарядили ночные дожди, и дышать стало легче, и на грядках, выстреливая жилы усов, закраснелась клубника, ничего не изменилось ни вовне, ни внутри.

Гаря самозабвенно копался в саду: выпалывал сорняки, поливал из лейки прутики саженцев. Дачу по личному распоряжению Сталина предоставил Ежов. За каких-нибудь полтора месяца все пошло в рост. Расцвели на клумбах вьюнки. Душистый табак изливал нежную горечь.

Тот вечер трещиной по зеркалу сломал хрупкую видимость существования. А день начинался так обманчиво-безмятежно. Гаря уехал на службу в Наркоминдел. Газета, что накануне привез на велосипеде старик почтальон, принесла добрую весть: самолет АНТ-25 прибывает в Хабаровск. Беспосадочный перелет Москва — остров Удд завершился. На первой странице дали большой рисованный портрет Сталина и фотографии членов экипажа. На длинных крыльях чудо-машины прогремевшие на весь свет — URSS и NO 25. Тут же Указ о присуждении званий Героев Советского Союза и единовременных денежных наград: Чкалову — тридцать тысяч, Байдукову и Белякову — по двадцать. Привычные подписи: Председатель ЦИК Калинин, и. о. секретаря Уншлихт. Судьбой Енукидзе давно перестали интересоваться. Было известно, что до сих пор не у дел, но пока на свободе. Сокольников тоже долго ждал назначения, пока однажды не позвонил Сталин. Заместителем к Литвинову. Опала ли, милость — все из одних рук.

Так хотелось верить, что невзгоды прошли стороной!

Галина Иосифовна с мамой и девочками ожидала мужа к вечеру, но он не приехал. Позвонил, что задерживается в наркомате.

Если бы она только знала, что они виделись в последний раз! Беспокойство, вроде бы беспричинное — оно казалось ожиданием,— нарастало, и, когда вне-

запно поднялся ветер и нанесло тучи и стало совсем темно, всколыхнулась тревога.

Около десяти, полыхнув фарами, у забора остановились три черных автомобиля. Люди в фуражках распахнули калитку и торопливым шагом направились к дому.

Серебрякова сразу все поняла и, отворив дверь, включила свет на веранде. Первая мысль была: «Почему их так много?» Не сразу удалось сосчитать — оказалось девять. Топот сапог заглушил раскаты дальнего грома. Второй, а может и третьей, по ступенькам взбежала женщина: из-под фуражки выбивались светлые волосы, собранные в пучок. Прищурив глаза, она с веселым любопытством оглядела хозяйку и переступила порог.

— Галина Иосифовна?

Подробности ночного обыска — девочки в длинных рубашках стояли в дверях — уже не воспринимались естественным продолжением дня. Он выскочил из жизни, из времени. Гарин отъезд и запах цветов, раскрывшихся в сумерках, обозначали крайний предел. Дальше начиналось уже нечто совсем обособленное, чему пока не находилось названия: чужая, затаившаяся Москва, пустая квартира и опечатанные двери в гарином кабинете, люди в штатском, дежурившие у дома, черный «фордик» на улице, с неотступной медлительностью катящий по следу.

«Жена врага народа»,— она вслушивалась в звучание, не постигая сути, но понимала, что это значит и что из этого следует. Первый муж — Серебряков Леонид Петрович — тоже арестован.

Как и Гаря, большевик с пятого года. Как и Гаря, герой гражданской войны. С первых дней революции член президиума Московского совета и секретарь Московского обкома, начальник политуправления РККА, секретарь ЦК РКП(б).

Только-только получил новое назначение, и не куда-нибудь, а в Гушосдор [1], то есть в систему НКВД. И вот, пожалуйста,— враг. Взяли семнадцатого августа, когда возвращался с работы.

Понять такое невозможно. Поверить — тем более. Если бы можно было не думать, не вспоминать! Фантомная боль воспринималась бы как сквозь анестезию.

---

[1] Главное управление шоссейных дорог.

Но как решиться окончательно оторвать от себя отсеченное, висящее на лохмах кожи, на ниточке нерва?

Она знала, что полагается делать. Пошла навстречу неизбежному. Пережив партком в Союзе писателей, яснее поняла, каково было тем, в Доме союзов. Оправдываться — потерять все, каяться — топить самое себя еще глубже. Краснопресненский райком, исключение — это промелькнуло в тумане. И в газетах читала о себе, как о ком-то другом, навсегда затерявшемся в глубине потухшего зеркала, прочерченного черным зигзагом.

Галина Иосифовна написала Сталину, Николаю Ивановичу Ежову, но либо письма перехватили, либо было не до нее — процесс.

Она отчаялась ждать и уже ругала себя за опрометчивый импульс. Лучше все равно не сделаешь, а хуже — сколько угодно. Нежданный звонок — до него телефон молчал неделями — вызвал испуг. Не сразу решилась поднять трубку.

— Вы писали товарищам Сталину и Ежову? — звонил Агранов.

Последующее протекало в сумеречном затемнении сновидений. Ей было велено выйти на угол Трубниковского и Спасо-Песковской площадки. В десять вечера. С обыском ведь тоже приехали в десять. Это что, их излюбленный час? Вылет нетопырей?..

Конечно же она пришла раньше — считать минуты было невмочь, но машина — черная, черная! — уже ждала. Назвалась, как наказал Агранов, Семеновой.

— Семенова,— сказала и часовому в подъезде Лубянки.

Ее подняли в лифте, провели в приемную, где она до рассвета чего-то ждала. Не заметила, пропустила, как отворился один из трех деревянных тамбуров, ведущих неизвестно куда. То ли взор застлало как темным флером, то ли впала в беспамятство при открытых глазах. В ярком свете люстр сверкали хрустальные вазы с пирожными и черным — что за знак? — виноградом. И лица — за столом сидели Ягода с Аграновым — показались глянцево-угольными, как у шахтеров, похожими на виноград. Особенно у Агранова. Его мучила жажда, и он жадно глотал «боржом». А зрачки были мутные, как с перепоя.

Ее заставили рассказать, чуть ли не по минутам, как жила последние годы, что писала, с кем виделась,

о чем говорила. Забрасывали фамилиями, требовали подробностей. И сами же с торжествующей ухмылкой поправляли, ловили на неточностях, напоминали позабытые, а может, и вовсе несуществующие пустяки. В различных сочетаниях мелькали Зиновьев и Каменев, отец и Гаря, упоминались Леонид, Тухачевский и еще многие, а после — Киров и Сталин. И было жутко слушать и еще страшнее смотреть. Оба казались безнадежно больными.

Так продолжалось почти до полудня.

Галину Иосифовну отвезли домой. Упав на постель, она разрыдалась в подушку. Сквозь шторы сквозило солнце, сон все не шел, а вечером, в десять, снова нужно было выйти на уголок и назваться Семеновой.

И так изо дня в день. Шатало от недосыпа, горел воспаленный мозг и не осталось воли наложить на себя руки. Пробовала достать ампулы с ядом. Обдумывала, как пустить газ.

— Арестуйте меня,— придя с вещами, сказала она однажды Агранову.

Он рассмеялся, потом опять угрожал и сыпал, сыпал вопросами.

— В какой обстановке Антипов делился с вами злодейскими планами против товарища Сталина?

— Антипов?! Народный комиссар и член Центрального Комитета?! Разве он...

— Нет-нет,— расслабленным мановением успокоил Ягода.— Он пока на свободе, но вы обязаны все рассказать.

— «С Кировым покончили, пора приняться за Сталина»?.. Кто так сказал? — подавшись вперед, Агранов навис над столом и надсадно задышал, выпячивая толстые губы. Их загнутые к низу углы тонули в жирных складках.— Иным наркомам и командармам только снится, что они еще ходят по земле и командуют. На самом деле они вон где! — он рванул и так же резко задвинул ящик стола.— Уже сидят. Вам что? Тоже хочется проснуться в камере?

Потянуло удушливым запахом пота и еще чем-то невообразимо противным — вязким, как слюна эпилептика.

Чувствуя, что теряет сознание, она зажмурилась, стиснула зубы и обессиленно обмякла в кресле. Очнувшись, увидела над собой склоненное личико усталого лилипута.

— Не хочет помочь нам? — спросил Ежов.

Ей предложили отказаться от мужа, заклеймить его предательскую контрреволюционную деятельность.

Она знала, что такое в порядке вещей, что многие шли на это в надежде спасти хотя бы детей, и уже никого не осуждала.

— Вы не советская женщина,— сказал Ежов.

Жестокая лихорадка разоблачений, публичных раскаяний и наветов трясла чуть ли не каждый трудовой коллектив. «Троцкисты», «фашистские прихвостни», «враги народа» шагнули с высоких подмостков Октябрьского зала в повседневность быта, с его общими кухнями, домкомами, переполненными трамваями. Болезнь ушла вглубь, охватив всю страну, от моря до моря. С ней сжились, к ней приспособились. Она стала такой же обыденностью, как смерть, о которой стараются не вспоминать, что до поры до времени легко удается. Но о врагах, коварно замаскированных под честных советских людей, забыть не дозволялось ни на день, ни на час. Собрания, митинги, разоблачительные статьи поддерживали накал на должном уровне. Остудить его не могли ни стратосферные высоты — летчик Евсеев достиг на своем самолете потолка в 12 600 метров, а летчик Бекер перекрыл рекорд,— ни пронизывающие ветры Арктики.

Мальчуганы, те да, бредили торосами, северными сияниями, опасными трещинами. Сушили тайком сухари, чтоб добраться до полюса, и удирали из дома, и их ловили на ближайшей станции, и это даже считалось хорошим тоном. Чуть ли не свидетельством гражданской благонадежности. Милиционеры, снимая с поездов «полярников» — с лета пошли косяком «испанцы»,— проявляли отменную вежливость и понимание. Одно не только уживалось с другим, но составляло как бы единую ткань. Страна готовилась и была готова дать отпор любому врагу. Комсомольцы осаждали аэроклубы, записывались в парашютисты, массами шли в краснознаменный флот.

Невзирая на то, что так было задумано, так полагалось, это было искреннее горение, высокий и чистый порыв. Тем легче оказалось вызвать требуемый отклик, воздействуя на низменные инстинкты, нагнетая беспредельный страх. Донос тоже стал явлением массовым. Не донос — сигнал, продиктованный чувством долга.

«Безграничная вера», «безграничная преданность» вождю, народу, стране. Самое понятие безграничности освобождало от сомнений, внутренних запретов и тормозов. Совестью была партия, а личная совесть расценивалась как пособничество, в лучшем случае — как недостойная слабость. «Заявление» — устное, письменное, вообще анонимное — действовало почти безотказно. Трудно было устоять перед соблазном устранить конкурента, пробиться в верхи, заполучить приглянувшуюся жилплощадь. Писали и бескорыстно, да еще с превеликой охотой. Это не только поощрялось, но вменялось в обязанность. За недоносительство давали не только срока, но и высшую меру. Статья 58^{12} частенько тянула за собой 58^{8} — террор. Да что там умышленное покрывательство! Даже незнание не освобождало от юридической ответственности.

Согласно постановлению от 3 июня 1934 года, члены семьи изменника Родины, хотя бы и не знавшие об измене, подлежали лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири.

За два года и в этом направлении был сделан гигантский шаг вперед: детей Томского, и не их одних, расстреляли.

Террор сверху сомкнулся с террором снизу. Теперь уже толпа алкала крови.

— Был в нашей среде и такой заклятый враг, как Серебрякова,— докладывал на собрании московских писателей секретарь правления Ставский.— Мы с ней встречались и не распознали в ней врага. Но кто поручится, что среди нас нет еще заклятых врагов рабочего класса?

Чтобы жить, чтобы не сойти с ума, нужно было научиться безоговорочно верить. А там что будет...

Изыски, и без того немудреные, стали как-то ни к чему. Первым делом слетели махровые лепестки с любовью выведенного, путем отбора и скрещивания, цветка духовной культуры. Специфический жанр литературного доноса вообще выродился в первозданный дичок. Донос вульгарис, как сказал Сокольников. «Известия» и «Литературная газета» наперебой трубили о «троцкистском салоне писательницы Серебряковой». Кипя праведным гневом, совписовская общественность смело понукала строгие органы: «Почему она до сих пор на свободе?»

Она и сама себя спрашивала: «Почему?»

Лечение шло под наблюдением врачей из НКВД, ежедневно посещавших Канатчикову дачу — больницу имени Кащенко.

На следующее утро после секретной телеграммы Ягоду перебросили на связь. За новым «железным наркомом» и генеральным комиссаром госбезопасности оставили посты секретаря ЦК и председателя КПК.

В газетах оба портрета были напечатаны рядышком. Из аппарата НКВД незаметно исчезли замнаркома Прокофьев, Молчанов. Замнаркома Трилиссер получил назначение в Коминтерн и новую фамилию — Москвин. Наркомом внутренних дел и генеральным комиссаром госбезопасности назначили Николая Ивановича Ежова. У Бухарина новое назначение полного тезки вызвало вспышку надежды.

— Ягода вконец разложился! А этот не пойдет на фальсификацию, совсем другой человек.

Боясь пропустить звонок Сталина, Бухарин почти не выходил из дома. В «Известиях» сказал, что ноги его больше не будет в редакции, пока не дадут опровержение. Вышинский велел расследовать? Пусть расследуют...

Спасти мог один Сталин. «Беспринципный интриган, который все подчиняет сохранению своей власти,— как однажды с холодной трезвостью определил Бухарин.— Меняет теории в зависимости от того, кого он в данный момент хочет убрать».

Вопреки доводам разума жила вера, что Коба не допустит до крайности. Что лично к нему, Бухарчику, сохранит добрые чувства. Тем более сейчас, когда пришли великие перемены. Ягоду наверняка расстреляют.

Назначение Ягоды наркомом связи не могло обмануть осведомленных людей. Все знали, что, прежде чем взять крупного работника, его обычно перемещали куда-нибудь ненадолго. Бывало, конечно, что сроки затягивались, но в принципе это ничего не меняло: так и этак — все едино. Ходили, как под топором. Прокофьеву тоже дали какую-то должность.

Его жена Софья Евсеевна, прежде сдержанная и недоступная, по секрету поведала Лариной о том, как повел себя на допросе Сокольников.

— Коль скоро вы требуете от меня неслыханных признаний, я согласен их подтвердить,— он был брезгливо высокомерен.— Чем большее число людей будет

вовлечено в инсценированный вами спектакль, тем скорее опомнятся в ЦК и тем скорее вы сядете на их место.

Это было за несколько дней до процесса.

Ежов начал с обновления кадрового состава. В аппарат, значительно расширенный, пришли сотни новых людей, главным образом областных партработников среднего звена. Фриновского, с учетом предстоящих задач, утвердили заместителем наркома. Как-никак пограничник, военная косточка. Лучше всех знает положение в округах. Вместе с ним еще кое-кого выдвинули на повышение — Заковского, Люшкова, Авсеевича. Но в целом от «исторического наследия», как называл новый нарком свой комиссарский корпус, следовало поскорее избавиться. В крайнем случае задвинуть куда-нибудь подальше. Засиделись, жирком обросли, утратили правильную ориентировку. К тому же информированы не в меру. Привыкли самостоятельно выходить на вождей, неразборчивы в связях.

За Прокофьевым последовал Евдокимов. Главного дирижера процесса «Промпартии» перебросили на партработу в Ростов.

— Больше ничего для вас нет,— сказали ему в Оргбюро и посоветовали не высовываться. Он и не думал.

Евдокимов, Молчанов, Миронов, Гай — все слишком близко стояли к Ягоде и повсюду совали свой нос. Пора и окоротить. Они несут прямую ответственность за то, что органы оказались не на высоте. Особенно Молчанов с Мироновым.

Времени на раскачку не дали. Реорганизовываться приходилось на полном ходу. «Параллельный центр», «правый блок», «военная организация» — только давай! Успевай поворачиваться.

В работе с военными особисты взяли неплохой старт. Особый отдел осуществлял внутри НКВД контроль за всеми подразделениями, за исключением курировавшего его спецотдела. Ежов решил до поры до времени не трогать Гая, чтобы в нужный момент произвести полную кадровую замену. Первоначально он метил посадить на ОСО Леплевского, но потом возникла мысль послать его наркомом в Белоруссию. В военном округе Уборевича копать и копать. Пусть сперва проявит себя. Есть сигнал, что саботирует новые методы. Это серьезно. У Фриновского тоже свои предложения, на первый взгляд дельные.

Гай, похоже, что-то такое пронюхал, запсиховал — он вообще невротик и лгун, но неважно. Куда они денутся, гаи — молчановы? Сперва предстоит основательно прошерстить старую гвардию ВЧК. Быстрых, Стырне, Пилляр, Аршакуни — ребята серьезные. А ведь еще есть бронтозавры: Петерс, Лацис, Бокий, Берзин, Каширин... Кто там еще?.. Живая история... А этот Артузов, он же Фраучи? Гнилая интеллигенция, чистоплюй. Думает, что незаменимый. У нас незаменимых нет.

В пакет для товарища Сталина нарком вложил первоочередной список членов коллегии, подлежащих аресту. Отдельно было приложено личное обращение бывшего комкора Примакова.

«...Я не троцкист и не знал о существовании военной контрреволюционной организации троцкистов. Но я виновен в том, что, отойдя от троцкизма в 1928 г., я не до конца порвал личные связи с троцкистами — бывшими моими товарищами по гражданской войне, и при встречах с ними (с Кузьмичевым, Дрейцером, Шмидтом, Зюком) вплоть до 1932 г. враждебно высказывался о тт. Буденном и Ворошилове... Личные отношения с бывшими троцкистами после моего отхода от троцкистской оппозиции прервались, и со многими я совершенно перестал встречаться... Заявление об отходе от троцкизма я написал в 1928 г. в Кабуле, в полной изоляции от троцкистов — написал честно, без двурушничества, без обмана. Когда осенью 1930 г. вернулся я из Японии и виделся с Пятаковым, меня поразила одна фраза в нашем разговоре. Говоря о линии партии, Пятаков сказал: «Делается то, что надо, но мы, вероятно, сделали бы это лучше». Я ответил на это: «Как можно делить на «мы» и «не мы», раз делается то, что надо?»... Раньше я часто бывал у Пятакова, с этого времени перестал бывать — не было доверия к его честности... После возвращения из Японии я очень активно работал в партии и армии... Я не троцкист и не контрреволюционер, я преданный боец и буду счастлив, если мне дадут возможность на деле, работой доказать это».

Письмо могло иметь значение. Пятакова вместе с Серебряковым, Сокольниковым, Мураловым, Лившицем и другими готовили на процесс «параллельного центра». Радека пока хозяин придерживал. Стержневые линии — оппозиция, военные, хозяйственники, НКИД — пересекались на бывшем замнаркома Соколь-

никове. Член РВС армий, фронтов, подписал мир с немцами в Брест-Литовске, Гаагская конференция, Наркомфин, полпред в Лондоне — ключевой узел. Даже перекос намечается. А Радек — это в первую голову Троцкий...

По просьбе Ежова Мехлис подобрал некоторые высказывания Карла Бернгардовича. В статье «Под знаменем крестоносцев» обнаружилась хорошенькая штучка:

«Крестоносцы взялись за завоевание земель, расположенных между Вислой и Неманом, как *лифляндский орден «меченосцев»* (подчеркнуто референтом) взялся за области, расположенные на Двине. *Эти рыцарские ордена делали свое кровавое дело* под знаком католической церкви. Как же хочет исполнять их заветы г. Розенберг...»

Остальное не представляло интереса. И без того сказано было более чем достаточно. Не против фашиста Розенберга вел полемику Радек. Он спорил с вождем, иезуитским вывертом, зачисляя его в единомышленники германских фашистов.

Ежов обратился к первоисточнику.

В «Наброске плана брошюры «О политической стратегии и тактике русских коммунистов» товарищ Сталин учит, что коммунистическая партия представляет собой «своего рода орден *меченосцев* (подчеркнуто товарищем Сталиным) внутри государства Советского, направляющий орган последнего и одухотворяющий их деятельность».

Не приходилось сомневаться, куда метил Радек свой подлый, ядовитый, но трусливый укол. Надеялся потрафить загранице. Дома, думал, не разберутся, не сопоставят. Ан нет — сопоставили. В «Портретах и памфлетах» соловьем разливался и тут же норовил ужалить исподтишка, ехидна.

«Нельзя высчитать на счетах «преступлений» и благодеяний — то, что представляет собой Советская власть, по той простой причине, что если считать капитализм злом, а стремление к социализму благом, то не может существовать злодеяний Советской власти. Это не значит, что при Советской власти не существует много злого и тяжелого. Не исчезла еще нищета, а то, что мы имеем, мы не всегда умеем правильно разделить. Приходится расстреливать людей, а это не может считать благом не только расстреливаемый, но и

расстреливающие, которые считают это не благом, а только неизбежностью».

Даже тут ухитрился припрятать камень за пазухой. «Преступления», «злодеяния»... Диалектик паршивый. Советская власть не нуждается в адвокатах. Советскую власть не судят, она сама судит.

Записку о заведующем бюро международной информации ЦК тов. К. Б. Радеке Ежов тоже направил отдельным вложением.

Выступая на активе НКВД, он специально привел высказывание товарища Сталина о меченосцах и даже развил его:

— Мы недаром носим эмблему государственной безопасности — меч. Органы охраны пролетарского государства — ядро партии, беспрекословно выполняющее ее высшую волю. Отвечая на вопрос товарищей: «Что важнее — партийная дисциплина или дисциплина служебная?», со всей уверенностью должен заявить: для чекиста на первом месте стоит его служебный долг.

Бухарин чуть ли не ежедневно справлялся, не вернулся ли Сталин. Отвечали все так же: «В Сочи». В редакцию он по-прежнему не ходил. Подсыпал конопляное семя птичкам в вольере, менял воду в поилках, пытался работать.

Однажды позвонил Радек. Сказал, что в редакции назначено партийное собрание.

— Вам непременно нужно присутствовать. Говорю это как член редколлегии,— он и тут не удержался от неуместного ерничества,— не как сотоварищ по указанию.

Бухарин не сразу сообразил, что Карлуша пародирует заявление Вышинского.

Приехать отказался категорически.

Разговор лишь сгустил безрадостную заботу. Опостылели эти сидения взаперти, укорачивающее жизнь ожидание, полнейшее бессилие, неопределенность. То, что еще недавно так радовало, вызывало отчужденное недоумение. Пейзажи, бабочки на булавках, чучела — зачем?

Беззаботно щебетали, прыгая по жердочкам, плененные птицы. Чистили перышки.

Чем дольше ждешь, тем сильнее ударяет тон неожи-

данности. Требовательные, с короткими интервалами трели «вертушки» вызвали в доме переполох.

— Каганович,— Николай Иванович озабоченно вздернул плечами и как-то очень бережно положил трубку.— Требует явиться для разговора... Нет-нет, все очень вежливо... Решительно ничего не понимаю!

Бухарин никак не предполагал, что «разговор» окажется очной ставкой. Не с Зиновьевым и не с Каменевым, о чем опрометчиво умолял,— их уже не было на земле,— с Гришей Сокольниковым.

Каганович почти не вмешивался. Сидел с подчеркнуто незаинтересованным видом, точил карандашики, слушал. Вопросы задавали Ежов и Вышинский. Сокольников определенно повредился рассудком. Плел о каком-то «параллельном центре» — мало показалось «объединенного»? — о блоке троцкистов с правыми.

Бухарин только руками развел. Отрицал, разумеется, полностью.

— Все? — спросил Каганович и позвал конвоира.

— Ложь! Какая чудовищная ложь!

— Да, Николай Иванович,— охотно согласился Каганович.— Все врет, курва... Но вы можете быть совершенно спокойны.

— Хорошенькое спокойствие!.. Его нужно вывести на чистую воду, Лазарь Моисеевич! Товарищ Ежов...

— Непременно... А вы не волнуйтесь, работайте.

Что-то непоправимо надорвалось, и слабость угасания, словно яд, расползалась по телу. Так трудно, пожалуй, еще не было никогда. Его убивали, расчетливо, методично. Пусть не беспокоятся. Теперь он сам доконает себя.

Находясь в состоянии глубокого потрясения, Бухарин не понял, какую отчаянную борьбу вел Сокольников. На очной ставке с Рыковым Григорий Яковлевич также подтвердил свои вынужденные показания, но на вопрос, располагает ли он неопровержимыми фактами участия правых в троцкистско-зиновьевском блоке, вновь ответил отрицательно. Это существенно облегчало защиту.

— С Каменевым я вообще не встречался,— заявил Алексей Иванович Рыков.— И никаких разговоров, враждебных или нелояльных по отношению ЦК партии, не вел. Все это злая выдумка.

Помилование, почти как в романе, швырнули прямо на плаху.

Прокуратура извещала, что следствие по делу Бухарина и Рыкова производством прекращено. Сообщение появилось во всех газетах.

Первыми поздравили известинцы. Пришла телеграмма от Ромена Роллана. Сердечное письмо прислал Борис Пастернак. Хотелось поскорее забиться в щель, успокоиться, передохнуть.

Бухарины решили на несколько дней переехать на дачу, в Сходню. Юрочка улыбался отцу, вытягивал губки.

Следствие, однако, прекращено не было. Напротив, ему придали еще больший размах.

«В свете последних показаний арестованных роль правых выглядит по-иному,— писал Ежов Сталину (вождь действительно отбыл в Сочи, но после процесса).— Ознакомившись с материалами прошлых расследований о правых (Угланов, Рютин, Эйсмонт, Слепков и др.), я думаю, что мы тогда до конца не докопались. В связи с этим я поручил вызвать кое-кого из арестованных в прошлом году правых. Вызвали Куликова (осужден по делу Невского) и Лугового. Их предварительный допрос дает чрезвычайно любопытные материалы о деятельности правых.

Протоколы Вам на днях вышлют. Во всяком случае, есть все основания предполагать, что удастся вскрыть много нового и по-новому будут выглядеть правые, и в частности Рыков, Бухарин, Угланов, Шмидт и др.»...

Вышинский в свою очередь в краткой записке к протоколам очных ставок Сокольникова с Бухариным и Рыковым многозначительно подчеркнул: «В случае одобрения Вами этих документов мною эти документы будут оформлены подписями соответствующих лиц».

Из последних сил цепляясь за ускользающую власть, Ягода тоже поспешил подбросить в те дни побольше горючего материала. В ожидании главных ересиархов костер пожирал все новые и новые жертвы. Показания против Бухарина, Рыкова и «ушедшего» Томского были выбиты у Куликова и Лугового-Ливенштейна. В сопроводиловке к протоколам, отосланным Сталину, доживавший последние дни нарком писал:

«Особый интерес представляют показания Куликова о террористической деятельности контрреволюционной организации правых. Названные в показаниях

Куликова и Лугового — Матвеев нами арестован, Запольский и Яковлев арестовываются.

Прошу разрешить арест Я. И. Ровинского, управляющего Союзкожсбыта, и Котова, зав. сектором Соцстраха ВЦСПС.

Угланов, арестованный в Омске и прибывший в Москву, нами допрашивается.

Все остальные участники контрреволюционной организации, названные в показаниях Куликова и Лугового, нами устанавливаются для ареста».

29 сентября Каганович вместе с опросным бланком направил членам Политбюро проект директивы «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам». Директива была принята.

«...До последнего времени ЦК ВКП(б) рассматривал троцкистско-зиновьевских мерзавцев как передовой политический и организационный отряд международной буржуазии. Последние факты говорят, что эти господа скатились еще больше вниз и их приходится теперь рассматривать как разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей фашистской буржуазии в Европе... В связи с этим необходима расправа с троцкистско-зиновьевскими мерзавцами, охватывающая не только арестованных, следствие по делу которых уже закончено, и не только подследственных вроде Муралова, Пятакова, Белобородова и других, дела которых еще не закончены, но и тех, которые были раньше высланы.

Секретарь ЦК *И. Сталин*»

Радек, прочитав заявление, «молнией» вызвал дочку из Сочи. Собрав все деньги, что нашлись в кремлевской квартире, отнес их жениной сестре. Пусть хоть что-то останется, если Сонечка не успеет вернуться. Легко простился с книгами. Провел пальцем по запыленному стеклу, за которым тускло золотились благоговейной страстью подобранные раритеты. Будто паутинку снял с лица. Редкостные автографы, любовно наклеенные экслибрисы — все тлен.

«Хозяину никого не жаль, а вот мне доченьку жаль»,— вертелось в голове неотвязное. Сам себе напророчил однажды после рюмки вина. Так оно и сбылось, как привиделось.

В заграничных газетах писали, что признание вырывают пытками и гипнозом. Какой там гипноз! Сами

кадили и сами пьянели от ладана. Страх пытки — самая страшная пытка. А вообще оттуда, как с того света, еще никто не возвращался.

За ним пришли вечером, но он сказал, что с места не сдвинется, пока не увидит дочь.

— Делайте что хотите: хоть на руках выносите, хоть на месте стреляйте.

Они посовещались и решили потерпеть. Видимо, не хотели лишнего шума: все-таки Кремль. Невдомек было, что красномордые битюги при наганах боятся его, маленького человечка с подвижным лицом очаровательного уродца.

Анекдоты, которые приписывали Радеку, знала вся Москва. «Что такое Политбюро? Два Заикалы (Рыков и Молотов), один Ошибало (Бухарин) и один Вышибало (Сталин)». И от куплетов, что сочинял этот безумной храбрости злодей, заранее подкашивались ноги.

Добрый вечер, дядя Сталин, ай-яй-яй,
Очень груб ты, нелоялен, ай-яй-яй.
Завещанье скрыл в кармане, ай-яй-яй...

За одно упоминание о Завещании давали ВМН[1], а тут такое...

Курили, давя на паркете окурки, молча ненавидели, ждали.

Соня приехала поздно ночью. Увидев впустившего ее в квартиру мужчину в фуражке, обо всем догадалась.

— Что бы ты ни узнала, что бы ты ни услышала обо мне, знай, я ни в чем не виноват,— Радек поцеловал ее и надел очки.— Зайди к тетке. Она поможет.

Не предусмотрел проницательный острослов Карл Бернгардович, что Сонина любимая тетечка в тот же день отнесет деньги в НКВД.

38

Небо бомбардировало застекленный навес ледяной дробью. Выпустив в обе стороны клубы пара, локомотив протащил лязгающий буферами состав вдоль длинных перронов Александерплац. В красноватом тумане лица встречающих казались вылепленными из воска.

---

[1] Высшая мера наказания.

Вагон плавно качнуло, и он замер, словно лодка, вплывшая в бетонный ковш. Сквозь запотевшее стекло смутно различались носильщики с тележками, полицейский в синей шинели, офицер в фуражке с высокой тульей и красной повязкой на рукаве. На этом отрезке цивильной публики, похоже, не было вовсе. Разве что пара скучных фигур в резиновых плащах и помятых шляпах. Ни оживленной суеты, ни цветов, ни улыбок.

Комдив Мерецков и полковник Симонов приникли к окну.

— Выходить не будем,— сказал Мерецков, проводя рукой по стеклу, но тут же отпрянул, ослепленный вспышкой магния.

Впереди по ходу поезда тоже несколько раз полыхнули голубоватые звезды.

— Фотографируют всех подряд,— успокоительно усмехнулся Симонов.— Долго будем стоять, не знаешь?

— Минут пять, не больше.— Мерецков отодвинулся в угол дивана.— Европа! — он с недоверчивым любопытством взирал на многочисленные таблички и стрелки, прикрепленные к фонарным столбам: «Перрон № 2», «Касса находится в первом зале», «До ресторана 90 метров», «В комендатуру — направо». Вроде бы все, как надо — порядок, а на душе муторно.

На платформе отрывисто прогремел рупор:

— Скорый поезд по маршруту Ганновер — Гамм — Кельн — Аахен — Вервье — Люттих — Намюр — Эрклин — Париж отправляется в семнадцать часов сорок три минуты. На прогулку пассажирам отведено шесть минут.

— Люттих — это где? — спросил Симонов.

— Льеж. Бельгия.

— На свой лад норовят переиначить.

— Не скажи. У нас вон тоже: Вена, Рим, а надо — Виен, Рома... Скорей бы проехать эту Германию!

В купе стало душно — вентилятор действовал только в пути. С улицы просачивались едкие испарения горящего угля.

Мерецков задернул шторки и приоткрыл дверь. Из соседнего купе, будто только этого и дожидалась, выпорхнула полная брюнетка и без стеснения просунулась в щель.

— Abfart! — протяжно прокричал обер-кондуктор.

— Видал? — Симонов с ожесточением защелкнул запор.— Все равно как сфотографировала, стерва!.. Мо-

жет, перекусим? — он снял синий в полоску пиджак и аккуратно повесил на плечики.

Достали завернутые в коричневую бумагу московские припасы.

— Первым делом покончим с курицей и ветчиной,— решил Мерецков.— А то испортятся к чертям собачьим. Две ночи как-никак до Парижа.

— Правильно, Кирилл Афанасьевич, а с копченой колбаской ничего не сделается.

В народном суде под председательством Фрейслера открылся процесс Лоуренса Симпсона, снятого в Гамбурге с американского парохода «Манхеттен» за распространение коммунистической литературы. Дело слушалось при закрытых дверях.

— Я не знаю, что еще можно сделать,— сказал генеральный консул Дженкинс послу Додду.— Как вы знаете, я заявил протест по поводу содержания Симпсона в тюрьме без суда, но это не возымело действия. Парень просидел пятнадцать месяцев. Власти заявили, что он связан с семьюдесятью немцами. Отсюда такая проволочка. Аргументация, конечно, смехотворная, но в германо-американском договоре двадцать четвертого года нет статьи, на которую можно было бы сослаться в защиту Симпсона.

— Гражданина Соединенных Штатов могут гильотинировать?

— Не думаю, что наци зайдут так далеко, но от них можно ожидать чего угодно. Под влиянием момента пойдут на любую крайность. А сейчас именно такой момент. События в Испании не на пользу Симпсону.

— Боюсь, что так. Вот уже несколько дней, как я не могу определить официальную позицию Германии. Известно, что Гитлер совещался с членами кабинета. Даже как будто устроил скандал по поводу того немецкого корабля, что испанцы ловили вне пределов своих территориальных вод. Угрожал сровнять с землей Мадрид. Министр Бломберг энергично возражал против военных мер, и пока все ограничилось дипломатическим демаршем... Надолго ли?

— В гамбургском порту днем и ночью идет погрузка оружия.

— Могу себе представить. Мисс Шульц, корреспондентка чикагской «Трибюн», сообщила, что на прош-

лой неделе испанским мятежникам отправили двадцать пять самолетов. В то же время я знаю, причем совершенно точно, что Бломберг запретил отправку военных материалов в Болгарию. Шахт весьма раздосадован: ему до зарезу нужна валюта для закупок продовольствия и сырья. Вряд ли испанские националисты в состоянии оплачивать свой импорт.

— Это лишний раз свидетельствует о примате политики над экономикой,— заметил Дженкинс.— Последние дни немецкая печать особенно ополчилась на русских. У них якобы двенадцать миллионов солдат под ружьем и сорок субмарин на Балтике. Самые свирепые нападки за последние три года. Столь же ожесточенному пропагандистскому налету подверглась и Испания. По-моему, существует реальная угроза открытых военных действий. На судьбе бедняги Симпсона это может сказаться самым печальным образом. Здесь, как и в Москве, прежде всего обращают внимание на агитационную сторону. Показательные процессы не имеют ничего общего с подлинным правосудием.

— Он признал выдвинутые против него обвинения?

— Похоже, что так. Денег, что для него собрали в Америке, не принял и отказался от услуг видного нью-йоркского адвоката.

— Причина? — удивился посол.

— Скорее всего давление гестапо. С ним очень плохо обращаются в тюрьме. Впрочем, я не исключаю и политические мотивы. Если Симпсон действительно коммунист...

— Тогда ему можно лишь посочувствовать. Второго Лейпцигского процесса не будет. Тельман почти три года дожидался разбирательства. В итоге обвинения против него были сняты, но сам он так и остался за решеткой в Альт-Моабит. По декрету о превентивной защите. Попраны все законы, внутренние и международные. Нацисты соблюдают лишь те соглашения, которые им выгодны. Если сегодня мы бессильны защитить соотечественника, то завтра не сумеем защитить нашу страну... У меня недавно побывал Томас Вулф. Хозяин одной берлинской гостиницы заявил ему: «Вся Европа становится фашистской, и это спасет мир от войны».

— Немцы считают, что в Испании идет война против коммунизма.

— А я считаю, что против демократии. Если Гитлер и Муссолини установят в Мадриде нацистский или фашистский режим, Франция окажется в самом затруднительном положении с момента падения Наполеона... Обстановка в Европе действует крайне удручающе на демократическую общественность — я не имею в виду коммунистов. Гитлер осуществляет неограниченную власть над шестьюдесятью восемью миллионами немцев, Муссолини — над сорока двумя миллионами итальянцев. В Польше, Австрии, Венгрии и Румынии фактически заправляют фашисты. У нас есть сведения, что Муссолини обещал Франко содействовать свержению конституционного правительства. Всему миру известно, какие ужасы были совершены в Испании за последние месяцы. Что дальше?..

— На прошлой неделе Шахт отбыл в Париж со специальной миссией,— озабоченно подсказал Дженкинс.— Вы ничего не знаете? Ходит множество самых разных слухов.

— Печать трубит о финансовой миссии, но думаю, это не главное. Речь идет о сделке с французскими фашистами. Правительство Блюма долго не просуществует. Франсуа Понсе это косвенно подтвердил. Он, кстати, все более склоняется к ультраправым. Кроме того, Шахт наверняка попытается через французское посредство закупить у нас медь и хлопок — эти наиболее важные стратегические материалы.

— Целиком и полностью с вами согласен. Одну руку Франция протягивает Советам, другую — смертельному врагу. Повсюду действуют силы, стремящиеся к установлению диктатуры.

За исключением Англии, где у власти тупые консерваторы, и Чехословакии, в которой действует своя «пятая колонна». Россия, разумеется, не в счет. Там свои проблемы. Коммунизм продолжает давить действительных и мнимых противников. Перспективы, коллега, неважные, наши собственные капиталисты толкают страну к тоталитарному мракобесию. Я вижу, как изменились настроения наших дипломатических работников. Открытая враждебность нацистскому режиму три года назад выродилась чуть ли не в симпатию. Грустно...

Гейдрих давно знал, что Гесс снабдил семью Хаусхоферов безупречными справками. Рейхслейтер — уче-

ник Хаусхофера. Он скрывался в его доме в годы борьбы. Профессор, разумеется, вне подозрений, но жена у него — еврейка. Дети, согласно закону, тоже считаются евреями. Притом высказываются в духе, враждебном национал-социализму.

Копию метрической записи отца фрау Хаусхофер Гейдрих вложил в досье заместителя фюрера. Этот Эйхман, кажется, действительно умеет работать. К сожалению, супруга его, Вера Либ, так и не научилась вести себя в приличном обществе, но тут уж ничего не поделаешь. Чего ждать от дочери богемского бауэра? Все-таки среда накладывает свой отпечаток даже на кровь. Лина совершенно права.

— Вы подготовили справки на русских генералов? — спросил он Шелленберга.

— В предварительном виде, группенфюрер, в основном по материалам советской печати. Дополнительные данные предоставит Русский институт. Оперативная информация суммируется.

— Есть что-нибудь принципиально новое? По испанской части?

— Понемногу накапливается. К сожалению, в гомеопатических дозах. По-прежнему трудности с идентификацией. Без доктора Ахметели мы, пожалуй, совсем бы завязли. Из транзитных пассажиров за истекшую неделю удалось опознать, да и то без достаточной уверенности, только одного. Это генерал Мерецков, бывший заместитель командующего войсками Москвы. После этого он служил в Белоруссии у генерала армии Уборевича, затем, по неподтвержденным данным, переведен в Особую Дальневосточную армию маршала Блюхера.

— Немец?

— Вы имеете в виду маршала Блюхера?.. Русский. Маршалы, у Сталина их пятеро, занимают исключительно высокое положение в партии и государстве. Они постоянно на виду, о них много пишут, публикуют их фотографии и высказывания по самым разным поводам: воспитанию молодежи, истории гражданской войны, сельскому хозяйству, автомобилестроению, даже литературе и живописи. Военная тематика, понятно, является преобладающей. В «Правде» были напечатаны большие статьи первого заместителя министра обороны Тухачевского и начальника генштаба Егорова. Я пока еще окончательно не разобрался, но, по-мое-

му, имеются значительные расхождения позиций. Весь материал тщательно подбирается, анализируется.

— Дайте мне все, что есть. Особенно по Тухачевскому.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ТУХАЧЕВСКИЙ

Родился 16 февраля 1893 г. в имении Александровское Дорогобужского уезда Смоленской губернии, из дворян. Русский. Отец — Николай Николаевич Тухачевский — помещик (умер в 1914 г.). Мать — Мавра Петровна Милохова, из крестьян.

В 1911 г. закончил в Москве 6 классов гимназии, сдал экзамены и был зачислен в 7-й класс Первого Московского императрицы Екатерины II кадетского корпуса. 1 июня 1912 года получил аттестат (с отличием) об окончании. Фамилия Тухачевского, как первого ученика, занесена на мраморную доску. В августе того же года зачислен в Александровское военное училище (Москва). 12 июля 1914 г. выпущен по первому разряду и произведен в подпоручики (лейтенант). Назначен в седьмую роту лейб-гвардии Семеновского полка (Санкт-Петербург). С началом войны полк в составе Первого гвардейского корпуса (командующий генерал-адъютант Безобразов) направлен в Первую армию (командующий генерал Ренненкампф), затем в Девятую армию (генерал Лечицкий).

19 февраля 1915 г. пленен у села Высокие Дужи (между городами Ломжа и Кольно). В приказе по полку № 34 от 27 февраля 1915 г. назван в числе убитых.

После второй попытки побега из общего лагеря для офицеров переведен в штрафной лагерь в Бад-Штуер (Мекленбург-Шверин). Совершил третий побег, был задержан пограничной стражей и препровожден в форт № 9 крепости Ингольштадт (Верхняя Бавария). В 1917 г. совершил четвертый побег, при аресте выдал себя за солдата и был направлен в солдатский лагерь, откуда снова бежал.

За время военной службы произведен в поручики (обер-лейтенант) и получил шесть боевых наград: орден св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», 3-й степени с мечами и бантом, 2-й степени с мечами; св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, 2-й степени с мечами; св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

5 апреля 1918 г. принят в РКП(б) и добровольно вступил в РККА. Командовал армиями на Восточном и Южном фронтах, затем Кавказским и Западным фронтами.

Активно участвовал в подавлении антибольшевистского выступления матросов Кронштадта. В карательных акциях против крестьянских восстаний, особенно в Тамбовской губернии, проявил крайнюю меру жестокости.

После гражданской войны командующий войсками Западного и Ленинградского военных округов, начальник Военной академии РККА, помощник и заместитель начальника, затем начальник штаба РККА, заместитель наркома обороны СССР и начальник вооружений, первый заместитель наркома обороны и начальник управления боевой подготовки, член Военного совета при наркоме обороны СССР.

Избирался в партийные и советские органы: членом Смоленского губкома, Ленинградского и Московского обкомов ВКП(б), кандидат в члены ЦК ВКП(б), член ЦИК СССР. Награжден орденами Ленина и Красного Знамени, Почетным революционным оружием.

В 1935 г. в числе пяти первых командармов (генерал армии) удостоен вновь учрежденного звания Маршал СССР.

В докладной записке Шелленберга содержался ориентировочный перечень документов, которые могли находиться в досье «Спецотдела «R». Именно по этой линии осуществлялись в 1923—1933 годах международные связи рейхсвера. Официально сведенный до ста тысяч в соответствии с Версальским договором, он продолжал существовать во всем многообразии присущих современной армии служб, включая вооружение, воинские училища, Академию Генерального штаба, разведку.

Отдел работал под крышей Ассоциации торгового предпринимательства и входил в общую структуру управления вооружений, которое ведало помимо всего прочего производством военной техники и боеприпасов, что также было запрещено статьями мирного договора.

Вполне понятно, что за десять лет тайного и взаимо-

выгодного сотрудничества рейхсвера и РККА был наработан изрядный массив документации. Судя по проведенному СД выборочному опросу прежних сотрудников, там есть все, что необходимо для осуществления плана под кодовым названием «Красная папка»: письма, банковские счета, чеки, стенограммы бесед и переговоров (на немецком и русском языках, в соответствии с международным протоколом). Оставался «пустяк» — получить доступ к архивам.

Гейдрих заранее решил сделать ставку на подлинники. Чем больше аутентичных текстов, тем проще замаскировать дезу. Банальная истина, не более. Все, что может быть сличено с имеющимися в Москве экземплярами, должно выдержать самую придирчивую проверку. Поэтому никаких разночтений. Фальсификация тут совершенно неуместна. Только резолюции и отдельные ремарки на полях. Тщательно продуманные, но абсолютно тривиальные по форме. На них придется основная нагрузка. Поэтому как можно меньше подделок. Одна, ну в крайнем случае две бумаги. Лучше всего личные письма. Это полностью объяснит отсутствие копий, что, в свою очередь, станет добавочной уликой. Придется крепко повозиться, но другого выхода нет. Чего бы ни желали в Москве и кто бы ни желал, исходить следует только из собственных принципов. Все должно отвечать высшему классу чистоты. С помощью скрупулезно выверенной дозировки необходимо добиться эффекта красноречивого умолчания. Картина должна складываться из общей совокупности, и конечно же не целиком, а в основных контурах, пунктирно. Отсюда следует единственно возможный вывод: сосредоточиться на Тухачевском. Во-первых, центральная фигура формально: первый заместитель военного министра, Маршал СССР; во-вторых, центральная фигура фактически: крупнейший военачальник, стратег, инициатор модернизации в армии; в-третьих, наиболее удобен с оперативной точки зрения: как начальник Генштаба и руководитель отдела вооружений особенно активно контактировал с рейхсвером, чаще, чем кто бы то ни было, командировался в Германию, оставил самый обширный и, следовательно, перспективный след.

Гейдрих не стал торопить события. Иначе бы пришлось прибегнуть к посредничеству Гесса или Гиммлера. Заискивать же перед адъютантами он считал ниже

своего достоинства, хотя подобными ходами не пренебрегал даже Геринг. Обстоятельства навязывали корректно-деловой стиль. От Гейдриха почти ничего не зависело.

На Отто Гюнше, штурмбанфюрера с внешностью плакатного арийца, имелся ничтожный, по существу зачаточный, материал, а капитан Фриц Видеман, адъютант от рейхсвера, оставался стерильно чистеньким — не подступишься. Лучше всего складывались отношения с личным адъютантом Рихардом Шульце, штандартенфюрером СС, однако и здесь было рискованно переступить положенные рамки. Чем выше уровень, тем опаснее. Боги играют молниями.

Англичане правы: хорошо живет тот, у кого всегда есть пятнадцать лишних минут, чтобы выждать. Теперь, когда фюрер сам регулярно заслушивал доклады шефа полиции и службы безопасности, можно было позволить себе такую роскошь.

Шульце позвонил, когда Гитлер вернулся после краткого отдыха в Оберзальцбурге.

— Фюрер ожидает вас завтра в десять часов, группенфюрер.

В нижнем гардеробе Гейдрих оставил кожаное пальто и фуражку, сдал ремень с кобурой. У мраморной лестницы и вдоль всего коридора дежурила охрана лейб-штандарта «Адольф Гитлер». После сумрака улицы электрический свет, многократно отраженный в полированном камне, показался особенно резким. Гейдрих причесался перед зеркалом, одернул китель и молодцевато взбежал по ступеням.

В приемной на длинном диване сидели Браухич, Гальдер и Фрич. На партийное приветствие генералы ответили сдержанным кивком. При этом вальяжный, благородно лысеющий Браухич изобразил нечто, напоминающее улыбку, а Фрич, этот желчный сухарь, демонстративно отвернулся, сверкнув ледышкой монокля.

Гейдрих приблизился к столу, поздоровался с Шульце и, заняв ближайшее кресло, приготовился ждать.

— Ваша очередь следующая, группенфюрер,— поведя глазами в сторону генералов, тихо предупредил адъютант.

Вскоре из кабинета вышел рейхслейтер Лей.

— Прошу, господа,— Шульце предупредительно распахнул дверь.— Незапланированный визит,— объ-

яснил он, возвращаясь к своим телефонам.— Кажется, что-то с Испанией, так что будьте готовы.

— Спасибо, Рихард. На военных кровь действует, как красный плащ на быка.

Гейдриху было известно, что в генштабе разрабатываются четыре варианта военных действий: на два фронта с центром тяжести на Западе; на два фронта, но с упором на Восток; аншлюс Австрии и комбинация первого и второго варианта с учетом операций против Англии, Польши и Литвы. Непредвиденная задержка на испанском театре вызывала естественный соблазн массированным ударом сломить отчаянное сопротивление красных.

К вопросам, которые фюрер мог задать по его, Гейдриха, части, он был готов. За короткий срок удалось создать на Пиренейском полуострове и в Марокко совершенно автономную сеть. В Тетуане на СД активно работали сотрудники имперского консульства Герберт Бетгер и Вернер Брехт, в Танжере — Вейкснер и Данкхаус, в Рабате — агент номер 7594 эстонец Иоганн Доллар. В качестве тренера по теннису он был в коротких отношениях со всей международной элитой и поставлял исключительно ценную информацию. Сразу за ним в картотеке шел шофер голландского посланника в Танжере — араб, женатый на немке. В Гибралтаре удалось завербовать испанку — жену фольксдойча (номер 7596/8) и второго секретаря в испанском консульстве (номер 7484).

Если добавить сюда Иоханнеса Бернхардта, директора германо-испанского концерна «Сосьедад финансьера индустриал» в Мадриде, и Германа Герица, вице-консула в Барселоне, то получается законченная партитура. Гейнц Кейперт, резидент в Испании и Португалии, потрудился на славу и достоин поощрения. Хоть где-то удалось натянуть нос Канарису. Военное значение Гибралтара очевидно, а в Танжере, где суда всех флагов производят догрузку углем, можно создать и диверсионную базу. Словом, найдется, что предложить в обмен на ворох бумажек из «Сектора «R». Будущее на прошлое.

Первым вышел Гальдер. Снял пенсне, дохнул, бережно протер стеклышки кусочком замши. Гальдер и Фрич, пропуская друг друга, задержались в дверях.

Рихард, молодчина, был совершенно прав. Фюрер начал с Испании:

— Генералитет удивлен появлением русских боевых самолетов с такими высокими тактико-техническими данными. Это явилось неожиданностью.

— В известной мере,— осторожно возразил Гейдрих.— Армейская разведка несколько недооценила потенциал противника.

— А ваша? — с тихой угрозой спросил Гитлер.

— Россия — закрытая страна.— Гейдрих защищался с обдуманным упорством.— Выполняя вашу волю, мой фюрер, и указания рейхслейтера Гесса, мы где только можно старались избегать соперничества с абвером. Если русские оказались хитрее и решительнее, чем предполагалось, то это не наша вина. Самолеты, которые они решили испытать на испанском полигоне, практически еще не поступали в войска. Явилось ли это полной неожиданностью после сенсационных перелетов? После маневров в Смоленске и Киеве?.. Я вынужден ответить отрицательно,— торопливым, но четким движением он расстегнул портфель и положил на край стола черный пакет с фотоснимками.— Нам было поручено собрать неопровержимые доказательства нарушения русскими нейтралитета. Невзирая на трудности, это нам удалось.

— Поздно,— пригнув голову, Гитлер заметался сужающимися кругами.— Мы втянулись в преждевременный конфликт без достаточной материальной и политической подготовки.— Он остановился возле бронзового глобуса.— Меди для гильз на две недели, целлюлозы для производства взрывчатых веществ не более чем на месяц. Если не удастся организовать срочные поставки, мы окажемся в пиковом положении. Англия занимает выжидательно-недружественную позицию, союзнические отношения с Японией не оформлены... Нужны фантастические решения, Гейдрих. Поражающие воображение броски и прорывы. Будем смотреть правде в глаза. СССР в один прекрасный день превратится в могучую силу и затопит Германию и Европу... Я дал Геббельсу указание пригасить накал пропаганды. Это означает, что на вас, Гейдрих, возлагается дополнительная ответственность.

— Понимаю, мой фюрер, понимаю,— озадаченно протянул Гейдрих. Он обратил внимание, что газеты, как по команде, перестали обличать кремлевское руководство. О международном коммунизме упоминалось лишь в общих и довольно расплывчатых выражениях.

— Мне нужно четыре года для того, чтобы завершить полное обновление Германии. Я должен успеть, пока колосс не пробудится от медвежьей спячки.

— Мы внимательно следим за всем, что происходит в России,— Гейдрих решил, что настал подходящий момент ознакомить фюрера с планом операции, но своевременно прикусил язык.

— Следите? Для этого у меня достаточно других ведомств! От вас я жду действий.— Беседа с генералами, очевидно, далась Гитлеру нелегко, и он только-только начинал отходить от зажатости, чреватой опасной вспышкой.— Речь идет о нашей жизни и смерти. Славянщина в сочетании с диктатурой пролетариата — самая опасная сила в мире. Вы только подумайте о людских резервах и богатых запасах сырья, которые находятся в распоряжении Сталина!

— Мы как раз обдумываем возможность одним ударом парализовать активность Красной Армии,— удачно вклинился Гейдрих.— Надеюсь, на достаточно продолжительный срок.

— Что вы предлагаете? — заинтересованно улыбнулся Гитлер. Его одержимо заострившееся лицо обмякло, взгляд затеплился расположением.

Гейдрих коротко, без ненужных подробностей, изложил основную идею.

— Вы с кем-нибудь это уже обсуждали? — фюрер ухватил с полуслова.

— Только в узком кругу.

— Я одобряю. Это действительно интересно... Но постарайтесь провести всю операцию в строжайшей тайне.

— Так и задумано, мой фюрер, однако я не вижу возможности обойти абвер. Надеюсь, господин Канарис не откажет нам в небольшом одолжении?

— Обходитесь своими силами,— Гитлер упрямо нахмурился.— Их у вас предостаточно. Ни при каких обстоятельствах не вмешивайте армию.

— Понятно,— внутренне подобрался Гейдрих. Приказ есть приказ.

— Спасибо, милый Гейдрих, за действительно приятную новость. Я уверен, что все так и получится... Тухачевский — исключительно сильный и убежденный враг. Если удастся устранить даже его одного, я буду считать это крупной победой, но думаю, этим не ограничится.

— Я надеюсь, что мы выведем из строя по крайней мере пять-шесть высших офицеров... А когда валят дубы, неизбежно приходится делать просечки.

— Дуб растет медленно.

— На подготовку хорошего штабного офицера нужно по крайней мере семь-восемь лет.

— Время от времени ставьте меня в известность... У вас есть еще что-нибудь?

— Маленькая просьба, мой фюрер. Необходимо согласие господина министра Нейрата на переговоры с чехами. В качестве операции поддержки.

— Это я вам обещаю.

39

В связи с командировкой в Турцию председателя Центрального совета Осоавиахима Роберта Петровича Эйдемана Ежов заинтересовался скандальной историей с перелетом самолета «Крылья Советов».

Путаность изложения и невообразимые стилистические погрешности не позволяли с достаточной ясностью разобраться в документах. За что конкретно были наложены партийные взыскания на каждого из участников? И Эйдеман, и Алкснис получили тогда по строгому выговору, хотя совершенно очевидно, что руководитель Осоавиахима и начальник ВВС отвечали за различные участки. Поскольку решался вопрос о выезде Эйдемана, на беседу вызвали Алксниса, которому Калинин только что вручил правительственную награду за Первомай.

Алкснис дал письменное объяснение.

Председателю КПК
тов. Ежову Н. И.

В 1929 г. Парткоплегией ЦКК ВКП(б) (см. протокол № 100, п. 6 от 3. X. 1929) мне был объявлен строгий выговор как одному из руководителей перелета самолета «Крылья Советов» за недопустимо небрежный подбор участников перелета.

Это было связано с перегруженностью самолета и большим числом представителей прессы, чем намечалось. Пришлось снять одного, представителя ТАСС.

Алкснис. 5 июня 1936 г.

В карточке Эйдемана значилось то же самое: небрежный подбор.

Ежов распорядился поднять документацию семилетней давности.

тов. Ворошилову — Председателю РВС Союза ССР
тов. Бубнову — Начальнику ПУ РККА
тов. Керженцеву — Агитпроп ЦК ВКП(б)
тов. Литвинову — Наркоминдел

Самолет АНТ-9, получивший название «Крылья Советов», был сконструирован и построен ЦАГИ по инициативе Осоавиахима, Добролета и Совета по Гражданской Авиации, отпустивших необходимые суммы.

Полет в Европу должен был продемонстрировать как лучшее достижение техники, так и заинтересованность, прежде всего Дерулюфт, в проникновении на европейский рынок.

Дальность дистанции Москва — Берлин без посадки потребовала увеличить запас горючего на 850 кг и, следовательно, уменьшить груз, взяв вместо 9—7 пассажиров (2 летчика)...

Шаг за шагом причина скандала начала проясняться. Из докладных записок нельзя было решить, кто из руководителей предложил корреспондентам «разобраться самим»: кому лететь, а кому оставаться.

Гофман из ТАСС накинулся на Алксниса, обвиняя его в «протекционизме в пользу Ефимова».

Алкснис обвинение отмел и указал, что Гофман был «избран жертвой как самый тяжелый в весе». Гофману за то, что он в присутствии иностранцев протестовал против снятия его с самолета, объявили выговор.

По существу, он только выиграл, оставшись без места, потому что мелкая склока переросла в политическую вылазку, которая достигла своего апогея в Риме.

6 окт. 29 г.
№ А — 453. С

Кольцов
Бобрышев — бывший редактор «Комсомольской правды»
Гарри — журналист, сотрудник «Известий»
Ефимов — художник-карикатурист, сотрудник «Известий» и «Красной звезды»

Участвовали в свидании с руководителем итальянской авиации, имея в виду, что это участие никакими обстоятельствами не вызывалось.

Корреспонденция в фашистской газете «Карриера-деля-Серра».

Объявить строгий выговор с предупреждением и запретить выезд за границу в течение 2 лет.

Решение КПК основывалось на следующей записке:

Секретно

НА ОЗНАКОМЛЕНИЕ
(по распоряжению т. Ярославского)

1. Записка от т. Ярославского.

Посылаю сводку газетных вырезок о поведении ездивших в Италию на «Крыльях Советов». Товарищи явно допустили политическую ошибку. Надо им это указать. Предлагаю поставить в ПБ ЦК.

2. Записка от Б. Волина тов. Ярославскому.

Из прилагаемых материалов, особенно из интервью Муссолини — Бальбо, вы увидите, что «наши», видимо, сильно сболтнули. Это подтверждается следующим замечанием из статьи т. Бобрышева, которую я задержал.

«Генералы (на визите у Муссолини) интересовались нашими впечатлениями об Муссолини. Что было сказать им, раз мы их официальные гости, для которых дипломатические этикеты также обязательны».

Бальбо утверждает, что визит к дуче был сделан по просьбе наших. Тов. Гофман в разговоре со мной утверждал, что этого визита можно было избежать.

Далее следовал пересказ репортажа в «Карриера-деля-Серра» от 27 июля 29 года.

На банкете у посла Курского члены экипажа «Крылья Советов» высказывали мне, какое чрезвычайное впечатление произвел на них прием у дуче... Между прочим, один из них признался, что видел Ленина, Каменева, Пилсудского, но ни один из них (как и многие деятели последнего десятилетия) не произвел такого впечатления силы и симпатии, как личность дуче. Можно умереть за такого человека.

Подбор завершился ссылкой на венскую «Арбайтер цайтунг», напечатавшую в номере от 26 июля заметку «Фашистско-большевистская дружба».

За семь лет много воды утекло. Снимались одни взыскания, накладывались другие, освобождались и занимались посты.

Член редколлегии «Правды» Михаил Ефимович Кольцов (Борис Ефимов — его родной брат) просится в Испанию. Нет оснований для отказа.

Пометив неожиданно выскочившую линию Эйдеман — Алкснис (Москва — Берлин — Рим), Ежов разрешил выдать Роберту Петровичу дипломатический паспорт. Турецкий посол Апайдын уже дважды напоминал о том, что визы давно пришли.

Планер самозабвенно, как белый журавль, кружил в восходящих потоках. Переходы от фигуры к фигуре следовали с плавной естественностью текущего ручейка.

— Вах! Вах! — с восхищенным придыханием восклицали вокруг.

Каждый новый пируэт сопровождался возгласами восторга.

Комкор Эйдеман следил из-под шелкового навеса президентской ложи за эволюциями планеристки. Она и в самом деле артистично владела аппаратом. В одобрительных выкриках и слишком дружных аплодисментах, пожалуй, проскальзывала нотка показной экзальтации, но успех был заслуженный.

На Востоке нет секретов. Роберт Петрович уже знал, что парившая в зените Баян Сабиха — воспитанница самого Ататюрка [1]. Говорили даже — жена.

Летную подготовку она прошла в аэроклубе Осоавиахима. Как председатель Центрального совета, Эйдеман мог испытывать законную гордость. Что там ни говори, а общество ковало надежные кадры. Осоавиахимовский аэропорт в Тушино, высшая планерная школа в Коктебеле, сотни новых авиаторов, десятки тысяч парашютистов. У Якира в прошлом году выбросили тысячу двести десантников, а под Муромом, на последних московских маневрах, почти в два раза больше. И всюду тон задают осоавиахимовцы. Куда бы ни приезжал Роберт Петрович, обязательно встретится кто-то из быв-

---

[1] Отец турок. Почетное звание президента Мустафы Кемаля.

ших курсантов. Подумать только — турчанка! Мать небось в парандже ходит, а она — пилот.

Первая летчица Турецкой республики.

Мустафа Кемаль, встречаясь с гостем глазами, растроганно улыбался и широким жестом указывал на столик, уставленный прохладительными напитками, подсоленными фисташками и сладостями столь изощренного совершенства, что не вообразить и не пересказать. Одной халвы и лукуму чуть ли не сто разновидностей. И все маслянисто лоснится, дразня миндалем, фисташковой зеленью, ядрами фундука. От каждого усыпанного кунжутным семенем и маком ломтя так и хочется отломить хоть кусочек. Мутнозеленые, как бериллы, цукаты, жирные дольки невиданного ореха кешью, черный финик, нежнейшая мушмала — глаза разбегаются.

Никогда прежде Роберт Петрович не испытывал столько соблазнов. Льющееся с неба тепло, непривычная яркость красок и вкрадчивый, как касание бархата, запах экзотических благовоний — все было внове, и дальность расстояний, обернувшись обманчивой удаленностью времени, нашептывала сказки Шехерезады.

В Москве выпал и скоро истаял на мокром булыжнике первый снег, а здесь назойливо припекало неторопливое турецкое солнце и высокие тополя по-летнему сонно отсвечивали пропыленной листвой. Но темнело стремительно, и ночи, подсвеченные непривычно накрененной турецкой луной, пронизывали лютой стужей.

Эйдеман уезжал с тяжелым сердцем. Аресты товарищей, гнетущая обстановка в Военном совете и полная неизвестность впереди. Виталия Примакова он знал особенно близко: вместе брали Льговский железнодорожный узел. И Юру Саблина — Якир сказал, что его тоже взяли,— помнил отлично по Сорок первой дивизии. Сомневаться в них — все равно что сомневаться в себе. В Иеронимусе Уборевиче. В Грише Орджоникидзе!

«К Грише нельзя обратиться?» — спросил Уборевича, когда они поздно вечером шли по улице Горького, бывшей Тверской. «Ему сейчас и самому очень не просто. Все, что мог, он делал, теперь не может».— «А кто может?» — «Никто».

Исчезали друзья, знакомые, люди избегали встреч, стыдились взглянуть друг другу в глаза. Не потому, что были в чем-нибудь виноваты. Угнетало унизи-

тельное чувство полнейшего бессилия. Нечто грозное и неведомое, о чем лучше было не думать, заслоняло горизонты, подступало все ближе, подленькой струйкой просачивалось откуда-то изнутри.

«Кроме планериста Минова и парашютистки Николаевой, с вами поедет мастер парашютного спорта Шмидт»,— перед самым отъездом перетрясли состав делегации. И первой мыслью было: «Уж не родственник ли того Шмидта, Дмитрия?» Сразу нашелся успокоительный ответ: «Быть такого не может. Знают, кого послать». И только потом обожгло стыдом.

Планер сделал последний круг и пошел на снижение. Баян Сабиха приземлилась в предместьях Анкары, где ее уже ждала машина.

Парад продолжался. Перед трибунами промаршировали военные моряки.

Мустафа Кемаль поманил драгомана и что-то шепнул ему на ухо.

— Господин президент спрашивает, как вам понравился полет.

— Переведите, пожалуйста, господину президенту, что я получил чисто эстетическое наслаждение. Такая чистота рисунка и неожиданность переходов свидетельствуют о высочайшем мастерстве. Хотелось бы знать, кто пилот.

— Вы его скоро увидите,— пообещал Мустафа Кемаль.— Ваша оценка доставила мне удовольствие. Это был ответ тонкого специалиста и одновременно художника. Я рад, что вижу в вашем лице не только прославленного генерала, но и знаменитого революционного писателя, поэта...

— Мой вклад в литературу весьма скромен,— смутился Эйдеман. Про Баян ему рассказал полпред Карахан, о его поэтических опусах, надо думать, сообщили из турецкого посольства в Москве. Есть и на Востоке секреты, только их тут же выбалтывают.

— Поэт — учитель народа. Память о нем остается в веках. В нашей истории было немало славных поэтов-воинов... Ваша организация учит молодых людей военному делу. Для Турецкой республики будет очень полезен опыт военной подготовки в СССР. Наша революция — сестра Великого Октября. Но с тех пор военная наука ушла далеко вперед.

— Оборона страны обеспечивается не только вооруженными силами, их выучкой и боевой техникой,

но и способностью населения дать достойный отпор врагу,— Роберт Петрович с готовностью переключился на военную тему. Литературой он занимался всерьез, но свою известность, тем более за пределами родины, ничуть не преувеличивал. Рассказывать о деятельности Осоавиахима было намного легче. Названная им цифра — тринадцать миллионов членов — поразила президента.

— Наверное, очень богатая организация?

— Очень богатая. Нас поддерживает вся страна. Сотни тысяч людей сдали нормы «Готов к ПВХО».

— А вот и наш герой! — Мустафа Кемаль показал на открытый автомобиль, из которого вышла юная красавица в легком комбинезоне. Шлем Баян держала в руках, и ее роскошные волосы трепал ветерок. Преклонив колено перед красным флагом с полумесяцем и звездой, она, сияя от счастья и гордости, повернулась лицом к президентской ложе. Мустафа Кемаль сделал приглашающий жест. Планеристка по-военному доложила о выполнении задания.

— Молодец! — поблагодарил президент и указал место рядом с собой.

— От всей души поздравляю,— изобразив удивление, Эйдеман выпрямился во весь богатырский рост.— Трудно пришлось в полете?

— Совсем нет,— она немного понимала по-русски.— «Трудно в учении, легко в бою»,— произнесла почти по складам и радостно рассмеялась.

«Прелестная девушка»,— смущенно тронув раздвоенную мушку усов, подумал Роберт Петрович.

— В вашем лице, генерал, я хочу поблагодарить весь Советский Союз,— президент тоже поднялся.— С вашей помощью десятки турецких юношей и девушек узнали счастье полета,— он щелкнул пальцами, и в мгновение ока откуда-то из-за муслиновых занавесей возник пожилой господин во фраке. Ататюрк, не глядя, принял из его рук лакированный ларчик.— В знак дружбы наших народов и за содействие в обучении молодежи летному мастерству примите этот скромный подарок.

— Большое спасибо, господин президент,— Эйдеман осторожно раскрыл ларец. Утопая в сборках зеленого репса, в нем покоился массивный золотой портсигар. На крышке красовался аэроплан, выложенный из ограненных изумрудов. Отчетливо читалась прихотливая

вязь гравировки: «Эйдеману. Ататюрк. 25. X. 1936, Анкара».

— Кури на здоровье,— посмеялся вечером Карахан.— Насколько я знаю, президент авиационного общества «Турецкая птица» тоже приготовил для тебя оригинальный подарок.

— Хорошо встречаете,— пошутил Эйдеман.

— На Востоке любят роскошь и уважают гостей... Вообще-то положение не простое. В Ираке не без содействия германской разведки произошел военный переворот. Власть захватил профашист генерал-майор Бекир-Сидки. Снова со всей остротой встает вопрос о Багдадской железной дороге. Как ты знаешь, ее строила немецкая компания. От Коньи здесь, в Турции, через Багдад до Персидского залива. Сам понимаешь, что тут крепко задеты интересы Англии и Франции. На Ататюрка оказывают давление с самых разных сторон. В стране активизировались крайние силы. Линия на сотрудничество с СССР встречает растущее противодействие.

Старый большевик Лев Карахан стоял у истоков советской дипломатии. Он был правой рукой Чичерина, участвовал в заключении Брестского мира, поднял до уровня посольства запутанные отношения с Китаем, подписал японо-советскую конвенцию. Первый полпред в Польше, заместитель наркома иностранных дел, главный архитектор азиатской политики, он быстро набирал высоту.

Назначение в 1934 году в Анкару явилось недвусмысленным знаком опалы. Полпредство считалось второстепенным. Но Карахан и здесь сумел проявить себя в полном блеске. Добившись новой, благоприятной для СССР Конвенции о режиме проливов, он вновь заставил говорить о себе во всех столицах мира.

«Как у нас не умеют, не любят и не хотят ценить настоящих людей»,— подумал Эйдеман. От Примакова, с которым виделся за месяц до его ареста, он слышал, что отношение к Леве прохладное.

В ответ на шифровку, где сообщалось о прибытии советской делегации в Анкару, из заграничного бюро Риббентропа в посольство рейха поступило распоряжение: «Срочно пришлите подробный отчет с фотоснимками (только через офицера)».

Вице-консул Модель, оберштурмфюрер СС, бросился в транспортное агентство.

По правилам дипломатической службы сотрудник, везущий секретные документы, занимал отдельное купе в спальном вагоне первого класса. Но дорога была настолько загружена, что билеты продавались чуть ли не на месяц вперед. Пришлось пообещать хороший бакшиш. Плацкарту доставили уже к отходу поезда.

40

Запах лака еще ощущался в заново отделанном кабинете на Принц Альбрехтштрассе. Приподняв фрамугу, Гейдрих оставил тонкую щель и задернул шторы. Пришлось включить добавочный свет.

Прежде чем открыть совещание, он еще раз метнул косой, ускользающий взгляд на сотрудников. Остался доволен. Здоровые, сильные, уверенные в себе, все в элегантно сидящих черных мундирах и, главное, молодые. Йосту и Крюгеру исполнилось, как и самому Гейдриху, тридцать два. Остальные только приближались к тридцатилетнему рубежу, за которым начинается пусть медленный, но неотвратимый спад. Но до этого еще далеко. Хауптштурмфюреру Альфреду Науйоксу вообще двадцать пять. Член партии с тридцать первого года, в СД — с тридцать четвертого, он проявил себя с самых лучших сторон на посту руководителя технической группы. Главное — создать слаженный оркестр, ансамбль, способный мгновенно улавливать малейшие движения дирижера. Каждый многократно проверен и прекрасно себя зарекомендовал. У каждого свои сильные и слабые стороны. Настал момент просуммировать, как в алгебраической задаче, плюсы и перемножить минусы, превратить их тем самым в полезную положительную добавку.

Итак: Дернер, Крюгер, Янке, Науйокс, Йост. Всего семь, вместе с Беренсом и Шелленбергом. Совершенное и счастливое число мирового порядка. Он, Гейдрих, восьмой. Число универсальное и тоже счастливое — восемь румбов пространства. Притом четное, когда минусы перемножаются в плюс. Восьмая буква алфавита — буква движения, его, Гейдриха, буква. Hitler, Himmler, Heydrich. Все взвешено и продумано до мелочей, включая и эти метафизические бредни.

— Друзья! — с несвойственной для него патетикой обратился Гейдрих.— Вы, конечно, догадываетесь, зачем мы собрались. Скажу без предисловий: план одобрен и с этой минуты вступает в действие. Однако, прежде чем начать обсуждение, считаю своим долгом напомнить высказывание фюрера на юбилее национал-социалистической организации студентов: «Тот, у кого недостает фантазии, ничего не добьется...» К счастью, все вы обладаете этим превосходным, истинно немецким качеством. Вам присуще и другое — холодный, аналитический расчет. Позвольте выразить уверенность, что, сочетая одно с другим, мы добьемся желаемого успеха... А теперь прошу внимания,— он заговорил привычно-напористым тоном.— Межведомственная переписка абсолютно запрещается. Как исключение, возможны запросы и требования, не раскрывающие даже намеком существо операции. Они проходят под грифом: «секретный документ государственной важности» и «только через офицера». Общее руководство возлагается на штандартенфюрера Беренса... Вопросы, господа?

— Вопрос один, группенфюрер, досье «Спецотдела «R»,— приподнялся Науйокс.— Без этого нельзя начинать работу.

— Начинать не только можно, но и необходимо,— Гейдрих дал знак не вставать.— Скажу даже больше: начнете именно вы, Альфред. Гвоздем программы будет письмо маршала Тухачевского. Текст набросает Беренс. Он знаток России, ему и карты в руки. В первоначальном варианте не должно быть ни обращения, ни подписи и вообще ни единого имени. В этом виде документ поступит на консультацию к нашим русским сотрудникам, которые, возможно, внесут отдельные уточнения: стилистика, местный колорит и прочее. После этого мы с Беренсом заполним пробелы. Вы, Науйокс, безотлагательно и, само собой, строго конспиративно подберете подходящего гравера и специалиста по почеркам. Лучше всего, если обе профессии соединятся в одном лице. Подделка,— из богатого набора синонимов группенфюрер употребил слово Falsifikat [1] в его строгом значении,— должна быть образцовой. Это

---

[1] Falsifikat — подделка. Falschung — фальсификация, подлог. Falsum — подделка, обман.

очень ответственное задание. Самое ответственное на данном этапе. Вы все поняли, Науйокс?

— Так точно, группенфюрер.

— И не требуете, не сходя с места, выложить вам образец почерка Тухачевского?

— Пока я буду подбирать специалиста, высочайшего класса специалиста, образец, вероятно, будет?

— Отлично, Альфред, вы действительно все поняли... И спасибо вам за доверие.

Офицеры сдержанно улыбнулись. Гейдрих всегда с упорной последовательностью долбил в одну точку, но не терпел бездумной покорности. Только осознанное подчинение высшей воле приносит плоды. В рамках компетенции проявление разумной инициативы поощрялось.

— Письмо будет написано от руки или напечатано на машинке? — спросил Науйокс.

— Хороший вопрос. Я полагаю, что напечатано. А вот где достать русскую пишущую машинку, да еще такого типа, какой используется сегодня в советском оберкомандо,— ваша задача, хауптштурмфюрер. Насколько успешно вы справитесь, будем судить по конечному итогу... Еще вопросы?.. Тогда о самом письме. Это касается всех, не только Беренса и Науйокса. Не в лоб, тем не менее достаточно ясно нужно создать впечатление, что Тухачевский и другие высокопоставленные военачальники находятся в тайном сговоре с немецкими генералами, не одобряющими, скажем так, идеи национал-социализма... Кандидатуры продумаем после!.. Обе группы, советская и немецкая, готовят, соответственно в Москве и Берлине, государственные перевороты. Цель: установление режима военной диктатуры с последующим разделом Европы. Крайне важный момент! На заключительной стадии не исключена направленная утечка информации, что окажет влияние на систему союзов Москва — Париж, Москва — Прага в желательном для нас направлении. Письмо Тухачевского надлежит подкрепить широким спектром документов, желательно подлинных. В целом «Красная папка» должна иметь вид ординарного дела, которое находится в производстве нашей контрразведки. Русским будет передана лишь фотокопия, причем не слишком качественная. Это подкрепит версию, что некто, назовем его «Z», рискуя жизнью, проник в архив и второпях, приноравливаясь к условию осве-

щения, произвел пересъемку. О мотивах «Z» подумаем отдельно. По всей видимости, мотивы обычные: материальные затруднения, долги и так далее. Короче говоря, основная масса документов «Красной папки» касается не столько Тухачевского и русских вообще, сколько наших генералов-изменников. Мифических, подчеркну, ибо немецкий генералитет беззаветно предан фюреру. Эти мифические, но с подлинными именами изменники находятся под подозрением. На них, допустим с двадцать пятого — двадцать шестого года, заведено наблюдательное производство. С первых официальных контактов между рейхсвером и РККА. Таким образом, в дело должны быть подшиты письма, донесения, служебные записки ответственных лиц — фамилии подлинные! — которым полагалось бы вести расследование такого рода контактов. Мысль ясна?.. Совершенно верно — сводки телефонного прослушивания, протоколы допросов возможных свидетелей с подпиской о неразглашении. Словом, тривиальное производство, по всем законам полицейской бюрократии. Но в меру! Ни одного бесспорного доказательства, одни косвенные улики. Письмо Тухачевского должно заставить предполагать многолетнюю переписку. Оно всего лишь одно из многих — десятое, пятнадцатое — и случайно попало в руки закона. Или не случайно? Тогда нужно дать объяснение — как... Надеюсь, Беренс придумает, если остановится на таком варианте. Имена генералов, наших и русских, должны *попадаться,* подчеркиваю — *попадаться.* Где-то упомянуто в письме, где-то записано, да еще с вопросительным знаком на полях рукой следователя. Их надо дозировать по принципу экономной домохозяйки. Суп должен быть подсолен в самую меру. Пусть русские выискивают. Выискивают и находят. Несколько слов о наших генералах-предателях. Их измена еще не вызрела окончательно. Это скорее доведенная до критической точки фронда. Она уже не может быть терпима, но еще не дает повода для немедленного ареста. Улавливаете мою мысль?.. Будем держаться на этой зыбкой границе. Она провоцирует охотничий инстинкт, вызывает иллюзию подлинности. Я не отказываюсь от идеи даже инсценировать арест какого-нибудь престарелого господина из Цоссена... Такова в самых общих чертах генеральная идея. Прошу высказываться.

— Генеральская идея,— подыграл Беренс.

— Гениальная идея,— саркастически спародировал его Шелленберг.— При условии, что Сталин действительно собирается устроить маленькое кровопускание своим фельдмаршалам.

— Именно на это и хочется обратить внимание. План великолепен по форме, но бесперспективен по существу,— спокойный голос Янке лишь подчеркивал смелость суждений.— Личность Скоблина до крайности подозрительна. Он имел контакты с советской разведкой. Где у нас гарантия, что сведения о так называемом заговоре не подброшены НКВД? Мы, конечно, можем спросить себя: «С какой целью?» Допустим, для того, чтобы бросить тень на наших действительно преданных фюреру и рейху генералов. Скомпрометировать кого-то из них. Откуда мы знаем, какие планы вынашивают в Москве? Возможно, там хотят заманить нас в ловушку, подтолкнуть к принятию ошибочных решений. Мы ничего не знаем. Поэтому я предлагаю воздержаться от сомнительных действий.

— Предлагаете? — Гейдрих вздернул массивный подбородок.— После того как я сказал, что решение принято?.. Сдайте оружие.

— Но... Простите, группенфюрер, у меня нет оружия,— Янке беспомощно развел руками.— Мой револьвер лежит в ящике стола...

— Вот и превосходно. Отправляйтесь под домашний арест и хорошенько подумайте. Если придет что-нибудь стоящее, позвоните Беренсу. Он мне доложит.

Янке вскочил, качнул головой и с вымученной медлительностью засеменил к двери.

— Благодарю, господа,— отрывисто бросил Гейдрих.— Штандартенфюрера Беренса прошу задержаться... Ну как? — спросил, когда остались одни.— Помоему, только сегодня я сам для себя все окончательно сформулировал.

— Скажу тебе честно: я просто заслушался! Без сучка без задоринки, как выражаются россияне... Но признаюсь со всей откровенностью: в сомнениях Янке есть известный резон. Мы ведь и сами об этом думали... Его, конечно, здорово занесло, но в целом он очень способный и преданный офицер.

— Защищаешь?.. Не надо. Если бы я решил поставить на нем крест, то не отправил разгребать снег перед домом... У него ведь отличный особняк. Знаешь?..

С прекрасным садом. Раньше там жил какой-то еврей... Пусть поостынет малость, придет в себя. Это на пользу.

— Я тут тоже кое-что обмозговал, Рейнгард. У тебя есть время?

— Конечно, давай...

— Начнем с внешнего оформления. Я предлагаю обычную папку «ОКВ, отдел «Абвер-заграница».

— Заграница?

— Именно! Тут тонкий ход. С кого начали? Разумеется, с русских. Завели дело, а когда увидели, как развертывается, не стали передавать. Между разведкой и контрразведкой всюду грызня. Вот увидишь, они клюнут на это. Примерят на себя и поймут, как надо.

— Допустим, дальше.

— Сверху будет штамп бюро Канариса, а внутри, где-то в самом конце, его собственноручная докладная. На имя фюрера. Заподозрив в измене генерала, он просто обязан запросить согласие на следственные действия. Допустим, он сам решил вступить в контакт с подозреваемыми, чтобы вытянуть...

— Понятно,— Гейдрих быстро набросал на листке схему.— Дальше.

— В докладной только немецкие имена. Связь с единомышленниками из РККА вытекает из контекста. Затем следует одобрительная виза фюрера и поручение Борману, а Борман в свою очередь адресуется к тебе: «Установлено ли наблюдение за генерал-полковником Большая Задница и генерал-лейтенантом Свинячая Собака?..» В таком духе. Помимо всего прочего, это объясняет, как дело из абвера перекочевало в СД.

— Ты окончательно спятил, мой бедный друг? Подделать подпись Канариса, Бормана — плевое дело. Но фюрера!.. Мне еще многое предстоит совершить на этом свете, старина.

— Подпись не обязательна. Достаточно бланка.

— Тебе не кажется, что мы сами все усложняем? Подваливаем себе лишней работы?

— Нет, не кажется. Янке не настолько глуп, как может показаться. Если с нами действительно хотят поиграть, то мы подкинем такое, что превзойдет все их ожидания. У них коленки затрясутся от страха. Бланк канцелярии фюрера! Резолюция Бормана! Шутишь! С этим в жмурки не поиграешь. Такое нельзя спрятать. Такое надо докладывать на самый верх... Судя по тому,

как они решают свои вопросы, результат будет. Я уверен.

— Я еще подумаю, но, кажется, ты меня убедил.— С застывшей улыбкой Гейдрих смял лист со стрелками и квадратиками, сжег его в пепельнице и ссыпал черные хлопья в корзину, выделанную из слоновой ноги.— Попробуем убедить кремлевского дядюшку в том, что его ложь — чистая правда.

41

Тяжелый транспортный самолет с двумя танкетками в чреве пошел на взлет. На припорошенном поземкой поле отчетливо обозначились графитовые полосы. Взвихренный пропеллерами снег медленно оседал в морозном тумане, заметая следы шасси. Описав над аэродромом широкий круг, машина пошла на посадку.

— Желаете осмотреть, товарищ командующий? — стараясь перекричать рев моторов, Горбачев сомкнул пальцы рупором.

Когда замерли стальные лопасти, Уборевич протер пенсне и, отогнув полу шинели, опустился на колено. Главный инженер торопливо обмел бетонный шестиугольник и сразу принялся очищать следующий. «Пчелиные соты», так красиво обрисованные ледяной крупкой, чуть не стоили ему головы.

Начальник строительства ржевского аэродрома Терский неосторожно похвастался на высоком совещании невиданной производительностью: «Тысячу квадратных метров полосы даем в сутки».— «Как же вам удалось?» — изумился Иероним Петрович. «Это все наш главный — товарищ Горбачев. Рифление плит больше всего тормозило, а как только он отменил...» — «Отменил? Кто позволил? Как же будут садиться самолеты?!» — «Но ведь производительность увеличилась почти в три раза, товарищ командующий... Мы и бетон укладываем по-новому, и площадь опалубки в четыре раза больше...» — «На кой черт мне ваши цифры! Есть проект, технология, наконец, указания центра. Вы нарушили мою директиву и пошли на поводу авантюриста, если не хуже... Пусть прокурор разбирается, где тут очковтирательство, а где вредительство!» Вот так оно было.

Горбачева сразило прямо наповал. Едва добрел до гостиницы. Думал только об одном: у кого попросить револьвер. Он не знал, что командующий, прежде чем позвонить военному прокурору, послал в Москву самолет за Сошиным и Овручевским — титанами инженерно-строительной мысли.

«Прокурор подождет»,— сказал он на следующее утро и распорядился продолжить совещание. Когда объявили Горбачева, зал возбужденно загудел: все считали, что он уже арестован. Господи, боже мой! Во что обошелся ему этот доклад! Говорил, как во сне, ни на что не надеялся, не верил ни в доводы разума, ни в какую-то высшую справедливость. «Затирка, вибраторы, коэффициент трения, металлическая трамбовка, квадраты, шестиугольники...» Кому все это надо? Жуткое слово «вредительство» каленым железом прожгло виски. Но светила дали положительный отзыв. «Получается, что вы берете наши грехи на вооружение? — нарочито громко подал реплику Уборевич.— И даже готовы внести изменения в проекты будущих аэродромов? Я верно понял, товарищ Сошин?» — «Верно. Полагаю, что руководство нас поддержит».— «В таком случае мне следует принести извинения инженеру Горбачеву. Вместо суда его следует представить к награде...»

С тех пор Горбачев не упускал случая, чтобы продемонстрировать командующему качество работ. Бетонные шестиугольники выдержали все испытания. Полоса могла принимать не только двадцатитонные, но и более тяжелые самолеты.

— Как всегда, никаких претензий,— заключил Уборевич.— Стыки ничуть не изменились.— Он понимал состояние инженера.

— Шестиугольник, товарищ командующий. Все углы тупые — сто двадцать градусов.

— Поедем смотреть доты.

Шофер Юняев, остервенело крутанув ручкой, завел остывший на холоду «ЗИС».

Работы по укреплению западных границ шли широким фронтом. Одновременно со строительством укрепрайонов и аэродромов прокладывались новые дороги, но качество их оставляло желать лучшего.

Ехали по рокаде в сторону Полоцка через еловый лес. Вдоль обочин громоздились свежесрубленные деревья и горы грунта. За головной машиной следовала «эмка» командующего ВВС округа Локтионова. Над уку-

танным в кожаный чехол радиатором курился легкий дымок. Из-за колдобин и скольжины шли на малой скорости.

— Путь не близкий,— пожаловался начальник политуправления Аронштам.— Размахали хозяйство.

— А то ты не знаешь почему. Мощь современной авиации такова, что нам не удастся защитить в военном отношении Минск и Смоленск,— Уборевич закончил писать и протянул листок инженеру.— Никаких зениток не хватит. Формирование войск должно проходить глубоко в тылу. Перво-наперво бомбардировке подвергнутся железнодорожные узлы... Это вам, Георгий Тимофеевич,— он кивнул Горбачеву.— Центр тяжести прошу перенести на строительство дзотов. Тут вы определенно запаздываете.

— Бетон — самое узкое место,— начал объяснять Горбачев, посмотрев краткие замечания: объемистых актов обследования командующий не признавал.— Пока замесят, пока подвезут... Арматура ржавеет... И все тяп-ляп, лишь бы скорее отделаться. В войсках такое же положение.

— Что я могу сказать?.. Застарелые наши беды. Каждый призыв из деревни приносит в казармы тридцать пять малограмотных на сотню. Но эти малограмотные, по сути дела, совершенно неграмотные. Еле-еле напишут фамилию и в час прочтут две страницы. Сплошь и рядом попадаются бойцы, которые не знают, кто такой Гитлер, кто такой Сталин, где Запад, где Восток. И мы мучаемся, обучаем грамоте. Да что там красноармейцы! У нас есть инженеры и техники, которые не знают дробей, потому что в средней школе не проходили. Тут уж не до термодинамики. И так всюду. Отчего взрываются шахты, ломаются закупленные на валюту станки, сходят с рельсов поезда?.. Конечно, есть и вредительство, но главные наши враги — все-таки безграмотность и неумение. Между действительно инженером и инженером по должности ой какая дистанция, Георгий Тимофеевич... Воспитывать надо, растить людей. Ничего нового я вам не скажу.

На место прибыли под вечер. Над лесом скучно дотлевали прожилки зари. Рыхлые комья уродливо торчали из-под пелены снега. С разбивкой местности геодезисты управились в срок. Возле котлованов под огневые точки вкось и вкривь торчали вехи.

Уборевич вытащил из планшета карту и пошел прямиком через вздыбленное поле. Поднявшись на промороженный отвал глины, огляделся по сторонам.

— Вон тот овраг попадает в зону обстрела? — он подозвал Горбачева.— Дот углубится метра на полтора. Амбразура окажется примерно тут... Получается мертвое пространство.

— Надо бы проверить.

— Проверьте.

Пришлось ползти по земле.

День рождения Нины Владимировны решили отметить в Гнездово, на даче — большом рубленом доме, единственным украшением которого были незатейливые наличники. Грубо сколоченные лавки и стол вполне соответствовали струганым бревнам, все еще липким после олифы. От большой русской печи шел благодатный жар. Вкусно пахло горячими пирогами.

Почти весь паек Уборевич отдал шоферу. Как и все большие семьи, Юняевы едва сводили концы с концами.

— Сами-то с чем останемся? — попеняла домработница.— Гостей же назвали. Чем угощать-то? Судаком у томате? Ох, мамочки, нету на вас управы. Хоть бы колбаску забрали.

— Ничего, без еды не останемся. Мясо есть, картошки вдоволь, полкадки соленых огурцов.

— Много вы понимаете, Иероним Петрович! А готовить чего? Это ж день рождения! Не абы как... Готовить чего будем? Опять кислые щи да вареная свинина? Вы же командующий!

— Вот и отлично, Мария Федоровна... Ванилью-то как пахнет! Прямо слюнки текут. Кисель клюквенный будет?

— Вот те раз. Снова здорово. Праздник называется. Деликатесы-то где?

— А я их и сызмальства не едал. И так хорошо будет. Вот только водки, боюсь, не хватит. Народ уж больно подобрался крепкий. Не то чтобы лют, но определенно заинтересован.

— Да есть она у нас, есть. Нина Владимировна и винца припасла — «Абрау-Дюрсо».

Первыми с большой коробкой шоколадного набора пришли Локтионовы. Потом оба заместителя — Апанасенко и Жильцов. Комкор Ковтюх преподнес хозяйке

дома флакон «Красной Москвы» и огромный букет изысканных бледно-кремовых хризантем.

— И где вы только достаете! — Нина Владимировна счастливо порозовела.— Настоящий волшебник...

— Царице бала,— Ковтюх склонился к руке. Штабс-капитан русской армии, он в восемнадцатом стал коммунистом. Воевал за Царицын, Ставрополь, Тихорецкую, Краснодар, командовал десантом против войск Улагая. Но грубоватый шик строевого офицера сохранил до седых волос. Он был старше Уборевича всего на пять лет.

Заговорили, конечно, о службе.

— Как там наш Смушкевич? — спросил Апанасенко.— Есть какие-нибудь известия?

— Летает,— многозначительно опустил веки Уборевич.— Наводит страх на фашистов.

— Генерал Дуглас!

— Дорого бы они дали за то, чтоб узнать его имя... Бывает, поймаешь Берлин, да и не только Берлин, а какой-нибудь Танжер, как обязательно услышишь про Дугласа... Звучит!

— С твоим аппаратом немудрено ловить, а у меня только вой и хрипы.

— Да, знатная штука, не могу нарадоваться,— смущенно улыбнулся Иероним Петрович. Подаренная командованием радиостанция доставила ему немало волнующих минут. Он не только был в курсе событий, но как бы и сам в них участвовал. Газеты и сводки для служебного пользования не шли ни в какое сравнение.

— Мои орлы завалили штаб рапортами,— как бы между прочим заметил Локтионов.— Прямо не знаю, что отвечать... Шугануть рука не поднимается — сам грешен...

— То-то и оно,— Уборевич не замедлил разрушить его надежды.— Если все улетим в Испанию, то кто будет защищать западные границы?

От Тухачевского он знал об остром разговоре в Кремле. «Мы не настолько богаты классными летчиками и танкистами, чтобы без ущерба оголять лучшие округа,— предостерег Михаил.— Наша армия в общей массе пока еще не такая, чтобы ее можно было показывать Западу».— «Так что же вы делали все эти годы, если не смогли поднять армию на нужный уровень?» — зло спросил Сталин. «Из трех лет, запланированных на реорганизацию, минимум полтора ушли на второ-

степенные и даже третьестепенные дела не по вине армии, и вам, товарищ Сталин, это известно больше, чем кому другому. Из-за непрерывного численного роста нам остро не хватает командного состава, особенно высшего и старшего. Почти половина старших командиров без среднего образования».

— А что, война будет, Иероним Петрович? — тихо спросила секретарша Смирнова, подняв на командующего опечаленные глаза.

— От нас не зависит. Но о войне будем думать завтра, а сейчас — все за стол! Враг только сильного боится.

Ужин прошел на удивление весело. С длинными тостами, розыгрышами. Когда кто-то предложил выпить за «нашего командарма», Уборевич требовательно застучал вилкой о графин.

— Никаких командармов! Подхалимажу — бой! Я еще не дошел до того, чтоб отнять у жены праздник. Давайте лучше споем.

Ковтюх затянул «Дивлюсь я на небо, тай думку гадаю...». Потом спели «Орленка» и громко, с подъемом — «Если завтра война, если завтра в поход...».

Едва кто-то начинал, тут же подхватывали: репертуар был почти неизменным.

Женщины незаметно убрали со стола, а пение продолжалось. Горбачев повел было «Дальневосточную», но его перебили, и, оглашая прихлынувшую к окнам ночь, полилась другая, любимая:

И останутся, как в сказке,
Как манящие огни,
Штурмовые ночи Спасска,
Волочаевские дни...

— А ведь это про вас, Иероним Петрович,— сказала Смирнова, завороженно вглядываясь в кромешную стынь.— Про вас,— она словно что-то провидела там, далеко-далеко, проникшись тревожной дрожью неведомо откуда летевших радиоволн.

Уборевич безотчетно последовал за ее тоскующим взглядом. В черном стекле светилось отражение абажура.

Все решили, что пора танцевать. Ковтюх сменил иголку, закрутил патефон.

— «На сопках Маньчжурии»! — объявил не без торжественности, ставя пластинку.— Кавалеры приглашают дам.

— Веселиться так веселиться! — Уборевич подхватил жену.

Танцевали под «Черные глаза» и «Ответ на «Черные глаза», под запрещенного Лещенко.

Каким щемяще-хрупким казалось счастье.

42

После свидания с японским послом Гитлер отбыл на несколько дней в Берхтесгаден. Матово посеребренный лес, безмолвие горной долины, величавое спокойствие снежных вершин. Здесь легче дышалось и думалось.

Япония присоединилась к антикоминтерновскому пакту. Ось превращалась в опрокинутый треугольник, нацеленный вершиной на Азию и Пасифик. Знак воды и ада.

Капитан Видеман осторожно положил подколотое к конверту письмо.

— От кого?

— От генерала фон Бека. Доставили из канцелярии... Второе за неделю.

— Придется его принять.

— Я позвоню генералу.

Они обивали пороги группами и поодиночке. Сначала Гальдер и Фрич, потом Бломберг, теперь этот назойливый Бек. «Плохо не то, что мы делаем, а как мы делаем». Много он понимает! Фюрер нуждался в краснолампасных педантах с моноклями, но ощущение постоянной зависимости глубоко уязвляло его ранимое сердце.

Бек — честолюбец и критикан. С Беком ясно. Но Бломберг! Кажется, получил все — возможное и невозможное. Министр, маршал, заместитель председателя имперского совета обороны. Его, фюрера, заместитель. И не успокаивается, продолжает интриговать. Хочет усидеть на двух стульях, остаться угодным и тем и этим.

Но дело он знает, этого у него не отнимешь.

Завершена третья волна формирований. Численность вермахта достигла установленной «Законом о воинской повинности» нормы. Срок службы увеличен до двух лет.

Под давлением фюрера Бломберг снабдил прошлогоднюю директиву решительной добавкой: «...Начать

войну внезапным нападением, необходимыми силами и в момент, когда это потребуется».

Под его руководством имперский совет обеспечил оперативное взаимодействие партийно-государственного аппарата, индустрии и вермахта. Нейрат, Шахт, министр народного хозяйства Шмидт и даже сам доктор Геббельс входят в совет на правах членов. Министр просвещения Руст послушно санкционировал приказ о сокращении учебного года на три месяца. По всей стране гимназисты проходят военную муштру. Владельцы автомашин считают почетным долгом вступить в Национал-социалистический автомобильный корпус. Под руководством офицеров формируются кадры для моторизованных дивизий. Любители верховой езды зачислялись в Корпус кавалерии. Окружные и районные спортфюреры отвечают за физическую подготовку будущих новобранцев. Еще вчера буйные и неукротимые штурмовики послушно маршируют на плацу под окрики армейских фельдфебелей и лейтенантов.

«Никогда и нигде вооруженные силы не были столь тождественны государству, как сейчас». Рейхенау прав. Никогда и нигде.

Только за первый год новой власти генеральский контингент вырос почти в десять раз. Ни на какой войне нельзя получить столь быстрое продвижение. Мюнхенская золотошвейная мастерская едва поспевает с поставкой знамен для новых полков и дивизий.

Начальник военно-экономического штаба генерал Томсен, фактотум Бломберга, контролирует деятельность всех заводов оборонного значения. Совместно с директорами концерна «ИГ Фарбениндустри» его штаб разработал график выпуска продукции в военное время. Необъятная власть не вскружила Бломбергу голову. Он просто растерялся перед обилием врагов и недоброжелателей. Гитлеру докладывали, что уполномоченный по четырехлетнему плану генерал-полковник Геринг глушит ярость добавочными инъекциями морфина. Не ему, второму человеку, а «Резиновому льву», баловню случая, дана привилегия приказывать от имени фюрера. Получить в мирное время маршальский жезл тоже мало кому удавалось. Словом, есть чему позавидовать.

Бломберг понимает, кому он обязан взлетом, и знает, где можно найти защиту.

«Вермахт верен клятве, данной Адольфу Гитле-

ру»,— заявил он от лица армии. И это не пустые слова.

«Вермахт отныне и на все будущие времена сделался носителем германского оружия и наследником его славы!» — ответил на заверения фюрер, специально приурочив свою речь к ноябрьскому параду большевиков на Красной площади.

Конечно, Бломбергу приходится маневрировать. Генералы кайзеровской закалки находят темпы чересчур резвыми. Тот же начальник генерального штаба сухопутных сил Людвиг фон Бек считает, что грядущая война требует более основательной подготовки. В своем кругу он не останавливается перед такими рискованными заявлениями, как «национальная катастрофа», «авантюра», и упрямо бомбардирует предостерегающими записками.

«Нытик и паникер» — характеризует его секретная служба в еженедельных сводках. Вместо того чтобы обуздать наглеца, Бломберг принялся вилять, чуть ли не заискивать. Встал в позу стороннего наблюдателя. Он жестоко ошибается, если думает, что фюрер возьмет на себя роль третейского судьи. А Бека нельзя не выслушать. Пусть выскажется до конца.

— Ваши предложения, генерал, заслуживают пристального внимания. Мне доставило удовольствие лишний раз убедиться, что армия одобряет стратегический курс национал-социализма.

— Совершенно верно,— подтвердил Бек.— Германия нуждается в более обширном жизненном пространстве как в Европе, так и в колониях. Первое можно приобрести только путем войны. Но для этого нам понадобятся более продолжительные сроки. Мы двигаемся стремительными рывками, тогда как необходимо планомерное продвижение по всем позициям военно-хозяйственного строительства. Без независимой от мирового рынка сырьевой базы нельзя позволить себе риск затяжного конфликта. В условиях войны на два фронта он практически неизбежен. Дороги атакующим колоннам должен прокладывать не только господин Тодд, но и господин Нейрат. Пока я не вижу надежной внешнеполитической предпосылки. Здесь, как и в вопросах хозяйства, нужна настойчивая постепенность. Сначала дипломатически изолировать противника, потом молниеносно его сокрушить, затем нормализовать обстановку и сосредоточить силы для следующего удара. Постадийно и методически.

Гитлер понимал, что за наглыми поучениями фрондирующих теоретиков прячутся страх и интриги. Страх доминирует. Призрак войны на два фронта преследует их даже во сне. Отсюда упорные требования союза с Англией, по крайней мере гарантий английского нейтралитета. Он, фюрер и рейхсканцлер, и сам был бы рад швырнуть им такие гарантии. Как укротитель мясо в клетку грызущихся львов. Если бы заполучить этот козырь! Но его не было на руках ни тогда, когда принималось решение о вступлении в Рейнскую зону, нет и теперь, когда нация выходит на пути грома.

«Человечество нуждается не только в войнах вообще, но в величайших ужасающих войнах, следовательно, и во временных возвратах к состоянию варварства». Ницше видел куда дальше, чем кроты, нажившие геморрой в штабах. Они собираются драться в белых перчатках. Но тотальная война не подчиняется математическим выкладкам.

Пределов, которые ставит опыт и разум, Гитлер не понимал. Инстинкт подчинялся не логике, а внушению. Его могла обуздать лишь превосходящая сила. Очутившись после попытки переворота в заточении, впрочем, не слишком обременительном, он раз и навсегда усвоил нехитрую истину: армия — олицетворение силы. В кратчайшие сроки ему удалось соединить вермахт с движением и в мирное время поставить под ружье целое государство. Подобного слияния сил история еще не знала. А портные из Цоссена кроили по прежним меркам. Их амбициозная фанаберия уже лезла из горла, но приходилось терпеть во имя высшей цели.

Фюрер наперед знал все, что могли сказать Бек, Гальдер и прочие.

Их страхи прямиком вытекали из ими же разработанных планов. На тот случай, если Франция и Россия выступят на стороне Чехословакии, генштаб намеревался основную мощь сосредоточить на Западе, оставив на Восточном фронте лишь минимально необходимое прикрытие: у СССР и Чехословакии общей границы нет. Более оптимистичный вариант исходит из расчета, что на первом этапе не только СССР, но и Франция ограничат свои действия флотом и авиацией. При таком развитии событий Чехословакия будет сокрушена массированным ударом по двум основным направлениям. Это автоматически приводит в действие «особую операцию «Отто» — военный аншлюс Австрии. И в том, и в

другом случае Британия с ее могучим флотом как бы выносилась за скобки. Однако именно вмешательство англичан уже на начальном этапе плана «Грюн» (Чехословакия), да еще совместно с Польшей и Литвой, могло поставить рейх перед угрозой уничтожения. С этим нельзя не считаться.

Фюрер и не пытался оспорить очевидные истины. О содружестве с Англией в переделе мира он писал еще в крепости Ландсберг. Отличие его, провидческого, склада ума от генеральского, приземленного, в том и заключалось, что он умел видеть явление в динамике. То, что представляется неизменным сегодня, завтра может измениться до неузнаваемости. За годы, необходимые для подготовки к войне, в мире произойдут перемены, которые и не снились недалеким потомкам Мольтке и Клаузевица.

— Наши планы имеют прежде всего мобилизующее значение,— фюрер попытался умиротворить строптивого генерала.— Важно установить контрольные сроки и выполнить все то, что должно быть выполнено. А окончательное решение я приму сообразно с обстоятельствами. Неизменно одно — Германия всегда будет рассматриваться как основной центр западного мира при отражении большевистского натиска. Это наша судьба, от которой никуда не уйти.

В личном разговоре с вождем Бек не осмелился противоречить.

— Я принимаю твое предложение,— сказал Гейдрих Беренсу.— Но с маленькой поправкой. Вместо «Абвер-заграница» мы возьмем «Абвер I «Восток». Так будет правильнее по форме.

— Пожалуй... А кого из наших вояк ты наметил? Это можно сделать, не дожидаясь архивов. В принципе мы знаем всех, кто контактировал тогда с русскими. Манштейн, например, возглавлял оперативную группу. Он дважды посещал Москву, присутствовал на маневрах... Между прочим, высокого мнения о Красной Армии.

— Что ж, Манштейн так Манштейн. За остальными тоже дело не станет. Ведь это всего лишь спектакль. Тем не менее постараемся организовать режиссуру серьезно... Кстати, кажется, наши приятели основательно перегрызлись. Бек на ножах с Бломбергом. Повсюду

трубит, что министерство присвоило себе функции генерального штаба. Он считает, что главнокомандующим по старой традиции обязательно должен быть начальник сухопутных сил.

— То есть Фрич? Интересно...

— Поэтому Фрич везде, где только может, поддерживает Бека. Вместе с Редером и Кессельрингом. Они поперли против самого Геринга. В оценке испанского опыта — тоже полный разброд. Гудериан, Неринг и Мецш все надежды возлагают на прорыв танковых корпусов, объединенных в один ударный кулак. Бек, Гальдер и Эрфут, напротив, полагают, что прорыв глубоко эшелонированной обороны будет столь же медленным и затяжным, как и в прошлой войне. Я тут не слишком подкован, но, по-моему, полнейший разнобой.

— У русских примерно такая же ситуация. Стенка на стенку. И это, как у них говорят, льет воду на нашу мельницу.

— Тем лучше... Остается выбрать момент для операции «Спецотдел». Я думаю провернуть ее с помощью парней из крипо. Небе посодействует.

— Как это понимать: «выбрать момент»?.. Охраняется одинаково и в будни, и в праздники.

— Охрана меня волнует меньше всего,— Гейдрих задумчиво пососал зубочистку.— Я выжидаю, когда эти беки и бломберги выкинут очередной фортель. Думаю, что долго скучать нам не придется. Они у фюрера в печонках сидят.

— А Кейтель оказался неплохим малым!

— Вот он ведет себя правильно. Бломберг еще вспомнит своего Рейхенау.

— Главное, своими руками отправил его на повышение!.. Нет, близкого человека лучше держать при себе.

— Поэтому я тебя и не отпускаю. Будешь расти здесь.

— Я никуда не рвусь, Рейнгард.

— И хорошо делаешь.

— Хочешь развеселю?.. Оказывается, у меня в России отыскался в некотором роде однофамилец.

— Мало ли там немцев...

— Это — грузин или что-то похожее.

— Грузин? И тоже Беренс?

— Некто Лаврентий Берия. Партийный лидер Закавказья, бывший начальник местного НКВД. Наша аген-

тура в Баку сообщает удивительные вещи. Эти люди умеют работать. Никаких сантиментов.

— Берия и Беренс,— Гейдрих прислушался к звучанию.— Действительно, похоже.

— У него кличка такая — Беренс. Образовано из двух имен: Берия и Реденс. Реденс — бывший шеф Закавказского НКВД и, между прочим, родственник Сталина. Сейчас работает в Москве.

— Так чем же он замечателен, этот твой Берия?

— Идет по трупам. Перерезал всех мало-мальски сильных соперников. Если и в центре те же порядки, то мы на верном пути. Осечка исключается.

С помощью приятелей из крипо Науйокс напал на след некоего Франца Путцига, художника-гравера, у которого в районе Берлин-Панков была превосходно оснащенная мастерская. Путциг увлекался графологией и хиромантией. Его готические экслибрисы с чертями, привидениями и скелетами пользовались большим спросом среди библиофилов известного круга. Проверили по картотеке — порочащих связей не оказалось. Местный блоклейтер охарактеризовал мастера, как человека законопослушного и набожного. Заручившись рекомендацией одного из ветеранов «Общества Туле», Науйокс, понятно в штатском, отправился на рекогносцировку.

Он застал Путцига за работой, когда тот прокатывал на станке листы «Плясок смерти» Гольбейна.

— Подделка? — приятно удивился хауптштурмфюрер.

— Что вы, господин! Как можно?.. Печатаю с оригинальных досок по заказу музея. На каждом оттиске будет выдавлен специальный штамп.

— Выгодная работа?

— Вообще-то да, хотя и не разжиреешь. Тут главное доверие, почет. Доски, которые резал великий мастер, дадут не каждому!.. И вообще в таком деле возможны всякие злоупотребления.

— Например?

— Как изволите видеть, я печатаю на бумаге современного производства. Будь на моем месте какой-нибудь мошенник, а таких в Берлине немало, он мог бы раздобыть десяток-другой старинных листков, накатать и пустить в продажу как подлинники. Риск, скажете

вы. Да, риск. Но не всякий ведь остановится перед риском. Соблазн велик. Одно дело выручить десять марок и совсем другое — тысячу.

— Значит, вы получаете десять марок?

— Десять получит музей. Мне платят по три марки за экземпляр. Но я не жалуюсь... Так какой у вас будет заказ, господин?..

— Мюллер, инспектор государственной тайной полиции Мюллер.

— Мюллер-гестапо? — Путциг от неожиданности выронил валик.— Я хотел сказать: сам господин Мюллер — начальник гестапо? — смущенно поправился он.

— Ну что вы,— покровительственно улыбнулся Науйокс.— Я всего лишь однофамилец генерала, скромный служащий... Однако дело, которое меня привело к вам, в высшей степени секретное и ответственное. Речь действительно идет о заказе, который, уверяю вас, будет щедро оплачен. Вы сами назовете цену. Однако заказ этот не совсем обычен, и, прежде чем ввести вас в курс дела, нам придется соблюсти небольшую формальность,— Науйокс достал из портфеля отпечатанный на машинке договор. Самый обычный договор между заказчиком и исполнителем, но с особым условием: от заказчика требовалась подписка о неразглашении.— Впишите свою фамилию, укажите сумму и подпишитесь внизу.

— Я...— Путцига раздирало сомнение. Отказывать господам из всемогущей тайной полиции страшновато. Язык не поворачивался. Но и очертя голову кидаться к ним в пасть — ничуть не лучше. Сосет.— Я обязан сделать это?

— Как вам сказать, господин Путциг? — Науйокс оценивающе оглядел его с головы до ног.— Долг каждого честного немца повиноваться приказу фюрера. Государственная полиция выполняет его волю, является, так сказать, проводником политики партии. Надеюсь, вы понимаете, что я обратился к вам не как частное лицо? Но мы никого не собираемся насиловать. Договор, который я бы все-таки рекомендовал вам скрепить своей подписью, предполагает добровольное сотрудничество. Поэтому мне хотелось бы услышать от вас недвусмысленный ответ. Германия нуждается в вас, господин художник.

— Я... я согласен,— дрогнувшей рукой Путциг по-

правил очки. Ничего не поделаешь: его взяли за глотку. Ближние и потому вполне конкретные опасения пересилили дальние, быть может, мнимые, воображаемые. С отвращением взглянув на выпачканную ладонь, он отер ее о фартук, осторожно взял услужливо предложенное перо, аккуратно заполнил указанные места и вывел затейливый росчерк. Лишь строку со словом «рейхсмарок» оставил пустой.— О вознаграждении мы сможем договориться после, когда я... узнаю, в чем должна заключаться моя работа.

— Что ж,— забрав бумагу, охотно согласился Науйокс.— Это и логично, и справедливо. Вы разрешите? — не дожидаясь ответа, он присел на кушетку, нога на ногу, и указал место напротив.— Прошу.

— Позвольте мне вымыть руки? — гравер брезгливо понюхал черные от краски пальцы и направился к умывальнику. В ход пошли растворитель, пемза, какие-то щеточки, наконец дошла очередь и до мыла. Его он использовал весьма экономно.

Это понравилось Науйоксу. В СС тоже шла объявленная рейхсфюрером борьба с расточительством: размеры бланков для переписки сократили ровно наполовину.

— Прошу прощения,— Путциг плюхнулся в кресло.— Я внимательно слушаю вас, господин инспектор.

Не называя имен, Науйокс принялся излагать по пунктам.

— Вы готовы выполнить такую работу, господин Путциг? — спросил он под конец.

— Работа непростая,— мастер намеренно затягивал ответ.— Надо обдумать... Пожалуй, я бы смог справиться с вашим заказом, но при одном непременном условии.

— Назовите.

— Я бы хотел попросить вас выдать мне официальное подтверждение, что все сделано по вашему заданию и без всякого вознаграждения.

— Вот как? — Науйокс принялся озадаченно вертеть носком сапога. Мистик оказался хорошенькой штучкой.— Вы хотите получить письменный документ? Я не ошибаюсь?

— Да, письменный, по всем правилам.

— И что же, по-вашему, следует указать? Подробный перечень операций? Гестапо, грубо говоря, поручает господину Путцигу изготовить поддельные бумаги од-

ного иностранного государства?.. Так вы это себе представляете? — Науйокс решил действовать убеждением. Техническая группа, которую он воглавлял, готовилась развернуть производство английских фунтов. Гравер такого класса — находка.

— Боже упаси,— подумав, ответил Путциг.— Такое мне и в голову не приходило. Напишите просто: гравер такой-то выполнил особое задание полиции в рамках своей специальности.

— Осóбое! — хмыкнул Науйокс.

— Можно просто задание. Только обязательно надо упомянуть, что я бескорыстно, по доброй воле послужил партии своим скромным талантом.

— Короче говоря, вы хотите что-то вроде охранной грамоты?

Путциг скромно потупился:

— Надеюсь, я ничем не обидел господина инспектора?

— Нет, нисколько,— покачал головой Науйокс. Теперь уже ему понадобилось поразмыслить.— Вы имели дело с факсимиле? — после некоторой заминки спросил он, желая удостовериться окончательно.

— Неоднократно.

— Например?

— Да мало ли?.. Пригласительные билеты, афиши выставок, экслибрисы — клиенты порой выражают подобное желание. Мне приходилось гравировать подписи и великих людей! Гёте, Шиллера, Фридриха Ницше, даже кайзера Фридриха... Не желаете взглянуть? У меня имеются образцы.

— Покажите.

Путциг пододвинул стремянку и полез куда-то на самый верх, где стояли плотно притиснутые один к другому альбомы.

— Вот, извольте,— обдув пыль, он вручил Науйоксу увесистый том.— Тут собраны экслибрисы, исполненные для особо именитых людей за последние двадцать лет.

Путциг не преувеличивал. В его клиентуру входили писатели Карл Мэй и Ганс Эверт, дирижер Фурхвенглер, профессор Герди Троост — любимица фюрера, изваявшая сотни голых фигур с истинно нордическими пропорциями, даже сам астролог Ханнусен! Парня, который пустил пулю в затылок «величайшего предсказателя двадцатого века», Науйокс знал лично. Попада-

лись и деятели неарийского происхождения, вроде художника Либермана. Хауптштурмфюрера в первую очередь интересовали факсимиле. В альбоме их набралось с добрую дюжину. Одни библиофилы стремились увековечить лично себя, другие щекотали самолюбие славой титанов. Науйокс нашел подписи Наполеона, Бисмарка, Рихарда Вагнера. Исполнено было безупречно.

— Я думаю, мы сумеем найти приемлемое решение, господин Путциг,— Науйокс захлопнул альбом и тут же чихнул от пыли.— Завтра я сообщу вам наше решение, а это,— он погладил портфель,— останется у меня.

Секретные переговоры между Чехословакией и рейхом открылись в Галензее, в старинном особняке на берегу озера Крумме Ланке. Германский МИД представлял граф Траутмансдорф, чехословацкий — посланник и полномочный министр Зденек Мастный.

Начало выглядело довольно обнадеживающе.

— Не стоит прислушиваться к пропагандистской риторике,— конфиденциально заверил Траутмансдорф.— Политика Германии не направлена против вашей страны. Немецкий народ переживает величайший подъем. Неудивительно, что пангерманская идея получила такое гипертрофированное звучание. Она порой довлеет над разумом, и с этим нельзя не считаться. Но постепенно ажиотаж уляжется, пойдет на спад. Мы, трезвые политики, должны спокойнее относиться к эксцессам. Не ими определяется путь народов.

— Я разделяю вашу точку зрения, граф, но согласитесь, есть разница между заявлениями безответственных лиц и официальной позицией. С территориальными претензиями в наш адрес выступают руководители Германии, сам канцлер.— Мастный дал понять, что ждет более определенного заявления.

— Все-таки, мне кажется, мы бы могли разрешить наши споры нормальным дипломатическим путем,— Траутмансдорф ограничился общей декларацией.— Я всегда выступаю за компромисс.

— К сожалению, и у компромисса есть границы. Ультимативные требования в территориальном вопросе, согласитесь, сужают возможности дипломатов. Но я

могу только приветствовать вашу инициативу. Мы готовы вести переговоры по любому вопросу и в любом месте, на любом уровне.

— Мне кажется, мы их уже начали, ваше превосходительство?

— И я счастлив, что встретил с вашей стороны искреннее желание добрососедства и мира.

— Признаюсь со всей откровенностью, господин Мастный,— Траутмансдорф помедлил, будто собираясь перед прыжком, и, отчетливо выделяя каждое слово, сказал: — Многое, если не все, будет зависеть от ответа на один-единственный вопрос: как поведет себя Чехословакия в случае вооруженного столкновения между Германией и Францией? Советско-чехословацкие обязательства волнуют нас значительно меньше. Мы не имеем ни общей границы с Советами, ни территориальных споров.

— Наши отношения с Парижем целиком и полностью определены двусторонним договором,— посланник мог дать только такое разъяснение. Нацисты определенно прощупывали почву. Едва ли Гитлер собирался в скором времени развязать войну на Западном фронте. Просматривалась иная цель: подорвать союзные договоры Чехословакии, оставив ее в полном одиночестве. Президент Бенеш и министр Крофта ожидали, что перед прыжком вермахта обострятся бои на дипломатическом фронте. Помощь русских увязана с выступлением Франции. Немцам достаточно парализовать этот узел, и оба договора утратят действенность.

Зловещий признак.

— Несмотря на немалые трудности, мне все же представляется, что шансы нормализовать обстановку далеко не исчерпаны,— Траутмансдорф всем видом давал понять, что ему есть что предложить чехам.— Возможно, нам удастся выработать обоюдовыгодные условия для соглашения. Если понадобится, я готов посетить Прагу.

— Ваша позиция, граф, подкрепляет присущий мне оптимизм. Смею заверить, что мое правительство окажет вам или любому другому германскому представителю теплый прием.

43

Получив приглашение министра иностранных дел, Уильям Додд решил взять с собой советника Майера. Пусть видит и слышит, как посол Соединенных Штатов пособничает большевикам. От инсинуаций и низкопробных интриг все равно не уберечься.

Войдя в приемную, он обратил внимание на портрет Гитлера в тяжелой раме черного дерева, водруженный в центре большого ампирного стола, за которым обычно собирались иностранные дипломаты. Примечательная новинка. Особенно на фоне картин в золоченых рамах эпохи Бисмарка. Ровно в час пополудни Дикгоф пригласил в кабинет к министру.

— Я рад, что вы нашли время принять меня,— улыбнулся Додд. Он не забыл, как в конце сентября его чуть ли не час продержали перед закрытой дверью.

Нейрат сделал вид, что не понял намека, и без лишних слов вручил копию договора между Германией и Японией.

Додд пробежал глазами преамбулу и первую статью:

— Надеюсь, что это будет способствовать предотвращению войны?

— В этом суть пакта, хотя он и направлен против русского Коминтерна.

— Вот как? Вы, кажется, собирались положить конец пропаганде?

— Здесь нет ни грана пропагандистской риторики, господин посол,— глядя куда-то в сторону, отчеканил министр.

Додд живо припомнил последний разговор в этих стенах.

«Мы не можем иметь дела с русскими коммунистами»,— напыщенно изрек тогда Дикгоф.— «Трудно не согласиться с тем, что русские совершают глупость, распространяя по всему свету свою пропаганду, но ведь ваше правительство делает то же самое. Так на что же вы жалуетесь?» — «Наша пропаганда касается только немцев, живущих за границей. Мы имеем полное право рассматривать их как часть нашего народа».— «В Канаде проживает несколько миллионов американцев. Почему бы и нам не потребовать аннексии?..»

Ни тогда, ни тем более сейчас не имело смысла пререкаться. И Нейрат, и Шахт, и Дикгоф — все они в один голос твердят, что пора покончить с пропагандой. С

большевистской, с еврейской, с масонской — словом, со всякой, кроме, конечно, своей собственной.

Договор с Японией Додд предвидел еще два года назад. Он не сомневался в том, что Гитлер намеревается зажать Россию в клещи. Получив Австрию, Судеты, и Данциг, наци не замедлят выдвинуть притязания на прибалтийские государства. Это курс. Дипломатическими уговорами тут ничего не изменить. После многолетнего поношения всех рас, кроме арийской, они признали японцев равноправным партнером. «Желтой опасности» больше не существует,— мысленно усмехнулся посол.— Что бы сказал старый кайзер Вильгельм, доживающий век в Дорне? Впрочем, он ведь и сам не гнушался союзом с азиатами. С турками, например. Слова, слова, слова. Прав Шекспир. Мир определенно смахивает на балаган. Жаль лишь, что гала-представление закончится повальным избиением публики».

— Благодарю вас, господин министр, за своевременное оповещение о столь важном международном событии,— Додд предпочел за благо откланяться. Визит продолжался около пяти минут.

В приемной уже сидели, дожидаясь своей очереди, другие послы.

— Антикоминтерновский пакт? — тихо спросил Эрик Фиппс.

Додд утвердительно опустил веки.

— Сегодня они оповестят об этом весь мир,— понимающе кивнул англичанин.— Наших газетчиков уже вызвали в министерство пропаганды.

Устроившись на заднем сиденье, как положено по протоколу, справа от посла, советник Майер впервые нарушил молчание:

— Истинная направленность договора легко просматривается, сэр. Гитлер желает положить предел коммунистической деятельности за пределами СССР.

— По крайней мере, таково первое впечатление. Но, несомненно, есть и более глубинный аспект. В своих секретных статьях соглашение почти наверняка касается чисто военных вопросов.

— Вы имеете в виду действия, направленные против России? — оживился Майер.— Если на Дальнем Востоке начнется война, Гитлер способен оказать Японии серьезную помощь.

— Против любой страны, которая не признает притязания агрессора на чужие территории. Мне кажется,

что помимо всего они пытаются лишний раз припугнуть западные державы.— Посол глянул в окно.

На Унтер-ден-Линден уже вывешивали флаги: белый с красным солнцем, красный со свастикой в белом круге и зелено-бело-красный с крестом на подкоронном щите Итальянского королевства. Отель «Адлон» украсился гирляндой дубовых листьев.

В министерстве пропаганды, куда для «важного сообщения» были вызваны журналисты, ждали появления Риббентропа. Все уже знали, что именно он подписал договор с германской стороны.

— Почему не фон Нейрат? — спросил Уолтер Ширер коллегу из лондонской «Таймс».— Ведь Риббентроп всего лишь посол.

— Всего лишь! А «бюро Риббентропа»? Фюрер всячески продвигает виноторговца. У нас, надо признать, он зарекомендовал себя не с самой лучшей стороны. Явившись в Букингемский дворец, начал с того, что отдал нацистский салют... Можете себе такое представить?.. На королевской аудиенции!.. Фигляр. Фрак сидит на нем, как на корове седло. А вот и он сам.

Риббентроп вышел из боковой двери и развинченной походкой направился к столу, сплошь заставленному микрофонами.

Первые пятнадцать минут он посвятил восхвалению пакта, всячески подчеркивая его значение для «судеб мира». Затем перешел непосредственно к содержанию. Стороны взаимно обязывались информировать друг друга о деятельности Коминтерна, вести с ним борьбу совместными усилиями и принимать все необходимые меры «против тех, кто внутри или вне страны, прямо или косвенно действует в пользу Коммунистического Интернационала».

— Кроме всего прочего, господа,— под занавес Риббентроп внушительно погрозил пальцем,— этот шаг означает объединение Германии и Японии в целях защиты западной цивилизации.

Решив, что ослышался, Ширер недоуменно перемигнулся с соседом. Нет, кажется, все правильно: «западной».

— Неслыханная идея,— склонившись, шепнул он.— Особенно для японцев.

— О да! — с веселым изумлением откликнулся лондонец.— «Азия — для азиатов!»

Сидевший рядом корреспондент «Правды» Климов недовольно поморщился, не отрывая глаз от исписанного стенографическими знаками блокнота.

— Простите, ваше превосходительство,— журналист из «Таймса» первым задал вопрос.— Вы, кажется, сказали: «западной»? Я верно понял.

— Совершенно верно,— Риббентроп слово в слово повторил свое беспрецедентное заявление. До него так и не дошло, чем вызвано оживление зала.

— Чувства юмора ни на полпенни,— сказал потом Ширер.— Вот увидите, они очень скоро отыщут в японцах нордическую кровь.

— Бьюсь об заклад, что к пакту приложена секретная часть о совместных действиях против России,— Тед Тарнер определенно набивался на пари.

Операция началась ровно в два часа ночи. Первая группа перекрыла подступы к Бендлерштрассе со стороны моста через Ландверканал, вторая блокировала Тиргартенштрассе. Как только в кварталах между улицами Регентен и Хильдебранд отключили электричество, связисты перерубили свинцовую кишку телефонного кабеля. Переодетые в форму полевой жандармерии гестаповцы из криминальной полиции с двух сторон двинулись к военному министерству.

Его окна были темны, но скоро включилось автономное освещение. Возле подъездов и кое-где на втором этаже затеплились оранжевые квадраты.

Кто-то в первой шеренге заколебался, сбил шаг, но его подтолкнули дулом «шмайсера». Помимо гестаповцев в группу входило несколько уголовников, загодя извлеченных из гамбургских тюрем. Им посулили досрочное освобождение и по сотне марок на рыло. Перед самой акцией всем дали глотнуть шнапса.

Оберштурмбанфюрер Хауссер взглянул на светящийся циферблат и, поставив сапог на подножку, наклонился в приоткрытую дверцу «мерседеса». Шофер передал ему тяжелую трубку полевой рации.

— Приступайте,— скомандовал он внезапно охрипшим голосом.

Машина и стоящий рядом фургон притаились в ледяном мраке Гроссер Штерн-аллее. Когда на набережной

Королевы Августы разом погасли редкие фонари, стало совсем темно. Только отсветы Уфер Шенебергера подрагивали в зеркальной глубине фар, просачиваясь сквозь облитые глазурью ветви.

Хауссер плотнее запахнул кожаное пальто с меховым воротником, обостренно прислушиваясь к глухому дыханию ночного города. С канала поддувал пронизывающий сырой ветер. Вскоре почти одновременно громыхнули, однако не слишком сильно, два взрыва. Небо над Бендлерштрассе осветилось бледно-зеленой вспышкой. Потом, словно бы нехотя, с дрожью, стало разгораться ржавое зарево.

— Перехожу ко второму этапу,— доложил Хауссер оберфюреру Беренсу, бодрствовавшему возле радиоаппарата на Принц Альбрехтштрассе.— Прием!

— Действуйте! — торопливо откликнулся Беренс.

— Номер два,— распорядился оберштурмбанфюрер.— Впе-е-ред!

Радист на углу Бендлерштрассе, сгорбившийся под тяжестью рюкзака, из которого торчал гибкий хлыстик антенны, просигналил фонариком. Атакующая группа, разделившись на четыре кучки, рванулась к подъездам.

— У вас горит! Где телефон? — рвали, стуча кулаками, ручки дверей.— Немедленно вызовите пожарных!

Оглушенную охрану связали по рукам и ногам и выволокли на улицу. Четверо офицеров крипо вместе со знаменитым Габи — медвежатником международного класса — метнулись к лестнице. Шаря лучами по стенам и поминутно справляясь с планом, нашли коридор «4В», завернули за угол и бросились к стальной двери, ведущей в помещение архива.

Габи деловито загремел своими отмычками.

— Быстрей! — постукивая каблуком, понукал его низкорослый толстяк с парабеллумом в нетерпеливо дрожащей руке.

— В таких делах торопиться не принято, господин комиссар,— Габи продолжал обстоятельно перебирать связку с крючками.— Лучше посветите как следует.

— Громы небесные! — коротышка сменил револьвер на фонарь.— Чего ты копаешься?

Медвежатник не удостоил его ответом. Замок наконец щелкнул, заскрежетал, и бронированная плита на диво легко уползла в стену.

Скользнув лучами по шифрам, быстро определили нужный сейф. Габи достал новую связку и, вооружив-

шись стетоскопом, принялся ковыряться в замочной скважине. Прослушивая ему одному понятные вздохи металла, бережно поворачивал цифровое колесико.

С сейфом он провозился на несколько минут дольше.

— Все, господин комиссар? — спросил, отворяя дверцу.

— Теперь этот и вон тот,— наугад ткнул низкорослый, выгребая папки с документами.

Пока он сверял индексы, Габи вскрыл еще один шкаф и переместился к следующему, угловому.

Офицеры отобрали необходимое, уложили в дюралевый контейнер, а остальное пошвыряли обратно. К несказанному удивлению Габи, они даже не прикоснулись ни ко второму, ни к третьему сейфу, хоть он и взял их один быстрее другого. «Для отвода глаз»,— решил сметливый медвежатник.

Перед тем как уйти, кто-то плеснул в набитое бумагой нутро из канистры с бензином и, обойдя хранилище, трижды чиркнул спичкой.

— Теперь все вниз, мигом!

Вдохнув полной грудью бодрящий холодок свободы, Габи устремил мечтательный взор к звездному небу, затем вопросительно уставился на коротышку, которого знал как сыщика уголовной полиции. Он дважды брал Габи — в двадцать девятом и тридцать втором, так что отношения установились самые доверительные.

— Туда,— коротышка взмахнул револьвером в сторону Тиргартена.— Живо! — одного за другим он выталкивал ряженых уголовников, довольно посверкивая золотом зубных коронок.— Скорее в машину, ребята!

Все побежали, вернее полетели, словно на крыльях, легко отрываясь от суровой земли. Услышав, как за спиной прострочила короткая автоматная очередь и что-то просвистело возле самой щеки, Габи споткнулся на бегу, но уже не успел обернуться и кубарем покатился по мелкобрусчатой мостовой. Упав лицом на обледенелую решетку стока, он поджал колени к животу, со стоном дернулся и затих.

Раненых методично добили из револьвера.

На углу дожидался с работающим мотором крытый брезентом «бьюссинг».

— У нас все,— доложил Хауссер, принимая контейнер.

— Чудесно! — обрадовался Беренс и, не сходя с места, позвонил Гейдриху.

— Счет два — один,— группенфюрер сразу же снял трубку.— Спасибо за отличную работу.

«В дополнение к нашему сообщению о пожаре в Германском военном министерстве направляю подробный материал о происшедшем пожаре и копию рапорта начальника комиссии по диверсиям при гестапо...

Генеральный комиссар государственной безопасности

Ежов»

44

Перед началом заседания Ворошилов отозвал в сторонку Якира.

— Ну что, подлечился в своих Карловых Варах? Как самочувствие?

— Спасибо, Климент Ефремович. Все хорошо.

— Все, да не все,— протянул нарком, глядя снизу вверх на рослого командарма.— Зачем ты снова полез? Я же тебя предупреждал! С Гарькавым все ясно: дал показания. Тебе что, неймется?

— Я, Климент Ефремович, о семье хочу позаботиться, о детях.

— Ох, Иона, Иона... Только себе навредишь. Как ты думаешь, почему тебе маршала не дали? Помнишь историю с семенным хлебом?.. То-то и оно. У меня ведь из-за тебя тоже неприятности были. Я тогда не хотел говорить, а теперь знай. В последний раз предупреждаю, поимей это в виду, или я тебе больше не защитник. Образумься, Иона Эммануилович.

Ворошилов возглавил Наркомат по военным и морским делам 6 ноября двадцать пятого года, сразу после загадочной смерти Фрунзе на операционном столе. Член РВС Первой Конной, командующий войсками Северо-Кавказского военного округа, затем Московского, он не чувствовал себя достаточно подготовленным к столь ответственной и тяжелой работе и честно сказал об этом Сталину. Но вождь настоял на своем. Ворошилова он знал еще с девятьсот шестого. Первая Конная, Царицын — все это сыграло в нужный момент, когда понадобилось посадить на ключевую должность своего человека. Непритязательная внешность, умеренный рост, заурядные способности и безусловная личная храбрость

лишь подкрепили правильность выбора. Новый нарком начал с того, что поспешил отдать пальму первенства в строительстве вооруженных сил могучему покровителю: «Несокрушимая воля Сталина передавалась всем его ближайшим соратникам, и, невзирая на почти безвыходное положение, никто не сомневался в победе».

Так и держался на романтической восторженности все дальнейшие годы, оставив себе символические атрибуты прошлых, зачастую выдуманных поэтами, и, главным образом, грядущих побед.

Ведь с нами Ворошилов,
Первый красный офицер.
Сумеем кровь пролить за СССР...

Он слыл непревзойденным рубакой и мастером джигитовки, метко стрелял из всех видов оружия: в журналах крупным планом печатались пораженные его пулями и заверенные личной подписью мишени. Пионеров учили ходить на лыжах, как Ворошилов, бегать на коньках, играть в горелки и быть выносливыми в пеших походах, как он. Единственный среди вождей, он умел управлять автомобилем и любил продемонстрировать свое искусство в воинских частях.

Для возглавляемого Эйдеманом Осоавиахима такой нарком являлся настоящей находкой. Живым экспонатом массовой агитации.

Однако руководство всеми вооруженными силами требовало помимо этих, бесспорно достойных, качеств, еще и знаний, а их-то у Ворошилова не было. Он и в самом деле желал Якиру добра, отдавая должное его военному таланту, энергии, организаторским способностям. Именно такого человека хотелось бы видеть рядом с собой. Не Тухачевского, от которого исходила постоянная, хотя и не совсем определенная, угроза.

Военный совет при народном комиссаре обороны, заменивший РВС СССР, был образован в соответствии с решением Политбюро от 19 ноября 1934 года. Первоначально в него входили восемьдесят наиболее заслуженных и авторитетных военачальников всех родов войск, включая политработников. 16 января 1935 года их число увеличилось до восьмидесяти пяти, а 26 сентября 1936 года из состава Совета были исключены как враги народа комкоры Примаков и Туровский.

Сидя во главе длинного стола, Климент Ефремович вскользь упомянул об этом прискорбном факте и приз-

вал к удесятеренной бдительности. Затем, без всякого перехода, повел разговор об успехах и достижениях, поминутно заглядывая в машинописный текст. Готовясь выступить на Пленуме ЦК, он, как видно, решил обкатать свою речь на Совете. Бесцветные, стилистически однообразные пассажи скользили мимо ушей.

Тухачевский рассеянно вырисовывал на лежащей перед ним стопке листов скрипичные ключи и нотные линейки. Глянув исподлобья на сидевшего напротив Егорова, отметил, что начальник генштаба слушает с застывшим, ничего не выражающим лицом. Флагман флота Орлов тоже, кажется, был увлечен исключительно рисованием. Заполнив очередной листок, Михаил Николаевич окончательно отключил слух и принялся набрасывать чертеж динамореактивной пушки в аксонометрической проекции.

Дела на ракетном фронте обстояли не блестяще, как, впрочем, и в других областях новейшей техники. Всюду ставились палки в колеса. Особенно напряженная ситуация создалась с внедрением в практику электромагнитного луча. Несмотря на поразительные результаты, дальше опытных разведывательных станций ПВО, о чем он писал еще Кирову, так и не пошло. Отраженные радиоволны четко фиксировали самолет на большой высоте и в условиях самой плохой видимости. Дальность обнаружения тоже удалось довести почти до двухсот километров. В пересчете на время это давало двадцать минут форы. Но вместо того чтобы всячески поддержать изобретателя Ощепкова, его зачем-то стали тягать в НКВД. В конструкторском бюро и на оборонных заводах сгущалась нездоровая атмосфера всеобщей подозрительности. Клеветники и доносчики чувствовали себя, как рыба в воде. Травили Бекаури и Курчевского, охаяли новый парашют Гроховского. Ракетчиков тоже трясли. Клейменов, Глушко и Лангемак прямо ничего не говорят, и это понятно, но по всему видно, как им нелегко. А вот Королев, горячий энтузиаст межпланетных полетов, однажды не выдержал, выругался: «Так, мол, и так, всюду врагов выискивают, а, может, сами-то и есть первейшие враги».

Такая вот невеселая музыка...

Покончив с общими декламациями, нарком пошел сыпать цифрами. Тухачевский невольно прислушался.

— Если в двадцать девятом году на одного красноармейца приходилось в среднем по всей РККА около

трех механических лошадиных сил, то сейчас это число приближается к десяти. Это значительно выше, чем во французской и американской армиях, и выше даже, чем в английской армии, наиболее механизированной. Новая многочисленная техника вызвала резкое повышение удельного веса технических кадров РККА. Если в конце двадцатых годов эти технические кадры были у нас количественно незначительны, то на сегодня добрых шестьдесят процентов всего личного состава армии приставлены к технике, являются большими и малыми техническими специалистами. Если наших пулеметчиков стрелковых, кавалерийских и прочих частей также причислить к техническим кадрам, тогда техников будет уже около семидесяти процентов...

Цифирь была дутая и не лезла ни в какие ворота. «Если зачислить в технические специалисты пулеметчиков,— Тухачевский мысленно воспроизвел речевой строй Ворошилова,— то чем хуже простые пехотинцы? Трехлинейная винтовка тоже как-никак механизм. И повара на походных кухнях сродни машинистам... Словом, стопроцентная механизация. Можно закрыть вопрос и почить на лаврах».

Закончил Климент Ефремович в привычном ударно-наступательном духе:

— Я уже говорил и готов повторять это вновь и вновь, что мы должны победить врага, если он осмелится напасть на нас, малой кровью, с затратой минимальных средств и возможно меньшего количества жизней наших славных бойцов. Мы не только не пустим врага в пределы нашей родины, но будем его бить на той территории, откуда он пришел.

После такого вступления Совет протекал довольно вяло. Говорили все больше о политике: антикоминтерновский пакт, положение в Испании. Кто-то, кажется Тимошенко, подал реплику, что танки будто бы неважно зарекомендовали себя в уличных боях — горят, как спички.

— А товарищ Тухачевский на них делает основную ставку,— подхватил Ворошилов.— У нас уже четыре механизированных корпуса, а он требует еще и еще. Не пора ли, как говорится, проверить теорию практикой, Михаил Николаевич?

— Смотря что считать теорией, а что практикой? Для дальнейшего развития теории глубокой операции испанская кампания — неудачный пример.— Туха-

чевский уклонился от прямого спора.— Товарищ Ворошилов совершенно правильно отметил неуклонный рост могущества РККА. Наши достижения бесспорны. Ныне стрелковая дивизия при штатной численности в двенадцать тысяч восемьсот человек располагает пятьюдесятью семью танками, сотней орудий, должным количеством станковых, ручных и зенитных пулеметов.— Он тактично подсказал реальные цифры.— Однако глубокая операция являет собой принципиально иной вид боя. Это предполагает совершенно новую организацию таких формирований, как танковый корпус. Нам необходимо иметь десять, а то и более корпусов. Точно так же, как и отдельных воздушно-десантных дивизий.

Окончательно скомкав повестку дня, председатель предложил обменяться мнениями.

— Позвольте тогда коротко добавить, товарищ нарком,— слегка наклонившись, попросил Тухачевский.— По существу.

— Прошу внимания, товарищи! — Ворошилов постучал тупым кончиком карандаша.— Пожалуйста, товарищ первый заместитель,— он чему-то засмеялся, пригладив коротко подстриженные усы.

Тухачевский удивленно взглянул на его разрумянившееся лицо, но, уловив легкий коньячный душок, сразу все понял. Обеды у Сталина никогда не обходились без выпивки, а Ворошилов только что возвратился с Ближней дачи. Очевидно, прошло по-доброму. Отсюда и остальное: ужимки, смешки, приподнятое настроение.

— Согласно имеющимся данным,— Тухачевский привычно убрал исчерченный лист,— мы можем ожидать производства в Германии не менее двухсот танков в месяц, а изготовление самолетов производится там свыше чем на пятидесяти заводах. Германская армия нацелена на постоянную готовность к внезапным вторжениям. Ее мобильность исключительно велика. Для тренировки в массовых перебросках войск используются даже разного рода фашистские празднества и торжества. У нас же дороги, особенно шоссейные, являются самым узким местом. Это в качестве добавления к вопросам моторизации.

— Вот мы и покатим по их дорогам,— тряхнул головой Ворошилов.— Пусть только сунутся.

— У Гитлера не только дивизии, но целые армии оснащены броней и моторами,— не замедлил отклик-

нуться Якир.— А французы определенно отстали. Танки используют лишь в качестве прикрытия атакующей пехоты. Вот где разрыв теории с практикой. «Танковая война» Эймансбергера, труды Фуллера, Шарля де Голля — все нипочем. Нет пророка в своем отечестве. Я, между прочим, спросил Вейгана, отчего так. Дипломатично, само собой, но спросил.

— И что же он ответил? — с вялым любопытством осведомился Ворошилов.

— От всей души высказал все, что думает об их демократии. С солдатской прямотой. «Категорическое требование военной комиссии национального собрания». Аж в лице передернулся.

— Мне рассказывали, что под Мадридом пришлось вытаскивать танки на конной тяге,— с характерным акцентом заметил комкор Городовиков.— Но я не верю. Танк слишком тяжелая штука. Лошадей жалко.

— И правильно делаете,— невольно улыбнулся Уборевич.— Кто знает, что бы сталось с Мадридом, если бы не наши танкисты. В ноябре там действовало всего пятьдесят машин, намного меньше, чем у фашистов. Но действовали они героически. Сцементировали оборону и вообще сыграли роль крупного морального фактора. Тем более что франкисты совершенно не имеют опыта противотанковой борьбы. Бывало, что наши просто давили их пехоту и конницу.

— Только не конницу,— недовольно буркнул в усы Городовиков.— Какой дурак полезет под гусеницы?

— Он потому так нахваливает, что под Мадридом воюют его танкисты,— лукаво подмигнул Ворошилов.— И неплохо воюют. Но ты, Ока, не волнуйся. Мы с Буденным в обиду кавалерию не дадим! Она пройдет там, куда танки и не сунутся! По горам, по долам, как говорится.

Нарком шутил, балагурил, отступив от заведенного на Совете регламента. Заседание определенно не получилось, но брошенное якобы в защиту конницы слово сыграло роль детонатора. Завязалась та самая, давно набившая оскомину полемика, равно бесплодная и ожесточенная, когда бессильны аргументы, ибо их знают чуть ли не наизусть.

Выступали, как положено, поочередно, но с застарелым и злым упорством. Столкновение идей едва маскировало противостояние группировок. Как всюду и везде, нашлись свои соглашатели и перебежчики. Ворошилов

старался остаться над схваткой, но это ему плохо удавалось. Позиция наркома ни для кого не составляла секрета. До того как надел маршальские звезды, он напоказ ходил в синих кавалерийских петлицах.

По домам разъезжались далеко за полночь.

— Поедем ко мне? — предложил Тухачевский Уборевичу.— Чего тебе куковать в одиночестве?.. А еще лучше — Иону Эммануиловича захватим?

К Дому правительства подкатили на трех машинах. Молодой подтянутый дежурный в защитном френче предупредительно распахнул сетчатую дверь лифта:

— Добрый вечер, товарищ маршал! Пожалуйста, товарищи командармы.

— Поди уж, доброе утро...

В прихожую выглянула Нина Евгеньевна:

— Ах, у нас гости!

— Ты не спишь? — Тухачевский, сбросив шинель, подошел к жене. В простеньком синем платьице в белый горошек она казалась хрупкой, как подросток. Глаза, обведенные тенями, встревоженные, переполняла темная влага.

— Я почему-то знала, что ты придешь не один,— она слабо улыбнулась.— Я ждала.

— Вы уж простите нас, башибузуков! — Якир молитвенно прижал руки к груди.

— И не стыдно, Иона Эммануилович?.. А вы, Иеронимус? Тоже хороши! — она протянула руки сразу обоим.— Как же давно вас не было... Ужинать будете? — повернулась вопросительно к мужу.— У меня все готово.

— Вот это хозяйка! — Якир зябко передернул плечами.

— Беспременно,— Михаил Николаевич бережно коснулся губами ее душистых волос.— Только сперва чайку, крепкого-прекрепкого!.. А пока прошу ко мне.

Они расселись возле овального стола, накрытого камчатой скатерью. Якир первым делом сунул в рот папиросу и придвинул к себе рогатую раковину с розовато-перламутровым зевом.

— «Герцеговина флор»! — усмехнулся Уборевич.— Как у него... Бросить бы надо, Иона. Смолишь и смолишь. Все минеральные воды насмарку пойдут.

— Ага, надо,— безропотно согласился Якир.

Устало обменялись репликами насчет Военного совета.

— С Ворошиловым каши не сваришь,— поморщился Уборевич.— Для него важно одно: видимость соблюсти.

— Я вам сейчас кое-что напомню,— спохватился Тухачевский.— Специально по этому поводу,— он подошел к письменному столу и выдвинул боковой ящик.

— У меня тоже припасено! — радостно подмигнул Якир, срываясь с места.— Сейчас только портфель принесу.

Тухачевский нашел порядком потрепанный номер «Военного вестника», заложенный голубой промокашкой. Подождав, пока возвратится Якир, зажег настольную лампу и раскрыл журнал.

— Восьмой номер за двадцать пятый год. У нас почему-то принято сравнивать достижения с уровнем тринадцатого года. Климент Ефремович резко вырвался в этом смысле вперед, хотя в старой армии тоже были и аэропланы, и танки. Мне, я полагаю, негоже лезть наперед батьки в пекло. Так что, извините, равняюсь на непосредственного начальника,— он легко нашел нужный абзац.— Прошу слушать внимательно: «Движение своим ходом выдает издали движение машины, особенно ночью и на шоссе, благодаря шуму, а ночью также благодаря освещению. Без света же, конечно, не поедешь вовсе».

— И кому принадлежит сей упоительный и косноязычный бред? — поинтересовался Уборевич.

— Не столь важно, кому. Но интересно, по какому случаю. А написано в самый раз к открытию кавалерийского съезда... Помнишь еще?

— А то нет! Такие бои выдержали...

— Вот именно, выдержали... Далее наш высокомудрый автор, ссылаясь на зыбкую почву столь близкого твоему сердцу Полесья, пишет, что в «N корпусе решили наладить опыт перевозки бронемашин конной тягой. Старый друг — лучше новых двух!»

— Замечательно! — Якир торопливо расстегнул портфель.— «Груба», как выражается мой Петька.

— Груба? — Уборевич удивленно поднял брови.— Первый раз слышу. Одессизм?

— Харьковское. Он же там воспитывался, босявка. Первый дворовый университет... А теперь я вам прочитаю,— вслед за бутылкой шампанского Якир достал из портфеля толстую тетрадь в черной клеенчатой обложке.

— Одну минуту! — остановил Тухачевский.— У

меня осталось еще короткое резюме... «Скажут, может быть, что на Западе нас поднимут на смех,— прозорливо замечает кавалерист-златоуст.— Мы спокойно ответим: «смеется хорошо тот, кто смеется последним»,— и продолжим наши опыты в расчете на то, что они найдут подражателей»... У меня все, товарищи командиры.

— Здорово! — взмахнув кулаком, рассмеялся Якир.

— Интересно, от кого слышал Ока Городовиков байку про танк? — Уборевич устало откинул голову на кожаную спинку дивана.— Не от Семена Михайловича?

— Не думаю,— Якир споро перелистал исписанные бисерным почерком страницы.— Невзирая на крупные разногласия, могу сказать твердо: Буденный — мужик прямой. Интриговать не станет. Если надо, сам рубанет сплеча... Так вот, друзья мои, позвольте для начала процитировать вам высказывание Хайнца Вильгельма Гудериана. Разумеется, в моем скромном переводе. Вот что говорит генерал-лейтенант вермахта: «Из Конной армии Буденного тысяча девятьсот двадцатого года создана танковая армия Ворошилова тысяча девятьсот тридцать пятого года. Ворошилов, по его собственным словам, уничтожил старое оружие, сделал из пехотных офицеров летчиков, а из кавалерийских офицеров — танковых командиров... Красная Армия по моторизации — лучшая в мире. Англия и Франция далеко превзойдены... Так как развитие военно-воздушных сил шло гармонично с развитием танков, то это самая современная армия на всей земле».

— Лестная оценка,— двусмысленно заметил Уборевич.

— Отвлечемся от личностей. Не так уж и плохо, когда немецкий генерал верит советскому наркому. Мы-то ведь знаем, что почем?

— Из кавалеристов сделал танкистов. В этом весь Клим,— Тухачевский кивнул Якиру.— У тебя есть еще в том же духе?

— Как не быть, други мои верные? Сейчас все будут дико смеяться, как изъяснялись на Молдаванке. Вы только послушайте, что заявил в «Militarwochenblatt» генерал Людвиг!.. «Принципиально новое оружие еще не возникло!..» Он уверен, что нет оснований считать будущую войну маневренной... «Бронетанковые войска,— утверждает он,— это не шаг вперед, а та же самая кавалерия»... Ничего себе!

— Большой привет от наших стакавов! — улыбнулся Уборевич.

— Но дальше, дальше! — Якир азартно потер ладони.— Гениальная идея... «Лошадь медленнее, чем мотор, но технически безопаснее»... Каков слог? А вот еще перл: «Я думаю, что танк не является средством, с помощью которого короля современного поля боя — пулемет — можно свергнуть с престола. Всегда в состязании между снарядом и броней побеждал первый!..» Этот Людвиг просто второй Герберт Уэллс. Даже в двухтысячном году войска останутся конными!.. «То, что они в девятьсот четырнадцатом могли быть только конными, об этом уже говорилось. То, что они в двухтысячном могут стать только моторизованными, каждый понимающий будет сомневаться. Но танк не является преемником лошади...» Точь-в-точь, как у нас: «Перед кавалерией открывается блестящее будущее».

— «Особая маневренность красной конницы»,— добавил Тухачевский.

— Именно. Нужно только улучшить организацию и сделать кавалерию моторизованной.

— Это что-то новенькое,— покачал головой Уборевич.— Впрочем, чего удивляться? Пулемет на тачанке — уже мотор.

— Можешь не волноваться. «Моторизация» лошадок — дело отдаленного будущего. Как, например, цветные фильмы или телевидение.

— Так и написано? — изумился Михаил Николаевич.

— Хочешь взглянуть? Я перевел слово в слово... «Мы ограничимся живущими ныне лошадьми точно так же, как одноцветными фильмами и акустическими радиопередачами».

— М-да,— Уборевич снял пенсне и помассировал переносицу.— К сожалению, у немцев подобные уникумы не делают погоды, тогда как у нас... А что ты сегодня такой веселый, Ионыч?

— Веселый?.. Все болезни только от нервов, хлопцы. И вовсе я не веселый... Да, Иеронимус, что там Клим говорил про твоих танкистов? Кто там у тебя?

— Поль Арман из мотомехбригады. Майор Грейзе! Ты еще о нем услышишь. Образцовый танкист.

— Не сомневаюсь,— Якир затаил вздох. В окрестностях Мадрида шли уличные бои, а командира первой

в стране танковой бригады Шмидта терзали в Лефортово. Жив ли он еще? А Илья?..

— Французы пропустили через границу большой отряд добровольцев. Интернациональные бригады формируются теперь в Альбасете. Там и твои есть, Ионыч.

— Я отдал лучших авиаторов. Рычагов, Ковтун, Митрофанов... Митрофанова сбили чернорубашечники. Он отстреливался из пистолета до последнего патрона, а потом взорвал самолет. Бочаров тоже бился до последнего. Они разрубили его тело на части, сложили в ящик и сбросили на парашюте над Мадридом. Паша Рычагов немедленно поднялся в воздух, догнал фашиста и сбил... Не знаю, как вы, а я завидую.

— Напрасно,— коротко бросил Тухачевский.— Гиблое дело.

— Во всяком случае, командарму там делать нечего,— рассудительно заметил Уборевич.— Не те масштабы... Знаешь, кого я встретил вчера в наркомате у Гриши?.. Парнова. У меня он связью командовал. Первым своего серебряного Георгия в шапку бросил на нужды республики. Ты его должен помнить по «Углехиму». Посидели, поговорили про нашу Тринадцатую армию: кого куда... Семнадцать лет прошло, а такое чувство — словно вчера.

В дверь постучала Нина Евгеньевна и позвала к чаю.

— Только тише! — подхватив бутылку, Якир приложил палец к губам.— Не то перебудим весь дом.

45

Курьер из Парижа доставил солидную бандероль с бланками военных учреждений СССР. В отдельном пенале были присланы карандаши, перья и прочие канцелярские принадлежности советского производства. Здесь же находились и две вечные ручки, принадлежавшие генералу Уборевичу и генералу Якиру.

— Богатая коллекция,— одобрил Беренс.— Но с ней надо разбираться и разбираться. Не все так просто, как кажется. Не хотелось бы наколоться на мелочах.

— Что тебя смущает? — озабоченно прищурился Гейдрих.

— Видишь ли, нужно очень точно определиться во времени. У меня пока нет идеи, *когда*...— Беренс усилил

вопросительную интонацию,— маршал Тухачевский отправил письмо?

— Естественно, что после тридцать третьего года.

— И все же — *когда именно?* От этого очень многое зависит.— Беренс вытянул бланк с гербом.— Тут, например, значится — Народный комиссариат обороны. Но до тридцать четвертого года название было иное — Народный комиссариат по военным и морским делам... Я вообще против использования официальных бланков, тем более номерных. Они никак не подходят для доверительной переписки.

— Само собой разумеется,— пренебрежительно фыркнул Гейдрих.— У меня нет и тени сомнения на сей счет.

— Тогда зачем эта безумная роскошь? Тебе не кажется, что наши русские друзья ведут двойную игру?

— Слово «кажется» я давно выбросил из своего лексикона. Почти все люди в той или иной мере — двойники. Мы преследуем собственные интересы и действуем по своему разумению. У русского военного атташе в Праге удалось позаимствовать несколько листиков обыкновенной писчей бумаги с советскими водяными знаками. Ее мы и передадим Науйоксу. Чернила у него уже есть. Так что химической экспертизы, если до нее дойдет, можно не опасаться. С лентой для пишущей машинки тоже полный порядок. А этим,— Гейдрих обвел рукой содержимое бандероли,— мы найдем способ распорядиться. Пригодится на будущее. Я думаю, самое время засучить рукава. В нашем распоряжении есть все, что необходимо: стенографические записи официальных бесед, подлинные письма Тухачевского, копии банковских чеков с автографами шести высших офицеров рейхсвера. На данном этапе самое главное — образцово ввести в запись бесед необходимые дополнения. С письмом, думаю, затруднений не возникнет. Текст мне понравился. Что же касается даты, то пусть это будет сразу же после присвоения маршальского чина. Такой штришок должен особенно задеть дядюшку Джо. Как тебе кажется?

— Идея недурна,— поразмыслив, согласился Беренс.— Но, с твоего позволения, я еще немного подумаю.

— Подумай. Ты отвечаешь, тебе и решать.

— Ощущается нечто шиллеровское: черная небла-

годарность, коварство... Определенно тут что-то есть... Значит, содержание письма тебя устраивает?

— Вполне. Сделано достаточно тонко. Стиль Тухачевского, по-моему, соблюден. Вышло даже лучше, чем я ожидал. Тебе удалось создать впечатление, что политическое брожение в верхах РККА вот-вот готово вылиться в заговор. То обстоятельство, что именно германская сторона предлагает помощь и в свою очередь надеется на ответную реакцию, я расцениваю как наиболее удачную находку. Пусть в глазах Сталина наши выглядят более решительными.

— Я тоже так рассуждал. Потомственные военные-аристократы, они, в сущности, ничем не обязаны фюреру, тогда как Тухачевский, Якир, Уборевич сделали карьеру исключительно благодаря большевистской революции.

— Особенно Якир — сын еврейского аптекаря... С Тухачевским сложнее. Такой сумел бы выдвинуться и при императоре Николае — вся грудь в орденах. При усмирении крестьянских бунтов действовал в лучших традициях: захват заложников, расстрел мужского населения и так далее. И в семье у него было несколько генералов. Но суть от этого не меняется. Различие улавливается достаточно четко: в вермахте заговор организационно оформился, в Красной Армии — оппозиционеры еще нащупывают друг к другу подходы. Однако обе стороны сходятся в одном: необходимо сбросить цепи партийной бюрократии. Присущая военной касте амбициозность тоже ощущается в должной мере... В общем, я тебя поздравляю.

— Тогда последний вопрос: на каком языке ведется переписка? Давай все же уточним. Дело в том, что русские генералы превосходно владеют немецким, но как всякие инородцы допускают естественные погрешности, причем сугубо индивидуальные. Тут могут встретиться трудности.

— Разве мы не договорились, что каждая сторона использует свой язык?

— Конечно. Тем более что это соответствует принятой процедуре. И все же меня одолевают сомнения. Все размышляю о том, как бы повел себя в подобной ситуации сам Тухачевский. Психологически тут возможны оба варианта.

— Мне нужен только один. Наиболее простой и, главное, абсолютно надежный.

С машинками, которыми пользовался рейхсвер, а потом и вермахт, у Науйокса затруднений не возникло — в подвалах на Принц Альбрехтштрассе он собрал чуть ли не целый музей. Русский шрифт тоже не составлял проблем. Этого добра в Берлине хватало с избытком. Три дня эксперты из крипо, склонясь над микроскопом, изучали образцы советской машинописи, включая военную и правительственную, но так и не пришли к определенным выводам. Князь Авалов, презентовавший увесистый «Ундервуд» с золоченой фирменной маркой и новенькую, еще неопробованную модель Ремингтона, божился, что именно на таких печатаются документы Кремля.

В конце концов Науйокс махнул рукой и отвез оба аппарата в мастерскую Путцига.

— Здесь личные автографы и список офицеров, которых нужно упомянуть в переписке,— он передал полученный от Беренса конверт.— Все должно быть возвращено в полной сохранности. Мы на вас полагаемся, господин Путциг... Сколько вам понадобится времени, чтобы изготовить пробный экземпляр такого письма?

Гравер пробежал глазами текст, затем вставил в глазницу медный монокль часовщика и скрупулезно исследовал каждый штрих факсимиле.

— Часа четыре, не более.

— Что? — приятно удивился Науйокс.— Тогда я заеду утром.

— Но мне понадобится русская машинистка, господин Мюллер.

— Понимаю. Русскую обещать не могу. Но хорошую немецкую женщину, которая долго жила в России и зарабатывала себе на хлеб перепиской на машинке, вы, безусловно, получите. Ее доставят к вам уже через час.

— Но ведь ночь, господин Мюллер!

— Не имеет значения. Ей за это платят. Впрочем, вы, безусловно, правы. Я не хочу лишать вас заслуженного отдыха. Отложим на завтра.

На другой вечер Науйокс представил Беренсу «пробу пера». Не говоря ни слова, штандартенфюрер отвел его в кабинет Гейдриха.

— Так быстро, Науйокс? Ну-ка дайте взглянуть! — начальник полиции и службы безопасности включил лампу, которую обычно использовал на допросах, направил сноп света к себе на стол.— Феноменально,— одобрил он, сличив работу Путцига с подлинными

письмами маршала.— Если и остальное окажется в том же духе, можете рассчитывать на мою благодарность... Надеюсь, вы позаботились о штампах абвера, штандартенфюрер? — спросил он, не поднимая глаз.

— Все готово, группенфюрер,— подобравшись, ответил Беренс. На людях они строго придерживались уставных отношений.

— Тогда готовьте досье со всеми необходимыми грифами, подписями и пометками. Не забудьте только состарить бумагу. Я не стану бранить, если где-нибудь обнаружится отпечаток сального пальца. Сгибы, помятости, даже протертость на сгибах — все, как полагается, но в меру.

— Так точно, группенфюрер. Чернила просушивались под инфракрасным светом.

— Значит, все идет замечательно. Если возникнут какие-либо трудности, смело обращайтесь прямо ко мне,— Гейдрих дружески кивнул Науйоксу.— О том, в каких условиях должна производиться фотосъемка, вы осведомлены?.. Тогда я вас более не задерживаю.

— Науйокс носится с мыслью изготовить групповой снимок с Троцким, но это будет форменный перебор,— сказал Беренс.

— Как знать. Судя по августовскому процессу, одно его имя действует, как плащ матадора на разъяренного быка... Спешить, конечно, не будем, но как знать... Когда будет готова копия, позаботься отснять фальшивую стенограмму рядом с подлинной. Ты понимаешь меня?

— Гениальный ход, Рейнгард! — искренне восхитился Беренс.— Вот это будет сюрприз! Из одной ловчей ямы мы загоним дядюшку в следующую. Уж тут-то ему придется плясать под нашу музыку. Как только у них в печати появятся наши материалы, мы тут же схватим его за руку на потеху всему миру. Пусть полюбуются. Представляю, какой это вызовет переполох.

— Я не знаю, когда мы это сделаем — политическое решение остается за фюрером, но сделаем непременно. Наша задача: ждать своего часа и быть во всеоружии. Учти: об этом знаем только мы двое. У Науйокса и прочих достаточно своих забот.

— Стоит изготовить даже две параллельные копии: одну в намеченных условиях, другую — по всем правилам искусства.

— Согласен... Ты всегда понимаешь меня с полуслова, малыш! Россия — наш заклятый враг, но, прежде чем нам удастся выйти на боевые позиции, возможны любые зигзаги.

— Последнее время я только об этом и думаю. Воля рока постоянно вынуждала нас кидаться в объятия друг другу. Позволив Ленину и его штабу проследовать через нашу территорию, мы очень оперативно вывели Россию из войны. Больше того, подписали с большевиками мир, хотя могли разнести их в щепки. В тот момент цель, безусловно, оправдывала средства. Но в долгосрочной перспективе... Не знаю, не решаюсь судить... Любое другое правительство, кроме большевистского, неизбежно возобновило бы военные действия на стороне Антанты. Именно по этой причине мы не оказали помощи белому движению. Пожалуй, мы все-таки сделали верную ставку. Рапалльский договор это лишний раз подтвердил. Поруганная Германия и разоренная Россия заключили брак по расчету. Иной возможности ни у них, ни у нас не было. Униженные, ограбленные, изгнанные из приличного общества пауков-плутократов, мы скрепя сердце дали священные обеты супружества. Надо сказать, союз был удачен, хоть мы и вырастили из их партизанских вожаков стратегов прусской военной школы.

— Я как-то не задумывался над предысторией веймарского флирта,— признался Гейдрих. Слушать Беренса было интересно.— Знаю только, что русская невеста принесла нам недурное приданое. Вдали от недреманного ока версальских процентщиков мы сумели построить первоклассные оружейные заводы. Даже отравляющие вещества производили на бескрайних просторах Московии. Думаю, что мы не просчитались, хотя все решит последняя схватка. Других земель для колонизации в Европе нет.

— Поляки жестоко просчитались, не дав нам выхода к русской границе. Мы будем вынуждены шагать по их трупам.

— Ты знаешь, что сказал фюрер на обеде в честь Муссолини, когда остались только свои?.. «Я заберу Данциг, но мне нужен не Данциг. Мне нужна война». Так что действуй.

— Ты еще будешь докладывать фюреру? — спросил Беренс, забирая письмо.

— Я покажу ему все в окончательной форме.

— И поручение Бормана?.. Оно выйдет довольно объемистое и будет написано от руки.

— Все, без исключения. Иначе нельзя. Гиммлер, в случае чего, нас не прикроет.

— А не зарвемся? Военная контрразведка установила личность Габи. У него, оказывается, была на груди татуировка.

— Далеко они не продвинутся. След надежно обрублен. Канарис, конечно, о чем-то догадывается, но мне плевать.

— Они умеют работать.

— Да, этого у них не отнимешь. Все испанские дивиденды загребли себе.

— Возможно, появится шанс отыграться в Иране. В гвардии шаха есть два офицера из княжеского кавказского рода. Они приходятся родными братьями Джемшиду Нахичеванскому, дивизионному генералу РККА. Недурной сюжет?

— Все, что непосредственно не относится к операции,— побоку. Но на заметку возьми, пригодится.

— Как продвигаются переговоры с чехами?

— Пока Траутмансдорф довольно успешно водит их за нос. Уже назначена его встреча с Бенешем. Если бы к этому времени нам удалось разорить пражское гнездышко ГРУ,— Гейдрих задумчиво потер зачесавшееся веко.— Больно уютно они там устроились. Подумай на досуге, нельзя ли их как-нибудь связать с русским военатташе? Он загремит, как только будет покончено с Уборевичем.

46

Быстро летели на убыль короткие зимние дни. Тяжелый и страшный год оказался исключительно благоприятным для наблюдения солнечного затмения. Вся полоса полной его фазы пролегала по территории СССР: от неспокойных западных границ до суровых берегов Амура, где, как поется в песне, тоже стояли часовые Родины.

В стране развернули исследования десятки советских и зарубежных экспедиций. Крупнейшие ученые съехались в Пулковскую обсерваторию и Астрономический институт со всех континентов. Совместными

усилиями удалось получить уникальные сведения о движении вещества в солнечной короне.

Такое скопление иностранцев не могло пройти незамеченным.

Ведущий астрофизик Борис Петрович Герасимович, директор Главной астрономической обсерватории и автор знаменитой монографии «Физика Солнца», навлек на себя пристальное внимание Ленинградского управления НКВД. Первоначальная версия звучала почти анекдотически: вредительство в деле изучения солнечного затмения. Соответствующая текущему моменту политическая подкладка придала ей требуемую весомость.

Начиная с осени, по подозрению «в участии в фашистской троцкистской организации, возникшей в 1932 г. по инициативе германских разведывательных органов и ставившей своей целью свержение Советской власти и установление на территории СССР фашистской диктатуры», аресту подверглись около ста научных сотрудников.

В октябре взяли директора Астрономического института Бориса Васильевича Нумерова, члена-корреспондента АН СССР, выдающегося геодезиста, геофизика, астронома, оптика. О потрясающих результатах проведенной им гравиметрической разведки нефтяных месторождений Техаса писала вся мировая печать, но по раскладке вышло связать его не с американским империализмом, а с немецким фашизмом, причем с тридцатого года, задолго до Гитлера. На первом допросе в «Крестах» ему инкриминировали связь с троцкистско-зиновьевской оппозицией, вредительство, направленное на срыв разведки полезных ископаемых и освоения отечественной аппаратуры. Следователь Лупекин, одним из первых освоивший новые методы воздействия, принялся выбивать показания на Герасимовича, стремясь развернуть дело как можно шире.

В один вечер седьмого ноября от праздничного стола увезли завсектором астрофизики Балановского, старшего ученого специалиста Комендантова, научного сотрудника Яшнова. Четвертого декабря пришли за Николаем Ивановичем Днепровским, заместителем директора обсерватории, и научным сотрудником Еропкиным. В Пулково он в ту пору уже не работал, но кому-то показалось забавным привлечь к делу внука декабриста Завалишина. В ту же ночь по украшенному фла-

гами и портретами городу повезли в «Кресты» и двадцатидевятилетнего профессора Козырева, создателя теории протяженных атмосфер.

Герасимович, чей арест был предрешен, постепенно отходил на второй план. В рамку прицела наплывали такие фигуры, как Френкель и Фок, Ландау и Амбарцумян, Бурсиан и Лукирский, Фредерикс и Мусхелишвили, Семенов и Крутков. Административно-территориальные границы Ленинградской области стали тесны, не хватало уже и устрашающей разум бесконечности звездного неба. Может, протяженность мироздания в парсеках и световых годах — Герасимович знал, когда определить расстояние от Солнца до плоскости Млечного Пути! — раззадорила воображение, а может, обожгло священной жаждой познания, но к физике звезд пристегнули и атом с его расщеплениями, и все силы Вселенной: от электромагнетизма до гравитации.

Основоположник новой науки — химической физики — академик Николай Николаевич Семенов еще в 1932 году разработал общую *количественную* теорию цепных реакций. Он едва ли предполагал, что *качественно* полученные им закономерности могут быть применимы не только к фотохимическим процессам, но и к механизму террора. Пока его имя значилось где-то на дальних боковых ответвлениях.

Факты — подлинные или же вымышленные — мало интересовали следствие. Важны были лишь имена, как можно больше громких имен.

Основная накачка по-прежнему шла из центра, где работали в первую голову на процесс.

По приказу Главного управления госбезопасности, подписанному Люшковым, из суздальской тюрьмы особого назначения в Москву был доставлен политзаключенный Мартемьян Никитович Рютин.

Сын крестьянина, член партии с четырнадцатого года, народный учитель, Рютин возглавлял Совет рабочих и солдатских депутатов в Харбине, командовал войсками Иркутского военного округа. После гражданской войны перешел на партработу: Иркутский губком, Дагестанский обком, Краснопресненский райком Москвы. Последняя должность — председатель Управления фотокинопромышленности, член горкома, кандидат в члены ЦК.

У Мартемьяна Никитовича достало духа бросить Сталину обвинение в узурпации власти. В те годы

это были чудеса смелости. Рютина исключили из партии и по подозрению в организации контрреволюционной группы арестовали. Но за первым чудом последовало другое, пожалуй, даже большее по отдаленным масштабам.

Коллегия ОГПУ, не обнаружив в действиях Рютина состава преступления, освободила его из-под стражи. Постановлением КПК он был восстановлен в партии.

Вторичный арест был связан уже с распространением рютинского обращения «Ко всем членам ВКП(б)». Так и значилось на этом беспримерном в отечественной истории документе: «Прочитав, передай другому. Размножай и распространяй».

Партия и пролетарская диктатура Сталиным и его свитой заведены в невиданный тупик и переживают смертельно опасный кризис. С помощью обмана и клеветы, с помощью невероятных насилий и террора, под флагом борьбы за чистоту принципов большевизма и единства партии, опираясь на централизованный мощный партийный аппарат, Сталин за последние пять лет отсек и устранил от руководства все самые лучшие, подлинно большевистские кадры партии, установил в ВКП(б) и всей стране свою личную диктатуру, порвал с ленинизмом, стал на путь самого необузданного авантюризма и дикого личного произвола...

...Авантюристические темпы индустриализации, влекущие за собой колоссальное снижение реальной заработной платы рабочих и служащих, непосильные открытые и замаскированные налоги, инфляцию, рост цен и падение стоимости червонцев; авантюристическая коллективизация с помощью раскулачивания, направленного фактически главным образом против середняцких и бедняцких масс деревни, и, наконец, экспроприация деревни путем всякого рода поборов и насильственных заготовок привели страну к глубочайшему экономическому кризису, чудовищному обнищанию масс и голоду... В перспективе — дальнейшее обнищание пролетариата... Всякая личная заинтересованность к ведению сельского хозяйства убита, труд держится на голом принуждении и репрессиях... Все молодое и здоровое из деревни бежит, миллионы людей, оторванных от производительного труда, кочуют по стране, перенаселяя города, остающееся в деревне

население голодает... В перспективе — дальнейшее обнищание, одичание и запустение деревни...

...На всю страну надет намордник,— бесправие, произвол и насилие, постоянные угрозы висят над головой каждого рабочего и крестьянина. Всякая революционная законность попрана!.. Учение Маркса и Ленина Сталиным и его кликой бесстыдно извращается и фальсифицируется. Наука, литература, искусство низведены до уровня низких служанок и подпорок сталинского руководства. Борьба с оппортунизмом опошлена, превращена в карикатуру, в орудие клеветы и террора против самостоятельно мыслящих членов партии. Права партии, гарантированные Уставом, узурпированы ничтожной кучкой беспринципных политиканов. Демократический централизм подменен личным усмотрением вождя, коллективное руководство — системой доверенных людей.

Всякая живая, большевистская партийная мысль угрозой исключения из партии, снятием с работы и лишением всех средств к существованию задушена; все подлинно ленинское загнано в подполье; подлинный ленинизм становится в значительной мере запрещенным, нелегальным учением.

Партийный аппарат в ходе развития внутрипартийной борьбы и отсечения одной руководящей группы за другой вырос в самодовлеющую силу, стоящую над партией и господствующую над ней, насилующую ее сознание и волю. На партийную работу вместо наиболее убежденных, наиболее честных, принципиальных, готовых твердо отстаивать перед кем угодно свою точку зрения членов партии чаще всего выдвигаются люди бесчестные, хитрые, беспринципные, готовые по приказу начальства десятки раз менять свои убеждения, карьеристы, льстецы и холуи.

«Печать,— говорилось в «Обращении», которое ЦКК объявила предательством,— могучее средство коммунистического воспитания и оружие ленинизма, в руках Сталина и его клики стала чудовищной фабрикой лжи, надувательства и терроризирования... Ложью и клеветой, расстрелами и арестами... всеми способами и средствами они будут защищать свое господство в партии и в стране, ибо они смотрят на них как на свою вотчину...

Ни один самый смелый и гениальный провокатор

для гибели пролетарской диктатуры, для дискредитации ленинизма, социалистического строительства и социализма, для взрыва их изнутри не мог бы придумать ничего лучшего, чем руководство Сталина и его клики...

Позорно и постыдно для пролетарских революционеров дальше терпеть сталинское иго, его произвол и издевательство над партией и трудящимися массами. Кто не видит этого ига, не чувствует этого произвола и гнета, кто не возмущается им, тот раб, а не ленинец, холоп, а не пролетарский революционер...

Опасения Ленина в отношении Сталина о его нелояльности, нечестности и недобросовестности, о неумении пользоваться властью целиком оправдались. Сталин и его клика губят дело коммунизма, и с руководством Сталина должно быть покончено как можно скорее».

После обыска на квартире весьма скромного служащего Петра Сильченко, на которой обычно собирались рютинские единомышленники, тоже рядовые партийцы, Наркомвнудел бросил все силы на поиски копий.

Читали многие, в том числе Зиновьев и Каменев, донесли — считанные единицы.

Судьба Рютина, как кандидата в члены ЦК, должна была решаться опросным листом. Сталин требовал смертного приговора. Киров, Орджоникидзе и Куйбышев категорически воспротивились. В итоге Мартемьян Рютин получил десять лет заключения, а в печати появилось туманное сообщение о разгроме еще одной «контрреволюционной банды».

Четыре года Рютин провел в камере. Узнав, что его хотят отправить в Москву, отказался сдвинуться с места. Пришлось применить силу.

Планы насчет него выстраивались обширные: Институт красной профессуры, ненавистная «бухаринская школка» — все вольнодумцы, молодая научная поросль. Были выходы и на профессоров Горной академии, и на кое-кого из военных, главным образом участников сибирских походов.

Привезенному в отдельном купе вагонзака под усиленным конвоем арестанту предъявили обвинение в терроризме.

— Разговаривать с вами отказываюсь. Требую бумагу и ручку.

— Что собираетесь писать?

— Заявление Сталину.

Понадобилось разрешение Ежова, прежде чем Рютину вручили огрызок карандаша и пару клочков грязной оберточной бумаги.

Он писал, пока умещались строчки:

Я не признаю себя виновным ни в чем... Я никогда террористом не был, не являюсь и не буду... Ни одно уголовное законодательство, начиная с римского права и до наших дней во всех странах, в том числе и советское уголовное законодательство, не допускает привлечения к ответственности и наказания два раза за одно и то же... История судебных процессов и карательной политики Европы и Америки в течение последних столетий, насколько мне известно, не знает подобного чудовищного случая.

...Будучи глубочайше убежден в своей невиновности, находя это обвинение абсолютно незаконным, произвольным и пристрастным, продиктованным исключительно озлоблением и жаждой новой, на этот раз кровавой, расправы, я, естественно, категорически отказался и отказываюсь от признания предъявленных мне обвинений, я не намерен и не буду говорить на себя неправду, чего бы мне это ни стоило.

Ко всему сказанному считаю необходимым добавить, что сами методы следствия, применяемые ко мне, являются также совершенно незаконными и недопустимыми. Мне на каждом допросе угрожают, кричат, как на животное, меня оскорбляют, мне, наконец, не дают даже дать мотивированный отказ от дачи показаний...

...Я, само собой разумеется, не страшусь смерти... Я заранее заявляю, что не буду просить даже о помиловании, ибо я не могу каяться и просить прощения или какого-либо смягчения наказания за то, чего не делал и в чем абсолютно не повинен. Но я не могу и не намерен спокойно терпеть творимых надо мной беззаконий и прошу меня защитить от них. В случае неполучения этой защиты я еще раз буду пытаться защитить себя теми способами, которые в таких случаях единственно остаются у беззащитного, бесправного, связанного по рукам и ногам, наглухо закупоренного от внешнего мира и невинно преследуемого заключенного.

М. РЮТИН

4 ноября 1936 г. Москва,

Внутренняя тюрьма особого назначения НКВД.

В камере Рютин отказался принимать пищу. Разделявший его взгляды Слепков, один из наиболее талантливых представителей «школки», пытался после очередной голодовки покончить с собой. О методах, которыми добывались нужные показания, секретарь ЦК комсомола Лазарь Шацкин писал в заявлении на имя Сталина:

...Фактически следствие лишило меня элементарных возможностей опровержения ложных показаний. Лейтмотив следствия: «Мы вас заставим признаться в терроре, а опровергать будете на том свете»... Вот как допрашивали меня. Главный мой следователь Гендин составил текст моего признания в терроре на четырех страницах (причем включил в него разговоры между мной и Ломинадзе, о которых у него никаких, в том числе и ложных, данных быть не может). В случае отказа подписать это признание мне угрожали: расстрелом без суда или после пятнадцатиминутной формальной процедуры заседания Военной коллегии в кабинете следователя, во время которой я должен буду ограничиваться только односложными ответами «да» и «нет», организованным избиением в камере Бутырской тюрьмы, применением пыток, ссылкой матери и сестры в Колымский край. Два раза мне не давали спать по ночам: «пока не подпишешь». Причем во время одного сплошного двенадцатичасового допроса ночью следователь командовал: «Встать, очки снять!» и, размахивая кулаками перед моим лицом: «Встать! Ручку взять! Подписать!» и т. д. Я отнюдь не для того привожу эти факты, чтобы протестовать против них с точки зрения абстрактного гуманизма, а хочу лишь сказать, что такие приемы после нескольких десятков допросов, большая часть которых посвящена ругательствам, человека могут довести до такого состояния, при котором могут возникнуть ложные показания. Важнее, однако, допросов: следователь требует подписания признания именем партии и в интересах партии.

Гуманизм — слово чуть ли не бранное. Не о жизни растоптанной, не о муках мученических души и тела, не о матери и сестре — о партии забота на краю вечной ночи. О ризах ее непорочных, о суровой и аскетической ее чистоте.

Сталин сопроводил письмо краткой бранью.

Но с заявлением Рютина, пересланным Ежовым под длинным номером 58 562, он ознакомился очень внимательно. Такого не обломаешь, не вытащишь на процесс.

Выступление Сталина на Чрезвычайном Восьмом съезде Советов Бухарин слушал по радио. Он вложил в Конституцию частицу души, а ему не прислали даже обычного гостевого билета. Пять с половиной месяцев длилось обсуждение проекта. И почти все эти дни Николай Иванович провел в своей маленькой спальне с отдельным умывальником и туалетом. Словно в камере. В кабинет едва заглядывал: птичье щебетание раздражало, книжное слово отталкивал мозг.

«Известия» выходили по-прежнему от его имени, но это уже не могло развеять безнадежного ощущения отверженности, замурованности. Перо — каждое утро начиналось с попытки писать — выпадало из рук. Мысль витала в бесплодном, безличностном удалении: в подернутом холодной дымкой отчуждения прошлом или в будущем, где он уже не видел себя.

Не об этом ли, как обычно неторопливо и обстоятельно, рассуждал Сталин на той высокой, отделанной под палисандр трибуне с гербом?

— В то время как программа говорит о том, чего еще нет и что должно быть еще добыто и завоевано в будущем, конституция, наоборот, должна говорить о том, что уже есть, что уже добыто и завоевано теперь, в настоящем.— Он выдержал глубокую паузу и повторил, разъясняя: — Программа касается главным образом будущего, конституция — настоящего.

Многократно обкатанные обороты не задевали сознания, шурша, как галька, которую ворошит прибой. Бухарин не ощущал дикого, глумливого несоответствия между реальной действительностью и велеречивым потоком пустых деклараций. Конституция гарантировала свободу слова, печати, собраний и митингов, права объединения в общественные организации, неприкосновенность личности, неприкосновенность жилища и тайну переписки, и прочие невиданные в истории величайшие права и свободы трудящихся.

В речи наверняка проскользнули и его, Бухарина, мысли, но безвоздушное пространство отчуждения вы-

холостило слова, и он не узнал их, как, наверное, не узнал бы теперь и многое из того, что с такой бездумной убежденностью бросал в массы.

«...Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью... является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

Ненасытная глотка Хроноса — время поглощало различия между мастером, одержимым высшей целью, и неодухотворенным сырьем. Все перемалывалось в кровавое месиво — живая плоть и газетные строчки: *«То, о чем мечтали сотни лет лучшие, передовые умы человечества, сделала непреложным законом конституция победившего социализма и развернутой социалистической демократии. Народы СССР единодушно назвали новую конституцию в честь ее творца Сталинской Конституцией».*

Редакционная статья «Известий» ничем не отличалась от прочих. Исполняющий обязанности ответственного редактора Таль аккуратно направлял гранки на квартиру Николая Ивановича. Он читал, но не улавливал смысла и ничего не подписывал.

Съезд Советов одобрил и утвердил Конституцию пятого декабря, а четвертого начал работу Пленум Центрального Комитета. Бухарина оповестили по телефону. Не желая вступать в ненужные разговоры, он вошел в зал перед самым началом и занял свободное место в одном ряду с Тухачевским. Поблизости, разделенный проходом, сидел нарком связи Ягода.

Ежов выступил с докладом «Об антисоветских, троцкистских и правых организациях». Версию о тесной связи троцкистов с зиновьевцами в их террористической деятельности против руководителей партии и правительства он дополнил прямыми обвинениями в адрес Бухарина и Рыкова. Правые, по его словам, тоже были причастны к убийству Кирова.

— Молчать! — истерически выкрикнул Бухарин.

Ежов оторвался от текста и удивленно оглядел зал. Почти два года он трудился над рукописью с многообещающим названием «От фракционности к открытой контрреволюции». По его просьбе вождь прочитал первую главу и внес в нее пространные дополнения. «За все это время между зиновьевцами и троцкистами существовала теснейшая связь. Троцкисты и зиновь-

евцы регулярно информируют друг друга о своей деятельности. Нет никакого сомнения, что троцкисты были осведомлены и о террористической стороне деятельности зиновьевской организации,— выкристаллизовывались главные тезисы, перекочевав из будущей брошюры в доклад.— Больше того, показаниями отдельных зиновьевцев на следствии об убийстве товарища Кирова и при последующих арестах зиновьевцев и троцкистов устанавливается, что последние тоже стали на путь террористических групп».

Основываясь на показаниях Сосновского, Яковлева, Куликова, Котова и других арестованных, Ежов обвинил Бухарина и Рыкова в связи с врагами народа и пособничестве террору. Упомянута была и рютинская платформа, что, как догадывался Бухарин, должно было особенно раздражить Сталина.

— Должен сказать, что в своем неблаговидном пособничестве правые не были одиноки,— при удивленном ропоте зала продолжал наркомвнудел.— Товарищ Ягода устроил для Зиновьева и Каменева из тюрьмы санаторий,— он повторил реплику вождя, брошенную как-то Миронову.— Я уж не говорю про то, что руководимый им аппарат опоздал с разоблачением врагов, как минимум, на четыре года! Заставить этих людей действовать достаточно оперативно могло лишь давление свыше. Привыкли, понимаешь, тянуть резину! Понадобилось два суда провести, для Каменева — даже три, чтобы уничтожить предателей.

— Жаль, что я не арестовал его,— словно про себя, но достаточно громко, процедил Ягода.

Бухарин мысленно согласился. Его оценки бывшего наркома и нынешнего диаметрально переменились.

Он послал в президиум записку, не слишком надеясь, что дадут выступить.

Слово предоставили после второго перерыва. Наливая из графина воду, Бухарин едва не выронил стакан.

— Во всем том, что здесь наговорено против меня, нет ни единого слова правды. У меня была единственная очная ставка с Сокольниковым... Ведь я же просил зафиксировать, что он со мной о политических делах никаких разговоров не вел, что он говорил со слов Томского — Томского, который к тому времени не существовал... В отношении Сосновского, товарищи, я несколько раз писал; почему вы мне не устроили очной ставки с моими обвинителями? Я с Сосновским

ни одного разговора относительно общей политики не вел и ни о какой рютинской платформе не говорил. Рютинской платформы я сам не читал, потому что один-единственный раз по приказанию товарища Сталина она была мне показана. Я ее не видел, я даже не был осведомлен о ней до этого... Я никогда не отрицал, что в двадцать восьмом — двадцать девятом годах я вел оппозиционную борьбу против партии. Но я не знаю, чем заверить вас, что в дальнейшем я абсолютно ни о каких этих общих установках, ни о каких платформах, ни о каких «центрах» абсолютно ни одного атома представления не имел... Я вас заверяю, что бы вы ни признали, что бы вы ни постановили, поверили или не поверили, я всегда, до самой последней минуты своей жизни, всегда буду стоять за нашу партию, за наше руководство, за Сталина.

Он, спотыкаясь, сошел с трибуны, ослепленный слезами.

Обвинения, с которыми обрушился на «правых пособников» Каганович, полностью повторяли ежовские. Но особенно резко и грубо говорил Молотов. Затянувшийся отпуск на юге определенно пошел ему впрок — «каменной заднице».

Алексей Иванович Рыков ответил с затаенной яростью, но в замедленном темпе, как бы пробуя на вес каждое слово.

— Я утверждаю, что все обвинения против меня с начала до конца — ложь... Каменев показал на процессе, что он каждый год, вплоть до тридцать шестого, виделся со мной, я просил Ежова, чтобы он узнал, где и когда я с ним виделся, чтобы я мог как-нибудь опровергнуть эту ложь...

— Как-нибудь! — вытянув тонкую шею, фальцетом выкрикнул Молотов.— Именно что как-нибудь.

— ...Мне сказали, что Каменев об этом не был спрошен, а теперь спросить у него нельзя — он расстрелян... Мои свидания с Томским...

Страдая за Алексея, который, как и он сам, взывал к безответным теням, Бухарин понял, сколь жалко и беспомощно выглядел на этой державной трибуне. Ни одного голоса в защиту, ни одного ободряющего кивка. Только Серго Орджоникидзе, пряча измученные глаза, задал Ежову несколько вопросов.

Бухарин написал обращение, адресовав его «Всем членам и кандидатам ЦК ВКП(б)».

«...Материалы (не проверенные путем ставок) — есть у всех, но их нет у обвиняемых; обвиняемый стоит под ошеломлением внезапных исключительно чудовищных обвинений, впервые ему предъявляемых. При известной, заранее данной настроенности (самый факт постановки вопроса, материалы непроверенные, тенденция докладчика, печать, директивные лозунги вроде молотовского «о пособниках и подпевалах») все говорят: «я убежден», «нет сомнений» и т. д. Обвиняемому говорят в глаза: а мы не верим, каждое твое слово нужно проверять. А на другой стороне слова обвиняемых-обвинителей принимаются за чистую монету... В общей атмосфере теперешних дней в пользу обвиняемого никто выступить не решится.

А дальше? А на дальнейших этапах, после обязательного партийного решения и т. д., эта защита почти невозможна».

«И т. д.» — эти три буковки объяли все, что ожидало Бухарина «там». Он готовил себя к аресту прямо на пленуме. К тому шло.

В перерывах между заседаниями были проведены очные ставки. Доставленные из Лефортовской и Лубянской тюрем Сосновский, Пятаков и Куликов подтвердили свои показания.

Когда ввели Пятакова, Бухарин почувствовал минутную дурноту. Он увидел высохшую мумию с выбитыми зубами, проваленным ртом и трясущимся подбородком. В «Письме к съезду», которое должно было изменить, но не изменило судьбу партии и судьбу страны, Ленин упомянул их вместе — «самые выдающиеся силы».

В гражданскую Пятаков был членом Реввоенсоветов Тринадцатой, затем других армий, воевавших на польском и врангелевском фронтах, комиссаром военной академии. «Заместитель наркома тяжелой промышленности» — значилось в графе «последнее место работы». «...Человек несомненно выдающейся воли,— характеризовал его Ленин,— и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе». На Пятнадцатом съезде за принадлежность к оппозиции его исключили из партии; восстановили после покаянного заявления.

Глядя в пол и прикрываясь рукой, словно от слишком яркого света, он признал себя участником контр-

революционного центра, куда в числе прочих входил и Бухарин.

— Зачем вы оговариваете себя, Юрий Леонидович? — тихо спросил Николай Иванович.

Сидевший рядом со своим подопечным Ежов подобрался и потемнел лицом. Очные ставки в присутствии членов Политбюро были для него самым тяжелым испытанием. Он нервничал.

— Ваши показания добровольны? — Орджоникидзе, чтобы лучше слышать, подставил к уху ладонь. Он ждал от бывшего заместителя хотя бы намека на то, что давно перестало быть тайной, но по молчаливому уговору тщательно обходилось стороной. Серго чувствовал, как задыхается в обезлюженной пустоте, постепенно возникавшей вокруг, и ничего не мог сделать.

— Мои показания добровольны,— невнятно промолвил Пятаков, отворачиваясь от тщедушного карлика в суконной гимнастерке с мечом на овальной нашивке.

Сталин, ощутив глубинную напряженность момента, выколотил трубку о край стола.

— Я думаю, Рыков, быть может, знал что-нибудь о контрреволюционной деятельности троцкистов и не сообщил партии. В отношении Бухарина я пока и в этом сомневаюсь,— вождь и здесь занял промежуточную позицию беспристрастного поборника истины. Он попридержал скорых на расправу и слегка приободрил, одновременно разделив их, обвиняемых.— Очень тяжко для партии говорить о преступлениях в прошлом таких авторитетных товарищей, какими были Бухарин и Рыков. Поэтому не будем торопиться с решением, а следствие продолжим.

С этим предложением он обратился к пленуму.

— Мы, думаю, поступим правильно, товарищи, если будем считать вопрос о Рыкове и Бухарине незаконченным. Предлагаю продолжить дальнейшую проверку и отложить дело решением до следующего пленума. Нужна полная ясность. Вот против Тухачевского у следственных органов тоже имелся материал, но мы разобрались, и товарищ Тухачевский может теперь спокойно работать! — прозвучало в мертвой тишине нежданное дополнение.

Тухачевский сидел под обращенными на него взглядами, неподвижно глядя в пространство.

47

Карл Виттиг снял комнату в пансионе фрау Келлер. Еще в первый приезд в Карлсбад он обратил внимание на трехэтажный розовый дом под зеленой крышей. Верхняя, наиболее фешенебельная часть города вообще славилась причудливыми строениями, смахивающими на замки из детских книжек. Вычурные изыски югнштиле давали широкий простор для самых смелых комбинаций: асимметричные эркеры и купола с флюгерами, всевозможные башенки, прихотливый извив чугунного литья.

«Вилла Магнолия» запомнилась разномастными окнами и вытянутыми мансардами, похожими на остро отточенные карандаши. Сложное плетение оград под стать закругленным балкончикам было выполнено в виде болотного стрелолиста.

Сумрачные сосны бросали линейные тени на альпийскую горку, утопающую в снегу. Выложенные плоским камнем дорожки красиво огибали куртины с шарами цветного стекла и гномами в колпаках. На возвышении красовался вечнозеленый рододендрон, заботливо прикрытый рогожей. Словом, все как положено, ничуть не хуже, чем у соседей. Те же замшелые груды валунов, та же ржавая сетка плюща на заднем дворе и непременное тележное колесо, приколоченное к воротам сарая. Даже сосульки, свисавшие с грифоньих клювов водосточных труб, и те казались непреложным аксессуаром местного колорита.

Ландшафтные прелести и архитектурные выкрутасы, само собой, не заменяли главного. Пансион славился образцовой чистотой и добротной немецкой кухней: ветчины, колбасы, айсбайн, рейнские и мозельские вина. Во всех помещениях натертые воском полы, фаянсовые калориферы, всюду вышитые салфеточки с нравоучительными изречениями.

Постояльцы, приезжавшие, подобно Виттигу, по рекомендации, пользовались к тому же скидкой. Немаловажное дополнение. Наконец, тишина, размеренный распорядок и вышколенное нелюбопытство прислуги. Словом, «Вилла Магнолия» могла бы служить идеальным местом для конфиденциальных свиданий, если бы не одно обстоятельство.

Приют фрау Келлер находился поблизости от резиденции фюрера судето-немецкой партии Конрада Ген-

лейна. А кварталом ниже, напротив православной церкви, жил Вальтер Бехер, обозреватель «Ди цайт», специализировавшийся на проблемах «обезъевреивания».

Чехословацкая контрразведка наверняка тайно приглядывала за лидерами местных нацистов, а значит, ничего не стоило попасть на заметку.

Карл Виттиг слишком дорожил своей репутацией независимого, с оппозиционным оттенком, журналиста, чтобы пойти на подобный риск. Поэтому и с Генлейном, и с Бехером он встречался совершенно открыто: зеркалка на шее, блокнот в руках. В том, что аккредитованный в Праге немецкий корреспондент интервьюирует видных деятелей судетского землячества, нельзя усмотреть никакого криминала. Это нормально, естественно. Чего же скрывать?

Доктор Бехер принял коллегу в редакционном кабинете. Он только что дописал статью, в которой доказал всю гибельность для германской культуры влияния «всееврейства» и окончательно развенчал таких его представителей, как Феликс Мендельсон-Бартольди и Генрих Гейне. Настроение было приятно-приподнятым.

— Устал! — признался довольный автор.— Не мешало бы освежиться. Не желаете? — он послал метранпажа за пивом.

Виттиг не возражал и терпеливо выслушал излияния Бехера, все еще пребывавшего во власти темы. Затем, потягивая холодный пильзнер, задал для порядка несколько умеренно-скептических вопросов. Раскрываться не входило в его намерения. Мылкая пена упоительно горчила на языке.

— Вы не находите, что договор с Советами может несколько осложнить ваши планы, доктор? Вы же знаете, в Прагу прибыли русские военные разведчики? — спросил он, когда Бехер по собственному почину затронул животрепещущую проблему воссоединения с рейхом.

— Свинство! — Бехер разразился руганью в адрес чехов.— Этого следовало ожидать. Я всегда говорил, что Прагой правят евреи. Но мы не остановимся ни перед чем! Так и запишите: ни перед чем!

— И все же... Если чехи действительно призовут на подмогу Красную Армию, мы окажемся перед риском военного конфликта.

— Я верю в силу германского духа. Фюрер не оставит нас в беде.

— Какие тут могут быть сомнения? Все дело в сроках. Вы говорите, что терпение народа иссякло, и в рейхе всем сердцем разделяют ваши справедливые требования, но вермахт пока не готов к крупному столкновению... Я такой же газетчик, как вы, и не посвящен в военные планы, но мне кажется, что следующим этапом все-таки станет аншлюс. Вы готовы ждать, доктор Бехер?

— Мы все понимаем, досточтимый доктор Виттиг. Можете не сомневаться: судетские немцы умеют ждать... Что же касается советско-чешского договора, подло заключенного у нас за спиной с благословения международного иудео-масонства, то всякое может случиться... Нет, на чудо я не надеюсь. Я реалист. Но вы же следите за мировой прессой? В России усиливаются оппозиционные настроения. Они сами пишут о взрывах на шахтах, диверсиях на железной дороге, пожарах. Я не удивлюсь, если к нужному моменту фортуна подарит нам нечто такое, неожиданное... Вы верите в судьбу?

— Вы имеете в виду неожиданный поворот в политике? События в Советском Союзе?

— Почему бы и нет, господин Виттиг? Сведения, которыми я располагаю, позволяют надеяться на подобные перемены. В военных кругах определенно назревает недовольство властью большевиков.

— Очень интересно, доктор Бехер! Когда я читал помещенную в вашей газете статью Карла Шульца, у меня возникло примерно такое же ощущение. Но насколько серьезна имеющаяся у вас информация?

— Полагаю, что она заслуживает доверия,— самодовольно кивнул Бехер.

— Об источнике я, конечно, не спрашиваю, но, поймите правильно, нам, журналистам, необходима хотя бы минимальная доза уверенности. Одних слов, даже самых авторитетных, все-таки недостаточно. Особенно в столь деликатном деле. Буду вполне откровенен. Кое-какие слухи докатились и до меня. Именно слухи, потому что досужие разговоры деникинских офицеров в счет не идут. Мало ли о чем болтают в пражских пивных? Мы-то знаем, как легко желаемое выдается за действительное. Если ваш информатор из этой среды, то бойтесь нарваться на провокацию, гос-

подин Бехер. Русская эмиграция наводнена агентами НКВД. Как бы не оказать невольную услугу врагу,— многозначительно предостерег Виттиг.

О Бехере ему было известно все, вплоть до номера (896 129) членского билета. В НСДАП Бехер вступил в Вене в 1931 году, еще студентом. До переезда в Чехословакию регулярно платил членские взносы. Затем вынужденно примкнул к судето-немецкой партии — в Карлсбаде не было своей национал-социалистской ячейки. В январе 1935 года обратился с ходатайством о восстановлении стажа, но оно было приостановлено из-за уголовного дела (параграф кодекса 175).

Виттигу столь мягкий приговор обошелся в шесть тысяч крон. Очевидно, Бехер догадывался, какие силы стоят за нежданным благодетелем, иначе бы по выходе из тюрьмы не поделился своими заботами. Виттиг посочувствовал, но дал понять, что не имеет никакого отношения к партийным делам. «Ди цайт» заинтересовала его в качестве дополнительного канала дезинформации. И только. На всякий случай.

Потраченные шесть тысяч крон Виттиг рассматривал в качестве своего рода аванса за ругань в собственный адрес. Не слишком забористое, но пахучее. «Дух масонского либерализма», «космополитический вывих», «отрыжки плутократии» — что-нибудь в этом роде. Нацисты, причем местные, это как раз то, что нужно. Лучше и не придумаешь.

Машина запущена. Поэтому о кремлевских заговорщиках пусть пишут, что бог на душу положит, но о том, как следует отзываться о его, Виттига, журналистской деятельности, он решит сам.

Посланник доктор Войтех Мастный
президенту Чехословацкой республики
доктору Эдуарду Бенешу

Берлин, 9 февраля 1937 года

Сегодня меня посетил граф Траутмансдорф и сообщил, что в переговорах относительно договора произошла определенная задержка. Рейхсканцлер якобы очень недоволен в связи с изданием книги Шебы о России и Малой Антанте, из которой явствует, в какой значительной мере Чехословакия связана с Россией...

Резидент военной разведки РККА Игнатий Рейсс прибыл в Париж из Мадрида. На конспиративной квартире в Клиши его уже ожидал Шпигельгласс, сотрудник иностранного отдела НКВД, наделенный широкими полномочиями. Ежов поручил ему вывести «Ежа» (Скоблина) из операции и взять на себя дальнейшие контакты со службой Гейдриха. Рейсс находился в курсе тайных переговоров между Москвой и Берлином, и от его помощи зависело многое. С благословения Сталина нарковнудельцы без церемоний прибирали к рукам агентурную сеть Четвертого управления Красной Армии. Рейссу не составило труда понять, куда именно направлен очередной удар. Захлестнутый взвихрившейся волной отвращения и безысходной тоски, он окончательно решил порвать со сталинской кликой. Бросить вызов, открыто и громогласно, а не тихо исчезнуть, как это пытались сделать до него добровольные самоубийцы. «Только не торопиться,— сказал он себе.— Положить ненависть на лед». Все еще до конца не верил, что хватит подлости и безумия, чтобы расправиться с Тухачевским.

Молча слушал, изображая участие, хвастливые разглагольствования Шпигельгласса. По своим каналам он уже знал, что Марк Збаровский и Сережа Эфрон начали сужать круги вокруг дома № 38 на рю Лакретель, где метался в пожаре бессонницы Лев Седов. О том, как «Ежу» поручено повторить трюк с Кутеповым и убрать генерала Миллера, знала только Москва.

В переговорах о нормализации германо-чехословацких отношений обозначился кризис. Несмотря на обнадеживающие беседы графа Траутмансдорфа с президентом республики Бенешем и министром иностранных дел Крофтой, не удалось выработать согласованной позиции по главным проблемам: двусторонние договоры и Судеты. Пропагандистский накал в немецкой печати в последние дни настолько усилился, что в Праге забили тревогу. Посланник Мастный получил указания всеми доступными мерами прояснить обстановку.

Формальным поводом для взрыва античешской истерии послужила изданная в Праге книга «Россия и Малая Антанта в мировой политике». Автор ее, чехословацкий посланник в Бухаресте Ян Шеба, уделил пристальное внимание Польскому походу Тухачевского.

Если бы глубокая операция увенчалась успехом, писал Шеба, Советский Союз и Чехословакия имели бы общую границу и Красная Армия могла беспрепятственно выполнить свой союзнический долг. Скандал, искусно подогреваемый министерством пропаганды, получил шумный отклик в соседних странах. Варшавская пресса пестрела негодующими заголовками. В восточных областях Польши распространился украинский перевод заметки «Евреи правят Прагой», напечатанной в газете Юлиуса Штрайхера.

Камил Крофта понимал, что злополучный труд всего лишь предлог для разнузданной кампании, и все же, дрогнув в душе, посоветовал президенту отозвать Шебу.

Мастный попытался добиться встречи с Нейратом, но ему ответили, что в настоящее время имперский министр исключительно занят, а переговоры возобновятся предположительно после рождественских праздников.

Минуло рождество, в Москве возобновились шпионские процессы, Прага засыпала тревожными телеграммами, а германский МИД по-прежнему отделывался неопределенными обещаниями.

В последней шифровке сообщалось, что президент получил из кругов русско-украинской эмиграции (Смал — Штокий, Макаренко) серьезные предупреждения о назревающем в высшем руководстве РККА заговоре против Сталина, к чему определенно причастна германская разведка. Срочно требовалось проверить. «Каким образом?» — недоумевал Мастный. Бенеш явно преувеличивал скромные возможности чехословацкой разведки. В Германии, опасаясь раздражить могущественного соседа, она действовала особенно робко, довольствуясь услугами сомнительных двойников.

Траутмансдорф нанес визит в резиденцию по собственной инициативе.

Мастный принял его в дубовом зале, украшенном расписными тарелками «Старой Вены». «Такой коллекции мог позавидовать даже Папен,— отметил граф, усаживаясь поближе к каминным экранам,— не то, что фрау Гейдрих».

— Я весьма огорчен, ваше превосходительство, что обстоятельства складываются не в нашу пользу,— он доверительно понизил голос.— Рейхсканцлер намерен отложить дальнейшие переговоры еще на несколько

дней, пока не прояснится афера Шебы. Вы сами видите, какую негативную реакцию она вызвала. Наше правительство не может игнорировать общественное мнение.

— Значит ли это, что господин Гитлер изменил свою позицию по данному вопросу?

— Не думаю. Отсрочка никак не означает отказа от попытки улучшить отношения. Просто настоящий момент не является для этого достаточно благоприятным.

— Боюсь, что это слишком осторожная оценка, граф. Мне трудно понять, почему книга Шебы, в сущности историческое исследование, могла так повлиять на господина рейхсканцлера. О вещах, которые с таким непонятным упорством нам ставят в вину, там вообще не говорится. Все искусственно сфабриковано пропагандой. Тем более что с нашей стороны были сделаны соответствующие заявления. Президент республики лично разъяснил характер политического договора с Россией. Крайне сожалею, что наша позиция не встретила понимания. Мне не остается ничего иного, как принять все вышесказанное к сведению.

— Кампания в прессе не может длиться до бесконечности. Все уладится к общему удовлетворению.

— После моих бесед с доктором Геббельсом, господами Розенбергом и Функом я с большим трудом представляю себе, как такая кампания может продолжаться вообще в период переговоров, когда одного слова рейхсканцлера было бы достаточно, чтобы навести порядок. Скажу со всей откровенностью, граф: мы никак не ожидали подобного музыкального сопровождения после проявленной господином Гитлером инициативы установить личный контакт с президентом республики.

— Я принимаю ваши упреки, господин Мастный, и разделяю высказанные вами оценки. Однако положение не столь просто, как это может показаться со стороны. Чувство глубокого уважения, которое я к вам питаю, вынуждает меня на откровенность. Действительной причиной решения перенести переговоры являются сведения, полученные из России. Прошу вас, господин полномочный министр, сохранить их в тайне. В Москве, причем в самом скором времени, возможен переворот, который приведет к устранению Сталина и Литвинова. Если это действительно произойдет

и будет установлена военная диктатура, рейхсканцлеру придется существенно пересмотреть всю восточную политику. Только после этого мы будем готовы разрешить все проблемы, связанные с Западной и Восточной Европой. Разумеется, путем заключения двусторонних договоров.

— Ваше сообщение потрясло меня,— Мастный высказал крайнюю озабоченность.— Анализ обстановки в России едва ли позволяет сделать столь крайние выводы. Возможно, мы многого и не знаем, но устранение Сталина представляется довольно сомнительным. Напротив, он уверенно держит руль.

— Наша информация — самая свежая. Возможно, в Праге тоже что-то такое знают.

— К сожалению, мне неизвестно, располагает мое правительство подобного рода сведениями или же нет. В конце концов, дело самих русских избирать для себя форму правления. Пока же следует исходить из сложившегося статус-кво и международных договоров.

— Я придерживаюсь такой же позиции, хоть и счел своим долгом ознакомить вас с истинной причиной отсрочки переговоров, господин полномочный министр.

— Позвольте уверить вас, граф, в моей неизменной признательности.

Через два часа шифровка ушла в Прагу.

Переговоры не возобновились ни через несколько дней, ни через месяц. Только в середине марта Дикгоф организовал конфиденциальную встречу чехословацкого посланника с послом по особым поручениям Краузе. Он заверил Мастного в том, что Германия по-прежнему заинтересована в добрососедских отношениях, но придется подождать, пока рейхсканцлер закончит пересмотр всей восточной политики. Этим косвенно давалось понять, что сведения, о которых упоминал Траутмансдорф, получили подтверждение. Мастный, во всяком случае, понял посла именно так.

В дипломатическом справочнике, в который сразу же после беседы заглянул посланник, оказалось целых восемь Краузе. Он не счел своевременным уточнять через протокольный отдел. Стоило выждать нового поворота событий. Любые сведения о якобы имеющем место антисталинском заговоре были жизненно важны для республики. В телеграммах из Праги чаще всего назывался маршал Тухачевский.

Посланник доктор Войтех Мастный
министру иностранных дел
Чехословацкой республики
доктору Камилу Крофте

Берлин, 20 марта 1937 года

Я убежден в том, что зондаж обоих эмиссаров проводился по распоряжению высоких имперских инстанций и преследовал цель вывести нас из договорной системы с Россией. Я вспоминаю о том, что еще более месяца тому назад я представил донесение, согласно которому рейхсканцлер якобы располагает сведениями о возможности неожиданного и скорого переворота в России, о возможности устранения Сталина и Литвинова и установления военной диктатуры в Москве, в результате чего может произойти принципиальный поворот в германской политике по отношению к России; для этого, как известно, также и при нынешнем состоянии вещей было и есть все еще достаточно симпатий в германской армии. За это, как мне известно от хорошо информированного источника, выступает также и Шахт, который все в большей степени испытывает потребность в расширении объема экономических связей с Россией, которые на нынешнем этапе сильно пострадали вследствие отрицательной позиции Москвы. Гитлер, как меня заверили, вплоть до последнего времени отказывал просьбам Шахта добиться улучшения экономических связей с Россией за счет каких-либо изменений в позиции по политическим вопросам. Однако известно также, что германский посол в Москве Шуленбург недавно был в Берлине, и в связи с этим предполагают, что новые соображения рейхсканцлера относительно изменения всех отношений с Россией возникли как раз также на основе информации, которую он привез из Москвы. Конечно, невозможно получить более подробные сведения по данному вопросу, однако с уверенностью можно сказать, что соображения относительно возможности любого существенного поворота в политике по отношению к России должны оказать влияние также и при оценке вопроса о развитии отношений с Чехословакией и конкретно вопроса о возможном договорном урегулировании отношений с нами.

48

Н. И. Ежов и А. Я. Вышинский — Сталину.

«Направляем переработанный, согласно Ваших указаний, проект обвинительного заключения по делу Пятакова, Сокольникова, Радека и других...»

Мертвенной чернотой проглядывала промороженная земля на занесенных пургою клумбах.

Новый год встречали на Ближней даче. Чтоб лишний раз не мельтешила обслуга, хрусталь и горки чистой посуды, как было заведено, высились под рукой.

Но в самый разгар пиршества Сталин бросил несколько слов по-грузински, и в столовую, почтительно пригибаясь, проскользнули двое никак не похожих на кавказцев мужчин — то ли охранников, то ли официантов. Завернув скатерть узлом, они сгребли ее со стола вместе с зажаренными цыплятами, поросенком и усыпанным зернышками граната сациви. Жалобно звякнуло столовое серебро, захрустели тарелки с объедками и стекло. Пока застилали свежей скатертью, Сталин с таинственной улыбкой готовил новогодний сюрприз: порвал газету на десяток ровных бумажек, свернул из них козьи ножки, как под махру, и надел на угодливо растопыренные пальцы Поскребышева. Наперстки выглядели на нем не хуже, чем на сиамской танцовщице. Поскребышев даже выкинул коленце и, вильнув бедрами, вскинул ручки.

Каганович захлопал в ладоши, а Молотов с Жемчужиной и Ворошилов с Екатериной Давыдовной с принужденным интересом придвинулись ближе. Хрущев, которого частенько заставляли отплясывать гопака, в затаенной тоске ожидал своей очереди. В хмелю вождь был так же непредсказуем, как и на трезвую голову. Одернув вихлявшегося секретаря, он достал коробок спичек и в два приема подпалил все десять фунтиков. Мерзко завоняло паленой бумагой. Поскребышев страдальчески морщился, но терпел, изображая в меру сил горящий канделябр.

Все, кроме четы Молотовых, наградили его вялыми аплодисментами. Бенефициант раскланялся и убежал в кухню, обдувая обожженные пальцы. Обычно подкладывали на сиденье помидор или кремовое пирожное, что вызывало прилив веселого смеха. На сей раз

шутка вышла несколько мрачноватая, нехорошая шутка. Склонясь над раковиной, Александр Николаевич Поскребышев смыл едкие слезы. Его жена приходилась сестрой жене Льва Седова. Всякий раз, поймав хмурый взгляд хозяина, он боялся идти с работы домой. В приемной было как-то поспокойнее, понадежней.

Член партии с семнадцатого года, он попал в Секретариат ЦК совершенно случайно, почти что с улицы. Первое время работал с Косиором, таким же лысым и кругленьким, а в двадцать восьмом его пригрел помощник хозяина Товстуха, интеллигент с глазами убийцы. Под его началом Поскребышев вырос до зава Особым сектором, а когда Товстуха благополучно скончался от чахотки, унаследовал должность помощника. Помимо прочего, он еще пользовал Иосифа Виссарионовича в качестве лекаря. Нечего и говорить, что перед ним заискивали не только наркомы, но и иные члены Политбюро.

С неизбежным арестом жены он заранее примирился. Иногда такое даже помогало карьере, но чаще предшествовало неизбежной развязке. Взять хоть бы Леонида Пятакова. Не успел отречься от бывшей подруги жизни, как взяли его самого.

Огонь в пальцах пропекал до самого сердца.

— Красивый все-таки обычай был зажигать елку,— нравоучительно заметил Сталин.— Напрасно его запретили.— Он плеснул в стаканчик немного вина.— Надо вернуть елку народу. Пусть в каждом доме радуются дети.

И вновь пошли тосты с новогодними пожеланиями.

Благосклонно выслушав здравицы, хозяин выпил бокал боржома и налил себе вина.

— Я пью за здоровье несравненного вождя народов, великого, гениального товарища Сталина... Это последний тост, который в этом году будет предложен здесь за меня.

«Правда» от 1 января 1937 года напечатала под крупным портретом вождя передовую: «Нас ведет великий кормчий». Ниже шел подписанный председателем ЦИК Калининым и секретарем Акуловым указ о присвоении звания Героя Советского Союза большой группе военных.

В следующем номере появился подвальный разворот со статьей маршала Егорова «Героическая эпопея», посвященной семнадцатой годовщине борьбы за Царицын. Знатоки недомолвок насторожились: уж не к войне ли? Похоже, что так, ибо и третьего января был подан вещий знак свыше. Газеты печатали длинные — на 285 человек — списки награжденных командиров, политработников, инженеров и техников РККА. Но мало этого! Рецензент «Правды» отмечал заслуги писателя Павленко, порадовавшего народ книгой о будущей войне. Уже само название романа, «На Востоке», указывало нужное направление.

В писательской среде Павленко знали как человека исключительно информированного, вхожего в верхи. Он водил дружбу с большими военными начальниками, чекистами, и уж кому, как не ему, было знать, с какой стороны нагрянет буря.

Книга шла нарасхват.

Бухарин газеты почти не читал. Едва раскрыв, ронял на пол. Не проходило и дня, чтобы в прихожей не раздавался требовательный, с первой трели узнаваемый звонок фельдъегеря. Сосредоточенно поджав губы, Аня вносила пакеты с пятью сургучными печатями. Так побивали каменьями в старину — со всех сторон, пока не вырастал могильный курган. После трех месяцев заключения начал давать показания Радек.

«Если я откровенно рассказал о контрреволюционной деятельности троцкистов, то тем более я не намерен скрывать контрреволюционную деятельность правых»,— сказал он следователю.

— Ужас! — почти механически повторил Николай Иванович, не ощущая под градом ударов, кто куда угодил — все было больно.

Аресты и впрямь множились по закону разветвленных цепей. Все новые и новые «заговорщики», о которых Бухарин и слыхом не слыхивал, давали показания против него и Рыкова. Томского поминали лишь изредка. Мертвый уже никого не волновал. Катилось по инерции, а может, так было задумано для вящей убедительности. Однажды Николай Иванович получил сразу двадцать протоколов. В террористическом заговоре сознавались, называя сообщников, бывший нарком труда

Шмидт и бывший секретарь МК Угланов. Бывшие ученики — Айхенвальд, Зайцев, Сапожников — тоже в один голос свидетельствовали против бывшего наставника. Раскрывали злодейские планы убить Сталина, произвести дворцовый переворот, расчленить страну на потраву империалистам. Все бывшие, все за потусторонней гранью. С горячечным бредом, с навязчивыми видениями. В протоколах мелькали имена Кагановича, Ворошилова и Молотова, ставшего вновь достойным пули врага. И странно — нынешние вожди, распорядители судеб, воспринимались в том же призрачном отдалении. Зловещие карлы, копошащиеся у ног тирана.

Пришло нежданное успокоение. Стало как-то необыкновенно легко и прозрачно.

Бухарин погладил полученный в подарок от первого маршала револьвер, заглянул в непроницаемую мглу вороненого дула и бросил в ящик. Нет, это у него не получится.

«Знай, Клим, что я ни к каким преступлениям не причастен»,— отправил прощальную записку фельдсвязью.

Ответ поступил вместе с конвертом, в котором лежал допросный лист ученого секретаря наркомтяжпромовского совета Цетлина. Цетлин признался в том, что по приказу Бухарина намеревался убить товарища Сталина, когда тот будет проезжать по улице Герцена. Для этой цели Бухарин передал ему свой пистолет, который потом где-то потерялся.

«Нет, живым я в руки не дамся!» — Бухарин потянулся к ящику, но рука его застыла на полпути. Не сейчас. Лучше в последнюю минуту, когда придут они. Пока в руке перо, он не сломлен. Распечатал второе письмо.

«Прошу ко мне больше не обращаться, виновны Вы или нет — покажет следствие»,— писал Ворошилов.

Николай Иванович не успевал отбиваться от клеветнических, как он неизменно пояснял, обвинений. Иногда приходилось писать ночь напролет, чтобы подготовить к приходу фельдъегеря ответную почту. В запале, что сродни агонии, он исписывал по сотне страниц. Тем и держался, пожалуй, на этом свете. Игнорируя Ежова, все, порой с обстоятельной запиской, адресовал лично Сталину.

Питал ли он хоть крупицу надежды? Он и сам затруднился бы дать определенный ответ. Его отношение

к Сталину всегда отличалось текучей двойственностью. Да и тактические соображения так часто заставляли лавировать между двумя крайностями, что это вошло в привычку. Еще в тридцатом, когда при его и Рыкова помощи Чингисхан окончательно расправился с «левой» и обратил оружие против вчерашних друзей, Бухарин вполне трезво оценивал обстановку.

Среди множества писем, посланных им «дорогому Кобе»,— давно прояснены отношения, а он по-прежнему пишет! — впечаталось в память одно. Последнее, как думалось тогда. По тону и вообще по всему оно и должно было стать последним.

«Коба. Я после разговора по телефону ушел тотчас же со службы в состоянии отчаяния. Не потому, что ты меня «напугал» — ты меня не напугаешь и не запугаешь. А потому, что те чудовищные обвинения, которые ты мне бросил, ясно указывают на существование какой-то дьявольской, гнусной и низкой *провокации*, которой ты веришь, на которой строишь свою политику и *которая до добра не доведет*, хотя бы ты и уничтожил меня физически так же успешно, как ты уничтожаешь меня политически...

Я считаю твои обвинения *чудовищной*, безумной клеветой, дикой и, в конечном счете, неумной... *Правда то,* что, несмотря на все наветы на меня, я стою плечо к плечу со всеми, хотя каждый божий день меня выталкивают. Правда то, что я терплю неслыханные издевательства. Правда то, что я не отвечаю и креплюсь, когда клевещут на меня... Или то, что я не лижу тебе зада и не пишу тебе статей a la Пятаков — или **это** делает меня «проповедником террора»? Тогда так и говорите! Боже, что за адово сумасшествие происходит сейчас! И ты, вместо объяснения, истекаешь злобой против человека, который исполнен **одной** мыслью: чем-нибудь помогать, тащить со всеми телегу, но не превращаться в подхалима, которых много и которые нас **губят**».

Кто-то, кажется Поль Валери, сказал: «Мыслю, как трезвый рационалист, а чувствую, как мистик». Вот и он, Бухарин, видел все насквозь, а всякий раз поддавался унизительной слабости чувства. Так хотелось верить, что чудовище все же чуточку лучше, чем кажется, что его безграничная подлость и злоба вызваны болезненной мнительностью, чуть ли не манией. Стоит пробиться сквозь леденящую оболочку вечной

его подозрительности, достучаться до сердца, и, словно по волшебству, развеется наваждение, исчезнет кошмар.

Отослав еще одну порцию заявлений Сталину и в Политбюро, Бухарин воспламенился шаткой, как язычок свечи на ветру, надеждой и нашел в себе силы перелистать скопившиеся возле кровати газеты. Сразу напал глазами на свое имя. «Правда» называла его агентом гестапо. Ленинская «Правда»! Та самая «Правда», в которую он, Бухарин, вложил частицу себя!

Он тут же написал в Политбюро, что не явится на пленум, пока с него не снимут обвинения в предательстве и шпионаже, и в знак протеста объявил «смертельную», как определил для себя, голодовку.

— Сел на декохт,— пошутил Сталин, передав письмо Ежову.— Партию попугать вздумал. Нашел, кого пугать.— И без малейшей паузы распорядился: — Астрова можно устроить в Москве.

Ежов сделал пометку в блокноте: «Освободить. Оставить в Москве. Дать квартиру и работу по истории».

На очной ставке в Кремле секретный сотрудник НКВД Астров, арестованный по линии Института красной профессуры, не щадя себя, сделал самые убийственные для Бухарина разоблачения. Сцена доставила вождю живейшее удовольствие. В сравнении с Астровым Радек и Пятаков выглядели жалкими статистами, а он играл вдохновенно, от души, не хуже профессионального артиста.

Цепкая память не подвела Сталина и на этот раз. У себя в библиотеке он нашел книжку «Экономисты», предтечи меньшевиков», изданную в 1923 году «Красной новью». Ее автором и был тот самый Астров, выпестованный Бухариным и Преображенским. Книжонку он сляпал пустяковую, из одних цитат, но по направлению мысли полезную. Человек подобного склада мог пригодиться. Манерой вести себя, благообразной внешностью, строем речи он до смешного напоминал Вышинского.

Спрятав письмо Бухарина, вождь взялся за бумаги, поступившие от Ежова.

Серебряков начал давать нужные показания через три с половиной месяца, Пятаков сумел выдержать чуть долее одного. Их протоколы почти не пришлось править. Больше всего пометок легло на дело Сокольникова.

На полях протокола допроса от 4 октября, где говорилось о встрече с английским журналистом Тальботом, Сталин поставил вопрос:

«А все же о плане убийства лидеров ВКП сообщил?»

И сам на него ответил:

«Конечно, сообщил».

Этого ему, однако, показалось недостаточно, и он приписал в конце страницы:

«Сокольников, конечно, давал информацию Тальботу об СССР, о ЦК, о ПБ, о ГПУ, обо всем. Сокольников — следовательно — был информатором (шпионом-разведчиком) английской разведки».

«Пока не разжуешь,— недобро подумал о людях Ежова,— ничего сами не сделают».

Из проекта обвинительного заключения он вычеркнул обвиняемого Членова и вписал замначальника Свердловской железной дороги Турока, несколько лет прослужившего в РККА.

Процесс «параллельного центра» запустили по накатанной колее, учтя как промахи, так и достижения августовского суда. Вышинский лично обратил внимание следователей на то, чтобы в показаниях обвиняемых не было ни малейших несогласованностей. Система *парадных* протоколов стала всеобъемлющей, подобно системе Станиславского в театре. Полученные на допросах показания сводились воедино и редактировались. После чего, причем в отсутствие арестованного, печатался протокол. Затем его просматривало по восходящей, вплоть до наркома, начальство, внося любые поправки и добавления. Обвиняемому оставалось лишь подписать, желательно без единой помарки, окончательный — парадный вариант и выучить текст. Перед началом суда следователи устраивали строгую проверку, часто экзамен принимал сам Вышинский. Лично отвечая за любой сбой памяти своих подопечных, чекисты старались изо всех сил. Уподобясь терпеливым педагогам, они ласково поощряли прилежных, успокаивали не в меру чувствительных, натаскивали забывчивых. Выбивать показания было, пожалуй, легче.

Все знали, что в этот раз кроме сослуживцев места в Октябрьском зале займут иностранные журналисты, дипломаты, писатели. Алексей Толстой, например, Петр Павленко. Но это свои, с ними просто. А ведь ожидается и Лион Фейхтвангер! Честь фирмы требовала не ударить в грязь лицом. «Семью Опперман» — фильм

по знаменитому роману — видела вся страна. С Фейхтвангером довелось крепко поработать Союзу писателей. Его возили на заводы и стройки, в образцовые библиотеки, дворцы культуры, дома пионеров. Он захотел увидеть, как живут обычные люди. Пришлось показать и типичную коммуналку. Собратья по перу, и в первую очередь переводчики, наперебой зазывали в гости. За дружеским столом Фейхтвангер узнал много интересного. Рассказали и про писателя, которого Сталин чуть ли не силком заставил переехать в четырехкомнатную квартиру. Были встречи с военными журналистами, с Кольцовым, ненадолго возвратившимся из Испании, с комкором Эйдеманом, который пишет замечательные стихи. В Кремль он ехал уже хорошо информированным о жизни страны. Очарованный беседой со Сталиным, простотой и житейской мудростью великого вождя, писатель-антифашист принял приглашение своими глазами взглянуть на «правосудие по-кремлевски», о чем наплела столько всяких небылиц буржуазная пресса.

Слушание началось 23 января в тех же голубых стенах и при том же составе суда. И судьи, и прокурор, и семнадцать обвиняемых — на сей раз к каждому был приставлен защитник — сидели на той же сцене, откуда ушли в небытие Зиновьев и Каменев. И сама эта сцена, на несколько ступенек приподнятая над залом, и ряды кресел, и барьер, отделявший подсудимых, напоминающий скорее обрамление ложи,— все навевало мысль о театральном зрелище.

Фейхтвангер, скептически настроенный перед поездкой в Москву, записал свои впечатления, которые почти без изменений вошли потом в его книгу «Москва 1937».

«Сами обвиняемые представляли собой холеных, хорошо одетых мужчин с медленными, непринужденными манерами. Они пили чай, из карманов у них торчали газеты, и они часто посматривали в публику. По общему виду это походило больше на... дискуссию, которую ведут в тоне беседы образованные люди, старающиеся выяснить правду и установить, что именно произошло и почему это произошло. Создавалось впечатление, будто обвиняемые, прокурор и судьи увлечены одинаковым, я чуть было не сказал — спортивным, интересом выяснить с максимальной точностью все происшедшее. Если бы этот суд поручили инсцени-

ровать режиссеру, то ему, вероятно, понадобилось бы немало лет и немало репетиций, чтобы добиться от обвиняемых такой сыгранности: так добросовестно и старательно не пропускали они ни малейшей неточности друг у друга, и их взволнованность проявлялась с такой сдержанностью. Короче говоря, гипнотизеры, отравители и судебные чиновники, подготовившие обвиняемых, помимо всех своих ошеломляющих качеств должны были быть выдающимися режиссерами и психологами.

Невероятной, жуткой казалась деловитость, обнаженность, с которой эти люди непосредственно перед своей почти верной смертью рассказывали о своих действиях и давали объяснения своим преступлениям».

Особое впечатление на тонкого знатока человеческой натуры, воссоздавшего впечатляющие образы тиранов, предателей, палачей прошлого и настоящего, произвел Пятаков.

Его подлечили в больнице Бутырской тюрьмы, где ему вставили новые зубы, посадили на усиленное питание. За исключением подергивания лицевых мускулов, все последствия многочасовых допросов удалось более-менее сгладить, подретушировать. И это характерное, свидетельствующее о глубоком внутреннем поражении подергивание не укрылось от проницательного взгляда романиста, было подмечено, но почему-то не подверглось холодному аналитическому разбору. Может быть, потому, что он не сподобился наделить столь примечательным недостатком Безобразную герцогиню? Или кого-нибудь из Опперманов (Оппенгеймов)?

«Я никогда не забуду, как Георгий Пятаков, господин среднего роста, средних лет, с небольшой лысиной, с рыжеватой, старомодной, трясущейся острой бородой, стоял перед микрофоном и как он говорил — будто читал лекцию. Спокойно и старательно он повествовал о том, как он вредил в вверенной ему промышленности. Он объяснял, указывал вытянутым пальцем, напоминая преподавателя высшей школы, историка, выступающего с докладом о жизни и деяниях давно умершего человека по имени Пятаков и стремящегося разъяснить все обстоятельства до мельчайших подробностей... чтобы слушатели и студенты все правильно поняли и усвоили».

Подробно, в духе классической школы описан портрет. Намечена связь между внешним и внутренним,

наконец, интуитивно нащупан ключевой пульс: человек вроде бы рассказывает о себе, а создается впечатление, что о ком-то другом, к тому же давно мертвом. Странное, по меньшей мере, впечатление и еще более странное раздвоение психики революционера, ставшего шпионом. Оставалось немногое: осмыслить побудительные мотивы, связать провидческую догадку о режиссерах (гипнотизерах, отравителях) с явно заученной ролью бесчувственного вредителя.

Но Фейхтвангеру недостало упорства и воли докопаться до единственно возможного логического конца: если есть актеры, то есть и режиссер. С обликом Сталина это никак не вязалось.

СССР — страна победившего социализма! СССР — бастион на пути фашистской чумы! Психологическая установка магнетизировала образ вождя. Притом Сталин умел вызывать симпатию. Его словам верили, часто очевидности вопреки. Встречаясь с такими людьми, как Герберт Уэллс или Ромен Роллан, он не жалел усилий, чтобы предстать в самом выгодном свете. После досадной неудачи с Андре Жидом, которого так и не удалось провести на мякине, он заранее подготовился к разговору с Фейхтвангером. Цитировал Плутарха — сначала по памяти, потом достал книгу и проверил по тексту. Заговорив о лицемерии заговорщиков, раскрыл лежавший у него на столе томик Макиавелли и показал предисловие Каменева: книга вышла в «Академии» в 1934 году, незадолго до первого суда в Ленинграде. Когда Фейхтвангер упомянул о дурном впечатлении, которое произвел августовский процесс даже на людей, расположенных к Советскому Союзу, Сталин рассмеялся: «Можно понять людей, которые, прежде чем согласиться поверить в заговор, требуют предъявления большого количества документов. Но это опасное обольщение. Опытные заговорщики редко имеют привычку держать свои документы в открытом месте».

Подробно рассказав о предъявленном Пятакову и Радеку обвинении, он как бы вскользь упомянул о панике, в которую приводит фашистская опасность нестойких духом.

«Писателя Карла Радека я тоже вряд ли когда-нибудь забуду,— пополнил Фейхтвангер свой «Отчет о поездке» на второй день процесса.— Я не забуду, ни как он там сидел в своем коричневом пиджаке,

ни его безобразное худое лицо, обрамленное каштановой старомодной бородой, ни как он поглядывал в публику, большая часть которой была ему знакома, или на других обвиняемых, часто усмехаясь, очень хладнокровный, зачастую намеренно иронический... ни как он, выступая, немного позировал, слегка посмеиваясь над остальными обвиняемыми, показывая свое превосходство актера,— надменный, скептический, ловкий, литературно образованный».

Даже «превосходство *актера*» отметил острый писательский глаз, а трезвый, спокойный ум, обогащенный глубокими знаниями, словно заблокировали сталинские — черные с обильной желтизной — очи. Не актера поневоле, а прожженного обманщика-лицедея увидел Фейхтвангер на скамье подсудимых. Не ощутил потаенной трагедии неравного поединка между Вышинским и Радеком.

— ...Так, обвиняемый Радек на допросе от двадцать второго декабря тысяча девятьсот тридцать шестого года,— отлично поставленным голосом читал Вышинский,— приводит следующее место из письма Троцкого... «Главным условием прихода к власти троцкистов, если им не удастся добиться этого путем террора, было бы поражение СССР; надо, поскольку это возможно, ускорить столкновение между СССР и Германией»,— сделав эффектную паузу, прокурор сослался на соответствующий лист и том дела.

Потрясенный Фейхтвангер — беженец из фашистской Германии, чьи книги сжигались на площадях, не обратил внимания на то, что «письмо Троцкого» только упоминалось, но не фигурировало на этом суде.

— ...Радек, подтверждая показания Пятакова,— витийствовал перед микрофоном государственный обвинитель,— на допросе от двадцать второго декабря... показал... действовать по указаниям Троцкого, согласованным с германским генеральным штабом (том пятый, лист дела сто пятьдесят второй)...

Фейхтвангер схватился за сердце: за спиной заговорщиков стоял не только Троцкий, но весь гитлеровский вермахт!

— ...Обвиняемый Сокольников показал: «По окончании одной из официальных бесед у меня в кабинете, когда Г. и секретарь посольства собрались уходить, Г. несколько задержался. В это время оба переводчика

вышли уже из кабинета. Воспользовавшись этим, Г., в то время как я провожал его к выходу, обменялся со мной несколькими фразами...»

В голове не укладывалось, как могли эти люди, управлявшие важнейшими министерствами, пойти на сотрудничество с заклятым врагом! Одно дело — политическая борьба и совсем иное — шпионаж, тем более террор! А они ничем не брезговали. Действуя по указаниям параллельного центра и прямым заданиям агента японской разведки Х., обвиняемый Князев проводил диверсии на железных дорогах: крушение военного эшелона на станции Шумиха, во время которого двадцать девять красноармейцев погибли и столько же получили ранения; крушение на перегоне Яхино — Усть-Катав в декабре тридцать пятого года; крушение на перегоне Единовер — Бердяуш в феврале тридцать шестого.

Взрывы, аварии, отравления! Пятаков дал указания Норкину подготовить поджог Кемеровского химкомбината к моменту начала войны. Все поры государственного механизма были пронизаны изменниками, словно трухлявый пень прожорливыми личинками. Очень даже уместное слово — вредитель.

Приставленная к Фейхтвангеру переводчица сказала, что речь прокурора не обязательно записывать. Все будет напечатано в завтрашних газетах.

Допрос Радека начался на другой день, на утреннем заседании.

В числе своих сообщников он назвал Смирнова, Дрейцера, Мрачковского, Гаевского, осужденных по первому процессу.

— А группа правых? — потребовал Вышинский.

— Само собой, я был с Бухариным связан.

— Даже само собою понятно! — иронизировал прокурор.— Какие вы можете назвать конкретные факты о связях с группой правых?

— У меня была связь только с Бухариным. Томского я видел только в тысяча девятьсот тридцать третьем году, когда он говорил очень остро о внутреннем положении...

Вышинский задал вопрос о Сокольникове.

Почти теми же словами Радек описал свою встречу с загадочным Г. И продолжительность последовавшей паузы, вместив непроизнесенное имя, была такая же, как у прокурора.

— А вы были за поражение или за победу СССР? — спросил как бы с подковыркой Вышинский.

— Все мои действия за эти годы свидетельствовали о том, что я помогал поражению,— не пожелал отвертеться Радек.

— Эти ваши действия были сознательными?

— Я в жизни несознательных действий, кроме сна, не делал никогда.

В зале прозвучал дружный смех.

Фейхтвангер недоуменно оглянулся. Чему смеялись эти люди? Обмен репликами невольно напоминал детские игры в войну, а ведь речь шла о войне настоящей, о судьбах миллионов! Но прокурор упорствовал, доводя почти до абсурда перепасовку короткими фразами, за которой только угадывался беспощадный подтекст.

Самоуверенная бесшабашность Радека вызывала смутную тревогу.

— А это был, к сожалению, не сон?

— Это, к сожалению, был не сон,— казалось, Радек дразнит Вышинского.

— А было явью?

— Это была печальная действительность.

— Да, печальная для вас...

Конкретных фактов так и не последовало. Назывались фамилии, приводились подробности безумных фантасмагорических планов.

— Германии намечалось отдать Украину,— с непонятной веселостью рассказывал подсудимый о предполагаемом разделе страны.— Приморье и Приамурье — Японии.

Как бы мимоходом, хотя для защиты это могло оказаться немаловажным, он упомянул, что собирался порвать с заговорщиками, рассказать обо всем в ЦК. Но прокурора ничуть не волновало, почему не реализовались благие намерения. Видимо, ему хотелось выставить подсудимого в самом невыгодном свете. И Радек охотно пошел навстречу, потешив заодно публику:

— Не я пошел в ГПУ, за мной пришло ГПУ.

— Ответ красноречивый,— Вышинский определенно остался доволен.

— Ответ грустный.

Только абсолютно бездарный драматург мог состряпать такую пьесу. Живая действительность оказалась до ужаса примитивной.

Вышинский. Это измена?

Радек. Да.

Что может быть проще? С этого они могли бы начать.

Вышинский. Сколько месяцев вы отрицали?

Радек. Около трех месяцев.

Государственный обвинитель мог торжествовать заслуженную победу.

Фейхтвангер, далекий от советских реалий, невольно пропускал моменты поистине драматические, которые заставили затаить дыхание даже специфическую аудиторию Октябрьского зала.

Карл Радек (писатель, еврей, в прошлом видный деятель Германской компартии) вполне естественно вызвал особое любопытство.

«То он ударял газетой о барьер, то брал стакан чая, бросал в него кружок лимона, помешивал ложечкой и, рассказывая о чудовищных делах, пил чай мелкими глотками»,— фиксировал Фейхтвангер примечательные штришки. Но, сосредоточившись на скрупулезном описании чисто внешней стороны и вообще ощущая себя Гулливером где-нибудь в стране Лапуту, он не догадывался о том, что говорилось на закрытых заседаниях.

Отвечая на один из заданных Вышинским вопросов, Радек невзначай упомянул Тухачевского.

Имя маршала возникло как будто случайно. Прокурор сразу насторожился и потребовал дополнительных подробностей. Это явно смутило Радека.

— Естественно, Тухачевский не знал о моей преступной деятельности,— сказал он с непонятной досадой и добавил уверенно, что маршал беззаветно преданный партии боец. Просто ему, Радеку, понадобились для работы какие-то сведения об английской армии, и он через Тухачевского познакомился с Путной.

— Путна вместе со мной участвовал в заговоре,— тихо сказал Радек.

Он твердо придерживался уготованной ему роли и не хотел прибавить лишнего слова. Но, конечно, догадывался, *почему* в протоколе появилось имя маршала.

Вышинский тоже не стал копать дальше, исчерпав свой интерес и к Тухачевскому, и к Путне. По сценарию Мдивани с его «грузинским троцкистским центром» играл на процессе значительно более важную роль. Террористические акты против Сталина, Ежова и Берии могли послужить сигналом к государственному перевороту.

В «Правде» под рубрикой «Из зала суда» напечатали репортаж П. Павленко «Прокурор на трибуне»: «Немного на свете прокуроров, которые могли бы позволить себе, требуя смерти преступников, говорить о величии идей своего времени, как их осуществители».

Слог модного прозаика-публициста оставлял желать лучшего, но, по сути он ничем не погрешил против истины. Таких прокуроров, как Вышинский, на свете не было.

Будучи еще ректором МГУ, он написал серьезные монографии «Суд и карательная политика Советской власти», «Курс уголовного процесса» и даже зарекомендовал себя глубоким знатоком тонкостей средневекового права. «Оно считалось,— писал Андрей Януарьевич о признании обвиняемого,— «царицей доказательств», лучшим же средством для его получения считалась пытка, физическая или нравственная, безразлично».

Не бог весть какое открытие, но все достойно, все на своем месте. Однако, заняв кресло Прокурора СССР, Вышинский диаметрально переменил свои теоретические воззрения. В секретном циркуляре санкционировал применение пыток, а в научных трудах, как всегда неопровержимо и убедительно, доказал, что признание обвиняемого действительно является «царицей доказательств».

«Это измена?» — «Да». Больше ничего и не требуется. Совсем не детские игры. Это краткое «да» и есть «царица доказательств».

Фейхтвангер, понятно, пребывал в абсолютном неведении и все время ждал, когда же наконец суду будут предъявлены хоть какие-нибудь документы. Ни на третий, ни на четвертый день ничего подобного не случилось. Переводчица объяснила, что такие вещи разбираются на закрытых заседаниях.

— Ах, так! Ну тогда понятно...

Фейхтвангер пропустил самый, быть может, напряженный момент процесса, когда Вышинский спросил Муралова, почему он так долго отказывался признаться в «виновности».

— Я думал так, что если я дальше останусь троцкистом, тем более что остальные отходили — одни честно и другие бесчестно... во всяком случае, они не являлись знаменем контрреволюции. А я нашелся, герой... Если я останусь дальше так, то я могу быть

знаменем контрреволюции... И я сказал себе тогда, после чуть ли не восьми месяцев, что да подчинится мой личный интерес интересам того государства, за которое я боролся в течение двадцати трех лет, за которое я сражался активно в трех революциях, когда десятки раз моя жизнь висела на волоске...

«Свое нежелание поверить в достоверность обвинения сомневающиеся обосновывают тем, что поведение обвиняемых перед судом психологически необъяснимо. Почему обвиняемые, спрашивают эти скептики, вместо того чтобы отпираться, наоборот, стараются превзойти друг друга в признаниях? И в каких признаниях! Они сами себя рисуют грязными, подлыми преступниками. Почему они не защищаются, как делают это обычно все обвиняемые перед судом?.. То, что обвиняемые признаются, возражают советские граждане, объясняется очень просто. На предварительном следствии они были настолько изобличены свидетельскими показаниями и документами, что отрицание было бы для них бесцельно... Патетический характер признаний должен быть в основном отнесен за счет перевода. Русская интонация трудно поддается передаче, русский язык в переводе звучит несколько странно, преувеличенно, как будто основным тоном его является превосходная степень... Я слышал, как однажды милиционер, регулирующий движение, сказал моему шоферу: «Товарищ, будьте, пожалуйста, любезны уважать правила». Такая манера выражения кажется странной».

Что и говорить, переводчики знали свое дело! И те, что сидели рядом, и те, чей голос звучал в наушниках.

— Подсудимый Радек, скажите, к вам на дачу под Москвой приезжало некое лицо? — спросил Вышинский на вечернем заседании двадцать седьмого января.

— Как я уже показывал, летом тридцать пятого года меня посетил тот же самый дипломатический представитель той же самой среднеевропейской страны...

Все-таки это подозрительно походило на детскую игру «Возьми то, не знаю что»... Впрочем, было похоже, что обвинитель и обвиняемый, перебрасываясь загадочными, условными фразами, знают, о чем идет речь. Причем оба — вот что замечательно! — с одинаковым рвением оберегают государственную тайну.

— На одном из очередных дипломатических приемов подошел ко мне военный представитель этой

страны,— продолжал повествовать о своем падении Радек.

Но прокурору показалось, что подобная откровенность может завести слишком далеко.

— Не называйте ни фамилий, ни страны.

После «заключительной экспертизы», как назвали короткую заминку за судейским столом газеты, председательствующий Ульрих объявил:

— Дальнейшее заседание будет происходить, на основании статьи девятнадцать Уголовно-процессуального кодекса, при закрытых дверях. Следующее открытое заседание суда — двадцать восьмого января в четыре часа дня.

Подобные перерывы устраивались всякий раз, когда заходил разговор о «господине Г.» — в стенограмме следовало шесть точек — и «господине Х.». В первом можно было заподозрить германского резидента, во втором — определенно японского. Но смутил появившийся в «Правде» заголовок: «Японский господин Ха, или дальневосточный псевдоним Троцкого».

Тут Фейхтвангер почувствовал, что в его голове все окончательно перепуталось.

В длинной обвинительной речи мелькали удивительные пассажи, немыслимые в нормальном суде.

— Вот Ратайчак,— Вышинский, загнув пальцы книзу, пренебрежительно указал на начальника Главхимпрома НКТП.— Он сидит в задумчивой позе, не то германский, это так и осталось невыясненным до конца, не то польский разведчик, в этом не может быть сомнения, как ему полагается, лгун, обманщик и плут...

Станислав Антонович Ратайчак — личность, безусловно, неординарная. Служил в немецкой армии, в пятнадцатом году попал в русский плен, с первых дней революции — в РККА.

Такого человека — немец! — легче всего обвинить в шпионаже, но нужны хоть какие-то аргументы! А то: «...так и осталось невыясненным»... И что ему «полагается», Ратайчаку? Быть плутом от природы?

Непривычно вели себя и адвокаты. Не проронив в течение всего разбирательства ни единого слова, они выступили под занавес с уныло-стандартными, до смешного одинаковыми речами, не столько оправдывая, сколько обвиняя своих подзащитных, и тем не менее дружно просили о снисхождении.

— Тут никакой гордости нет, какая тут может быть гордость... Я скажу, что не нужно нам этого снисхождения,— сказал в последнем слове Карл Радек.

Письма Троцкого, вокруг которых было столько наверчено, он, оказывается, заучивал наизусть, чтобы осведомить сообщников, а после сжигал. Так они в деле и фигурировали — в устном изложении.

Приговор не вызвал у осужденных ни протеста, ни удивления. Они выслушали его, стоя в полном молчании. Пятакова, Серебрякова, Лившица, Муралова, Дробниса, Богуславского, Норкина — тринадцать человек приговорили к расстрелу. Радека, Сокольникова и Арнольда, «как несущих ответственность, но не принимавших непосредственного участия в организации и осуществлении актов диверсий, вредительства, шпионажа и террористической деятельности», осудили на десять лет, инженера Строилова — на восемь.

— Выбирай, кем хочешь быть: или шпионом, или террористом? — предложили Арнольду, завгару из Прокопьевска, следователи на допросе в Верхне-Уральской тюрьме.

Он выбрал терроризм и не мог понять, какая сила уберегла его от смертной казни.

«Показались солдаты,— записал Фейхтвангер.— Они вначале подошли к четверым, не приговоренным к смерти. Один из солдат положил Радеку руку на плечо, по-видимому предлагая ему следовать за собой. И Радек пошел. Он обернулся, приветственно поднял руку, почти незаметно пожал плечами, кивнул остальным приговоренным к смерти, своим друзьям, и улыбнулся. Да, он улыбнулся».

Потом охранники в синих фуражках увели остальных, изобличенных в подготовке террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства — товарищей Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе, Ежова, Жданова, Косиора, Эйхе, Постышева и Берия. В таком, еще непривычном порядке и было перечислено.

Главные же вдохновители преступного умысла оставались пока безнаказанными. На это прямо указывало дополнение к приговору, вошедшее в законную силу:

«Высланные в 1929 г. за пределы СССР и лишенные от 20-го февраля 1932 г. права гражданства СССР

враги народа Троцкий Лев Давидович и его сын Седов Лев Львович, изобличенные показаниями... в случае их обнаружения на территории СССР подлежат немедленному аресту и преданию суду».

Проводив взглядом тех, кому предстояло умереть уже через считанные минуты, Вышинский задержался на затылке Серебрякова. Леонид Петрович уходил с поднятой головой.

С дачей все устроилось самым лучшим образом. За свой дом Андрей Януарьевич получил сполна от нового пайщика Бородина, бывшего политического советника Сунь Ятсена. Балансовая стоимость потянула без малого на сорок тысяч. На серебряковском участке, целиком отошедшем прокурору Союза, произвели капитальный ремонт. И тут Вышинский предпринял непревзойденный, прямо-таки изумительный трюк. Передав дачу из кооперативного владения в государственное — в подчиненную лично ему союзную прокуратуру, он вернул затраченные на капитальный, на самом деле фиктивный, ремонт кровные двадцать тысяч и плюс к тому серебряковский пай в семнадцать с половиной тысяч рублей.

В тот самый январский день, когда Вышинский начал допрашивать Серебрякова насчет преступной антисоветской деятельности, дача, как «строящаяся», была зачислена на баланс в хозуправление Совнаркома. Законность подобной сделки беспокоила не слишком, но оставался нежелательный нюанс. Согласно приговору («имущество всех осужденных, лично им принадлежащее,— конфисковать»), по крайней мере, скромный пай Леонида Петровича полагалось передать в казну, а этого не случилось. Поэтому государственный обвинитель выкинул совсем уж головокружительное сальто-мортале.

Завсекретариатом Прокуратуры СССР Харламов направил в хозуправление только что образованного согласно новой Конституции Верховного Совета следующую бумагу:

«В самом начале постройки новой дачи тов. Вышинский имел в виду оплатить ее стоимость... Когда же выяснилась полная стоимость вновь выстроенной на участке № 14 дачи, вопрос о приобретении ее тов. Вышинским в собственность отпал. Ввиду того, что возврат 37 500 рублей слишком затруднителен, что ставит тов. Вышинского в трудное положение, прошу Вашего рас-

поряжения о перечислении на его имя принадлежащей ему вышеназванной суммы».

Итого: 40 000 плюс 37 500 плюс еще раз 37 500. В придачу к приглянувшемуся дому над речным обрывом Андрей Януарьевич получал «довесок» в 115 000 рублей.

Трижды, четырежды гениально!

А Фейхтвангер мучился сомнениями, копался в психологии осужденных, копался в себе.

«Основные причины того, что совершили обвиняемые, и главным образом основные мотивы их поведения перед судом западным людям все же не вполне ясны,— изложил он свои впечатления для советской печати.— Пусть большинство из них своими действиями заслужило смертную казнь, но бранными словами и порывами возмущения, как бы они ни были понятны, нельзя объяснить психологию этих людей. Раскрыть до конца западному человеку их вину и искупление сможет только великий советский писатель».

Союз писателей принял вызов:

«Фейхтвангер не понимает, какими мотивами руководствовались обвиняемые, признаваясь. Четверть миллиона рабочих, демонстрирующих сейчас на Красной площади, это понимают».

На митинге, созванном Московским горкомом, все, как один, подняли руки, одобряя суровый и справедливый приговор.

А на другое утро горячку коллективного разума, пораженного «психической (по Бехтереву) заразой», обдала волна арктического, в прямом и переносном смысле, воздуха.

«Зимовка на острове Рудольфа»,— оповестила «Правда».

Так и тянулось почти всю первую половину блистающего весной света февраля чередование черного и белого, ясного солнца и кромешной тьмы.

«Геринг опровергает».

«Многомиллионный советский народ единодушно одобряет приговор изменникам родины».

«Речь Гитлера — новая угроза миру».

«Троцкистские агенты Гитлера и Франко — злейшие враги антифашистского фронта».

Кукрыниксы изобразили «Парад фашистских вралей»: Геббельс верхом на утке объезжает строй монстров с перьями, роняющими капли чернильного яда.

«Отважные пограничники на приеме у тов. Н. И. Ежова»: на фотографии замнаркома внутренних дел, комкор М. П. Фриновский, замнаркома, комиссар госбезопасности второго ранга А. Н. Бельский и прочие.

Десятого в Большом театре прошел торжественный вечер, посвященный столетию со дня смерти Пушкина. Поэт Безыменский произнес речь в стихах, вызвав бурю аплодисментов:

Да здравствует Ленин!
Да здравствует Сталин!
Да здравствует солнце!
Да скроется тьма!

«Этих дней не смолкнет слава» — номер «Правды» от 12-го был посвящен маршалу Блюхеру.

13 февраля: «Новости из свежего источника» — опять Геббельс.

14 февраля: «Поездка маршала СССР тов. А. И. Егорова по приглашению начальников штабов литовской, латвийской и эстонской армий».

49

Танкер «Рут», тайно зафрахтованный норвежским правительством, бросил якорь на рейде мексиканского нефтяного порта Тампико.

Полицейский офицер, которому было поручено сопровождать секретного пассажира, постучался в каюту.

— Позволите помочь вынести багаж, господа? Катер пришвартовывается к борту.

— Какой катер? — Троцкий остановил жену взглядом: «Сиди».— Я не тронусь с места, пока не увижу своих друзей,— прокричал он, не открывая двери.

Безмятежная синева в иллюминаторе и дальний причал с мрачными цилиндрами нефтехранилищ не внушали доверия. И вообще, зачем понадобилось становиться на якорь? Почему не вошли в порт? Из-за конспирации? Или так полагается танкерам? Прежде чем что-то решать, требовалось получить исчерпывающие ответы. Не то чтобы он ожидал увидеть толпу встречающих. Но на бетонном пирсе нельзя было различить ни единой фигурки. Сколько хватал глаз, в пыльном мареве простиралась унылая красная пустыня с вышками и газгольдерами, похожими на ги-

гантские батискафы, выброшенные из глубин океана. В стороне слегка дымила стальная махина ректификационных сооружений: колонны, трубы, низкие, поблескивающие закопченными стеклами цеха. В солнечном беспощадном пожаре язычки факелов едва угадывались по морщинам перетекающих воздушных волн. Это лишь подчеркивало унылую обезлюженность индустриального ада. В таком месте могло произойти все, что угодно. Стоило неделями болтаться в штормящем океане, чтобы попасть в лапы вездесущего ГПУ. Откуда он знает, кто встретит их на том катере?

— У меня есть инструкция применить силу в случае вашего отказа сойти на берег.

— Поступайте как знаете. Мы ничего не боимся,— Лев Давидович ободряюще улыбнулся Наталье Ивановне.— Нас силой отправили в казахскую ссылку и так же силой доставили в Турцию. Если правительству цивилизованной европейской страны не дают покоя лавры Сталина, мне нечего возразить. Но предупреждаю, что на вас ляжет вся тяжесть ответственности за нашу кровь. А насилием нас не удивишь.

Троцкий не преувеличивал. В январе двадцать восьмого, то есть ровно девять лет назад, его на руках вынесли из дома, бросили в машину и повезли на Ярославский вокзал.

— Смотрите, они увозят Троцкого! — сын Лева пытался позвать на помощь, но ему просто-напросто заткнули рот. Прошел год с небольшим, и все так же тайно, подло, в мороз и пургу, гепеуры во главе с Бухариным затолкали их в тесную каюту.

На убийство Сталин тогда не решился, хотя место — пустынный причал под Одессой — было вполне подходящее.

Норвежец постучался еще раз, но, не дождавшись никакого ответа, поднялся на палубу объясняться с властями. Жаркие, ничуть не потускневшие глаза фанатика и пророка полыхнули победным жаром.

Наталья Седова лишь устало улыбнулась в ответ. И кудри побелели, и острая бородка, и упрямо торчащие усы, а взгляд все тот же: непреклонный, испепеляющий. Пожалуй, она одна знала, какой ценой давались ему эти мгновенные вспышки.

По иронии судьбы пароход, доставивший на чужбину бывшего председателя Петроградского Совета, первого наркомвоенмора и председателя Реввоенсовета,

назывался «Ильич». Где-то в продуваемых ледяной трамантаной[1] клоповниках Галлиполи или в промозглых трущобах Галаты агонизировали жалкие остатки белого воинства. Отчаявшиеся неудачники, не сумевшие вырваться в вожделенный Париж, искали пропитания в предместьях Истанбула. Отсюда Принкипо был виден как на ладони. Для злорадства в иных дотла сожженных душах не осталось места, а завидовать не было оснований. Участь второго, а для кого и первого большевистского вождя если и была лучше, то ненамного. Ощущая себя заживо погребенным, выброшенным из жизни, он с той же безнадежной исступленностью копался в прошлом и рвался в большой, но недоступный для него мир. Лишь через четыре с половиной года удалось получить документы на въезд во Францию. Из всего, что было написано за эти бесконечно долгие дни и ночи, могло бы составиться пять, а то и все шесть дополнительных книг к семнадцатитомному собранию, что вышло еще на родине.

Такие тонкие ценители, как Эмиль Людвиг, отзывались о нем, как о замечательно одаренном писателе. Но работа над словом никогда не была для него самоцелью. Только оружием в политической борьбе. Вышедшую из-под пера книгу Троцкий оценивал сугубо прагматически, по непосредственному результату, а он зачастую оказывался совершенно ничтожным. «Сталинская школа фальсификации», изданная в Берлине перед самым гитлеровским переворотом, тоже не всколыхнула, как он втайне надеялся, Коммунистический Интернационал.

Несмотря на успех «Истории революции», переведенной на несколько языков, невзирая на бесчисленные журнальные публикации, интервью и рассылаемые по всему свету письма, все утекало в песок. Стоило ли жечь себя ночь напролет, чтобы довольствоваться фантомом, иллюзией?

Впрочем, спасибо и за то, что горбатой скале в Мраморном море не суждено было стать островом Святой Елены. Он все-таки прорвался в центр Европы и, главное, вывез свой бесценный архив. Однако и Лазурный берег, давнее прибежище русской аристократии, не принес ожидаемых перемен. Дышалось как будто вольнее, но зато и опасность придвинулась на расстояние

[1] Северо-восточный ветер.

выстрела. По сути та же тюрьма, но умело загримированная под райскую обитель сочными красками юга: руки связаны, на устах печать вынужденного молчания. В Париж ни ногой, никаких заявлений для печати, даже выступать в рабочем клубе и то не разрешается. Довоенная эмиграция не знала подобных ограничений. Слишком напуган мир, слишком напряжены охватившие его силовые линии.

После подписания франко-советского договора Троцкий окончательно превратился в нежелательного иностранца. Как только раскрылось его инкогнито — случайно? — власти поспешили с указом о высылке. Остановка была за малым: найти страну, которая согласилась бы предоставить убежище человеку, за которым охотится НКВД. Притом опаснейшему революционеру, повсюду имеющему восторженных почитателей. В Европе, пронизанной током противоположно заряженных полюсов, для Троцкого уже не было места. Одни правительства ориентировались на национал-социализм, другие рассчитывали на союзническую поддержку Сталина, третьи не желали для себя лишних осложнений.

Лишь маленькая Норвегия решилась пригреть изгнанника при условии, что он полностью откажется от любого вида политической деятельности. В тот год был арестован его сын Сергей, не пожелавший по наивности вкусить эмигрантского хлеба. На Лубянке из него пытались выжать клеветнические показания на отца и брата. По-видимому, безуспешно, ибо, как стало известно из нелегальных источников, он был этапирован в Воркуту, куда стягивали подавляющее большинство троцкистов. Отрекшихся и нераскаявшихся с роковой отметкой КРТТД — контрреволюционная террористическая троцкистская деятельность.

— Сталин намеревается вырвать показания против меня у моего собственного сына,— крепясь из последних сил, говорил он близким друзьям, навещавшим его в северном суровом уединении.— ГПУ, не колеблясь, доведет Сергея до помешательства, а затем расстреляет.

Наталья, лично от себя, обратилась с воззванием к «Совести мира». Но практически никто не откликнулся.

— Ты знаешь,— признавался он в особо тяжелые минуты жене,— я ощущаю себя выжатым до последней капли. Лучше бы мне умереть. Как ты думаешь, может, моя смерть спасет Сергея?

А на другое утро он с тем же непримиримым упорством хватался за перо.

«Возмущение, гнев, отвращение? — писал по поводу судебных инсценировок.— Да, и даже временная усталость. Все это человеческое, слишком человеческое. Но не поверю, что вы позволили пессимизму взять верх... Это равнозначно тому, чтобы самым пассивным и жалким образом обидеться на историю. Разве так можно? Историю следует воспринимать такой, какова она есть; когда же она позволяет себе подобные невероятные и грязные выходки, от нее надлежит отбиваться кулаками».

И отбивался, подбадривая усталых, заражая силой духа изверившихся.

Августовский процесс вынудил Троцкого обдуманно нарушить жесткое табу. Прежде чем поступило решение о депортации, он успел созвать журналистов и отправить обращение в Лигу Наций.

«Меня называют агентом Гитлера и микадо, организатором террора и вдохновителем убийц,— бросил он расчетливый вызов Сталину.— Почему же они не требуют моей выдачи? Я готов предстать перед любым судом, чтобы разоблачить ложь».

За четыре долгих месяца, пока шли тайные переговоры с Мексикой и через подставных лиц подыскивалась подходящая посудина для переброски возмутителя спокойствия на другой край земли, он не оставил камня на камне от лживых речей прокурора Вышинского и покаянных самооговоров бывших товарищей по революционной борьбе. Но мир не пошатнулся. Кто хотел знать правду, знал ее и без Троцкого. Остальных вполне устраивал сложившийся порядок вещей.

Гласный суд над Троцким мог, словно карточный домик, разрушить весь механизм политических процессов, поломать всю намеченную программу. Поэтому Сталин предпочел просто не расслышать заглушенный расстоянием голос врага. В истерическом реве митингующих толп, что с антенн башни Шухова разносила во все концы мощнейшая радиостанция имени Коминтерна, это было не так уж и трудно. И «Совесть мира» откликнулась на призыв.

«Смерть собакам!» — в слитном хоре рабочих и крестьян не затерялись голоса инженеров человеческих душ. Совесть народа в лице корифеев соцреализма, как по команде, поддержала совесть Америки и Европы.

Мартин Андерсен-Нексе, Теодор Драйзер, Анри Барбюс, Луи Арагон — все дружно пропели осанну Сталину и его опричникам. Даже Ромен Роллан не удержался от унизительных славословий. Творец «Жана-Кристофа» и ценитель индуистской метафизики с ее всеобъемлющим Брахманом и священным принципом ахинсы не устоял перед оправданием массового убийства. Троцкий уже готов был привлечь «великого гуманиста» к суду. За клевету на конкретных людей, понятно, а не за измену гуманизму, ибо, подобно Сталину, считал гуманизм слабостью, мелкобуржуазным пережитком. Пребывая в зените власти, он и сам был готов вымостить дорогу в Царство свободы костями безымянных жертв. Коллективизацию поэтому встретил с пониманием. Даже качнулся душой в сторону Сталина в его противоборстве с правыми, но все же разобрался, кто на чем стоит, и сделал верные выводы. Жаль, слишком поздно. Безнадежно опоздал, как это уже было с антисталинским блоком. Сталин сделал ставку на люмпена, быдло и выиграл. Нетерпеливые мечтатели пошли на удобрение для колхозных полей.

Из эмигрантского далека многое рисовалось в неистинном свете. Прослышав о мнимой оппозиции в РККА, Троцкий заподозрил Ворошилова с Буденным и опять громогласно высказался за Кобу, немало смутив самых стойких приверженцев.

— Узурпатор, перерожденец — все так,— убежденный в ему одному дарованной истине, он, как и прежде, легко зажигал чужие сердца.— Однако в целом линия правильная — на индустриализацию, социализм. Несмотря на жестокую тиранию, Советский Союз попрежнему олицетворяет величайший прогресс в человеческой истории. Не революция виновата в трагическом перерождении большевизма. Беда в том, что ее так и не удалось распространить за границы России. Перед советским рабочим классом поставлен жестокий выбор между Сталиным и Гитлером. Сталин лучше, чем Гитлер. Чуть раньше, чуть позже его чудовищный режим падет, и рабочий класс распрямит согбенный хребет. Достаточно хотя бы проблеска надежды на победу социализма в Европе, чтобы все снова пришло в движение. Нельзя отчаиваться. Три революции научили нас выдержке и долготерпению...

Долго скучать не пришлось. Коба преподнес презент аккурат к девятнадцатой годовщине революции, к седьмому ноября.

Неизвестные лица ночью проникли в помещение на улице Клиши, где хранились документы Амстердамского института социальной истории, и похитили несколько десятков пакетов. Борис Николаевский, прибыв на место, скоро установил, что пропало 85 килограммов бумаг из архива Троцкого. Все остальное, включая письма Маркса и несгораемый шкаф с деньгами, осталось в первозданном виде.

Лева прислал из Парижа тревожное письмо. Дел было выше головы, и он совершенно выбился из сна. Развивалась злокачественная бессонница. Притом за ним определенно следили. Какая-то женщина постоянно оказывалась рядом, пыталась навязать знакомство, приглашала на загородные прогулки.

Норвежский офицер вновь оказался возле двери.

— Господин Троцкий,— почтительно обратился он, пробежавшись костяшками пальцев по дубовой доске.— За вами прибыл личный представитель президента Мексиканских соединенных штатов.

— Иду,— немедленно отозвался Лев Давидович. Прирожденный оратор, политик до мозга костей, он, как ни странно, верил словам.

Полицейский, впрочем, не обманул. У трапа Троцкого действительно встретил красивый молодой генерал в белоснежном мундире с золотым аксельбантом и при парадном оружии. Темное от загара лицо, белозубая улыбка, черные, как смоль, волосы и, конечно, усы.

Троцкий радостно улыбнулся в ответ.

— Добро пожаловать в революционную Мексику, компаньеро! — генерал молодцевато откозырял и широким отрывистым жестом вручил конверт с короткой запиской Ласаро Карденаса-и-дель-Рио на бланке с гербом.

Президент предоставлял в распоряжение гостя собственный поезд. Подобной чести удостаивались только главы дружественных государств.

На пирсе Троцкого окружили американские друзья. Фрида Кало, жена Диего Риверы и тоже художница, преподнесла Наталье роскошный букет тропических цветов необычайной желто-лиловой окраски.

— Добро пожаловать, добро пожаловать! — старательно выговаривала она по-русски.

Красавица в длинном платье с мексиканским орнаментом и дивными задумчивыми глазами, словно фея, развеяла тревоги долгого ожидания. Встреча получилась на редкость сердечной и трогательной.

Сам художник встречал поезд на подходе к Мехико. Член ЦК Мексиканской компартии и один из ее основателей, он оказался очевидцем разгона демонстрации сторонников Троцкого в ноябре двадцать седьмого года. В революции он видел прежде всего неограниченную свободу духа. Травля оппозиционеров, преследование инакомыслящих — все, что он успел увидеть в Москве, болезненно ранило его вольнолюбивое сердце. Решительно встав на сторону опального Троцкого, он рассорился с Давидом Альфаро Сикейросом — восторженным поклонником Сталина. Сикейрос считал, что великая цель оправдывает любые средства. Ривера, для которого высшим мерилом была справедливость, полагал совершенно иначе. В конечном счете это и развело двух величайших новаторов живописи. Не отношение к Троцкому, хотя компартия вкупе с Конфедерацией трудящихся требовали немедленно выдворить из страны «предводителя контрреволюционного авангарда».

Карденасу приходилось испытывать давление с разных сторон. Сын бедного крестьянина и боевой участник национальной революции десятого — семнадцатого годов, он был далек от марксизма и тем более Коминтерна. Подписав декрет о разделе крупных латифундий в пользу беднейших крестьян, президент исподволь готовил национализацию нефтедобывающих и железнодорожных компаний. Прямая атака американских интересов могла окончательно разрушить и без того подорванное хозяйство страны. Действовать приходилось, рассчитывая каждый шаг. История с Троцким давала крупный пропагандистский козырь противникам. Связь между приездом «великого практика экспроприации» и намечаемыми реформами выглядела слишком очевидной. Утратив доверие профсоюзов, Карденас вообще рискует очутиться в полном одиночестве. Троцкий тут, разумеется, ни при чем. Против засилья иностранного капитала мексиканцы поднялись задолго до русского Октября. Но кричать конечно же будут. Уже кричат. И нападки коммунистов, подстрекаемых Москвой, отдаются болезненными ударами. И все же совесть революционера-крестьянина возобладала над политическими расчетами. Он внял уговорам Риверы,

которого глубоко почитал, и сделал все, что только возможно, дабы оградить беспокойного гостя от опасностей и бед.

Именно такой статус и был предоставлен Троцкому — гость правительства. Впервые за все эти годы от него не потребовали отказа от политической борьбы. Единственное условие: не вмешиваться во внутренние дела. Он принял его с полным пониманием и благодарностью, оставив за собой право ответа на публичные обвинения и политическую клевету.

Карденас, у которого развернутая Сталиным пропагандистская кампания вызывала чувство глубокого неприятия, ответил согласием. От личного свидания с провозвестником мировой революции он сумел деликатно уклониться.

В Голубом Доме Риверы, выстроенном по его собственному проекту в парковой зоне Койоакана, изгнанника окружили дружеским участием и теплом. В затененном патио с лимонными деревьями, кактусами и голубыми, с оттенком металла, агавами журчал фонтан. На подносах из глазурованной майолики красовались, поблескивая росинками, экзотические плоды: золотистые манго, бронзовые ядра гуав, фисташковые авокадо. Наталья не сразу решилась нарушить этот живой натюрморт. Картины с яркими бунтующими красками на белых шершавых стенах, цветы в каменных вазах, причудливые матово-лазоревые изваяния древних майя, льющиеся извивы модернистских скульптур — все здесь располагало к углубленному размышлению, отвлекая от сиюминутной суеты. Для отдыха и работы были выделены просторные апартаменты. Личная охрана бдительно, но ненавязчиво несла свою нелегкую службу.

Троцкий знал Риверу еще по старой парижской эмиграции. Ему была близка идея художника органично приблизить искусство к общественной жизни. В сочетании исполинских фресок с современными архитектурными формами было что-то от наглядной агитации, но не лобовой, а интуитивной и, значит, более действенной.

Коротая вечера у камина за рюмкой домашней пульке, они говорили о живописи и революции. Для Риверы это были почти синонимы. Он вообще плохо разбирался в политике.

Казалось бы, живи и наслаждайся нежданно открыв-

шейся сказкой в оазисе уюта и тишины. Но терзаемая конвульсиями твердь содрогалась под ногами. За высокой стеной, окружающей Голубой Дом, клокотала опасная лава. Мехико оказался не так уж далек от Москвы, как это могло показаться.

Президенту пришлось прислать для наружной охраны дополнительные наряды полиции. Американские единомышленники усилили меры внутренней безопасности. И как раз вовремя. Не успел Троцкий оправиться от тягот путешествия и качки ревущих сороковых, как радио объявило о начале процесса «параллельного центра». Приникнув ухом к приемнику и не выпуская из рук блокнота, он с головой погрузился в неподдающуюся разуму атмосферу бреда и ненависти. Захлебываясь в потоках лжи, изливаемой свистящим эфиром, он ощущал полнейшее бессилие. Опровергать отдельные несуразности не имело смысла. Они просто не вмещались в мозгу. Клевета подавляла своим изобилием.

— Безумие, абсурд,— беззвучно шептала Наталья.— Что здесь, что в Норвегии. Кровь затопляет со всех сторон.

Шатаясь от нервного переутомления, Лев Давидович еще только наметил основные пункты опровержения, как подоспело сообщение норвежского МИДа. Показания Пятакова о том, что он якобы летал из Берлина в Осло для встречи с Троцким в декабре тридцать пятого года, не подтвердились. Специально проведенное дирекцией аэропорта расследование показало, что в указанный период не зарегистрировано ни единого полета по данному маршруту. Как и в августе, следствие горело на конкретных деталях.

Троцкий послал телеграмму в адрес Военной коллегии Верховного суда с вопросами к Пятакову и Ромму, который якобы тоже встречался с ним для получения инструкций. Ответа, разумеется, не поступило. С бесплотными Г. и Х. можно было манипулировать как угодно, тем паче при закрытых дверях, но как только речь заходила о месте и времени: где, когда, при каких обстоятельствах? — обвинения лопались, как мыльные пузыри.

Перед закрытием занавеса Троцкий повторил вызов, брошенный в августе, и так же, как тогда, направил письмо в Лигу Наций, где создавалась, с подачи СССР, специальная Комиссия по политическому терроризму.

До предела взвинченный и совершенно больной, он тем не менее немедленно выехал в Нью-Йорк.

— Я готов предстать, в обстановке гласности, с документами, фактами, свидетельскими показаниями перед беспристрастной Комиссией по расследованию. И раскрыть истину до конца,— свою речь на гигантском ипподроме он начал словами Золя: «Я обвиняю!» — Я заявляю: если комиссия хотя бы в малейшей степени сочтет меня виновным в приписываемых мне Сталиным преступлениях, я заранее обязуюсь добровольно передать себя в руки палачей ГПУ... Я заявляю это перед лицом всего мира. Я прошу прессу довести мои слова до самых отдаленных уголков планеты. Но если комиссия установит — вы меня слышите? вы слышите меня? — что московские процессы являются сознательной и намеренно сфабрикованной инсценировкой, я не потребую, чтобы обвиняющие меня добровольно стали к стенке. Нет, с них хватит вечного позора в памяти поколений! Стышат ли меня мои обвинители в Кремле? Я бросаю вызов им в лицо и жду их ответа!

Не очень надеясь на силу слов, не уповая более на «Совесть мира», он замыслил грандиозную идею контрпроцесса, где обвинители и обвиняемые пусть символически, но обменяются местами.

50

Оставленные без ухода птички в вольере лежали кверху лапками, захирел плющ, слой пыли припудрил чучела зверьков и рамки пейзажей.

Ослабевший после двухдневной голодовки Бухарин лежал в постели, когда принесли извещение о созыве пленума, на котором должна была решиться его судьба.

Но пленум в положенный срок так и не состоялся. Его пришлось отложить из-за чрезвычайного обстоятельства: умер Орджоникидзе.

За несколько часов до этого Григорий Константинович встречался со Сталиным. Беседа, скорее ее можно было назвать перебранкой, протекала на повышенных тонах, по-грузински. Поскребышев, дежуривший в тот час в приемной, не разобрал ни полслова. Можно было лишь догадываться, что разговор касался повальных арестов в Наркомтяжпроме.

Вернувшись домой, Орджоникидзе закрылся у себя в кабинете. Остальное так и осталось непроясненным: когда грянул выстрел, кто вызвал охрану, наконец, какие люди проводили осмотр? Просочился слух, что всех их немедленно расстреляли: в маузере наркома не только нашли непочатую обойму патронов, но и не обнаружили порохового нагара, что и было отмечено в протоколе. Впрочем, протокол, если его действительно составляли, тоже исчез.

Нарком здравоохранения Григорий Наумович Каминский и доктор Лев Григорьевич Левин прибыли через несколько минут после Сталина. Увидев врача, вождь неприязненно оглядел его с головы до ног. Это была их третья встреча. Первый раз, когда заболел Яша и Надежда Сергеевна позвонила в «кремлевку».

— Зачем врача? Что за глупости! — узнав, что у сына воспаление легких, рассердился Сталин, предпочитая всем лекарствам бурку, под которой можно хорошо пропотеть.

Затем полненький, круглолицый доктор с чеховской бородкой и пенсне возник, когда Нади не стало.

— Нет, будут говорить, что я ее убил,— Сталин тогда только что отверг холуйскую версию о сердечном припадке.— Вызвать судебно-медицинских экспертов и составить акт о том, что есть на самом деле — о самоубийстве.

Та, вторая, встреча оставила после себя особо неприятный осадок.

— Зачем вскрытие? — Выслушав неуместное предложение Льва Григорьевича, Сталин и теперь ограничился короткой репликой: — Не будем огорчать вдову — она против.

«Слишком прыткий докторишка,— сложилось мнение.— Он, кажется, и Горького пытался лечить?»

Утренние газеты вышли в траурной кайме.

«18 февраля в 5 часов 30 минут вечера скоропостижно скончался Григорий Константинович Орджоникидзе».

В медицинском заключении, подписанном наркомом Г. Каминским и начальником лечебно-санитарного управления Кремля И. Ходоровским, причиной смерти был назван «паралич сердца».

Потом Москва долго прощалась с «любимцем партии». От угасающего Бухарина зловещий титул перешел к мертвому Орджоникидзе. Его и впрямь многие люби-

ли. На заводах, в шахтерских поселках. Жесток, вспыльчив, но и по-своему благороден. Особенно горевали в Горловке. Все помнили, как Серго чуть не задушил в объятиях Фурера, переселившего кадровых рабочих в новые квартиры с ванной и газом. Вдобавок ко всему еще и розы ухитрился рассадить возле шахт. Вскоре Фурера забрали в Москву, и его самоубийство прошло незамеченным.

«Мальчишка! Даже ничего не сказал»,— подосадовал Сталин.

Фурер действительно был молод, поэтому при всем желании не мог состоять в оппозициях и быстро рос по партийной линии.

О смерти бывшего секретаря горловские шахтеры узнали только теперь, отдавая последний долг своему Серго. Оплакали сразу обоих.

«Правда» дала фотографию в четверть полосы: товарищи Калинин, Ворошилов, Сталин выносят гроб из Колонного зала. Согбенный всесоюзный староста, понурый первый маршал и только великий вождь — в меховой шапке с длинными ушами — прям и спокоен, как всегда.

— Где стол был яств, там гроб стоит,— пошутил кто-то, нехорошо и опасно, в длинной очереди, подавленной тяжестью подступившей беды.— Тут же судят, тут же хоронят...

Было много истерик, скандалов, но агенты в штатском легко наводили порядок: толпа отличалась завидной дисциплиной.

Таких похорон Москва не видела давно. Флаги с черными лентами провисели четыре дня. Заснеженные улицы, убеленные спины, жмущиеся к стенам домов, убогая тоска.

Только 23 февраля столица возвратилась к нормальной жизни. «Правда» поместила статью «Армия страны социализма», должным образом отметила пребывание маршала Егорова в Латвии, где его встречали военный министр Балодис, командующий армией Беркис, начальник штаба Гартманис. Новым наркомом тяжелой промышленности назначили Валерия Ивановича Межлаука.

В тот же день начал работу отложенный пленум. У Бухарина не хватило духа бойкотировать заседание, но голодовки он не прервал. Шел, как на казнь. Отстраненно видел, что многие его сознательно не заме-

чают. Поздоровались за руку всего двое: Уборевич и Ваня Акулов.

С докладом по вопросу о Бухарине и Рыкове выступил Ежов, повторив, в сущности, высказанные в декабре обвинения.

— В двадцать девятом году вы обманули партию! — едва возвышаясь над краем трибуны, он увлеченно рубил рукой.— Не выдали своей подпольной организации, сохранили ее и продолжали вести борьбу с партией до последнего времени. Вы поставили цель захватить власть насильственным путем, вступив фактически в блок с троцкистами, антисоветскими партиями и меньшевиками.

Всякий раз, когда Ежов зачитывал выдержки из признательных показаний, по залу пробегал возмущенный ропот. Затем на трибуну взошел почти такой же маленький и подвижный нарком внешней торговли Микоян. По обличительной резкости его политические обвинения и оценки ничуть не уступали ежовским. Обстановка накалилась до крайности.

Обвинения в терроризме, политической связи с троцкистами, в двурушничестве и тайной борьбе против партии Бухарин и Рыков отвергли почти в одинаковых выражениях.

— Я не знал ни о троцкистско-зиновьевском блоке, ни о параллельном центре, ни об установках на террор, ни об установках на вредительство,— перечисляя *смертные*, как показали процессы, грехи, Николай Иванович оборачивался к Сталину.— А тем более что я мог быть причастным как-нибудь к этому делу. Я протестую против этого самым решительным образом. Тут может быть миллион разносторонних показаний, и все-таки я не могу этого признать. Этого не было!

— Все врут, он один говорит правду,— грубо оборвал Сталин.

Любую попытку оспорить «клеветнические», как называли Бухарин и Рыков, показания арестованных — Ежов именовал их «добровольными» — он пресекал либо уничижительным замечанием, либо окриком. От проявленной в декабре показной объективности не осталось и следа. Пленум чутко реагировал на столь недвусмысленные сигналы. Чуть ли не каждый стремился выказать праведное негодование. Сжатые кулаки, искаженные лица, оскорбительные выкрики. Казалось, всех захлестнула спазма ненависти. Даже те, кто обычно

симпатизировали Бухарчику, ощутили вдруг неприязненное чувство. Действовал мудрый биологический инстинкт, унаследованный от дальних предков, которым удалось выжить среди чудовищ. Но чудовища всякий раз пробуждаются, когда темное помрачение затмевает рассудок, замещая людей, потерявших человеческий облик.

— Товарищи, я хочу сперва сказать несколько слов относительно речи, которую здесь произнес товарищ Микоян.— Бухарин уже не знал, от кого отбиваться. Оскорбительные нападки росли, как груда камней.— Товарищ Микоян, так сказать,— его голос дрожал, но он не слышал себя,— изобразил здесь мои письма членам Политбюро ЦК ВКП(б) — первое и второе, как письма, которые содержат в себе аналогичные троцкистским методы запугивания Центрального Комитета.

— А почему писал, что, пока не снимут с тебя обвинения, ты не кончишь голодовку? — поплавком выскочила голова Хлоплянкина.

— Товарищи, я очень прошу вас не перебивать, потому что мне очень трудно, просто физически тяжело говорить; я отвечу на любой вопрос, который вы мне зададите, но не перебивайте меня сейчас,— после недельного поста он едва стоял на ногах.— В письмах я изображал свое личное психологическое состояние.

— Зачем писал, что, пока не снимут обвинения? — хлестнул по нервам новый выкрик.

— Товарищи, я очень прошу вас не перебивать...

— Нет, ты ответь!

— Я не говорил этого по отношению к ЦК. Я говорил здесь не по отношению к ЦК,— вцепившись в лакированный бортик трибуны, Николай Иванович закрыл глаза. Он чувствовал, что зациклился, но уже не мог вырваться из круговерти жалкого лепета.— Потому что ЦК как ЦК меня в этих вещах официально еще не обвинил. Я был обвинен различными органами печати, но Центральным Комитетом в таких вещах нигде обвинен не был. Я изображал свое состояние, которое нужно просто по-человечески понять. Если, конечно, я не человек, то тогда нечего понимать. Но я считаю, что я — человек,— напрягшись до боли в ушах, он овладел течением мысли и, значит, действительно сумел остаться человеком.— И я считаю, что я имею право на то, чтобы мое психологическое состояние в

чрезвычайно трудный, тяжелый для меня жизненный момент...

— Ну еще бы!

— В чрезвычайно, исключительно трудное время — я о нем и писал. И поэтому здесь не было никакого элемента ни запугивания, ни ультиматума.

— А голодовка? — подавшись к микрофону, подхлестнул Сталин.

— А голодовка,— вздрогнув, повторил Николай Иванович.— Я и сейчас ее не отменил, я вам сказал, написал,— быстро поправился он.— Почему я в отчаянии за нее схватился, написал узкому кругу, потому что с такими обвинениями, какие на меня вешают, жить для меня невозможно. Я не могу выстрелить из револьвера, потому что тогда скажут, что я-де самоубился, чтобы навредить партии; а если я умру как от болезни, то что вы от этого теряете?

Кто-то неуверенно засмеялся, и его поддержали, и по рядам, то спадая, то наливаясь крутым прибоем, пронесся хохот.

Потрясенный Бухарин, шевеля беззвучно губами, пытался понять, что происходит, и ничего не понимал.

— Шантаж,— повернувшись к Ворошилову, бросил Сталин.

Замечание о самоубийстве он воспринял как вызывающий намек. Это было неприятно вдвойне, потому что на декабрьском Пленуме Серго явно пытался выгородить Бухарчика.

Угаданное каким-то шестым чувством или по губам прочтенное слово пошло гулять.

— Шантаж!.. Шантаж,— шипело то здесь, то там.

— Подлость! — отреагировал Ворошилов на табачное дыхание Сталина.— Типун тебе на язык,— он погрозил Бухарину пальцем.— Подло. Ты подумай, что ты говоришь.

— Но поймите, что мне тяжело жить.

— А нам легко? — упираясь руками в край стола, вождь медленно возвысился над президиумом.

— Вы только подумайте: «Не стреляюсь, а умру!» — Ворошилов негодующе дернул плечами.

— Вам легко говорить насчет меня,— Бухарин еще надеялся пробиться сквозь ледяную броню отчуждения. Никогда в жизни он не был более искренним, чем теперь.— Что же вы теряете? Ведь если я вредитель, сукин сын и так далее, чего меня жалеть? Я ведь ни на

что не претендую, изображаю то, что я думаю, и то, что я переживаю. Если это связано с каким-нибудь хотя бы малюсеньким политическим ущербом, я, безусловно, все, что вы скажете, приму к исполнению.

В первых рядах уже откровенно потешались.

— Что вы смеетесь? Здесь смешного абсолютно ничего нет,— Бухарин всматривался в лица старых товарищей, но они расплывались — чужие, неузнаваемые. Его заставили сбиться на обсуждение голодовки, но он помнил, с чего начал и чем собирался закончить речь.— Мне хочется, говорит Микоян, опорочить органы Наркомвнудела целиком. Абсолютно нет. Я абсолютно не собирался это делать. Место, о котором говорит товарищ Микоян, касается некоторых вопросов, которые задаются следователями. Что же я говорю о них? Я говорю: такого рода вопросы вполне допустимы и необходимы, но в теперешней *конкретной,*— движение руки усилило смысловой нажим,— обстановке они приводят к тому-то и к тому-то... Относительно политической установки... Товарищ Микоян говорит, что я хотел дискредитировать Центральный Комитет. Я говорил не насчет Центрального Комитета. Но если публика все время читает в резолюциях, которые печатают в газетах и в передовицах «Большевика», о том, что еще должно быть доказано, как об *уже* доказанном, то совершенно естественно, что эта определенная струя, как директивная, просасывается повсюду. Неужели это трудно понять? Это же просто случайные фельетончики.

Старый чекист Петерс возмущенно гаркнул что-то в защиту НКВД.

— Я скажу все, не кричите, пожалуйста,— он болезненно ощущал полнейшую отчужденность. Так, наверное, толпа заодно с инквизиторами сжигала глазами еретика, уже не различая в нем мыслящую личность.

Неожиданно на помощь пришел Молотов.

— Прошу без реплик. Мешаете.

— Товарищ Микоян сказал, что я целый ряд вещей наврал Центральному Комитету,— Бухарин благодарно кивнул, всем существом откликаясь на проблеск, пусть даже мнимый, сочувствия.— Что с Куликовым я двадцать девятый год смешал с тридцать вторым годом. Что я ошибся — это верно, но такие частные ошибки возможны...

— Прошибся,— подал голос начальник Политуправления РККА Гамарник, огладив окладистую черную бороду.

Сидевший рядом с ним Тухачевский почти демонстративно отвернулся. Он никого не защищал, но и участвовать в травле считал невозможным ни при каких обстоятельствах.

На следующее утро выступил Молотов. Очередная фантазия Николая Ивановича развеялась при первых словах. Сочувствием или хотя бы элементарным человеческим отношением тут и не пахло.

— Вчерашние колебания неустойчивых коммунистов перешли уже в акты вредительства, диверсии, шпионажа по сговору с фашистами, в их угоду,— скрывая заикание, он говорил с монотонной тягучестью.— Мы обязаны ответить ударом на удар, громить везде на своем пути, отряды этих лазутчиков и подрывников из лагеря фашизма.

— Я не Зиновьев и не Каменев! — не выдержав, крикнул Бухарин.— Я лгать на себя не буду!

— Арестуем, сознаетесь,— убежденно тряхнул головой Вячеслав Михайлович, придержав пенсне.— Фашистская пресса сообщает, что наши процессы провокационные. Отрицая свою вину, и докажете, что вы фашистский наймит!

Излюбленный довод следствия с обнаженной, прямо-таки ошарашивающей откровенностью прозвучал из уст главы правительства. Перед Бухариным была стена, которую не прошибешь и не перепрыгнешь. Дьявольский софизм. Иезуитская мышеловка.

И все же он вместе с Рыковым потребовал огласить их совместное заявление. Не отрываясь глазами от текста, Николай Иванович кончил на том, что предложил создать комиссию по расследованию деятельности НКВД.

— Вот мы тебя туда пошлем, ты и посмотришь! — взорвался Сталин.— Будет тебе комиссия.

Комиссию пленум образовал. Не для расследования в недрах Наркомата внутренних дел, разумеется, а по делу Бухарина — Рыкова.

ПРОТОКОЛ
заседания комиссии Пленума ЦК ВКП(б) по делу Бухарина и Рыкова

27 февраля 1937 года

Присутствовали:
тов. Микоян — председатель

Члены комисии: *т.т. Андреев, Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Ежов, Шкирятов, Крупская, Косиор, Ярославский, Жданов, Хрущев, Ульянова, Мануильский, Литвинов, Якир, Кабаков, Берия, Мирзоян, Эйхе, Багиров, Икрамов, Варейкис, Буденный, Яковлев Я., Чубарь, Косарев, Постышев, Петровский, Николаева, Шверник, Угаров, Антипов, Гамарник.*

СЛУШАЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЧЛЕНОВ КОМИССИИ

1. т. Ежова — Об исключении Бухарина и Рыва из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б) и предании их суду Военного Трибунала с применением высшей меры наказания — расстрела.

2. т. Постышева — Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б) и предать суду, без применения расстрела.

3. т. Буденного — Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б) и предать суду, без применения расстрела.

4. т. Сталина — Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б), суду не предавать, а направить дело Бухарина — Рыкова в НКВД.

5. т. Мануильского — Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б), предать суду и расстрелять.

6. т. Шкирятова — Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б), предать суду без применения расстрела.

7. т. Антипова — То же.

8. т. Хрущева — То же.

9. т. Николаевой — То же.

10. т. Ульяновой М.— За предложение т. Сталина.

11. т. Шверника — Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б), предать суду и расстрелять.

12. т. Косиора С. — Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б), предать суду, без применения расстрела.

13. т. Петровского — Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б), предать суду без применения расстрела.

14. т. Литвинова — То же.

15. т. Крупской — За предложение т. Сталина.

16. т. Косарева — Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б), предать суду и расстрелять.

17. т. Якира — То же.

18. т. Варейкиса — За предложение т. Сталина.

19. т. Молотова — За предложение т. Сталина.

20. т. Ворошилова — За предложение т. Сталина.

ПОСТАНОВИЛИ

1. Исключить из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б) Бухарина и Рыкова; суду их не предавать, а направить дело Бухарина и Рыкова в НКВД.

(Принято единогласно)

2. Поручить комиссии в составе тт. Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича, Микояна и Ежова выработать на основе принятого решения проект мотивированной резолюции.

Председатель А. Микоян [1]

---

[1] В первоначальном тексте Протокола рукой Микояна сделано несколько поправок. В предложении Сталина, в частности, значилось слово «выслать». Оно было зачеркнуто и заменено на «направить дело Бух. Рыкова в НКВД».

Мотивированную резолюцию огласил Сталин:

— «1. На основании следственных материалов НКВД, очной ставки т. Бухарина с Радеком, Пятаковым, Сосновским и Сокольниковым в присутствии членов Политбюро и очной ставки т. Рыкова с Сокольниковым, а также всестороннего обсуждения вопроса на Пленуме, Пленум ЦК устанавливает как минимум, что т. Бухарин и Рыков знали о преступной террористической, шпионской и диверсионно-вредительской деятельности троцкистского центра и не только не вели борьбы с ней, а скрыли ее от партии, не сообщив об этом в ЦК, и тем самым содействовали ей.

2. На основании следственных материалов НКВД, очной ставки т. Бухарина с правыми — с Куликовым и Астровым, в присутствии членов Политбюро и очной ставки т. Рыкова с Котовым, Шмидтом, Нестеровым и Радиным, а также всестороннего обсуждения вопроса на Пленуме ЦК,— Пленум ЦК устанавливает, как минимум, что тт. Бухарин и Рыков знали об организации преступной террористической группы со стороны их учеников и сторонников — Слепкова, Цетлина, Астрова, Марецкого, Нестерова, Радина, Куликова, Котова, Угланова, Зайцева, Кузьмина, Сапожникова и др. и не только не вели борьбу с ними, но поощряли их.

3. Пленум ЦК устанавливает, что записка т. Бухарина в ЦК, где он пытается опровергнуть показания поименованных выше троцкистов и правых террористов, является по своему содержанию клеветническим документом, который не только обнаруживает полное бессилие т. Бухарина опровергнуть показания троцкистов и правых террористов против него, но под видом адвокатского оспаривания этих показаний делает клеветнический выпад против НКВД и допускает недостойные коммуниста нападки на партию и ее ЦК, ввиду чего записку т. Бухарина нельзя рассматривать иначе, как совершенно несостоятельный и не заслуживающий какого-либо доверия документ...

Пленум ЦК считает, что тт. Бухарин и Рыков заслуживают немедленного исключения из партии и предания суду Военного трибунала. Но исходя из того, что тт. Бухарин и Рыков, в отличие от троцкистов и зиновьевцев, не подвергались еще серьезным партийным взысканиям (не исключались из партии), Пленум ЦК постановляет ограничиться тем, чтобы:

1. Исключить тт. Бухарина и Рыкова из состава кандидатов в члены ЦК и из рядов ВКП(б);

2. Передать дело Бухарина и Рыкова в НКВД».

В гардеробе, куда Рыков с Бухариным спустились за шубами, их уже ждали. На кремлевских квартирах начался дотошный многочасовой обыск.

Новенькие, образца 1936 года, партийные билеты (№ 0000163 — Бухарина и № 0000187 — Рыкова) должным образом погасили, пометив на левом узеньком поле — «спецдело 23». Одна диагональная черта пересекала райкомовскую печать, другая — сабельным ударом по лицу — фотографию.

В буфете за чаем с бутербродами Уборевич встретил Якира.

— Сильно давили? — он определенно намекал на комиссию.

— Я воздержался,— тихо кивнул Якир и, глянув на часы, заторопился в зал.

За расстрел голосовали шестеро, столько же — за передачу в НКВД. Но восемь, и его не было среди них, высказались в пользу суда без применения высшей меры.

Эх, да чего там... Что в лоб, что по лбу. И что это за суд такой, которому заранее можно предписать приговор?

Исчерпав первые пункты повестки дня, пленум перешел к обсуждению следующих вопросов, неизмеримо более важных по их ближайшим и удаленным во времени последствиям. Сдвинутый к концу февраля, он прихватил и первые дни марта.

С докладами о кадровой работе в РККА выступили Ворошилов и Гамарник. Тексты речей были заранее согласованы между собой, поэтому оба с завидным оптимизмом охарактеризовали моральное состояние личного состава.

— К настоящему моменту,— в бодром темпе рапортовал Ворошилов,— армия представляет собой боеспособную, верную партии и государству вооруженную силу... Отбор в армию исключительный. Нам страна дает самых лучших людей.

Ему горячо аплодировали. По неписаному сценарию

как бы полагалось чередовать разоблачения с героизмом. Этому правилу стальной закалки духа дружно следовала печать. Однако приободрившихся, настроенных на новый прилив энтузиазма участников ожидало горькое разочарование.

Слова потребовал Молотов:

— Было вначале предположение по военному ведомству здесь особый доклад заслушать, потом мы отказались от этого, мы имели в виду важность дела, но пока там небольшие симптомы обнаружены вредительской работы, шпионско-диверсионно-троцкистской работы. Но я думаю, что и здесь, если бы внимательнее подойти, должно быть больше... Если у нас во всех отраслях хозяйства есть вредители, можем ли мы себе представить, что только там нет вредителей. Это было бы нелепо... Военное ведомство — очень большое дело, проверяться его работа будет не сейчас, а несколько позже, и проверяться будет очень крепко.

Вячеславу Михайловичу хлопали не менее рьяно и долго, но без восторга в лице. Его сухая скрежещущая речь оставила мрачный осадок. У военных — в первую очередь. На Ворошилова было жалко смотреть.

И все же подлинным потрясением стала речь Ежова. Можно было предвидеть, что новый нарком продолжит высказанную на прошлом пленуме критику в адрес предшественника и его методов, но такого замаха не ожидал никто. Выступая по пункту 3 «в» — «Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-германо-троцкистских агентов», он подверг славный Наркомвнудел такой проработке, которой это внушающее цепенящий ужас учреждение не знало со времен основания. Вскрылись вопиющие факты: шпионы и агенты всевозможных разведок окопались и в самом аппарате, и в его управлениях на периферии, разведка, как внутри страны, так и за ее рубежами, подчистую развалена, контрразведка не выполняет возложенных на нее задач и т. д. и т. п.

— Неполадки в работе,— как скромно определил Ежов,— в первую очередь вызваны гнилым и близоруким руководством со стороны товарища Ягоды... Имеется и немалая засоренность органов НКВД троцкистско-зиновьевскими и правыми отбросами.

Тут и самым твердокаменным стало ясно: грядет такая чистка, что реки выступят из берегов.

— Чем больше будем мы продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее они будут идти на острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить советскому обществу, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последнее средство обреченных,— задал направление Сталин на годы и годы вперед.

Вечная борьба, вечное горение, вечная вера.

51

Латунная, в фиолетовых пенках заря разметалась в полнеба меж Петршином и Градчанами, и тихая Влтава отсвечивает, как свежепрокатанный лист.

Темный силуэт Града, аркбутаны и контрфорсы святого Вита, острые шпили, рептильный глянец чешуйчатых крыш. Над резиденцией президента чуть подрагивает в тихоструйном томлении белый с красно-синей каймой штандарт, приоткрывая то львиный оскаленный зев, то раздвоенный хвост.

Бенеш попросил начальника канцелярии связаться с Чернинским дворцом и, если Крофта на месте, пригласить его приехать для важного разговора.

Президент уже дважды беседовал со своим министром и не счел для себя удобным звонить еще раз. Рабочий день давно кончился.

Третий за день звонок президента заставил Камила Крофту еще раз перечитать последние телеграммы. Стиснув виски, он при свете настольной лампы судорожно сопоставлял разноречивые факты, но так и не избавился от гнета сомнений. На последней аудиенции Траутмансдорф вполне определенно высказался насчет военного заговора. Даже назвал Тухачевского. Чего еще можно требовать от дипломата, если, конечно, это не хитрая дезинформация?

Тревожных сигналов слишком много, чтобы от них так вот запросто отмахнуться. Информирует посол Осуский из Парижа. Обмолвился на приеме — случайно? намеренно? — венгерский посол в Праге Веттштейн.

Взять хотя бы те же переговоры с Траутмансдорфом, что так долго готовились и поначалу протекали довольно успешно. Что это: заранее рассчитанный шахматный ход? Ловушка?

Январский процесс, следует признать, сильно поубавил сомнений. Гестапо удалось завербовать даже вице-министров, членов Центрального Комитета большевиков! Всюду создавались диверсионные ячейки: в промышленности, на транспорте, в армии. Направляемое Берлином троцкистское подполье действительно могло полностью парализовать оборону в первый же день войны. Секретов не существовало. Если вице-министр иностранных дел передает информацию потенциальному противнику, то, как говорят в России, дальше ехать некуда. Кто даст гарантию, что в Берлине не располагают дипломатическим шифром? Приходится считаться с тем, что немцы могут быть в курсе оборонных планов Чехословакии. Арестованные на квартире советского военного атташе шпионы показали, что он был связан с германской разведкой. Тогда этому не придали серьезного значения, посчитали за провокацию, но в свете московских разоблачений невольно призадумаешься. Тем более что атташе отозван. К сожалению, не удалось установить, арестован он или еще нет. Павлу считает, что арест неизбежен. Но его информация крайне противоречива и ненадежна. Сообщение об аресте Тухачевского до сих пор не подтверждено. Тем более сомнительной представляется версия об участии в заговоре военного министра Ворошилова. Французский посол в Москве Кулондр явно черпнул из сомнительного источника.

Крофта раскладывал перед собой телеграммы по числам, словно карты в хитром пасьянсе. Не сходилось до головной боли. Последующее зачеркивало предыдущее, а потом опять все возвращалось на круги своя.

Вообще посольство в Москве работает из рук вон плохо. Павлу не та фигура. Он определенно не в фаворе у кремлевского руководства. Нужно серьезно подумать о замене... Может быть, Фирлингер?.. Тьма вопросов и ни одного вполне определенного ответа. В стенограмме процесса, опубликованной в советских газетах, выпущено именно то самое место, где шеф партийной печати Радек упомянул Тухачевского. Было ли это на самом деле при закрытых дверях? Пусть в отделе печати посмотрят еще раз, строчку за строчкой, под увеличительным стеклом. И где Тухачевский? Положительное упоминание будет означать одно: подозрения не подтвердились. Если бы так! Тем более Павлу счита-

ет, что после процесса вероятность поворота Москвы в сторону Берлина сведена почти к нулю. Дай-то боже!..

— В Град,— устраиваясь на заднем сиденье «татры», сказал министр и положил на колени портфель.

На последней встрече с советским послом Александровским он и словом не обмолвился о маршале Тухачевском, хотя так и подмывало спросить. Вероятно, это было бы самым разумным решением. Но как можно? Пусть решение принимает сам президент.

Быстрым шагом он миновал галерею, освещенную хрустальными жирандолями, и наискось пересек зеркальный зал с золотыми багетными завитушками.

— У себя? — Крофта приветливо кивнул начальнику канцелярии.

— Он тебя ожидает.

— Ничего нового? — Эдуард Бенеш вышел навстречу и, несколько церемонно взяв Крофту под руку, повел к круглому бидермайеровскому столику.— Чашечку кофе?

— Не откажусь,— Крофта со вздохом развел руками.— Я до последнего момента надеялся, что ситуация вот-вот прояснится, но пока... Если поступят какие-нибудь известия, позвонят прямо сюда.

Бенеш понимающе опустил веки. С первых дней республики и до тридцать пятого года он возглавлял МИД и, как частенько казалось Крофте, по-прежнему оставался негласным министром.

— У меня было свидание с Виттигом,— задумчиво помешивая чай позолоченной ложечкой, президент нарушил затянувшееся молчание.— У него нет ни малейших сомнений в точности информации. Более того, выявились кое-какие подробности.

— Интересно...

— Остановившись проездом в Берлине, Кулондр гостил у Понсе. У него есть сведения, что Тухачевский, по-видимому, не поедет в Лондон на коронацию. Это, безусловно, еще ничего не доказывает, но, согласитесь, деталь характерная. Наводит на размышления.

— Скажу по чести: я уже устал ломать голову. Говоря юридическим языком, косвенных улик предостаточно, но это еще не corpus delicti [1].

— Именно поэтому я ничего и не сообщил Сталину. Все жду.

---

[1] Состав преступления, вещественные доказательства (*лат.*).

— Мастный тоже ждет от нас определенной позиции. На прошлой неделе пришло две телеграммы... А что я могу ответить?.. Кстати, откуда сведения о беседе французских послов?

— По линии Фиалы,— удовлетворенно кивнул Бенеш.— Военная разведка тоже кое-что может.

— Результаты, прямо скажем, мизерные. Поедет Тухачевский или не поедет — это пока гадание на бобах. Тем паче что сведения, исходящие от Кулондра, часто оказывались пустой болтовней. Похоже, что наш Павлу питается из его рук,— осторожно пустив пробный шар насчет посла в Москве, министр тут же переключился на проштрафившегося посла в Бухаресте.— Как насчет Шебы? Не решено?

— Отзывайте. В Праге ему будет куда сподручней заниматься историческими изысканиями.

— Климентинум, во всяком случае, под рукой... А что вы думаете насчет Богдана Павлу?.. По-моему, он засиделся в Москве? Будь моя воля, я бы не побоялся послать туда коммуниста.

— Коммуниста? К сожалению, для них мнение Сталина значит больше, чем инструкция президента республики... Надеюсь, вы шутите?

— Не совсем. В Москве нам действительно необходима фигура иного плана... А что касается коммуниста, вы совершенно правы — это действительно шутка.

— И у вас уже есть подходящая кандидатура?

— Я подумал о Зденеке Фирлингере. Как он вам?.. Разумеется, не теперь, а в более дальней перспективе. Пока нужно как следует расшевелить Павлу. Он питается сплетнями, в лучшем случае огрызками с барского стола...

— Иной социалист правовернее любого коммуниста. Надо подумать. Вы читали, что пишут наши карловарские наци о Карле Виттиге?

— Да, мне докладывали.

— Он серьезно обеспокоен. Боится возвращаться домой.

— Я думаю... А жаль! Мы можем лишиться важного источника информации.

— Не только... По-моему, он исключительно порядочный человек. Я посоветовал ему не торопиться. Пусть отсидится у нас. Напишет парочку статей с античешским акцентом, а там, глядишь, все уладится.

— Единственно разумный выход. Только уж очень

некстати. Я возлагал большие надежды на его поездку в Берлин.

«Мораль! — с тайным раздражением поежился Крофта.— Мораль и политика!.. Нотация для гимназистов. Конечно, это очередной театр. Но, право, момент не тот, господин президент».

— Придется Мастному покрутиться.

— Он и без того не сидит сложа руки. Это мы у него в долгу. Войтек сделал все, что было в его силах.

— Вам никогда не приходилось видеть партитуры Бетховена?.. Говорят, в них содержались прелюбопытные инструкции,— Бенеш отодвинул нетронутую чашку с остывшим кофе. Потрогал ладонью чуть теплый кофейник.— М-да, инструкции оркестру... «Быстро, быстрее, быстро как только возможно» и, наконец, «еще быстрее»... Вы понимаете, что я имею в виду?

— Вы требуете невозможного... Как Бетховен?

— Не исключено, что это был вовсе не Бетховен — я мог перепутать. Но вы правильно поняли: бывают обстоятельства, когда родина требует выложиться сполна... Так и напишите Мастному. И не забудьте передать мою благодарность. Я его очень ценю.

— Не сочтите меня бесчувственным, но у меня тоже есть предложение.

— Не стесняйтесь, мой друг.

— Нельзя ли поторопить доктора Виттига? Ведь он ничем не провинился перед рейхом. Во всяком случае, ему ничего не стоит реабилитироваться, написав, ну скажем, антисемитскую статью на тему московского процесса. Как вы на это смотрите?.. И с чистой душой возвратиться в Берлин.

— А репутация?.. Мораль, наконец? — холодно спросил президент.— Я, конечно, могу с ним еще раз поговорить, но без каких бы то ни было рекомендаций.

52

Секретарь американского посольства Ли вручил Уильяму Додду обзор печати.

— Обратите внимание на это сообщение, сэр,— он указал на отмеченную красным карандашом страницу и, пока посол искал невесть куда запропастившиеся очки, пересказал наиболее примечательное.— Германия и Чехословакия согласились заключить договор об уре-

гулировании отношений. По этому договору Бенеш обязуется предоставить гражданам немецкого происхождения те же права, что и чехам.

— По-моему, это шаг в правильном направлении.

— Безусловно! Но вся штука в том, что Гитлер внезапно передумал. Он, видите ли, не может заключать договора с теми, у кого имеется пакт с русскими.

— Надуманный предлог. В этой связи я ни во что не ставлю последние немецкие предложения заключить новый пакт между четырьмя западными державами. Это будет мина под франко-русские отношения. Основная цель маневра — развязать руки для аннексии на Балканах. Это составная часть доктрины «Майн кампф»... Между прочим, о Ханфштенгле ничего нет?

— Нет. Его вообще что-то давно не видно.

— В том-то и суть! Сегодня мне стало известно, что еще в феврале он получил приказ закрыть свою контору и отправиться с каким-то поручением в Валенсию. Мы условились увидеться с ним на завтраке двадцать второго, но он позвонил и сказал, что должен уехать из Берлина. С тех пор его действительно никто не видел. Один его близкий друг сказал мне, что он поехал вовсе не в Испанию, а в Мюнхен, к себе домой, но до места не доехал. Опасаются, что он в концлагере. Основания к тому есть. Гитлер не принимал его что-то около двух лет, а на завтраке, устроенном фондом Карла Шурца, я заметил, что он довольно несдержан в критике нацистских бонз, особенно Геббельса.

— Не стоит о нем сожалеть. Все они стоят друг друга.

— Как у вас все просто! Ханфштенгль щедро снабжал Гитлера деньгами, помог ему выпустить «Майн кампф» и вообще много знал. Представляете, какую книгу мог бы он написать! Но, боюсь, Гитлер никогда не выпустит его за пределы Германии... А с Мастным я попробую поговорить. Он будет у нас на обеде.

На прямой вопрос Додда о германо-чехословацких переговорах посланник устало отмахнулся.

— Очередная газетная утка. Немцы постоянно ведут зондаж, но, как правило, это кончается никчемными разговорами. Главная их цель: вывести нас из союза с Россией.

— Германо-советские переговоры тоже следует рассматривать с тех же позиций?

— Если у вас есть хоть какая-то информация, госпо-

дин посол, пожалуйста, поделитесь. Буду считать себя весьма обязанным.

— Так вы ничего не знаете?

— Абсолютно.

— Вполне возможно, что это только слухи, но я проверю и, если что-нибудь узнаю, обязательно поставлю вас в известность.

Додд откланялся и с бокалом в руках отошел к другим гостям. Сообщение о секретных переговорах между наци и русскими он получил от американского посланника в Норвегии, который только что прибыл из Москвы и на пару дней остановился в Берлине. Его назначили послом во Францию. Информация была серьезная.

Перед самым разъездом обеспокоенный Войтек Мастный попытался продолжить разговор, но Додд действительно не мог ничего добавить.

— Ситуация исключительно сложная и неопределенная,— пожаловался чех.— Вам известны подробности конфликта Гитлера с военными? — он попробовал задать наводящий вопрос.

— Вы имеете в виду разногласия между армией, флотом и военно-воздушными силами?.. Это вечный спор, который никогда не будет решен. Не только в Германии — всюду.

— Не совсем, господин посол, не совсем... У меня есть сведения, что вокруг генерала Людендорфа группируются молодые офицеры, ненавидящие Гитлера. С этой молодежной организацией тайно связаны значительные круги военных. Они регулярно получают двухнедельный журнал, издаваемый Людендорфом. В связи с его семидесятидвухлетием министру Бломбергу удалось устроить встречу между фюрером и Людендорфом, но я не знаю, чем она закончилась.

— Я тоже не знаю. Более того, впервые слышу о самой встрече. Однако мне известно, что журнал Людендорфа конфискован.

— Даже так?.. Значит, все-таки нет дыма без огня. Что-то происходит.

— В этом мире, господин Мастный, всегда что-нибудь происходит. Происходило и, вероятно, еще долго будет происходить.

На следующий день, в четверг, Уильям Додд имел получасовую беседу с советским полпредом.

Суриц рассказал о званом обеде, который давал племянник Геринга, видный чиновник рейхсбанка. Кроме

него были Франсуа Понсе, принц Луи Фердинанд и Яльмар Шахт.

— Шахт? — обрадовался поводу зацепиться американец.— А мне говорили, что он ведет секретные переговоры с эмиссаром Кремля?

— Не может быть,— рассмеялся Суриц.— Я бы, наверное, об этом знал.

— Знать и сказать о том, что знаешь,— разные вещи,— в тон ему пошутил Додд.

— Естественно, если переговоры секретные. Но я на самом деле ничего не знаю.

Додд решил, что русский помимо прочих его качеств превосходный актер. Вальтер Дюранти — московский корреспондент «Нью-Йорк таймс» с 1921 года — подтвердил первоначальный сигнал. Целью переговоров было торговое соглашение, которое могло проложить дорогу к политическому договору.

Последнее представлялось Додду маловероятным. Яков Захарович Суриц действительно не был проинформирован о тайных встречах рейхсминистра и президента рейхсбанка Шахта с заместителем торгпреда Канделаки. По поручению Сталина и Молотова он действовал в обход Наркомата иностранных дел и полпредства в Берлине.

Войтек Мастный телеграфно проинформировал министра Крофту.

РЕЙХСМИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ФОН НЕЙРАТ РЕЙХСМИНИСТРУ ФИНАНСОВ ДОКТОРУ ШАХТУ

...Было бы нечто иное, если бы дела в России продолжали развиваться в направлении абсолютной деспотии, опираясь на военных. В этом случае нам, конечно, не следовало упускать момент, чтобы снова включиться в русские проблемы.

ГЕРМАНСКИЙ ПОСОЛ ФОН ДЕР ШУЛЛЕНБУРГ МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Москва (вне очереди)

...Слухи о заговоре в высшем эшелоне Красной Армии следует расценивать как вымышленные заключения из ранее состоявшихся процессов. Не отмечается никаких признаков напряженности в отношениях между Сталиным и Тухачевским, а также другими генералами.

ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК ШТЮЛЬПНАГЕЛЬ МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

...Проведенный в военном министерстве анализ разведывательных данных показал, что ни Тухачевский, ни другие советские генералы не поддерживают никаких связей с «троцкистской оппозицией» и едва ли помышляют о военном путче против Сталина.

Получасовое свидание с фюрером окрылило Гейдриха, хоть и пришлось порядком поволноваться. Пока Гитлер перелистывал подшитые в дело листы, группенфюрер пережил немало тревожных мгновений. Невольно вспомнились выпускные экзамены, связанные с ними опасения и головокружительные надежды. Документы, конечно, прошли строжайшую проверку самых придирчивых экспертов технического отдела, но от Гитлера можно было ожидать чего угодно. Особенно пристально он приглядывался к бланкам, где русские генералы «расписались» в получении денег. Чего вдруг? Там и смотреть-то не на что: только сумма и подпись. Сомневаться в качестве? Но факсимиле выполнены образцово. О чем он вообще думает? Или кто-то уже пересек дорогу? Бломберг? Канарис? Неожиданные подводные камни в расследовании инцидента с архивом?

Когда наконец из высочайших уст прозвучало первое слово одобрения, Гейдрих ощутил несказанное облегчение. Это походило на анестезию, заморозившую истерзанную болью десну. Даже холодная испарина выступила на лбу.

— Сразу видно, что поработали настоящие мастера,— выдвинув нижнюю челюсть, улыбнулся фюрер, что было верным знаком полного удовлетворения.— Смело вперед, мой Гейдрих! Это не только потрясает устои красноармейской верхушки на данный момент, но и скажется на боеспособности России на многие годы вперед.

Затем, коснувшись процесса троцкистов, он похвалил Гейдриха за прозорливую инициативу и назвал Сталина «хорошим парнем», у которого можно многому поучиться.

— Мы у него в долгу,— умело подыграл группенфюрер.— Он прикончил сбежавших от нас еврейских коммунистов.

На Принц Альбрехтштрассе Гейдрих вернулся в приподнятом настроении. Перед тем как вызвать Беренса, неспешно, смакуя, высосал бокал мозельского. На почти безоблачном горизонте различалась лишь одна тревожная тучка — Прага.

Бенеш, похоже, не заглотнул наживку.

— Когда идешь на утечку информации, то знаешь уже заранее, что попадет не только к главному адресату,— благодушно отреагировал Гейдрих на доклад Беренса.— Меня ничуть не беспокоит, что старый чистоплюй Нейрат наболтал Шахту. Это даже полезно. Вдруг наш почтенный финансист уронит словцо-другое на переговорах с русскими?.. Лично я не исключаю такого поворота. Хуже другое. Почему молчит Прага? Насколько мне известно, Бенеш и не подумал уведомить Москву.

— Восьмого апреля министр Крофта принял посла Александровского. Неизвестно, о чем шла речь, но подождем результатов. Такие дела скоро не делаются.

— В Москве не заметно никакого шевеления. Возможно, дядюшка Джо отдыхает после январского кровопускания. Мы не ошиблись: состав следует в правильном направлении. Лично мне даже льстит грандиозная реклама, которую создали нашему ведомству. Доктор Геббельс напрасно оправдывается. Я бы не торопился с опровержениями.

— Особенно учитывая перспективы.

— Вот именно!..

— Чувствую, что ты доволен.

— Он встретил меня превосходно.

— О Канарисе разговора не было?.. Парни из абвера копают глубоко.

— Заставить заговорить «консервы»,— Гейдрих с улыбкой помянул расстрелянных уголовников,— не сможет никто. Выкинь это из головы. Можешь абсолютно не волноваться, если...

— Если? — прервал многозначительную паузу Беренс.

— Если мы доведем дело до логического конца. В Праге, однако, не чешутся.

— Почему обязательно Прага? Ты сам говорил, что не следует складывать яйца в одну корзину.

— Я говорил?.. У тебя есть другие предложения?

— Можно через Париж. У французов тоже как-

никак договор с Советами. Думаю, что ситуация в стане союзника тревожит их никак не меньше.

— Полагаешь, мне это не приходило на ум? — все еще пребывая в сладостной эйфории, Гейдрих блаженно потянулся.— У Скоблина есть выходы на Гамелена и Даладье, и мы их обязательно используем в свое время. В качестве подспорья к основному плану. Главное сейчас как можно скорее передать это в Москву,— он ласково, как котенка, погладил папку.

— Но ведь есть прямые, веками опробованные пути. Через того же Скоблина, но в другом направлении? Без всяких посредников. Мы все время опасались перемудрить, тогда как Сталин дал нам превосходный урок простоты. Уверяю тебя, что посольство ухватится за это обеими руками. Остается назначить цену. Пятьсот тысяч? Миллион? Три миллиона?.. Они заплатят.

— О, в этом-то я ничуть не сомневаюсь. Но при одной мысли о посольстве меня воротит с души. Сцена из бульварного романа.

— Ничего страшного. Разве все, чем мы занимаемся, не есть сплошной бульварный роман с бесконечными продолжениями? А НКВД?.. Такова специфика... Не нравится посольство — можно прощупать журналистов. Корреспондента «Правды». Чем плохо?.. Весьма ограниченный субъект и почти наверняка сотрудник НКВД.

— Возможно, я так и поступлю, ежели не останется ничего лучшего, но пока подобные предложения вызывают оскомину. У меня все-таки более высокие запросы. Не забудь, что я хочу не просто обезглавить армию Сталина, но сделать это с помощью его ближайших союзников... Лучше подумай как следует, почему молчит Бенеш... Виттиг в Праге?

— Где же ему еще быть?

— Вызови его.

— Зачем, Рейнгард?.. Все, что нужно знать, я и так знаю, а на месте он будет куда полезнее. Бенеш, кажется, ему вполне доверяет... Если мы и допустили ошибку, то с Траутмансдорфом. Для переговоров с Мастным он был вполне хорош, но не для Крофты, и тем более президента. Это всего лишь слон, а требовалось двинуть ферзя.

— И это единственная причина заминки?

— Бенеш осторожен, он ждет убедительных доказательств, а их, прости меня, нет. Сразу бросить «Красную папку» на стол?..

— Через кого?

— В том-то и суть. Можно и Виттига провалить, и всю операцию. Чем дольше они медлят, тем лучше для нас. Месяц-другой уже ничего не решают. Мастный мечется, как загнанная крыса, обивая пороги посольств. Давай немножко поможем ему в конце-то концов?

— Как? Разбазарить по частям документы? Ни за что. Никакой добавочной информации я им не дам.

— И не нужно. В устах министра одни и те же слова производят совсем иное впечатление, нежели, допустим, советника.

— Думаешь свести Мастного с Нейратом?

— Я бы предпочел Шахта.

— Он занят переговорами. Нам необходима русская медь и легирующие добавки,— Гейдрих принял идею всерьез.— Геббельс на роль ферзя никак не подходит: не та репутация. Партийные вожди и генералитет — отметаются... Что же у нас остается? Герман Геринг — второй человек в государстве?

— Он стоял у истоков нашей работы и полностью в курсе операции... Ему даже не надо ничего говорить, только кивнуть с внушительным видом, как он умеет.

— Ладно, попробуем уговорить... А русский газетчик действительно жаждет выдвинуться?

— Кому не хочется?

— Так посодействуй. Сегодня мне хочется всех облагодетельствовать. И погода прелестная. Ты только взгляни, какое дивное солнце...

Отпустив Беренса, группенфюрер позвонил Шелленбергу.

— Вы бы не могли заглянуть ко мне? — он убрал папку в сейф и положил перед собой документы Шелленберга, точнее, его невесты. Разговор предстоял забавный. Дело оборачивалось гораздо хуже, чем мог предполагать воспылавший внезапной любовью Вальтер.

Собирая сведения о родословной будущей подруги жизни, он обнаружил, что ее мать, по крайней мере наполовину, полька. Гиммлер никогда бы не дал согласия на подобный брак. К счастью, у него хватило ума обратиться к непосредственному начальнику. Гейдрих

сам провел бумаги через расовый отдел, взял подпись у шефа и с пожеланиями безоблачной жизни вручил обрадованному жениху необходимое для регистрации брака удостоверение. Обычно такая процедура занимала несколько месяцев. Он провернул ее за четыре дня и вместе с Линой весело погулял на свадьбе.

За это время в гестапо собрали подробные сведения о семье новобрачной. Перебрали всех родственников — близких и дальних. Как и следовало ожидать, обнаружились пикантные вещи, особенно по части крови. Двоюродная тетя молодой фрау, о чем она едва ли подозревала, оказалась замужем за еврейским адвокатом. Для Шелленберга подобное открытие явится смертельным ударом. Людям с такими связями не место в СС, тем более в секретной службе. Короче говоря, полный крах карьеры.

С донесения тайной полиции Гейдрих распорядился снять копию в одном экземпляре, сопроводив ее краткой резолюцией: «Оригинал находится у начальника СД».

— Мне очень жаль огорчать вас, Вальтер,— поговорив для приличия о погоде — она и в самом деле радовала, он с сочувственной улыбкой дал ознакомиться с документом.— Вы сами видели, я сделал все, что было в человеческих силах, чтобы избежать мелей и рифов. И вот расплата за излишнюю торопливость. Бюрократическая процедура беспощадна. Будучи запущенной, она протекает уже сама по себе. Все не проконтролируешь. Но вы не огорчайтесь: ваше личное дело не пострадает. Я уничтожил все следы. Можете быть совершенно спокойны. Вы и я — мы оба одинаково виноваты, а общий грех, как известно, сближает. Давайте выпьем по бокалу вина за нашу дружбу и ваше семейное благополучие.

— Н-надеюсь, вино не отравлено? — нашел в себе силы пошутить Шелленберг.

— Клянусь Вотаном, вы мне нравитесь! Уверен, что ваше дальнейшее продвижение не за горами...

— Спасибо за все, Рейнгард! — Шелленберг понял, что управление «СД — заграница» будет за ним.

— А теперь к делу,— Гейдрих демонстративно выпил до дна.— Мне нужен надежный парень на роль предателя. Вы понимаете, о чем речь?.. Потом мы переменим ему имя и переведем в другой отдел, разумеется с повышением.

РЕДАКТОРУ «ПРАВДЫ» ТОВ. МЕХЛИСУ Л. З.

... Среди высших офицерских кругов упорно говорят о связи и работе германских фашистов в верхушке командного состава Красной Армии в Москве. В этой связи называется имя Тухачевского.

Зав. корпунктом «Правды» в Берлине
А. Климов.

В самый разгар приема на Ке д'Орсэ военный министр Даладье подошел к Потемкину и увлек его к нише эркерного окна. Оно было предусмотрительно приоткрыто. Ветер надувал алые, под стать обоям с золотистым узором, драпри, и шум вечернего города заглушал слова.

— Имеются сведения о возможной перемене политического курса в Москве,— сказал он, не скрывая тревоги, и доверительно взял полпреда под руку.— Франция серьезно обеспокоена. Ходят слухи о договоренности между оберкомандо вермахта и высшими офицерами Красной Армии. Не можете ли вы пролить хоть толику света на этот вопрос, ваше превосходительство?

— Вы сами нашли точное определение: слухи,— сохранив полную невозмутимость, молниеносно отреагировал полпред.— Нет причин для озабоченности.

— Не все так просто,— вкрадчиво возразил Даладье и подробно ознакомил Потемкина с содержанием докладной, полученной из Второго бюро генштаба.

Полпред внимательно выслушал, всем видом изображая сомнение, и, обронив несколько ни к чему не обязывающих замечаний, заговорил об испанских делах. Советский Союз ожидал от Франции более решительных действий.

Через несколько минут он, не прощаясь, покинул зал и поехал прямо в полпредство. Дежурный шифровальщик захлопнул нашумевшую книгу Павленко и схватил блокнот.

ПОЛПРЕД СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПОТЕМКИН — НКИД

Даладье пригласил вашего полпреда для беседы, в ходе которой сказал, что из надежного источника им стало известно о планах германских кругов осуществить государственный переворот в СССР. Предположительно,

опорой должны служить лица из командного состава Красной Армии, враждебно настроенные к руководителям страны. Германия намерена заключить с новым режимом военный союз, направленный против Франции.

Даладье ссылался на то, что такого же рода сведения получены французскими военными кругами от русских эмигрантов. Он предупредил, что более конкретными сведениями не располагает.

53

Через четыре дня после пятиминутного свидания с Герингом посланник Мастный попросил срочно связать его с Прагой и дал номер канцелярии президента. Разговор предоставили без малейшего промедления.

— Наши западные друзья подтверждают заявление второго человека,— срочность заставила пренебречь конспирацией.— Мне необходимо говорить лично с вами. Когда разрешите вылететь?

— Если можете, то прямо сейчас.

Мастный глянул в окно: утро обещало быть солнечным, но крыши домов по другую сторону улицы купались в молочном тумане.

Только бы не помешала погода!

Погода не помешала, зато подкачал самолет. Пилот жаловался на неполадки в шасси. Но механики из «Люфтганзы» помогли устранить неисправность, и самолет с посланником благополучно поднялся в воздух.

Машина из Града поджидала прямо на летном поле. Беседа с президентом продолжалась чуть больше часа.

Поблагодарив посланника, Бенеш вызвал Крофту и попросил пригласить советского полпреда.

— На двадцать второе апреля, в десять часов,— он сделал пометку на перекидном календаре. В запасе было почти десять дней. Вполне достаточно для проверки.— Найдите доктора Новака,— велел секретарю.

Начальник политической полиции прибыл только под вечер: в Либереце генлейновские молодчики взорвали полицейский участок.

— Свяжитесь с вашими немецкими коллегами и отправляйтесь в Берлин,— президент устало провел рукой по глазам.— Инструкции получите перед отъездом...

— Я должен позвонить Мюллеру? — не поверил своим ушам доктор Новак.

— Если германской секретной полицией заведует именно этот господин, то я не понимаю, что вас так удивляет. Договоритесь о встрече и поезжайте. Министр Геринг обещал, что нашему представителю окажут любезный прием.

Сергей Сергеевич Александровский, член партии с 1906 года, принадлежал к элите советской дипломатии. Он великолепно зарекомендовал себя еще на службе в Берлине, где трудные ситуации считались нормой не только в нынешние, но и в прежние, благословенные времена. Проработав несколько лет полпредом в Каунасе и Хельсинки, он получил назначение в Прагу и только здесь понял, что значит настоящее счастье. Древний таинственный город совершенно заворожил его своей праздничной и легкой простотой, скрывающей трагизм и мистику столетий. Свободно владея и чешским и словацким языками, Сергей Сергеевич чуть ли не каждый день делал для себя удивительные открытия. В лабиринтах Старого города совсем иначе раскрывались дали времен, с обостренной свежестью воспринимались как новейшая, так и классическая литература, музыка, живопись. Дом Фауста с дыркой в крыше, откуда черт унес студента, польстившегося на неразменный талер, дом Моцарта, рыцарские замки, подворье Мальтийского ордена — все вековые загадки Европы протяжным эхом откликались средь башен и стен.

«В Словакии меня принимали за силезского чеха,— писал он в личном письме наркому после поездки по стране,— на Моравии — за словака, а в Чехии — за чехословацкого немца».

Он обожал веселые кабачки, чешскую, еврейскую, немецкую кухню, легко сходился с художниками, артистами. Жена, бывшая примадонна Венской оперы (когда-то пела вместе с несравненным Карузо), заразила его страстью к органной музыке. Вдвоем они зачитывались Мейринком, Кафкой, а Библа и Незвала он открыл для себя сам. Благоговел перед Чапеком. По воскресеньям отправлялся с Коваржиком, старостой певческого союза, удить в горных ручьях крапчатую форель. Сочная, яркая, почти нереальная жизнь. И

радостно, и страшно от того, что праздник длится так долго и за все придется платить непомерной ценой. Тем сильнее било по сердцу невольное сравнение спокойно-торжественной, как в менуэте, Праги с ожесточенно-суетливой Москвой, отгороженной от остального света неприступными стенами.

В отделе кадров ему предложили заполнить новую анкету и написать биографию. Особенно интересовались родственниками жены, урожденной Клары Спиваковской: кем приходятся, где живут, чем занимаются? Попросили уточнить и по возможности вписать каждого. Ищи их теперь, разметанных по всей Европе, а то и за океаном.

Были вопросы и по социальному происхождению. Казалось бы, давно все прояснено. Да, отец, Сергей Васильевич, действительно происходит из старинного дворянского рода, но эксплуататором никогда не был. Жил адвокатским трудом, защищал в суде социал-демократов, в частности Куйбышева, вступил в РСДРП сразу после Октября, получил от Советского правительства пенсию. Какие еще могут быть неясности? Ну если надо, он, конечно, напишет опять.

В состоянии всеобщего помрачения — судили Пятакова, Радека, Сокольникова — тут была своя, пусть извращенная, но все-таки логика. А осадок остался тяжелый. Даже подумалось, что не дадут выехать: вызов дипломата в Москву нередко служит прелюдией ареста.

И все это жарким, разрывающим сосуды приливом бросилось в мозг, когда Эдуард Бенеш заговорил о заговоре Тухачевского.

— Такого просто не может быть, господин президент! — задыхаясь от возмущения, перебил Александровский.— Никакие доводы не смогут меня разубедить в полной непричастности маршала Тухачевского. Он благородный человек, герой гражданской войны, наконец, русский офицер... Несколько поколений его предков верой и правдой служили России с оружием в руках. Для победы Советской власти Тухачевский сделал больше многих и многих! Поймите, господин президент, сама мысль о его предательстве, измене родине, воинскому долгу представляется дикой, абсурдной. Простите, господин президент, но это просто невозможно... Извините мне мое волнение,— едва остыв и опомнившись, он ощутил гнетущую неловкость. По счастью, разговор

велся с глазу на глаз, что, конечно, не извиняло несдержанности.

Бенеш с удивлением взирал на стоящего перед ним пунцового от возбуждения, бурно жестикулирующего человека. Пожалуй, в своих излишне эмоциональных выражениях он вышел не только за рамки дипломатического протокола, но и элементарного почтения по отношению к главе государства. Единственное, что его оправдывало, так это совершенно очевидная искренность, не то чтобы редкая, но совершенно немыслимая для посла. И, конечно, добрый чешский язык. Да и лицом он смахивает на рядового пражанина, раскрасневшегося от полдюжины кружек, регулярно перемежаемых рюмочкой бехеровки. Может, действительно пьян? Нет, не похоже...

— Прошу внимательно выслушать, господин посол,— холодно отчеканил Бенеш.— Речь идет о судьбе наших стран, а возможно, и всего мира. Дело более чем серьезное.

— Я все понимаю, но прошу произвести тщательную проверку. Ведь я обязан немедленно уведомить о нашей встрече Москву!.. Подумайте, господин президент, как это может отразиться на судьбе Тухачевского...

Неуместная горячность Александровского вызвала легкую досаду, не более. Поколебать президента, а уж тем более остановить могли бы только неопровержимые факты. В политике эмоции не имеют ровно никакого значения. Бенеш долго, возможно даже слишком долго, выжидал, прежде чем прийти к окончательному решению, и уже не желал никакой отсрочки. Однако он сам, без чьего-то влияния, направил министериальдиректора Новака и еще одного высокопоставленного чиновника в Берлин для окончательной проверки. Поэтому имело смысл подождать до их возвращения.

— Я ничего не делаю без тщательной предварительной подготовки, господин Александровский,— глубокий голос Бенеша чуточку потеплел.— Но уважение, которое я, безусловно, питаю к вам лично, и та громкая слава, что до последнего времени окружала имя маршала Тухачевского, требуют проявить осторожность. Вы настаиваете на проверке? У меня нет возражений. На днях, я надеюсь, мы снова увидимся и все обсудим.

— От всей души благодарю, господин президент. Всегда к вашим услугам.

На следующее утро доктор Новак докладывал прези-

денту о результатах инспекции, которая вместе с дорогой длилась двое суток. Мюллер-гестапо произвел на шефа политической полиции исключительно благоприятное впечатление: простонародные манеры, цепкий крестьянский ум, к тому же весьма набожен и, что удивительнее всего, не состоит в национал-социалистической партии!

— Да-да, генерал СС и не член НСДАП. Оказывается, и такое бывает. Старый полицейский служака, специалист, знаток криминального мира. Он был очень-очень любезен, но крайне скуп на слова. Приходилось вытаскивать из него буквально клещами. Если бы не приказ свыше, он бы вообще отказался обсуждать эту тему. Такое создалось впечатление. И, знаете, с профессиональной точки зрения его можно понять. Дело еще не закончено, и любая огласка, мягко говоря, нежелательна. Все же кое-какие документы он показал. «Когда решается вопрос об отношениях между государствами, приходится поступаться правилами!» Между прочим, его собственные слова.

— И что же это за документы?

— Вот подробный отчет, господин президент. Я составил его, сидя в поезде, так сказать, по горячим следам.

Документы действительно представляли интерес. Сразу бросились в глаза текстуальные совпадения с первоначальными докладными, что поступили от Мастного еще в конце прошлого года. Это произвело на Бенеша наиболее сильное впечатление.

Военные перевороты в Москве и Берлине, военный союз между диктаторскими режимами, денонсация пактов с Прагой и Парижем со стороны России и разрыв договора с Варшавой со стороны Германии, раздел Европы.

Вселенский кошмар.

Следующее свидание с Александровским состоялось, уже в присутствии Крофты, 24 апреля. Но понадобилась еще одна встреча, и опять-таки через день, прежде чем советский посол капитулировал перед фактами.

После снисходительного кивка Германа Геринга, подтвердившего наихудшие подозрения посланника Мастного, а с его подачи — и руководства республики, загнанную лошадку истории словно пришпорил невидимый наездник.

Счет пошел на дни.

27 апреля поступила из Москвы депеша посла Павлу с текстом парижского демарша министра Даладье: Франция подтверждала возможность заговора.

28 апреля в Прагу прибыл, естественно инкогнито, штандартенфюрер Беренс.

29 апреля имела место встреча между Беренсом и Виттигом в замке Ротенхауз, где были обговорены детали передачи «Красной папки» президенту республики.

Страх двигал обывателями, чиновниками и сильными мира сего. Страх подгонял заезженного одра истории. Он чудовищно вырастал на скаку, превращаясь в облачный призрак Коня Бледного, и открылся всадник Апокалипсиса, что, помахивая песочными часами, вздымал отточенную косу.

Впрочем, не страхом единым, ибо сказано, что любовь и голод правят миром. Король Великобритании отрекся от престола в пользу брата, чтобы вступить в брак с дважды разведенной американкой. Через двадцать четыре часа после официального уведомления палаты общин он, уже как герцог Виндзорский, выступил по радио:

— Вы должны поверить мне, когда я говорю, что не могу нести груз тяжелой ответственности и выполнять так, как мне хотелось бы, свои королевские обязанности без помощи и поддержки женщины, которую я люблю.

Газеты все чаще писали теперь о предстоящей коронации Георга Шестого.

— Ничтожество,— отозвался Сталин о бывшем монархе, когда решался вопрос о составе советской делегации.— Такую империю на бабу променял...

За британским посольством на Софийской набережной в Москве усиленно наблюдали. Волновало предполагаемое участие маршала Тухачевского в торжествах. Распространился слух, что посол Потемкин получит пост заместителя наркома иностранных дел. В связи с известным демаршем Даладье новость представляла особый интерес.

— Паспорт Тухачевского только что привезли на визу в консульский отдел,— доложил германскому послу Шулленбургу второй секретарь.

— Я же говорил, что нельзя доверять вздорным слухам,— удовлетворенно кивнул посол.

Однако на другой день сотрудник консульского управления НКИД, отвозивший паспорт на визу, забрал его обратно.

— Тухачевский заболел,— объяснил он, немало озадачив англичан.

Фон Шулленбург лишь руками развел и велел зашифровать новое сообщение.

54

Решение об отмене поездки Тухачевского в Лондон готовилось вне связи с беспрецедентным в дипломатической практике противостоянием в Пражском Граде между президентом и послом. По крайней мере, за сутки до первого визита Александровского на зарубежной командировке маршала поставили крест.

Формальным основанием послужило спецсообщение Ежова Сталину, Молотову и Ворошилову, датированное 21 апреля.

«Нами сегодня получены данные от зарубежного источника, заслуживающего полного доверия, о том, что во время поездки товарища Тухачевского на коронационные торжества в Лондон над ним по заданию германских разведывательных органов предполагается совершить террористический акт. Для подготовки террористического акта создана группа из четырех человек (трех немцев и одного поляка). Источник не исключает, что террористический акт готовится с намерением вызвать международные осложнения. Ввиду того что мы лишены возможности обеспечить в пути следования и в Лондоне охрану товарища Тухачевского, гарантирующую полную его безопасность, считаю целесообразным поездку товарища Тухачевского в Лондон отменить. Прошу обсудить».

Сколько-нибудь конкретной характеристикой «источника», еще более анонимного, нежели Г. и господин X. на процессе, Сталин не поинтересовался. Заслуживает полного доверия! — и этот вздор принял без тени улыбки. Точный текст сообщения также не был приложен, что в общем-то отвечало принятой процедуре, но резко диссонировало с международной значимостью визита.

Оперативный материал о повышенном интересе к поездке маршала поступал беспрерывно, но его уже не брали в расчет. НКИД работал по своей линии, НКВД — по своей.

«Членам ПБ,— немедленно последовала безапелляционная резолюция.— Как это ни печально, приходится

согласиться с предложением товарища Ежова. Нужно предложить товарищу Ворошилову представить другую кандидатуру. И. Сталин».

К Тухачевскому бумага поступила уже с визой Ворошилова: «Показать М. Н. 23.IV.37 г. КВ».

Михаил Николаевич ознакомился и, как положено, подтвердил подписью. Он не то чтобы огорчился, но почувствовал смутный толчок беспокойства. Еще один признак неблагополучия. Они множились с января, усиливая и без того гнетущее чувство растерянности. Всякое, конечно, возможно. Теракция в том числе. Но если так, подумал он, то вполне могли бы послать и морем, на крейсере или линкоре.

Узнав, что вместо него поедет другой замнаркома — флагман флота первого ранга Орлов, поразился верности мелькнувшей ассоциации: море.

Решение Политбюро состоялось еще 22 апреля.

«1. Ввиду сообщения НКВД о том, что товарищу Тухачевскому во время поездки на коронационные праздники в Лондоне угрожает серьезная опасность со стороны немецко-польской террористической группы, имеющей задание об убийстве товарища Тухачевского, признать целесообразным отмену решения ЦК о поездке товарища Тухачевского в Лондон.

2. Принять предложение НК обороны о посылке товарища Орлова на коронационные праздники в Лондоне в качестве представителя СССР по военной линии».

Несколько расплывчатое (в смысле конечного результата) понятие «террористический акт» Сталин перевел в более конкретную форму: «задание об убийстве».

Пока решение довели до консульского управления, документы успели свезти на Софийскую набережную. Пришлось опять посылать машину. Неудобно маленько, но ничего не поделаешь — заболел человек, и все тут. Никто не застрахован.

На банкете по случаю награждения большой группы чекистов заздравную чашу поднял Ежов. Развив так любезный его сердцу тезис вождя об «ордене меченосцев», он перешел к текущим задачам.

— Мы должны сейчас так воспитать чекистов, чтобы это была тесно спаянная и замкнутая секта, безоговорочно выполняющая мои указания.

Если и проскользнула тут струйка личных амбиций,

то подсознательная. Не будь учение Фрейда подвергнуто остракизму, из такого родничка могла вырасти полноводная река толкований. Хозяин мечтал об ордене, грабительскую сущность коего все же прикрывали исторические регалии. Великого магистра титуловали «преимущественное величество». А секта? «Изуверская», «преступная» — иных определений в советской печати не знали. Но бог с ним, с психоанализом. Громадье ближайших планов требовало беспрекословного выполнения указаний наркома. Раскручивался следующий по порядку грандиозный процесс.

В качестве промежуточного этапа, своего рода анонса, чтоб не заскучала страна и не размагнитились кадры, намечалось крепко прошерстить армию. Значительно крепче, чем это казалось еще совсем недавно. Перемены в самом НКВД предполагалось провести на ходу, не только не останавливая производства, но по-стахановски наращивая выработку.

По главным управлениям прошли собрания активов. Перед работниками ГУГБ выступил замнаркома Агранов. Выйдя победителем в жесткой внутривидовой борьбе, он поделился с товарищами накопленным опытом, который стоило взять на вооружение. Заодно появился удобный повод лишний раз откреститься от прежних соратников. Они еще были опасны — могли давать показания. Значит, нужно скорее топить, чтоб не успели куснуть из могилы.

— Я хочу рассказать, как удалось поставить на верные рельсы следствие по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра,— начал он задушевно-доверительным тоном, поминутно массируя набрякшие мешки под глазами.— Неправильную, антипартийную линию в этом деле занимали Ягода и Молчанов. Молчанов определенно пытался свернуть это дело, еще в апреле тридцать шестого года упорно доказывая, что раскрытием террористической группы Шемелева, Сафоновой и Ольберга, связанной с И. Н. Смирновым, можно ограничиться, что это и есть троцкистский центр, а все остальные никакого отношения к делу не имеют... Молчанов старался опорочить и тормозить следствие по делам террористических организаций, которые были раскрыты Ленинградским и Московским управлениями... При таком положении вещей полное вскрытие и ликвидация троцкистской банды были б сорваны, если бы в это дело не вмешался ЦК, лично товарищ Сталин.

А вмешался он следующим образом... По моему возвращению после болезни товарищ Ежов вызвал меня к себе на дачу,— наливая воду из графина, оратор покосился на железного наркома: как реагирует? — Надо сказать, что это свидание носило конспиративный характер. Ежов передал указание Сталина на ошибки, допускаемые следствием по делу троцкистского центра, и поручил принять меры, чтобы вскрыть троцкистский центр, выявить явно невскрытую террористическую банду и личную роль Троцкого в этом деле. Ежов поставил вопрос таким образом, что либо он сам созовет оперативное совещание, либо мне вмешаться в это дело. Указания Ежова были конкретны и дали правильную исходную нить к раскрытию дела. Именно благодаря мерам, принятым на основе этих указаний Сталина и Ежова, удалось вскрыть зиновьевско-троцкистский центр. Однако развертывание следствия на основе новых данных проходило далеко не гладко. Прежде всего глухое, но упорное сопротивление оказывал Молчанов... Пришлось обратиться к очень важным материалам, которые имелись в Управлении НКВД по Московской области в связи с показаниями Дрейцера, Пикеля и Э...

— Эстермана,— подсказал Ежов. Агранов все-таки его раззадорил.— Хочу заметить,— нарком назидательно, хотя вышло почти по-пионерски, поднял остро согнутую в локте ручку,— аресты упомянутых Дрейцера, Эстермана и Пикеля производились, когда у нас еще не было изобличающих материалов. Следствие было вынуждено ограничиваться тем, что оно нажимает на арестованного и из него выжимает. На раскол брали.

Его проводили дружными хлопками и жизнерадостным смехом.

На людях легко смеяться; в коллективе растворяется личное и отступает страх. А он прокрался и сюда, сквозь эти толстенные стены и окна, непроницаемые для крика. Не проходило ночи, чтоб кого-нибудь не увели с руками за спину. Не дожидаясь, пока за ними придут, многие пускали себе пулю в висок. Порой прямо в служебном кабинете.

События развивались настолько стремительно, что и уследить невозможно. Дабы восстановить, реконструировать, хоть задним числом, их причинно-следственную сочлененность, придется пожертвовать строгой хроно-

логией. Маховик начал раскручиваться, набирать обороты. Его уже не остановишь. И поэтому не имеет существенного значения точная дата — днем раньше, неделей позже — ни для истории, ни для судеб людских, ибо счет пошел на часы, а то и на минуты. Но не дни, а, вернее, ночи и не минуты определяли времени бег, а боль и терпение. Поэтому придется вспомнить так надолго оставленного Артузова, замыкая начатую в кабинете наркома и туда же приведшую траекторию.

Артура Христиановича взяли, не успел он сойти со сцены, украшенной огромным макетом ордена Красного Знамени и стандартно задрапированной алыми полотнищами. Его выступление на активе прозвучало, как взрыв бомбы. Едва он завел речь о перерождении органов и стал проводить параллели с карательными институтами буржуазии, в зале начали перешептываться: в своем ли уме? Случаи помешательства, бурной истерии были не столь уж и редки.

Путь из зала с портретами и знаменами в камеру внутренней тюрьмы, быть может, самый короткий путь. И большая его часть проходит через шахту подземного лифта.

Когда Артузова привели на первый допрос, он готовился держать ответ перед вчерашними коллегами за крамольные речи, но вскоре понял, глотая кровавую слюну, что их интересуют совсем иные материи.

Сработала все-таки мина замедленного действия — та самая бумага, отправленная в архив!

— На каком основании был оставлен без последствий важнейший сигнал о военном заговоре генерала Тургуева, он же Тухачевский?

— На основании указания бывшего наркома Ягоды. «Это несерьезный материал,— заявил он.— Сдайте в архив».

— Несерьезный материал! Не приходится удивляться, что бывший нарком Ягода арестован как враг народа.

— В то время трудно было предвидеть, каким путем будут развиваться события.

— Только слепой либо заведомый изменник мог не видеть, что Ягода — враг.

— Тогда он был наркомом. А на Тухачевского и до того поступало немало сигналов.

— И чем вы можете объяснить столь упорное, а на самом деле преступное пренебрежение такими сигналами?

— Прежде всего нашей, я имею в виду ОГПУ, ошибкой. Он был введен в известную операцию «Трест», осуществленную для разложения монархической эмиграции.

— Что значит «был введен»? Кем был введен?

— Нами и был введен. Желая придать «конспиративной монархической организации», которая была создана в качестве ловушки, больший авторитет, за границу дали знать о вовлечении в ее состав Тухачевского. Однако в конце двадцать третьего, а может, в самом начале двадцать четвертого выяснилось, что мы тут порядком переиграли. Нам было дано указание вывести его из операции, и мы это провели. Но мнение о нелояльном отношении Тухачевского к Советской власти уже получило широкое распространение. Следы в архивах зарубежных разведок остались, отсюда и последствия...

Артузов был расстрелян без суда.

«Каждый честный коммунист должен убить Сталина»,— написал он на стене камеры своей кровью.

Собственно, это запоздалое прозрение человека, в меру сил старавшегося остаться порядочным до конца, и вынудило несколько забежать вперед. Пора вернуться на прежнюю колею, ибо точные даты тоже имеют глубинный смысл. Не столько сами по себе, сколько в сравнении.

В тот самый день, 22 апреля, когда доктор Новак мило беседовал с Мюллером, когда независимо от его докладной и также абсолютно независимо от исхода первой встречи полпреда с президентом было принято решение Политбюро, перед следователями предстали бывший начальник Особого отдела Гай и бывший заместитель наркома внутренних дел Прокофьев. В течение этой и двух последующих ночей от них были получены «показания» о преступных связях Тухачевского, Уборевича, Эйдемана и других крупных военачальников, включая командарма первого ранга Шапошникова и командарма второго ранга Корка, с врагом народа Ягодой.

— Личных связей в буквальном смысле слова среди военных у меня не было,— опроверг бывший нарком.— Были официальные знакомства. Никого из них я вербовать не пытался.

«Красная папка» еще лежит в сейфе Гейдриха, и Беренс, перепивший по случаю рождения фюрера, еще мучается от печеночной колики, и Шелленберг, натаскивая своего человека, еще не знает срока его отправки, а уже все давным-давно решено.

Обезумевший маховик раскручивается по законам опрокинутой логики. Ложь не знает причинно-*следственной* связности, она вне *последовательности*, вне реального пространства — времени, где мировые линии событий образуют непостижимый узор. Как хищник, отведавший человечины, крадется ложь по собственным *следам*.

Почти ко всем бывшим работникам НКВД были применены ускоренные (так стало именоваться) методы *следствия*.

В ночь на 27 апреля лично Ежов совместно со следователем Суровицких и старшим оперуполномоченным Ярцевым допросили бывшего заместителя начальника отдела НКВД Воловича.

Фамилии, что ему надлежало назвать, были заранее подсказаны теми же Ярцевым и Суровицких, и он назвал их, да и сами показания отталкивались от заготовленного конспекта к парадному протоколу.

Тухачевский характеризовался в нем как один из главных участников заговора, готовивший армию для обеспечения военного переворота, и по смыслу это совпадало с версией «Красной папки».

— Это ваши работники,— Сталин вернул Ежову парадные протоколы,— вот вы с ними и разбирайтесь. Показания на военных должны дать сами военные, изобличенные в качестве немецких и японских шпионов.

Гая, Прокофьева, Воловича вместе с десятками, если не сотнями, сослуживцев тоже расстреляли «в особом порядке», то есть решением ОСО — Особого Совещания при наркоме НКВД. Ягоду сохранили для будущего процесса.

После первомайского парада и демонстрации, как и в прошлом году, обедали у Ворошилова. Пили много и часто — темп навязал Сталин, но невесело, с угрюмым ожесточением. Никто не решался споловинить, дабы вождь не заподозрил в неискренности. Он часто вставал и, обойдя стол, останавливался у кого-нибудь за спиной.

Пригубив рюмку, медленно двигался дальше или, уронив несколько незначащих, но угрюмых по интонации слов, возвращался на свое место. Необычная нервозность вождя действовала угнетающе. Все напряженно чего-то ждали.

— Давайте выпьем за наших маршалов,— Сталин дал знак наполнить бокалы. Миновав Ворошилова и Егорова, опустил руку на спинку стула Семена Михайловича Буденного.— Они создали нам замечательную армию, но чем больше наши успехи, тем коварнее действует враг. Нужно с врагами покончить, ибо они имеют место в самой армии, в штабах и даже в Кремле,— он возобновил неторопливый обход. Не только военные, но и партийные руководители уткнулись взглядом в недоеденные тарелки.— С ними мы должны покончить, невзирая на лица. Партия сотрет их в порошок! — у него заклокотало в горле.— Я пью за тех, кто, оставаясь верным, достойно займет свое место за славным столом в октябрьскую годовщину.

Тухачевский, Егоров и комкор Урицкий, начальник разведуправления РККА, возвращались домой совершенно подавленные.

Михаила Николаевича, обычно крепкого на голову, неожиданно развезло. Он дал волю языку и наговорил много лишнего.

— «Хозяин»! Мерзейшее слово! Лакейское, подлое... Зачем, спрашивается, революцию было делать?.. Мне совершенно непонятно его германофильство. Сначала я думал, что у него только показной интерес к немцам, с целью «образованность показать». Но теперь вижу — нет. Он скрытый поклонник Гитлера. Думаете, шучу? Ничего подобного. Это такая ненависть, от которой только шаг до любви... Стоит Гитлеру сделать шаг навстречу, и наш вождь бросится с раскрытыми объятиями к фашизму. Намедни, когда мы говорили частным порядком, он оправдал нацистские репрессии. Гитлер-де убирает все, что мешает продвижению к цели. Успехи фюрера слишком импонируют Иосифу Виссарионовичу. Если внимательно приглядеться, то он многое копирует у бесноватого. И бешено завидует ему. Что там ни говори, а Гитлер выше его чином — ефрейтор как-никак. Наш же и солдатом никогда не был. Когда бывший семинарист строит из себя по меньшей мере

Мольтке — это смешно, а в нынешней ситуации — грустно...

Весть о знаменательном тосте вождя быстро разлетелась по военным верхам.

Сразу после праздников к Тухачевскому зашел комкор Фельдман, только что назначенный заместителем командующего Московским округом.

— Надо что-то делать, Миша, иначе он нас всех передушит. Нельзя сидеть сложа руки.

— Что можно сделать?.. Не говори глупости! — Тухачевский резко оборвал разговор. Жизнь пошла на убыль, так и не достигнув зенита. Трепыхаться бесполезно и незачем бередить душу.

Фельдман, однако, не успокоился и бросился к Якиру, который находился в Москве.

— Будет так, как решит партия,— Иона Эммануилович тоже замкнулся в себе. Всем, чего удалось достичь, он обязан исключительно революции. Если она потребует умереть, он умрет.

Посещение Фельдманом Дома правительства и дома военведа было зафиксировано охраной.

— Всех военных надо вывести в отдельную группу,— распорядился Ежов, зайдя в кабинет к Фриновскому.— Ты сам подбери людей. И без всяких церемоний — времени на раскачку нет. Нужны решительные, убежденные следователи, полностью связанные с нами. Ты понял?.. И не беда, если за ними есть какие-нибудь грешки, лишь бы они сами знали об этом. И знали, что мы тоже знаем.

6 мая в Управление НКВД по Московской области привезли бывшего начальника противовоздушной обороны комбрига Медведева. Исключенный из партии за разбазаривание казенных средств, он четвертый год находился в запасе.

— Какие заговорщицкие связи? После увольнения из РККА вообще никаких связей с военными округами у меня не было! Ведь я работал на строительстве больницы,— заявил он следователю Радзиվиловскому на первом допросе.

Но под давлением все же дал показания на тех работников ПВО, которые *вызывали у него сомнения*

в их искренности и преданности. Формулировку продиктовал следователь. Он бы довел арестованного до нужной кондиции, если б не торопился к заместителю наркома Фриновскому на инструктаж.

— У вас проходят по материалам какие-нибудь крупные военные? — спросил Фриновский.

— Немного есть, но не так, чтоб очень крупные. Сейчас только что работал с одним.

— Поднажмите. Через таких можно выйти на крупных. Первоочередной задачей является разоблачить большой и глубокий заговор в Красной Армии. Вам, видимо, придется принять в этом участие. Картину необходимо развернуть как можно шире, чтоб в ЦК видели, что мы недаром жуем свой хлеб. Уяснили?.. Вот и славно. Мы с товарищем Ежовым на вас надеемся. А это вам для ориентировки,— замнаркома передал список на сорок человек. Первым значился Фельдман.

Радзиваловский понял, что от него требуется. Не задавая лишних вопросов, он аккуратно сложил бумагу и для надежности спрятал в партбилет.

В эту минуту вошел Ежов.

— Вы, кажется, работаете с Медведевым? — нарком отличался превосходной зрительной памятью.— Его необходимо дожать. Действуйте ускоренными методами. Чем больше он назовет руководящих военных работников, тем ближе к осуществлению будет поставленная задача.— Штампованное косноязычие придавало его наставлениям особый, безличностный смысл.

Уже восьмого Медведев признал свою принадлежность к *троцкистской военной организации*, возглавляемой Фельдманом. (Оказывается, он знал о ее существовании с тридцать первого года.)

На следующем допросе ему пришлось подписать добавочный протокол, где обрисовывались задачи организации: «...свержение Советской власти, установление военной диктатуры с реставрацией капитализма, чему должна была предшествовать вооруженная помощь интервентов. Во главе руководящего центра стояли Тухачевский (его прочили в диктаторы), Якир, Путна, Примаков, Корк.

— Но ведь ничего этого не было,— обреченно вздохнул он, возвратив ручку.— Вы и сами это знаете.

Радзиваловский не стал возражать. Он с первой минуты понял, что Медведев давно оторвался от армии и вообще не был вхож к таким шишкам, как маршалы

и командармы. Его взяли, что называется, наобум, без единой заковыки, просто как вычищенного из партии.

Но свое дело он сделал.

Ознакомившись с показаниями, Фриновский доложил Ежову.

— Доставьте его ко мне,— приказал нарком.

Сначала он долго сверлил взглядом сидевшего перед ним человека, измотанного побоями и недосыпами, потом обернулся к Фриновскому.

— Тот самый Медведев?

— Он, товарищ нарком.

— Так-так... Это записано с ваших слов? — он вновь воззрился на бывшего комбрига.— Вы дали свои показания добровольно?

— Все это целиком и полностью вымысел! — у него хватило запала на мгновенную вспышку. Он даже попробовал приподняться с табурета, но бессильно упал.— Я уже заявлял следователю.

Фриновский неторопливо приблизился к заключенному и что было силы нанес удар в переносицу.

Ежов вызвал конвоира.

— Беда с этими вояками,— попытался оправдаться Радзиваловский.— Чуть опомнятся, и сразу в отказ.

— Признания надо закреплять,— попенял с мягкой укоризной нарком.

Радзиваловский перевел дух: начальство не сердилось — давало наглядный урок.

— Любым способом верните его к прежним показаниям,— Фриновский отер выпачканную руку смятой промокашкой.

— Заявление об отказе не фиксировать,— предупредил Ежов.— Учитесь работать чисто... Арестованного могут затребовать в Кремль,— он благоговейно понизил голос,— на очную ставку в присутствии членов Политбюро!

Протокол с показаниями Медведева он повез Сталину.

Вождь еще не решил, какую форму придать процессу. Об открытом суде не могло быть и речи: оборонные секреты. И вообще не тот контингент. Это хорошо, что в Европе засуетились. Значит, будет встречено с пониманием.

В ежовском списке он заменил Блюхера и Шапош-

никова на Сергея Сергеевича Каменева, бывшего главкома, и командарма второго ранга Федько, но, хорошенько отоспавшись за день, вычеркнул и их обоих. Вспомнил, что Каменев успел благополучно отойти к праотцам и для процесса никак не годился, хотя мог быть использован в ходе следствия. Покойники в таком деле просто клад. Дрейцер с Мрачковским до сих пор работают. Федько тоже еще может пригодиться. Не все сразу. Семь-восемь, максимум десять человек. Для начала достаточно. Страх, от которого он так и не смог избавиться, возбуждал ярость, а это плохой советчик. Там, за кордоном, заранее греют руки, раздувая миф о какой-то великорусской оппозиции. Нельзя делать такого подарка. Отщепенцы, наймиты фашистских разведок не могут представлять русский народ. Шляхтич Тухачевский, отсидевшийся в немецком плену, никак не представляет русский народ и его рабоче-крестьянскую армию.

Сталин позвонил в штаб инспекции кавалерии. Все кадры там были из Первой Конной.

— Мы получили сигнал, что на химическом полигоне могут быть мины. Пошлите туда саперов, пусть хорошенько проверят местность. Только не надо делать излишнего шума. Потом доложите лично мне.

Дежурный не решился сказать, что инспекция не имеет прямого отношения к химполигону, хоть там и испытываются противогазы для лошадей. Если Сталин позвонил именно сюда, а не коринженеру Фишману, в чьем подчинении находился полигон, значит, у него были на то веские основания.

В четыре часа утра на полигон в сопровождении четырех саперов, вооруженных минными щупами, нагрянуло воинское начальство.

— Какие мины? — воззрился, протирая заспанные глаза, перепуганный комендант.— Отродясь их тут не было... Но я, конечно, понимаю — обстановка...

Время и впрямь было непростое: всяко могло случиться.

Мин не обнаружили, зато откопали четыре ящика новеньких, жирных от смазки винтовок и оцинкованный контейнер с ручными гранатами. Укрыто было до смешного небрежно — на глубине в полштыка, и земля совсем свежая, неутрамбованная.

Составили акт.

— А это что? — кто-то обратил внимание на поло-

винки разрезанной автогеном цистерны, в которых мокли сосновые кругляши. Над урезом воды белела полоска солевых выпаров.

— Научный эксперимент,— уважительно объяснил комендант.— Сам товарищ Тухачевский наблюдает!.. Давненько к нам не заглядывал. И ассистента его чегойто не видно...

— Журнал посещений ведется?

— А как же! Все честь по чести — вон в том домике.

Из толстой амбарной книги, приспособленной под журнал, выпала замызганная, протершаяся на сгибах контурная карта, испещренная чернильными и карандашными пометками.

— Италия?.. Венеция, Кремона... Конечно, Италия! Как фамилия ассистента?

Составленный на полигоне акт Сталин дал прочитать Примакову, привезенному прямо из Лефортово в Кремль.

— Вот в какое болото затянули вас троцкистские связи. Нет большой храбрости в том, чтобы выгораживать заговорщиков, фашистских агентов. Это, напротив, очевидное проявление трусости. Не хочется думать, что герой революции Примаков — жалкий трус. Если все, что вы мне писали, правда, вам следует окончательно и бесповоротно разоружиться перед партией. Другой возможности заслужить снисхождение партии у вас не будет.

Примаков молчал. Для того, что он носил в себе все двести семьдесят шесть потонувших в одной нескончаемой ночи дней, что с болью рвалось наружу, не подбиралось слов. С ним работал начальник отделения Авсеевич. Путну, которого немного подлечили в больнице Бутырской тюрьмы и после вновь вернули в Лефортово, он довел до нервного истощения. С первых дней апреля его и Примакова почти ежедневно таскали на допрос, несколько раз водили к Ежову.

— Я серьезно предупреждаю вас о последствиях дальнейшего запирательства,— он не далее как вчера пригрозил Виталию Марковичу,— в последний раз.

Примаков ожидал еще более мучительной пытки и, чувствуя, что не выдержит, обещал подумать. Однако вместо следовательского попал в сталинский кабинет. Сталин подавал ему руку помощи. Значит, он читал

его письма, выделял из переполнившей тюрьмы безликой массы, может, даже хотел спасти.

У него потекли слезы, началась истерика. Ничего вразумительного он так и не сказал.

— Я ни в чем не виноват! — это было единственное, что он запомнил. И еще свой жалкий отчаянный крик.

— Будете давать показания о своей контрреволюционной деятельности? — спросил на следующую ночь Авсеевич.

— Буду. Я хочу написать заявление.

— На чье имя?

— Ежова.

Авсеевич вызвал Карелина и Бударева — они обычно сменяли его на конвейере — и велел не возвращать заключенного в камеру, пока тот не напишет *как следует*.

— Помогите ему.

«В течение 9 месяцев я запирался перед следствием по делу о троцкистской контрреволюционной организации. В этом запирательстве дошел до такой наглости, что даже на Политбюро перед товарищем Сталиным продолжал запираться и всячески уменьшать свою вину. Товарищ Сталин правильно сказал, что «Примаков — трус, запираться в таком деле — это трусость». Действительно, с моей стороны это была трусость и ложный стыд за обман. Настоящим заявляю, что, вернувшись из Японии в 1930 году, я связался с Дрейцером и Шмидтом, а через Дрейцера и Путну — с Мрачковским и начал троцкистскую работу, о которой дам следствию полные показания».

Карелин, заместитель начальника отделения, охотно помог бывшему комкору, подсунув парадную заготовку на Якира. Осталось только переписать:

«Троцкистская организация считала, что Якир наиболее подходит на пост народного комиссара вместо Ворошилова... Считали, что Якир является строжайшим образом законспирированным троцкистом, и допускали, что он, Якир, лично связан с Троцким, и, возможно, он выполняет совершенно секретные, нам не известные самостоятельные задачи».

Потом его заставили написать, что во главе заговора стоял Тухачевский, тоже секретнейшим образом связанный с Л. Д. Троцким, и еще сорок человек (Шапошников, Каменев С.С., Гамарник, Дыбенко, Фельдман, Урицкий и т. д.) составляли руководящее ядро.

Начальник Особого отдела Леплевский ознакомил Путну с показаниями Примакова.

— Надеюсь, что теперь у вас хватит благоразумия.

Угодив с больничной койки на следственный конвейер, Витовт Казимирович едва стоял на ногах. Ему разрешили оправиться: моча отходила с кровью.

Дерзкая выходка с Ворошиловым обошлась дорого: выбивали свидетелей. В горячечном бреду он назвал имя домашнего доктора, кротчайшего беспартийного человека. Для Тухачевского, Якира и Фельдмана свидетелей не потребовалось. Леплевский велел Авсеевичу убрать заготовки. Он хотел, чтобы арестованный сам назвал имена. Как он говорил, так и заносилось.

Потом протокол оформили наново, с требуемыми подробностями и утвержденными свыше формулами.

55

Тайные переговоры в Берлине, о которых, по-видимому, не были проинформированы ни посол Суриц (донесение Мастного), ни, судя по его поведению, посол Александровский, окончательно убедили Бенеша, что за спиной Сталина действует мощная организация.

— Моя признательность останется неизменной,— он тепло поблагодарил Карла Виттига.— Верю, что настанет день, когда я смогу сказать об этом открыто.

Передав доктору Новаку пакет с фотоснимками, он попросил изготовить копию в одном экземпляре и написал письмо Сталину.

Когда все было готово, вызвал курьера, которому доверял самые деликатные поручения.

— Передать лично Сталину. В случае вынужденной посадки на территории Польши — уничтожить.

Спустя день президент, опять-таки минуя канцелярию, частным образом проинформировал Леона Блюма, давнего друга и союзника:

«В переговорах с советским Генеральным штабом следует соблюдать максимальную осторожность, ибо его представители поддерживают подозрительные контакты с Германией».

Сталин иностранными языками не владел, и большая часть немецких документов могла бы остаться

для него тайной за семью печатями, если бы, конечно, он стремился ее разгадать. Но он не стремился, более того, равнодушно перебрав мутноватые бледные снимки, бросил их в ящик стола. Пусть пока полежат.

Тайны не было, была «липа». Для того чтобы изобличить заговорщиков, он в ней не нуждался — хватало собственных средств. Использовать в пропаганде? На такое может пойти только отъявленный дурак. Любое текстуальное совпадение вызовет скандал. Геббельс раструбит на весь мир. Советский Союз предстанет перед заграницей в ложном свете. Враги будут радостно потирать руки. Кому это надо?

Важен сам факт, что получены разоблачающие материалы, а показывать их совершенно необязательно.

Письмо Эдуарда Бенеша — совершенно другое дело. Его не только можно, но необходимо огласить на Политбюро. Пусть послушают. Не органы НКВД подталкивают политическое руководство к принятию важных политических решений, а главы союзных государств и правительств. Разница громадная. В письме есть все необходимые для этого формулировки. Их нужно тщательно проработать, чтоб не дать врагу ни малейшего повода для торжества. Не широкая национальная оппозиция, а жалкая кучка платных агентов.

Сталин набросал проект ответного послания президенту. Выразил «особую благодарность». Политбюро готово заключить с Чехословакией «благоприятную военную концессию» и пригласить в Москву с официальным визитом, в качестве «знака тесной связи», военную, экономическую и культурную делегации. Остальное пусть подработает Литвинов. Ему следует самому поехать в Прагу и пригласить господина Крофту в Москву.

Он перечитал полученные от Ежова протоколы, внес поправки и добавления к спискам. Для первоочередного ареста наметил командармов второго ранга Левандовского и Горбачева, заступившего на место Гарькавого. Оба — близкие дружки Ворошилова. Пусть поерзает.

— Зайди ко мне, Клим,— позвонил в НКО.

9 мая нарком обороны Ворошилов внес в Политбюро предложение о новых назначениях. На другой день состоялось решение.

«Утвердить: 1. Первым заместителем народного комиссара обороны Маршала Советского Союза това-

рища Егорова А. И. 2. Начальником Генерального штаба РККА — командующего войсками Ленинградского военного округа командарма 1-го ранга товарища Шапошникова Б. М. 3. Командующим войсками Ленинградского военного округа — командующего войсками Киевского военного округа командарма 1-го ранга товарища Якира И. Э.... 8. Командующим Приволжским военным округом — Маршала Советского Союза товарища Тухачевского М. Н. с освобождением его от обязанностей заместителя наркома обороны».

Тухачевский расписался в получении и разрезал красный пакет. Вот оно! Не миновало... Место за октябрьским столом он уже не займет. Вспомнилось столкновение с вождем в Кремле на обсуждении плана оборонных мероприятий. Пожалуй, он слишком прямолинейно выразил свое несогласие.

— Как солдат, я выполню все, чего потребует партия.

Вот она и потребовала.

Объясняться со Сталиным бесполезно, с Ворошиловым — тем паче, но и молча проглотить пилюлю нельзя. Самолюбие не позволяет.

Михаил Николаевич позвонил в Кремль.

— Товарища Сталина нет,— трубку взял Поскребышев.— Вы по какому вопросу?

— Я получил новое назначение и, прежде чем отбыть, очень хотел бы поговорить. Прошу спросить товарища Сталина, сможет ли он меня принять?

— Хорошо, товарищ Тухачевский. Я передам.

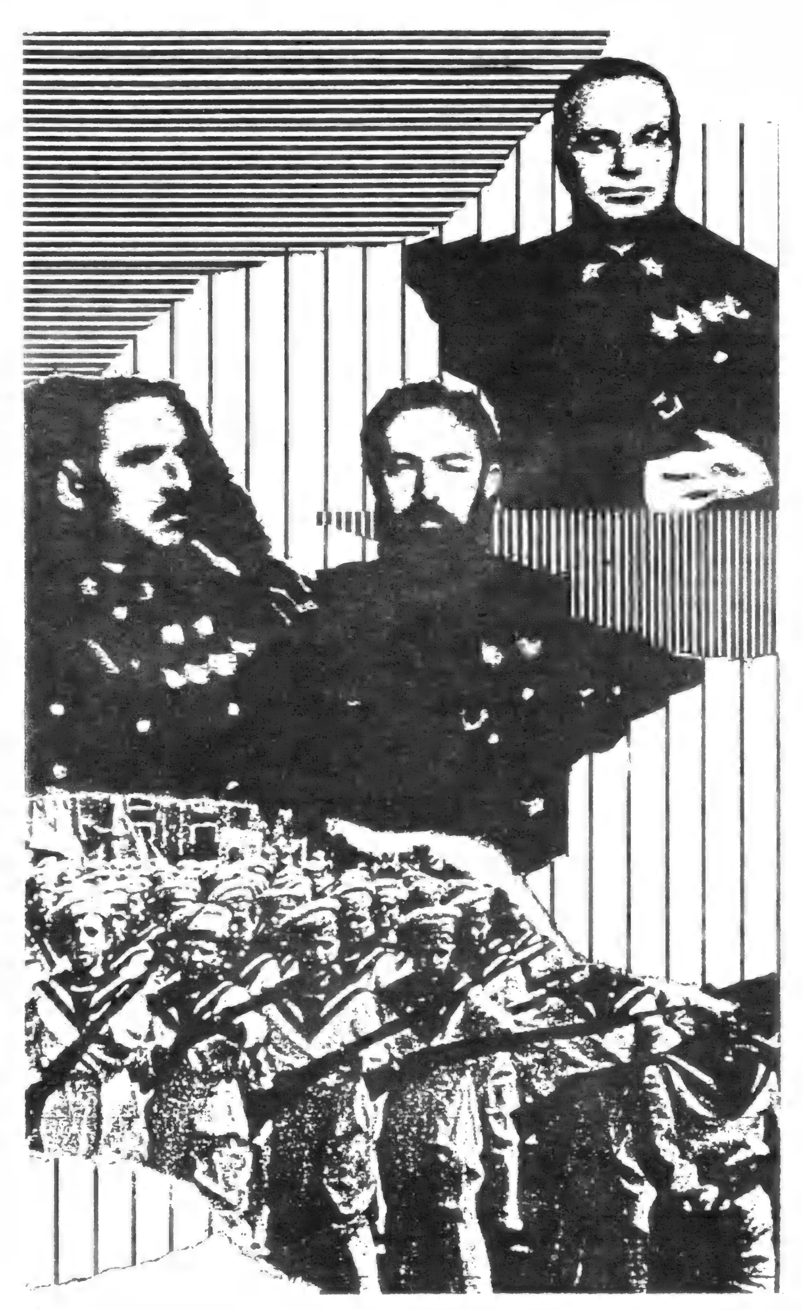
Вечером маршалу позвонили: Сталин назначил на тринадцатое. Несчастливая цифра.

— Не переживайте, товарищ Тухачевский,— вождь выслушал его с терпеливым вниманием, даже, пожалуй, с участием.— Это временная мера. Вам, наверное, говорили в ЦК, что она вызвана объективными обстоятельствами?

— Да, товарищ Сталин,— кивнул Тухачевский. Ему действительно сообщили, что его близкая знакомая Кузьмина и бывший порученец арестованы как шпионы. Верилось с трудом, но приходилось молчать.

— Пусть все немного уляжется. Поработайте спокойно, а при первой возможности мы вернем вас в Москву. Мы вам верим, товарищ Тухачевский.

Пожелав маршалу доброго пути, Сталин спустился в кинозал, где до четырех утра смотрел фильмы: «Бес-

приданницу» с Кторовым, какую-то смешную дребедень с Бестером Китоном и такой же пустяковый вестерн.

В эту ночь взяли начальника Военной академии имени Фрунзе, командарма второго ранга Августа Ивановича Корка, готовившегося отпраздновать свое пятидесятилетие.

Сын эстонского крестьянина, уроженец деревни Ардлан Лифляндской губернии, он окончил Чугуевское пехотное училище, Академию Генерального штаба и первую в России Военную школу летчиков-наблюдателей, участвовал в боях. На войне дослужился до подполковника. В 1918 году добровольно вступил в Красную Армию. Занимал командные должности: от начальника оперативного отдела штаба фронта до командарма Шестой и Пятнадцатой. В члены ВКП(б) вступил в 1927 году. Командовал войсками военных округов, был военным атташе в Берлине, начальником управления снабжения РККА. Член ЦИК СССР, награжден тремя орденами Красного Знамени и Почетным революционным оружием.

— Собирай чемоданы,— стараясь казаться веселым, Тухачевский улыбнулся жене.— Вспомним молодость!

Разговор с вождем хоть немного, но успокоил.

Рано ставить крест на карьере. Безысходные мысли о том, что он сам, своими руками помог утвердиться чудовищу, осели смутным осадком. Он даже ощутил нечто похожее на благодарность...

На Казанский вокзал приехали проводить друзья. Прощались шумно, с объятиями, поцелуями, скрывая слезы в желтых соцветиях мимозы. Все вдруг заметили, как поседел маршал.

На первых допросах Корк отказался признать какую бы то ни было причастность к заговору. После применения ускоренных методов его уже через день принудили подписать заявление на бывшего секретаря Президиума ЦИК Енукидзе.

Енукидзе долгие годы считался ближайшим другом Сталина. «Афинские ночи» на его квартире, куда хаживал вождь, были притчей во языцех. А хаживал он частенько, ибо, когда Надежда Аллилуева ушла из

жизни, его разыскали именно там, в окружении хмельных эпикурейцев. На Енукидзе легло роковое клеймо. После разоблачения «кремлевского заговора» его сняли с работы, но не арестовали. Это казалось удивительным, потому что в заговор была вовлечена даже охрана. Об обслуживающем персонале и говорить не приходится. Одна молоденькая библиотекарша показала, что опрыскала ядом страницы книги, предназначенной для Иосифа Виссарионовича. Уборщиц и тех посадили.

Но всему свое время, как учит мудрый Екклесиаст, и время всякой вещи под небом. Пробил час и Авеля Енукидзе.

«Каин, где твой брат Авель?» — спросит Троцкий, когда дойдет весть.

Корк подтвердил, что в военную организацию правых, куда его вовлек Енукидзе с целью захвата Кремля, входила троцкистская группа Путны, Примакова, Туровского. Однако Фриновский вскоре забраковал протокол — не стыковалось с другими,— и командарму подсунули новый вариант. Оказывается, еще в тридцать первом году он установил преступную связь с Тухачевским.

«...В состав центра входят Тухачевский, Якир, Уборевич, Эйдеман и я. Про других лиц, в частности про Гамарника, мне не говорил тогда Тухачевский и не говорил впоследствии»,— выглядело в окончательной редакции.

Бориса Мироновича Фельдмана вызвали в НКО, где он еще недавно — прошел всего месяц! — занимал ответственную должность начальника Управления по начальствующему составу РККА. Попросили помочь разобраться с бумагами. А бумаг ого-го!

На подходе его уже ждали с машиной. С ареста Корка минули всего одни сутки. Версия с Енукидзе еще прокручивалась в смежном отделе, а у Леплевского наращивала скорости эстафета Медведев — Примаков — Путна, то есть список из сорока примерно командиров и комиссаров, пока свободных в подавляющем большинстве. При звездах и ромбах, шевронах и портупеях, при партийных билетах и орденах, при личном оружии.

Подпись бывшего начальника Управления, кото-

рому по службе полагалось знать все о каждом, была особенно нужна.

На четвертый день он начал подписывать.

О Гамарнике спросили отдельно.

— В отношении связи с Гамарником я лично ни слова не слышал и не знал, что Гамарник состоит членом центра. Гамарник вел такую линию в центральном аппарате, что мне хотя бы от малейшего его шага или малейшей осторожности догадаться о том, что он нам помогает, не было возможности, и я не могу этого сказать... Гамарник, когда приезжал на Дальний Восток, вы сами знаете, всегда о дальневосточных делах плохо отзывался — это факт, хвалил много Сангурского — это факт, об этом я сообщаю, делал он это с определенной целью. С моей стороны было бы неправильно, если бы я на основании этого мог сказать, что Гамарник состоит членом центра.

Гамарника не выбивали, о нем пока только спрашивали. И Фельдман, и Корк, и Путна ответили почти одинаково.

Ежов показал протоколы допроса Сталину, Молотову, Ворошилову и Кагановичу.

— Прошу обсудить вопрос об аресте остальных участников заговора,— всем видом нарком показывал, как строго соблюдается принятый распорядок.

«Остальные участники» входили в состав ЦК.

— Не Бухарин с Рыковым,— брезгливо скривился Молотов.— Обсудим вопрос.

Нина Евгеньевна до позднего вечера ожидала мужа, а он все не шел. В необжитой квартире было пусто и неприкаянно. Она успела распаковать только самые необходимые вещи. Какое-то совещание. Говорил, что ненадолго, а вернется за полночь. Если бы кто видел, как он устал и чего все это ему стоит! За окном, источая тягучие нити, выматывали душу редкие желтые фонари. В сравнении с Москвой Куйбышев показался убогим и темным. Ничего нельзя повторить.

Она бросилась на стук, разом стряхнув тоскливые думы, но на пороге стоял Павел Ефимович Дыбенко. В кожаном черном пальто, бородатый, он казался особенно бледным.

— Что случилось?! — она сразу почувствовала беду.

— Михаила Николаевича арестовали...

Примерно в то самое время, когда Тухачевского посадили в машину, в Колонном зале Дома союзов близилась к завершению Общемосковская партконференция.

Молодой человек с красной повязкой на рукаве незаметно вышел из-за кулис, на цыпочках приблизился к столу призидиума и, наклонясь к Эйдеману, что-то шепнул.

Роберт Петрович кивнул и, оставив раскрытый блокнот на кумачевой скатерти, не спеша направился в комнату отдыха. Однако вместо официантов, что так ловко откупоривали бутылки с ситро и подносили пирожные, его встретили люди с малиновыми петлицами. Телефонная трубка — успел заметить — лежала на рычаге: никто ему не звонил.

Эйдемана привезли во внутреннюю тюрьму и должным манером оформили. Но в камере, так похожей на третьеразрядный номер, он, словно и вправду гостиница, только переночевал. Утром состоялся переезд в Лефортово, где его сразу взяли в крутой оборот.

Михаила Николаевича еще везли по разбитым мостовым самарских предместий, а Леплевский уже сказал помощнику начальника отделения Карпейскому, что Тухачевский назвал Эйдемана среди участников заговора. Карпейский завел бывшего комкора к себе в кабинет, пригласил Дергачева, также помнача, и приступил к допросу. Никаких материалов на руках не было.

Роберт Петрович стойко держался четыре часа. Пришлось доложить Агасу, замначальника Особого отдела. Он взял допрос в свои руки.

Если рослый, крепко сбитый латыш и кричал, то его голос затерялся среди воплей и стонов. Ночная работа шла во всех кабинетах.

— Не ждите, пока они сделают вам одолжение и начнут говорить,— проинструктировал Ежов.— Надо сразу дать понять, что это вы делаете им одолжение. Пусть за счастье почитают ваше согласие слушать.

На другую ночь Эйдеман начал давать нужные показания. Заявление на имя Ежова о его горячем желании «помочь следствию» он сумел переписать только со второй попытки. Рука не слушалась, и буквы выпадали из слов. Услышав, как где-то за стеной заработал мотор, он бросил ручку и пробормотал, закатив глаза:

— Самолеты, самолеты...

Кандидат в члены Политбюро Ян Эрнестович Рудзутак проводил отпуск на даче у подножья Николиной горы. Сын латышского батрака, он еще мальчишкой нанялся пастухом на хутор, две зимы ходил в приходскую школу. В шестнадцать лет подался в город, скитался по ночлежкам, голодал, хватался за любую работу. Революцию пятого года встретил на заводе «Отто Эрбе» большевиком-подпольщиком. Десять лет просидел в царских тюрьмах: от Рижского централа до Бутырского замка. В Виндаве его били резиновыми палками молодчики из остзейской самоохраны. Предводитель отряда карателей барон фон Ропп прогнал его через «дом пыток», что устроил у себя в лесничестве. Выжить удалось чудом. После Октября был председателем Московского совнархоза, членом ВСНХ, генеральным секретарем ВЦСПС, пять лет проработал бок о бок с Лениным. Секретарь ЦК РКП(б), член Политбюро ВКП(б), нарком Рабкрина, нарком путей сообщения, заместитель председателя Совнаркома и СТО — он занимал важнейшие посты в партии и государстве. Твердо отстаивал линию ЦК на Генуэзской конференции. Ленин часто ставил его в пример Троцкому, Бухарину, многим.

Шли разговоры, что Владимир Ильич имел в виду Рудзутака, когда предложил «обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека...».

Такое не забывается. Одним пришло время убивать (совсем по Екклесиасту), другим — время умирать.

Ничто, по крайней мере лично ему, не предвещало несчастья. Солнечное утро в росе. Умопомрачительный аромат сосен. Голые ребятишки на песке. Мягкая дымка над речной долиной.

В газете («Правда» от 24 мая) сразу увидел приветственную телеграмму покорителям Северного полюса, подписанную руководителями партии и правительства.

Его подписи не было. А ведь ее запросили по телефону!

Случайность в таком деле исключена.

И майский день померк. Теперь он знал, что чувствовали те, кто исчезал разом и невозвратно. Попытки заступиться, спасти кончались ничем. Это был путь с односторонним движением. Как по реке времени.

На закате подъехали три автомобиля.

В тот предвечерний, такой умиротворяюще тихий

за городом час в Кремле шло заседание Политбюро, на которое Рудзутака не пригласили. Состоялось голосование, и он автоматически превратился в «бывшего», но еще оставался членом ВКП(б), вернее, ВКП, ибо буковка в скобках почему-то «выпала» из постановления. И еще членом Президиума ЦИК и Президиума ВЦИК, и заместителем главы правительства, и заместителем Председателя Совета Труда и Обороны.

«Суета сует — все суета!»

Он уже не принадлежал к миру живых.

«Поставить на голосование членов ЦК ВКП(б) и кандидатов в члены ЦК следующее предложение: «ЦК ВКП получил данные, изобличающие члена ЦК ВКП Рудзутака и кандидата ЦК ВКП Тухачевского в участии в антисоветском троцкистско-право-заговорщицком блоке и шпионской работе против СССР в пользу фашистской Германии. В связи с этим Политбюро ЦК ВКП ставит на голосование членов и кандидатов ЦК ВКП предложение об исключении из партии Рудзутака и Тухачевского и передаче их дела в Наркомвнудел».

Никаких дел, естественно, не передавали туда, где, как личинки в тухлом мясе, как бы сами собой зарождались дела. Был бы человек, а статья найдется.

Два дня понадобилось, чтобы разослать опросные листы, прежде чем Сталин подписал постановление. Голосовали члены ЦК Якир и Гамарник, голосовал кандидат в члены ЦК Уборевич.

Бывший маршал уже четвертые сутки поливал кровью «дело». В самом прямом смысле, прямее не бывает.

Замначальника Особого отдела Ушаков «возил» его разбитым лицом по раскрытой папке — «делу» под номером 967 581.

— Не подпишешь? Подпишешь!.. Кровью подпишешь, фашист!

Ежов, лично руководивший работой с Тухачевским, прикрепил к нему лучших «забойщиков». Всю неделю, с двадцать второго по двадцать восьмое, он ежедневно докладывал Сталину о ходе следствия. Дважды приезжал вдвоем с Фриновским.

Выправляя протоколы, вождь закладывал такие мертвые петли, что дух захватывало. Вплетал в дело о

военном заговоре связи по прежним процессам, тянул нити в то, неизведанное грядущее, что прозревал он один. Отсюда непредсказуемые прыжки ненасытного «тиранозавра»: то правые, то снова троцкисты, скачок в сторону Енукидзе, молниеносный бросок на Рудзутака.

В ночь на двадцать девятое в присутствии Ежова Тухачевский подписал окончательный вариант:

«Еще в 1928 году я был втянут Енукидзе в правую организацию. В 1934 году я лично связался с Бухариным, с немцами я установил шпионскую связь с 1925 года, когда я ездил в Германию на учения и маневры... При поездке в 1936 году в Лондон Путна устроил мне свидания с Седовым... Я был связан по заговору с Фельдманом, Каменевым С. С., Якиром, Эйдеманом, Енукидзе, Бухариным, Караханом, Пятаковым, Смирновым И. Н., Ягодой, Осипяном и рядом других».

Полпреда Карахана вызвали из Анкары в связи с назначением в Соединенные Штаты — взят на вокзале в Москве. Армкомиссар второго ранга Осепян — грамотеям из ОСО было не до буквенных тонкостей — сбежал из-под ареста. Отличаясь могучей силой, герой гражданской выломал доски и на полном ходу выпрыгнул из вагона. Скатившись с насыпи, он повредил ногу, но кое-как доковылял до колхозного поля и зарылся в стог. Поднятая по тревоге рота НКВД прочесала всю окрестность, но лихой богатырь так умело закопался, что, сколько не тыкай штыком, не достанешь. Отлежавшись, он добрался под утро до станции, где наткнулся на телеграфиста — бывшего красногвардейца. Тот сразу узнал своего боевого командира. Осепян велел связаться с райцентром: волновало, висят ли портреты Ленина и Сталина. Когда брали, он решил, что начался контрреволюционный переворот. Портреты оказались на месте. Тогда армкомиссар позвонил Ворошилову: как быть? «Приезжай в Москву, разберемся», — посоветовал старый товарищ.

— Не понимаю, что происходит? — в Лефортово его поместили в одну камеру с Путной.

— Станут нарезать на спине ремни, сразу поймешь.

На заседании Политбюро Сталин коротко проинформировал о поступивших из-за рубежа документах. Заго-

ворщики планировали во взаимодействии с германским генеральным штабом и гестапо свергнуть Сталина и Советское правительство, а также все органы партии и Советской власти и установить военную диктатуру. Это должно было быть произведено с помощью связанного с Германией антикоммунистического национального правительства, имевшего целью осуществить убийство Сталина и его ведущих соратников, а затем предоставить Германии за ее помощь особые привилегии внутри Советского Союза и сделать территориальные уступки на Украине.

Формулировки были почти такие же, как на процессах, но с характерным для перевода с иных языков акцентом: «Это должно было произойти под лозунгом национальной России, которая находилась бы под сильной военной властью».

ГЕРМАНСКИЙ ПОСЛАННИК ФРАНЦ ФОН ПАПЕН АДОЛЬФУ ГИТЛЕРУ

Чрезвычайный посланник
и полномочный министр
по особым поручениям

Вена, 27.5.37
Совершенно секретно

Содержание: директива Политбюро

В приложении я пересылаю поступившую мне известным путем директиву Политбюро Советского Союза своим внешнеполитическим представительствам от 24 мая 1937 года.

Фюреру и рейхсканцлеру
Берлин
Папен

56

В Киеве открылся съезд Компартии Украины. Член Политбюро КП(б)У Якир сидел на сцене рядом с Постышевым и Косиором.

На городскую квартиру, где ждал отправки багаж, он почти не заглядывал. Жена с сыном доживали последние дни на даче в Святошине. После заседания Иона Эммануилович каждый вечер отправлялся за город.

Как упоительно-горько пахла полынь! И дорожная пыль, врываясь в приспущенное стекло «ЗИСа», щекотала в ноздрях. И взбаламученные потемки над дикой степью полыхали ветвистыми трещинами.

Господи боже мой, до чего быстро все пролетело!

На застекленной веранде уютно светила настольная лампа. Петя штудировал алгебру — экзамены на носу. Здорово вырос. За спиной семилетка. Рубеж!

— Дай-ка я проверю,— Иона Эммануилович взял учебник.

В доме, сразу заставив насторожиться, треснкнул и после короткой паузы требовательно задребезжал звонок.

— Междугородная.

— Москва, папа?

Звонил Ворошилов.

— Назначено срочное заседание Военного совета. Немедленно выезжайте. Очень важный вопрос.

— Поздно уже, Климент Ефремович. Я завтра с утра самолетом.

— Нет, только поездом... В Москве плохая погода. Берите свой вагон.

На перроне было тесно от провожающих. Приехали сослуживцы, старые друзья, выкроили минутку и делегаты съезда. Последние рукопожатия, вечные слова прощания, что сами срываются с губ и проносятся мимо.

— Петя, будь мужчиной!

Двадцать девятого мая в тринадцать часов пятнадцать минут он видел отца в последний раз.

Вечером нагрянули с обыском.

Рано утром поезд остановился в Брянске. После того как салон-вагон отцепили, по железным ступеням поднялись работники НКВД. Войдя в купе, где командарм досматривал последний сон, не отравленный вонью параши, они первым делом нашли оружие.

Пистолет лежал под подушкой. Где же еще ему быть?

Один резко рванул занавески, другой сдернул одеяло.

— Вставайте! Вы арестованы.

Якир вынырнул из сна, как боксер из нокдауна. Сперва встрепенулось сердце — оно уже все знало, и только потом сквозь головокружительную муть просочилось понимание. Он содрогнулся от ледяного озноба:

в довершение всего они застали его врасплох, голого. Омерзительно!

— Вот постановление,— ему сунули под нос какую-то бумажку с фиолетовой ядовитой печатью.— Одевайтесь.

— Решение Центрального Комитета есть? — Якир сдернул с вешалки гимнастерку.

— Наденьте штатское,— нависший над ним майор покосился на ордена.— Так оно и для вас будет лучше...

— Я спросил о решении Центрального Комитета! — Иона Эммануилович не понял, чем поможет ему штатский костюм. Телесный осмотр, срезание пуговиц и прочие неизбежные процедуры были вне его мира. Он не знал, что чувствуют люди, когда с них спарывают шевроны, срывают ордена. Никогда не думал об этом.

— В Москве вам покажут все, что требуется...

Он торопливо натянул брюки, кое-как пристегнул запонкой воротничок. Только галстук никак не давался.

— Оставьте,— сказал майор.

Выходя из купе, Иона Эммануилович увидел адъютанта Захарченко. Спускаясь, чувствовал на себе его тоскующие глаза.

Его повели по путям куда-то в тупик, на отдаленную платформу, где возле обшарпанного лабаза стояли машины. В Москву повезли с почетным эскортом.

«*К. Е. Ворошилову*. В память многолетней в прошлом честной работы моей в Красной Армии я прошу Вас поручить посмотреть за моей семьей и помочь ей, беспомощной и ни в чем не повинной. С такой же просьбой я обратился к Н. И. Ежову.

9 июня 1937 г.

Якир»

«Сомневаюсь в честности бесчестного человека вообще.

10 июня 1937 г. *К. Ворошилов*»

Ножницы регламентации обкорнывали не только судьбы, но и обстоятельства. Черт с ним — с однообразием приемов. С совпадением обстановки как быть? А что обстановка? Ее также организует регламент.

Уборевича тоже избрали в президиум. В Смоленске, в Доме Красной Армии, начала работу окружная пар-

тийная конференция. На второй день поступила телефонограмма из столицы. Срочный вызов.

Наскоро собрав небольшой чемоданчик, Иероним Петрович взял на дорогу пару книжек и коробку сигар.

За окнами доцветала сирень, со дня на день мог распуститься жасмин. Самая чарующая пора.

Перед тем, как уйти, оборвал листик календаря: 29 мая.

Нине Владимировне позвонили из отдела связи округа, что поезд скоро прибудет в Москву.

— Маша, голубушка, вы уж приготовьте все, как надо, а я полетела.

Когда показался паровоз со звездой, она бросилась навстречу с букетом цветов. Пока добежала к салону, состав остановился. Увидев на перроне военных в синих фуражках, не придала этому никакого значения. Схватилась за поручень, оттолкнув зазевавшегося охранника, и вскочила на подножку. Он рванулся за ней, успел, кажется, поймать кончик газового шарфа, но Нина Владимировна уже влетела в тамбур.

Одетый в штатское Уборевич шел по коридору между двумя чекистами.

Она закричала.

— Не волнуйся, Нинок, все уладится,— успел сказать он, прежде чем их растащили в разные стороны.

Нину Владимировну затолкнули в ближайшее купе и продержали взаперти до самого вечера.

Она возвратилась домой, когда там уже шел обыск. Работало пятеро...

В ту же ночь провели очную ставку.

— Уборевич состоял в нашей правотроцкистской организации с тридцать первого года,— угрюмо процедил Корк.

— Категорически отрицаю. Это все ложь от начала до конца. Никогда никаких разговоров с Корком о контрреволюционных организациях не вел.

Ушаков доложил Леплевскому, что Уборевич ведет себя неправильно.

— Вас что, учить надо?

Ушакова не надо было учить. Он и не таких колол.

Фельдман поначалу тоже от всего отпирался. «Какой еще заговор, тем более против Ворошилова? Климент Ефремович учил нас, растил, воспитывал...» Знакомая песня!

Ушаков изучил личное дело арестованного, вызвал его к себе в кабинет, запер дверь и вскоре Фельдман писал под диктовку. А Тухачевский? Кто вытаскивал из Тухачевского?

Но сейчас даже не дали как следует познакомиться с делом — очная ставка прямо с колес.

Уборевича ломали вдвоем с Леплевским, пока не подписал заявление на имя Ежова. Сначала одно, затем другое.

С Якиром вышла небольшая осечка. Следователь Глебов то ли из ложного сочувствия, то ли по неопытности зафиксировал отказ от показаний. Глебова отстранили и выправлять положение пришлось тому же Ушакову.

— Я почти не ложился спать,— доложил он,— но вернул Якира к прежним показаниям. Это Глебов стал сбивать его...

Леплевский приказал арестовать Глебова.

Постановление было оформлено решением Политбюро от 30 мая и 30 мая — 1 июня 1937 г. Голосование проводилось опросом.

«Утвердить следующее предложение Политбюро ЦК: ввиду поступивших в ЦК ВКП(б) данных, изобличающих члена ЦК ВКП(б) Якира и кандидата в члены ЦК ВКП(б) Уборевича в участии в военно-фашистском троцкистском правом заговоре и в шпионской деятельности в пользу Германии, Японии, Польши, исключить их из рядов ВКП и передать их дела в Наркомвнудел».

«Отстранить тт. Гамарника и Аронштама от работы в Наркомате обороны и исключить из состава Военного Совета,— говорилось в другом решении от 30 мая,— как работников, находящихся в тесной групповой связи с Якиром, исключенным ныне из партии за участие в военно-фашистском заговоре».

Армкомиссар первого ранга Гамарник всего десять дней назад был утвержден членом Военного совета Среднеазиатского округа, а Аронштама, армкомиссара второго ранга, определили на такую же должность в Куйбышев.

Кого сразу стирали в пыль, кого пересеивали из сита в сито.

Ян Борисович Гамарник страдал тяжелой формой

диабета. По утрам к нему на дом в Большой Ржевский переулок приезжала медсестра.

Маршал Блюхер заехал на московскую квартиру за женой в начале седьмого. Она сидела перед трюмо, уже одетая для театра. Наводила последний лоск. В Большом давали «Жизель». На закрытом посещении ожидались члены правительства.

— Французские? — Василий Константинович повел носом.— Ты же знаешь, что Сталин не любит. Могла бы «Красную Москву» по такому случаю... А вообще-то с театром срывается. Не знаю, успею ли обернуться. Срочное задание.

— Ну вот...

— Большой Ржевский,— сказал шоферу маршал.

— Дело швах, Ян Борисович,— Блюхер подсел поближе к кровати. На подушке вьющиеся волосы и густая борода Гамарника казались особенно черными. Болезнь придала лицу горькую утонченность.

Блюхер поведал о состоявшемся решении и, сделав над собой усилие, поднялся. Что еще можно было сказать?

Едва он ушел, приехали начальник Политуправления Булин и начальник Управделами наркомата Смородинов. Климент Ефремович Ворошилов приказал ознакомить Гамарника с приказом об увольнении.

Член партии с 1916 года, секретарь Киевского комитета РСДРП(б) до Октября, он возглавлял в период германского нашествия подпольные парторганизации в Одессе, Харькове, Крыму. Член Реввоенсовета южной группы войск, комиссар стрелковой дивизии, председатель Одесского и Киевского губкомов. Потом — Дальний Восток, Сибирь. С 1929 г.— бессменный начальник ПУ РККА, член Реввоенсовета СССР, ответственный редактор «Красной Звезды», с 1930 г.— одновременно первый заместитель наркома обороны. Орден Ленина, орден Красного Знамени.

Жить без армии он не мог. Да и сколько ее еще оставалось, жизни?

Ян Борисович сполз с кровати, добрался до стола, вынул из ящика револьвер.

«Бывший член ЦК ВКП(б) Я. Б. Гамарник, запутавшись в своих связях с антисоветскими элементами и, видимо, боясь разоблачения, 31 мая покончил жизнь самоубийством»,— сообщили газеты.

Поднявшись этажом выше, Мира Уборевич зашла к подруге. Вета достала альбом с фотографиями. Долго вглядывались в остановленные мгновения, вспоминали. Потом, повинуясь овладевшей обеими мысли, принялись расставлять крестики.

Кто следующий?..

Первого июня в Кремле на расширенном заседании Военного совета с докладом «О раскрытом органами НКВД контрреволюционном заговоре в РККА» выступил Ворошилов. Из восьмидесяти пяти членов Совета двадцать сидели по тюрьмам, двое умерли.

Прежде чем нарком взошел на трибуну, участников ознакомили с показаниями арестованных. Настроение было подавленное. Сталин короткими злыми репликами сталкивал людей лбами, провоцировал, разъединял.

— Аронштам сказал, что Блюхер не то что армией, полком не может командовать.

Блюхер чертыхнулся.

— Вот сидит Семен Михайлович, а эти мерзавцы болтают, что ему и эскадрона доверить нельзя. Что скажешь, Семен Михайлович?

Ко всем он сегодня обращался на «ты». Всех обвинял: Совет, армию.

— Про Дубового Тухачевский еще не так выразился... Не веришь, Дубовой?.. Придется поверить.

Ворошилов говорил, не отрываясь от текста.

— Органами Наркомвнудела раскрыта в армии долго существовавшая и безнаказанно орудовавшая, строго законспирированная контрреволюционная фашистская организация, возглавлявшаяся людьми, которые стояли во главе армии... О том, что эти люди — Тухачевский, Якир, Уборевич — были между собой близки, это мы знали, это не было секретом. Но от близости, даже от такой групповой близости до контрреволюции очень далеко... В прошлом году, в мае месяце, у меня на квартире Тухачевский бросил обвинение мне и Буденному в присутствии товарищей Сталина, Молотова и многих других, в том, что я якобы группирую вокруг себя небольшую кучку людей, с ними веду, направляю всю политику и так далее. Потом на второй день Тухачевский отказался от всего сказанного... Товарищ Сталин тогда же сказал, что надо перестать препираться частным образом, нужно устроить заседа-

ние Политбюро и на заседании подробно разобрать, в чем тут дело. И вот на этом заседании мы разбирали все эти вопросы и опять-таки пришли к прежнему результату.

— Он отказался от своих обвинений,— Сталин, казалось, хотел проявить объективность. Пустяк по сравнению со всем содеянным, но Ворошилов обиделся.

— Да, отказался, хотя группа Якира и Уборевича на заседании вела себя в отношении меня довольно агрессивно. Уборевич еще молчал, а Гамарник и Якир вели себя в отношении меня очень скверно.

И страшно, и жалко. Катастрофа! Бездонная черная яма! А он никак не мог отделаться от ничтожных обид.

— Я, как народный комиссар, откровенно должен сказать,— он подпустил толику самокритики,— что не только не замечал подлых предателей, но даже когда некоторых из них (Горбачева, Фельдмана и других) уже начали разоблачать, я не хотел верить, что эти люди, как казалось, безукоризненно работавшие, способны были на столь чудовищные преступления. Моя вина в этом огромна. Но я не могу отметить ни одного случая предупредительного сигнала и с вашей стороны, товарищи... Повторяю, никто ни разу не сигнализировал мне или ЦК партии о том, что в РККА существуют контрреволюционные конспираторы.

Теперь и он, вслед за Сталиным, обвинял всех и вся. Заседание продолжалось четыре дня.

— Военно-политический заговор против Советской власти,— Сталин дал обобщенную формулировку,— стимулировавшийся и финансировавшийся германскими фашистами,— он перечислил состав руководящего центра в том порядке, как это было в заявлении Тухачевского,— это ядро, которое имело систематические сношения с германскими фашистами, особенно с германским рейхсвером, и которое приспосабливало всю свою работу к вкусам и заказам германских фашистов.

Никто не обратил внимания на анахронизм — рейхсвер, вместо вермахта, превращавший обвинение в сотрудничестве с *фашизмом* в исторический ляпсус. Характеризуя заговорщиков, всех, кроме Бухарина, Рыкова и Гамарника, объявил шпионами.

— Он оперативный план наш,— словно сдерживая себя из последних сил, обрушился на Тухачевского,— оперативный план — наше святае святых передал не-

мецкому рейхсверу. Имел свидание с представителями немецкого рейхсвера. Шпион? Шпион... Якир систематически информировал немецкий штаб... Уборевич — не только с друзьями, с товарищами, но он отдельно, сам лично информировал, Карахан — немецкий шпион, Эйдеман — немецкий шпион, Корк информировал немецкий штаб начиная с того времени, когда он был у них военным атташе в Германии.

Получалось, что почти все — Тухачевский, Рудзутак, Карахан, Енукидзе — были завербованы одной-единственной женщиной, датчанкой Жозефиной Енсен, работавшей все на тот же рейхсвер.

— Это военно-политический заговор,— как гвозди вколачивал вождь отброшенное Гитлером наименование.— Это собственноручное сочинение германского *рейхсвера*. *Рейхсвер* хочет, чтобы у нас был заговор, и эти господа взялись за заговор. *Рейхсвер* хочет, чтобы эти господа систематически доставляли им военные секреты, и эти господа сообщали им военные секреты. *Рейхсвер* хочет, чтобы существующее правительство было снято, перебито, и они взялись за это дело, но не удалось,— казалось, его излюбленным повторениям не будет конца, как обращению комет в пустоте.— *Рейхсвер* хотел, чтобы в случае войны было все готово, чтобы армия перешла к вредительству, с тем чтобы армия не была готова к обороне, этого хотел *рейхсвер*, и они это дело готовили. Это агентура, руководящее ядро военно-политического заговора в СССР, состоящее из десяти патентованных шпиков и трех патентованных подстрекателей-шпионов. Это агентура германского *рейхсвера*,— возвращались по вытянутой эллиптической траектории ледяные ядра-слова.— Вот основное. Заговор этот имеет, стало быть, не столько внутреннюю почву, сколько внешние условия, не столько политику по внутренней линии, сколько политику германского *рейхсвера*. Хотели из СССР сделать вторую Испанию и нашли себе и завербовали шпиков, орудовавших в этом деле. Вот обстановка.

Люди сидели одурелые, как от угарного газа. Навязчивые повторения, их апериодичные циклы, убогая нищета лексики.

— Прошляпили, мало кого мы сами открыли из военных,— Сталин потребовал «сигналов». Рубил с плеча: военная разведка ни к черту не годится и засорена шпионажем, внутри чекистской разведки целая

группа работала на Германию, Японию, Польшу. Нетрудно было догадаться, что ожидает разведчиков, если по военной линии уже было арестовано триста — четыреста человек. Он так и сказал: триста — четыреста. Сотня — не в счет.— Если будет правда хотя бы на пять процентов, то и это хлеб.

В прениях выступили сорок два участника. Сталин внимательно регистрировал проклятия в адрес врагов и заверения в преданности. Военных должны судить сами военные. Пусть покажут, кто чего стоит.

— Срок вам — неделя,— предупредил Ежов, вернувшись в наркомат из Кремля.

Назавтра, после встречи со Сталиным, Молотовым и Кагановичем, он объявил, кого отобрали для процесса: Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Фельдман, Примаков, Путна,— общее групповое дело на восемь человек.

Вышинский и помощник главного военного прокурора Суббоцкий менее чем за два часа провели допрос (пятнадцать минут на каждого) и удостоверили правильность показаний, данных на следствии.

— Все верно, Андрей Януарьевич? — спросил Ежов, принимая протоколы.— Можно отсылать товарищу Сталину?

— Хорошо поработали чекисты!

Девятого июня Вышинский подписал обвинительное заключение. В этот день его дважды принял Сталин. Выходя что-то около полуночи из кабинета, Андрей Януарьевич чуть не столкнулся с Мехлисом, но успел отскочить и церемонно раскланялся.

На следующее утро Вышинский выступил на пленуме Верховного суда с сообщением о деле. На пленуме было образовано Специальное судебное присутствие, куда вошли видные военачальники.

Дело было закончено, поступило в суд, а из подсудимых продолжали выбивать показания. Намечались вторые, третьи и более дальние эшелоны. Члены только что избранного присутствия — новый начальник Генштаба Шапошников, командармы Дыбенко, Каширин — первыми стояли на очереди.

«Время всякой вещи под небом».

Самая приятная *вещь* на свете, якобы сказал на дружеской пирушке вождь, это дождаться своего часа, отомстить врагу и спокойно лечь спать.

Он все помнил, за всем наблюдал и ничего не упускал

из поля зрения. Нацелив Мехлиса на самый высокий градус пропагандистской парилки, не забыл подготовить маленький фокус.

Накануне процесса, за считанные часы до суда, последствия которого скажутся на судьбе всего человечества и будут неисчислимы, «Правда» и «Известия» одновременно печатают статью «История и современность (по поводу книги Е. Тарле «Наполеон»)».

«Враги народа, боящиеся дневного света, люди, прячущие свое подлинное лицо, охотно избирают историческую литературу в качестве орудия своей двурушнической, вредительской деятельности... Книга Тарле о Наполеоне — яркий образец такой вражеской вылазки».

Бедный академик! Он испил свою чашу сполна. Его уже арестовали и судили — по обвинению в принадлежности к контрреволюционному монархистскому заговору. Еле удалось вырваться из ссылки. После такой статьи можно ждать чего угодно. Вплоть до высшей меры. О намеченном на завтра мероприятии он, надо думать, не догадывался. Однако заподозрил, что принесен в жертву государственным интересам: бдительность. Но почему именно он и за что? Говорили, что Сталин ждал этой книги, собирался стать первым ее читателем. Значит, не понравилось самому?

Насилу удалось задремать после трех таблеток снотворного. Но не успел он провалиться в забытье, как зазвонил телефон.

— Товарищ Тарле?.. Сейчас с вами будет говорить товарищ Сталин.

Напольные часы пробили два удара — его излюбленный час.

— Здравствуйте, товарищ Тарле. Вы, наверное, немножко огорчены? Не стоит огорчаться. Статья о книге «Наполеон» не соответствует оценке, которую дает руководство партии. Будет дано разъяснение. Всего вам хорошего, товарищ Тарле.

Утром оба ведущих органа так же дружно поместили опровержение.

«...Из немарксистских работ, посвященных Наполеону, книга Тарле — самая лучшая и ближе к истине».

— С-слава те гос-споди...

На сообщение об окончании следствия и предстоящем судебном процессе Евгений Викторович сперва и внимания не обратил.

А страна и мир замерли в ожидании.

Превратности судьбы «Наполеона» тоже не прошли незамеченно. Выходит, возможна все-таки справедливость? И сколь беспромедлительно ее торжество. Как молния с сияющих высот.

57

— Есть только одно солнце,— объяснил Каганович, когда старая знакомая попросила его вступиться за арестованного мужа.— Все остальные — только маленькие звездочки.

Над башнями Кремля зажгли рубиновые звезды, далеко видимые в ночи.

Лето летело к солнцестоянию.

Ожидался невиданный урожай.

Извержению вулкана обычно предшествуют предвестники: выбросы газа, толчки. Наблюдаются и аномалии в поведении животных, домашних и диких. Лошади рвутся из конюшен, с жалобным воем мечутся по улицам собаки, покидают свои земляные укрытия змеи и скорпионы. Но не люди. Люди обычно спокойно спят или предаются любви, о чем лишний раз напоминают гипсовые слепки Помпеи.

За неделю до начала процесса «Правда» опубликовала обширную статью С. Уранова «О некоторых коварных приемах вербовочной работы иностранных разведок», вызвавшую обильную читательскую почту. В своих письмах в редакцию простые советские люди призывали к бдительности, разоблачали «беспечных простофиль» и «опасных болтунов». «Долг гражданина — быть добровольцем НКВД»,— следовал неизбежный вывод.

Словом, никто не мог пожаловаться, что не увидел знамения в небесах. Знаки были явлены изобильно.

В самый канун одна за другой появились и две престранного свойства заметки. Одна так и вовсе ошеломительная, но тем не менее в русле все той же генеральной линии на бдительность.

«Профессор — насильник, садист» — называлась первая и «Враг под маской врача» — вторая. По всему выходило, что намечается встряска медицинских работников. Недаром еще в декабре подвергся идеологической проработке нарком Каминский. Темная память о

холерных бунтах крепко угнездилась в народном сознании. Всего век минул с той поры, когда озверелая толпа избивала лекарей — распространителей мора. Сто лет для истории — это и много, и мало, равно как и для воспитания нового человека. Опрокинутое сознание нуждается в постоянной накачке абсурда, словно наркоман в морфии. Расстрелы, голод, осквернение святынь и могильных камней, надругательство над жизнью и смертью — все эти разрушительные процессы возродили в измордованной, забитой душе древний мистический ужас. Он хлестал через край, изливаясь в наветах и поразительном легковерии.

Мало оказалось вредителей и шпионов, чтобы дать полный выход загнанному в лабиринты подсознания изуверству. Сваливая просчеты и провалы в хозяйственной деятельности на спецов-вредителей, Сталин исподволь подбирался к врачам. Первая проба с микробиологами, которых обвинили в заражении лошадей, выявила богатейший спектр возможностей. На профессоров, что выкармливали в колбах убийственные микробы, реагировали куда более живо, чем на инженеров, эсперантистов и прочую гнилую интеллигенцию.

Вождь и на сей раз не ошибся в своем народе. Где надо, он проявляет восторг и энтузиазм, понадобилось сурово насупить брови — требует смерти. И к захребетникам, кто сидит на его шее, ничего материально своими руками не производя, тоже относится должным образом. Сталин ничуть не сомневался в том, что широкие массы трудящихся полностью разделяют его глубинную неприязнь к медицине научной и веру в целительную мощь простейших народных средств. Сама мысль о том, что кто-то в силу отжившего распорядка не то что смеет, но даже считает своей обязанностью совать свой нос в сокровенные тайны тела, не говоря о душе, казалась ненавистной вождю. Он сызмальства не жаловал медиков, и лишь крайняя необходимость могла заставить его обратиться к их помощи. Призрак облаченного в белый халат убийцы прокрадывался в сны, причудливо сливаясь с образами фильмов. Но бывало и так, что сны давали толкование кинокартинам. Антифашистская лента «Профессор Мамлок» вызвала у Сталина резкое неприятие. Он не только не мог сочувствовать герою, но, так получалось, принимал в душу предубеждения его гонителей. По-своему они действовали вполне логично. И в самом

деле, как можно доверить высокомерному чистоплюю копаться в твоих кишках? Профессиональная фанаберия и ложно понятое чувство долга могут завести куда угодно подобных господ.

Однажды после обильного, затянувшегося далеко за полночь ужина Сталину приснилось, что он лежит на операционном столе, а над ним нависли глумливые физиономии в очках и белых хирургических масках. Пробудившись от полуденного кошмара, сопровождаемого непонятной резью в боку, он, уже наяву, припомнил характерные черты сумеречных злодеев, их злобные, увеличенные стеклами глаза и сопоставил приметы.

Сначала возникла идея связать Левина, Плетнева и Казакова с правыми и Ягодой, но вскоре выяснилось, что текущий момент особенно благоприятен для небольшой затравки. Крушения поездов и взрывы в забоях производят сильное впечатление только в кино. В повседневной жизни люди не всегда думают о работе. Образ врага, который постоянно находится рядом, сопутствует человеку от рождения и до смерти, оказывает несравненно более глубокое воздействие. Налицо как бы двойной выигрыш. Мерзавцы, которым доверена охрана здоровья народа, лишний раз заставят задуматься о подлецах, которым доверили защищать Родину. Опыт предыдущих разоблачений необходимо суммировать с прицелом на будущее в качестве наглядного примера ужесточения классовой борьбы в обществе победившего социализма.

Статья о профессоре Плетневе вобрала в себя не только исконные мифы о лекарях-убийцах, но и мрачную романтику западного средневековья в ее чисто обывательском варианте. На неприученный к самостоятельному мышлению мозг готическая романтика действует безотказно. В деле о «кремлевском заговоре» получили апробацию чуть ли не все ее ипостаси: изменник-комендант, переметнувшаяся охрана, библиотекарша, опрыскавшая ядом страницы книги, предназначенной для вождя. Параллели напрашиваются сами собой: королевский замок — пропитанный мышьяком фолиант — агонизирующий король.

Неистребимые книгочеи, конечно, сразу назовут автора и припомнят соответствующее место в романе, возможно, даже сопоставят Карла Девятого с вождем, что далеко переплюнул христианнейшего монарха с его

Варфоломеевской ночью,— не в том суть. Важно, что семена упадут на унавоженную почву.

С книгой (Карл соблазнился редким фолиантом о соколиной охоте) проехало, и превосходно, на повестке дня новый шедевр. Теперь и стены кабинета, орошенные ядом, взяты на вооружение, и прочие изыски врачей-изуверов. Уже и разметка идет, кто какие даст показания, ибо чекистские сценарии и заготовленные по ним статьи для центральной печати неотделимы от общей сумятицы и нищеты духа. Отсюда и вопиющие перехлесты.

В статье о Плетневе бросалась в глаза одна щекочущая воображение подробность: пожилой профессор укусил пациентку за грудь!.. Всякое, конечно, случается, но всему есть границы. Что там ни говори, а подобного скандала еще не знала русская медицина.

Чего только не болтали в трамваях и парикмахерских, в ателье мод и керосиновых лавках. Одни — негодуя, другие с тайным удовлетворением: мол, чего другого еще ожидать. Вирулентной затравки, подброшенной то ли впрямь с дальним умыслом, то ли по дурацкой угодливости, нежданно попавшей в масть, могло бы надолго хватить и на многих, да только в самой важной клепсидре вытекла вся вода.

— Завтра суд,— объявил Примакову на последнем допросе Леплевский.— Ваша дальнейшая судьба будет полностью зависеть от того, как вы себя поведете. Товарищ Ежов надеется, что к вам проявят снисхождение. Именно к вам, Виталий Маркович!.. Суд учтет вашу помощь в разоблачении германо-троцкистских шпионов. Но придется еще немножечко поработать,— начальник Особого отдела небрежным движением перебросил Авсеевичу, сидевшему рядом с заключенным, сложенный пополам лист.— Помогите, пожалуйста, Виталию Марковичу. По каждому надо дать краткую, но впечатляющую характеристику.

Авсеевич забрал Примакова к себе.

Следующим ввели Эйдемана. Его сопровождал Агас.

— Чистосердечное признание облегчит вашу участь,— сказал Леплевский.— Искренне советую написать заявление на имя товарища Сталина и Ежова.

Те же пустые формулы он повторил и другим заключенным. И отсвет надежды на близкое избавление

промелькнул в тайнике перемолотого сознания, как чахлый проблеск в конце длинного коридора. И последние строки, что уже из потустороннего далека выводила непослушная рука, подталкивали рвануться навстречу.

Сталин разложил перед собой все восемь заявлений, выжал в чай ломтик лимона, добавил две ложечки «Двина» и, со вкусом прихлебывая, принялся читать. Допив, отворил неприметную дверь в отделанной мореным дубом стене и унес коньяк в смежную с кабинетом комнату, куда, как и в спальни на дачах, не было доступа никому.

Соратники молча остались сидеть за зеленым столом. Это чаепитие в одиночку и эта экономно расходуемая бутылка, что выносилась на божий свет, а затем исчезала, подобно потиру за царскими вратами святилища, словно были частью скромного, но тем вернее отделявшего вождя от всех смертных служения.

О чем думал он там, в отрешенном одиночестве? С вечностью наедине?

Сталин отсутствовал минут пять, не более, но даже привычным к его распорядку членам внутреннего круга ожидание показалось томительно долгим. Стрелки на старинных часах возобновили привычный ход с его возвращением.

С той же размеренной обстоятельностью он расписал оставленные бумаги: одни вернул Ежову, другие оставил у себя.

«Мой архив. Ст.» — пометил на письме Якира и, задержав на мгновение карандаш, добавил с ожесточенным нажимом: «Подлец и проститутка. И. Ст.»

— Полюбуйся,— он подозвал Ворошилова.

Нарком, волнуясь, проскочил глазами по строчкам, не дочитал и поспешно подсел к Молотову.

— Точное определение,— невозмутимо заметил Предсовнаркома, глянув на резолюцию.

— Да-да, в самую точку,— повеселел Ворошилов, не найдя своей фамилии.— Совершенно точное.

Он так и написал: «Совершенно точное определение. К. Ворошилов», но точку не поставил и передал карандаш Вячеславу Михайловичу.

«...И Молотов»,— вывел тот и подвинул лист Кагановичу.

«Мерзавцу, сволочи и бляди одна кара — смертная казнь. Л. Каганович»,— последовал незамедлительный отклик.

Вождь решал, соратники одобряли, генеральные комиссары и военюристы исполняли, а народ единодушно приветствовал — каждому свое.

И настал тот день, когда одним предстояло выйти на митинг, а другим спуститься в тюремный подвал, откуда с биркой на ноге отправляются в вечное странствие. Обол для перевозчика Харона под язык, медные пятаки на очи — бред с корнем вырванных веков.

— Встать, суд идет! — ровно в девять утра скомандовал секретарь Зарянов.

И маршалы с командармами, уже отмеченные клеймом, расселись по обе стороны армвоенюриста Ульриха. Свежевыбритый, благоухающий одеколоном, он потер розовые пухлые ладони и придвинул папки, выросшие в тома.

И вновь перед взрывом единогласной ярости затаилась Москва, заглушив смятение шорохом газет. Какие там знаки! Сообщение Прокуратуры Союза опять захватило врасплох. Оно свалилось, как снег на голову, и напрочь вышибло из мозгов и профессора-садиста вместе с его укушенной пациенткой, и академика Тарле, автора охаянного, но на другое утро реабилитированного труда, немарксистского, впрочем. При чем тут доктор, при чем Наполеон? «Разведка и контрразведка» американского писателя Роуна, что печаталась в «Правде» из номера в номер, мигом вылетела из головы. Все постороннее, мелкое, как могло показаться многим и многим, заглушил грохот извержения. Не в пример природному, оно развивалось строго по плану. Жертвы определены, двери, что надежней пепла Везувия запечатает сургуч, помечены невидимым крестом, сроки дрожания тверди исчислены. Вождь, лелеявший мысль «оседлать» самое природу, дал выход испепеляющей лаве народного гнева.

«Нац. ЦК, крайкомам, обкомам. В связи с происходящим судом над шпионами и вредителями Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими ЦК предлагает вам организовать митинги рабочих, а где возможно, и крестьян, а также митинги красноармейских частей и выносить резолюцию о необходимости применения высшей

меры репрессии. Суд, должно быть, будет окончен сегодня ночью. Сообщение о приговоре будет опубликовано завтра, т. е. двенадцатого июня.

11.VI. 1937 г.

Секретарь ЦК *Сталин*»

«Должно быть, будет»... Все сбывалось по слову его и согласно им разработанному регламенту. Даже не вычеркнутое в спешке «должно быть» легло вместе с «будет» в строку приказа-пророчества.

«Наше красноармейское слово — уничтожить шпионскую гадюку». Резолюция слушателей, преподавателей и начальствующего состава Краснознаменной и ордена Ленина Военной академии РККА имени Фрунзе.

«Всегда будем помнить о капиталистическом окружении». Письмо рабочих, инженерно-технических работников и служащих Московского автозавода товарищу Сталину (письмо принято на митингах во всех цехах автозавода имени Сталина)...

«Раздавить гадов». Резолюция общего собрания бойцов, командиров и начальствующего состава Первой Московской пролетарской стрелковой дивизии...

«Проклятье презренному фашистскому отребью». Президент АН СССР В. Л. Комаров...

«Собакам — собачья смерть». Резолюция, принятая на митинге рабочих завода «Динамо» имени Кирова, Москва...

«Никакой пощады изменникам родины». Орденоносцы завода имени Горбунова, Москва...

«Немедленная смерть шпионам». Завод № 24 имени Фрунзе...

«Всякая попытка засылки шпионов в Советский Союз будет кончаться их уничтожением». Московский завод шлифовальных станков...

...Как безобразен вид врагов, средь нас ходивших!
За матерей нам стыдно, породивших
Столь небывало-гнусных псов!
...Гнездо шпионское раскрыто!
Шпионы преданы суду!
Все эти Фельдманы, Якиры, Примаковы,
Все Тухачевские и Путны — подлый сброд!

Демьян Бедный

«Нет меры их злодеяниям». Резолюция митинга ЦАГИ...

«Свято хранить государственную тайну». Киевский завод «Большевик»...

«Никогда не сбыться их подлым мечтам!» «Красный пролетарий», Москва...

«Взбесившихся псов расстрелять». Сталинград: «Рабочие клеймят позором этих буржуазных псов. От чистого сердца приветствует зоркого стража НКВД, по-большевистски разоблачившего взбесившихся псов фашизма»...

«Стереть с лица земли фашистских лазутчиков». Минск...

«Трижды презренные». Трехгорная мануфактура имени Дзержинского...

«Проклятье шпионам». Съезд архитекторов, Киев...

«Великий гнев и священная ненависть». Военно-морская академия имени Ворошилова, Ленинград...

«Требования народа единодушны — предателей расстрелять». Ярославский шинный завод...

«Все мы добровольцы НКВД». Рабочие прядильной фабрики имени Вагжанова, Калинин...

«Поднимем качество военной учебы». Военное училище имени Менжинского...

«Никому не позволим посягнуть на нашу землю». Горький (части гарнизона)...

«Гневом полны речи». Одесса...

«Требование сотен тысяч людей». Ростов-на-Дону...

«Они заплатят своей кровью». Иваново...

«Не пощадим своей жизни за дело Ленина — Сталина». Воронеж...

«Карать, как самое тяжелое злодеяние». Центральный аэродром имени Фрунзе...

«Мы шлем пламенный привет верному сыну партии и народа — тов. Ежову, под чьим руководством славный НКВД вырвал с корнем шпионскую банду»... Завод № 84.

«Мы готовы дать уничтожающий отпор врагу». Бойцы и командиры части тов. Калмыкова...

«Никому не удастся подорвать нашу мощь». Орденоносцы колхоза имени Петровского, Винница...

«Бойцы и машины в боевой готовности». Пятигорск...

«Будем свято хранить государственную и военную тайну». Белорусский военный округ...

«Расстрелять всю шпионскую шайку». Завод-Гигант «Красное Сормово», Горький...

«Да будут прокляты подлые их имена!» Свердловск...

«Рабочее спасибо наркомвнудельцам и тов. Ежову». Завод имени Орджоникидзе, Москва...

«Грозен гнев народа». Харьков...

«Смерть предателям родины!» Куйбышев...

«Преступления, от которых содрогаются сердца». Тула...

«Разоблачение шпионской банды крепит мощь Красной Армии». Военно-политическая академия РККА имени Толмачева...

Шпионы и предатели страны
Заслуживают одного: расстрела.
Таков у нас незыблемый закон,
Закон борьбы, закон простой и властный.
Как дважды два, он в кодекс был внесен
И утвержден единогласно.
Беспутных Путн фашистская орда,
Гнусь Тухачевских, Корков и Якиров.
В огромный зал Советского суда
Приведена без масок и мундиров.
И видит мир, что это подлецы
Стариннейшие «ваши благородья»,
Дворянчики, убийцы и лжецы,
Буржуйских свор отвратное отродье.

А. Безыменский

Вместо «огромного зала Советского суда», что рисовался воображению комсомольского поэта, была тюрьма НКВД и выкрашенная зеленой масляной краской комната с длинным столом и стульями в этой тюрьме. Как и во всяком учреждении, мебель блестела жестянками инвентарных номеров.

Стояли подсудимые, стояли их опекуны — следователи, стояли члены трибунала.

«Следственным материалом установлено участие обвиняемых, а также покончившего жизнь самоубийством Гамарника Я. Б. в антигосударственных связях с руководящими военными кругами одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР. Находясь на службе у военной разведки этого государства, обвиняемые систематически

доставляли военным кругам этого государства шпионские сведения, совершали вредительские акты в целях подрыва мощи Рабоче-Крестьянской Красной Армии, подготовляли на случай военного нападения на СССР поражение Красной Армии и имели своей целью содействовать расчленению Советского Союза и восстановлению в СССР власти помещиков и капиталистов».

Огласив обвинительное заключение, Ульрих разъяснил подсудимым, что дело слушается в порядке, установленном законом от первого декабря 1934 года, то есть без участия защиты, с полным «кировским» набором: приговор окончательный, обжалованию не подлежит, исполняется незамедлительно.

— Признаете ли вы себя виновным в предъявленных обвинениях? — Ульрих начал поименный опрос.

— Мне кажется, что я во сне,— отрешенно откликнулся Тухачевский.

— Повторяю вопрос: признаете ли вы себя виновным?

— Признаю.

Остальные тоже ответили утвердительно. Сидевшие в зале следователи, как по команде, облизали пересохшие губы. Кто полез в карман за носовым платком, кто по-простецки отер вспотевшие ладони о ляжки. Помощник начальника пятого отдела ГУГБ Ушаков самодовольно подмигнул Эстрину. Но торжество его было, пожалуй, преждевременно.

Подсудимые, хоть и подтвердили в самой общей форме те показания, что давали на следствии, заняли уклончивую позицию. Пустились в ненужные рассуждения, фактически сводя на нет чистосердечность признаний. Тухачевский вообще начал вилять, словно не он, а кто-то другой подписывал, что еще в двадцать пятом году передал польскому шпиону данные о состоянии воинских частей и установил в тридцать первом связь с начальником германского генштаба Адамсом! Казалось, чего теперь-то финтить? Простого кивка и то было бы достаточно. Но он ударился в психологию. Начал доказывать, что знал Домбаля не как шпиона, а как члена ЦК Компартии Польши. Да мало ли кто кем был? Из нынешнего положения исходить надо. Вся польская секция Коминтерна — сплошь шпионы. Отсюда и танцуй. А он что делает? И, главное, серьезно предупреждали. Того и гляди от немцев пойдет открещиваться.

Ушаков угрожающе подался вперед, ловя каждое слово. Отобрав у Тухачевского показания на Апанасенко и других за какой-нибудь час до начала процесса, он чувствовал себя обманутым.

— У меня была горячая любовь к Красной Армии, горячая любовь к отечеству, которое с гражданской войны защищал... Что касается встреч и бесед с представителями немецкого генерального штаба, их военного атташата в СССР, то они были, носили,— торопливо поправился он,— официальный характер, происходили на маневрах, приемах. Немцам показывалась наша военная техника, они имели возможность наблюдать за изменениями, происходящими в организации войск, их оснащении. Но все это имело место до прихода Гитлера к власти, когда наши отношения с Германией резко изменились.

— Уходит от шпионажа, сука,— обернувшись к Авсеевичу, прошептал Ушаков.— А этот тюлень чего ушами хлопает?

— Вы не читайте лекций, а давайте показания,— прикрикнул Ульрих, поймав обращенный к нему сигнал.

— Но я хотел разъяснить...

— Не требуется! Вы подтверждаете показания, которые давали на допросе в НКВД?

Ушаков беззвучно выругался: наконец-то дошло. Только так с ними, сволочами, и можно.

Тухачевский покачнулся, словно споткнувшись на бегу, и, тяжело переступая, повернулся к председателю.

— Вы подтверждаете, я вас спрашиваю?

— Подтверждаю, однако...

— Только это нас и интересует. С немецкой разведкой все ясно... Вы разделяли взгляды лидеров троцкизма, правых оппортунистов, их платформы?

— Я всегда, во всех случаях выступал против Троцкого, когда бывала дискуссия, точно так же выступал против правых.

— Выступали? Может, и выступали,— Ульрих предпочел не вдаваться в подробности.— Поступки красноречивее любых слов. Об этом свидетельствует ваша вредительская деятельность по ослаблению мощи Красной Армии. Факты — упрямая вещь. Судебное присутствие даст им надлежащую оценку.

Члены суда восприняли это как понуждение к дей-

ствию. Мертвые очи вчерашних друзей и товарищей, оценивающие каждое слово, каждый непроизвольный жест, взоры следователей, вся обстановка тюремного помещения, оборудованного под храм Фемиды, нагнетали тягостное ощущение полнейшей безысходности.

Командарм Белов поймал себя на том, что мысленно твердит одну и ту же фразу: «Сегодня он, завтра я...»

Якир и Уборевич тоже отвергли обвинение в шпионаже. Да, принужденно соглашались они, замедлялись темпы строительства военных объектов, реконструкция железнодорожных узлов, формирование воздушнодесантных соединений, но на все есть объективные причины, что, конечно, не снимает личной вины.

— Если бы немного поднажали,— прозрачно намекал Тухачевский,— и дополнительные средства дали, то я считаю, что никаких в этом нет затруднений. Наше положение чрезвычайно сильно выиграет, и мы польско-германский блок можем поразить.

— Вы лично когда конкретно начали проводить шпионскую работу в пользу германского генерального штаба? — спросил Якира Дыбенко, не поднимая головы.

Постыдные вопросы, жалкие, бессильные увертки. И все не о том, не о том. Ни единого факта шпионской работы. Адамс, Нидермайер, военный атташе Кестринг — шито белыми нитками. Факты, конечно, упрямая вещь, но имена — не факты.

— Этой работы лично непосредственно я не начинал.

— Вы подтверждаете показания, которые давали на допросе в НКВД? — поспешно выскочил со своим коронным вопросом Ульрих.— В чем заключалась ваша роль в подготовке поражения Красной Армии?

— Конкретно нашей авиации? — подсказал Блюхер.

— Я вам толком не сумею сказать ничего, кроме того, что написано следствию.

Наркомвнудельцы беспокойно зашевелились. Старый большевик Якир, на которого возлагалось столько надежд, отказывался помочь партии. Он обманул органы. Его уверения в безграничной преданности делу Ленина — Сталина оказались блефом. Чего же от других ждать? Эйдеман почти невменяем, остальные следуют тактике Тухачевского: и нашим, и вашим. Путна признал связь со Смирновым, Фельдман — с Пятаковым, но гестапо и Троцкий так и остались за скобками.

Один Примаков выполняет данное обещание. Ни от чего не отказывается.

— Подсудимый Тухачевский,— Ульрих животным чутьем улавливал малейшие изменения настроений. За судейским столом и там, напротив, где собралась немногочисленная, но такая квалифицированная публика.— Вы утверждаете, что к антисоветской деятельности примкнули с одна тысяча девятьсот тридцать второго года, а ваша шпионская деятельность, ее вы считаете антисоветской, она началась гораздо раньше? — он не столько спрашивал, сколько отвечал за бывшего маршала.

— Я не знаю, можно ли было считать ее шпионской.

И судьи, и обвиняемые понимали, что приговор предрешен, и хотели лишь одного: покончить как можно скорее с нестерпимой мукой души, растоптанной собственными ногами. Поэтому судьи убаюкивали себя мыслью, что их прямые вопросы скорее помогут, чем повредят подсудимым, которые наверняка ждут смерти как избавления. Но непонятное для них, судей, упорство бывших товарищей лишь затягивало невыносимую процедуру. И эта бессмысленная неуступчивость и связанная с нею затяжка порождали раздражение и даже враждебность.

— Тухачевский сетует, что он и его сообщники где-то не поднажали своевременно, что им не дали дополнительных средств,— саркастически улыбнулся Буденный. Пожалуй, он один действительно верил в виновность своих давних противников и оппонентов.— И слава богу, что не дали. Взятый Тухачевским и его сообщниками курс на ускоренное формирование танковых соединений за счет кавалерии следует расценить как прямое вредительство.

О находках на химическом полигоне он не упомянул: зачем лишний раз высовываться?

— Будущая война станет войной моторов,— чуть ли не в одни голос возразили Тухачевский и Якир.

С точки зрения судей, они вели себя непозволительно. Суд грозил вылиться в давний концептуальный спор.

— О боеспособности Красной Армии есть кому позаботиться. Это, к счастью, уже не ваша забота! — наиболее рьяным обличителем выказал себя Алкснис.— Здесь не место для академических диспутов. За дымовой завесой вредных теорий скрывается шпионаж... Подсу-

димый Корк, вы не ответили насчет передачи вами сведений о войсках Московского военного округа представителям немецкого генерального штаба. Когда это было? При каких обстоятельствах?

— Я неоднократно встречался с немцами на дипломатических приемах, вел разговоры, но сообщал сведения, которые было можно давать.

Алкснис попытался уличить Тухачевского и Якира, но безуспешно. Только признание — царица «доказательств» — могло придать должный вес обвинениям в шпионаже.

— Непосредственно шпионскую работу вы вели с немецким генеральным штабом? — спросил Уборевича Павел Ефимович Дыбенко, председатель Центробалта, легендарный матрос революции, и впервые оторвался глазами от бумаг на столе.

— Не вел никогда.

На белом поле, на кронштадтском заснеженном льду они стояли рядом по-прежнему: Тухачевский и Путна в краснозвездных шлемах, бородач Дыбенко в лихо сдвинутой на бровь бескозырке...

Ульрих объявил перерыв на один час.

— Пока я буду в Кремле, вы прекрасно успеете пообедать,— порекомендовал он Зырянову.— Фриновский обещал, что сегодня у них будет что-то особенное...

Мучась теснотой впившегося в располневшую шею воротничка, Ульрих доложил Сталину о ходе процесса. Обрисовал двурушническое поведение Якира («Он еще смел клясться в преданности вождю!») и само собой постарался представить себя в наиболее выгодном свете: изобличил Тухачевского, скрутил Уборевича, укоротил Корка и Фельдмана. Не столько смысл, сколько сам факт доклада в присутствии членов Политбюро имел значение. Как неотъемлемый элемент разделения ответственности.

Поэтому Ульрих ограничился главным образом общими фразами. Ни Молотов, ни Каганович ни о чем его не спросили. Ежов, через которого шли все материалы, тоже, понятно, молчал. Иного принятый ритуал от них и не требовал. Орджоникидзе был последним, кто этого не понимал.

— Всем подлецам — расстрел,— Сталин мимолетно тронул кончики усов мундштуком трубки.

Успев перекусить в кремлевской столовой, Ульрих возвратился к назначенному сроку в приподнятом на-

строении. Хоть и не было в том никакой надобности, он предупредил секретаря:

— Высшая мера для всех.

Зырянов наверняка догадывался, откуда явился председатель суда, и Ульриху было приятно подтвердить лестную для него догадку.

Перед тем как покинуть совещательную комнату, он порекомендовал членам присутствия не трогать более Уборевича и вообще перенести основной упор на теракты. В частности, против товарища Ворошилова. Тут у следствия была наиболее сильная позиция.

Как только возобновилось слушание, всем подсудимым было предложено ответить на один и тот же вопрос: «Имел ли место сговор по поводу отстранения Климента Ефремовича Ворошилова от руководства Наркоматом обороны?»

Тухачевский, Путна и Корк признали, что разговоры на эту тему между ними велись, а Уборевич назвал в этой связи Гамарника.

— Когда решили вопрос о Ворошилове поставить в правительстве, то уговорились, что первым начнет Гамарник. Он обещал крепко выступить.

— Достаточно! — оборвал Ульрих.— Что и требовалось доказать.

Выяснять мотивы никак не входило в его намерения. Сговор против руководителя партии и правительства налицо? И довольно. Можно квалифицировать как подготовку к теракту.

Шел одиннадцатый час суда. Все устали. Пора было закругляться.

Подсудимым предоставили последнее слово. Они произнесли положенные фразы покаяния, просили о снисхождении; фактически не признав за собой вины перед партией и страной, клялись в верности революции, Красной Армии, товарищу Сталину.

Все, кроме Виталия Примакова, прошедшего царские тюрьмы, израненного в боях. О нем и о его червонных казаках слагали песни, но всю легендарную жизнь перевесила чаша, на которую неподъемным грузом упали десять месяцев Лефортовской тюрьмы.

— Я должен сказать последнюю правду о нашем заговоре,— начал он, и следователь Авсеевич чуть ослабил напряжение в позвонках.— Ни в истории нашей революции, ни в истории других революций не было такого заговора, как наш, ни по целям, ни по составу,

ни по тем средствам, которые заговор для себя выбрал. Из кого состоит заговор? Кого объединило фашистское знамя Троцкого? Оно объединило все контрреволюционные элементы, все, что было контрреволюционного в Красной Армии, собралось в одно место, под одно знамя, под фашистское знамя Троцкого...

Многократные повторы, начетничество перечислений, схоластическое чередование вопросов и ответов в духе какого-нибудь богословского диспута, само построение фраз, выдержанных в традициях бульварной романтики, даже навязчивый ритм — все здесь оказывало странное гипнотическое воздействие. Многим казалось, что они уже слышали это, и не однажды, но лишь запамятовали где. В устах измученного, сломленного человека неподражаемая поэтика несостоявшегося клирика, как-то попробовавшего себя в стихах, так и осталась неузнанной.

Вернее, автор, так основательно потрудившийся ради бесправного узника, вложивший в его послушные уста и своеобразие своей логики, и весь набор изобразительных средств.

В этих тюремных стенах многократные повторения и впрямь напоминали заколачивание крышки гроба. И по звучанию, и по смыслу.

— Какие средства выбрал себе этот заговор? Все средства: измена, предательство, поражение своей страны, вредительство, шпионаж, террор. Для какой цели? Для восстановления капитализма. Путь один — ломать диктатуру пролетариата и заменять фашистской диктатурой. Какие же силы собрал заговор для того, чтобы выполнить этот план? Я назвал следствию больше семидесяти человек — заговорщиков, которых я завербовал сам или знал по ходу заговора... Я составил себе суждение о социальном лице заговора, то есть из каких групп состоит наш заговор, руководство, центр заговора. Состав заговора из людей, у которых нет глубоких корней в нашей Советской стране, потому что у каждого из них есть своя вторая родина. У каждого из них персонально есть семья за границей. У Якира — родня в Бессарабии, у Путны и Уборевича — в Литве, Фельдман связан с Южной Америкой не меньше, чем с Одессой, Эйдеман связан с Прибалтикой не меньше, чем с нашей страной...

Даже характерная рифма «людей — корней» коварно затесалась в спирали верлибра. От себя не убежишь.

Ничто так не высвечивает нутро, как литература. Вся подлость и низость просочилась в гнусном переборе четок: «заговор, заговор»... Вся погромная мерзость. Пробный шар, исподтишка и без всякого риска.

Примаков говорил с монотонной отчетливостью, почти не заглядывая в бумагу. Кто писал текст, чьи руки прошлись по нему многократно и как в последний момент все было переписано наново, этого он не знал, принимая как еще одно проявление неизбежности. По существу, Виталия Примакова, которому от имени вождя обещали жизнь, уже не было среди живых. Отзвучал голос, произносивший чужие слова, и осталась оболочка, словно образ, непостижимо задержавшийся в зеркале, от которого отошел его прежний хозяин.

Но исчезнет и отражение через считанные минуты.

В 23 часа 35 минут Ульрих огласил приговор.

Той же ночью трупы вывезли на Ходынское поле — печально прославленную Ходынку и при свете автомобильных фар свалили в загодя вырытую траншею. Прежде чем закопать, обильно посыпали негашеной известью.

«Всем подлецам — расстрел».

«Подлецов» Безыменский угадал верно. Словечко было на слуху.

«Тов. Ежову. Берите всех подлецов. 28. V. 1937 года. К. Ворошилов».

Такой резолюцией был помечен список на 26 руководящих работников Артуправления РККА, включая комбрига Железнякова. Один из множества. Брали уже не десятками — сотнями.

К концу следующего года жертвами террора падут семьдесят шесть (из восьмидесяти пяти) членов Военного совета, три маршала из пяти, два командарма первого ранга из четырех, двенадцать командармов второго ранга из двенадцати.

Среди них, тайно судимых ОСО, тайно захороненных в безвестных могилах, окажется и почти весь состав Особого присутствия: и Алкснис, и Белов, и Дыбенко, и Егоров, и остальные. Маршал Блюхер будет застрелен в кабинете наркома... Там же заставят проглотить яд начальника ИНО Слуцкого.

16 июня бывший комбриг Медведев в судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР виновным себя не признал. Он заявил, что в троцкистскую организацию не входил, а показания о существовании

в РККА военно-фашистского заговора дал под давлением. Приговор — расстрел.

Всего за несколько дней аресту подверглись около тысячи командиров и политработников, в том числе 29 комбригов, 37 комдивов, 21 комкор, 16 полковых комиссаров, 17 бригадных и 7 дивизионных комиссаров [1].

— Нет такой пакости, на которую не были бы способны изменники и предатели родины,— сказал Сталин.— Крушение поездов с человеческими жертвами, отравление рабочих, террор, вывод из строя предприятий, поджоги и диверсии — вот на что идут враги, стремясь в угоду и по заданиям германской и японской разведок подорвать мощь первого в мире государства рабочих и крестьян.

Обыденное, но подсознательно жуткое слово «мясо». Святое и теплое слово «хлеб». И слово «молоко», обдающее невинной свежестью детства. Сотни новеньких автофургонов появились на улицах летней Москвы. Пересекая рельсы, «Аннушки» и «Букашки», следуя вдоль бульварных линий мимо зацветающих лип, пробираясь по слободским переулкам дальнего кольца «В», что не сподобилось прозвища, днем и ночью несли свою бессменную службу.

Но для тех, кого трясло там, внутри, за железной дверью, «воронки» так и остались «воронками», невзирая на внешний декор. Было ли тут прямое заимствование, или чуждый ветер занес колючее семя нордического коварства, а только ни «Главмясу», ни прочим продуктовым гигантам даже не снился столь мощный автопарк.

Зато реклама продовольствия стала побогаче и не стоила ни копейки. Не в пример газетной, набранной петитом где-нибудь на задворках, между уличными происшествиями и театральной программой.

Толку от нее было мало, ибо спрос опережал предложение, но зато создавалась видимость нормального существования.

Наряду с большим потоком (поток международных новостей, поток резолюций, поток угля и металла) где-то по осколкам взорванного быта струился скромный реликтовый ручеек.

---

[1] К концу 1938 г. количество репрессированных командиров и комиссаров перевалило за 40 тысяч.

Мясные, хлебные, молочные и спиртные главки призывали граждан требовать! Но не смерти предателям, как на митингах, а хлеба насущного с сопутствующими дарами.

Почти на любой вкус.

«Московская макаронная фабрика им. О.Г.П.У. выпустила в продажу новый ассортимент изделий, изготовленных из высшего сорта муки 30% помола на яйцах. Требуйте во всех магазинах».

«Всесоюзная контора спецмясофабрикатов «Главмясо» вырабатывает на своих заводах и мясокомбинатах кетгут (сухой, стерильный в ампулах). Техническая сшивка, струны музыкальные, струны теннисные».

«Диетики! Пейте диетическое «ацидефильное» молоко. Требуйте во всех магазинах. Цена 90 коп. 0,5 литра».

«Высококачественное пиво: Московское, Русское, Жигулевское, Украинское, Мартовское, Бархатное, Портер — выпустил в продажу по новой улучшенной рецептуре Московский промкомбинат им. Бадаева».

«Завтрак для детей. Повидло вкусно, питательно, дешево. Требуйте во всех магазинах Союзконсервсбыта».

«Требуйте джин голландский с маркой заводов Главспирта».

«Требуйте Доппель-кюммель с маркой заводов Главспирта».

«Наливка брусничная отличается своеобразным приятным вкусом. Требуйте наливки Главспирта».

Завтрашний номер был уже полностью сверстан, когда Мехлиса вызвали в Кремль. От Маленкова, заведующего Отделом руководящих парткадров ЦК, он знал, что его готовят на место Гамарника, в Главное Политуправление. Однако Сталин даже не обмолвился о новом назначении.

Зорко опережая развитие запланированных событий, он надумал добавить в передовицу абзац: «Инспирированная небезызвестным по части антисоветской лжи министерством Геббельса германская печать последние дни непрерывно вопит о «смещении и арестах крупных военных в СССР, что-де означает чуть ли не «кризис Советской власти»...» Эти вопли суть не что иное,

как плач по потерянным шпионам, на которых возлагались столь большие надежды. Разгром последнего военно-шпионского ядра одного иностранного государства — большой удар по поджигателям войны и их планам подрыва мощи Красной Армии и порабощения народов СССР».

Перенося исправления в корректуру, Мехлис подумал, что примелькавшийся камуфляж — «одно иностранное государство» — едва ли уместен после упоминания министерства Геббельса. Тем более что уже подготовлен материал, где хозяин прямо называет и Германию и Японию. Свои сомнения он, понятно, оставил при себе.

Занятый дальним расчетом, Сталин не обратил внимания на оплошность. По данным контрразведки, для освещения процесса немцы установили специальную линию телеграфной связи. Это позабавило вождя: интересно, какую мину состроит Геббельс, когда узнает из завтрашних газет, что все уже кончено? Никакой информации они не получат. Ни о суде над шпионами, ни об арестах. Разговоров, конечно, не избежать, и что-то обязательно просочится. Но прикинуть цифры, даже самые приблизительные, они не смогут.

Газеты доставили ночью. Над Москвой еще не светало. Вождь сидел в просмотровом зале.

«Сегодня мы публикуем извещение Прокуратуры СССР о предании суду восьми пойманных с поличными шпионов».

В Верховном Суде СССР

Вчера, 11 июня с. г., в зале Верховного Суда Союза ССР Специальное Судебное Присутствие Верховного Суда СССР в составе: председательствующего — Председателя Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР Армвоенюриста тов. Ульриха В. В. и членов Присутствия — Зам. Народного Комиссара Обороны СССР, Нач. Воздушных Сил РККА Командарма 2-го ранга тов. Алксниса Я. И., Маршала Советского Союза тов. Буденного С. М., Маршала Советского Союза тов. Блюхера В. К., Начальника Генерального штаба РККА Командарма 1-го ранга тов. Шапошникова Б. М., Командующего войсками Белорусского военного округа Командарма 1-го ранга тов. Белова И. П., Командую-

щего войсками Ленинградского военного округа командарма 2-го ранга тов. Дыбенко П. Е., Командующего войсками Северо-Кавказского военного округа командарма 2-го ранга тов. Каширина Н. Д. и командира 6-го Кавалерийского Казачьего Корпуса им. т. Сталина комдива тов. Горячева Е. И. в закрытом судебном заседании рассмотрело в порядке, установленном законом от 1 декабря 1934 года, дело Тухачевского М. Н., Якира И. Э., Уборевича И. П., Корка А. И., Эйдемана Р. П., Фельдмана Б. М., Примакова В. М. и Путны В. К. по обвинению в преступлениях, предусмотренных по ст. ст. 58^{16}, 58^{8} и 58^{11} УК РСФСР.

По оглашении обвинительного заключения на вопрос председательствующего тов. Ульриха, признают ли подсудимые себя виновными в предъявленных им обвинениях, все подсудимые признали себя в указанных выше преступлениях виновными полностью.

Судом установлено, что указанные выше обвиняемые, находясь на службе у военной разведки одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР, систематически доставляли военным кругам этого государства шпионские сведения, совершали вредительские акты в целях подрыва мощи Рабоче-Крестьянской Армии, подготовляли на случай военного нападения на СССР поражение Красной Армии и имели своей целью содействовать расчленению Советского Союза и восстановлению в СССР власти помещиков и капиталистов.

Специальное Судебное Присутствие Верховного Суда Союза ССР всех подсудимых — Тухачевского М. Н., Якира И. Э., Уборевича И. П., Корка А. И., Эйдемана Р. П., Фельдмана Б. М., Примакова В. М. и Путну В. К. признало виновными в нарушении воинского долга (присяги), измене Рабоче-Крестьянской Армии, измене Родине и постановило: всех подсудимых лишить воинских званий, подсудимого Тухачевского М. Н.— звания Маршала Советского Союза и приговорить всех к высшей мере уголовного наказания — расстрелу.

«Правда», 12 июня 1937 года

ПРИКАЗ
НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СССР

№ 96 *12 июня 1937 года*

Товарищи красноармейцы, командиры, политработники Рабоче-Крестьянской Армии!

С 1 по 4 июня с. г. в присутствии членов Правительства состоялся Военный Совет при Народном Комиссаре Обороны СССР. На заседании Военного Совета был заслушан и подвергнут обсуждению мой доклад о раскрытой Народным Комиссариатом Внутренних Дел предательской, контрреволюционной военной фашистской организации, которая, будучи строго законспирированной, долгое время существовала и проводила подлую, подрывную вредительскую и шпионскую работу в Красной Армии. Верховный Суд вынес свой справедливый приговор! Смерть врагам народа! Приговор изменникам воинской присяге, Родине и своей Армии мог быть только и только таким.

Вся Красная Армия облегченно вздохнет, узнав о достойном приговоре суда над изменниками, об исполнении справедливого приговора. Мерзкие предатели, так подло обманувшие свое Правительство, народ, Армию, уничтожены... Рабоче-Крестьянская Красная Армия, верный и надежный оплот Советской власти, беспощадно вскрывает этот гнойник на своем здоровом теле и быстро его ликвидирует. Враги просчитались. Не дождаться им поражения Красной Армии. Красная Армия была и останется непобедимой. Мировой фашизм и на этот раз узнает, что его верные агенты гамарники и тухачевские, якиры и уборевичи и прочая предательская падаль, лакейски служившие капитализму, стерты с лица земли и память о них будет проклята и забыта...

К. Ворошилов

В последний час: «Явная растерянность фашистской печати». Берлин. 11 июня, соб. корр. «Правды».

Как и следовало ожидать, германская печать откликнулась на процесс фашистских шпионов и изменников родины, пытавшихся подорвать мощь Красной Армии и предавших интересы страны социализма во имя восстановления капитализма, недвусмысленной защитой презренных предателей.

Весьма характерно, что фашистская печать, выгора-

живая кое-какие заграничные учреждения, растерялась и «выражает сожаление» в том, что предатели занимались шпионажем в пользу «некоторых государств».

А. Климов

...Перерыв переговоров на станции Маньчжурия между представителями Монгольской Народной Республики и Манчжоу-Го.

...Ледокол «Садко» вышел из Архангельска в море.

...«Шпионов, презренных слуг фашизма, изменников родины — расстрелять!»

...«И впредь будем уничтожать изменников!»

...«Подлая банда шпионов получила по заслугам».

«Поток резолюций: До поздней ночи в редакцию продолжали поступать резолюции, клеймящие позором шпионов-вредителей и требующие расстрела». «Поток резолюций» целиком заполонил все пять первых полос. Важнейшие новости международной и внутренней жизни уместились на последней странице. Ситу времени предстояло отсеять одномоментную шелуху: на грозовом небосклоне государства набирала высоту новая звезда, неприметная в кровавых отсветах молний.

...Французская нота по вопросу о новом Локарнском договоре.

...Недовольство в Париже интригами Стоядиновича и Бека.

...Поездка лорда Плимута в Берлин.

...Плохие виды на урожай в Германии.

...Культурный упадок «Третьей империи»: резко увеличились военные издания (на 28%) и снизилось количество изданий по вопросам экономики, политики, музыке, педагогике, философии и т. п.

...Франса Фрича (54 года) приговорили в Чехословакии на 18 лет за шпионаж.

...Заказы на бомбардировщик в США.

...На фронтах Испании.

...Антияпонское восстание в Чахаре.

...Три варианта возвращения героической экспедиции (радиограмма О. Ю. Шмидта).

...Прозрачная нефть.

...Жертвы Москвы-реки.

...Полет на планере вниз головой (летчик И. И. Шелест).

...На Московской областной партконференции первым секретарем избран Н. С. Хрущев.

...Выступление тов. Кагановича на Ярославской областной партконференции: резкой критике подверглась работа Ярославского обкома и, в частности, его первого секретаря Вайнова.

...Металл за 9 июня: чугун, сталь, прокат.

...Уголь.

...Выпуск автомашин.

...Работа железных дорог.

Исконную повторяемость годовых циклов природы заслонил четкий, как железнодорожное расписание, режимный ритм. Ровно неделю страну жгло настойчивым накалом процесса, оборотившегося чуть ли не всемирным заговором. Этому немало способствовал целенаправленный отбор зарубежной хроники: «Суд над шпионом Белой Горватом в Чехословакии», «Германские шпионы в Мадриде», «Редер — сеть шпионажа».

Бледный солнечный диск едва просвечивает сквозь выброшенный в стратосферу пепел черной измены. Во мраке миротрясения даже кончина Марии Ильиничны Ульяновой прошла почти незамеченной, как и многие другие события, вообще не попавшие на страницы газет.

Жены расстрелянных военачальников, еще не разлученные с детьми, узнали о казни мужей в поездах, уходящих к Востоку. Сарра Лазаревна Якир ехала в одном вагоне с Анной Михайловной Бухариной. Несколькими днями ранее, сдав паспорт, отправилась в Астрахань Нина Владимировна Уборевич с дочерью Владимирой.

Всех их ожидала общая участь ЧСИР — лагеря, тюрьмы, повторные сроки. Кратковременная ссылка была лишь начальным этапом. О семье Тухачевского лично позаботился вождь. Нина Евгеньевна погибла после недолгого пребывания в «Алжире» — Акмолинском лагере жен изменников родины. Братья — Александр и Николай — замучены, мать и сестра Софья скончались в ссылке, дочь арестована в день совершеннолетия. Репрессиям подверглись семьи близких и дальних родственников Михаила Николаевича, его друзья и знакомые, включая музыкантов, химиков, артистов, а также шоферы, адъютанты, поклонницы.

Мрак и Туман. Мат и Обман.

Во всех советских школах прошло дежурное мероприятие. Раскрыв учебник на указанной учительницей странице, дети залили густой чернильной кляксой портрет человека с большими звездами маршала.

Закончен недельный цикл, ненужный балласт выброшен из памяти, биение сердец настроено на подвиг и восхищение.

19 июня 1937 года. Такое же ясное, солнечное утро, суббота.

«Вчера в 4 часа 05 минут утра Герои Советского Союза товарищи Чкалов, Байдуков и Беляков на самолете «АНТ-25» начали беспосадочный перелет по маршруту Москва — Северный полюс — Северная Америка.

Привет отважным летчикам!»

Вновь бодрящий холодок волнения и счастья.

Макушка мира, где в самом центре бескрайнего ледяного простора рдеет победный флаг.

Арктические туманы. Обледенение в полете. Освежающая чистота высоты.

Радиограммы вождям.

И как апофеоз восторженно рукоплещущая планета.

Еремей Иудович Парнов

Заговор против маршалов

Зав. редакцией *В. Е. Вучетич*
Редакторы *Г. Е. Щербакова, Л. В. Масленникова*
Художник *В. Ф. Резников*
Художественный редактор *П. В. Меркулов*
Технический редактор *Е. Ю. Куликова*

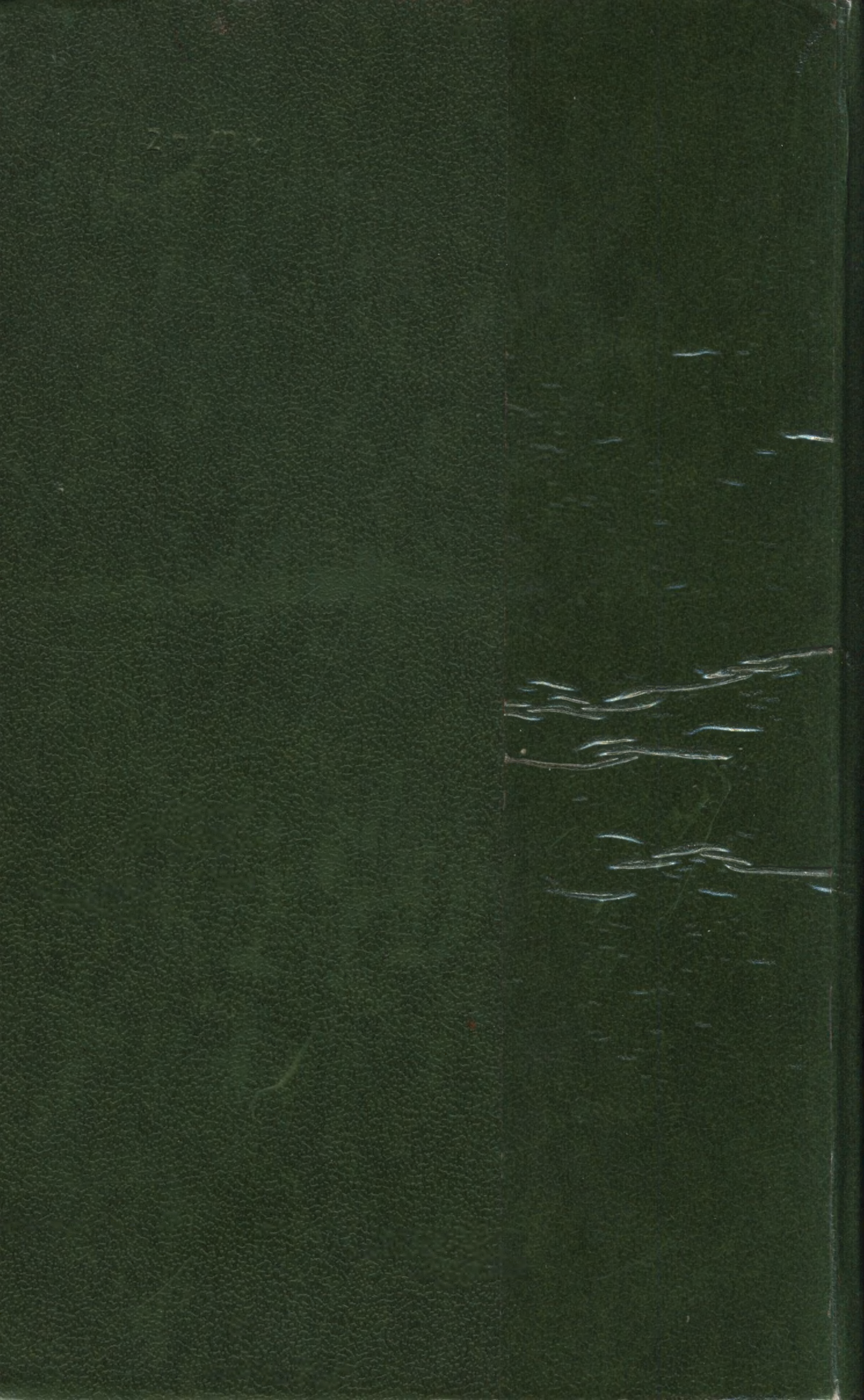
ИБ № 8410

Сдано в набор 24.05.90. Подписано в печать 25.10.90. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага офсетная. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,24. Усл. кр.-отт. 32,55, в бумажном переплете 32,97. Уч.-изд. л. 32,77. Тираж 200 000 (1—100 000) экз. Заказ № 910. Цена 4 р. 80 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

- Заговор против маршалов -

Еремей Парнов